This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

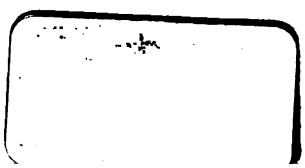
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Soc. 2441 d. 11

= P.S 7
U. 11.



ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОС

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИ

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

1866

ГЕНВАРЬ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА.

1866.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

(Цѣна на серебро.)

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 10 р. за [illegible], [illegible] перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 20 [illegible], перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, Г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., пересыл. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣм. Спасскаго-Камионскаго. М. 1828 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ф. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго И. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1845 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. по 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбашева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 12 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Короля Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданная Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонныя или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго, пер. съ Польскаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 [illegible] рукоп. и 2 печ. изд., Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го, соч. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ, съ снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по [illegible] списку конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г., томы 1, 2 и 3 [illegible], ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ [illegible]. М. 1846 г., ц. 1 р. 25 к., пер. за 2 ф.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Ригельмана, съ [illegible]. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. БОДЯНСКАГО.

1866.

ГЕНВАРЬ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1866.

Помѣщаемыя статьи въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» ни кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть перепечатаемы безъ согласія Общества и Редакціи оныхъ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ,

ИЛИ

КОМУ И ВЪ КАКОЙ СТЕПЕНИ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ЧЕСТЬ ЭТОГО ДНЯ?

Извлечено исключительно изъ иностранныхъ писателей.

Съ примѣчаніями

И. П. ЛИПРАНДИ,

исправлявшаго тогда должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го Корпуса Генерала отъ Инфантеріи Дохтурова.

«Пусть позднѣйшее потомство съ гордостію вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою.»

(*Приказъ Наполеона предъ Бородинской битвой.*)

ВЕТЕРАНАМЪ

6-ГО ПѢХОТНАГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ

Д. С. ДОХТУРОВА,

НАХОДИВШИМСЯ ВЪ БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

Вамъ, точно такъ же, какъ и мнѣ, памятенъ 1812-й годъ, и въ особенности кровавый Бородинскій бой, поглотившій въ десять часовъ времени столько жертвъ! Я сказалъ: Вамъ, не по тому, чтобы великій день этотъ не былъ памятенъ и другимъ участникамъ въ немъ, но по тому, что мы были въ одномъ и томъ же корпусѣ, составляя, по тогдашнему понятію, какъ бы одну семью, тѣмъ болѣе, что нашему корпусу выпалъ жребій дѣйствовать самостоятельно въ главные моменты Отечественной войны. Отъ Лиды, отрѣзанный отъ обѣихъ армій превосходными силами, окруженный Французскими корпусами, онъ умѣлъ соединиться съ 1-й арміею при Дриссѣ; на нашъ корпусъ возложена была защита Смоленска, — а извѣстно, что это значило. Въ Бородинѣ 6-й корпусъ занималъ центръ, а въ Малоярославцѣ онъ положилъ предѣлъ многолѣтнимъ успѣхамъ Наполеона; послѣ чего завоеватель сей не сдѣлалъ и шага впередъ.[1]

И дѣйствительно: соратники 1812 года встрѣчаются и нынѣ какъ старые знакомцы, иногда до сего времени не видавшись другъ съ другомъ. Исключеній не много. Война эта и за нею Лейпцигъ и Монмартръ сроднили всѣхъ и каждаго. Въ послѣдствіи я служилъ въ кампаніяхъ 1828 и 1829 годовъ, не лишенныхъ также блистательныхъ подвиговъ однимъ уже переходомъ Балкановъ; но между этѣми сослуживцами далеко не тѣ отношенія, не та откровенность; чрезъ годъ дѣлаешься незнакомымъ съ тѣмъ, съ которымъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, раздѣлялъ всѣ опасности, всѣ труды, ночлеги и пищу. То же замѣчается и въ Поль-

[1] Переходъ Эльбы, послѣ Люценскаго и Бауценскаго сраженій, былъ движеніемъ временнымъ.

скую войну даже между тѣми, которые на одной лѣстницѣ поднимались на штурмъ Варшавы.

Отъ чего же это такъ, разсуждалъ я неоднократно? Участники великой борьбы и дѣлавшіе въ послѣдствіи другія войны, проникнутые истиной сказаннаго, не могутъ въ томъ дать себѣ удовлетворительнаго отчета. Новѣйшіе философы утверждаютъ, что они видятъ причину этого въ томъ, что въ 1812 году непріятель, вторгнувшись въ наше отечество, соединилъ всѣхъ какъ бы въ одно цѣлое на защиту, между тѣмъ какъ другія войны не имѣли уже того сильнаго двигателя, а по тому и не оставили одинаковыхъ впечатлѣній. Съ перваго взгляда этого кажется какъ бы основательнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не такъ.

Во первыхъ: по чему же дѣлавшіе войны 1805 и 1807 и Турецкую 1806—1812 годовъ симпатизируютъ между собою и сходятся какъ давно знакомые? Я служилъ кампаніи 1808 года въ новой Финляндіи и 1809 въ Швеціи, и когда встрѣчаюсь съ сослуживцами (нынѣ уже очень рѣдкими), лично мнѣ тогда и незнакомыми, мы несравненно менѣе стѣснены во взаимной бесѣдѣ, чѣмъ съ сослуживцами 1828—1829 годовъ.[2] А между тѣмъ вышеисчисленныя войны (1805—1811) не имѣли одинаковаго значенія съ Отечественною войною 1812 года. Во вторыхъ, будто бы симпатія существуетъ между сослуживцами 1812 года по тому, что нашествіе врага на Россію сблизило всѣхъ къ единодушному дѣйствію; это опровергается торжественно послѣднею войною 1853—1856 годовъ. Здѣсь такъ же непріятель охватилъ своею армадою всѣ оконечности Государства, жегъ и разорялъ прибрежныя мѣста; грозный флотъ его два года стоялъ въ виду столицы; онъ вломился въ наши предѣлы съ многочисленною арміей, и одиннадцать мѣсяцевъ громилъ нѣсколькими тысячами орудій Севастополь, мѣсто, по своему значенію для Россіи, чрезвычайно

---

[2] При вступленіи моемъ въ службу и нѣкоторое время въ послѣдствіи, я помню, какъ обозначались офицеры: Румянцовскими, Потемкинскими, Суворовскими, и какая была взаимность въ такихъ группировкахъ.

важное. Но это продолжительное и славное соратничество не оставило ни какихъ слѣдовъ, не породило ни какой симпатіи. Не прошло и года послѣ этихъ событій, а я былъ уже близкимъ свидѣтелемъ въ Москвѣ, въ 1856 году, какимъ образомъ встрѣчались между собою тѣ, которые за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ жили по цѣлому году вмѣстѣ на бивуакахъ и въ шалашахъ, одни другимъ обязанные и по службѣ, и наградами, и пріютомъ. Они встрѣчались едва ли не съ большимъ этикетомъ, чѣмъ Сіамскіе, Японскіе и т. п. послы съ другими иностранными. Спустя же два года послѣ этой войны нѣтъ и знакомства! [3] Слѣдовательно, нѣтъ основанія полагать, чтобъ существующее болѣе или менѣе сочувствіе, влеченіе одного къ другому ветерановъ 1812 года происходило отъ того, будто бы, что характеръ войны служитъ тому поводомъ. Тому должны быть другія причины, которыя порождали болѣе или менѣе сочувствія между сослуживцами во всѣхъ войнахъ до 1812 года, въ эту же могли только содѣлаться сильнѣе, долговѣчнѣе, по тому что Бородинская битва справедливо можетъ почесться, какъ Французы выражаются, baptême de sang, т. е., купелью или крещеніемъ кровью, которое какъ бы приняли всѣ подвизавшіеся на его поляхъ, подобно тому, какъ Святой Владиміръ въ

---

[3] Долго спустя учредился, такъ называемый, Севастопольскій обѣдъ, подобно тому, какъ обѣдъ Кавказцевъ. Сюда сбираются соратники, участвовавшіе въ тѣхъ войнахъ. По чему дѣятели 1812 года, и въ особенности участники въ Бородинской битвѣ, не приняли подобнаго торжества? А вѣдь стоило бы иногда вспомянуть объ этой «битвѣ гигантовъ», въ которой, въ восемь часовъ времени, пало болѣе ста тысячъ человѣкъ, семдесятъ Генераловъ и т. д., и гдѣ болѣе тысячи орудій изрыгало смерть! Въ началѣ не подумали о помянутомъ торжествѣ, конечно, болѣе по тому, что въ то время ораторство и обѣденные спичи, какъ неотъемлемое условіе такихъ обѣдовъ, у насъ не были еще въ употребленіи, а въ послѣдствіи мы стали рѣдѣть, такъ что и пятидесятилѣтній юбилей этого знаменитаго дня, дорогого для Россіи и по другимъ историческимъ событіямъ, никого не соединилъ. Одинъ Полковникъ Гернгросъ, сколько извѣстно, чтитъ этотъ день въ своемъ Витебскомъ имѣніи.

струяхъ Днѣпра окрестилъ своихъ подданныхъ и содѣлалъ ихъ братьями по Христу.

Многое испытанное болѣе или менѣе изглаживается изъ памяти, но малѣйшій эпизодъ Отечественной войны, въ особенности кровавой купели Бородинской, представляется мнѣ такъ живо, какъ бы случилось вчера. По занятіи позиціи 22-го Августа, лагерь представлялъ изъ себя обычное явленіе: всѣ заботились о томъ или другомъ; различныя впечатлѣнія смѣнялись одно другимъ; страсти и побужденія не утихали; надежды не останавливались ни на чемъ положительномъ. Одни полагали, что мы выждемъ здѣсь напріятеля; другіе думали, что пойдемъ еще далѣе; даже обычные кружки для карточныхъ схватокъ были неопредѣлительны. Такъ продолжалось до полудня 25-го Августа; тогда уже каждый созналъ, что онъ сталъ на мѣстѣ, для встрѣчи врага. Торжественное шествіе по всему лагерю священнослужителей въ полномъ облаченіи, съ зажженными свѣчами и съ хоругвями, съ иконою Смоленской Божіей Матери, въ сопровожденіи, какъ лунь, сѣдаго Фельдмаршала, Генераловъ: Барклая, Багратіона, Бенигсена, Платова, корпусныхъ и другихъ Генераловъ, съ обнаженными головами, внезапно измѣнило чувства всѣхъ и каждаго. Самые иновѣрцы, не только Христіяне, но и Магометане, Язычники, Евреи, не остались равнодушными. Религіозныя вѣрованія встрепенулись въ каждомъ по его исповѣданію. Ставъ лицомъ къ лицу со смертью, человѣкъ сдѣлался обнаженнымъ: всѣ смирились съ благоговѣніемъ предъ единственною въ мірѣ Всевышнею силою, укрощающей животную природу человѣка, силою, противъ которой ни какая философія устоять не можетъ.

Да! По окончаніи священной процессіи, всѣ мечтанія, всѣ страсти потухли, всѣмъ сдѣлалось легче; всѣ перестали почитать себя земными, отбросили мірскія заботы, и стали какъ отшельники, готовые къ бою на смерть. Если Платонъ благодарилъ Бога за то, что онъ созданъ человѣкомъ, а не животнымъ, Грекомъ, а не варваромъ, то, конечно, въ этотъ моментъ, какъ никогда болѣе, мы гордились тѣмъ, что были Русскими, а не инозем цами,

Православными, а не иновѣрцами. Душевное спокойствіе водворилось въ каждомъ. Разъ обрекли себя на гибель: никто уже не думалъ о слѣдующемъ днѣ.

Никогда не изгладятся изъ памяти моей нѣкоторыя минуты вечера 25-го Августа; мнѣ кажется, что это происходило лишь за нѣсколько часовъ, и все это не можетъ быть не памятнымъ и Вамъ. Вечеромъ меня потребовали съ курганной батареи къ начальнику Штаба; я поспѣшилъ въ с. Горки. Монахтинъ былъ у корпуснаго командира, и я пошелъ туда; это было около девяти часовъ вечера. Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ игралъ въ бостонъ съ неизмѣнными партнерами своими, Дитерихомъ и Штемпелемъ. Веселое расположеніе было общее: все вниманіе было обращено на игру. Графъ Праклій Ивановичъ Марковъ, не задолго передо мною пріѣхавшій, сидѣлъ на мѣстѣ четвертаго партнера съ кожанымъ въ рукѣ стаканомъ, съ костями, которыя онъ бросалъ для Дмитрія Сергѣевича въ крепсъ, когда сдавали; все проявляло совершенную беззаботность. Монахтинъ, на которомъ лежали распоряженія, казалось мнѣ, не совершенно раздѣлялъ общее расположеніе духа. Онъ въ особенности заботился о ходѣ сооруженія укрѣпленій на курганѣ. Дохтуровъ и Марковъ желали знать подробности: какимъ образомъ дружина Боборыкина, по окончаніи процессіи, войдя въ свой лагерь, назначенный между первой и второй линіями 24-й дивизіи, надѣла бѣлыя рубахи, приготовясь къ смерти? И сдѣлали еще нѣсколько другихъ вопросовъ. Монахтинъ спросилъ: отъ всѣхъ ли полковъ доставленъ мнѣ шанцевый инструментъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ спѣшить къ работамъ, и, если что замѣчу съ кургана особенное въ огняхъ непріятельскаго лагеря, давать ему знать.

Выйдя изъ избы корпуснаго командира, я зашелъ въ просторный овинъ, гдѣ помѣщался весь нашъ Штабъ. Здѣсь, въ нѣсколькихъ кружкахъ, при свѣтѣ въ каждомъ изъ нихъ огня, шла въ однихъ веселая бесѣда, въ другихъ карточный бой. Дубельтъ, за неимѣніемъ стола, писалъ приказанія на бочкѣ. Взявъ отъ человѣка, что было мнѣ нужно, выпивъ наскоро предложенный

стаканъ чаю, посмѣявшись разсказу остроумнаго Нелединскаго-Мелецкаго, передававшаго Адъютантамъ Графа Маркова: Кругликову, Караулову и Костромитинову, переводы Костенецкаго всѣхъ иноземныхъ названій на Русскій ладъ, я поспѣшилъ на курганъ,[1] и, кромѣ Люцо, сдѣлавшаго мнѣ нѣсколько вопросовъ, никто другой даже и не спросилъ, что дѣлается у непріятеля: такъ мало всѣхъ это озабочивало.

Въ этотъ вечеръ въ овинѣ были всѣ составлявшіе Штабъ, а равно и нѣкоторые другіе собрались здѣсь въ послѣдній разъ.

---

[1] Бываетъ иногда зловѣщее предчувствіе, не разъ мною испытанное и прежде и послѣ. Здѣсь кавалергардъ, Римскій-Корсаковъ, замѣчательный своею мужественностью, красотою и силою, пріѣхалъ навѣстить своего брата, Григорья Александровича, находившагося на безсмѣнныхъ ординарцахъ у Дохтурова. Когда я вошелъ въ овинъ, онъ былъ готовъ возвратиться къ себѣ въ лагерь; встрѣтившись со мною, обождалъ онъ меня нѣсколько минутъ; мы вышли изъ овина, братъ его вышелъ тоже, ведя веселый разговоръ. Тутъ первый разсказалъ, что у него пала лошадь, которую онъ окормилъ коркою арбуза. Въ это время корпусный Докторъ Кошеревскій, проходя, сказалъ: «Это не хорошо!» Предъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь оба брата поцѣловались, чего прежде никогда не случалось Слово не хорошо, и въ слѣдъ за тѣмъ поцѣлуй этотъ сдѣлалъ на меня какое-то безотчетное впечатлѣніе. Миновавъ Горецкій оврагъ, саженъ около ста, мы ѣхали молча, потомъ простившись, онъ повернулъ на лѣво, напѣвая общій тогда романсъ, а я поскакалъ прямо къ кургану. Поцѣлуй не выходилъ у меня изъ головы; казалось, что я его еще слышу. Какое-то мрачное чувство шептало мнѣ, что одинъ изъ нихъ падетъ въ предстоящей битвѣ На другой день, будучи посланъ Капцевичемъ къ Барклаю, я проскакалъ около кавалергардовъ, шедшихъ въ атаку на пѣхоту, тотчасъ по смерти командира ихъ, Левенгольда: я встрѣтилъ Барклая, получилъ отъ него приказаніе, возвращался, и почти на томъ мѣстѣ, гдѣ мы разстались такъ недавно съ Корсаковымъ, я наткнулся на нѣсколько человѣкъ, несущихъ убитаго, и это былъ Корсаковъ, прострѣленный въ грудь пулею чрезъ обѣ латы. Возвратясь къ Капцевичу, я нашелъ тутъ нашего Корсакова, присланнаго Дохтуровымъ. Первымъ вопросомъ его было: «Что братъ?» Я сказалъ: «Ничего». Видѣлъ, но не имѣлъ духа сказать — какъ.

Въ слѣдующій вечеръ этотъ же самый Штабъ и въ томъ же самомъ овинѣ не досчитывался многихъ.

Въ настоящее время изъ этого многочисленнаго и блестящаго Штаба едва ли остались другіе, кромѣ Николая Михайловича Дохтурова (Сенатора) и меня. Самаго Дмитрія Сергѣевича уже давно не стало. Монахтинъ, Бологовскій, Шкуринъ, Графъ Панинъ, Римскій-Корсаковъ, Князь Вяземскій, Нелединскій-Мелецкій, Нащокинъ, Мельгуновъ, Новиковъ, Дохтуровъ (родственникъ Сенатора), Романовъ, Графъ Потемкинъ, Баронъ Врангель, Баронъ Нолькенъ, Люцо, Ганчинскій, Равинскій, Кошеревскій, Соломка: одни пали при Бородинѣ и въ послѣдующихъ битвахъ до Парижа, другіе скошены временемъ.[5] Не многимъ предопредѣлено было, послѣ тяжкихъ трудовъ войны 1812 года (трудовъ, которыхъ нынѣшнее поколѣніе не постигаетъ), прожить еще полвѣка!...

И мы отживаемъ свой вѣкъ, полный великихъ происшествій! Мы были свидѣтелями и дѣятелями въ міровыхъ событіяхъ, когда Западъ, волнуемый и обуреваемый страстями, влекомый гигантомъ своего времени, подобно кораблю, брошенному бурею на скалу, распался при столкновеніи своемъ съ гранитною грудью Русскою! И намъ остается одно воспоминанье. Настоящее поколѣніе, иногда, взглянувъ на медаль со Всевидящимъ Окомъ, говоритъ въ полголоса: «Онъ участвовалъ въ 1812 году!» Но слова эти большею частью равносильны выраженіямъ: «Онъ уже никуда не годится: «онъ устарѣлъ съ своими допотопными идеями! [6]

1862 годъ заключилъ собою тысячелѣтіе Россіи. Но съ этимъ юбилеемъ совпадаютъ и другія Отечественной исторіи на-

---

[5] Товарищъ мой по Штабу Л. В. Дубельтъ недавно окончилъ жизнь. Онъ читалъ эту рукопись не за долго до своей смерти.

[6] Но, однако же, Вильна и Варшава доказываютъ противное. Не худо бы было этимъ философамъ-прогрессистамъ заглянуть въ VI главу Цицерона: «О старости (De senectute); они увидѣли бы, что и старость не всегда безполезна, и что она есть единственная опора всякому порядку.

шей достопамятныя событія: въ 1862 году совершился двухсотпятидесятилѣтній юбилей изгнанія, въ 1612 году, изъ Москвы Поляковъ, въ послѣдствіе чего вступилъ на престолъ Россіи благословенный домъ Романовыхъ; столѣтній юбилей восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II Великой, возведшій Россію на ту высокую степень, которую предназначилъ ей безсмертный преобразователь Государства.

Наконецъ 1862 годъ, независимо отъ Букарестскаго мира, событія, знаменательнаго эпохою заключенія онаго и присоединеніемъ къ Государству пространной и богатой области, составляетъ пятидесятилѣтній юбилей Отечественной войны, а 26-го Августа есть день Бородинской битвы.

Съ этимъ днемъ совпадаютъ и другія великія событія: такъ, въ 1395 году Тамерланъ двинулся на Русь, и съ многочисленнымъ воинствомъ достигъ уже береговъ Сосны, близъ Ельца; но 26-го Августа, этотъ грозный покоритель Индіи, Персіи, Сиріи и Малой Азіи, внезапно поворотилъ полчища свои, и, «никѣмъ гонимый», бѣжалъ, никогда уже не возвращаясь въ Русскую землю. Церковь наша навсегда установила въ этотъ день, 26-го Августа, праздновать «побѣгъ Тимура и избавленіе Россіи.»

Въ 1612 году, пораженные въ Москвѣ, Поляки окончательно вытѣснены изъ оной 26-го Августа, за двѣсти лѣтъ до битвы Бородинской.

Въ годовщину избавленія отъ Тимура, изгнанья Поляковъ, Бородинской битвы, пала, обуреваемая мятежемъ, Варшава, въ день тезоименитства матери Петра Великаго, 26-го Августа.[1]

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Николай Павловичъ чтилъ этотъ день, и въ постоянной заботливости своей увѣковѣчивать великія событія Отечественной исторіи, въ 1839 году, созвавъ оставшихся еще участниковъ въ битвѣ Бородинской, въ присут-

---

[1] 26-го Августа, 1346 года, дана была Французами и битва при Кресси.

ствіи своемъ, въ годовщину оной, 26-го Августа, воздвигъ, на мѣстѣ центральной батареи, памятникъ и этой кровопролитной сѣчѣ, повелѣвъ перенести подъ оный прахъ Князя Багратіона, одного изъ героевъ, въ ней павшихъ.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ пріобрѣлъ въ личную собственность поля Бородинскія и изволилъ въ этотъ день, 26-го Августа, принять муропомазаніе и возложить корону на совершеніе великаго подвига освобожденія, а въ прошломъ 1864 г. изволилъ путешествовать подъ именемъ Графа Бородинскаго.

Не многіе изъ насъ достигли до пятидесятилѣтняго юбилея великому побоищу Бородинскому;[8] онъ былъ для насъ, конечно, послѣдній, и врядъ ли кто изъ насъ доживетъ до освященія храма Спасителя: время неумолимо.

Вамъ, быстро исчезающіе соратники, спѣшу посвятить эту книгу. Она напомнитъ вамъ то, что могло изгладиться изъ вашей

---

[8] Здѣсь, въ С.-Петербургѣ, однако же, изъ 6-го корпуса, мнѣ извѣстныхъ находятся еще въ живыхъ: Генералъ отъ инфантеріи (П. А.) Даненбергъ, тогда Прапорщикъ Генеральнаго Штаба; Сенаторъ, Генералъ-Лейтенантъ (Н. М.) Дохтуровъ, тогда лейб-гвардіи Семеновскаго полка Капитанъ, Адъютантъ корпуснаго командира; Генералъ-Лейтенантъ (А. Н.) Бѣлогуževъ, тогда Поручикъ, ротный командиръ Ширванскаго полка (одинъ изъ числа четырехъ офицеровъ, уцѣлѣвшихъ изъ полка, вступившаго въ бой въ числѣ тысячи четырехъ сотъ человѣкъ, а вышедшій въ числѣ девяноста двухъ!); Генералъ отъ артиллеріи (А. И.) Вальцъ, тогда Прапорщикъ артиллерійской роты Полковника Веселицкаго (оставшійся изъ офицеровъ только съ братомъ своимъ), и я. Недавно мы потеряли соратника, Генерала отъ кавалеріи (Л. В.) Дубельта, бывшаго тогда Поручикомъ Псковскаго полка и старшимъ Адъютантомъ корпуснаго Штаба. Смерть его разстроила наше предположеніе, собраться 26-го Августа, съ нашими дѣтьми и внуками, отпраздновать юбилей Бородинской битвы. Конечно, не одинъ Полковникъ Гернгросъ, въ Витебскомъ помѣстьѣ своемъ, какъ

памяти; но ни у кого изъ насъ не изгладилось убѣжденье, что эта битва, названная самимъ Наполеономъ «битвою гигантовъ», не была нами проиграна.

вилѣли изъ Сѣверной Пчелы, отпраздновалъ по старинному этотъ достопамятный день, въ кругу семейства своего и крестьянъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде нежели коснусь предмета, до сихъ поръ вполнѣ, или вовсе, еще не затронутаго, по крайней мѣрѣ, съ той точки, съ которой онъ будетъ разсматриваться здѣсь, полагаю не излишнимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, какъ бы заявить притязаніе или права свои говорить о Бородинской битвѣ, и приступить къ разсмотрѣнію многочисленныхъ повѣствованій о событіи, совершившемся за полстолѣтія тому назадъ, въ которомъ я принималъ участіе. Правиленъ, или нѣтъ, будетъ взглядъ мой, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ самостоятельнымъ, основаннымъ на неоспоримыхъ данныхъ, и рѣшеніе того или другаго опредѣлится безпристрастіемъ людей просвѣщенныхъ, ревнующихъ славѣ Отечества и чести Арміи.

Выступая на поприще Отечественной войны нѣсколько подготовленнымъ, какъ теоріею, такъ и приложеніемъ оной къ дѣлу, мнѣ представлялась уже нѣкоторая возможность оцѣнивать совершавшіяся событія. [1] Назначеніе меня въ 6-й корпусъ Генерала отъ инфантеріи

---

[1] До Отечественной войны сдѣлано было мною двѣ кампаніи: въ 1808 году, при завоеваніи Новой Финляндіи, въ 1809 въ Швеціи (Вестерботніи, подъ личнымъ начальствомъ вождей, занимавшихъ почетнѣйшія степени высшей воинской іерархіи нашей (Барклая де Толли, Тучкова 1-го, Г.-А. Князя Долгорукаго, Графа Шувалова и Генерала Графа Каменскаго). Служба моя была засвидѣтельствована: двумя чинами за отличіе, тремя орденами, Высочайшимъ благоволеніемъ и др. наградами. По окончаніи Шведской войны, до Марта 1812 года, я составилъ военныя описанія Аландскихъ острововъ, берега Ботническаго залива отъ Торнео до Біернеборга, по случаю войны съ Англіею; приводилъ въ систематическій порядокъ военноисторическія записки Гр. Штейнгеля и пр. Высказываю это единственно съ цѣлью показать, что Отечественная война начата мною не новобранцемъ, а до Бо-

Дохтурова, и вскорѣ для исполненія въ ономъ должности Оберъ-Квартирмейстера, доставило мнѣ еще болѣе къ тому случаевъ. Генералу Дохтурову съ своимъ корпусомъ выпалъ жребій дѣйствовать самостоятельно въ главные моменты Отечественной войны: движенье, среди непріятеля, отъ Лиды до Дриссы, защита Смоленска. [2]

Участье во всѣхъ этѣхъ дѣлахъ, прислушиваніе къ сужденіямъ особъ, посѣщавшихъ моего корпуснаго командира, общество его Штаба, включавшаго въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ личностей, и обязанности мои по службѣ, требовавшія сношеній съ высшими лицами, изустная передача донесеній и полученіе подобнымъ же образомъ приказаній отъ этихъ лицъ, составлявшихъ Главный Штабъ арміи, доставляли мнѣ болѣе и болѣе средствъ къ пріобрѣтенью правъ судить и оцѣнять совершающееся въ глазахъ моихъ, и тотчасъ же вносить всѣ подробности въ свой дневникъ.

При такой уже обстановкѣ и условіяхъ я находился въ Бородинскомъ сраженіи, о которомъ приступаю говорить не по однимъ книгамъ, или слухамъ, и даже не такъ, какъ говорилъ бы о немъ офицеръ, хотя и участвовавшій въ битвѣ, но стоявшій передъ взводомъ, не пріобрѣвшій еще опытности и лишенный тѣхъ преимуществъ, которыя сопровождали меня по моей должности. [3]

родинскаго сраженія, и въ эту войну, я участвовалъ уже, въ движеніи 6-го Корпуса, окруженнаго непріятелемъ отъ Лиды до Дриссы, и въ Смоленскѣ, гдѣ изъ самой исторіи Г.-М. Богдановича видно, какія возлагались уже на меня порученія и т. д. Слѣдовательно, я былъ въ возможности, хотя нѣсколько, понимать военное дѣло, и таковымъ признавался тогдашнимъ начальствомъ.

[2] Не упоминаю о Малоярославецкой битвѣ (которая вся принадлежитъ Генералу Дохтурову и его 6-му Корпусу), по тому что она была дана позже Бородинской, составляющей здѣсь главный предметъ.

[3] Мы имѣемъ, однако же, въ печати драгоцѣнные «Очерки, Воспоминанія, Записки» и т. п. о Бородинской битвѣ, въ особенности артиллеристовъ, доказывающія, что за способностями у насъ дѣло стать не можетъ. Вотъ точка, на которой опытный и добросовѣстный исторіографъ долженъ бы

Въ Бородинѣ, 6-й корпусъ занималъ въ боевой линіи центръ между с. Горками и центральною батареей. [1] Послѣ раны Князя Багратіона, Генералъ Дохтуровъ принялъ начальство надъ 2-ю арміей. Дѣйствія его извѣстны. Безстрашный и хладнокровный, Г.-Л. Капцевичъ (начальникъ 7-й дивизіи) заступалъ, до окончанія битвы, мѣсто Генерала Дохтурова въ командованіи 6-мъ корпусомъ. Пѣхоту этого корпуса, неоднократно отражавшую со всѣхъ сторонъ натиски много-

---

былъ основывать описаніе главныхъ эпизодовъ; ибо, кто можетъ лучше объяснить моменты, какъ не участникъ оныхъ? Сколько есть еще въ рукописяхъ, сколько разбросано ихъ въ журналахъ? Не заслуживаетъ ли все это быть собраннымъ въ одно цѣлое, а равно и изъ всѣхъ иноземныхъ періодическихъ изданій? Такое собраніе, составленное систематически лицемъ, понимающимъ дѣло, было бы драгоцѣннымъ памятникомъ Исторіи Отечественной войны. Объ этомъ лѣтъ тридцать тому назадъ и въ послѣдствіи не разъ было говорено мною и печатно.

[1] Сооруженіе двухъ батарей и шанцевъ у Горокъ и центральной батареи возложено было на меня Генералъ-Квартирмейстеромъ Толемъ. Послѣдняя не была окончена, когда началось дѣло. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что если бы, относительно этого пункта, послѣдовали совѣту Бенигсена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ломали линіи и оставили 6-й и 7-й корпуса на первоначальныхъ мѣстахъ, то битва была бы самая рѣшительная въ нашу пользу и, какъ предсказывалъ Бенигсенъ, могла имѣть исходъ Полтавской. Въ томъ даже положеніи, въ которомъ высота эта находилась во время битвы, она уже чрезвычайно безпокоила непріятеля, который, какъ видно будетъ, не иначе называлъ ее, какъ «fatal redoute». Стоитъ только съ высоты этой окинуть глазомъ поле битвы и то положеніе, въ которомъ первоначально находились 6-й и 7-й корпуса, чтобы вполнѣ убѣдиться въ вѣрности доводовъ Бенигсена. Эта высота, укрѣпленная такъ, какъ предлагалъ онъ, крайне затруднила бы подступъ и къ Семеновскимъ флешамъ, жестоко поражая непріятеля во флангъ. Къ несчастью, все, что предсказывалъ Бенигсенъ, буквально сбылось. Объ этомъ, съ нѣкоторою подробностью, говорится въ статьѣ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ» (Сѣв. Пч. 1858, №№ 151—155) и въ особенномъ оттискѣ, стр. 19—27, а также слегка въ брошюркѣ: «Бородинское сраженье, заключенье съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію Отечественной войны 1812 года, соч. Г.-М. Богдановича. С.-Петерб. 1861» (стр. 31 — 34).

численной конницы, Барклай де Толли, въ донесеніи своемъ, называетъ «безподобною».

По окончаніи этой битвы никто изъ участвовавшихъ Русскихъ не сознавалъ себя въ ней побѣжденнымъ. Ссылаюсь на всѣхъ ветерановъ этой кровавой купели, что каждый изъ насъ былъ пораженъ только досадой, если не болѣе, когда узнали, что предположенное на другой день нападеніе, о которомъ было намъ уже объявлено, отмѣнено и приказано продолжать отступленіе къ Можайску.

Убѣжденные на самомъ полѣ битвы, что она нами не проиграна, а, напротивъ, честь этого дня принадлежитъ намъ, мы основывали это на совершившихся фактахъ, въ которыхъ участвовали. [5]

Во первыхъ. Наполеонъ атаковалъ съ цѣлью заставить насъ, по крайней мѣрѣ, оставить съ боя занимаемую нами позицію, и не успѣлъ въ томъ. Только пространство, занимавшееся нашимъ лѣвымъ крыломъ и частью лѣвымъ же флангомъ центра, не разъ переходившее изъ рукъ въ руки, наконецъ нами было уступлено превосходнымъ силамъ непріятеля, возобновлявшимся безпрестанно и поддерживаемымъ огнемъ болѣе чѣмъ изъ четырехъ сотъ орудій. Эта часть войскъ нашихъ, правымъ флангомъ своимъ, осталась, однако же, въ неразрывной связи съ арміею, составляя съ нею общую линію, выдавшуюся угломъ, а лѣвый осадилъ на нѣсколько сотъ шаговъ назадъ. Съ этой позиціи, которую Французы называютъ второю, мы продолжали «громить непріятеля». Самъ Наполеонъ нашелъ, что «поле битвы» на этомъ пространствѣ не вполнѣ пріобрѣтено, и еще оспариваемо не только ядрами, но и пулями», и что эта вторая позиція (нашего лѣваго фланга) «еще грозна», и, не отваживаясь атаковать ее, непріятель первый пре-

[5] Не только что совершившееся въ этотъ день осталось въ памяти всѣхъ, участвовавшихъ въ битвѣ, но, мнѣ кажется, что едва ли не каждый и нынѣ, перенесясь въ темную ночь на мѣсто битвы, не нашелъ бы мѣстность себѣ знакомою.

кратилъ битву, и когда солнце еще далеко было отъ горизонта.[6] Со всѣхъ же другихъ пунктовъ нашей позиціи непріятель былъ отбитъ, и мы не сдѣлали шагу назадъ. Слѣдовательно: «предпріятіе атаковавшаго не выполнилось, онъ одержалъ только одинъ мѣстный отдѣльный успѣхъ, точно также какъ мы, на протяженіи всей остальной части позиціи, одержали такой же, если еще не болѣе преимущественный, успѣхъ, по тому что разрушили предпріятіе непріятеля.»

Во вторыхъ. Во время самыхъ сильныхъ натисковъ на нашъ лѣвый флангъ, нашъ правый одною демонстраціей произвелъ большой безпорядокъ въ лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ и въ тылу онаго, заставивъ, въ свою очередь, и его осадить назадъ, чѣмъ и остановилъ на два часа его наступленіе на всей линіи.[7]

Въ третьихъ. Не смотря на значительное превосходство въ числительности непріятельской конницы, въ особенности тяжелой, на ея сильные напоры массами, она не успѣла почать ни одного карре, смять ни одного пѣхотнаго строя.[8] Наша же конница атаками своими проникала до непріятельскихъ резервовъ.

---

[6] Передъ сумерками на нашъ лѣвый флангъ была сдѣлана отдѣльная кавалерійская атака, подъ огнемъ своей артиллеріи, безъ общей связи и видимо съ одною только цѣлью, поразвѣдать, отступаемъ ли мы, или нѣтъ? Атака эта мужественно была отбита нашей конницей, содѣйствуемой батареями съ позиціи лѣваго фланга, и Французы отошли. Въ слѣдъ за симъ Финляндскій полкъ вытѣснилъ стрѣлковъ ихъ изъ кустарниковъ предъ Семеновскимъ.

[7] Вотъ пробѣлъ, который пополнить вызываютъ насъ повѣствователи-противники наши въ этотъ день. Въ 1861 году я коснулся слегка объ этой демонстраціи Платова и Уварова, въ брошюркѣ: «Бородинская битва, заключеніе, съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію Отечественной войны 1812 г., соч. Г.-М. Богдановича.» Во всякомъ случаѣ, одна эта демонстрація достаточна была, чтобы произвести сильный безпорядокъ и заставить Вице-Короля спасаться въ каре 84-го полка.

[8] Во время атаки центральной батареи конницею Тильмана, 19 егерскій полкъ (24 Дивизіи), бывшій въ разсыпномъ строю, не успѣвъ сомкнуться, легъ, по командѣ своего шефа, Полковника Вуича, вмѣстѣ съ нимъ. Вся непрія-

Въ четвертыхъ. Мы взяли у непріятеля столько же пушекъ въ полѣ, какъ и онъ у насъ (тринадцать и пятнадцать). Сверхъ того, мы оставили въ недоконченныхъ батареяхъ и флешахъ около двадцати пяти орудій, большею частью подбитыхъ. Ни одного знамени не досталось въ руки непріятеля. Около тысячи плѣнныхъ съ каждой стороны, преимущественно раненыхъ и взятыхъ по одиначкѣ, и по одному Генералу, также израненными, а между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ билось, и какъ! при тысячѣ двухъ стахъ пушкахъ, слишкомъ двѣсти пятдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ коихъ, въ общей сложности, болѣе третьей части выбыло изъ строя.

Въ пятыхъ. Когда стемнѣло, непріятель оттянулъ свои войска назадъ, оставя охранительный отрядъ въ Семеновскихъ флешахъ. На центральной же батареѣ, въ ночи, не было и наблюдательнаго поста. Бородино уступлено нами при самомъ началѣ битвы, какъ пунктъ, выходившій изъ линіи позиціи и занимавшійся только передовымъ отрядомъ егерей — безъ орудій.

Въ шестыхъ. Армія наша оставалась на своей первоначальной позиціи около двѣнадцати часовъ по окончаніи битвы. Только лѣвый флангъ, какъ замѣчено выше, осадилъ и занялъ вторую позицію въ неразрывной связи съ арміею, но въ ночь, онъ выдвинулъ пикеты далеко впередъ.

Въ седьмыхъ. Имѣя при себѣ болѣе шестисотъ пушекъ, многочисленные парки и другіе обозы, съ повозками, наполненными многими тысячами раненыхъ и иными тяжестями, армія очистила позицію только въ шесть часовъ утра, 27 Августа (арріергардъ оставался), и отступила къ Можайску, по одной дорогѣ, * и хотя

тельская конница, не причинивъ полку ни какого вреда, пронеслась чрезъ него въ атаку и обратно, отбитая нашею: въ такомъ положеніи егеря нанесли много вреда этой конницѣ, между которой, къ ихъ счастью, не было уланъ.

* Только отрядъ Г.-М. Карпова, нѣсколько баталіоновъ и часть ополченья, отступили отъ Утицы по старой Смоленской дорогѣ къ Можайску.

еще въ темнотѣ, но въ такомъ замѣчательномъ порядкѣ, что, по засвидѣтельствованью самихъ Французовъ и ихъ союзниковъ, не оставила рѣшительно ни какихъ признаковъ, по которымъ было бы можно заключать, что по этому пути, только за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, послѣ столь ужасной битвы, прошла вся армія, такъ что непріятель сомнѣвался даже, отступила ли она на Москву, или пошла къ Калугѣ? По его же словамъ, онъ находилъ на полѣ битвы и по дорогѣ свѣжія могилы, съ деревянными крестами надъ ними, только что похороненныхъ товарищей; а все это ни какъ не согласуется съ положеніемъ арміи, проигравшей сраженіе и силою вынужденной къ отступленію.

Въ осьмыхъ. Арріергардъ нашъ, по отступленіи арміи, оставался на позиціи, ею занимавшейся, еще четыре часа, такъ что позиція была за нами шестнадцать часовъ послѣ окончанія битвы.

Въ девятыхъ. Ночью на 27 Августа и по утру, мы, партіями своими, неоднократно, съ разныхъ сторонъ, производили тревоги въ непріятельской арміи, распространявшіяся до самой ставки Наполеона, расположенной въ батальонномъ карре старой гвардіи,[10] которая не разъ бралась за оружіе. Такъ Агамемнонъ лиги 1812 г. почиталъ побѣду свою прочной! Между тѣмъ мнимо побѣжденный имъ Кутузовъ провелъ эту ночь на мызѣ Татариновой — безъ всякой стражи.

Въ десятыхъ. По утру же Платовъ атаковалъ непріятельскіе аванпосты отъ Горокъ, гдѣ позицію занимали егерскія бригады Пиллара и Потемкина, а это центръ позиціи; лѣвѣе пѣхотная бригада Вольфа, бывшая Росси и пр., оставались на позиціи до десяти часовъ утра.

---

[10] Впрочемъ, отъ самаго Смоленска, Наполеонъ на ночлегахъ заключалъ себя въ карре, а во время переходовъ окружали его два конныхъ гвардейскихъ полка.

Въ одиннадцатыхъ. Арріергардъ, слѣдуя диспозиціи, началъ оттягиваться отъ Горокъ въ десять часовъ утра, а непріятель пошелъ за нимъ только чрезъ два часа, «медленно» подаваясь впередъ. Разстройство его конницы обнаруживалось въ передовыхъ эскадронахъ, въ коихъ смѣшаны были почти всѣ роды оружія.

Изъ вышеприведеннаго (которое, какъ будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, подтверждается и всѣми иноземными писателями), оказывается, что Кутузовъ имѣлъ болѣе основанія, чѣмъ Наполеонъ, признавать Бородинское сраженіе за собою. Между тѣмъ Французы и иноземные Нѣмцы разражаются противъ донесенія Кутузова, не сознававшаго себя побѣжденнымъ! Правда и то, что всѣ помянутые иноземцы только фразами искажаютъ истину, но и фразы этѣ требовали бы критики, для которой не встрѣчается недостатка въ матеріялахъ.

Въ двѣнадцатыхъ. Въ этотъ же день, 27 Августа, съ четырехъ часовъ по полудни до глубокой ночи, и на слѣдующее утро, 28 числа, арріергардъ нашъ удерживалъ Можайскъ столько времени, сколько нужно было для вывоза запасовъ и раненыхъ (исключая тяжело раненыхъ), и отбивалъ всѣ усилія Мюрата и молодой гвардіи, стремившихся овладѣть городомъ. Экипажи Наполеона, доѣхавъ до авангарда, должны были возвратиться и переночевать въ маленькой деревенькѣ Кривушѣ съ своимъ повелителемъ. Арріергардъ нашъ очистилъ Можайскъ 28 Августа, утромъ, и остановился тотчасъ за нимъ на высотахъ, занимавшихся наканунѣ нашею арміей.

Въ тринадцатыхъ. Потомъ у Крымскаго брода, арріергардъ нашъ, жаркимъ боемъ, опять останавливаетъ почти на двое сутокъ напоръ Неаполитанскаго Короля и Герцога Тревизскаго, и наконецъ,

Въ четырнадцатыхъ. Духъ и бодрость нашей арміи не представляли и тѣни унынія, болѣе или менѣе въ разныхъ видахъ проявляющагося въ войскѣ, когда оно почитаетъ себя вынужденнымъ силою къ отступленью. Потерявъ около половины своей числительности, армія, съ радостью, готовилась на слѣдующій день къ атакѣ

непріятеля; " отступая же, она, на каждомъ шагу, гдѣ ей приказывалось удерживать непріятеля, исполняла это съ тѣмъ же мужествомъ, которымъ ознаменовала себя подъ Бородинымъ. Въ ночь, послѣдующую за битвой, всѣ спѣшили въ ряды свои, и по утру при Можайскѣ все присоединилось къ своимъ знаменамъ.

" Всѣ казались недовольными, повторяю, только тѣмъ, что замышленное Главнокомандующимъ, въ самый разгаръ сраженья, возобновленіе на слѣдующее утро битвы, нападеньемъ съ нашей стороны, было отмѣнено около полуночи (т. е., спустя болѣе шести часовъ послѣ окончанія битвы). О предпріятіи этомъ было объявлено войску еще во время сраженія, и оно приняло извѣщеніе съ восторгомъ. По окончаніи битвы начали дѣлать къ тому распоряженія, и диспозиція въ главныхъ основаніяхъ была уже начертана и многимъ извѣстна. Какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, намѣренье было измѣнено: много говорили о главномъ виновникѣ тому, но здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Я очень хорошо помню, а есть и еще свидѣтели негодованію Генерала Дохтурова, Графа Маркова, Уварова и другихъ, съѣхавшихся къ первому. Генералъ Раевскій, чрезъ котораго Кутузовъ объявилъ войскамъ свое предначертаніе, какъ сказано выше, еще во время битвы, одинаково былъ пораженъ неожиданностью. Между тѣмъ казалось что все обѣщало намъ полный успѣхъ (въ послѣдствіи и Французы, участники въ битвѣ, въ повѣствованіяхъ своихъ, пророчили намъ оный). Непріятель былъ, по ихъ же засвидѣтельствованьямъ, въ безпорядкѣ, истомленъ усталостью изнуренъ голодомъ, упалъ духомъ (frappé de stupeur); врачность, безмолвіе замѣнили природную веселость Французовъ: «не было слышно ни обычныхъ острыхъ словъ, ни шуточныхъ разсказовъ, ни пѣсней— все исчезло. Въ самой ставкѣ Наполеона грусть, молчаливость и даже, какъ замѣчаютъ очевидцы историки: «безъ льстецовъ, не такъ, какъ бывало это прежде,»—тогда какъ мы были сыты и бодры духомъ въ высшей степени; одинъ помыслъ: схватиться съ врагомъ воспламенялъ всѣхъ и каждаго. Сами Французы говорятъ, что мы «отступали съ гордостью, не упавшими духомъ и, казалось, вызывающими ихъ.» Непріятельская конница на половину погибла въ битвѣ, другая половина находилась въ совершенной невозможности выдержать чрезъ нѣсколько часовъ еще сраженіе; у насъ же, напротивъ, независимо отъ двадцати Казачьихъ полковъ, весь Корпусъ Уварова былъ свѣжъ и мало пострадалъ во время демонстраціи; остальная же конница имѣла чѣмъ подкрѣпить и силы людей, и силы лошадей, не изнуренныхъ долгимъ походомъ —безъ корма, и съ тою же отвагою и натискомъ вступить въ битву. Осьмнадцати тысячамъ Французской Гвардіи, большею

Всѣ эти факты уполномочивали насъ не сознавать себя подъ Бородинымъ побѣжденными, а, напротивъ, повторяю, мы приписывали, и по справедливости, честь этого дня за собою.

частью не трогавшейся съ мѣста, мы могли противопоставить такое же число, если еще и не болѣе, сытыхъ, бодрыхъ, одушевленныхъ святымъ дѣломъ и рвавшихся въ бой, тогда какъ противники, что видно и изъ общихъ ихъ свидѣтельствъ, и изъ самаго приказа Наполеона, читаннаго предъ началомъ сраженья, должны были биться, чтобы избѣгнуть голодной смерти. Независимо отъ Казаковъ Платова и Карпова и Корпуса Уварова, мы имѣли Преображенскій и Семеновскій полки въ трехбатальонномъ составѣ, мало потерпѣвшихъ и не бывшихъ въ схваткѣ, даже гвардейскій егерскій полкъ (также три баталіона) имѣлъ все время отдохнуть послѣ кратковременной (около часа) битвы, при самомъ началѣ сраженія въ с. Бородинѣ; нѣсколько егерскихъ полковъ отряда Полковника Потемкина, находившихся въ резервѣ, и другіе егерскіе баталіоны, расположенные по Колочѣ, на правомъ крылѣ, и, сверхъ того, болѣе десяти тысячъ ополченія, которое, въ наступательномъ дѣйствіи, работало бы, конечно, не хуже другихъ (Полоцкъ, Данцигъ, Дрезденъ) служатъ тому доказательствомъ). Бившаяся уже армія, хотя и значительно уменьшенная, подкрѣпивъ себя винною порціей и пищею, въ чемъ не было недостатка, съ большимъ бы еще ожесточеніемъ вступила въ бой, а тѣмъ болѣе наступательный, столь свойственный удальству Русскаго человѣка. Французы, будучи атакованными, преимущественно при тогдашнихъ условіяхъ, не такъ страшны, какъ иногда бываютъ они въ своихъ наступленіяхъ, въ особенности, когда, по предначертанной у насъ диспозиціи, Платовъ долженъ былъ, ночью, перенестись въ окрестностяхъ, пониже Беззубова, чрезъ р. Войну, на ихъ тылъ, къ Колоцкому монастырю, безпорядочно заваливаемому, въ продолженіе цѣлаго дня, ранеными, и гдѣ скоплены были всѣ парки и многочисленные разнаго рода обозы, коими загромождена была дорога до самаго Гжатска и далѣе (такое движенье наше, по сознанью въ послѣдствіи самихъ Французовъ, сдѣлалось бы гибельнымъ для ихъ арміи), произвело бы безпорядокъ, котораго результаты могли быть неисчислимы. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что, по окончаніи дѣла, когда совершенно уже стемнѣло, Французы оттянули свое сильно пострадавшее и разстроенное войско, лишившееся множества начальниковъ, и расположили его опять на тѣхъ мѣстахъ, съ коихъ оно пошло въ битву, выдвинувъ только въ Семеновскія флеши около шести тысячъ человѣкъ молодой гвардіи, для огражденія съ этой стороны арміи и преимущественно главнаго пребыванія Наполеона съ старою гвардіей при Шевардинѣ. Занявъ такимъ образомъ въ мракѣ первоначальныя мѣста въ порядкѣ наступа-

Но каково было наше удивленье, когда въ этомъ убѣжденіи, послѣ побѣдъ въ Германіи и Франціи, мы, въ 1814 г., взяли Парижъ, и здѣсь должно было вдругъ разочароваться и въ первый разъ узнать, что при Бородинѣ мы были побѣждены! Въ

тельномъ, войско, по свидѣтельству собственно своихъ историковъ, изнуренное физически и пораженное нравственно, оставалось всю ночь безъ пищи и большая часть безъ огня. Само собою разумѣется, что, послѣ столь ужаснаго, упорнаго и продолжительнаго, боя, войско, возвратясь на свое прежнее мѣсто изнуреннымъ, прежде всего должно было озаботиться, чтобы удолетворить свой голодъ, а для сего издавна уже не было ни какихъ другихъ средствъ, какъ только тотчасъ же итти отыскивать убитыхъ, или палыхъ, лошадей; часть пошла въ эту ночь на фуражировку, еще болѣе затруднительную и сопряженную съ опасностями (пятьсотъ фуражировъ попались въ руки Казакамъ); должно было отправить людей за дровами, за водой, а изнуренные конники тащить лошадей на водопой; нарядъ для подобранія раненыхъ и переноски ихъ въ Колоцкій монастырь и т. п. Сверхъ всего въ эту же ночь должно было озаботиться пополненіемъ изъ парковъ израсходованыхъ въ битвѣ артиллерійскихъ и ружейныхъ зарядовъ, а при общемъ изнеможеніи, съ ослабленною дисциплиною, при огромной потерѣ ближайшихъ начальниковъ, успѣло ли бы войско, въ столь короткое время, ночью, до разсвѣта, снабдить себя сими послѣдними? Сомнительно. Все это требовало множества людей, энергіи, а по засвидѣтельствованію очевидцевъ-повѣствователей самихъ Французовъ, ни того, ни другаго, не было и какъ это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, что при знаменахъ оставалось только едва нужное число для охраненія оныхъ. Мы же были, во всѣхъ этихъ отношеньяхъ, совершенно противоположно. Кромѣ того, непріятельскіе парки оскудѣли и, по свидѣтельству историковъ, Наполеонъ даже колебался, итти ли ему далѣе, до присоединенія парковъ, бывшихъ уже на пути. Вся артиллерія его и даже часть гвардейской находились въ дѣйствіи, между тѣмъ какъ у насъ такого недостатка въ снарядахъ не показывалось, и артиллеріи, не введенной въ дѣло, оставалось въ резервѣ значительное количество. Въ такомъ положеніи непріятельская армія, будучи за часъ до разсвѣта внезапно и быстро атакована, и при тревогѣ въ тылу (а что значитъ эта тревога, видно изъ Французскихъ писателей, говорящихъ о демонстраціи, произведенной еще засвѣтло нашимъ правымъ флангомъ), и ей трудно было бы, при общей суматохѣ (и не усмотрѣвъ во время нашихъ направленій и построенія), скоро перестроиться въ надлежащій оборонительный порядокъ, положительно можно сказать, что, при тогдашнихъ условіяхъ и до разсвѣта было бы вовсе не возможно: событія Ватерлоо

1815 году, возвратясь опять во Францію, я оставался въ корпусѣ Князя Воронцова до 1819 года, а въ этотъ періодъ появилось уже нѣсколько Французскихъ описаній кампаніи 1812 года, воспѣваю-

---

могли совершиться тремя годами прежде. Наконецъ, потери Французовъ въ дѣйствительности не многимъ уступали нашимъ: конница ихъ была почти уничтожена. Генералами они потеряли болѣе, чѣмъ вдвое, противъ насъ: у нихъ сорокъ девять Генераловъ и тридцать девять полковыхъ командировъ, у насъ двадцать два Генерала. Для предначертаннаго нами нападенія, большая часть нашихъ лучшихъ вождей была пощажена въ этотъ кровавый день: Барклай де Толли (распоряжавшійся уже при Горкахъ для наступленія), Бенигсенъ, Милорадовичъ, Герцогъ Александръ Виртембергскій, Графъ Марковъ, Платовъ; Корпусные: Дохтуровъ, Раевскій, Багговутъ, Графъ Остерманъ-Толстой, Лавровъ, Уваровъ, Баронъ Корфъ, Графъ Паленъ, Князь Голицынъ, Васильчиковъ, и Дивизіонные: Графъ Строгановъ, Принцъ Евгеній Виртембергскій, Паскевичъ, Коновницынъ, Капцевичъ, Дука, Графъ Орловъ-Денисовъ и др. А за такими вождями, жаждавшими нападенія на другой день, войско пошло бы съ полнымъ самоотверженіемъ и увѣренностью на успѣхъ, и ни какія, даже видимыя, опасности не остановили бы его. Словомъ, еще разъ повторяю, отмѣна помянутаго предпріятія одна была поводомъ къ какому-то чувству досады, даже негодованія, распространенному въ войскахъ. Предметъ этотъ, вмѣстѣ съ демонстраціею Платова и Уварова, требуетъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія, на которое, еще скажу, какъ бы вызываютъ насъ всѣ иноземные историки, описавшіе Бородинскую битву, какъ участники, говоря объ этихъ двухъ эпизодахъ болѣе или менѣе пространно, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, между тѣмъ какъ наши исторіографы упоминаютъ о нихъ вскользь. Прошло полвѣка; исторія не должна никого щадить во имя истины: дѣльная критика все выяснитъ. Нельзя умолчать о непостижимомъ (для меня) сужденіи Г.-М. Богдановича (т. II, стр. 222), будто предначертанное предпріятіе наше напасть на другой день «не подавало намъ ни малѣйшей вѣроятности на успѣхъ» (!!). На чемъ почтенный исторіографъ основываетъ это умозаключеніе свое? Не извѣстно! Самъ онъ не могъ быть въ битвѣ; непріятель говоритъ, что такое предпріятіе наше «было бы для него пагубнымъ; всѣ Генералы наши; и въ головѣ ихъ Барклай, понимавшіе дѣло (конечно, не менѣе нашего исторіографа) и разсуждавшіе о томъ на мѣстѣ, предусматривали успѣхъ. По словамъ же самого Г.-М. Богдановича, Барклай, распоряжавшійся при Горкахъ, для предположеннаго предпріятеля, когда получилъ приказаніе отступать, «хотѣлъ ѣхать къ Князю съ просьбою объ отмѣнѣ отданнаго приказанія, но, получивъ

щихъ свои побѣды, и въ томъ числѣ подъ Бородинымъ! Нѣмецкіе повѣствователи, забывъ, что побѣдамъ Русскихъ они только и обязаны своимъ освобожденіемъ отъ ига, [12] подобно Французамъ,

---

свѣдѣніе объ выступленіи Дохтурова, принужденъ былъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, исполнить повелѣнье Главнокомандующаго.» Г.-М. Богдановичъ ищетъ, какъ бы оправдать неосновательность предположеній Барклая, что «тогда не возможное казалось возможнымъ.» Подобное выраженіе можетъ быть приписываемо запальчивому кавалерійскому офицеру, пусть иногда и полковому командиру подобнаго же свойства; но оно ни какъ уже не приличествуетъ Барклаю, коего свѣтлый умъ, глубокія познанія военнаго дѣла, опытность, невозмутимое хладнокровіе, разсчетливость на каждый шагъ, были всегда неотъемлемыми его качествами. И если онъ, будучи главнымъ дѣятелемъ и зоркимъ наблюдателемъ при Бородинѣ, предвидѣлъ успѣхъ въ предначертанномъ нападеніи на непріятеля, что раздѣляли съ нимъ, какъ преданные, такъ и лицепріятствующіе ему, Генералы и вообще всѣ, понимающіе дѣло, то, какимъ образомъ и какой авторитетъ, въ глазахъ безпристрастныхъ и свѣдущихъ людей, можетъ имѣть, чрезъ полвѣка, лице, не дѣлавшее этой кампаніи, безъ всякихъ ссылокъ на какой либо современный авторитетъ, а только на свой собственный, произносить такъ опредѣлительно совершенно противное! Нельзя даже понять, что такое разумѣетъ онъ подъ словомъ: «принять сраженіе.» Дѣло шло не о томъ, чтобы намъ принять сраженіе, что свѣдущими военными людьми понимается выждать и на другой день непріятеля, а такого безрасудства, уже всеконечно, никому не могло прійти въ голову! При уменьшеніи арміи почти на половину, позиція, и до того уже растянутая, не могла быть занятой съ выгодою, что и самъ исторіографъ находитъ; но у насъ было намѣреніе совершенно противоположное: мы хотѣли не принять, а дать сраженіе, т. е., атаковать непріятеля и заставить его или принять сраженіе, или обратиться въ бѣгство. Всѣ, понимающіе военное дѣло, видятъ въ значеніи этихъ словъ большую разницу а почтенный исторіографъ разсуждаетъ объ этомъ намѣреніи нашемъ, и между тѣмъ говоритъ и не одинъ разъ: «принять сраженіе»!!! Грустно въ наше время видѣть такія созерцанія, и когда? Тогда, какъ и самъ непріятель пишетъ противное, т. е., въ пользу нашего предпріятія, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ видно.

[13] Не говорю о тѣхъ временахъ, когда Русскіе летали на выручку этихъ сосѣдей своихъ; здѣсь отношу сказанное собственно только къ войнѣ 1812 года. Не возможно же исключить изъ Исторіи то положеніе Германіи, въ

начали описывать и свои подвиги въ Бородинскій день, въ который, по ихъ удостовѣренію, мы потерпѣли пораженіе и силою были вынуждены къ отступленью. Но этого было мало: они говорятъ, что если бы Наполеонъ захотѣлъ, то мы были бы и совершенно разбиты; словомъ, конечно, по ихъ мнѣнью, такъ, какъ они подъ Іеною и Ваграмомъ; а нѣкоторые думали даже, что могъ повториться и Ульмъ, если бы насъ вогнали въ уголъ, образуемый впаденіемъ Колочи въ Москву рѣку.[13] Съ нашей стороны хранилось глубокое молчаніе; нѣкоторые, однако, изъ насъ, увлекшіеся фразами и выводимыми въ кабинетахъ правилами стратегіи и тактики, не принимая въ соображеніе народнаго духа, вторили иноземцамъ, если и не всегда вполнѣ, то достаточно, чтобы дать поводъ Французамъ и Нѣмцамъ ссылаться на нихъ.[14]

При внимательномъ изученіи всѣхъ иноземныхъ повѣствователей объ этой эпохѣ, оказывается, что истина затмѣвается въ ихъ изложеніяхъ однѣми только фразами, которыя высказывали Французы по природному ихъ самохвальству (а иноземные Нѣмцы по чему?..), доходящему до невѣроятной степени даже у самыхъ серіозныхъ историковъ; но за всѣмъ тѣмъ, повторяю, все, что исчислено было выше, объ основаніи, на которомъ мы, участвовавшіе въ битвѣ, не

которомъ она находилась до начала 1813 года: крѣпости ея въ рукахъ Французовъ; во всѣхъ почти столицахъ Французскіе Генералъ-Губернаторы, или Коменданты, или, наконецъ, полномочные Послы, которымъ подчинялись во всѣхъ дѣйствіяхъ. Наполеонъ распоряжался въ ней, какъ полный хозяинъ: одни владѣнія уничтожалъ, или присоединялъ къ Франціи, изъ другихъ созидалъ Королевства, назначая въ Короли и Герцоги своихъ родственниковъ и солдатъ своей арміи, связывая сихъ послѣднихъ брачными союзами съ владѣтельными домами Германіи и пр., и пр. Такъ застали мы материкъ Европы, когда, изгнавъ изъ Россіи Французовъ и ихъ вассаловъ, перенесли, въ началѣ 1813 г., знамена свои въ Германію на ея ратованіе. По чему же это освобожденіе ея не послѣдовало прежде? Исторія объяснитъ. Объ этомъ въ главѣ: «Русскій солдатъ», еще говорится.

[13] Полковникъ Окуневъ очень справедливо замѣтилъ, что и сто тысячъ барановъ не могли бы быть такъ загнаны.

[14] Къ сожалѣнію, и послѣдняя «Исторія Отечественной войны 1812 г.» писана въ такомъ же духѣ и вторитъ иноземнымъ Нѣмцамъ, что Наполеонъ могъ насъ доконать.

почитаемъ ее проигранной нами, они подтверждаютъ, и сами того не замѣчая, когда говорятъ о ней, какъ очевидцы-историки. Въ сущности главнымъ основаніемъ у нихъ, къ заключенію о своей побѣдѣ, есть только то, что мы, послѣ битвы, «отступили». Но мы продолжали отступать, безъ всякаго участія въ томъ ихъ силы, которая бы понудила насъ къ тому, какъ все это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ.

Эти повѣствованія иноземцевъ побудили меня дѣлать изъ нихъ выписки по предметамъ, входящимъ въ описаніе сего событія, и сравнивать ихъ между собою, что постоянно и продолжалъ, по мѣрѣ появленія новыхъ матеріяловъ. Воспользовавшись нѣсколько свободнымъ временемъ (1852—1855), я сдѣлалъ сводъ изъ этихъ повѣствованій только: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году».[15] Въ послѣдствіи, не будучи занятъ новымъ начальствомъ службою, приступилъ къ систематическому своду этихъ многочисленныхъ, въ продолженіе полувѣка собиравшихся, выписокъ.

Имѣя главнымъ предметомъ Бородинскую битву, предлагаемая книга, независимо отъ Вступленія и Значенія слова победа, раздѣлена на три «Отдѣленія, съ подраздѣленіями каждой на главы.» Первое Отдѣленіе, Наканунѣ битвы (четыре главы); второе, День битвы (пять главъ); третье, На другой день битвы (двѣ главы). Въ концѣ первой главы сего Отдѣленія сдѣланъ краткій критическій обзоръ сочиненій нѣсколькихъ иноземныхъ историковъ, писавшихъ о войнѣ 1812 г. Здѣсь присоединена глава о «Русскомъ солдатѣ», вызванная толками тѣхъ же писателей. За тѣмъ, въ Заключеніи, послѣ общаго вывода всему тому, что предшествуетъ, я коснулся нѣкоторыхъ предметовъ, до сихъ поръ никѣмъ еще вполнѣ не изложенныхъ, и такихъ, которые вовсе не затронуты. Къ послѣд-

[15] Книга, удостоенная посвященія нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, въ 1855 году. Изъ самыхъ сказаній непріятеля явствуетъ, что ни морозъ, ни голодъ не были причиною катастрофы, которой подвергалась армія Наполеона.

нимъ принадлежитъ критическій разборъ предпринятаго Наполеономъ къ отступленію направленія на Калугу. Соединивъ все то, что было только писано о безчеловѣчномъ, варварскомъ *смореніи голодомъ* и *потомъ пристрѣливаніи нашихъ плѣнныхъ*, присовокупилъ я къ сему критическій разборъ, для сближенія и разъясненія этихъ повѣствованій. Равномѣрно собрано все, что было писано иноземцами-свидѣтелями о настроеніи духа Наполеона въ продолженіе войны 1812 года. Нѣсколько критическихъ замѣчаній о причинахъ постепеннаго ослабленія дисциплины, и наконецъ развитія деморализаціи въ его арміи, съ приложеніемъ къ сему краткихъ разсужденій о *стужѣ* и *голодѣ*, коимъ господствующее мнѣніе приписываетъ распаденіе Французской арміи, вопреки собственнымъ, приводимымъ ими, даннымъ.

Все вышеисчисленное заимствовано *исключительно* изъ иноземныхъ источниковъ, коимъ списокъ прилагается.

Книга эта не что иное, какъ одинъ только опытъ распредѣленья иноземныхъ повѣствователей по предметамъ и согласованья разнорѣчій, коими переполнены всѣ сказанія о войнѣ 1812 года: она можетъ, по крайней мѣрѣ, указаніями своими на тексты и предметы облегчить трудъ того, кто, лучше меня владѣя перомъ, знаніемъ дѣла, средствами, и въ особенности болѣе благопріятными обстоятельствами, нежели тѣ, которыми я былъ окруженъ въ послѣднія десять лѣтъ, предпринялъ бы изложить великій сей предметъ болѣе достойнымъ его образомъ, для чести и славы народа и арміи, подвигнутыхъ на совершеніе великаго дѣла непоколебимою твердостью Благословеннаго Монарха, объ явившаго, что «не вложитъ меча въ ножны, доколѣ одинъ врагъ будетъ оставаться на землѣ Русской.»

Какъ ветеранъ разбираемаго мною эпизода, могу подвергнуться упрекамъ нынѣшнихъ военныхъ исторіографовъ въ пристрастіи къ прошедшему, къ *старинѣ*, противъ которой такъ сильно возстаютъ нынѣ, но я вывожу факты. Я могъ ошибаться, какъ и всѣ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ, отнюдь, впрочемъ, не измѣняющихъ сущности совершившагося, и вполнѣ раздѣляю мнѣніе Полковника Астафьева,

сказавшаго въ превосходномъ и образцовомъ сочиненіи своемъ,[16] что «военное искуство есть общее дѣло, требующее глубокаго коллегіяльнаго обсужденія и полемики. Одинъ человѣкъ сдѣлать всего не въ состояніи и можетъ заблуждаться»... И, говоря о критикѣ, присовокупляетъ: «Гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ и искуства.»

Какая же другая кампанія нашего времени имѣетъ болѣе необходимости быть очищенною критикой, какъ не кампанія 1812 года, въ особенности для насъ? Какая другая болѣе изобилуетъ историками[17] и съ такимъ множествомъ рѣзкихъ разнорѣчій? Не требуетъ ли все согласованія, поясненій, коллегіяльнаго разсмотрѣнія и опредѣленія различныхъ эпизодовъ этой борьбы гигантовъ, какъ выразился Наполеонъ?

Прошло полвѣка, а у насъ никто еще достойнымъ образомъ не поднялъ перчатки, бросаемой намъ иноземцами. Вскорѣ остальные участники въ этой войнѣ исчезнутъ, и хвастливыя фразы непріятелей нашихъ усвоятъ въ Исторіи всю силу. Въ продолженіи тридцати лѣтъ, я неразъ, печатно, излагалъ это свое мнѣнье.

---

[16] «О современномъ военномъ искуствѣ». С.-Петерб. 1857 — 1861 (т. 1, стр. XVIII).

[17] Марѳонское сраженіе разсказано въ свое время тремя стами историковъ, Бородинское едва не столькими же, а пожалуй и болѣе.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Появленіе кометъ, во всѣ времена, считалось, въ суевѣрныхъ вѣрованіяхъ народныхъ, предзнаменованіемъ какихъ-либо особенныхъ событій. Такъ и появленіе кометы въ 1811 году подало поводъ къ заключеніямъ о близости кровопролитной войны, въ размѣрахъ, до того времени не бывалыхъ. Въ ту эпоху браней всѣ другія предположенія почитались второстепенными, а по тому рожденіе сына у Наполеона, повелителя материка Западной Европы, не всѣмъ казалось предзнаменованіемъ уже сбывшимся: всѣ ожидали отъ появленія кометы другихъ, болѣе важныхъ, событій, и ожиданія эти оправдались вполнѣ: вскорѣ громадныя приготовленія къ нашествію на Россію заняли умы всей Европы.

Дѣйствительно, обстоятельства сей исполинской войны отличаются отъ всѣхъ прочихъ военныхъ предначертаній, какъ по тогдашнему политическому состоянію Европы и самой Франціи, такъ и по составу ополченья, подъ личнымъ предводительствомъ генія-полководца-Государя, приковавшаго къ колесницѣ своей весь материкъ Западной Европы. Около семисотъ тысячъ человѣкъ, [1]

---

[1] Bargault (p. 176) говоритъ, что въ этомъ числѣ было собственно Французовъ 348 тысячъ чел., остальные 322 т. Нѣмцевъ, Италіянцевъ и пр. Капфигъ (т. IX, p. 161) пишетъ, что Наполеонъ, по документамъ Военнаго Министерства, всѣхъ съ собою на Россію не 130, или 150 т. человѣкъ, составлявшихъ прежде его армію, но около полумилліона съ тысячью триста шестидесятью пушками, и приводитъ слѣдующій расчетъ:

подъ предводительствомъ искусныхъ, опытныхъ и закаленныхъ въ двадцатилѣтнихъ побѣдахъ вождей, коихъ слава часто затмѣвалась только присутствіемъ самаго Наполеона.

Предпринятый имъ походъ, съ самаго начала до конца, сопутствуемъ былъ замѣчательными явленіями, которыя постепенностью своею не могли не имѣть вліянія на главнаго вождя — Агамемнона этой лиги, и не поколебать въ немъ тѣхъ или другихъ основныхъ его качествъ, не обнаружить слабостей и недостатковъ, до того времени не замѣчавшихся. Прослѣдивъ эти событія, найдемъ, что многія высокія соображенія Наполеона, основанныя, казалось, на вѣрныхъ стратегическихъ и политическихъ разсчетахъ, не только не оправдались, но и послужили ему ко вреду: ни одно предпріятіе его не удалось. Съ первымъ шагомъ въ предѣлы наши, Наполеонъ началъ уже колебаться; одно предположеніе смѣнялось у него другимъ, другое третьимъ и т. д. Часто проявлялъ онъ малодушіе, и, желая, скрыть, выставлялъ его еще ярче. Но первый шагъ былъ сдѣланъ, и **побѣдитель** долженъ былъ покориться судьбѣ своей, которая постепенно, отъ береговъ Нѣмана, влекла его на гибель.

60,000	Поляковъ.	4,000	Дармштадцевъ.
20,000	Саксонцевъ.	2,000	Готы и Веймара.
30,000	Австрійцевъ.	5,000	Вюрцбургцевъ и Франконцевъ.
20,000	Баварцевъ.	5,000	Мекленб., Нассавц. и др. мелкихъ Княж.
22,000	Пруссаковъ.	20,000	Италіянцевъ и Неаполитанцевъ.
20,000	Вестфальцевъ.	4,000	Испанцевъ и Португальцевъ.
8,000	Виртембергцевъ.	10,000	Швейцарцевъ.
8,000	Баденцевъ.	250,000	Французовъ.
		498,000	человѣкъ.

Около того показывается и другими; но Капфигъ исчисляетъ только то количество, которое вступило въ наши предѣлы, а Баро и тѣхъ, которые составляли резервъ и гарнизоны пограничныхъ крѣпостей.

Вотъ краткій перечень повѣствованія самихъ Французовъ, съ начала предпріятія до Бородинской битвы, главнаго моего предмета.

Истощенная слишкомъ двадцатилѣтнею, безпрерывною кровавою войной, Франція неохотно приступила къ конскрипціи для полчищъ, приготовляющихся къ дальнему походу, въ страну, въ то время еще менѣе чѣмъ нынѣ извѣстную. Уже тогда многіе министры и другіе главные предводители войскъ и приближенные къ Наполеону, не раздѣляя мнѣнія завоевателя, всячески старались отклонить его отъ предпринимаемой имъ войны. Это расположеніе умовъ, раздѣляемое большинствомъ людей благоразумныхъ, не могло быть неизвѣстнымъ и всей арміи. Оно, естественно, поколебало увѣренность, условіе, необходимое къ сохраненію и удержанію дисциплины, души всѣхъ воинскихъ дѣйствій. Дисциплина въ арміи Наполеона была тогда еще тѣмъ болѣе необходима, что Французы, отъ природы болтливые, охотно судятъ по своему о политическихъ дѣлахъ, о дѣйствіяхъ начальниковъ и т. п., а въ предпринимавшемся тогда походѣ пищи къ тому должно было представляться много. Въ такомъ расположеніи духа армія оставила Францію, бѣдствовавшую отъ неурожая предшествовавшаго года, [1] и направилась къ сборному мѣсту, въ Старую Пруссію, въ Герцогство Варшавское и въ Галицію.

Кратковременное пребываніе ея на сборномъ мѣстѣ ознаменовалось уже насиліями и грабежами; дисциплина была потрясена. Недостатокъ фуража заставлялъ снимать хлѣбъ съ корня, срывать соломенныя крыши и т. п. Это доказывало недостатокъ въ администраціи и какъ бы безсиліе Наполеона положить предѣлъ всѣмъ этимъ безпорядкамъ, при взаимномъ несогласіи главныхъ его пред-

[1] Въ этотъ годъ бѣдствій произведены были многія казни. Казнили даже женщинъ единственно за то, что онѣ кричали въ толпахъ: «Я голоденъ! я голодна!»

водителей. Между тѣмъ войско лелѣемо было надеждами на скорую, нецинуемую побѣду; оно было увѣрено, что, при вступленіи въ наши предѣлы, немедленно возстановятъ Польшу и Литву; что, съ правой стороны Наполеонова направленія, Турки изгонятъ наши войска изъ Молдавіи и Валахіи (откуда мы должны будемъ оттянуть часть нашихъ силъ къ главному театру войны) и овладѣютъ Одессою, Херсономъ и всѣмъ Крымомъ. Съ лѣвой же стороны, Бернадотъ возмутитъ Новую Финляндію и займетъ Петербургъ. Разноплеменная армія Наполеона одушевлялась надеждою при началѣ дѣйствій видѣть себя не одною, а въ союзѣ съ Турками и Шведами; но мечта скоро исчезла, и впечатлѣніе это не могло не усиливать недовѣрія, при обнаружившейся уже личной враждѣ между главными предводителями, дерзавшими, въ присутствіи Наполеона, упрекать другъ друга даже въ измѣнѣ. Подобные упреки должны были зародить въ самомъ Наполеонѣ мысль о ненадежности его Маршаловъ, которую онъ вскорѣ имѣлъ случай выразить слѣдующими словами: «Что, достигнувъ высшихъ степеней «и будучи ими обогащены, они охотнѣе желаютъ блистать въ «Парижѣ своими экипажами и роскошною жизнью». Упрекъ не вполнѣ справедливый: ибо всѣ они на поляхъ брани доказали противное. Однако же нельзя отвергнуть, чтобы тайное чувство Императора Французовъ не поколебалось относительно нѣкоторыхъ изъ его сподвижниковъ, а въ этихъ, въ свою очередь, не заронило скрытной злобы, которая разразилась въ послѣдствіи при занятіи нами Парижа. Словомъ, всѣ эти безпорядки не могли имѣть благодѣтельнаго вліянія на дисциплину арміи и не породить въ ней, повторяю, начала деморализаціи, до вступленія еще въ Россію.

. . . . . .

По приближеніи къ Нѣману, когда Наполеонъ обозрѣвалъ мѣстность, наканунѣ переправы чрезъ эту рѣку, лошадь его упала и сбросила его на песокъ; въ это время послышался въ свитѣ его голосъ: «Худой признакъ! Римлянинъ отказался бы отъ пред-

пріятія.»[3] После переправы чрезъ Нѣманъ, погода, до того времени прекрасная, вдругъ измѣнилась: начали собираться тучи, разразилась ужасная гроза, продолжавшаяся нѣсколько часовъ; дождь, въ продолженіе пяти дней, былъ такъ силенъ, что во многихъ мѣстахъ затопилъ дороги; погибло до десяти тысячъ лошадей со множествомъ повозокъ; послѣ дождя наступилъ холодъ. Наполеонъ, въ это время объѣзжавшій мѣстность, долженъ былъ укрыться отъ ливня въ находившемся по близости монастырѣ. Эта буря и паденье его съ лошади были тотчасъ же многими приняты за худыя предзнаменованія; но тогда они не могли еще имѣть ощутитель-

---

[3] Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаньяхъ», не говоритъ объ этомъ случаѣ; но, описывая переправу чрезъ Нѣманъ и послѣдовавшую за тѣмъ бурю, причинившую столько несчастій, присовокупляетъ (t. III, p. 422): «Такими зловѣщими предзнаменованіями Римскіе полководцы, можетъ быть, и пріостановились бы: многіе умы были поражены этимъ.» Буржуа (p. 74, 75), говоря о предзнаменованіяхъ этихъ, присовокупляетъ, что они имѣли гибельное впечатлѣнье. Многіе другіе говорятъ о томъ же. Въ «Souvenire de Pologne» одного Французскаго кирасирскаго офицера (p. 143) видно, что «буря эта, послѣдовавшая тотчасъ за переправою чрезъ Нѣманъ, отъ коей погибло нѣсколько тысячъ лошадей, принята была суевѣрными умами за предвѣстье несчастій, и къ этому первому несчастью (присовокупляетъ авторъ) должно присоединить еще множество другихъ въ различныхъ видахъ, которыя оставили въ слабыхъ умахъ непріятное предчувствіе долженствующему совершиться позже.» Чѣмъ далѣе они подавались впередъ, тѣмъ болѣе поражаемы были подобными суевѣріями. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ О-Меара (t. I, p. 195): «Генералъ Гурго, на Островѣ Св. Елены, разсказывалъ ему, что, во время ихъ пребыванья въ Москвѣ, большое количество воронъ стадами сѣли на Кремлевскія башни, съ коихъ часто спускались и летали кругомъ солдатъ, махая крыльями и каркая, какъ бы угрожая имъ истребленьемъ, которое дѣйствительно и послѣдовало. Гурго прибавилъ, что войска приведены были въ уныніе этимъ зрѣлищемъ, которое солдаты приняли за роковое предвѣщаніе». Многіе говорятъ о семъ впечатлѣніи. Префектъ дворца, Боссе, также говоритъ объ этомъ.

наго вліянія на массу; ибо войско шло къ вѣрной, по мнѣнію его, побѣдѣ. А какъ суевѣріе и предразсудки (къ которымъ склонна масса Французовъ), обнаруживаются, болѣе или менѣе, едва ли не у всѣхъ народовъ, только при обстоятельствахъ небдагопріятныхъ, то послѣдующія событія должны были поражать массы при всякой явной, но преимущественно при отдаленной, опасности, къ которой они приближались не съ тою уже душевною твердостью, которая одна имѣетъ силу торжествовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ и надъ самою природой.

Въ движеніи арміи отъ Нѣмана [4] до Вильны подобныя предзнаменованія начали уже оправдываться въ мнѣніи умовъ суевѣрныхъ; такъ, на примѣръ: приблизясь къ Виліи и не найдя моста, конвой Наполеона изъ Поляковъ бросился чрезъ рѣку вплавь; многіе не достигли противоположнаго берега и, погибая среди волнъ, кричали: «Да здравствуетъ Императоръ!» Этотъ случай возбудилъ грусть въ очевидцахъ, многіе не удержались отъ восклицанія: »Quel mauvais augure!» Безплодіе края, равнодушный пріемъ со стороны жителей, происходившій отъ обманутыхъ надеждъ увидѣть возстановленіе Польши, уничтожили надежды и у Французовъ на содѣйствіе Литовцевъ, которые должны были значительно усилить полчища Наполеона. Холодныя отношенія между солдатами и жителями принимали видъ враждебный; недостатокъ припасовъ, въ особенности фуража, подавалъ поводъ къ насилію, грабежу и убійствамъ.[5] Все это ослабило дисциплину до такой степени, что, по засвидѣтельствованію очевидцевъ-Французскихъ писателей,

---

[4] Очевидцы присовокупляютъ: «Когда увидѣли, что въ Ковнѣ не мѣшаютъ наведенью мостовъ и бывшіе тутъ Казаки исчезли, все это навело грусть на солдатъ Французовъ.

[5] Многіе изъ солдатъ, даже молодой гвардіи, умирали съ голоду; другіе лишали себя жизни, что свѣдѣтельствуется Французскими писателями, участниками въ этой войнѣ.

Наполеонъ, послѣ тщетныхъ усилій къ прекращенію безпорядковъ, долженъ былъ закрыть глаза, не имѣя возможности остановить мародерство, грабежъ, насиліе и т. п. Но важнѣе всего было то, что, при всѣхъ этихъ безпорядкахъ, отсутствіе Русскихъ войскъ, видимо уклонявшихся отъ битвы и даже отъ встрѣчи, поражало непріятелей изумленіемъ. Извѣстіе о прибытіи Балашова въ Вильну обрадовало армію Французовъ, охладѣвшихъ въ порывѣ своемъ уже на короткомъ маршѣ до Вильны: они надѣялись, что война кончится. Но всѣ выражали неудовольствіе, узнавъ, что предложенія Императора Александра отринуты. Въ это время пробѣжала по арміи вѣсть, что въ Наполеонѣ начинаютъ замѣчать ослабленіе прежней физической его дѣятельности.

Наполеонъ остается въ Вильнѣ двадцать дней; между тѣмъ Французскіе корпуса достигаютъ Дриссы, которую наша армія оставила безъ боя. Это приводитъ всѣхъ въ отчаяніе, по тому что они должны еще болѣе углубляться въ страну, гдѣ не находятъ ни мѣстныхъ средствъ къ жизни, ни наслажденій, къ которымъ привыкли въ Германіи и Италіи. Безчисленное множество отсталыхъ и мародеровъ не столько ослабляютъ ряды этой многочисленной арміи, сколько ея нравственныя силы.

Багратіонъ умѣлъ отдѣлаться отъ Вестфальскаго Короля и Маршала Даву. Дохтуровъ, котораго почитали вѣрною добычею, ускользнулъ отъ трехъ корпусовъ, его окружавшихъ. Платовъ и Графъ Паленъ тоже успѣли присоединиться къ арміи. Разсчеты Наполеона не удаются: одни отъ возникшихъ между его предводителями раздоровъ, другіе отъ искусныхъ и быстрыхъ движеній нашихъ войскъ. Французская армія не можетъ еще похвалиться ни одною побѣдой, ни однимъ трофеемъ. Наполеонъ обѣщаетъ разбить Русскихъ въ Витебскѣ, и тѣмъ окончить кампанію. Спѣшитъ, и находитъ Барклая на позиціи. Радость общая пробѣгаетъ въ арміи Французовъ, надѣющихся на побѣду и на миръ. Въ Островнѣ авангардъ нашъ показываетъ Наполеону, чего должно

ожидать въ бояхъ съ Русскими, которыхъ онъ представлялъ своей арміи бѣгущими со страхомъ. Онъ дѣлаетъ всѣ распоряженія къ генеральной битвѣ, и на слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, находитъ на позиціи нашей одни пустые шалаши.

Это еще болѣе поражаетъ все войско. Узнаютъ, что Багратіонъ окончательно нашелъ возможность соединиться съ Барклаемъ. Наполеонъ побѣждаетъ только мѣстное пространство, а не войско. Онъ объявляетъ окончаніе кампаніи 1812 года. Предполагаетъ въ 1813 году взять Москву, въ 1814 Петербургъ; надѣется, что Императоръ Александръ пришлетъ просить мира, дѣлаетъ распоряженіе относительно расположенія арміи на зимнія квартиры, говоритъ опять объ организаціи Польши — и войско его успокоивается. Мародеры и отсталые начинаютъ присоединяться къ своимъ знаменамъ, но, по свѣдѣтельству Французскихъ писателей, армія его тогда уменьшилась уже на цѣлую треть, не бывши въ битвѣ; недостатокъ въ продовольствіи проявляется, снова открываются болѣзни, поносъ, отъ непривычнаго употребленія ржанаго хлѣба.

Вдругъ Наполеонъ объявляетъ приказаніе ити къ Смоленску. Армія узнаетъ, что всѣ приближенные къ Наполеону были противнаго мнѣнія, узнаетъ изложенныя ими причины, по которымъ, кромѣ бѣдствій, нельзя было ожидать ничего другаго. Не имѣя возможности возражать предводителямъ войскъ на ихъ мнѣнія и доказательства, [6] онъ упрекаетъ ихъ въ неблагодарности, въ не желаніи сопровождать его на поле битвъ. Самолюбіе многихъ изъ

---

[6] Бисмаркъ (Spect. milit. 1847, t. XLIV, p. 132) приводитъ слова, сказанныя Наполеономъ на представленія, сдѣланныя ему въ совѣтѣ (въ Витебскѣ), что дальнѣйшее углубленіе въ Россію, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились Французы, противно всѣмъ правиламъ, онъ возразилъ: «Не правило создаетъ успѣхи, но успѣхи создаютъ правила.» («Ce n'est pas la règle, qui crée les succés, ce sont les succés, qui créent la règle!»)

нахъ оскорбляется. Здѣсь Наполеонъ узнаетъ о заключеніи мира съ Турками; узнаетъ, что Бернадотъ уже обнаружилъ расположеніе, противное всѣмъ заключеніямъ Наполеона, которыми онъ льстилъ себя и возбуждалъ духъ войскъ своихъ. Манифестъ Александра становится извѣстнымъ: армія видитъ, что призываютъ народъ къ поголовному вооруженію, что ей предстоитъ гроза народной войны; армія видитъ, что Русскій Императоръ далекъ отъ помысла о мирѣ; остается ей одна надежда разгромить насъ въ генеральной битвѣ.

Разбитіе Себастіани подъ Виньковымъ изумляетъ многихъ Французовъ, не ожидавшихъ надъ собою побѣды. Предзнаменованія на Нѣманѣ, въ Ковнѣ и на Вилiѣ — пробѣгаютъ въ умахъ Французовъ. Но Наполеонъ, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Витебскѣ, ведетъ ихъ, по словамъ его, на вѣрную побѣду въ Смоленскъ. Всѣ спѣшатъ за своимъ повелителемъ, котораго почитаютъ непобѣдимымъ. Разбивъ Русскихъ, онъ обѣщаетъ заключить миръ и расположиться въ Смоленскѣ на зимнихъ квартирахъ до будущей весны. Это увлекаетъ войско, въ которомъ, однако же, опять являются тысячи отсталыхъ и мародеровъ. Дисциплина, нѣсколько возстановленная, съ первыхъ переходовъ опять начала ослабѣвать. [8]

Наполеонъ, искусно сосредоточивъ войска, переходитъ Днѣпръ и направляется къ Смоленску, въ твердой надеждѣ захватить этотъ городъ и принудить Барклая къ генеральному бою. Но мужество

---

[8] Шамбре, въ статьѣ объ упадкѣ дисциплины, въ то время, когда армія шла еще впередъ, говоритъ, (Journ. des Scienc. Milit. etc. 1825, t. V, p. 484): «Множество отсталыхъ въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи сворачивали съ дороги, и, называя себя залогами (sauvegarde), были хорошо по этому случаю приняты... Военная полиція была не въ силахъ противиться сему» и пр. Раппъ и многіе другіе говорятъ объ этомъ, но здѣсь не мѣсто распространяться.

Русскихъ, имъ встрѣченное, опять разстроило и уничтожило всѣ его высокія стратегическія соображенія, перенестись въ тылъ лѣваго фланга, или даже всей нашей арміи. Оставленіе Невѣровскаго въ Красномъ радовало Наполеона, видѣвшаго въ этомъ расположеніи невниманіе къ правиламъ стратегіи: онъ полагалъ отъ шесть тысячъ Русскихъ вѣрною добычей, но Русскій Генералъ, съ слабою своею пѣхотною дивизіей, составленною изъ однихъ молодыхъ солдатъ, выноситъ весь натискъ въ шестеро сильнѣйшаго коннаго непріятеля, подъ предводительствомъ самого Мюрата, окружавшаго нашу пѣхоту на пространствѣ болѣе двадцати верстъ ея отступательнаго движенія, не успѣвъ почать ни одного баталіона. Исторія не представляетъ другаго подобнаго примѣра. [9] Французы увидѣли, что Русскіе тамъ, гдѣ нужно, умѣли отражать непріятеля съ твердостію, какой они не встрѣчали ни въ одномъ изъ своихъ непріятелей. Защита Смоленска Дохтуровымъ, съ двадцатью пятью тысячами противъ непріятеля вчетверо сильнѣйшаго, громившаго городъ двумя стами орудій, разрушившихъ почти всѣ зданія, не поколебала Русскихъ.

Этотъ геройскій отпоръ, не ожиданный ни Наполеономъ, ни его арміей, облегчилъ соединеннымъ тамъ первой и второй арміямъ стянуться на путь къ Дорогобужу. Зданія, уцѣлѣвшія отъ огня Французской артиллеріи, предаются пламени самими жителями, послѣдовавшими за Русскими войсками, которымъ приказано было очистить городъ къ разсвѣту. Въ окрестныхъ селахъ является тоже патріотическое самоотверженіе. Наполеонъ спѣшилъ еще преградить путь до переправы чрезъ Днѣпръ, въ Соловьевѣ. Но и по этому направленію встрѣчаетъ при Лубинѣ и въ окрестностяхъ

---

[9] Бисмаркъ (p. 134) говоритъ: «Если бы въ этомъ случаѣ поступать по обыкновеннымъ правиламъ, то Невѣровскій долженъ былъ сдаться, или умереть съ своими солдатами.» Всѣ Французскіе писатели болѣе или менѣе превозносятъ подвигъ нашего Генерала.

грудь Русскихъ, и обвиняетъ Герцога д'Абрантеса (Жюно) въ собственной своей неудачѣ.

Эти четырехдневныя дѣйствія Наполеона въ окрестностяхъ Смоленска изумляютъ неудачей всю армію и его самого. Многіе изъ его сподвижниковъ отчаиваются въ успѣхѣ. Они вновь представляютъ своему Императору плачевное положеніе арміи, дисциплины и средствъ къ ея существованію, и говорятъ о значительной убыли въ рядахъ. Указываютъ ему на явные признаки враждебнаго расположенія жителей; у нѣкоторыхъ вырывается даже желаніе быть скорѣе разбитыми, чтобы хотя это заставило Наполеона отложить свое дальнѣйшее стремленіе. Утомленное войско, не смотря на щедро розданные на мѣстѣ битвы самимъ Наполеономъ кресты Почетнаго Легіона и другія награды, не проявляло большаго желанія продолжать войну.

По словамъ нѣкоторыхъ, Наполеонъ колебался и даже казался раскаявающимся въ начатіи войны; онъ распускалъ слухъ о желаніи остановиться на грудахъ Смоленска на зимнихъ квартирахъ; опять заговаривалъ о намѣреніи заняться здѣсь возстановленіемъ Польши и Литвы, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предлагалъ, чрезъ Генерала Тучкова, миръ Александру; разсчитывалъ число переходовъ въ Москву и Петербургъ, мечтая, что, слѣдуя къ сему послѣднему, онъ соединится съ корпусами своими, дѣйствующими противъ Витгенштейна, и вдругъ приказалъ двинуться на Москву, гдѣ, по словамъ его, армію ожидаетъ миръ, слава, богатая добыча и привольныя квартиры.

Всѣ Французскіе писатели, участники въ этой войнѣ, свѣдѣтельствуютъ болѣе или менѣе положительно о нравственномъ и физическомъ состояніи арміи въ это время. Несогласіе многихъ съ мнѣніемъ Наполеона на счетъ дальнѣйшаго углубленія въ Россію, представленіе бѣдственныхъ результатовъ, долженствующихъ произойти отъ подобнаго предпріятія, все это становится извѣ-

стныхъ арміи, уже бѣдствующей отъ недостатковъ и употреблявшей (начиная съ береговъ Двины) конину. Не могли быть укрыты отъ арміи и взаимные раздоры и несогласія Маршаловъ; словомъ, все происходящее не могло не имѣть вліянія на упадокъ дисциплины и на общую деморализацію, начинавшую проявляться въ нѣкоторыхъ корпусахъ въ довольно сильной степени. [10]

Но ни представленія главныхъ предводителей арміи, ни бѣдственное ея положеніе, не были еще столь могущественными, чтобы восторжествовать надъ тою увѣренностію, которую боевая масса имѣла въ тени своего Императора, за которымъ она, въ продолженіе семнадцати лѣтъ, слѣдовала побѣдоносно. Надежда на вѣрную побѣду въ генеральномъ сраженіи, которая представлялась солдатамъ неотложнымъ событіемъ, и роскошная жизнь въ Москвѣ, гдѣ имъ предстояло забыть всѣ лишенія, одушевляли армію и влекли ее далѣе, не смотря на то, что уже строгая дисциплина, отъ всего встрѣченнаго, видимо ослабѣла; она могла сохраняться только еще при движеніи впередъ, но шагъ назадъ, и въ то время эта армія едва ли могла бы удержать въ цѣлости порядокъ и дисциплину, связывающую всѣ моральныя и матеріяльныя силы частей арміи всякаго народа. [11] Вотъ что говоритъ

---

[10] Безпорядки эти доходили даже до того, что часто партіи одного корпуса, отправленныя на фуражировку, встрѣчаясь съ фуражирами другаго корпуса, возвращавшимися съ припасами, отбивали добычу, и тѣмъ разжигали еще болѣе несогласіе и вражду своихъ начальниковъ.

[11] Арміи Наполеона были наступательныя и всегда имѣли большое количество отсталыхъ и мародеровъ, которые подгонялись, особенно для этого составлявшимися, отрядами, присоединявшими цхъ къ знаменамъ. Подобнымъ арміямъ, при отступленіи, всегда угрожаетъ если и не полное распаденье, то совершенный безпорядокъ: примѣровъ и тому и другому много. Французская армія едва ли когда отступала въ томъ порядкѣ, который болѣе или менѣе сохраняется въ другихъ Европейскихъ арміяхъ, исключая Турецкихъ.

Капфигъ собственно о Наполеонѣ, въ Смоленскѣ (t. IX, p. 253), когда еще онъ шелъ къ Москвѣ: «Съ нѣкотораго времени Наполеонъ казался печальнымъ и задумчивымъ; одни приписывали это «грустное настроеніе души болѣзни, которою онъ страдалъ съ «дѣтства; нѣкоторые убѣжденію въ безплодности своего предпріятія, другіе внезапному измѣненію температуры...[12]. Можетъ быть, «говоритъ авторъ, предвидѣніе его открывало ему вдали послѣдствія его гибельной кампаніи. Исторія Карла XII представлялась «уму Наполеона, по превосходству историческому, такъ что и «самый видъ Борисѳена не въ силахъ былъ отклонить его освободить мрачныхъ мыслей. Впрочемъ, присовокупляетъ авторъ, въ «каждой душѣ находится что-то такое, которое предвѣщаетъ несчастіе въ будущности, и предчувствіе это не есть уступка суевѣрію, но заставляетъ содрогаться при взглядѣ на судьбу, предоставленную случайности»; тогда всякій случай принимается за «предзнаменованіе: и помраченіе солнца, и стада хищныхъ птицъ, «летающихъ вокругъ палатокъ, махая крыльями.» Здѣсь авторъ намекаетъ на разсказъ Гурго, приведенный выше, и на другія подобныя происшествія, дѣлавшія сильное впечатлѣніе на умы Французскихъ солдатъ, склонныхъ къ предразсудкамъ и суевѣрію. Впрочемъ, и самъ Наполеонъ не былъ совершенно чуждъ этой слабости. Обращаюсь къ Смоленску.

Нельзя положительно указать на дѣйствительныя причины, побудившія Наполеона, вопреки всему тому, что совершилось отъ самой переправы чрезъ Нѣманъ, углубляться болѣе и болѣе въ

---

[12] Авторъ говоритъ: «послѣдовавшей съ быстротою громоваго удара,» замѣчая, что въ этѣхъ странахъ переходъ отъ тепла къ холоду быстръ и т. д. Это совершенно справедливо; но въ началѣ Августа по нашему стилю (Наполеонъ занялъ Смоленскъ $^{6}/_{18}$ Авг.) этого явленія не было, на обратномъ пути дѣло другое, а въ началѣ Августа перемѣны температуры не могли имѣть столь сильнаго вліянія.

сердце Россіи. Онъ не разъ колебался въ своихъ намѣреніяхъ, и спрашивалъ себя: остановиться ли ему на зимнихъ квартирахъ въ Вильнѣ, Дриссѣ, Витебскѣ, или наконецъ въ Смоленскѣ? По свѣдѣтельству Миллера, участвовавшаго въ этомъ походѣ (t. I, p. 142), «вся Французская армія была въ полной надеждѣ, что «Наполеонъ въ томъ году не углубится въ Россію, а займетъ ли«ніи на Двинѣ и Днѣпрѣ, расположивъ свои войска на зимнихъ «квартирахъ. Не возможно было предполагать тогда (присовокуп«ляетъ авторъ), что Русская армія отступаетъ отъ Смоленска къ «Москвѣ, боясь потерять сраженіе, по тому что она равнялась уже «числительностію своею Французской, а моральною силой превос«ходила ее» и т. п.

Что же, наконецъ, побуждало его къ рѣшимости двинуться изъ Смоленска далѣе въ такое позднее время года? Въ строгомъ смыслѣ война еще не начиналась, общей битвы не было, онъ искалъ ея отъ береговъ Нѣмана до Днѣпра, и, не найдя на этомъ пространствѣ, пошелъ далѣе, но не могъ найти ея и на берегахъ Москвы! Потрясенный столькими неудачами съ открытія кампаніи, онъ, какъ видно изъ всѣхъ источниковъ часто и внезапно измѣнялъ свои предположенія, а въ состояніи такого колебанія не трудно было ему безотчетно придержаться той мысли, которую онъ чаще слышалъ и которая была такъ схожа съ его главною цѣлію.

Герцогъ Ровиго (Савари), имѣвшій, конечно, всю возможность судить о семъ, вотъ что говоритъ о Смоленскѣ (t. V, p. 29): «Въ составѣ лицъ, окружавшихъ Императора, Короля Неапо«литанскаго и Князя Невшательскаго, найдутся причины, которыя «побудили предпринять окончаніе кампаніи однимъ разомъ.» Далѣе онъ такъ поясняетъ это (стр. 296): «Съ тѣхъ поръ, какъ прави«тельственная система освятила возстановленіе монархическихъ «началъ, старинныя дворянскія фамиліи приблизились къ Наполеону; «вся ихъ воинственная молодежь просила, какъ милости, избрать

«поприщемъ военную службу. Она во множествѣ вступила въ ар-
«мію, гдѣ скоро заняла мѣста, если и не первостепенныя, то, по
«крайней мѣрѣ, требовавшія довѣрія; не было Маршала Франціи,
«не было Генерала, при которыхъ бы они не находились адъютан-
«тами и въ штабахъ; кавалерійскіе полки, почти всѣ, были подъ
«начальствомъ офицеровъ, принадлежащихъ къ этѣмъ фамиліямъ.
«Они начали уже появляться и въ пѣхотныхъ полкахъ. Все это
«молодое дворянство искренне присоединилось къ Императору,
«легко увлекаясь славой. Оно любило опасности, стремилось къ
«битвамъ, но не менѣе имѣло горячую наклонность къ удоволь-
«ствіямъ, когда думало, что исполнило свой долгъ. Молодежь,
«окружавшая Императора, Короля Неаполитанскаго, и та, которая
«составляла многочисленный главный штабъ арміи, была такова же,
«имѣла тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. Въ этомъ случаѣ
«она выражала единогласно мнѣнія, которыя казались отголоскомъ
«мнѣній арміи. Всѣ эти молодые люди, видя, что нѣтъ надежды
«провести зиму въ Парижѣ, не видѣли средины между имъ и Мо-
«сквою. Они пропорхнули по Польшѣ, какъ бабочки по цвѣтамъ,
«и если бы нашлись десять армій, чтобы воспрепятствовать имъ
«достигнуть туда, куда они задумали ити, и тогда не отказались
«бы они отъ своего намѣренія, Москва казалась имъ мѣстомъ на-
«слажденій; они всѣ были уже влюблены въ то, что надѣялись
«встрѣтить, и ихъ воображеніе блуждало среди этихъ упоитель-
«ныхъ наслажденій, которыя они мечтали найти въ столицѣ Рус-
«ской Имперіи. Король Неаполитанскій въ особенности находился
«подъ вліяніемъ окружавшихъ его молодыхъ офицеровъ. [13] Онъ самъ
«любилъ удовольствія, и охотно встрѣчалъ мнѣнія, согласныя съ
«его желаніями; онъ тоже хотѣлъ ити въ Москву!

---

[13] И здѣсь то, что сказалъ Цицеронъ въ VI главѣ «О старости» (De senectute) вполнѣ оправдывается: «Молодежь часто губитъ государства, а старость ихъ возстановляетъ: она единственная опора всякому порядку.»

«Его самообольщеніе (p. 302) доходило до крайностей во «всемъ, что относилось къ военной жизни, на примѣръ: онъ былъ «убѣжденъ, что не бывало еще въ арміи кавалерійскаго Генерала, «подобнаго ему. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ одаренъ блистательною «храбростію, достоинствомъ, которыми можно замѣнять многое, и «безъ котораго нельзя обойтись, когда достигнешь уже послѣдней «степени возвышенія; онъ былъ добродушенъ и щедръ и любилъ «всѣми своими приближенными. [14] Къ несчастію Франціи, онъ (p. 303) былъ вызванъ къ личному присутствію въ арміи въ качествѣ «кавалерійскаго Генерала. Чрезъ него проходили всѣ донесенія «легкихъ войскъ, которымъ было поручено преслѣдованіе Русской «арміи. Только чрезъ него одного Императоръ получалъ свѣдѣнія. [15] «Король Неаполитанскій утверждалъ, что Русская армія упала ду- «хомъ, истощена и не можетъ отступать иначе, какъ медленно. «Онъ удостовѣрялъ, что, если въ продолженіе нѣсколькихъ дней «будутъ ее преслѣдовать живо, она не избѣгнетъ битвы, а битва «была необходима. Императоръ не могъ не внимать словамъ че- «ловѣка, который ежедневно говорилъ ему одно и то же, и, какъ «извѣстно, не берегъ себя на полѣ битвъ. Князь Невшательскій «не былъ противнаго мнѣнія съ Неаполитанскимъ Королемъ; впро- «чемъ, всѣ полагали, что лучше ити на Москву, чѣмъ возвратиться «въ Вильну, или Витебскъ, гдѣ боялись провести зиму.»

Извѣстіе о движеніи Наполеона изъ Смоленска еще далѣе [16] было неожиданнымъ въ Парижѣ, однако же, говоритъ Савари

---

[14] Савари, между прочимъ, говоритъ, что онъ самъ никогда не сближался съ Мюратомъ.

[15] Извѣстно, что онъ начальствовалъ авангардомъ.

[16] Савари говоритъ (p. 304), что Императрица собиралась уже ѣхать въ Вильну, чтобы провести тамъ зиму. Это подтверждается письмами Вице-Короля Италіянскаго къ женѣ своей (t. VII, p. 35 —443), въ которыхъ онъ увѣдомляетъ, что кампанія такъ или иначе должна окончиться до зимы,

(p. 305): «всѣ питали еще надежду на успѣхъ, но и не удивились бы, получивъ извѣстіе о какомъ-либо несчастномъ событіи.» Въ письмахъ Фіеве къ Наполеону (t. III, p. 230—250 etc.) гораздо ярче изложены всѣ опасенія Парижа при полученіи извѣстія объ углубленіи Французовъ въ Россію и мрачныя ожиданія послѣдствій этого похода.

Съ первыхъ переходовъ отъ Смоленска Французы начали еще болѣе замѣчать нерасположеніе жителей, [17] и чѣмъ далѣе шли, тѣмъ болѣе подвергались всякимъ лишеніямъ. Конина начала уже входить въ общее употребленіе, да и ея не всегда было довольно, хотя недостатокъ въ фуражѣ содѣйствовалъ къ снабженію арміи этимъ продовольствіемъ: гидра народной войны, еще не совершенно развившейся, была, однако же, достаточна, чтобы Наполеонъ, въ челѣ слишкомъ полутораста-тысячной арміи своей, не иначе двигался отъ самаго Смоленска, какъ среди сильнаго отряда гвардейской конницы, назначенной для его конвоированія, и главная квартира его на каждомъ ночлегѣ была окружаема пѣшимъ гвардейскимъ егерскимъ и гренадерскимъ полками. Когда же Наполе-

---

л, не смотря на всю свою осторожность, въ нѣкоторыхъ письмахъ даетъ понимать о прекращеніи военныхъ дѣйствій до зимы и т. д.

[17] Это народное волненье напугало Наполеона: изъ Гжатска, отъ 2 Сент. (21 Авг.), онъ пишетъ Принцу Евгенію (Mém. du Vice-Roi, t. VII, p. 464): «Прикажите посмотрѣть, что такое это сборище мужиковъ, имѣютъ ли они ружья, или пики? Все предвѣщаетъ, что мы наканунѣ большой битвы, а потому намъ надо въ особенности быть готовыми и дѣлать свои распоряженія.» Изъ Гжатска же, 4 Сент. (23 Авг.), получаетъ отъ Бертье (Idem, p. 465, 466) общее приказанье Маршаламъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что они теряютъ отъ безпорядковъ много людей въ фуражировъ, что «число плѣнныхъ, которыхъ берутъ Русскіе, восходитъ ежедневно до нѣсколькихъ сотъ», и т. д., и дѣлаются противъ сего надлежащія распоряженья. Но это не могло исправить ихъ дѣлъ.

онъ останавливался въ полѣ, оба эти полка составляли карре, въ срединѣ котораго разбивались его палатки. Назначеніе Кутузова преемникомъ Барклая подавало Наполеону и его арміи надежду, что новый Главнокомандующій, котораго Наполеонъ въ то время цѣнилъ еще не высоко, непремѣнно приметъ генеральное сраженіе. Солдатамъ говорили, что «Русскіе не отдадутъ Москвы безъ «боя, а мы ихъ разобьемъ и—конецъ войнѣ: слава, довольство и «миръ насъ ожидаютъ!» Наполеонъ издавалъ строжайшія повелѣнія относительно отсталыхъ и мародеровъ, и дѣятельность въ главномъ штабѣ усиливалась.

Нѣсколько дождей до того было испортили дороги. по которымъ изнуренныя лошади едва могли подвигать артиллерію и обозы, что Наполеонъ, по представленіямъ нѣкоторыхъ Маршаловъ, едва не рѣшился отказаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Онъ колебался, и зашла уже рѣчь о возвращеніи въ Смоленскъ; но 4-го Сентября (23 Августа), по словамъ Тіера (t. XIV, p. 302) поутру, увидѣвъ, что дороги начинали просыхать, онъ воскликнулъ: «Жребій брошенъ (Le sort en est jeté); пойдемъ на встрѣчу «Русскимъ!» Но Русскіе съ 22-го числа ожидали его уже на Бородинской позиціи. [18] Графъ Сегюръ приводитъ (t. I, p. 335) разговоръ Наполена съ Маршаломъ Даву, который, какъ извѣстно, не былъ въ ладахъ съ Мюратомъ и котораго Наполеонъ часто слушалъ. Маршалъ сказалъ ему: «Должно согласиться, что отсту- «пленіе Русскихъ исполняется въ удивительномъ порядкѣ. Одна «мѣстность, а не Мюратъ, опредѣляетъ ихъ отступленіе. Ихъ по- «зиціи избираются такъ хорошо, такъ кстати, и каждая изъ нихъ «защищается соотвѣтственно ихъ силѣ и времени, которое Гене- «ралъ ихъ желаетъ выиграть, что, по справедливости, движеніе

[18] Капфигъ по этому случаю говоритъ (t. IX, p. 26): «Когда народъ ополчается поголовно, чтобы жертвовать всѣмъ, самимъ собою, достояніемъ, ему принадлежащимъ, своему Государю и отечеству, то не для того, чтобы всегда бѣжать; онъ получаетъ инстинктивную потребность итти впередъ.»

«ихъ кажется, идетъ, сообразно съ планомъ, давно принятымъ и «искусно начертаннымъ.»

На слѣдующій день, т. е., 5-го Сентября (24 Августа), послѣ упорнаго сопротивленія, арріергардъ нашъ получилъ приказаніе отступить къ Шевардинскому укрѣпленію. Французы въ тотъ же день сдѣлали на него нападеніе, и это неокончанное укрѣпленіе, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, «четыре раза переходило изъ рукъ въ руки,» не смотря на отборность и превосходство въ числительности Французскихъ силъ: «Багратіонъ удерживалъ укрѣпленіе до ночи, и оставилъ тогда только, когда оно не было уже нужнымъ, согласно принятой системѣ обороны.»

«Въ ночь, на 6-е Сентября (25 Авг.), Наполеонъ спалъ мало. «Генералъ-Адъютантъ его (Коленкуръ, убитый чрезъ два дня въ «Бородинѣ, братъ Герцога Виченскаго) пріѣхалъ съ Шевардинскаго «редута. Императоръ, удивленный, что не было взято плѣнныхъ, «осыпалъ его распросами: развѣ конница моя не ходила въ атаку? «Развѣ эти Русскіе рѣшились побѣдить, или умереть? Ему отвѣ-чали, что «они предпочитали смерть плѣну, что — «Les Russes «sont inebranlables, il faut les démolir.» — «Eh bien, возразилъ «Наполеонъ, завтра подойдутъ мои резервы и артиллерійскіе парки, «et nous les démolirons.» Французы говорятъ: слова эти замѣча-тельны тѣмъ, что показываютъ, съ какимъ непріятелемъ они имѣли дѣло. Выслушавъ донесеніе Коленкура, «Наполеонъ впалъ въ глу-«бокое размышленіе, и разсудивъ, что дать битву артиллеріею бу-«детъ гораздо вѣрнѣе, усилилъ свои приказанія.» Историки при-совокупляютъ: «И солдаты, офицеры и Генералы, каждый погру-женъ былъ въ тѣ или другія размышленія, и даже Императоръ тре-«вожился опасеніемъ, чтобъ успѣхъ Французовъ при Шевардинѣ «не привелъ Русскихъ въ уныніе, и чтобы въ ночь они опять не «отступили.»

Въ такомъ положеніи Французская армія подошла къ Бо-родину.

Генералъ Пеле, описывая Бородинскую битву [19] (р. 509), восклицаетъ: «Какая же другая, когда-либо бывшая, битва была «поучительнѣе Бородинской? Наполеонъ, давшій и выигравшій «болѣе битвъ, нежели кто другой изъ всѣхъ полководцевъ Исто- «ріи, не переставалъ говорить, что Бородинская битва была самая пре- «красная, самая ужасная, что Французы оказались достойными «побѣды, а Русскіе заслужили быть непобѣдимыми!» На островѣ «Св. Елены онъ говорилъ еще, что «изъ пятидесяти данныхъ имъ «сраженій, въ Бородинскомъ было выказано наиболѣе доблестей «и пріобрѣтено наименѣе результата.»

«Я думаю,» присовокупляетъ Генералъ Пеле, «что Бородин- «ское сраженіе не лучше извѣстно, какъ и вся кампанія, въ про- «долженіе которой оно было дѣйствіемъ наиболѣе замѣчательнымъ.» Въ примѣчаніи Французскаго Полковника Шапюи (Bibl. hist. et mil. (t. VII, 1853) на историковъ кампаніи въ Россіи, сказано: «Если «судить по числу печатныхъ описаній кампаніи 1812 года, слѣдо- «вало бы полагать, что намъ ничего болѣе не остается узнать «объ этой достопамятной эпохѣ, и что событія, нынѣ хорото по- «нятыя историками, объясняютъ читателю причины этого великаго «несчастія, которое омрачаетъ наши военныя лѣтописи. Этого, од- «нако же, вовсе нѣтъ, и мы, въ послѣднихъ повѣствованіяхъ, встрѣ- «чаемъ вновь старыя погрѣшности, которыхъ болѣе справедливая

---

[19] Генералъ Пеле, въ чинѣ Полковника, былъ тогда помощникомъ начальника штаба всей пѣхоты арміи, при Генералѣ Лобау. Пеле разставлялъ войска по диспозиціи, и въ день битвы водилъ ихъ на приступы; велъ подробный журналъ, который пропалъ подъ Краснымъ: онъ возстановилъ его въ 1813 году. Описанная имъ битва особенно замѣчательна критическимъ взглядомъ на дѣйствія обѣихъ сторонъ, помѣщена въ Bibl. hist. et milit. t. VIII, 1854 г., прежде въ 1829 году, въ Spect. milit., но не изъята отъ фразъ, часто противорѣчащихъ сказанному имъ же самимъ. Отбросивъ этѣ свычныя Французамъ прикрасы, текстъ дѣлается яснымъ.

«оцѣнка должна была давно изгнать, и т. д.[20] Авторъ заключаетъ: «А по тому кампанія эта остается еще не описанною» Изъ этой статьи видно, что Полковникъ Шапюи занимается описаніемъ этой достопамятной войны. Труды его по сему предмету достаточно уже извѣстны по многимъ изданнымъ имъ описаніямъ отдѣльныхъ эпизодовъ и могутъ служить ручательствомъ за достоинство цѣлаго. Графъ Дюма, въ своихъ Запискахъ (t. II, p. 420), также говоритъ, что нѣтъ еще Исторіи событія 1812 года, не смотря на множество матеріяловъ. Дѣйствительно, война эта, и въ особенности Бородинская битва, требуютъ правильнаго критическаго изложенія; это необходимо для чести тогдашняго нашего оружія. Когда очистимъ иноземныя описанія отъ фразъ, истина обнажится собственными же ихъ свѣдѣтельствами.

Я не принимаю на себя описывать эту исполинскую битву; для сего нужно другое перо, нужны другія способности. Цѣль моя состоитъ единственно въ томъ, чтобы извлеченіями изъ иноземныхъ источниковъ показать: I, съ какими предзнаменованіями непріятели вступили въ битву, и состояніе духа главнаго ихъ предводителя; II, нѣкоторые ея эпизоды, только необходимые для III-го главнаго отдѣла «Исходъ сраженія,» по точному разсказу, составленному самими участниками въ ней, Французами,[21] чтобы на этѣхъ данныхъ положительно опредѣлить: кому принадлежитъ и въ какой степени честь этого достопамятнаго дня?

---

[20] Къ несчастью, и по сей часъ, это не только что не изгоняется, но вводятся новые, никому неизвѣстные, эпизоды, ничѣмъ не подкрѣпляемые.

[21] Выписки этѣ будутъ очищены отъ фразъ, которыми Французы умѣютъ такъ искусно затмѣвать истинный предметъ, ими описываемый, какъ скоро только онъ не согласуется съ ихъ славолюбіемъ.

ЗНАЧЕНІЕ СЛОВА ПОБѢДА.

Наполеонъ и Кутузовъ, оба провозгласили **побѣду**, одержанную ими при Бородинѣ, а по тому не излишнимъ нахожу, прежде изображенія этой кровопролитной битвы, сказать нѣсколько словъ о значеніи слова «**побѣда**», во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ общемъ военномъ смыслѣ слово «**побѣда**» есть разбитіе непріятеля, верхъ, одержанный надъ нимъ съ большими или меньшими послѣдствіями, а именно:

1-е. Если одна изъ дѣйствующихъ сторонъ атакуетъ другую, стоящую на позиціи и заставитъ ее, съ боя, очистить занимаемое ею пространство—первая **одержала побѣду**, или выиграла сраженіе, а вторая, сбитая съ позиціи, укрѣпленной или неукрѣпленной, **побѣждена** — проиграла сраженіе.

Когда же атакующая сторона натискомъ своимъ не только заставитъ противную сторону оставить, съ боя, свою позицію, но и разстроитъ оную до того, что въ рядахъ распространится безпорядокъ, овладѣетъ значительною частью ея артиллеріи, возьметъ знамена, плѣнныхъ и т. п. и будетъ преслѣдовать, не давши возможности скоро возстановить порядокъ, какъ, на примѣръ, это было подъ Аустерлицемъ (которымъ насъ угостила Австрія), подъ Іеною, Ваграмомъ, Ватерлоо и другими, тогда одержана совершенная **побѣда**, а противникъ, какъ говорится, разбитъ на голову.

2-е. Если сторона, предпринявшая общее нападенье на другую, стоящую на позиціи, будетъ отбита на всѣхъ пунктахъ съ большимъ или меньшимъ урономъ, съ большимъ или меньшимъ разстрой-

---

[1] Я разумѣю побѣду только въ тѣсномъ военномъ значеніи.

ствомъ, съ потерею трофеевъ, и возвратится на прежнюю позицію, съ которой предприняла нападенье, то сторона, отбившая оное, одержала побѣду. Если же сторона, отбившая нападенье, въ свою очередь, тотчасъ же начнетъ наступательное движенье и не дастъ противной остановиться на прежнемъ ея мѣстѣ, а принудитъ отступать еще далѣе, овладѣетъ всѣмъ лагеремъ, или частью его, и будетъ преслѣдовать непріятеля, тогда побѣда одержана совершенная.

3-е. Если же атакующая сторона, усиліями своихъ нападеній, принудитъ противную оставить только часть своей позиціи, безъ потери общей связи съ другими частями, то дѣйствіе это есть отнюдь не побѣда, а только мѣстный успѣхъ атакующаго. Но тѣ части войскъ общей позиціи, которыя отразили нападенье, сохранивъ связь съ частью, подавшеюся назадъ, и оставались на мѣстѣ, хотя бы только нѣсколько часовъ послѣ окончанья битвы, конечно, одержали побѣду, ибо разрушили намѣренье противника, не успѣвшаго въ своемъ предпріятіи и одолѣвшаго только натисками своими тотъ или другой флангъ, заставивъ его загнуться назадъ, не разорвавъ связи въ общей линіи такъ, какъ это было подъ Бородинымъ.

Мѣстные успѣхи на протяженіи линій двухъ сражающихся армій не могутъ быть называемы побѣдами въ томъ значеніи, какое слово это имѣетъ въ общемъ смыслѣ: это то же самое, если бы кто предпринялъ путь пѣшкомъ до Варшавы, а дошелъ только до Динабурга, далѣе же, по причинѣ истощенья силъ, ити не могъ: въ этомъ случаѣ предпріятіе его остается не достигнувшимъ опредѣленной цѣли. Такъ и Наполеонъ предпринялъ подъ Бородинымъ разбить Русскую армію, но, по недостатку силъ, или чего иного, не могъ сдѣлать болѣе, какъ оттѣснить на нѣсколько сотъ саженъ лѣвый флангъ Русскихъ, не успѣвъ даже прервать его связь съ остальною частью арміи, отразившей его натиски, и не только оставшейся твердо на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, но еще угрожавшей ему, напавъ на него, въ свою очередь, оконечностью своего перваго фланга и также попудившею его отступить въ несравненно большемъ безпорядкѣ, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ видно. Въ такихъ случаяхъ слово побѣда принадлежитъ болѣе Русскимъ, и уже ни въ какомъ случаѣ Французамъ,

по тому что предпринятое ими не увѣнчалось успѣхомъ, а напротивъ Русская армія оставалась послѣ битвы около двѣнадцати часовъ на мѣстѣ, кромѣ лѣваго фланга, подавшагося назадъ, оставаясь еще въ грозномъ положеніи, по свидѣтельству самихъ Французовъ: они не рѣшались продолжать нападенье, и первые прекратили огонь, когда солнце далеко еще не достигло горизонта. Арьергардъ же нашъ занималъ позицію при Горкахъ до десяти часовъ утра, слѣдовательно, шестнадцать часовъ послѣ окончанья сраженія; онъ атаковалъ даже Французскіе аванпосты, произвелъ не разъ тревогу, распространявшуюся до ставки Наполеона, расположенной среди батальоннаго каре старой гвардіи.

Французы очень часто употребляютъ во зло слово побѣда (victoire), [2] прилагая оное къ частнымъ дѣйствіямъ малыхъ размѣровъ, происходящимъ на общей боевой линіи, въ которыхъ пріобрѣтается какой-либо временной успѣхъ надъ противоположной частью; очень не многіе изъ нихъ придаютъ такому дѣйствію правильное названье успѣхъ (succès), что можно видѣть изъ всѣхъ ихъ описаній военныхъ дѣйствій; нѣкоторые же изъ ихъ писателей называютъ просто «succès», что въ дѣйствительности и было, мѣстнымъ успѣхомъ ихъ натискъ на нашъ лѣвый флангъ подъ Бородинымъ, какъ и нашъ на ихъ лѣвый же флангъ.

4-е. Арміи, заставившей маневрами своими на тылъ, на обходъ фланговъ стоящаго предъ нею непріятеля, отступить безъ боя, слово побѣда также принадлежать не можетъ: нельзя назвать побѣдой событія, совершившіяся подъ Ульмомъ въ 1805 году.

Равномѣрно, слово побѣда не можетъ относиться къ арміи, идущей за другою, имѣющею опредѣленный планъ отступать до

---

[2] По ихъ словамъ, они насъ били отъ Нѣмана до Москвы, и отъ Москвы до Парижа! Н. И. Гречъ (Сѣв. Пч. 1857, № 224), въ превосходной статьѣ уличилъ Тьера въ нагломъ безстыдствѣ на счетъ Вартенбургскаго сраженья, совершенно проиграннаго и выставляемаго знаменитымъ историкомъ блестящею побѣдой, одержанной Французами! Жаль, что никто не слѣдуетъ примѣру Николая Ивановича: обличить подобное хвастовство также дѣльно, какъ это сдѣлано относительно Вартенбургскаго дѣла, тогда уяснилось бы многое.

даннаго пункта, для достиженія коего, упорно защищая частями своими только тѣ мѣста, которыя находитъ нужнымъ для нѣкотораго задержанія наступающаго непріятеля, какъ это было въ окрестностяхъ Витебска, въ Смоленкѣ, на Валутиной горѣ, въ Можайскѣ, у Крымскаго Брода и проч. Здѣсь слово побѣда, въ общемъ смыслѣ слова, естественно опредѣляется общимъ исходомъ предпріятія.

Посмотримъ теперь, что говорятъ сами Французы и другіе иноземные повѣствователи объ исходѣ Бородинской битвы. Сказанія этѣ, по строгомъ критическомъ анализѣ, опредѣлятъ ясно: кто, Русскіе, или Французы, могутъ правильнѣе прилагать слово побѣда къ этой Гигантской битвѣ? Съ этой точки слѣдуетъ разсматривать исходъ Бородинскаго сраженія; тогда, по исключеніи фразъ иноземныхъ повѣствованій, дѣло представится этѣми же самыми повѣствованьями въ истинномъ своемъ видѣ. Правда, рано или поздно, всегда всплываетъ на верхъ; ни какое краснорѣчіе не можетъ удержать ее на днѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НА КАНУНѢ БИТВЫ.

ГЛАВА I.

ЗНАЧЕНІЕ БИТВЫ.

Минуты, предшествовавшія Бородинскому сраженію, замѣчательны проявленіями, не встрѣчавшимися ни предъ одною изъ многочисленныхъ, данныхъ Наполеономъ, битвъ, исходомъ которыхъ рѣшалась судьба Государствъ. Изъ повѣствованій очевидцевъ видно, что Наполеонъ приступалъ къ Бородинскому сраженію не съ тою самоувѣренностью, которая была ему обычна; онъ довольствовался предварительно сдѣланными общими распоряженіями и оставался въ продолженіе всего разгара битвы на одномъ мѣстѣ, съ котораго не могъ даже слѣдить за ходомъ ея. Изъ нѣкоторыхъ подробностей, приводимыхъ свѣдѣтелями, усматриваемъ, [1] что Наполеонъ не былъ въ своемъ нормальномъ положеніи, и это могло быть очень естественнымъ; неожиданная имъ и его арміею твердость Русскихъ и обстоятельства, сопутствовавшія ему до Бородина, не могли не имѣть вліянія на Наполеона, и приготовляющаяся битва во всѣхъ отношеніяхъ выходила изъ предѣловъ битвъ обыкновенныхъ.

---

[1] Самыя подробности этѣ, независимо собственно отъ ихъ сущности, тѣмъ еще болѣе замѣчательны, что ни предъ одною изъ прежнихъ битвъ авторы не занимались онымн съ такою отчетливостью, какъ говорятъ о нихъ предъ Бородинскою.

Вотъ какъ иноземные историки понимали ее:

Князь Невшательскій (Бертье), наканунѣ Бородинской битвы, пишетъ Герцогу Бассанскому (Марету), въ Вильну, письмо, сіяющее радостью и надеждою, въ которомъ, между прочимъ, сказано: (Прадтъ, p. 187): «Завтрашній день будетъ принадле«жать къ одной изъ величайшихъ эпохъ исторіи? Прадтъ присо·вокупляетъ: «Добрый человѣкъ (bon homme), ставящій въ зави«симость отъ одной битвы судьбу пространной Имперіи!!!»

Маркизъ Шамбре, описывая приготовленія къ битвѣ (t. II, p. 53), говоритъ: [2] «Въ приготовлявшемся событіи все было не«обыкновеннымъ: избранные воины юга Европы, предводитель«ствуемые Наполеономъ, въ первый разъ проникаютъ въ Сѣвер«ныя страны, сопредѣльныя съ Азіею. Здѣсь, народъ, бывшій «долгое время данникомъ Татаръ и недавно еще почти неизвѣст«ный народамъ просвѣщеннымъ, осмѣливался одинъ вступить въ «борьбу съ этимъ завоевателемъ, не только за независимость «свою, но и для того, чтобъ пріобрѣсти верховное вліяніе въ «Европѣ. Арміи стали одна противъ другой и были готовы схва«титься на мѣстахъ, которыя, кромѣ воиновъ Славянскихъ, Сар«матскихъ, или Татарскихъ, другихъ не видали; битва эта бу«детъ значительнѣйшею изъ всѣхъ, данныхъ въ новѣйшія време«на, сколько по числительности и избранію воиновъ, столько по «слѣдствіямъ, которыя она могла имѣть. Она должна была рѣ«шить будущность Европы и отразиться на большей части свѣта. «Хорошо извѣстный характеръ Наполеона, и то, что онъ далъ «провидѣть о будущихъ своихъ предположеніяхъ, еще болѣе уси«ливали значеніе этой битвы.»

Лессингъ, офицеръ Саксонскихъ драгунъ, участникъ въ битвѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ (t. I, p. 420) представляетъ значеніе Бородинской битвы, къ которой приготовлялись.

---

[2] При концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ всѣмъ сочиненіямъ, вошедшимъ въ оную, а по тому здѣсь я только вношу имя автора, томъ и страницу; заглавіе же книгъ стѣснило бы текстъ частымъ вводомъ оныхъ.

Генералъ Пеле (р. 110) говоритъ: «Двѣ арміи, первыя въ «свѣтѣ, приготовились оспаривать скипетръ Европы. Съ одной «стороны: двадцатилѣтнія побѣды, искуство, свычка съ войною, «превосходное устройство, блистательная и просвѣщенная храб- «рость, довѣріе, основанное на безпрерывныхъ побѣдахъ, отвага, «которую прекратить могла одна лишь смерть, съ другой — воз- «становленіе прежней славы (?!), изгладить многочисленныя не- «счастія, [3] слѣпая преданность, упорная неустрашимость, безу- «словное повиновеніе, обработанное желѣзною дисциплиной; сло- «вомъ, рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ уступить.» Далѣе (р. 113) «... битва, которая могла рѣшить участь потомства Наполеона и «его трона...» Въ какую другую эпоху видѣли на вѣсахъ битвы «столь великіе интересы!» [4]

Лабомъ (р. 143) говоритъ: «Мы находились въ положеніи, «въ которомъ неотмѣнно должно было побѣдить, или погибнуть, «и эта мысль, въ которой мы всѣ были убѣждены, придавала «всѣмъ намъ храбрость.»

Выраженье это равносильно тому, что одно отчаянье въ своемъ положеніи заставляло ихъ подвизаться.

Авторъ присовокупляетъ: «Эта битва должна была рѣшить «судьбу обѣихъ Имперій.» И дѣйствительно, она рѣшила судьбу Французской Имперіи, но Русской — одна побѣда, какъ бы она ни была совершенна, рѣшить, при тогдашнемъ состояніи умовъ, она не могла. Авторъ продолжаетъ: «Всѣ остались убѣжденными «(р. 145), что грозная необходимость приказывала намъ побѣ- «дить, или умереть.» Вотъ это другое дѣло.

Генералъ Сарразенъ (р. 122) пишетъ: «Наполеону необхо- «димо было удержать за собою превосходство, пріобрѣтенное въ «предшествовавшихъ кампаніяхъ. Онъ отдалъ строжайшія пове-

---

[3] Повсюду фразы! Возстановленіе какой утраченной славы?! Какія многочисленныя несчастія изгладить?!

[4] Эта послѣдняя фраза помѣщена для эффекта; ибо исторія указываетъ на многія битвы, рѣшавшія участь Государствъ.

«лѣнія, чтобы вооруженье было въ исправности, чтобы снаряды «были въ полномъ комплектѣ и чтобъ роздано было арміи все «продовольствіе, какое только было можно собрать.»

Комбъ (p. 79), сказавъ: «Предшествовавшая Бородинскому «сраженію ночь была очень безпокойна,» присовокупляетъ: «не у «одного духъ былъ озабоченъ, многіе глаза не смыкались; много «сдѣлано было размышленій о значеніи предвозвѣщающейся на «другой день драмы, которой исполненіе будетъ такъ отдалено «отъ нашего отечества, представляло намъ на выборъ побѣдить, «или умереть.»

Графъ Солтыкъ, сопровождавшій Наполеона, 6-го Сентября (25-го Августа), при обозрѣніи нашей позиціи (p. 211—213), говоритъ объ особенной внимательности, съ какою Наполеонъ дѣлалъ оное. Изъ всего этого Солтыкъ извлекъ, что битва, которая должна произойти на другой день, ограничится пространствомъ отъ Бородина до лѣса (при Утицѣ), а по тому только на три четверти льё (трехъ верстахъ). «Тутъ-то, присовокупляетъ «онъ, должны были встрѣтиться двѣ многочисленныя арміи, и «можно было судить, какое опустошенье артиллерія ихъ должна «будетъ произвесть въ массахъ, такъ плотно сдвинувшихся. Ни- «когда столь великое событіе не происходило на пространствѣ бо- «лѣе тѣсномъ.»

Тьеръ (t. XIV, p. 302), говоря объ обозрѣніи, сдѣланномъ Наполеономъ Бородинской позиціи, присовокупляетъ, что «этой «равнинѣ предназначалось сдѣлаться столь же знаменитою, какъ «Зама, Фарсала и Акціумъ. Наполеонъ (p. 303) остановился, что- «бы разсмотрѣть мѣсто, на которомъ должна будетъ рѣшиться «судьба міра.»

Въ «Мемуарахъ къ Исторіи Франціи» (t. I, p. 180), послѣ описанія приготовленія къ битвѣ, сказано: «Солнце взошло и, «освобождаясь отъ густаго тумана, покрывавшаго горизонтъ, «вышло блестящимъ на поле битвы, на которомъ, можетъ быть, «рѣшится судьба обѣихъ армій.» Это правильнѣе; фраза не столь громкая.

Баронъ Жомини (р. 222), описывая приготовленія къ Бородинской битвѣ, присовокупляетъ: «Великая сцена, которая, можетъ быть, рѣшитъ судьбу Европы.»

Въ народномъ Французскомъ сочиненіи: «Трофеи» (t. V, p. 121) сказано, что, послѣ прокламаціи, читанной предъ битвой, [3] «всѣ остались убѣжденными, что неотложная необходимость ставила намъ въ законъ побѣдить, или умереть: таковъ былъ духъ арміи.»

Солтыкъ (р. 208) говоритъ: «Наполеонъ, хотя и увѣренный въ храбрости солдатъ, хотѣлъ воодушевить ихъ еще приказомъ: онъ указывалъ имъ на побѣду, которую они одержатъ, на страданія и лишенія всякаго рода, которыя они испытывали по сей моментъ, и этѣмъ возбудить ихъ къ употребленью самыхъ большихъ усилій, чтобы завоевать отдохновенье, сдѣлавшееся имъ необходимымъ.»

Относительно этой прокламаціи Шамбре (t. II, p. 60) присовокупляетъ, что «умы не были расположены къ энтузіазму; эта прокламація, говоритъ онъ, была принята холодно. Наполеонъ обѣщаетъ войскамъ то, чего они болѣе всего желали, окончанья войны и скораго возвращенья къ родному очагу, но исполненіе перваго обѣщанья зависѣло отъ событій; относительно же втораго сомнѣвались, чтобы онъ желалъ оное исполнить.»

Сарразенъ (р. 209) говоритъ: «Когда прочитанъ былъ этотъ приказъ предъ битвой, армія отвѣчала, по обыкновенью, повторительными восклицаніями. Но ропотъ былъ общій и преимущественно со стороны офицеровъ, которые, оцѣнивая положеніе

---

[3] Извѣстная прокламація эта или приказъ была слѣдующаго содержанія: «Воины! вотъ сраженіе, котораго вы столь желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она для насъ необходима; она доставитъ намъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!»

«арміи, при нападеніи на Русскіе ретраншаменты, заранѣе почи-«тали себя жертвою, приносимою для удовлетворенія честолю-бію одного.»

Относительно выраженія Аустерлицкаго солнца, Тьеръ (р. 320) присовокупляетъ: «Увы, оно взошло, но, сокрытое тучами!»

Такъ Французы понимали значеніе битвы, въ которую при-готовлялись вступить.

ГЛАВА II.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ БИТВѢ.

Генералъ Сарразенъ (p. 126) говоритъ: «Наполеонъ цѣлый «день, 6-го Сентября (25 Августа), со вниманьемъ обозрѣвалъ по«зиціи Русскихъ, и съ горестью слышалъ радостные возгласы пре«данности, которая ихъ одушевляла.»

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 309), пишетъ, что «въ Рус«скомъ лагерѣ возбуждали отстаивать родину,» и пр.

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 47) говоритъ: «Кутузовъ, «окончивъ свои военныя приготовленія, прибѣгъ къ фанатизму, «чтобъ возбудить храбрость въ своихъ войскахъ,» и издѣвается «надъ религіознымъ чувствомъ нашего народа.

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. de 1812» (t. I, p. 642), говоря о приготовленіяхъ къ Бородинской битвѣ, просово«купляетъ: «Русскіе, полные воинственнаго жара, ожидали дня «битвы, имѣя одно только желанье — умереть за отечество.»

Тьеръ (t. XIV, p. 313), сказавъ, что Русская армія, съ своей стороны, приготовлялась къ упорной оборонѣ и рѣшилась не уступать мѣста до совершеннаго почти ея истребленія, и разбирая, по своему, ошибки Кутузова, присовокупляетъ (p. 316): «Впрочемъ, «энергія его арміи должна была пополнить все то, чего онъ не «сдѣлалъ.» Продолжая ораторствовать, онъ описываетъ (p. 317) нравственное состоянье обѣихъ армій 6-го Сентября, т. е., на канунѣ битвы; вовсе чуждый истиннаго патріотизма, религіозныхъ вѣрованій и ихъ впечатлѣній, онъ превзошелъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ.

Дѣйствительно, многіе историки издѣвались надъ Русскими за совершенный ими обрядъ на канунѣ битвы. Пусть это такъ; пусть этимъ возбуждали ихъ къ храбрости. Но съ какою цѣлью? Отстаивать родину, защищать Отечество отъ вторгнувшагося врага, для избавленія себя отъ иноземнаго ига и т. п., и съ твердою рѣшительностью приготовляясь къ смерти, лечь костьми, совершили обрядъ Христіянства, который необходимъ для каждаго Христіянина. Какая же противоположность представлялась въ средствахъ возбужденія въ лагерѣ Французовъ? Этимъ говорили, что въ положеніи, въ которомъ они находятся, имъ ничего болѣе не остается, какъ только побѣдить, или умереть; что, лишеннымъ одежды и обуви, угрожаетъ голодная смерть и т. д. Что же изъ всего этого истекаетъ? Что Русскіе сражались за святое дѣло, а противники ихъ—изъ за куска хлѣба, безъ котораго должны были погибнуть, если бы не употребили послѣднихъ своихъ усилій. Русскіе на Бородинскихъ поляхъ не почитали уже себя жильцами здѣшняго міра, [6] чему всѣ Французы безъ изъятія удивлялись, видя, какъ они, громимые полутысячью орудій, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, смыкаясь въ ряды, оставались неподвижными, внимая гласу начальниковъ.

Г.-Л. Фезензакъ (p. 43), находившійся при Наполеонѣ и объѣзжавшій съ нимъ для обозрѣнія расположенія нашей позиціи, на канунѣ битвы, сказавъ, что «зрѣлище обѣихъ армій, приготовляющихся къ избіенію (s'égorger) одна другой, представляло что-то грустное и величественное,» присовокупляетъ (p. 44): «каждый изъ вождей возбуждалъ своимъ языкомъ, соотвѣтствовавшимъ ихъ нравамъ, ихъ понятіямъ, ихъ привычкамъ.» Описывая нашу процессію, онъ не издѣвается, подобно другимъ; здѣсь у него нѣтъ ни одной фразы.

Капфигъ (t. IX, p. 260) говоритъ: «Духъ невѣрія и насмѣшливости надъ всѣми религіозными чувствами преобладалъ у Французовъ. Армія Наполеона, дщерь революціи и Имперіи, она не понимала этой энергической рѣшительности народа, идущаго подъ

---

[6] Нѣкоторыя замѣчанія на Исторію Отечественной войны 1812 года, соч. Г. — М. Богдановича. Спб. 1862 года.

«знаменами своихъ народныхъ угодниковъ; чувственный и насмѣш-
«ливый умъ XVIII столѣтія господствовалъ въ лагерѣ, въ которомъ
«блисталъ орелъ. Можно было бы даже сказать, что патріотизмъ,
«въ безусловномъ смыслѣ слова, чрезвычайно уменьшился въ вой-
«нахъ, предпринимавшихся за нѣсколько сотъ миль отъ границъ.
«Эти воинственные люди, алчные славы и счастья, дѣлали кампа-
«нiи по ремеслу, и если между ними и было поклоненіе, то это
«было поклоненіе своему Императору; религія поклоненія Цесарю
«заступила мѣсто прежней религіи. Часто между Генералами и
«Офицерами проявлялся ропотъ, часто жалобы восходили до На-
«полеона; но едва онъ являлся войску, тысячи восклицаній поды-
«мались въ рядахъ: Императоръ имѣлъ свои алтари въ сердцахъ
«солдатъ, — фанатизмъ, столь же могущественный, какъ и мысли,
«обращающіяся къ Богу.»

Шатобріанъ не раздѣляетъ мнѣнія своего соотечественника: онъ отдаетъ послѣднему неоспоримое превосходство. Въ самомъ началѣ войны, предпринимаемой въ 1812 году, онъ, между прочимъ, сказалъ, въ собраніи Академіи: «Посмотримъ, что сдѣлаютъ «наши вольнодумцы противъ Казаковъ (такъ тогда называли иног-
«да всѣхъ Русскихъ), твердыхъ вѣрою въ Бога» и т. д. Слова эти «возбудили негодованье: современные журналы разразились, но «предсказаніе сбылось въ полной силѣ.[1]

Генералъ Маркизъ Шамбре, въ «Philosophie de la guerre» (3 édit., p. 83) говоритъ скромнѣе: «Прокламаціи Наполеона и Ку-
«тузова предъ Бородинскою битвой доказываютъ, что оба вождя

---

[1] Замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ предсказаній объ исходѣ этой войны есть безспорно то, которое произнесъ знаменитый Деллиль въ своей поэмѣ «De la Pitié», далеко прежде и самаго помысла объ этой войнѣ, когда Императоръ Александръ былъ еще Наслѣдникомъ Престола. Обращаясь къ нему, Деллиль, между прочимъ, говоритъ:

«Jeune et digne heritier de l'Empire des Czars!
Sur toi le monde entier à fixé ses regards и пр.
. . . . . .
Souviens toi de ton nom; Alexandre autrefois
Fit monter un viellard sur le trone des Rois;
Sur le front de Louis tu mettras la couronne,» и т. д.

«для возбужденія храбрости въ своихъ войскахъ, полагались на «средства совершенно различныя: Кутузовъ извлекъ главныя осно- «ванія изъ религіи, Наполеонъ довольствовался напоминаніемъ сла- «вы, пріобрѣтенной ими въ столькихъ битвахъ съ разными на- «родами.»

Бородинская битва, по общему признанію, стеченіемъ обстоятельствъ, выходила изъ среды обыкновенныхъ; слѣдовательно, и усилія съ обѣихъ сторонъ должны были быть необыкновенными отъ причинъ, какъ замѣчено выше, совершенно противоположныхъ: одни должны были отстаивать родину, другіе, томимые уже голодомъ и угрожаемые голодною смертью, должны были въ побѣдѣ искать куска хлѣба, но не нашли его, не смотря на всю блистательную храбрость войскъ, мужество и искуство своихъ полководцевъ.

Относительно же Русскаго солдата, храбрость его не требуетъ возбужденія: это извѣстно Французамъ. Предъ Цултускомъ и Прейсишъ-Эйлау не почитали нужнымъ воззваній къ ихъ храбрости, и Французы знаютъ, какихъ противниковъ они имѣли въ этѣхъ и во всѣхъ другихъ битвахъ. Наполеонъ, на Островѣ Св. Елены, не разъ отдавалъ даже преимущество тогдашнимъ солдатамъ предъ солдатами 1812 года. Возбудительные приказы или, какъ Французы называютъ, прокламаціи, отдаваемые предъ битвами, у насъ такъ же рѣдки, какъ они часты у Французовъ Предъ Бородинскою же битвой нужно было показать все ея значеніе. Въ другомъ мѣстѣ этой книги я буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ о Русскомъ солдатѣ, на основаніи отзывовъ самихъ непріятелей, и особенно въ этой битвѣ.

ГЛАВА III.

ЧИСЛИТЕЛЬНОСТЬ АРМІЙ.

Въ опредѣленіи разными историками числительности войскъ, бывшихъ въ Бородинской битвѣ, въ каждой изъ арміи встрѣчается разность, иногда довольно значительная, точно также, какъ видно будетъ и при исчисленіи потерь, понесенныхъ въ этомъ сраженіи. Оба эти обстоятельства ожидаютъ еще критической обработки, съ указаньемъ неоспоримыхъ данныхъ, чтобы, разъ на всегда, принять, если и не совершенно точныя цифры, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе приближающіяся къ дѣйствительнымъ. Здѣсь я приведу только показанія разныхъ авторовъ.

Далѣе видно будетъ, что Наполеонъ, за нѣсколько часовъ до Бородинской битвы, сказалъ Генералу Раппу (Сегюръ, т. I, р. 378): «У меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ; мы потеряемъ «двадцать тысячъ, а съ остальными шестидесятью войдемъ въ Моск«ву, а по присоединеніи тамъ маршевыхъ батальоновъ, будемъ «сильнѣе, чѣмъ предъ битвой,» и т. д.

Цифра, здѣсь означенная, не понятна и далеко не приближается къ той, которою опредѣляется разными писателями числительность арміи Наполеона подъ Бородинымъ, не смотря на разногласія повѣствователей между собой, изъ коихъ ни одинъ не уменьшаетъ ея до вышеприведенной.

Въ Запискахъ на Островѣ Св. Елены (t. VIII, p. 156) находимъ, между прочимъ: «Въ Бородинѣ всѣ Русскія войска были со-

«единены числомъ сто семьдесять тысячъ человѣкъ, включая сюда «и войска Московскія. [8] Русскія войска очень храбры.»

Графъ Монтолонъ (t. II, p. 94) передаетъ слова Наполеона: «Русскіе очень храбрые солдаты; они имѣли подъ Бородинымъ сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ, включая и Московское «войско. Кутузовъ занялъ очень крѣпкую позицію, и занялъ ее съ «вниманіемъ дѣла.»

Пеле (p. 120) оправдываетъ Наполеона въ даваемой имъ числительности Русской арміи въ сто семьдесятъ тысячъ, приводя разсчетъ по своему усмотрѣнью. [9] Но чрезъ двѣ страницы (p. 123) говоритъ, что во Французской арміи было десятью тысячами менѣе, чѣмъ у Русскихъ; слѣдовательно, должно бы полагать сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ; но нѣтъ: сказавъ, что Французская армія была десятью тысячами малочисленнѣе Русской (которую онъ считаетъ по Бутурлину), дѣлаетъ разсчетъ: восемьдесятъ четыре тысячи пѣхоты, двадцать семь тысячъ конницы, пятнадцать тысячъ артиллеристовъ и инженеровъ, при пяти стахъ шестидесяти трехъ пушкахъ, и на этой же страницѣ опять повторяетъ: «такъ, что въ день битвы можно было считать дѣйствующихъ въ полѣ сто двадцать шесть тысячъ человѣкъ.» Которой же цифрѣ вѣрить?

Но узникъ Острова Св. Елены, кажется, искалъ разсѣянія въ своей несчастной долѣ. Онъ говоритъ своему Доктору О'Меарѣ

---

[8] Что это такое? Конечно, онъ здѣсь разумѣетъ ополченіе; но какія же это тогда были войска?

[9] Онъ говоритъ: «Бутурлинъ приводитъ цифры частямъ, которыя восходятъ до ста тридцати трехъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, а съ конницею Палена, которая пропущена, до ста тридцати шести. Разница въ числѣ, даваемомъ Бутурлинымъ, могла произойти отъ ополченія, котораго онъ считаетъ только десять тысячъ, тогда какъ прокламаціи Графа Растопчина жителямъ Москвы показываютъ подкрѣпленіе, приведенное Милорадовичемъ изъ Калуги: тридцать шесть тысячъ пѣхоты, три тысячи шестьсотъ конницы, восемьдесятъ четыре пушки, и Маркова двадцать четыре тысячи, что и составляетъ шестьдесятъ три тысячи, вмѣсто двадцати двухъ тысячъ четырехъ сотъ шестидесяти шести человѣкъ, которыхъ называетъ Бутурлинъ.» Замѣчательна ссылка на Московскія афиши Графа Растопчина, и очень серіозно приводимая.

(t. I, p. 192, 8 novemb., 1816), что при Бородинѣ онъ имѣлъ «только девяносто тысячъ человѣкъ, а Русскіе двѣсти пятьдесятъ «тысячъ. Онъ опять то же самое повторяетъ (p. 201).

Буржуа (p. 43) пишетъ: «Обѣ арміи были въ равныхъ силахъ, «каждая имѣла въ строю около ста тридцати тысячъ подъ ружьемъ.»

Дюрданъ (p. 34) не опредѣляетъ цифры, а говоритъ, что «обѣ арміи были почти въ равныхъ силахъ.»

Сарразенъ (p. 208) даетъ: «Французской арміи сто восемь- «десятъ тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, а Русской (p. 125) около «ста тридцати, всѣ были одушевлены найлучшимъ духомъ и пол- «ны радости имѣть наконецъ случай доказать Отечеству и Монар- «ху свою любовь и преданность.»

Пюибюскъ (p. 85) опредѣляетъ: «число войскъ Наполеона «въ сто тридцать тысячъ человѣкъ, а Русскихъ отъ ста десяти до «ста двадцати тысячъ.» То же число встрѣчаемъ въ книгѣ: «Сак- сонцы въ войнѣ 1812 и 1813 годовъ,» съ присовокупленьемъ (§ 375): «пушекъ съ обѣихъ сторонъ отъ осьми до девяти сотъ.»

Шрекендштейнъ (S. 2 и 4) даетъ каждой арміи по сту трид- цати тысячъ. Въ «Исторіи Наполеона Буонапарте» (t. III, p. 380), одинаково говорится, съ присовокупленьемъ только: «около.»

Лосбергъ (S. 165) и «въ Das Buch vom Jahr 1812» etc. (S. 230) опредѣляется «сто тридцать Французовъ, отъ ста, десяти «до ста двадцати тысячъ Русскихъ,» первый присовокупляетъ, что съ каждой стороны было «отъ пяти до шести сотъ пушекъ.»

Вентурини (t. I, S. 269): «У Французовъ полтораста ты- «сячъ, у Русскихъ около ста двадцати тысячъ.»

Въ «Skizze zur einer Gesch.» (S. 193): «Французовъ пол- «тораста тысячъ, Русскихъ сто тысячъ; съ обѣихъ сторонъ тысяча «пушекъ.»

Въ «Kurze Darstellung der Marsche.» etc. etc. (S. 15): «съ обѣихъ сторонъ отъ двухъ сотъ пятидесяти до двухъ сотъ ше- «стидесяти тысячъ человѣкъ, и тысяча пушекъ.»

Рёдеръ (S. 135, 126 и 127), приводя разныя цифры силамъ арміи, отъ ста двадцати до полутораста тысячъ и той и другой, и наконецъ, кажется, спутавшись въ своихъ выводахъ, говоритъ, что во всякомъ случаѣ «Русская армія была многочисленнѣе Французской отъ десяти до двадцати тысячъ человѣкъ. «Пушекъ у Русскихъ (S. 153) болѣе шести сотъ, а у Французовъ «пятьсотъ восемьдесятъ восемь.»

Либештейнъ (t. II, S. 35) говоритъ, что «у Русскихъ было «сто двадцать тысячъ человѣкъ, а у Французовъ (S. 37) не менѣе «ста сорока тысячъ.»

Бретшнейдеръ (t. I, S. 83): «Французовъ двѣсти тысячъ, «а Русскихъ отъ ста семидесяти до ста осьмидесяти тысячъ, и съ «каждой стороны по тысячѣ орудій.»

Лабомъ (p. 143) пишетъ, что «армій съ одной и другой стороны было отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ.»

Миллеръ (t. I, S. 102) говоритъ, что «у Французовъ было «сто шестьдесятъ тысячъ пѣхоты, но, исключивъ гвардію, которая не была въ дѣлѣ, въ бою было сто двадцать тысячъ пѣхоты, «пятьдесятъ тысячъ конницы, всего сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ и около осьми сотъ пушекъ. Русскихъ съ ополченьемъ, пѣхоты сто пятьнадцать тысячъ, конницы, съ Казаками и Башкирами, сорокъ тысячъ, всего сто пятьдесятъ пять тысячъ.»

Роньи (p. 207) говоритъ, что «Наполеонъ атаковалъ лѣвое «крыло Кутузова съ полутораста тысячами человѣкъ; Русская же «армія имѣла болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ.»

Въ «Oestr. «Zeitschrift,» II Heft, сказано: «Русскихъ было «сто сорокъ тысячъ человѣкъ.»

Шамбре (t. II, p. 61) даетъ «Французамъ около ста двад«цати тысячъ человѣкъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пуш«кахъ, а Русской арміи девятсто двѣ тысячи регулярныхъ и «десять тысячъ ополченія, при шести стахъ пушекъ, и говоритъ, «что онъ не упоминаетъ объ иррегулярныхъ войскахъ,[10] кото-

[10] Но ополченье въ это первое время могло почитаться для битвы несравненно безполезнѣе иррегулярныхъ войскъ, коды какимъ словомъ авторъ, ко-

«рыя въ день битвы бываютъ мало полезны, присовокупляя, что «Наполеонова армія состояла преимущественно изъ Французовъ, «и что, независимо отъ превосходства въ числительности, На«полеонъ имѣлъ неоспоримое преимущество въ тяжелой конницѣ, «пѣхота же его была составлена изъ солдатъ, испытанныхъ въ «войнахъ въ перенесеніи трудовъ и лишеній, тогда какъ Русская «армія включала въ себѣ большое число рекрутъ.»

Сегюръ (t. I, p. 370) пишетъ: «арміи были въ равныхъ си«лахъ, каждая около ста двадцати тысячъ человѣкъ, и при оныхъ «до шести сотъ пушекъ.» (То же говоритъ и Эно, p. 203), замѣчая при семъ, что «Русскіе имѣли преимущество въ мѣстности, «были одного языка, [11] одного мундира, одного народа, сражаю«щагося за одну и ту же причину, но имѣли въ рядахъ своихъ «много рекрутъ. Французы же, хотя въ одинаковой числительно«сти, но имѣли болѣе солдатъ. Армія уменьшалась, это правда, «но была здоровая, гибкая, сильная, подобно тѣмъ мужчинамъ, ко«торые, потерявъ непорочность юности, выказываютъ силы болѣе «мужественныя и болѣе выраженныя.»

Капфигъ (t. XII, p. 269) пишетъ, что «у Французовъ было «сто двадцать тысячъ человѣкъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи «пушкахъ, а у Русскихъ только восемьдесять пять тысячъ регуляр«ныхъ, десять тысячъ ополченія и около тридцати тысячъ ирре«гулярной конницы, худо организированной, [12] и присовокупляетъ:

нечно, разумѣетъ Казаковъ, потревожившихъ, однако же, порядочно лѣвый флангъ Французовъ при Бородинѣ.

[11] Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 301) замѣчаетъ, что «Русская армія состояла только изъ одного народа, говорившаго однимъ языкомъ. Она знала, что предстоящую битву положено дать для удовлетворенія ея желанія, такъ гласно ею выраженнаго, и рѣшилась оправдать во время дѣйствія мужество, съ которымъ она требовала оной. Французская армія, напротивъ, была составлена изъ многихъ народовъ, но это были солдаты отборные, почти акклиматизированные и пережившіе всѣ опасности столь дальняго похода. Это были ветераны, побѣдители Европы. Они были подъ начальствомъ Наполеона и т. д.

[12] Какая это иррегулярная конница въ такомъ числѣ? Казаковъ было только около семи тысячъ, и ихъ организація была превосходная.

«Хотя числительность армій была почти ровная, но армія Напо-«леона имѣла неоспоримое военное превосходство и познанія болѣе «обширныя, она прошла Европу и привѣтствовала всѣ столицы. «Кутузовъ же на своей сторонѣ имѣлъ любовь къ Отечеству и си-«лу религіознаго и національнаго начала.»

Бисмаркъ (Spect. milit. 1847, t. XXIV, p. 147) пишетъ, что «у Русскихъ было сто тридцать тысячъ человѣкъ, а у Француз-«овъ сто двадцать тысячъ.» Чрезъ двѣ же страницы: «Француз-«ская гвардія не была въ дѣлѣ и, слѣдовательно, Французовъ было «въ дѣлѣ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.» Значитъ, что онъ счи-таетъ гвардіи сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ ней было нѣсколько болѣе осьмнадцати тысячъ. Въ Нѣмецкомъ же сочине-ніи (S. 543) даетъ «каждой арміи отъ ста двадцати до ста сорока «тысячъ человѣкъ.»

Денье (p. 70) пишетъ, что «у Багратіона и Тучкова было «шестьдесятъ двѣ тысячи человѣкъ, у Барклая семьдесятъ тысячъ; «у Платова, съ присоединеніемъ Московскихъ резервовъ, тридцать «тысячъ человѣкъ.» По этому онъ считаетъ у насъ сто шестьде-сятъ двѣ тысячи человѣкъ. Неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ онъ набралъ такое количество. Французамъ же Баронъ Денье (p. 34) даетъ «едва сто сорокъ тысячъ человѣкъ, вмѣстѣ съ гвардіей.»

Жомини (t. II, p. 221) говоритъ: «Числительная сила была «почти одинакова, около ста двадцати, или ста тридцати, тысячъ «въ каждой арміи, но Французы имѣли пятьнадцать тысячъ ветe-«рановъ на такое же число ополченія и Казаковъ.»

Генералъ Фезензакъ (p. 41) даетъ Кутузову «сто тысячъ «пѣхоты и тридцать тысячъ конницы, а Французамъ (p. 42) сто «двадцать тысячъ.»

Кастельверъ (p. 276): «Французовъ сто двадцать тысячъ, «а Русскихъ полтораста тысячъ.»

Въ «Souvenir de Pologne» (p. 231): «При Бородинѣ Рус-«скихъ было сто двадцать пять тысячъ, а Французовъ сто десять «тысячъ человѣкъ.»

Сентъ-Илеръ (въ Hist. de la camp. de 1812, t. II, p. 45) говоритъ, что «Русскихъ было сто двадцать пять тысячъ регулярныхъ и болѣе тридцати тысячъ Казаковъ,» что составляетъ болѣе ста пятидесяти пяти тысячъ человѣкъ. «Французовъ же сто двадцать пять тысячъ человѣкъ.»

Въ «Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de Russie,» etc., написанныхъ офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (t. I, p. 189), показывается число войскъ, согласно съ Сентъ-Илеромъ, съ нѣкоторою подробностью; такъ, на пр., у Французовъ сто тысячъ пѣхоты и двадцать пять тысячъ конницы, у насъ такое же число и пѣхоты и конницы съ Казаками, къ названію коихъ присоединено «и Башкировъ.»

Принцъ Евгеній Виртембергскій даетъ «Русскимъ сто сорокъ шесть тысячъ человѣкъ, при шести стахъ сорока пушкахъ.»

Унгеръ (p. 102), приведя данныя Бутурлина о числительности Русской арміи, столь же безпристрастно, какъ Графъ Сегюръ и Маркизъ Шамбре, говоритъ: «Изъ этихъ цифръ, казалось бы, что Русская армія была сильнѣе Французской; но здѣсь можно сказать, что Французы были числительнѣе въ дѣйствительныхъ солдатахъ; ибо всѣ тѣ солдаты, которые достигли до сего мѣста, были, конечно, люди отборные, между тѣмъ какъ въ рядахъ Русскихъ находилось много такихъ, которые еще не дали огня. Что же касается до регулярной конницы, то внѣ всякаго сомнѣнія, что Французская была гораздо многочисленнѣе Русской.»

Мортонваль (p. 236) опредѣляетъ такъ: «У Русскихъ сто тридцать три тысячи пять сотъ человѣкъ и около шести сотъ пушекъ, у Французовъ (p. 253) сто тридцать три тысячи восемьсотъ девятьнадцать человѣкъ, число пушекъ равное съ Русскими.» И также присовокупляетъ: «но въ рядахъ Русскихъ было ополченіе, вооруженное пиками, и рекруты еще не обученные; часть ихъ конницы состояла изъ иррегулярныхъ Казаковъ, безполезныхъ въ день битвы. Войска же Наполеона, напротивъ, всѣ были превосходныя. Оставшіеся подъ знаменами и достигшіе до Бородинскаго поля были солдаты отборные (d'élite), сильные, испытан-

«ные, полные пламенности и довѣрія къ своему полководцу Госу-«дарю, которые видѣли въ побѣдѣ, представляющейся Французско-«му мужеству, конецъ ихъ трудамъ, а за нею—успокоеніе и славу.»

Изъ приведеннаго сравнительнаго достоинства обѣихъ армій, дѣлаемаго самими Французскими писателями, оказывается неоспоримое преимущество на сторонѣ Французской арміи, если бы даже обѣ арміи и дѣйствительно были въ равныхъ силахъ. Далѣе будетъ видно, какое вліяніе оказали на дѣлѣ всѣ эти преимущества, и какъ объ этомъ говорятъ сами же Французы, стараясь всячески затемнить истину, или же потопить ее въ безднѣ фразъ, часто безобразно неловкихъ.

Клаузевицъ (De la guerre, t. I, p. 322) сознаетъ, что Французы были сильнѣе насъ, говоря: «Если бы Наполеону уда-«лось численностью своею разбить Русскую армію, онъ за-«ключилъ бы выгодный миръ.»[13] А далѣе (p. 553) говоритъ, что «Наполеонъ имѣлъ подъ Бородинымъ только сто двадцать тысячъ человѣкъ» (!) . . . Въ другомъ же сочиненіи (D. Feldzug vom 1812 etc. S. 63) говоритъ: «Русскихъ было сто двадцать тысячъ, въ «томъ числѣ десять тысячъ ополченія, а Французы имѣли около «ста тридцати тысячъ человѣкъ.» Въ третьемъ же сочиненіи своемъ (Militairische Briefe eines Verstorbenen, t. I, S. 259, изд. 1854) даетъ арміямъ равныя силы, каждой въ сто двадцать тысячъ человѣкъ, и повторяетъ это на страницѣ 409.

Вольцогенъ (S. 137) опредѣляетъ число Русскихъ войскъ въ «сто тридцать двѣ тысячи человѣкъ,» въ числѣ ихъ десять тысячъ ополченія, при шести стахъ сорока пушкахъ. Французамъ даетъ

[13] Здѣсь Г. Клаузевицъ, кажется, мѣритъ на свой Нѣмецкій аршинъ. Послѣ Іены и Ваграма выгодный миръ для Наполеона могъ быть заключенъ; но-всѣмъ не то было бы, если бы Бородинская битва была нами проиграна. Г. Клаузевицу, служившему тогда въ нашихъ рядахъ, долженъ былъ быть извѣстенъ манифестъ и другія данныя, изъ которыхъ видно было, что «до-«кодѣ одинъ врагъ будетъ оставаться на землѣ Русской, миру не бывать, «хотя бы намъ пришлось отступить до Волги и далѣе.» Императоръ Алек-сандръ I объявилъ, что онъ «никогда не подпишетъ стыда своего на-«рода» и т. д.

(S. 139) «сто десять тысячъ пѣхоты, тридцать тысячъ конницы и шесть сотъ пушекъ.»

Цельнеръ (S. 60) опредѣляетъ съ каждой стороны «по сто «двадцати тысячъ и по шести сотъ пушекъ.» Замѣчая при семъ, что Русская армія была составлена изъ одного народа, одного языка и стояла за одно дѣло. Французская же армія (S. 61), хотя и въ равныхъ силахъ, но была составлена изъ разныхъ народовъ.

Гофманъ, въ «Tagebuch» 2 го корпуса (S. 102): «у Француз«зовъ было сто три тысячи человѣкъ пѣхоты и тридцать тысячъ «шестьсотъ конницы, при пятистахъ осьмидесяти семи пушкахъ. «У Русскихъ пѣхоты девяносто шесть тысячъ человѣкъ, конницы «осьмнадцать тысячъ триста, пушекъ шестьсотъ сорокъ, сверхъ того «двадцать тысячъ Казаковъ и милиціи, тогда вооруженной еще «пиками,» а по тому авторъ заключаетъ: «Наполеонъ имѣлъ двад«цатью тысячами линѣйной пѣхоты болѣе, чѣмъ у Русскихъ, и «столько же болѣе и конницы.»

Въ другомъ же сочиненьи своемъ (Schlacht v. Borodino), изданномъ около пятнадцати лѣтъ послѣ перваго (S. 31), число Французовъ опредѣляетъ по списку 2-го Сентября, т. е., за четыре дня до Бородина: «пѣхоты сто тридцать тысячъ, конницы «тридцать тысячъ, при пятистахъ осьмидесяти семи пушкахъ. Рус«скимъ же даетъ цифру сто двадцать тысячъ, въ томъ числѣ ось«мнадцать тысячъ конницы, съ семью стами двадцатью и пятью «пушками. Казаковъ восемь тысячъ и пятьнадцать тысячъ опол«ченья, которое только фигурировало.»

Шапюи (p. 558), описывая крѣпость нашей позиціи, даетъ «Русской арміи болѣе ста тридцати тысячъ человѣкъ при семи «стахъ пушкахъ, а Французамъ отъ ста двадцати четырехъ до ста «двадцати пяти тысячъ, при пяти стахъ шестидесяти пушкахъ.

Форъ, также очевидецъ битвы, даетъ Французской арміи (p. 304): «отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ; «Русскихъ, если не столько же, то не менѣе, и были въ дѣлѣ всѣ, «а у Французовъ гвардія оставалась въ резервѣ: артиллерія Фран«цузская очевидно была превосходнѣе непріятельской.»

Галуа, «въ Исторіи Наполеона» (II part., p. 440) даетъ «Рус-«скимъ отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ, при-«совокупляя, что силы Французовъ были равны, но что превосход-«ство ихъ артиллеріи остается несомнительнымъ.

Тьеръ (t. XIV, p. 315) думаетъ, что «силы Русской арміи «подъ Бородинымъ восходили до ста сорока тысячъ человѣкъ, «въ числѣ коихъ сто двадцать тысячъ регулярныхъ, остальные «Казаки и Московское ополченье. Французовъ же опредѣляетъ въ «числѣ (p. 313) на лицо около ста двадцати семи тысячъ чело-«вѣкъ, дѣйствительно находившихся подъ ружьемъ и одушевлен-«ныхъ необыкновенною довѣренностью, при пяти стахъ осьмидеся-«ти пушкахъ.» Изъ этого видно, что и Г. Тьеръ показываетъ Фран-цузскую армію многочисленнѣе нашей, не считая Французской гвардіи.

Хржановскій (p. 10), не опредѣляя цифры, говоритъ, что «обѣ арміи были въ равныхъ силахъ.»

Такова разнообразность въ опредѣленіи числительности обѣ-ихъ армій иностранными писателями! У насъ представляются тѣ же варіянты.

Козегартенъ (стр 163) говоритъ: «Подъ Бородинымъ ар-«мія Наполеона состояла изъ двухъ сотъ тысячъ пѣхоты, сорока «тысячъ конницы, съ тысячью орудіями и пятью тысячами арти-«леристовъ;» слѣдовательно, «изъ двухъ сотъ сорока пяти тысячъ «человѣкъ. Русскихъ, съ Московскимъ и Владимирскимъ ополченія-ми, въ половину.»

Ахшарумовъ (стр. 115) даетъ: «Русскимъ сто восемь ты-«сячъ, а Французамъ сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.»

Бутурлинъ (t. I, стр. 261) пишетъ: «Русская армія состоя-«ла изъ ста тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ сто «пятьнадцать тысячъ регулярныхъ, семь тысячъ Казаковъ и десять «тысячъ ополченья, съ шестью стами сорока пушками. У Фран-цузовъ около ста девяноста тысячъ въ строю и до тысячи пушекъ.»

Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 200) опредѣляетъ: «Французскую армію болѣе ста семидесятъ тысячъ человѣкъ, при-

«совокупляя, что Кутузовъ считалъ оную съ небольшимъ въ сто «шестьдесятъ тысячъ. Русскихъ сто тридцать тысячъ, въ томъ чи- «слѣ пятьнадцать тысячъ рекрутъ и пятьнадцать тысячъ ополченья.»

Нѣловъ (стр. 12) говоритъ, что «у Русскихъ состояло подъ «ружьемъ сто три тысячи, Казаковъ семь тысячъ, около десяти «тысячъ ополченья, и того сто двадцать тысячъ, орудій шесть «сотъ сорокъ. Французамъ онъ даетъ (стр. 15): подъ ружьемъ сто восемьдесятъ пять тысячъ и болѣе тысячи орудій.»

Глинка опредѣляетъ «число Русскихъ во сто тринадцать ты- «сячъ, кромѣ ополченья, пушекъ шесть сотъ сорокъ. Французовъ «сто восемьдесятъ восемь тысячъ, пушекъ тысяча.»

Полевой (стр. 51) опредѣляетъ «число Русскихъ войскъ въ «сто семьдесятъ девять батальоновъ, сто шестьдесятъ четыре эс- «кадрона, шестьсотъ сорокъ орудій, двадцать Казачьихъ полковъ «и десять тысячъ ополченья. Всего на все сто двадцать тысячъ «человѣкъ. Армію Наполеона онъ считаетъ: двѣсти шестьдесятъ «пять баталіоновъ, двѣсти шестьдесятъ семь эскадроновъ, тысяча «орудій, всего сто весемьдесятъ пять тысячъ человѣкъ.»

Графъ Толь (t. II, S. 57), разобравъ критически даваемыя нѣкоторыми писателями цифры арміямъ, сошедшимся при Бородинѣ, опредѣляетъ: «Французовъ въ числѣ ста двадцати осьми ты- «сячъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пушкахъ. Русскихъ въ чи- «слѣ ста четырехъ тысячъ, съ шестью стами сорока пушками.»

Богдановичъ (т. II, стр. 162 — 163) опредѣляетъ числи- тельность арміи подъ Бородинымъ: «Русскихъ, пѣхоты семьдесятъ «двѣ тысячи, конницы семьнадцать тысячъ пять сотъ, піонеръ, ар- «тиллеріи и пр. четырнадцать тысячъ триста, Казаковъ семь ты- «сячъ, ополченья десять тысячъ, что всего составитъ сто двадцать «тысячъ восемьсотъ человѣкъ,» и замѣчаетъ, что, за исключеньемъ иррегулярныхъ войскъ, почти вовсе не учавствовавшихъ въ сра- женіи, и ополченія, большею частью вооруженнаго пиками и не могшаго принесть большую пользу въ бою, [14] «мы имѣли около ста

---

[14] Это только въ нѣкоторой степени справедливо: Казаки, въ день Бородинской битвы, были чрезвычайно полезны въ диверсіи, сдѣланной ими на лѣвый

«четырехъ тысячъ человѣкъ, при шести стахъ сорока орудіяхъ, и «что въ помянутомъ числѣ находилось до пятьнадцати тысячъ рек«рутъ.» Но не счатать ихъ въ числѣ старыхъ солдатъ было бы несправедливо; ибо они поступали въ дѣйствующія войска уже обученными и, будучи въ пропорціи одного къ шести старымъ солдатамъ, не могли не дѣйствовать наравнѣ съ ними съ одинаковымъ достоинствомъ, въ особенности въ массахъ — главномъ характерѣ Бородинской битвы; относительно же духа и самоотверженія они были одинаковы.

Если же ихъ исключитъ изъ ста четырехъ тысячъ, цифры, даваемой авторомъ нашей арміи, окажется оной только восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Сила Французской арміи опредѣляется «въ сто тридцать ты«сячъ человѣкъ, съ пятью стами осьмидесятью семью пушками.» Авторъ присоединяетъ: «Въ артиллеріи мы имѣли рѣшительный «перевѣсъ надъ непріятелемъ, не только по числу орудій, но и по «калибру» и т. д. Авторъ, по видимому, обратилъ вниманіе на этотъ предметъ и приступилъ къ выводамъ; но жаль, что не простеръ ихъ далѣе; ибо, желательно было бы, чтобы цифра эта установилась разъ и на всегда.

Смиттъ (S. 20), писавшій, кажется, въ одно время съ Г. Богдановичемъ (одинъ о другомъ не говоритъ), разбираетъ критически цифры, даваемыя арміямъ Бутурлинымъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ, и опредѣляетъ числительность Русской арміи, какъ и Г. Богдановичъ, во сто четыре тысячи человѣкъ, при шести стахъ сорока орудіяхъ; цифры же, даваемыя Французской арміи, нѣсколько расходятся; онъ опредѣляетъ оную во сто тридцать двѣ тысячи человѣкъ. Очень жаль, что этотъ глубоко ученый кри-

---

флангъ непріятеля, что, по собственному его признанью, имѣло на исходъ битвы весьма важныя послѣдствія, и что дальнѣйшее ихъ дѣйствіе могло бы быть очень гибельно для Французовъ. Ополченье же, если и не сражалось съ непріятелемъ лично, то сохраняло множество людей, въ строю сражающихся, принимая тотчасъ за второю линіею, а часто и за первою, какъ это было въ 6-мъ корпусѣ, раненыхъ, для дальнѣйшаго ихъ доставленія на перевязочные пункты; слѣдовательно, содѣйствіе онаго въ тотъ день было важно. Здѣсь можно бы было сказать еще многое.

тикъ не распространилъ своихъ сужденій вообще объ этомъ предметѣ съ тою отчетливостію, которая съ нимъ такъ свычна.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ оказывается **двадцать восемь** сочиненій, дающихъ въ день Бородинской битвы Францской арміи превосходство въ числительности предъ Русской арміей, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, и только **тринадцать** говорятъ о превосходствѣ числомъ Русской арміи, но и здѣсь, какъ видно было, многіе уравниваютъ это тѣмъ, что Французы все таки имѣли преимущество въ качествѣ солдатъ, какъ уже испытанныхъ въ бояхъ, между тѣмъ какъ у Русскихъ было много рекрутъ, ополченія и Казаковъ. **Одиннадцать** говорятъ, что армія была въ равныхъ силахъ, отъ 120 до 130 тысячъ, но и тутъ нѣкоторые присовокупляютъ, что несомнѣнный перевѣсъ былъ на сторонѣ Французовъ въ опытности солдатъ и т. п. **Два** не называютъ числа, но говорятъ, что армія была въ равныхъ силахъ. Вообще же всѣ даютъ превосходство въ силахъ Французской конницѣ противъ Русской, артиллеріи почти равносильной.

ГЛАВА IV.

НАПОЛЕОНЪ ПЕРЕДЪ БИТВОЙ.

Теперь обратимся къ самому Наполеону.

Маршалъ Гувьонъ Сенъ-Сиръ, говоря о Бородинской битвѣ (t. III, p. 267), присовокупляетъ: «Расположеніе Русской арміи «указывало, что она рѣшилась принять битву; но на этотъ разъ «Наполеонъ желалъ ее менѣе, и я думаю, присовокупляетъ Мар«шалъ, что онъ предпочелъ бы пройти въ Москву безъ боя.»

Мишо того же мнѣнія, разсуждая о долженствующей на другой день быть битвѣ; онъ (p. 133) пишетъ: «Наполеонъ давно «желалъ ея, вызывался на нее. Однако же, говорятъ, что въ ту «минуту, когда должно было дать ее, онъ показалъ нѣкоторое ко«лебанье, которое относили къ его нездоровью; но достовѣрно то, «присовокупляетъ авторъ, что онъ не обнаружилъ ни ретивости, «ни способности, которыя выказывалъ во многихъ случаяхъ менѣе «важныхъ.»

Сарразенъ (p. 126) пишетъ: «Наполеонъ, обозрѣвъ 6-го «Сентября (25 Авг.) позицію Русскихъ, былъ въ нерѣшимости: «дать ли битву, или маневрировать на лѣвый флангъ Кутузова, «чтобы понудить его оставить редуты.»

Баронъ Денье свѣдѣтельствуетъ (p. 70), что «Боссе, Пре«фектъ дворца, пріѣхалъ изъ Парижа съ депешами, и привезъ На«полеону портретъ его сына. Императоръ въ молчаніи разсматри-

«валъ его, и потомъ приказалъ выставить оный предъ палаткою, «но тотчасъ, послѣ съ живостью и какъ бы отрываясь отъ душев- «ной тревоги, которую онъ усиливался превозмочь, сказалъ: «Сни- «мите его! Ему слишкомъ рано видѣть поле битвы.» Эпизодъ этотъ разсказывается многими.

Шамбре (t. II, p. 47) пишетъ: «Въ два часа утра, 7 Сен- «тября (26 Авг.), проснулся Наполеонъ въ своей палаткѣ, располо- «женной среди карре старой гвардіи, и спросилъ о погодѣ; на от- «вѣтъ онъ воскликнулъ: «Мы будемъ имѣть ту же погоду, какъ и «въ Аустерлицѣ.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 370) свѣдѣтельствуетъ: «Въ ночь на «7 Сентября (26 Августа) Наполеонъ не могъ уже болѣе сомнѣваться «въ битвѣ, и возвратился въ свою ставку, чтобы отдать приказа- «нія. Тутъ онъ размышляетъ о важности своего положенія. Онъ «чувствуетъ, что арміи необходимъ отдыхъ (p. 371), какого бы «онъ рода ни былъ, и что ей нѣтъ инаго средства найти его, какъ «въ смерти, или въ побѣдѣ.»

«Въ эту ночь, продолжаетъ авторъ (p. 376), Наполеонъ без- «прерывно призывалъ, спрашивая, не слышно ли какого шума, и «посылалъ смотрѣть, тутъ ли непріятель? Онъ такъ мало былъ «увѣренъ, чтобы Русскіе не отступили, что удерживалъ у себя «приказъ. Успокоился на нѣсколько минутъ, но потомъ безпокой- «ство противоположное опять овладѣло имъ. Лишенія его солдатъ «ужасаютъ его. Какъ они, обезсиленные и голодные, выдержатъ «продолжительное и ужасное столкновенье! Въ этомъ опасномъ по- «ложеніи онъ смотритъ на гвардію, какъ на единственный свой «оплотъ, повторяетъ приказаніе раздать ей сухари и рисъ, не до- «вѣряя исполнителямъ, спрашиваетъ часовыхъ: исполнено ли его «приказаніе?»

«Но скоро (p. 377) опять зоветъ. Адъютантъ находитъ его «поддерживающимъ голову руками и ему слышится, что Наполеонъ «размышляетъ о суетности славы, потомъ жалуется на непостоян- «ство фортуны, что, говоритъ онъ, испыталъ, и, какъ бы возвра- «щаясь къ мыслямъ болѣе успокоительнымъ, вспоминаетъ, что ему «было говорено о медлительности Кутузова» и пр.

Вотъ какъ передаетъ этотъ разговоръ самъ Раппъ (p. 164): «Мы сегодня будемъ имѣть дѣло съ этимъ знаменитымъ Кутузо-«вымъ. Вы, конечно, помните, что это тотъ самый Кутузовъ, кото-«рый командовалъ въ Браунау, въ Аустерлицкую кампанію. Онъ «оставался три недѣли въ этой крѣпости, ни разу не выходя изъ «своей комнаты, даже не садился на лошадь, чтобы видѣть укрѣп-«ленія. Беннигсенъ также старъ, но бодрѣе и крѣпче его. Не знаю, «по чему Александръ не назначилъ этого Ганноверца на мѣсто Барк-«лая!» Послѣ сего Наполеонъ выпилъ пуншу и велѣлъ подать так-«же и Раппу.»[15]

«Ну, что, Раппъ! Ожидаешь ли ты, что мы сегодня совер-«шимъ хорошія дѣла?»

—«Нѣтъ сомнѣнія, Государь! Мы истощили всѣ свои средства, «мы принуждены побѣдить.»—«Le fortune est une franche cour-«tisane; я это часто говорилъ и начинаю это испытывать.» — «Ва-«ше Величество! Помните, что сдѣлали мнѣ честь, сказавъ въ Смо-«ленскѣ, что вино разлито, и его должно выпить: теперь, какъ «никогда, предсталъ этотъ случай, теперь нѣтъ уже времени отла-«гать. Впрочемъ, армія знаетъ свое положеніе. Она знаетъ, что «найдетъ существованіе только въ Москвѣ, и что ей для этого «должно сдѣлать только тридцать льё.» — «Эта бѣдная армія, вос-«клицаетъ Наполеонъ, очень уменьшилась, но то, что осталось, «хорошо: гвардія моя, впрочемъ, не тронута.» [16]

Графъ Сегюръ (p. 378) присоединяетъ, что, когда Раппъ замѣтилъ, что битва будетъ кровопролитная, Наполеонъ сказалъ: «Я знаю, но у меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Я потеряю «двадцать тысячъ, а съ шестидесятью тысячами войду въ Москву. «Отсталые и маршевые баталіоны присоединятся, и мы будемъ «сильнѣе, чѣмъ предъ битвой.» Цифра эта не понятна и далеко не

---

[15] Во время битвы, въ десять часовъ утра, какъ будетъ видно, онъ опять пьетъ пуншъ. Всѣ этѣ подробности замѣчательны, по тому что о нихъ упоминается при одной Бородинской битвѣ.

[16] E. M. Сентъ-Илеръ (t. III, p. 66, 67) приводитъ это же внутренее состояніе Наполеона и разговоръ, съ ничтожными только измѣненіями.

приближается къ той, которую даютъ разные писатели, о чемъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ.

Бисмаркъ (р. 147) пишетъ: «Когда послѣ рекогносцировки «Наполеонъ возвратился въ свою палатку, онъ почувствовалъ ли- «хорадочный припадокъ, волненіе, палящую жажду, что лишило «его ночнаго отдохновенія, столь необходимаго для его души и «тѣла. . . . Его рѣчь прерывчива; онъ жалуется на непостоянство «фортуны; въ слѣдъ за симъ впадаетъ въ мрачныя мечтанія, и его «отрывистыя рѣчи обнаруживаютъ всѣ мысли, его волновавшія: «Что такое военное искуство? говорилъ онъ. Оно не что иное, какъ умѣнье быть сильнѣе въ данный моментъ» и пр.

Но, кажется, Генералъ Бисмаркъ усиливаетъ его нездоровье; ибо ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, не возводилъ оное до такой степени.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

АРХИВЪ

ВОЕННО-ПОХОДНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ

ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

ЧАСТЬ III.

1774 — 1777.

СООБЩИЛЪ

М. О. Судіенко.

ДОНЕСЕНІЯ

ГРАФУ РУМЯНЦОВУ

ПОЛКОВНИКА ПЕТЕРСОНА,

БЫВШАГО УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ, ПО ПРЕДМЕТУ РАЗМѢНА ПЛѢННЫХЪ И РАТИФИКАЦІЙ КУЧУКЪ-КАЙНАРДЖІЙСКАГО ТРАКТАТА И ПРОЧ.

1774 ГОДА.

Копія съ подлиннаго.

1774 года, Октября 2,

въ Константинополѣ.

Высокоповелительному Господину, Генералъ Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и разныхъ Орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцеву,

РАПОРТЪ.

По отъѣздѣ моемъ изъ Силистріи, всевозможное, во удовлетвореніе повелѣній Вашего Сіятельства, прилагалъ я стараніе, чтобы скоро пріѣхать въ Константинополь, и разсудя, что съ трудностію могъ бы я сыскать довольное число перемѣнныхъ лошадей, въ земляхъ, войною опустошенныхъ, и въ которое едва лишь только обыватели возвращаться начали, по совѣту и самаго Гассана-Паши, предпріялъ исправить путь сей на собственныхъ моихъ

лошадяхъ, а бралъ только проѣздомъ малое число недостающихъ мнѣ обывательскихъ лошадей, и то, по недостатку въ кормѣ, изнуренныхъ, и которыя болѣе мнѣ въ городѣ остановкою служили. Препровождающіе меня, присланные изъ Константинополя, Турки и самъ Приставъ, человѣкъ лѣтъ престарѣлыхъ, получившій въ награжденіе себѣ сію коммиссію, ѣдущіе на собственныхъ ихъ лошадяхъ, никакъ не могли пути продолжать такъ скоро, какъ я расположилъ: и послѣ частыхъ растаховъ, всилу 24 минувшаго, могъ поспѣть въ Константинополь. Порта расположила было сдѣлать мнѣ при въѣздѣ пріемъ, въ разсужденіи моего чина весьма, отличной, отъ котораго, однако жъ, извинился я тѣмъ, что, по слабости здоровья, не можно мнѣ было по надлежащему принять высылаемыхъ на встрѣчу, въ таковыхъ случаяхъ, чиновныхъ; а въѣхалъ я въ Царьгралъ вечеромъ и встрѣченъ былъ именемъ Порты двумя чиновными въ назначенномъ мнѣ домѣ, на крыльцѣ, въ которомъ и одна комната отъ стороны Порты убрана, что дѣлается только для перваго и втораго класса Министровъ, такожде и наемъ дому учиненъ почти вдвое противу установленнаго Повѣреннымъ въ дѣлахъ. Все сіе ясно доказываетъ особливое уваженіе и почтеніе Порты къ персонѣ Вашего Сіятельства.

На другой день пріѣзду моего, Прусской Посланникъ былъ у меня, и объявилъ мнѣ, что наканунѣ того дня возвратился присланный отъ Вашего Сіятельства къ Портѣ курьеромъ, Г. Подполковникъ и Кавалеръ Трейденъ, по усильнымъ и многократнымъ съ его стороны, стараніямъ о скорѣйшемъ отправленіи онаго, пересказалъ мнѣ содержаніе отвѣтнаго Визирскаго къ Вашему Сіятельству письма, и совѣтовалъ всевозможную употреблять нѣжность въ представленіяхъ, могущихъ быть отъ меня Портѣ, и въ требованіяхъ касательно исполненія мирныхъ договоровъ, изъ которыхъ иные, а болѣе установленіе Крымскихъ дѣлъ, чрезвычайно тронули здѣшнее духовенство, и противу коихъ неудовольствіе настоящаго правленія возрасло уже до того, что просила Порта Прусскаго Короля о заступленіи, посредствомъ котораго надѣется получить отъ нашего Двора оныхъ смягченіе; на что, для вящшаго утвержденія мирныхъ договоровъ нашъ Дворъ, и поступить можетъ, а паче на дѣла, не заключающія въ себѣ никакой важности, какъ то, чтобы посылаема была отъ Султана къ Хану сабля, и на другія,

тѣмъ подобныя, внѣшности. Я ему отвѣтствовалъ, что коммиссія моя, простираясь до артикуловъ, требующихъ скорѣйшаго послѣ заключенія мира исполненія, размѣны плѣнныхъ и могущихъ быть дѣлъ, при выступленіи войскъ нашихъ изъ мѣстъ, по трактату Портѣ возвращаемыхъ; а другія дѣла, сказалъ я ему, почитаютъ у насъ совсѣмъ за оконченныя и объ оныхъ ни малѣйшаго наставленія я не имѣю. Сверхъ всего того объявилъ еще мнѣ Прусскій Посланникъ, что имѣетъ онъ достовѣрныя извѣстія, что Вѣнскій Дворъ чрезвычайно недоволенъ былъ заключеніемъ Вашимъ Сіятельствомъ съ Портою трактата, и что въ разсужденіи добраго согласія и дружбы обоихъ Дворовъ, уже тому десять лѣтъ непоколебимо между ими сохраняемыхъ, ожидаетъ онъ отъ меня въ дѣлахъ моихъ съ Портою полной откровенности, въ которыхъ и всякое возможное съ своей стороны помогательство чинить мнѣ вмѣстѣ, коего Ваше Сіятельство и сами изволите для меня испрашивать въ письмѣ Вашемъ къ нему.

Какъ содержащееся въ письмѣ Вашего Сіятельства къ Визирю составляетъ часть данныхъ мнѣ отъ Васъ повелѣній, то и разсудилъ я не держаться только того, что объ ономъ, какъ выше упомянуто, свѣдалъ я отъ Прусскаго Посланника, но за нужное почелъ, при вступленіи въ дѣла и для лучшаго впредь собственнаго моего объ оныхъ свѣдѣнія, требовать отъ Порты копіи съ отвѣта Верховнаго Визиря на то Вашего Сіятельства письмо; оную и получилъ отъ Рейсъ-Эфендія, который объявилъ при томъ, что Порта, по полученіи онаго письма, предположила было дождаться моего пріѣзду, дабы пространнѣйшее, прежде нежели Вамъ отвѣтствовать, имѣть объясненіе о разныхъ, содержащихся въ томъ письмѣ, пунктахъ, но что не могла, наконецъ, отказать усильнымъ требованіямъ Прусскаго Посланника объ отправленіи того курьера.

Въ письмѣ семъ упоминается, что за пристойное почитаетъ Порта отложить до пріѣзду моего сочиненіе Ратификаціи въ разсужденіи словъ и выраженій, могущихъ найтиться въ Ратификаціяхъ Порты и которыя могутъ противны быть Россійскому Двору, а что по пріѣздѣ моемъ форма онымъ сдѣлана будетъ, для разсмотрѣнія и для сочиненія уже ихъ послѣ сходственнымъ, для обоихъ Дворовъ, образомъ. Въ послѣдствіе сего и требовалъ я, чтобъ сочинена была форма Ратификаціи Блистательной Порты и отдана мнѣ

для доставленія Вашему Сіятельству, упоминая въ оной формѣ, по обыкновенію своему, естьли заблагоразсудитъ, порознь о силѣ каждаго артикула мирнаго трактата, или сочинила бы оную форму по древнему, и до сего времени продолжаемому, извѣстному обряду всѣхъ Европейскихъ Державъ. На сіе мое требованіе Рейсъ-Эфенди объявилъ, что сколь можно скорѣе таковыя формы сочинены будутъ; я предполагалъ дождаться оныхъ, и тогда уже писать къ Вашему Сіятельству, но случившіяся послѣ того дѣла принудили меня отправить сего курьера.

Вчерашняго дня сообщилъ мнѣ Рейсъ-Эфенди отвѣтное письмо Вашего Сіятельства на Россійскомъ языкѣ къ Гассану-Пашѣ, на вопросъ, учиненной отъ него Вамъ, правда ли то, что Цесарскія войска вступили въ Молдавію? и просилъ сказать ему содержаніе онаго, что съ нашей стороны и учинено; по многимъ вопросамъ, что это значитъ? и по толикимъ же съ нашей стороны отвѣтамъ, что оное болѣе Портѣ должно быть извѣстно, какъ дѣло, произшедшее въ ея земляхъ, прошено было объявить, естьли имѣемъ мы какое ни будь партикулярное о томъ свѣдѣніе, и примѣтно, что сіе извѣстіе тревожитъ здѣшнее правленіе. Сіе происходило у переводчика Порты, а потомъ, перешедши въ комнату Рейсъ-Эфендія, сей Министръ, послѣ пространныхъ увѣреній, что Порта твердо желаетъ заключенной съ Россіею миръ, показалъ представленіе отъ Татаръ къ Портѣ и словесно пересказалъ содержаніе онаго, состоящее въ слѣдующемъ: Татара пишутъ къ Портѣ, сколь огорчительны имъ такіе Порты съ Россіею договоры (съ которыхъ и копію, сообщенную имъ по заключеніи мира отъ Вашего Сіятельства, прилагаютъ), въ конецъ опровергающіе всю святость Магометанскаго закона, оставляя ихъ безъ всякаго защищенія въ рукахъ Россіи, отъ которой не иначе имъ, какъ всякихъ напастей, ожидать должно; поелику сія жертва, имѣя Еникалъ, Керчю и Кильбурунъ, окружаетъ ихъ отвсюду войсками своими, а Блистательная Порта отдаляется отъ нихъ совсѣмъ, не оставляя сама себѣ ни малѣйшаго въ земли ихъ мѣста, чтобъ, въ случаѣ нужды, подать имъ должное по единовѣрію пособіе, и требуетъ поправленія сему. Мы желаемъ, продолжалъ Рейсъ-Эфенди, соблюсти мирные договоры, но что намъ, въ семъ случаѣ, съ Татарами дѣлать? Они съ нами единовѣрные, зовутъ насъ на страшный судъ Божій и требуютъ

въ семъ же представленіи, естьли иначе не можно для нихъ сдѣлать, чтобы показала имъ Порта какую нибудь пустую землю, куда бы они перейти и укрыться отъ предстоящихъ напастей могли. Подобное сему въ особливомъ письмѣ пишетъ къ намъ и Сагибъ-Гирей. Татара говорятъ, что естьли бы, какъ въ прежнихъ конгрессахъ о томъ говорено было, остался Портѣ Таманъ, то бы еще имъ оставалась какая нибудь надежда, а теперь они до такого отчаянія приведены, что лучше желаютъ умереть, нежели въ такомъ состояніи остаться; что намъ на сіе Татарамъ отвѣчать? На сіе съ нашей стороны отвѣтствовано было: естьли Порта имѣетъ чистосердечное и твердое намѣреніе соблюсти мирные договоры, торжественно съ нами заключенные, и которыхъ святости ничего уже не недостаетъ, то должна она съ презрѣніемъ смотрѣть на все противное имъ, отъ кого бы оное ни происходило, ибо безопасность Татарской вольности ограждаетъ святость торжественнаго трактата, котораго нарушить одна сторона не можетъ, не подавъ права обстоять за оной другой сторонѣ; а цѣлость закона Магометанскаго въ семъ же артикулѣ о Татарахъ довольно соблюдена, и по мнѣнію самой Блистательной Порты, которой Уполномоченные торжественно оной приняли и подписали. Рейсъ-Эфенди сказалъ, что желаетъ Порта послать со всѣхъ тѣхъ представленій Татарскихъ копіи къ Вашему Сіятельству; на что отвѣтствовано было Рейсъ-Эфендію, что естьли желаетъ Порта, то можетъ Визирь отправить ихъ самъ, чрезъ собственнаго своего курьера, что въ самомъ дѣлѣ Порта намѣрена сдѣлать, и надѣюсь, что Ваше Сіятельство вскорѣ отъ нея получите курьера; а переводчикъ Порты будто самъ отъ себя сказалъ, что лучше бы было, естьли можно поставить сей артикулъ такъ, какъ оный во время Бухарешскаго Конгресса въ ультиматумъ Абдулъ-Резакъ-Эфендія былъ представленъ. Сверхъ того, почти при всѣхъ моихъ представленіяхъ дѣлаются жалобы на нѣкоторыя выраженія въ мирномъ трактатѣ, кои, говорятъ, противны достоинству Блистательной Порты; все сіе, какъ примѣчаю, относится до того жъ артикула о Татарахъ. Примѣтить еще Ваше Сіятельство должно, что Порта по сіе время ни въ своихъ земляхъ не публиковала мирнаго трактата, и никому изъ чужестранныхъ Министровъ о заключеніи онаго не объявила, исключая только одинъ вышеупомянутый со стороны ея отзывъ Прусскому Посланнику.

По окончаніи сего разговора, требовано было съ нашей стороны, чтобы опредѣленъ и снабдѣнъ былъ фирманомъ какой нибудь чиновной отъ Порты, для отысканія открываемыхъ партикулярными людьми въ домахъ своихъ Россійскихъ плѣнниковъ; также чтобы публикованъ былъ въ здѣшней столицѣ, и во всѣхъ мѣстахъ Имперіи Оттоманской, указъ съ угроженіемъ казнію преступникамъ онаго, дабы имѣющіе таковыхъ плѣнныхъ объявляли ихъ собственнымъ начальникамъ, а сіи имѣли отсылать ихъ къ Портѣ, что все и учинено. И испрашиваемо было, въ который точно день имѣетъ прибыть къ мѣсту взаимной размѣны чрезвычайныхъ Посольствъ обѣихъ Имперій Блистательной Порты Посолъ; на сіе отвѣтствовано, что то не скорѣе воспослѣдовать можетъ, какъ къ первому Марта будущаго года; а что одолжили бъ Ваше Сіятельство назначеннаго отъ Блистательной Порты Посломъ Абдулъ-Керимъ-Эфендія, которому на сей случай даны три бунчука и титулъ Бейлеръ-Бея Роиельскаго, естьли бъ отложили тотъ Чрезвычайныхъ Пословъ съѣздъ до 22-го Апрѣля. Симъ расположеніемъ тщетною осталась надежда Гассана-Паши Силистринскаго. Онъ внушить мнѣ старался, что охотно принялъ бы на себя сію комиссію. Такожде повторяемо было требованіе о ратификаціи, о которой прежде, нежели оную сочинить, взялъ время Рейсъ-Эфенди переговорить съ бывшими на Канарджинскомъ конгрессѣ уполномоченными.

Чрезъ три дня послѣ моего въ Константинополь пріѣзду, прибыли сюда и Депутаты обоихъ Княжествъ, Волоскаго и Молдавскаго, препровождаемые со стороны Вашего Сіятельства Подпоручикомъ Петромъ Ширяемъ, не въ лучшее, конечно, для представленій имѣющихся отъ нихъ къ Портѣ время. Порта знаетъ, чего они требуютъ, и что избрали они уже Князя; а княжество сіе здѣсь дано другому. Не повѣрите, Ваше Сіятельство, сколько сіе обстоятельство перемѣнило видъ всѣхъ нашихъ дѣлъ съ Портою; препятствіе со стороны Порты не другое есть, какъ то Вашему Сіятельству уже извѣстно, произведеніе въ Князи своего переводчика Александраки, что и поспѣшила Порта сдѣлать происками здѣшнихъ Грековъ изъ Фанаря, которые точныя всегда получали извѣстія отъ бояръ, живущихъ въ Брашовѣ, о всемъ происходящемъ въ Валахіи и Молдавіи; и самое большое сопротивленіе есть

со стороны ихъ; ибо то самая правда, что Визирь въ письмѣ своемъ къ Вашему Сіятельству пишетъ, что и произведеніемъ Григорія Гики, естьли бы то было на всю его жизнь, всей націи Греческой причинено бъ было крайнее оскорбленіе; съ другой стороны, и сами Депутаты остаются въ нерѣшимости; они получили извѣстія на дорогѣ, что Князь сдѣсь сдѣланъ; тамо выбрало общество другаго, и сочинены были ихъ представленія, не знавъ его обстоятельства; теперь сами не знаютъ, останется ли Валахія при прежнихъ своихъ требованіяхъ, или перемѣнитъ оныя; а между тѣмъ здѣсь произведенной Князь и переводчикъ Порты всѣми мѣрами стараются, чтобы правленіе смотрѣло на сихъ Депутатовъ, какъ на своихъ подданныхъ, и въ слѣдствіе того поступаемо бы съ ними было, и я уже не однократно представлять доведенъ былъ, что они суть люди, подъ защитою народнаго права состоящіе. Переводчика Порты именемъ Рейсъ-Эфендія требовалъ, чтобы письмо Вашего Сіятельства объ нихъ отдано было Визирю, а ихъ Порта особливо примѣтъ, какъ своихъ подданныхъ, и что изъ Перы перешли они жить въ Фанарь; а Депутаты, напротивъ того, просятъ здѣсь остаться, и чтобы нетолько письмо Вашего Сіятельства безъ нихъ не было бы отдано, но и Офицеръ, препроводившій ихъ, остался бы жить съ ними, для собственной ихъ безопасности. Въ слѣдствіе сего я далъ знать Рейзъ-Эфендію, что на сіе согласиться не могу, и что письмо Вашего Сіятельства, присланной съ ними Офицеръ и Депутаты должны быть представлены вмѣстѣ. Въ семъ положеніи остается теперь дѣло, и тѣмъ лучше, ибо имѣютъ они время получить отъ согражданъ своихъ новыя наставленія, а при настоящихъ и сами не смѣютъ твердо стоять, въ разсужденіи перемѣнившихся, по отъѣздѣ ихъ, обстоятельствъ.

Примите, Ваше Сіятельство, за знакъ особливой моей должной къ Вамъ преданности смѣлость, кою пріемлю я предъявить Вашему Сіятельству мое о дѣлѣ семъ мнѣніе. Всѣ затрудненія, какъ выше я сказалъ, происходя отъ Грековъ, а болѣе отъ новопроизведеннаго Князя, имѣющихъ интересъ, чтобы Господари Молдавскіе и Волоцкіе по прежнему отъ Порты жалованы были; словесныя представленія и стороннее, такъ сказать, пособіе мало вспомоществовать можетъ требованіямъ сихъ Княжествъ. Мы имѣемъ право требовать отъ себя, чтобы, во исполненіе кондицій, на которыхъ

возвращена Портѣ Молдавія и Валахія, даны были симъ Княжествамъ привилегіи, заключающія въ себѣ оныя. Симъ образомъ перемѣнится видъ сему дѣлу и покажется оно правленію гораздо важнѣе, нежели теперь: сверхъ того, всѣ представленія наши о семъ будутъ тогда подаваемы письменно, и меньше дѣла намъ будетъ съ переводчикомъ Порты, главнымъ непріятелемъ сему дѣлу; хотя нельзя не признаться, что Греки знатное имѣютъ въ дѣлахъ втеченіе, при настоящемъ слабомъ, и почти все изъ новыхъ людей составленномъ, правленіи, въ которомъ одинъ только Рейсъ-Эфенди, протекторъ ихъ, почитается за человѣка искуснаго; сей есть тотъ самый Измаилъ-Бей, который, во время царствованія покойнаго Султана, чрезъ довольно долгое время умѣлъ сохранить его къ себѣ милость, и нынѣ имѣетъ, какъ всѣ говорятъ, великой кредитъ.

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ хотѣлъ было я дать знать Прусскому Посланнику, дабы обще съ нимъ стараться вспомоществовать онымъ, но по дошедшему мнѣ отъ Аглицкаго Посла извѣстію, что Прусской Король имъ недоволенъ, и что онъ, получивъ уже свой отзывъ, пріостановился до того времени, пока получу точнѣйшее тому извѣстіе, правда ли то, или нѣтъ, ибо о семъ никто не говоритъ, а Аглицкой Посолъ слышалъ о семъ отъ Господина Тугута.

О плѣнныхъ, дабы назначено было мѣсто для размѣны ихъ, представлялъ я Портѣ, и какъ видно, она въ семъ добропорядочномъ расположеніи находитъ приращеніе себѣ дѣлъ, ибо должно бъ въ такомъ случаѣ было дать сходственныя повелѣнія для принятія и содержанія не малаго числа людей; а какъ не можетъ увѣриться она, чтобы таковыя ея повелѣнія исполнены были, то предлагаетъ, чтобы ихъ плѣнные, гдѣ бы то ни было, приведены только были къ границамъ Блистательной Порты, а потомъ пущены на волю, а оттуда уже каждый возвратился бы въ домъ свой по собственному своему произволенію; а нашихъ плѣнныхъ предлагаетъ Порта отправить моремъ, или сухимъ путемъ, туда, гдѣ Ваше Сіятельство назначить изволите, а просить только, чтобы означенные въ запискахъ, здѣсь приложенныхъ, скорѣе освобождены были.

Для скорѣйшаго производства дѣлъ разсудилъ я подавать къ Портѣ представленія на Турецкомъ языкѣ; въ оныхъ часто слу-

чется упоминать о трактатѣ; весьма при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нужно, чтобъ текстъ изъ трактата былъ точно тотъ, каковъ оный есть въ переводахъ, сдѣланныхъ во время заключенія мира; а имѣю я только онаго трактата списки, на языкахъ Россійскомъ и Италіянскомъ; всепокорнѣйше Вашего Сіятельства прошу приказать прислать мнѣ копію и съ Турецкаго трактата.

Авдіенціи я еще у Визиря не имѣлъ по причинѣ той, что до пріѣзду еще моего назначены были дни для авдіенцій всѣхъ резидующихъ разныхъ Дворовъ перваго и втораго класса при Портѣ Министровъ; однако жъ сіе обстоятельство никакого дѣламъ препятствія не приноситъ.

О случившихся въ Министерствѣ перемѣнахъ ничего здѣсь не упоминаю, для того, что оные происходили еще до пріѣзду моего, и что Прусской Посланникъ, конечно, о томъ увѣдомилъ Ваше Сіятельство чрезъ Господина Подполковника и Кавалера Трейдена, о чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христоферъ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.

14 Октября, 1774 года.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и разныхъ Орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцеву.

Рапортъ.

Копію съ ферамановъ о военноплѣнныхъ я получилъ, и съ которыхъ съ одного при семъ переводъ прилагаю, ибо они всѣ одного содержанія, исключая только то, что публикованный въ Константинополѣ фирманъ не упоминаетъ о Грузинцахъ, разумѣя людей сей націи подъ именемъ и протчихъ Христіанъ, такожде и то, что отыскиваемые здѣсь невольники мнѣ отдаваемы быть

имѣютъ; довольное число оныхъ есть въ здѣшнемъ городѣ, и у меня въ домѣ уже ихъ не мало. Въ запискахъ старой Архивы, которыя Господинъ Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ, оставилъ у Аглицкаго Посла, нашелъ я, что таковымъ освобожденнымъ плѣннымъ каждому давалось на день по пяти паръ; сверхъ того не имѣющимъ одежда и обувь; я то же самое опредѣлилъ имъ, и впредь давать буду, естьли Ваше Сіятельство апробовать изволите. Въ разсужденіи умножающагося ежедневно числа освобождаемыхъ невольниковъ, чтобы было гдѣ имъ зимою жить, велѣлъ я построить съ печьми сарай, на принадлежащей въ Перѣ нашему Двору землѣ. О находящихся въ Едикулѣ и Терсанѣ Россійскихъ военноплѣнныхъ, изъ числа которыхъ Господа Маіоры Дивовы съ 5-ю служителями, по просьбѣ моей, изъ Едикула выпущены, и о ихъ долгахъ получилъ я списки отъ Г-на Подполковника Тютчева, тамо обрѣтающагося, и оные при семъ прилагаю.

Г-нъ Ферьерн, живущій въ Смирнѣ, во время войны и послѣ окончанія оной, исполнялъ налагаемыя на него разныя коммиссіи командующими Россійской Императорской флотъ въ Архипелагѣ, и имѣлъ переписку съ Прусскимъ Посланникомъ. По пріѣздѣ моемъ получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ и самъ меня о состояніи своемъ увѣдомляетъ. А какъ извѣстно мнѣ стало, что въ Смирнѣ и въ околичныхъ мѣстахъ есть много Россійскихъ невольниковъ, то и поручилъ я ему стараться объ освобожденіи оныхъ, да естьли можно сдѣлать такъ, чтобы оные во флотъ нашъ отданы были.

Письмо Вашего Сіятельства, присланное чрезъ Подпоручика Дмитрія Ширяя, Визирю вручено, а послѣ того чрезъ нѣсколько часовъ дана была авдіенція Депутатамъ двухъ Княжествъ: приняты были ласково. Рейсъ-Эфенди совѣтовалъ имъ перейти жить въ Фанарь, они то и исполнили. Я просилъ Рейсъ-Эфендія, чтобы во время бытности ихъ здѣсь не были бы они ни къ чему принуждаемы, что онъ обѣщалъ, а потомъ чрезъ нѣсколько дней далъ мнѣ знать, что Волоскіе Депутаты просятся итти къ своему Князю и говорятъ, что имѣютъ на то словесное повелѣніе отъ общества своего; однако жъ, онъ запретилъ имъ къ Князю итти, а Князю ихъ принимать; а Депутаты, напротивъ того, дали мнѣ

знать, что подсылаетъ къ нимъ Порта людей, которые подговариваютъ ихъ мятить къ Князю и отрещися отъ требованія избирать своихъ Князей. Я ему отвѣтствовалъ, что требованіе мое не принуждать Депутатовъ, не значитъ того, чтобы Порта запрещала имъ то дѣлать, чего желаютъ.

Рейсъ-Эфенди, старой нашъ недоброжелатель и человѣкъ коварнаго сердца, все стараніе свое прилагаетъ, какъ я точно узналъ, чтобы показать духовенству и правленію злыя слѣдствія заключеннаго съ нами трактата, могущія быть для Порты, и необходимую надобность передѣлать оный.

Курьера, о которомъ писалъ я къ Вашему Сіятельству въ послѣднемъ рапортѣ моемъ отъ 2-го Октября, что Порта вскорѣ къ Вамъ отправитъ, Рейсъ-Эфенди пріудержалъ; а между тѣмъ происходили частыя сношенія духовныхъ съ Депутатами отъ Татаръ, съ Министерствомъ и совѣты у Султана, такожде и принадлежащихъ Французскому Двору людей съ тѣми Депутатами; въ то же самое время онъ и переводчикъ Порты, не однократно навѣдывались у посылаемыхъ отъ меня къ Портѣ, что не буду ли и я согласенъ о томъ писать къ Вашему Сіятельству; и представить Вамъ Татарскія дѣла съ моей стороны, какъ необходимо требующія поправленія и въ томъ видѣ, что Порта хотя и твердо намѣрена сохранить мирные договоры, но и сама не знаетъ, какъ раздѣлаться съ Татарами; а Верховной Визирь, сказалъ Рейсъ-Эфенди, хочетъ писать къ Вашему Сіятельству, подобнымъ образомъ сообщить Вамъ копіи со всѣхъ Татарскихъ представленій и просить, чтобы Ваше Сіятельство, по дознанному Вашему высокодушію, вступили въ сіе дѣло и предохранили бы достоинство Блистательной Порты. Всѣ сіи внушенія не вдругъ, но порознь, и мало по малу мнѣ дѣланы были; съ моей стороны, въ отвѣтахъ искано всегда было отъ изъясненія уклониться, во первыхъ, для того, что не имѣя никакого о дѣлахъ сихъ наставленія, не смѣлъ и входить въ подробные объ оныхъ разговоры, а потомъ и для того, что во всѣхъ тѣхъ запросахъ болѣе казалось, что Порта хотѣла прежде извѣдать объ оныхъ мои мысли, нежели къ Вамъ писать, почему и разсудилъ, ожидая откровеннаго о томъ отъ Рейсъ-Эфендія объявленія, продолжать другія дѣла и при случаѣ напоминать Рейсъ-Эфендію объ сочиненіи обѣщанной имъ формы

Ратификаціи Порты; но въ семъ сперва отлагательствы извиненія, а потомъ уже въ послѣднемъ съ Рейсъ-Эфендіемъ третьяго дня сношеніи и явная претительность начала оказываться, подъ видомъ, что Порта опасается ратификовать трактатъ до того времени, пока не изъяснены будутъ тѣ пункты въ ономъ, которые, будучи выговорены генерально, могутъ быть истолкованы въ предосужденіе Порты, какъ, на примѣръ, въ третьемъ артикулѣ, чтобъ сообразоваться Татарамъ правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, безъ предосужденія ихъ вольности, примѣчалъ Рейсъ-Эфенди, что хотя и извѣстно Портѣ, что Ваше Сіятельство, для взаимнаго удовольствія и для споспѣшествованія заключенію дѣлъ, чтобы уничтожить споры объ обрядахъ закона неудоборѣшимыя, изволили постановить оный такъ, какъ есть въ генеральныхъ терминахъ, не препятствующихъ исполненію закона, а ограждающихъ только постановляемую въ ономъ артикулѣ вольность Татарской націи, но сей пасажъ терпитъ равно и противное тому, съ предосужденіемъ закона Магометанскаго, толкованіе, и можетъ впредь, естьли точное не будетъ положено значеніе оному, причинить раздоры сперва между Портою и Татарами, а потомъ оттуду между двумя Имперіями; ибо нельзя увѣриться, чтобы со стороны Татаръ исполненіе закона было всегда равное, какъ по причинѣ извѣстнаго той націи непостоянства, ея междоусобій, такъ и во время натуральныхъ перемѣнъ въ правленіи оной, какъ при всякомъ избраніи новаго Хана.

И въ 16-мъ артикулѣ о Княжествахъ, въ кондиціяхъ, на которыхъ оныя Портѣ возвращаются, восьмая въ концѣ гласитъ: «Дозволить имъ пользоваться тѣми же самими выгодами, коими пользовались во время Султана Махмеда IV». На сіи кондиціи, конечно, утверждаясь, примѣчалъ Рейсъ-Эфенди, два Княжества требуютъ избрать своихъ Князей, представленія ихъ сдѣланы въ глазахъ Россіи; Депутаты отъ насъ присланы и препровождены, и хотя во время Магмета IV, ничего вѣрнаго въ правленіи двухъ Княжествъ не было положено, и что такъ важное дѣло не на смыслѣ одного слова, во время негоціяціи необъясненнаго, утверждать бы должно, а требовать бы онаго прямо; однако жъ, толкуется оно такимъ образомъ. Есть еще многія другія, тѣмъ подобныя, въ трактатѣ слова, изъ которыхъ одни требуютъ объясне-

нія, а другія предосудительны достоинству Блистательной Порты; почему, и не объяснивъ всего помянутаго, нельзя сочинить формы Ратификаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, слово выгоды въ семъ пасажѣ въ Турецкомъ списки имтіязатъ, то есть, distinction honorifique, можетъ, по свойству языка Турецкаго, значить то, чего хотятъ отъ Порты получить два Княжества, и можетъ статься, что никогда себѣ того Порта не воображала, тѣмъ болѣе, что съ начала той кондиціи не о другомъ чемъ въ Турецкомъ, равно какъ и въ Россійскомъ, спискахъ, говорится, какъ только о налаганіи податей и о взиманіи оныхъ. Для того и отвѣтствовано съ моей стороны Рейсъ-Эфендію, что сообщеніе Вашему Сіятельству копій съ представленій Татарскихъ, объявленіе Вамъ желанія Порты, и прошеніе въ надеждѣ великодушія и извѣстныхъ благихъ намѣреній Вашихъ въ постановленіи мирныхъ артикуловъ, Вашего совѣта и предстательства, чтобы объяснены были генеральныя въ оныхъ выраженія и разныя слова, можетъ быть дѣло хорошее тогда, когда въ то же самое время Порта не на словахъ однихъ, но и самымъ дѣломъ скажетъ намѣреніе свое соблюсти постановленные съ нами мирные договоры; тотъ точно трактатъ, который ея уполномоченные приняли и подписали, должна Порта ратификовать, не утверждая отказа съ своей стороны ратификаціи на томъ, что она просьбою называетъ, и что въ семъ случаѣ не просьбы, но несправедливой претензіи видъ на себя пріемлетъ, даетъ поводъ сомнѣваться о чистосердечіи Порты, и можетъ помрачить ту откровенность, съ которою со стороны нашей по сіе время соблюдается все, относящееся къ возстановленной мирнымъ трактатомъ доброй дружбы обоихъ державъ. Что жъ касается до приведенныхъ въ примѣръ Рейсъ-Эфендіемъ двухъ пасажей изъ мирнаго трактата, съ моей стороны отвѣтствовано ему было, что въ самомъ дѣлѣ въ первомъ о Татарахъ намѣреніе Вашего Сіятельства было оградить Татарскую вольность безъ малѣйшаго закона Магометанскаго нарушенія, оставляя Портѣ и Татарамъ полную власть сохранить обряды закона, только бъ то было безъ предосужденія ихъ вольности; а въ артикулѣ о Валахіи и Молдавіи Вашего Сіятельства намѣреніе не иное, конечно, есть, какъ избавить тѣ провинціи отъ бремени податей и злоупотребленій, мѣру терпѣнія превосходя-

щихъ, безъ предосужденія прямыхъ интересовъ и правъ господства надъ ними Блистательной Порты, что и самымъ дѣломъ доказывается: ибо хотя по силѣ мирнаго артикула, правленіе тѣхъ провинцій, до выступленія войскъ Россійскихъ изъ оныхъ, намъ принадлежитъ, однако жъ ускорили Ваше Сіятельство прислать избранныхъ отъ двухъ Княжествъ Депутатовъ, и представить ихъ Портѣ, предлагая, купно съ просьбами ихъ, и въ равномъ видѣ то, что имѣете Вы право требовать. Сей поступокъ Вашего Сіятельства, естьли правленіе за сомнительный почитаетъ, то уже никогда надѣяться намъ не льзя, чтобы оказательствами съ нашей стороны дружелюбія и чистосердія привести Порту до взаимной откровенности и истребить вкоренившіяся и толико зла произведшія мнительности и подозрѣнія ея о всему томъ, что ни дѣлаетъ Россія; для того, наконецъ, подъ видомъ совѣта предложено Рейсъ-Эфендію, что Визирь, въ письмѣ своемъ къ Вашему Сіятельству, откровеннымъ образомъ говорилъ и просилъ бы о предстательствѣ Вашего Сіятельства такъ, какъ надлежитъ просить; а притомъ въ доказательство чистосердечія Порты, и въ слѣдствіе того, что онъ прежде къ Вамъ писалъ, сообщилъ форму Ратификаціи, такожде, ежели заблагоразсудитъ, и форму привилегіи, которую намѣрена дать Порта двумъ Княжествамъ, не оказывая опасности, чтобы Россія когда нибудь могла иначе толковать мирные артикулы, постановленные съ ея стороны съ доброю вѣрою и чистосердечіемъ.

Рейсъ-Эфенди объявилъ, что въ доказательство чистосердечія и добрыхъ намѣреній своихъ въ соблюденіи мирнаго трактата, Порта возобновила повелѣнія, чтобы войска ея, находящіяся въ Крыму, чѣмъ скорѣе выступили, и назначаетъ отъѣздъ изъ Константинополя полномочнаго Посла своего въ 15-е (то есть, въ 30-е Октября) число луны Рамазана съ Ратификаціею, которая сочинена будетъ обыкновеннымъ и приличнымъ достоинству Порты образомъ. Я представлялъ, что тѣмъ нужнѣе сочинить вскорѣ формы Ратификацій обоихъ сторонъ и сличить оныя, дабы послѣ, когда Послы отправятся и пріѣдутъ въ свои мѣста, не было какихъ либо о содержаніи Ратификацій споровъ; но въ семъ пунктѣ не иное что могъ обдержать, какъ только недостовѣрное, подобное первымъ, обѣщаніе, что черезъ нѣсколько дней оная сдѣ-

лана будетъ; ибо вчерась опять противное тому Рейсъ-Эфенди сказалъ, и такъ, что ни объ отъѣздѣ Посла Блистательной Порты, ни о полученіи Ратификаціи, ничего вѣрнаго сказать не можно, потому что всѣ дѣла ежедневно сообщаются здѣсь духовнымъ, и они превращаютъ все то, что съ великимъ трудомъ ни постановляется, ибо Муфти, оба Кадылескеры, и другія между ими, имѣющія теперь кредитъ, персоны, всегда противны были заключенію мира и наши недоброжелатели; а прошлой Муфти самъ отъ себя и безъ ихъ участія далъ фетву о заключеніи онаго; съ другой стороны, Французскій Посолъ далъ точно чувствовать духовнымъ и правленію, что теперь есть прямое время получить отъ Россіи Портѣ все то, что ни желаетъ, удерживаясь только ратификовать трактатъ, не престая поощрять оную, купно и съ нѣкоторыми другими Министрами, внутреннимъ у насъ обстоятельствами. Невѣроятно, до какой степени интриги сей націи здѣсь доходятъ; всѣ чины при Портѣ, что нибудь значущіе, до пріѣзду нашего перемѣнены, и заняты людьми, напоенными ихъ максимами, и первой изъ нихъ Измаилъ-Бей; чтобы умножить и между малыми людьми число недоброжелателей нашихъ, разглашено, что въ мирномъ трактѣ положено ничего не платить за письмо канцелярскимъ служителямъ, которые, кромѣ сего обыкновеннаго воздаянія, другаго и дохода не имѣютъ. О Прусскомъ Посланникѣ, который казался сомнителенъ, Французскій Посолъ, какъ послѣ я узналъ, разгласилъ то, что въ послѣднемъ моемъ рапортѣ писалъ я къ Вашему Сіятельству, что онъ въ немилости у своего Государя и что получилъ уже свой отзывъ; обо мнѣ внушаютъ, что я пріѣхалъ только размѣнять чѣмъ скорѣе плѣнныхъ, получить Ратификацію, а потомъ уже виды Россійскаго Двора откроются; что на увѣренія мои въ столь нѣжныхъ артикулахъ, какъ о Татарахъ и двухъ Княжествахъ, не должно полагаться, для того, что оные, по причинѣ моихъ коммиссій, не могущихъ къ столь важнымъ матеріямъ простираться, не обязуютъ ни къ чему Дворъ Россійскій. Все сіе, однако жъ, не уповаю я, чтобы могло довести дѣла до самой крайности, какъ по причинѣ той, что никто изъ правящихъ не можетъ польстить себя надеждою лучшаго счастія предмѣстниковъ своихъ, что нація, конечно, войны желать не можетъ, такъ и по тому, что настоящій Султанъ, по признанію всѣхъ, есть человѣкъ миролюбивый и предположившій при вступленіи своемъ

на престолъ въ покоѣ вкушати сладости вышней власти. Сіи препятствія непреоборимыми кажутся для недоброжелательства нынѣ правящихъ и посторонних внушеній, но могутъ продолжить дѣла, и всегда новые производить онымъ замѣшательства и трудности. Можно бъ сыскать способъ говорить о дѣлахъ фаворитамъ настоящаго Государя, между которыми Ясыджи-Эфенди имѣетъ первой чинъ; сей человѣкъ, при вступленіи на престолъ Абдулъ-Хамида, изъ ничего возведенъ на ту степень, въ которой нынѣ обрѣтается; посредствомъ его всѣ почти чины придворные послѣдній разъ отмѣнены были; чрезъ старыхъ его знакомцевъ можно бъ сыскать къ нему приступъ, но покуситься на сіе я безъ особливаго повелѣнія не предпріялъ смѣлости.

Депутаты Татарскіе, числомъ шестнадцать человѣкъ, подавшіе Портѣ представленія, о которыхъ я въ послѣднемъ рапортѣ моемъ къ Вашему Сіятельству донесъ, еще здѣсь обрѣтаются, и живутъ въ домѣ Рейсъ-Эфендія; сказано было, что Порта намѣрена отправить ихъ безъ отвѣта, но въ самомъ дѣлѣ отложено отвѣчать на представленія ихъ, а Депутатамъ велѣно дожидаться.

Вѣнскаго Двора Посланникъ Г-нъ Тугутъ вчерась получилъ свой отзывъ и пожалованъ Барономъ, а на мѣсто его опредѣленъ Г-нъ Биндеръ, бывшій Совѣтникомъ Посольства при Министрѣ сего Двора въ Неаполѣ.

При семъ прилагаю одно письмо Прусскаго Посланника къ Вашему Сіятельству, и отъ него жъ данное мнѣ письмо къ Алексѣю Михайловичу Обрѣзкову, присланный ко мнѣ пакетъ къ Господарю Гикѣ изъ его дому, Турецкое письмо къ плѣннику, взятому въ минувшемъ году при Карасу, объ освобожденіи котораго фамилія его проситъ, и записку о дѣвочкѣ плѣнной, присланную мнѣ отъ Порты, о чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.
14 Октября, 1774 года.

ГРАФУ РУМЯНЦОВУ.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Какъ только послѣ смерти Верховнаго Визиря Муссуна-Оглу получило правленіе списокъ съ заключеннаго съ нами трактата, то тотчасъ Измаилъ-Бей сообщилъ копію съ онаго Французскому Послу; сей примѣтилъ Портѣ, что можетъ она безъ видимаго нарушенія трактата откладывать Ратификацію онаго, искать главнымъ образомъ перемѣны нѣкоторыхъ артикуловъ, пока войски наши совсѣмъ не выступятъ, а тогда уже и силою все можно будетъ обдержать, какъ по причинѣ внутреннихъ въ Россіи замѣшательствъ, которыя здѣсь гораздо увеличены, такъ и для того, что открывшіяся посредствомъ прежнихъ негоціацій мѣры Двора Россійскаго обнимали гораздо менѣе, и можно полагать на вѣрное, что Дворъ Россійской жертвуетъ для сохраненія мира тѣмъ, что сверхъ собственныхъ желаній получилъ. Нѣсколько времени сіи внушенія безплодными оставались; извѣстіе о болѣзни Вашего Сіятельства, которую здѣсь неизцѣлимою почитали, и надежда безпорядковъ и унынія въ Арміи, придало смѣлости недоброжелателямъ; правленіе пріудержалось публиковать въ городѣ трактатъ, перемѣнили Муфтія и возвели на его мѣсто настоящаго главнаго мира заключенію противника; сей возбудилъ еще больше прежняго между собратіею своею противу постановленій мирныхъ негодованіе. Но какъ Государя миролюбивые свойствы извѣстны, и что онъ персонально доволенъ миромъ, доставившимъ ему беззаботное препровожденіе времени, такожде опасались отвращенія народа отъ войны, который, полагали, тревожиться начнетъ, какъ только возстали бы новыя между Дворами раздоры, могущія нанесть опасность о возобновленіи оной, то и сами стали дѣлать разныя разглашенія, или чтобъ испытать чувства публики, или для того, чтобы возтревожить насъ, но и приготовить къ слушанію жалобъ на трактатъ и предложеній о передѣланіи онаго. Первой

слухъ, пущенной въ народѣ, что со стороны нашей нарушенъ миръ и война опять начата, дошелъ даже до Флота нашего, и Г. Вице-Адмиралъ, Андрей Власіевичъ Ельмановъ, далъ коммисію здѣсь навѣрное о томъ провѣдать; слухъ сей уничтожился пріѣздомъ моимъ. Потомъ мнѣ начали говорить, что Порта посылаетъ тихимъ образомъ войски въ Крымъ, и въ то жъ самое время, при бывшемъ на сихъ дняхъ съ Рейсъ-Эфендіемъ разговорѣ объ учрежденіи, какимъ образомъ отыскивать плѣнныхъ, жаловался онъ на народъ въ Константинополѣ, коего своевольство и необузданныя уста не допущаютъ правленіе оказывать намъ все свое доброхотство; съ моей стороны отвѣтствовано, что на сіе смотрѣть не должно, объявляя внушенное мнѣ сколько ни щекотливо, не перемѣнитъ ни мыслей, ни поступковъ моихъ, для того, что оно невѣроятно. Теперь всѣми мѣрами стараются возбудить всѣхъ ненависть противу Россіянъ; въ дѣлѣ о плѣнныхъ связываютъ насъ сколько можно съ духовными; Татарскіе Депутаты ходятъ вездѣ по городу и жалуются на трактатъ, законъ Магометанской нарушающій. На сихъ дняхъ разбросали, по повелѣнію Стамбулъ-Эфендія или перваго городскаго судьи, одну Греческую церковь, кажется, будто нарочно для того, чтобъ я за нее вступился по силѣ мирнаго трактата; я разсудилъ умолчать о семъ, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, для того, что за нератификаціею трактата и ближайшія къ намъ дѣла, какъ-то размѣна плѣнныхъ, еще не кончены. Слухъ пустили, что послѣ Байрама Порта намѣрена объявить намъ войну; всѣ сіи разглашенія, однако жъ, и хитрости не производятъ въ народѣ того дѣйствія, котораго желаетъ коварство правящихъ и съ ними согласныхъ людей, и дѣло, кажется, обошлось бы негоціаціею (хотя и многіе думаютъ, что отъ объявленія намъ войны зима только Порту удерживаетъ), но для оныя здѣсь необходимо нуженъ Посолъ и большое иждивеніе, для перемѣны въ нужномъ случаѣ нѣкоторыхъ чиновъ въ Министерствѣ, къ чему способы могутъ со временемъ открыться и изъ оныхъ упомянутый въ рапортѣ мною служить можетъ, тѣмъ болѣе, что тотъ человѣкъ приведенъ къ содѣйствію въ послѣдній разъ учинившихся перемѣнъ, не убѣжденіемъ, но деньгами.

Съ Татарскими дѣлами и съ письмомъ отъ Визиря къ Вашему Сіятельству, слышалъ я отъ Прусскаго Посланника, что назначиваетъ

Порта отправить Вассифъ-Эфендія. Такожде увѣдомляютъ меня, что у Порты сего дня положили свиту Чрезвычайнаго Посла; она имѣетъ состоять изъ тысячи трехъ сотъ человѣкъ, и отъѣздъ его назначали опять къ 30 Октября; но на сіе не надобно полагаться, ибо естьли покажется нужна остановка, то онъ и на дорогѣ заболѣть можетъ. Новый Волоскій Господарь старается, чтобъ Посолъ былъ отправленъ чрезъ Измаилъ, или Галацъ, на Бендеры, и представляетъ разореніе двухъ Княжествъ; да и сама Порта не очень того желаетъ, въ разсужденіи обрѣтающихся тамо въ большомъ числѣ войскъ Россійскихъ; сочиненіе маршрута для Посла повѣрено Яковакію Ризо, бывшему на Фокшанскомъ Конгрессѣ за переводчика Порты.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и всепокорнѣйшею преданностію,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга,

Христофоръ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

5 Ноября, 1774 г.

Константинополь.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и всѣхъ Россійскихъ Орденовъ Кавалеру, Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Ордеръ Вашего Сіятельства, отъ 8 го минувшаго Октября ко мнѣ отправленной, имѣлъ я честь получить 19 того жъ мѣсяца, и исполнивши, поелику возможно было, предписанія Ваши въ ономъ, готовился уже отправить сего курьера, когда получилъ послѣд-

ній Вашего Сіятельства, отъ 26 Октября, чрезъ возвратившагося курьера моего, Сержанта Мавродина; но какъ и въ немъ повелѣнія Ваши отчасти уже исполнены, то и не хочу удерживать сего курьера, тѣмъ болѣе, что имѣю поздравить Ваше Сіятельство перемѣною въ образѣ поступковъ Порты, произведеною тою твердостію, которую Вы въ письмѣ своемъ къ Визирю оказали въ самое лучшее время для произведенія желаемаго дѣйствія. Я за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству подробно о всемъ, здѣсь прошедшемъ, со дня отправленія послѣдняго къ Вамъ рапорта; усмотрите здѣсь справедливость Вашихъ примѣчаній и плоды Вашей твердости.

17 прошедшаго Октября получила Порта извѣстіе изъ Крыму, о нѣкоторомъ тамъ между партизанами ея замѣшательствѣ, причинившемся, какъ сказываютъ, отъ того, что Сагибъ-Гирей вновь передался на нашу сторону, а покусившіеся атаковать часть войскъ нашихъ Татары разбиты; не знаю, правда ли сіе, или нѣтъ, и до какого степени, ибо подтвержденія о томъ послѣ ни откуды я не получалъ. Того жъ самаго дня къ вечеру былъ совѣтъ во Дворцѣ, и съ посылаемыми по разнымъ дѣламъ отъ меня къ Портѣ начали поблагосклоннѣе обходиться. Сами, Ваше Сіятельство, изволите разсудить, съ какимъ обрадованіемъ въ семъ положеніи получилъ я отъ Васъ тѣ наставленія и письмы къ здѣшнему правленію, нельзя болѣе обстоятельствамъ споспѣшествующія. Письмо Вашего Сіятельства къ Визирю того же дня къ нему отослано, а на завтрешній день, бывшій со стороны моей у Порты требовалъ уже не съ Рейсъ-Эфендіемъ, но прямо съ Верховнымъ Визиремъ о настоящихъ дѣлахъ имѣть сношеніе, не скрывая, что требуетъ онаго для того, чтобъ получить отъ него рѣшительной на все отвѣтъ, какого и Ваше Сіятельство отъ меня требуете. Но какъ до полученія помянутаго изъ Крыму извѣстія, сверхъ оказываемаго, въ слѣдствіе расположеній Порты, мнѣ недоброхотства, Рейсъ-Эфенди, въ отмщеніе, что отрекся я принять на себя открыть съ Вашимъ Сіятельствомъ о передѣланіи артикула о Татарахъ негоціаціи (къ чему меня привести онъ столько компрометировался, что наконецъ въ особенное оправданіе хотѣлъ, чтобъ я хотя и не писалъ, а обѣщалъ бы только къ Вамъ о томъ писать), даже въ самыхъ малостяхъ дѣлалъ намъ всякіе шиканствы и досады, то и встревожило сіе требованіе Рейсъ-Эфендія и переводчика Порты;

первой боялся, чтобъ я на него не принесъ жалобы, что изъ крайняго смущенія послѣдняго довольно примѣтить было можно; ибо сихъ людей жребій есть безпрерывная опасность потерять жизнь, или мѣсто, и съ нимъ большую надежду, что и отнимаетъ у нихъ силу скрывать внутреннія движенія. Должно признаться, что если бъ можно было, предвидѣвъ все сіе, упредить надлежащихъ людей и самому къ тому приготовиться, то бы въ сей день можно было подвергнуть сихъ двухъ человѣкъ опасности потерять свои мѣста. Рейсъ-Эфенди требовалъ, чтобъ ему прежде сообщены были имѣющіяся у насъ дѣла, какъ чужестранныхъ дѣлъ Министру, на что, наконецъ, и соглашенось по тому, что при оказаніи упорства могъ бы онъ продолжить сношеніе съ Визиремъ день, или два. При разговорѣ съ нимъ оказывалъ Рейсъ-Эфенди всякія ласковости, и на всѣ учиненныя тогда требованія отвѣтствовалъ удовлетворительнымъ образомъ; обѣщался сочинить формы Ратификаціи къ завтрему; о сдачѣ Кильбурна и о изпраженіи Крыма сказалъ, что повелѣнія уже давно посланы и съ тѣхъ повелѣній тотчасъ далъ копіи (изъ переводовъ которыхъ сами, Ваше Сіятельство, изволите усмотрѣть причины претительности Очаковскаго Паши сдать Кильбурнъ); сверхъ того и всѣ прочія мои дѣла тотчасъ поправлены, какъ то: перемѣнены чауши, назначенные къ отысканію плѣнныхъ; опредѣленъ чиновной для разсмотрѣнія оныхъ; повторены строжайшія публикаціи объ объявленіи плѣнныхъ; въ Терсанѣ находящимся Россійскимъ военноплѣннымъ отдана за нѣсколько дней отнятая уже у нихъ порція; запрещено продавать на рынкѣ военноплѣнныхъ; находящіеся на галерахъ нѣсколько Россійскихъ военноплѣнныхъ переведены въ Терсану, и обѣщано установить порядочные станы на дорогѣ, по которой ѣздятъ наши курьеры отъ Царяграда къ Силистріи. Сію надмѣрную податливость со стороны Рейсъ-Эфендія нельзя было приписать другому, какъ только умыслу отнять у меня надобность представлять Визирю. А какъ и противу данныхъ отъ него вышепомянутыхъ копій нельзя было чинить возраженія, что они еще были на Турецкомъ языкѣ, то, при заключеніи сношенія, требовано, чтобъ при аудіенціи моей у Визиря, имѣющей быть 21-го того жъ мѣсяца, принятъ былъ бы я безъ излишнихъ церемоніяловъ и дозволено бъ мнѣ было, не подвергая себя этикету, постановленному въ сихъ случаяхъ, говорить Визирю о дѣлахъ.

Въ день моей аудіенціи, въ вечеру, получилъ я сочиненную Рейсъ-Эфендіемъ форму Ратификаціи, а 26 ночью былъ я у него въ домѣ, для сличенія Ратификацій обоихъ сторонъ. Споръ объ этомъ былъ очень великой, и наконецъ принужденъ я былъ объявить то, что Ратификація въ предложенныхъ отъ нихъ терминахъ и съ перемѣною словъ въ трактатѣ, принята не будетъ, и наконецъ получилъ точное слово, что оная останется такъ, какъ есть, кромѣ одной въ ономъ рѣчи: Серь діянети Мугамеди, на мѣсто которой хотятъ постановить: Имануль муслиминъ и шагинъ шаги мувсгидинъ, что значитъ: «Первой Іерей Мусульмановъ и Царь Царей вѣрующихъ въ единаго Бога»; первой экспрессіи, говорятъ, яко подлой и противной его достоинству, что Султанъ, повторяя трактатъ, самъ о себѣ сказать ни какъ не можетъ, и предаютъ на разсмотрѣніе Ваше, ссылаюсь на всѣхъ знающихъ Турецкій языкъ, что нѣтъ въ послѣднихъ двухъ экспрессіяхъ ничего противнаго основаніямъ мира. Въ слѣдствіе наставленій Вашего Сіятельства требовалъ я, чтобъ Султанъ своеручно подписалъ Ратифитацію. Рейсъ-Эфенди говоритъ, что сего обыкновенія нѣтъ; я представилъ прилагаемую здѣсь выписку изъ реляціи покойнаго Вишнякова въ доказательство, что подписывалъ, и получилъ точное увѣреніе, что естьли по справкамъ сыщется въ Архивѣ хоть одинъ примѣръ тому, то Ратификація сходственно будетъ подписана. О титулѣ Султанскомъ былъ также споръ, и наконецъ согласился Рейсъ-Эфенди перемѣнить въ ономъ слова, означенныя въ двухъ прилагаемыхъ копіяхъ. Въ титулѣ Ея Величества, даваемомъ отъ сего Двора, въ тѣхъ же двухъ копіяхъ изволите увидѣть учиненныя перемѣны, и въ которыхъ знатнѣйшія есть, что, вмѣсто двухъ прилагательныхъ, хурместлю и рутботлю, въ поправленной копіи находятся слова: рутботлю достумизъ; такожде отмѣненъ весь пассажъ, слѣдующій за титуломъ настоящаго Визиря до заглавія, и въ окончаніи Ратификаціи на трактатъ внесено слово за наслѣдниковъ моихъ, котораго прежде не было, а въ Ратификаціяхъ на сепаратные артикулы оной рѣчи не будетъ, для того, говоритъ Рейсъ-Эфенди, что, именуя Султана всегда вѣчнымъ, нельзя внести слова за потомковъ его въ обязательство, имѣющееся окончиться чрезъ три года; въ самомъ же дѣлѣ, по причинѣ той, что опасаются тѣмъ дать сему дѣлу видъ подати, естьли бы Султанъ обязался и за потомковъ своихъ платить Россіи.

Я имѣлъ послать Вашему Сіятельству копію послѣдней Ратификаціи на Турецкомъ, Италіянскомъ и Русскомъ языкахъ, но никоимъ образомъ до сего времени не могъ получить копіи Турецкой съ оной отъ Рейсъ-Эфендія, и едва только могъ, и то, тайнымъ образомъ, достать отъ подчиненныхъ его дозволеніе, выписать изъ оной помянутые термины Турецкіе. Во время свиданія моего съ Рейсъ-Эфендіемъ можно бъ было прочитать и весь трактатъ, но за неимѣніемъ Турецкаго списка, не смѣлъ я подвергнуть себя злоумышленіямъ и хитрости сихъ людей. Еще относительно къ сей же матеріи за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству, что Ратификаціи Ея Величества, присланныя отъ Васъ, здѣсь вновь переведены сходственнѣе съ Русскими оригиналами и выключено изъ оныхъ, чего и въ Русскомъ нѣтъ: Вашему Султанскому Величеству отъ Нашего Императорскаго Величества дружелюбное здравіе. Потому что противу сего нельзя получить ничего отъ Турковъ; они говорятъ и пишутъ: Здравіе и миръ грядущихъ въ путь праведенъ, что значитъ послѣдователей Магомеда; но если Ваше Сіятельство заблагоразсудите никакой отмѣны не учинить въ присланномъ отъ Васъ ко мнѣ переводѣ, то я беру на себя, что оной принятъ будетъ.

Объ отдачѣ Кильбурна или, лучше сказать, о точномъ повелѣніи отдать оной, съ великимъ жаромъ говорено было Рейсъ-Эфендію. Въ бывшемъ о семъ спорѣ онъ требовалъ сначала, чтобъ Хотинъ и Бендеры прежде, или въ то же самое время, какъ Кильбурнъ намъ, Портѣ возвращены были, а потому покусился сказать, какъ намъ отдать Кильбурнъ, «не вѣдая, до чего дойдутъ Крымскія дѣла?». Сіе слово принято было съ нашей стороны должнымъ образомъ; сказано было ему все то, что въ послѣднемъ ордерѣ Вашего Сіятельства въ нужномъ случаѣ предписано говорить и, сверхъ того, объявлено, что, не могучи отвѣчать за слѣдствія, естьли Кильбурнъ въ положенное по трактату время не будетъ отданъ и войски Турецкіе не изпражнятъ Крымъ, представлено будетъ Визирю, а естьли нужно и самому Султану, запрошеніе, намѣрено ли правленіе исполнить обязательства свои по мирному трактату, или нѣтъ? Здѣсь прилагаю копію изъ даннаго послѣ того разговору повелѣнія объ отдачѣ Кильбурна съ округомъ его и съ землею, по трактату Россіи уступленною, а о

изпражненіи Крыма дано мнѣ увѣреніе, что конечно вскорѣ буду имѣть извѣстіе объ отшествіи всѣхъ войскъ Оттоманскихъ изъ границъ Татарскихъ.

О вступленіи войскъ Австрійскихъ въ Молдавію неоднократно переводчикъ Порты и самъ Рейсъ-Эфенди грворилъ со стороны нашей, утверждаясь на томъ, что отъ Вашего Сіятельства прежде ко мнѣ писано, не простирающагося далѣе, какъ чтобъ навѣдаться, какимъ образомъ приняты отъ поступокъ Австрійцевъ отъ Порты, и въ какомъ она противъ сего новаго явленія расположеніи остается, такожде и на образъ въ томъ поведенія Вашего Сіятельства, чтобъ, посредствомъ депутатовъ отъ Дивана Молдавскаго, испросить отъ Австрійцевъ причины ихъ вступленія, ясно доказывающихъ, что Ваше Сіятельство ищете увѣрить Порту о совершенномъ Россіи въ семъ дѣлѣ неутралитетѣ. Поданы уже здѣсь въ непроницаемой тайнѣ всѣ тѣ удостовѣренія, которыя предписываете мнѣ Ваше Сіятельство въ послѣднемъ ордерѣ Вашемъ чинить Портѣ и со всякою осторожностію; только что оныя поданы были Рейсъ-Эфендію, для того, что онъ о семъ дѣлалъ запросы, и что, считая дѣло сіе чрезвычайно деликатнымъ при настоящихъ расположеніяхъ правленія, не покусился я съ моей стороны о томъ провѣдывать, тѣмъ болѣе, что само правленіе начало къ намъ отзываться. Но касательно сего имѣю донести Вашему Сіятельству ниже слѣдующее: Рейсъ-Эфендій возвелъ претензію, по силѣ мирнаго артикула, которымъ Валахія и Молдавія возвращаются во владѣніе Порты, требовать отъ Россіи возвращеніе тѣхъ провинцій, въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ онѣ были, когда миръ заключенъ, и когда еще ничего со стороны Австрійцевъ не предпринято было противу сихъ провинцій, а иначе должна Порта почитать трактатъ съ нашей стороны не исполненнымъ, естьли земли, занятыя Австрійцами, не будутъ ей, равно какъ и другія, отъ насъ возвращены. Сіе было объявлено намъ первой разъ переводчикомъ Порты подъ видомъ квестіи, еще не рѣшенной. Я искалъ избѣгнуть формальнаго въ томъ отъ Порты предложенія, и объявилъ тогда же переводчику Порты, образомъ сомнѣнія, что не слѣдствія ли сіи суть прежде заключенной между Портою и Вѣнскимъ Дворомъ, во время войны съ нами, конвенціи, которою, какъ лучше Вашему Сіятельству извѣстно, обязался было Дворъ

Вѣнскій привести дѣла до того пункта, чтобъ при заключеніи мира, отданы были Портѣ всѣ наши завоеванія, и имѣлъ получить за то отъ Порты Краевской Банатъ и знатную сумму денегъ, имѣющую служить для заплаты войскъ въ пользу Порты, на границахъ своихъ долженствующихъ содержаться; половину той суммы Вѣнскій Дворъ и получилъ, а другую половину отказала Порта заплатить и ратификовать конвенцію, видя, что дѣло идетъ со стороны Вѣнскаго Двора на однѣхъ только оказательствахъ, и узнавъ, что сей Дворъ началъ входить въ другія обязательства. Казалось, что какъ настоящій Рейсъ-Эфендій не былъ противенъ заключенію сей конвенціи, во время ея постановленія, то и могъ бы онъ имѣть интересъ, узнавъ мысли мои чрезъ переводчика Порты, о таковомъ правленія мнѣніи, искать завремянно отвратить учиненіе мнѣ таковаго предложенія, къ чему многіе изъ правленія склонны уже тогда были. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того переводчика Порты, разговору, до сегодняшняго ни слова отъ правленія о вступленіи Австрійцевъ въ Молдавію я не слыхалъ. Сегодня же прислалъ ко мнѣ Рейсъ-Эфенди, съ прошеніемъ пріудержать курьера, и что хочетъ онъ о нѣкоторомъ нужномъ дѣлѣ объясниться, и бывшему тамъ со стороны моей объявилъ, что получила Порта представленіе отъ Молдавцевъ, за подписаніемъ многихъ изъ Бояръ, о вступленіи не токмо, но и занятіи знатной части Молдавскаго Княжества войсками Цесарскими. И послѣ многихъ увѣреній о твердомъ намѣреніи Порты соблюсти всѣ съ нами заключенные мирные договоры, и вскорѣ осуществить свои обязательства въ оныхъ, просилъ именемъ Верховнаго Визиря, представить Вашему Сіятельству, что правленіе, въ слѣдствіе возобновленнаго искренняго между обоихъ Дворовъ дружества и по существу мирнаго трактата, пребываетъ въ ожиданіи, что оба Княжества самымъ дѣломъ возвращены Портѣ будутъ въ постановленное по трактату время; ибо хотя Порта и полагаетъ сіе дѣло гораздо менѣе, нежели объ ономъ Молдавцы представляютъ, однако жъ въ настоящемъ той земли состояніи, когда оная еще подъ владѣніемъ Россіи остается, не можетъ Порта ни возбранить Австрійцамъ вступленія въ Молдавію, естьли бы то впрямь со стороны Вѣнскаго Двора сдѣлано было, съ намѣреніемъ завладѣть частію оной, ни чрезъ своихъ освѣдомиться о существѣ того дѣла; то и надѣется, что Ваше Сіятельство, по силѣ мирнаго артикула,

возвратите то Княжество Портѣ въ цѣлости, какъ Вы его храбростію и счастіемъ Вашимъ отъ Бога получили, и какъ возвратили Вы уже другія ея области; а при томъ проситъ Васъ освѣдомиться, чрезъ посланныхъ отъ себя, какъ о намѣреніи Австрійцевъ, такъ и о количествѣ занятой ими земли и о числѣ войскъ ихъ. Съ моей стороны отвѣтствовано, что я и Портѣ не совѣтую, и самъ не осмѣливаюсь представить Вамъ сіе дѣло въ образѣ, отъ Рейсъ-Эфендія предложенномъ, что мы сами, конечно, о дѣлѣ семъ не больше думаемъ, какъ и Порта; а естьли бы оно и въ самомъ существѣ было такъ, какъ Молдавцы представляютъ, то есть, что вошли и заняли Австрійцы знатную часть Молдавіи, чтобъ не слѣдовало ни Портѣ почитать трактатъ за несоблюденный со стороны Россіи, ибо тотъ полагаемой поступокъ Двора Вѣнскаго сдѣланъ бы былъ тогда, какъ Россія свой трактатъ съ Портою заключила, и когда оному не меньше извѣстно было дѣйствительное возвращеніе тѣхъ Княжествъ Портѣ, какъ прежде намѣренія возвратить оныя, ни Вашему Сіятельству требовать отъ Австрійцовъ занятыхъ ими земель, для того, что они не Россіи, но Портѣ принадлежатъ; равномѣрно, не можете Ваше Сіятельство отъ себя чинить запрошенія Австрійскимъ начальникамъ, по той же самой причинѣ, а тѣмъ менѣе еще навѣдываться о намѣреніяхъ въ томъ Австрійцевъ, о числѣ войскъ ихъ и о количествѣ занятой земли. Сіе испытывать надлежитъ самоближайшій имѣющимъ интересъ, а не постороннимъ людямъ; что имѣетъ у себя Порта резидующаго Австрійскаго Министра, отъ котораго, или къ самому Двору его адресуясь, можетъ получать въ сомнительныхъ случаяхъ себѣ удостовѣренія, которыя не только съ нашей стороны найискреннѣйшія не однократно уже получала, но и отъ Вашего Сіятельства въ первомъ письмѣ Вашемъ о семъ дѣлѣ къ Силистринскому Пашѣ видѣла найоткровеннѣйшій поступокъ, чѣмъ и должна быть довольна. Да и отъ самаго заключенія послѣдняго Бѣлоградскаго трактата, Порта, живучи съ Вѣнскимъ Дворомъ въ мирѣ и добромъ согласіи, ежедневно умножающимися, можетъ сама обстоятельно знать, что значатъ и откуду начало свое имѣютъ поступки въ разсужденіи себя Вѣнскаго Двора, которые для насъ суть совсѣмъ новымъ и постороннимъ явленіемъ. Рейсъ-Эфендій отвѣтствовалъ, что съ прошедшихъ обязательствъ Порты съ Вѣнскимъ Дворомъ, никакъ слѣдовать не могутъ тѣ Цесарскихъ

войскъ поступки, которые нынѣ имъ приписываются, или въ самомъ дѣлѣ суть; что же касается до Австрійскаго Министра, то она спрашивала его объяснить сіе дѣло, и получила отъ него въ отвѣтъ, что самая маленькая частица, принадлежащая къ Покутіи, занята, а въ другихъ мѣстахъ ѣздятъ только Австрійскіе инженеры, для снятія картъ; что, впрочемъ, увѣреніями съ нашей стороны она чрезвычайно довольна и принимаетъ оныя, а найпаче поступокъ Вашего Сіятельства, за знакъ прямо примирившейся съ нею державы, и въ слѣдствіе искренней двужбы и откровенности обоихъ сторонъ, проситъ писать къ Вашему Сіятельству о прежде сказанномъ. Съ моей стороны отвѣтствовано, что прійму я на себя представить о томъ Вашему Сіятельству, но не иначе, какъ въ образѣ дружеской просьбы со стороны Визиря о лучшемъ изъясненіи того дѣла, и что прійму и письмо Визиря къ Вашему Сіятельству, только чтобы оно не иначе, какъ въ томъ же самомъ смыслѣ написано было. Рейсъ-Эфенди сказалъ, что впрямъ Визирь намѣренъ былъ писать чрезъ моего курьера и при моемъ рапортѣ къ Вашему Сіятельству, но что боится увеличить сіе дѣло, а потомъ, послѣ окончанія уже разговора, прислалъ сказать, что и Визирь рѣшился писать къ Вамъ, и проситъ о доставленіи и препровожденіи своего письма, хотя предъявленнымъ со стороны моей образомъ.

О Посольской свитѣ и о прочемъ, къ тому относящемся, постараюсь я имѣть найпространѣйшее свѣдѣніе, и чрезъ имѣющагося отправиться отселѣ курьера, вслѣдъ за нынѣ ѣдущимъ, буду имѣть честь донести Вашему Сіятельству. Я уже всю архиву для сего перерылъ, но ничего въ ней о томъ сыскать не могъ. Господинъ Пизаній и Дандрій, пребывающіе въ Романѣ, яко люди, при таковыхъ оказіяхъ прежде употребляемые, могутъ подать между тѣмъ довольное въ сей матеріи объясненіе; а я только здѣсь за нужное почитаю Вашему Сіятельству донести, что Порта предполагаетъ нынѣ отправить своего посла 10 Ноября, и ожидаетъ только, какъ увѣряетъ меня въ томъ Рейсъ-Эфенди, извѣстія отъ Вашего Сіятельства о принятіи сего ея расположенія. Я же вѣрно знаю, что отъѣздъ онаго отложенъ послѣ Байрама, тѣмъ временемъ росписаны станціи для Посла, копію того росписанія здѣсь прилагаю, вмѣстѣ съ запискою на Турецкомъ языкѣ, назначенной

для его свиты. Слышно, что Посольство сіе очень великолѣпно быть имѣетъ.

Полномочіе, даваемое мнѣ отъ Вашего Сіятельства въ издержаніи толь великой суммы, пріемлю я за знакъ довѣренности Вашей, за которую, доказываемую мнѣ еще болѣе израженіями всего Ордера, всенижайшее приношу благодареніе. А какъ теперь вступленіе Цесарскихъ войскъ въ Молдавію, новымъ можетъ учиниться препятствіемъ Ратификаціи трактата, то, по усмотрѣнію, впредь употреблю я полномочіе, даваемое мнѣ съ предписанными кондиціями къ совершенію сего дѣла. Впрочемъ, твердость, оказанная Вашимъ Сіятельствомъ, произвела такую въ поступкахъ правленія перемѣну, которой едва отъ истощенія половины суммы можно бы было надѣяться.

Мнѣ о передѣланіи пункта о Татарахъ уже перестали говорить, да и Татарскихъ Депутатовъ начинаютъ худо трактовать. Мнимое Россіи изнеможеніе и подущенія посторонныхъ, отъ недоброжелательства происходящія, или въ надеждѣ остаться потребными и нужными, какъ весьма справедливо Ваше Сіятельство примѣчаете, составили всю машину, которую письмо Ваше къ Визирю почти опровергнуло, разрѣшеніемъ въ томъ единомыслія всѣхъ, что можно угроженіемъ новой войны получить что нибудь отъ Россіи. Мнѣніе Вашего Сіятельства объ извѣстномъ человѣкѣ, отъ котораго два пакета къ Вамъ при семъ прилагаю, оправдаемо еще тѣмъ, что онъ самъ искалъ сначала вперить въ меня необходимость поступить на изъясненіе артикула о Татарахъ желаемымъ отъ Порты образомъ, а теперь уже думаетъ, что можно безъ того обойтиться.

Касательно сего предъявлю я Вашему Сіятельству откровенно мое мнѣніе, яко моему брагодѣтелю. Естьли съ тою же твердостію съ нашей стороны поступаемо будетъ до самаго выхода всѣхъ войскъ изъ Крыма, отдачи Кильбурна и размѣны Ратификаціи, то престанетъ Порта до того времени докучать Вамъ и мнѣ; а начнетъ опять того требовать, когда станемъ мы дѣлать постановленія относительно къ комерціи.

Содержавшіеся въ Едикулѣ военноплѣнные, на честное мое слово выпущены и живутъ нынѣ въ Перѣ. Другіе военноплѣн-

ные ежедневно у меня умножаются; больныхъ между ними очень много, и принужденъ былъ сдѣлать госпиталь и взять доктора и лѣкаря; необходимо нужно по человѣчеству и для публики имѣть объ нихъ всякое попеченіе. Доктору опредѣлилъ я 60 піастровъ на мѣсяцъ, а лѣкарю 30; меньше право дать нельзя, а деньги у меня уже всѣ истощены; я принужденъ ежечасно дѣлать маленькіе подарки: безъ того здѣсь никакъ обойтиться нельзя.

Покорно прошу Вашего Сіятельства прислать мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть 10 тысячь, или 15 тысячь рублевъ; ибо у меня, какъ сами изволите увидѣть изъ прилагаемыхъ при семъ счетовъ, ничего изъ экстраординарной суммы не остается; но я принужденъ былъ занять превосходящее число суммы 1,000 червонныхъ, считая по 4 левка червонный.

Г. Пизаній, принятый въ службу нашу во время Фокшанскаго Конгресса, человѣкъ честной и достовѣрной, а притомъ необходимо нуженъ для того, что у меня никого къ словеснымъ сношеніямъ, къ примѣчаніямъ за переводами переводчика Порты и къ Турецкому письму, нѣтъ довольно знающаго Турецкой языкъ; служитъ при мнѣ за перваго переводчика; для него необходимо нужно назначить ту же самую пенсію, которую другіе получаютъ; я Вашему Сіятельству за знаніе и честность его отвѣчаю.

Прибылъ сюда на сихъ дняхъ Россійской военной фрегатъ «Наталія» съ тремя транспортными судами, подъ командою Г. Бригадира Борисова, флота Капитана, съ письмомъ къ Визирю, которымъ требуетъ Вице-Адмиралъ и Кавалеръ, командующій всѣмъ флотомъ въ Архипелагѣ, Андрей Власьевичъ Ельмановъ, съѣстныхъ припасовъ и досокъ, потребныхъ въ флотъ, о чемъ и съ моей стороны поданъ къ Портѣ меморіалъ, и стараться буду отправить во флотъ оному принадлежащихъ нашихъ военноплѣнныхъ, въ разсужденіи томъ, что помянутый Вице-Адмиралъ Ельмановъ прислалъ къ Портѣ до 100 человѣкъ Турецкихъ плѣнныхъ.

Въ продолженіи войны доставляющіяся въ полонъ флоту непріятельскія суда, часто продаваемы были разнымъ партикулярнымъ людямъ, въ чемъ и Порта, находя свой счетъ, запретила возвращать купленныя отъ флота нашего суда прежнимъ ихъ хозяевамъ. Сей промыселъ вдругъ былъ прекращенъ заарестова-

ніемъ недавно въ Смирнѣ двухъ купленныхъ во флотѣ судовъ, съ крайнимъ убыткомъ флота; ибо тамъ много такихъ судовъ и продаваемы они были довольно хорошо; на представленіе мое, учиненное по увѣдомленіи меня о томъ отъ Г. Феріери, возвращена вольность той продажи.

Въ пополненіе сего имѣю еще донести Вашему Сіятельству то, что дошло до свѣдѣнія моего касательно настоящаго верховнаго Визиря, Иззетъ-Магметъ Паши. Онъ еще человѣкъ молодой и предпочтенъ соперникомъ своимъ по рекомендаціи, купленной отъ него, наименованной въ прежнемъ рапортѣ моемъ персоны; по возвышеніи остался умѣренъ и учтивъ, или по собственной добродѣтели, или по причинѣ той, что нынѣ царствуютъ фавориты, которыхъ онъ и всѣ, кромѣ духовенства, ласкаютъ; впрочемъ, миловиденъ, осанистъ, не застѣнчивъ и говоритъ хорошо — обстоятельства, кои могутъ, естьли онъ останется долго на мѣстѣ, ввести его въ кредитъ; а теперь, какъ не имѣетъ онъ ни родства въ большомъ духовенствѣ, ни великой репутаціи въ народѣ, то и кредитъ его малъ; впрочемъ, я не знаю, чтобы онъ персонально былъ намъ противенъ.

Покойнаго Визиря жена, сестра настоящаго Султана, мало по малу послѣ смерти мужа отдѣлилась отъ Двора, и приключившаяся въ Министерствѣ перемѣна уничтожила почти совсѣмъ ея въ дѣла втеченіе. Фавориты настоящаго Султана суть: Язведжи-Эфенди, Селиктаръ-Ага и нѣкоторой Карель.

Аудіенцію у Визиря имѣлъ я, какъ выше упомянуто, 12 минувшаго мѣсяца, принятъ и угощенъ съ великою отличностію, и противу Министровъ втораго класса.

Назначенный на мѣсто Господина Тугута не скорѣе предбудущаго Маія мѣсяца въ Царьградъ пріѣдетъ.

Бывшіе въ службѣ нашей во время войны арнаутеры, послѣ окончанія одной, начали разбивать и грабить. Недавно получено извѣстіе о разбитіи одного Французскаго большаго судна и умерщвленіи безчеловѣчнымъ образомъ всего экипажа, и ежедневно объ оныхъ слышно той подобныя вѣсти; для преслѣдованія сихъ разбойниковъ, командирована отъ Г. Вице-Адмирала и Кавалера Ель-

манова флотилія, подъ предводительствомъ Контръ-Адмирала Грейга. Порта, съ своей стороны, послала повелѣнія о преслѣдованіи оныхъ.

Прилагаю при семъ два письма отъ Визиря, письмы отъ Рейсъ-Эфендія и Г. Тугута къ Вашему Сіятельству, письмо отъ Цигелина къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу, большой пакетъ къ Гикѣ Бею, отъ его жъ ко мнѣ присланной, и къ нему же письмо изъ дому его, письмо отъ Рейсъ-Эфендія къ Вассифъ-Эфендію, и разныя записки объ освобожденіи плѣнныхъ и съ жалобою на бывшаго Комендантомъ въ Аккерманѣ.

Съ хорошаго мѣста дано мнѣ подъ величайшею тайною знать, что Французы стараются теперь въ лучшее состояніе привести свои коммерческіе съ Портою договоры, и распространить свое купечество дозволеніемъ торговать въ Черномъ морѣ. Г-ну Тору повелѣно вылить семьдесятъ 36-ти фунтовыхъ пушекъ, для снабдѣнія оными замковъ въ устьѣ Чернаго моря.

О чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Переводъ.

Реестръ свиты Посольской.

Поповъ	2
Дьяконовъ	2
Кехая и внутреннихъ Аговъ	50
Церемонимейстеръ и прочихъ Аговъ	50
Внѣшнихъ Аговъ	50
Чегодаревъ	50
Секретаревъ	15
Диванскихъ писарей	44
Военныхъ людей	34
Литаврщиковъ	35
Ординарцовъ	20
Конюховъ	14

Убирателей лошадей 10
Лѣкарей 3
Водовозовъ 20
Поварей 20
Масаладжіевъ, которые ночью предъ обозовъ носятъ огонь . 50
Харбаянъ, работники 91
Погоньщиковъ 68
Переводчикъ съ 10-ю человѣками 11
Портныхъ 26
Коноваловъ 3
Партикулярныхъ слугъ 33

Копія съ подлиннаго.

28 Ноября, 1774 года.
Въ Константинополѣ.

Высокоповелительному Господину Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Президенту и всѣхъ Россійскихъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову,

Рапортъ.

Въ слѣдствіе повелѣнія въ послѣднемъ Ордерѣ Вашего Сіятельства, старался я освѣдомиться у Порты о всемъ, относящемся какъ къ нашему, какъ и къ ихъ Посольствамъ, а найпаче требовалъ, чтобъ точно мнѣ объявлено было, въ которой день имѣетъ отправиться Турецкой Посолъ изъ Царяграда, когда имѣетъ прибыть на мѣсто размѣны Полольствъ, и какое мѣсто назначивается для того Порта; но ни коимъ образомъ не могъ получить о томъ вѣрнаго извѣстія, и я уже теперь ничего не имѣю донести Вашему Сіятельству о Турецкомъ Послѣ. Рейсъ-Эфенди послѣдній разъ объявилъ, что получила Порта извѣстіе объ отъѣздѣ Его Сіятельства, Князя Николая Васильевича Репнина, изъ арміи въ Петербургъ, и что теперь тѣмъ меньше слѣдуетъ намъ настоять въ требованіи отправленія Посла Блистательной Порты; я отвѣчалъ, что нашъ Посолъ въ Кіевѣ во всей готовности находится ѣхать,

однако жъ, ничего не могъ предуспѣть. Я вижу, что препятствіемъ всему суть безпрестанныя представленія, какъ отъ Крымскихъ, такъ и отъ всѣхъ, разсыпанныхъ въ Ромеліи, Чингизской фамиліи Султановъ, и надежда со стороны Порты, поддерживаемая, конечно, посторонними внушеніями и упорностію духовенства, какимъ либо образомъ получить наконецъ желаемое. Я имѣлъ о дѣлѣ семъ приватное изъясненіе отъ персоны, нынѣ довольно много значущей, и какъ оное кажется мнѣ яснѣе всего того, что въ тмѣ разговоровъ о дѣлѣ семъ ни было сказано, то я за долгъ почитаю о томъ Вашему Сіятельству донести.

Сверхъ Алкорана, содержутъ Турки въ равной святости и почтеніи книгу, Хадызи Шеривъ имянуемую, или слова Магометовы, собранныя отъ возлюбленнѣйшихъ имъ учениковъ его и отъ нихъ преданныя святохраненію и исполненію Мусульмановъ; въ сей-то книгѣ, а не въ Алкоранѣ, предписано быть единой главѣ Мусульмановъ; здѣсь же написано и то, что естьли возстанетъ какой нибудь Князь Магометанской, то долженъ онъ покориться Калифу, и съ его уже благословеніемъ воевать противу невѣрныхъ, въ знакъ чего и посылалась отъ Калифовъ сабля и грамота, называемая Нишанъ Хылафетъ, что значитъ священной знакъ Калифейской. Въ исполненіе сего точно предписанія, и самъ Султанъ получаетъ, при возвышеніи своемъ на престолъ, саблю, которую препоясываетъ ему Накибуль Эшеефъ, представляющій или на тотъ случай намѣстникъ Мекскаго шерифа. Знаки Калифейства суть: Гутбо или молитва, въ которой въ самомъ дѣлѣ не Государь, но Калифъ прославляется, Тура или имя, начертанное нѣкоторымъ вензелемъ, и Мурасемъ или дозволеніе судить дѣла по священному праву или по Алкорану, и давать на оныя свою сентенцію, ибо у нихъ другаго права нѣтъ, кромѣ духовнаго. Ереси уничтожаютъ сію духовную зависимость; Персіяне, яко отщетившіеся, не признаютъ Султана Калифомъ. Сія часть закона Магометанскаго суевѣрію, невѣжеству и злоумышленію служитъ извиненіемъ въ упорствѣ.

Султанъ и правленіе желаютъ мира; Государство не въ состояніи сносить новой войны тягостей, при непослушаніи и своевольствѣ народномъ, возрастшихъ въ публичныхъ несчастіяхъ и крайне опасныхъ при извѣстной каждому слабости Государя. Та-

тарскія дѣла скучны и досадны какъ Государю, такъ и правленію, яко препятствующія наслаждаться нужнымъ каждому покоемъ и умножающія трудное Государства положеніе; поведеніе Татаръ во время войны вперило въ сердца вышнее къ нимъ презрѣніе, къ чему присовокупившееся внутреннее признаніе превосходства силъ Россіи, уничтожаетъ всякое желаніе что нибудь предпринимать противу нынѣшняго ихъ состоянія. Тайная причина, для которой съ толикимъ жаромъ представляютъ Румельскіе Султаны, есть страхъ потерять даваемыя имъ изъ казны пенсіи и предусматриваемая ими необходимость искать хлѣба въ земли бѣдной у Хана, коего они отъ нѣсколькихъ вѣковъ, при частыхъ Хановъ перемѣнахъ, пріобыкли мало почитать. Въ Константинополѣ ропщутъ одни для того, что боятся потерять женщинъ своихъ, другіе для того, что теперь все дорого и каждой собственную нужду, или неудовольствіе, покрываетъ претекстомъ нарушенія вѣры и уничтоженія закона. Все сіе Государю извѣстно, но онъ принужденъ льстить духовенство, не только для уваженія достойной власти онаго, но и для того, что не имѣетъ онъ дѣтей и нѣтъ вѣроятности, чтобы оныя отъ него быть могли. Естьли сіе изъясненіе заключаетъ въ себѣ тѣ же самыя мѣры, которыя и прежде Порта имѣла, но по крайней мѣрѣ носитъ видъ доброй вѣры.

Вѣнской Посланникъ на сихъ дняхъ далъ чувствовать Портѣ виды своего Двора, склоняющіеся къ присоединію Краевскаго Баната, части Молдавіи, къ Покутіи принадлежащей, и къ удержанію другой части того же Княжества, пока не выплачена будетъ сумма, по трактату уговоренная; правленіе, избѣгая войти прямо съ нимъ въ разговоры, прежде дало коммиссію Яконакію Ризо, агенту Господаря Гики при Портѣ, трактовать съ Г-мъ Тугутомъ; сей всемѣрно старался свалить оное съ себя, и я имѣю резоны думать, что по его наущеніямъ сдѣлано мнѣ было то предъявленіе, о которомъ я имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству въ послѣднемъ моемъ рапортѣ. Теперь Порта, не объяснясь прямо съ Министромъ Вѣнскаго Двора, ищетъ разными образы свѣдать у другихъ Министровъ, что думаютъ ихъ Дворы о семъ поступкѣ Австрійцевъ.

У Прусскаго Посланника спросили: естьли его Государь намѣренъ индеферентнымъ окомъ смотрѣть на сіе дѣло, Француз-

скому Послу съ самаго начала дано о томъ знать, и онъ медіацію своего Двора предъявилъ для окончанія дѣла дружелюбнымъ образомъ, увѣряя, что, по обстоятельствамъ родства и союза его Государя съ Домомъ Австрійскимъ, можетъ Франція много вспомоществовать Портѣ. Мнѣ дано стороною знать, что желала бъ Порта, чтобы Россія гарантировала ей два Княжества; я отвѣчалъ, что таковое предложеніе сродно между собою дѣлать въ вышней степени откровенности и дружбы пребывающимъ Дворамъ, а не въ настоящемъ положеніи Россіи съ Портою, когда еще ни трактатъ послѣдняго подтвержденія не получилъ, и не исполнены обязательства въ ономъ.

Поведеніе здѣшняго правленія въ разсужденіе Австрійцевъ есть примѣчанія достойное, съ наружности изъ чинимыхъ часто довѣреннымъ людямъ отъ вышнихъ въ правленіи особъ жалобъ видѣть можно, что почитаютъ они сей поступокъ Вѣнскаго Двора пребезаконнымъ и боятся слѣдствій онаго; но въ настоящемъ Государства внутреннемъ состояніи, иные не смѣютъ по надлежащему начать разбирать сіе дѣло, опасаясь быть принужденными вскорѣ кончить оное по желанію Австрійскаго Двора; а другіе, почитая несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Порты и съ закономъ уступить безспорно часть Имперіи Магометанской, и не зная, однако жь, способовъ къ отвращенію того, и слышать не хотятъ о семъ произшествіи.

При семъ расположеніи Порты я не понимаю, для чего она тотчасъ не приняла предполагаемой медіаціи Французскаго Двора, ибо открывшіеся прежде виды онаго къ разпространенію своей торговли, могутъ служить удостовѣреніемъ, что Дворъ Французской и для собственной пользы зависящей, естьли бъ началась таковая негоціація, отъ удовольствованія Порты, преклоненъ былъ бы къ интересамъ сего Государства. Можетъ быть, что отчаяніе получить что нибудь негоціацією и подозрѣніе, что съ согласіемъ Вѣнскаго Двора учинено таковое предложеніе, суть причиною нерѣшимости Порты до сего времени, принять Французскаго Двора медіацію.

Здѣсь во всѣхъ дѣлахъ, которыя вдругъ исполненія своего не возымѣютъ, прежде принятія резолюціи, истощаютъ мало по малу

довольно времени всевозможныя подозрѣнія; дѣлаются сходбища у Муфтія, у Кодылескеровъ, у Визиря, и тутъ уже внимательность, сомнѣніе, врожденныя Туркамъ, и то, что каждый нѣкоторымъ образомъ отвѣчаетъ за собственной свой совѣтъ, раждаютъ день отъ дня перемѣнчивыя, а часто и противорѣчущія, мнѣнія.

Мысль, чтобъ Россія гарантировала два Княжества, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, уваженіе Порты къ силамъ ея, и что предпочитаетъ она дружбу съ нами. Сіе полагать можно не только на обстоятельствахъ войны и мира и на внутреннемъ убѣжденіи ея, не знаю, отъ кого произведенномъ, что принужденно вошла Россія во время войны въ обязательства, кои могутъ казаться ей обоюдными, но и на томъ, что образъ поведенія съ Портою нѣкоторыхъ Державъ, долженъ представляться Портѣ въ весьма худомъ видѣ. Разныя уваженія, а найпаче то, что конечно Вашему Сіятельству извѣстны всѣ тѣ произшествія, удерживаютъ меня подробно Вамъ оныя доносить.

На всемъ вышесказанномъ утверждаясь, и чтобъ продолжить, естьли можно, нерѣшимость Порты къ предложеніямъ Франціи, которою, яко добрымъ для насъ обстоятельствомъ, можетъ быть Ваше Сіятельство заблагоразсудите воспользоваться, искалъ я вновь подать правленію, во первыхъ, точнѣйшія увѣренія объ искреннемъ намѣреніи Россіи жить съ Портою въ дружбѣ и согласіи, на основаніи, въ мирныхъ договорахъ единожды положенномъ, что неучастна Россія новымъ противу Порты предпріятіямъ, соображался въ таковыхъ увѣреніяхъ предписаннымъ мнѣ отъ Вашего Сіятельства уваженіямъ и осторожностямъ; а при томъ далъ чувствовать въ доказательство того, что хотя и предлежитъ Россіи самый кратчайшій путь къ окончанію дѣлъ своихъ съ Портою, сильною рукою принудить ее, при настоящихъ Порты худыхъ обстоятельствахъ, къ исполненію трактата и къ утвержденію онаго послѣднимъ торжественнымъ актомъ, со всѣмъ тѣмъ, вѣдая миролюбивыя намѣренія нашего Двора, я бы дорого заплатилъ, чтобъ склонить правленіе къ скорой размѣнѣ ратификацій, независимо отправленія Посольствъ, единственно для того, чтобъ начать съ Портою единожды обходиться дружественно и откровенно. Сіе внушеніе произвело нѣкоторое дѣйствіе, и въ откровеннѣйшихъ послѣ того сно-

шеніяхъ на мѣрѣ положено слѣдующее, съ договоромъ и честнымъ словомъ, что останется навсегда въ тайнѣ, принято ли, или не принято будетъ Вашимъ Сіятельствомъ.

Размѣнить ратификацію здѣсь въ Константинополѣ, какъ и прежде то учинено было, и прислать оную сюда сколько можно тайно, дабы никто изъ правленія и изъ чужестранныхъ Министровъ не дозналася, что она здѣсь; ибо они сами о большей части своихъ сомнѣваются, и въ оную (близъ Тура подписанную тѣми словами: Лявзь бѣлявзь Макбулъ Гумаюнымдыръ, то есть: слово отъ слова принято нашимъ Императорскимъ Величествомъ, своеручно Султаномъ) внести трактатъ слово отъ слова, такъ какъ оной есть безъ малѣйшей отмѣны, кромѣ той одной рѣчи, какъ я уже доносилъ Вашему Сіятельству въ послѣднемъ рапортѣ: Имануилъ Мусламинъ ве Шагинъ Шаги Мувгидинъ, то есть, первоіерей Мусульмановъ и Царь Царей вѣрующихъ во единаго Бога. Ни слова не говорить о Таманѣ, или о занятіи какого бы то ни было мѣста въ земляхъ, уступленныхъ Татарамъ; также и о перемѣнѣ чего нибудь другаго въ трактатѣ. А послѣ дѣйствительной уже размѣны имѣть повелѣніе отъ Вашего Сіятельства письменную учинить декларацію, объясняющую пунктъ въ 3-мъ артикулѣ, начинающійся словами: «Въ духовныхъ же обрядахъ», на основаніи прилагаемой на 3-хъ языкахъ ноты. Шестьсотъ мѣшковъ денегъ, но ни полушки прежде дѣйствительной размѣны. И словесное съ стороны моей обѣщаніе, что никакой наглости не будетъ съ моей стороны, въ отысканіи плѣнныхъ Грузинскихъ; такожде, что и Ваше Сіятельство, дружелюбно увѣдомите Князя Николая Васильевича, чтобъ по пріѣздѣ своемъ сюда употребилъ въ семъ же дѣлѣ нѣкоторое снисходительство. Чрезъ 20, или, по крайней мѣрѣ, чрезъ 30 дней, считая отъ отправленія сего курьера, обѣщалъ я отъ Вашего Сіятельства отвѣтъ, принято ли, или не принято, Вашимъ Сіятельствомъ будетъ сіе расположеніе, всегда однако жъ согласной съ трактатомъ; а до того времяни дѣло останется совсѣмъ закрыто.

Естьли Ваше Сіятельство заблагоразсудите слѣдовать сему расположенію, то, вмѣстѣ съ ратификаціями и деньгами, надобно прислать и формы тѣхъ декларацій, коихъ надобно бы сочинить двѣ, или три, совсѣмъ согласныя съ смысломъ 3-го артикула и

установленіемъ вольности и независимости Татарской, обращая изъ оныхъ во благо обоюдныя, или несходственныя съ тѣмъ установленіемъ, слова помянутой ноты, которую для того на трехъ языкахъ, какъ выше упомянуто, посылаю; прислать оные ко мнѣ сколь можно тайнѣе, дабы по полученіи могъ я взять мои мѣры и воспользоваться обстоятельствами къ достиженію желаемаго успѣха. Въ такомъ случаѣ нужно бы было, какъ о томъ и съ ними уговорено, имѣть отъ Вашего Сіятельства кредитивное письмо, для размѣны ратификацій, и для поданія декларації предписаннымъ отъ Васъ образомъ.

Назадъ тому нѣсколько дней, какъ получилъ Визирь письмо отъ Хана Сагибъ-Гирея, въ которомъ пишетъ, что чинъ Калги Султана уже давно никѣмъ не занятъ, проситъ Визиря, чтобъ присланъ былъ къ нему Бахти-Гирей, и чтобъ Султанъ далъ ему на оной чинъ отъ себя баратъ, то есть, патентъ; провѣдовавши о томъ, и что Порта хочетъ удовольствовать Хана, съ моей стороны представлено было, что Ваше Сіятельство почтете, конечно, сей поступокъ за противной независимости и самодержавію Хана, естьли Порта захочетъ давать патенты на чины въ Крымъ, а что, впрочемъ, можетъ Визирь словесно, или письменно, увѣдомить Бахты-Гирея о милостивомъ намѣреніи Хана и съ своей стороны одолжить его Іо'ль Ферманомъ, то есть, подорожной. Порта ни того, ни другаго не сдѣлала, а велѣла только словесно сказать Бахты-Гирею, что онъ можетъ ѣхать, естьли только хочетъ.

Здѣсь постановлено, что всѣ иностранные корабли и суда военныя и купеческія получаютъ отъ Порты ферманы для проходу Дарданелей; сему установленію всѣ иностранныя націи подвергаются. Пользуясь обстоятельствами дружелюбнаго сношенія съ Портою, требовалъ я пропускнаго фирмана одному изъ транспортныхъ судовъ, для открытія въ Черномъ морѣ кораблеплаванія, а притомъ, чтобы провѣдать, естьли въ самомъ дѣлѣ оставили Турецкіе войски Крымъ, какъ о томъ Порта формально мнѣ объявила, тако жъ и о Крымскихъ внутреннихъ дѣлахъ. Порта сначала отказывалась дать фирманъ подъ разными претекстами: что ратификаціи еще не размѣнены, комерція не начата, и что то судно нельзя почитать купеческимъ (въ самомъ дѣлѣ были на ономъ пушки и военнослужащіе и командовалъ имъ Г-нъ Флота-Лейтенантъ и

Кавалеръ Войновичъ); а наконецъ дала мнѣ чувствовать, что кораблеплаваніе установлено въ трактатѣ на томъ же основаніи, какъ и протчія Державы свое имѣютъ, которыхъ суда не ходятъ въ Черномъ морѣ. Зная всю важность сего пункта, я на сіе нескладное Р.-Эфендія предъявленіе за долгъ почелъ отвѣчать, что при первомъ благополучномъ вѣтрѣ судно и безъ фермана войдетъ въ Черное море, и естьли изъ замковъ по немъ стрѣлять станутъ, то оное имѣть будетъ повелѣніе отстрѣливаться; въ отвѣтъ на сіе присланъ отъ Порты фирманъ для пропуску подъ именемъ купеческаго судна, со всѣмъ сходственный съ моимъ требованіемъ; судно, выходя, салютовало фрегатъ.

Въ Персіи Керимъ-Ханъ и Мустафа-Ханъ Узбековъ, вооружившись, требовали отъ Порты возвращенія занятыхъ ею земель, принадлежащихъ къ ихъ владѣніямъ, первой грозилъ нападеніемъ на Багдадъ, а другой набѣгомъ въ противолежащія ему Турецкія области, въ случаѣ естьли откажетъ Порта сдѣлать имъ удовольствіе. Правленіе отправило Пословъ къ Керимъ-Хану Ходжегана Вейби-Эфендія, а въ Узбекъ къ Мустафѣ-Хану Ходжегана же Вейси-Эфендія съ подарками, для окончанія дружелюбнымъ образомъ сего дѣла и, какъ сказываютъ, для признанія ихъ обоихъ владыками Магометанскими, каждаго въ своемъ мѣстѣ; въ подарокъ послано къ каждому: шуба, сабля и кинжалъ, обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ.

Торжество тезоименнитства Ея Императорскаго Величества, случившееся въ первой день Байрама, праздновано было здѣсь на военномъ фрегатѣ Наталія, и по окончаніи благодарственнаго молебна производилась пушечная пальба съ помянутаго фрегата и двухъ транспортныхъ судовъ. Сіи послѣднія по нагруженіи на другой день отправились въ Бѣлое море.

Изъ прилагаемыхъ здѣсь списковъ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, коликое число и званіе находящихся здѣсь военноплѣнныхъ.

Кадылескеръ Муратъ Мулла, по окончаніи уреченнаго для сихъ чиновъ времяни онаго года, смѣненъ прошедшаго 27-го Ахметъ Муллою.

Слухъ носится, что и въ другихъ чинахъ имѣетъ быть перемѣна, обыкновенно въ настоящее время, то есть, послѣ Байрама всѣ чины перемѣняются, или вновь подтверждаются.

Проѣзживающимся на сихъ дняхъ въ шлюбкѣ близъ Серая морскимъ нашимъ Офицерамъ, Султанъ, освѣдомившись объ нихъ, прислалъ весьма благосклонно сказать, чтобъ они побереглись на поверхности воды большихъ камней, опасныхъ при быстромъ теченіи въ томъ мѣстѣ.

27-го минувшаго, до 200 янычаръ, называемыхъ Лазы, подгулявши, погнались за тремя иностранными, сіи скрылись въ нѣкоторой домъ, а Лазы пробѣжали сквозь Перу, выломили двери и выбили камнями всѣ окошки на улицу у Прусскаго Посланника и прибили его швейцара, застрѣлили кучера Вѣнскаго Посланника, прибили жъ его швейцара, а потомъ, близъ дому Французскаго Посла, ранили одну женщину, Француженку.

При наступленіи Байрама, нѣкоторыхъ здѣсь чиновныхъ за нужное почелъ я подарить, на что и издержалъ тысячу пять сотъ сорокъ левка.

Здѣсь прилагаю письмо къ Вашему Сіятельству отъ Прусскаго Посланника, другое отъ него жъ къ Его Сіятельству, Князь Николаю Васильевичу Репнину, и одно партикулярное Турецкое письмо.

Отправленіе сего курьера промедлилось по причинѣ прошедшаго Рамазана.

О чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

P. S. При отправленіи сего курьера получилъ я ордеръ Вашего Сіятельства, отъ 14-го Ноября ко мнѣ отправленной, и касательно жалобы, принесенный на меня, на образъ поведенія моего отъ лица Визирскаго, Вассифъ-Эфендіемъ, пріемлю смѣлость Вашему Сіятельству донести нижеслѣдующее. Что касается до политическихъ дѣлъ, правда, что времянемъ говорятся Туркамъ рѣчи, которыя имъ не могутъ быть пріятны; но сіе дѣлается съ моей стороны по истощеніи уже доказательствъ и найучтивѣйшихъ представленій. Со всѣхъ рапортовъ моихъ, въ которыхъ единожды предположилъ я найподробнѣйшія вѣдать Вашему Сіятельству описанія о всемъ, происходящемъ между мною и Министерствомъ, усмотрѣть изволите, что принужденно я всегда къ тому приступалъ и когда другаго уже способу мнѣ не оставалось Я часто

имъ говорю, что не осмѣливаюсь писать къ Вашему Сіятельству для того, чтобъ или кончить нескладныя предложенія, часто мнѣ отъ нихъ дѣлаемыя, или же заставить ихъ самихъ переправлять оныя, для учиненія ихъ предлагаемыми.

Что же касается до отысканія плѣнницъ Грузинокъ, то я до сего времяни еще ихъ не искалъ, и у меня, кромѣ трехъ престарѣлыхъ, отданныхъ мнѣ самимъ Эфендіемъ, никого изъ женщинъ сей націи нѣтъ; правда, что я оставилъ Туркамъ полную волю бояться строгаго отысканія плѣнницъ, и оставлю ихъ въ томъ же положеніи, пока не получу отъ Вашего Сіятельства, по точномъ теперь увѣдомленіи, повелѣнія иначе поступить.

Женщина, за которую жаловался на переводчика Лошкарева Вассифъ-Эфенди, есть Полька, а не Грузинка; оная принадлежала Топчи-Башѣ, и отдана была намъ самимъ Рейсъ-Эфендіемъ, у котораго послѣ Топчи-Баша ее просилъ для того, что она смотрѣла за дѣтьми его. Рейсъ-Эфенди требовалъ ея отъ меня обратно, я ему отказалъ; въ непріятные о семъ дѣлѣ переговоры употребленъ былъ переводчикъ Лошкаревъ, и я чувствительно о томъ сожалѣю, что, служа онъ съ ревностію и искуствомъ, можетъ быть Ваше Сіятельство имъ недовольны.

Еще за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству о томъ порядкѣ, съ которымъ здѣсь отыскиваются военноплѣнные. Опредѣлены отъ Порты два чауша съ Ферманами, въ которыхъ повелѣвается каждому объявлять плѣнныхъ и плѣнницъ, выключая добровольно законъ Магометанскій принявшихъ. Чаушъ входитъ въ домъ Турецкой, а переводчикъ, пока не позванъ, остается за дверьми; естьли хозяинъ представитъ плѣнныхъ, то и спрашиваютъ ихъ: Христіяне ли они? Перемѣнившіе законъ остаются у хозяина, а другихъ ведутъ къ Портѣ: тутъ они вновь должны подтвердить, что Христіяне, и тогда уже мы ихъ получаемъ; многихъ Турки держутъ по нѣсколько дней и по недѣлѣ въ тюрмѣ, прежде послѣдняго испрошенія у нихъ о вѣрѣ; а спрашивающій ихъ есть нарочной судья, Абдулла-Эфенди, прежде бывшій Рейсъ-Эфенди, и два изъ нижнихъ чиновъ духовныхъ.

Естьли сей образъ поведенія сличить съ тѣмъ, что происходило послѣ Бѣлградскаго трактата, то Турки должны бы насъ благо-

дарить въ семъ дѣлѣ за снисходительство наше; отысканіе плѣнныхъ тогда было строго, что, выключая меморіалы, подаваемые временемъ на первые чины въ Министерствѣ, самъ Визирь принужденъ былъ подвергнуться смятенію народа въ отдаваніи персонально плѣнныхъ.

Порта предлагала уже мнѣ выключить изъ артикула о возвращеніи плѣнныхъ Грузинцовъ, и я насилу могъ переспорить Турковъ, представляя имъ, что Ваше Сіятельство, конечно, сего не сдѣлаете; ибо трактать уже поднесенъ Государынѣ и получилъ Высочайшую Ея Величества конфирмацію. Прусской Посланникъ также мнѣ о семъ говорилъ, что сіе дѣло очень трогаетъ Турковъ, и хотѣлъ къ Вашему Сіятельству о томъ писать.

Переписка Вашего Сіятельства съ Визиремъ, оказываемою съ нашей стороны въ дѣлахъ твердостію весьма онымъ споспѣшествуетъ. Право, Ваше Сіятельство, ласкою здѣсь ничего не можно получить. Письма Вашего Сіятельства, чрезъ Вассифъ-Эфендія посланныя, нѣсколько дней уже тому, какъ Порта получила; онъ пріѣхалъ третьяго дни и принятъ дурно, а съ нами напротивъ того умножалось благопріятство. При бывшемъ вчерась сношеніи Рейсъ-Эфенди приказалъ написать, и того же дни отправить ордеръ, къ отправленнымъ для отдачи Кильбурна, чтобъ они, нигдѣ не останавливаясь, съ поспѣшностію ѣхали, для выполненія данной прежде имъ коммисіи, для отдачи Кильбурна съ его округомъ и земли, выговоренной въ восьмомънадесять артикулѣ.

Всѣми мѣрами стараться вновь начну, дабы подать Вашему Сіятельству и Князь Николаю Васильевичу Репнину, какъ можно скорѣе, всѣ тѣ извѣстія относительно къ его посольству, которыхъ изволите требовать.

При семъ прилагаю отвѣтныя письмы депутатовъ Молдавскихъ.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

30 Ноября, 1774 года.

Въ Константинополѣ.

Переводъ съ Ноты.

Договоры, учиненные и заключенные о независимости Крыма, сколько касаются націй Татарскихъ, которые изражены были въ третьемъ артикулѣ, содержавшемся въ трактатѣ мирныхъ договоровъ, постановленныхъ и въ порядокъ приведенныхъ на мѣстѣ, называемомъ Кучюкъ-Кайнарджикъ, посредствомъ уполномоченныхъ, опредѣленныхъ прежде всего къ заключенію блаженнаго мира, такъ отъ стороны вѣчно пребывающей блистательной Порты, какъ отъ стороны Россійскаго Двора, почитаются и соблюдаются. Тамъ же написано и изражено, что только Императоръ Мусульмановъ, поелику есть онъ первоіерей Мусульманской и Халифъ вѣрующихъ во Единаго Бога, нація Татарская, не причиняя ущерба статскимъ своимъ дѣламъ, должна въ дѣлахъ вѣры сообразоваться, въ разсужденіи его, предписаніямъ закона Мусульманскаго. Но какъ не изъяснено и не объявлено, какимъ образомъ имѣетъ она поступать и сообразовать закону Магометанскому духовныя свои дѣла, какіе либо недоброжелатели и разсѣвающіе плевелы, бдящіе произвесть между двумя Имперіями споры и остуды, утверждаясь на семъ дѣлѣ, есть вещь извѣстная, что поспѣшны будутъ къ причиненію раздора и остуды между двумя державами. Сверхъ того, для избѣжанія оскорбляющихъ приключеній, могущихъ случиться въ томъ между двумя Дворами, по причинѣ разныхъ перемѣнъ, и дабы уклониться отъ несходственности соединенія двухъ Халифовъ, чего требуетъ законъ, будучи дѣло нужное и потребное истолковать и объяснить вышеписанный пунктъ. Дѣло сіе объясняется и толкуется слѣдующимъ образомъ: когда съ согласія Татарская нація изберетъ и опредѣлитъ себѣ Хана, должна извѣстить и представить о томъ, такъ какъ требуетъ великое Халифейство, Его Величеству Императору Оттоманскому, которой есть первоіерей Мусульмановъ и услужникъ святыхъ градовъ, и Его Величество Султанъ Мусульмановъ, безъ всякаго затрудненія и отлагательства, безпосредственно имѣетъ дать святой знакъ Халифейской и послать церемоніялъ; во дни же праздничные и пятничные, то есть, въ Байрамъ, во всѣхъ мечетяхъ и мѣстахъ Богослуженія въ Крыму имѣетъ быть Гутбе и Курсъ Сике, то есть, монеты, украшенныя именемъ Императора Оттоманскаго; такожде судіи, исполняющіе заповѣди закона въ тамошнихъ мѣстахъ, имѣютъ быть изъ духовенства Крымскаго, а

Блистательная Порта довольна будетъ, чтобъ со стороны Кадылескера-Эфендія даваемо имъ было безъ заплаты и безъ всякаго воздаянія Мураселле или законное дозволеніе на ихъ мѣста, которое и посылаемо быть имѣетъ къ Крымскому Хану. А Блистательная Порта, единственно дабы согласовать со святымъ закономъ, кромѣ что отъ стороны Императорской данъ будетъ святой знакъ, значущій полученіе дозволенія Халифейскаго къ сдѣланію Хана и церемоніала и что въ дни пятничные и праздничные Гутбе и Курсъ Сике были украшены имянемъ Императора Оттоманскаго, и чтобъ отъ стороны духовенства Блистательной Порты даваемо было Мураселле судьямъ Крымскимъ. Татара въ протчихъ своихъ дѣлахъ имѣютъ быть совершенно независимы.

Рѣчь Нишаны Шерифъ или святой знакъ не значитъ даваніе знаменитаго Барата, то есть, диплома, которой писанъ бывалъ обыкновенно прежде въ низверженіи и возведеніи благородныхъ Хановъ, но есть писаніе, значущее благопріятнѣйшій знакъ Халифейской, которой, дабы уклониться и уничтожить противозаконное соединеніе двухъ Халифовъ, имѣетъ быть писанъ, какъ того требуетъ законъ, отъ Его Величества, Императора Оттоманскаго, яко верховнаго Халифа Мусульманскаго и первоіерея, вѣрующаго въ единаго Бога, съ достодолжными титулами сану благородныхъ Хановъ, показывающее полученіе Султанскаго дозволенія къ сдѣланію Хана, котораго Татарская нація изберетъ и опредѣлитъ изъ фамиліи Чингизской.

Сике или штемпель монеты. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ Ханъ въ Крыму, на своей монетѣ имяни своего не изображалъ вензелемъ, называемымъ Тура. Впрочемъ, Ханъ можетъ дѣлать свою монету, также и цѣну назначивать Турецкой монетѣ въ своей земли.

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ.

Порта, наконецъ, соглашается дать привилегіи или Хатти-Шерифъ Молдавцамъ и Волохамъ; отказалась съ депутатами имѣть дѣло, претекстуя неблагопристойность Государю негоцировать съ подданными своими, такожде и не имъ, но Князьямъ обоихъ Княжествъ, хочетъ вручить оные. На 1-й пунктъ Порта въ Хатти-Шерифѣ хочетъ прописать такъ, какъ въ письмѣ своемъ къ Вашему

Сіятельству Визирь отзывался о Князѣ Гикѣ, то есть, что не будетъ смѣненъ, пока не учинитъ какого либо важнаго преступленія; я обдержалъ, чтобъ преступленія были выражены, и при томъ написано бъ было, что оныя публично должны быть доказаны, такожде и чтобъ не были принимаемы представленія противу Князей, чинимыя партикулярными людьми, но отъ публики. На 2-й Порта обѣщать хочетъ въ Хатти-Шерифѣ соблюсти человѣколюбіе и великодушіе въ наложеніи на нихъ подати по истеченіи двухъ лѣтъ, и получать оные посредствомъ присылаемыхъ отъ двухъ Княжествъ депутатовъ всякіе два года; и требую, чтобы здѣсь же прописано было установить оную подать сходственно, какъ была она во время Магомета Четвертаго; но вижу, что Порта отъ сего уклоняется. Въ семъ же пунктѣ на требованіе, чтобъ никто въ Княжеской службѣ, кромѣ тамошнихъ уроженцовъ, не былъ принимаемъ, повелѣно будетъ въ Хатти-Шерифѣ давать преимущество тамошнимъ уроженцамъ. 3-й пунктъ обдержанъ съ нѣкоторою перемѣною, для того, что сыскиваютъ оной противу закона. На 4, 5, 6. и 7-й Порта соглашается. Въ 8-мъ дѣлаетъ нѣкоторую отмѣну. На 9-й соглашается. На пункты о земляхъ рѣшилась наконецъ Порта дать, объ изслѣдованіи и возвращеніи оныхъ, въ Коммисію Князямъ обоихъ Княжествъ, дабы оные разобрали сіе дѣло по силѣ трактата и имѣли бы каждой при Портѣ повѣреннаго въ дѣлахъ отъ земли, дабы оные, въ продолженіи сего дѣла, могли заступать и чинить представленія въ пользу земли ихъ. На 12-й пунктъ въ Молдавскомъ, такожде на 12-й и 13-й въ Волоскомъ соглашается.

Трудно, Ваше Сіятельство, что ни будь болѣе отъ Порты получить. Депутаты твердо стоятъ при своихъ прошеніяхъ, а Порта съ ними дѣла имѣть не хочетъ. Я долго о выборѣ Князей спорилъ, но наконецъ объявилъ Портѣ, чтобъ дозволено было симъ провинціямъ, послѣ смерти настоящихъ Князей, просить себѣ у Порты именно другихъ, но и о семъ слышать не хотятъ. Сверхъ того внесетъ Порта въ Хатти-Шерифъ всю седьмую изъ артикула статью.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.

22 Декабря, 1774 года.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Президенту и всѣхъ Россійскихъ Орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцеву

Рапортъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ отправленія послѣдняго рапорта, отданъ былъ отъ Двора первой Султана фаворитъ, Языджи-Эфенди; въ учиненномъ противу него между Визиремъ и Муфтіемъ заговорѣ, участвовалъ Рейсъ-Эфендій, но въ образѣ только конфидента. Перемѣна сія никѣмъ не была ожидаема и произошла вдругъ. Муфти дерзнулъ открыть, сколь предосудительна славѣ его надмѣрная довѣренность, даваемая имъ своему фавориту, коего ненасытное сребролюбіе присвояло уже себѣ почти всѣ части правленія, и коего подлое и презрѣнія достойное начало еще предъ глазами каждаго стоитъ. Государь былъ очень тронутъ тою рѣчью, и отъ Муфтія пошелъ прямо къ Визирю, которому пересказавъ наединѣ все, что слышалъ отъ Муфтія, спрашивалъ его, права ли то, или нѣтъ? И узнавъ, что въ самомъ дѣлѣ во зло употреблялъ Языджи-Эфенди его милость, съ негодованіемъ спросилъ у Визиря, для чего онъ, по должности своего чина, прежде о томъ ему не донесъ? Въ силу могъ Визирь смягчить гнѣвъ противу себя Султана, и наконецъ получилъ повелѣніе призвать тотчасъ Языджи-Эфендія и дать ему чинъ Хаджагана, что того же времяни и исполнено было. Султанъ оставался въ домѣ у Визиря. Когда же въ вечеру возвратился Султанъ, нашелъ всѣхъ ближайшихъ служителей своихъ и женщинъ, къ которымъ онъ болѣе привязанъ, въ отчаяніи и слезахъ. Сіи возмогли того же дня превратить духъ Султана; онъ ночью писалъ къ Языджи-Эфендію, извиняясь предъ нимъ и обѣщавая возвести его на первыя степени въ Государствѣ. Фаворитъ столько былъ первымъ нечаяннымъ съ собою произшествіемъ изумленъ, и столько страшился

воображаемой имъ чрезвычайной власти соперниковъ своихъ, что не поспѣлъ Султану на письмо отвѣчать. Но будучи послѣ вяще удостовѣренъ о привязаности къ нему Султана, не только по прежнему началъ съ нимъ обходиться, но и увѣряютъ, что предпріялъ отмстить соперникамъ своимъ. Теперь переписка между Султаномъ и новымъ Хаджаганомъ безпрерывно продолжается, и слухъ носится, что въ Министерствѣ скоро воспослѣдуетъ перемѣна и Визиремъ назначаютъ уже бывшаго Очаковскаго Пашу. Рейсъ-Эфендія кредитъ, напротивъ того, ежедневно умножается, онъ начинаетъ имѣть частые съ Султаномъ переговоры; да и самъ Визирь безъ него никогда къ Султану не ходитъ. Естьли бъ сей человѣкъ не былъ той чрезмѣрной хитрости и коварства, которыя составляютъ характеръ его, то бы съ нѣкоторымъ основаніемъ, судя по образу трактованія нынѣ дѣлъ и по внѣшнимъ доказательствамъ, сказать можно, что мы въ хорошемъ положеніи съ нимъ находимся. Послѣ перемѣны помянутаго фаворита, или для отдаленія Султана отъ прежнихъ его забавъ и маловажныхъ упражненій, при которыхъ могъ онъ частое воспоминаніе имѣть о семъ опасномъ для нынѣ правящихъ человѣкѣ, или для того, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ за благое и за нужное почитаютъ оказывать нѣкоторую твердость, для споспѣшествованія важнымъ негоціаціямъ, имѣющимся нынѣ со всѣхъ сторонъ, начали здѣсь дѣлать разныя военныя заготовленія. Нѣсколько дней тому назадъ, послѣ экстраординарнаго совѣта, бывшаго въ Сераѣ, Визирь прежде окончанія онаго ѣздилъ въ арсеналъ, осматривалъ и переписывалъ все оружіе и находящуюся тамъ аммуницію. Походную Султанскую палатку разбили въ Дворцовомъ саду, и Девтердарь получилъ повелѣніе осмотрѣть пороховныя мельницы и литейной дворъ; нѣсколько Капуджій-Башей посланы въ Боснію съ деньгами, для починки тамо находящихся крѣпостей; а болѣе всего то примѣтно, что Анатольцы ежедневно въ Константинополѣ умножаются. Намъ всякими образы ищутъ дать чувствовать, что сіе касается Австрійцевъ, да и съ довольнымъ основаніемъ можно бъ то думать, по крайней мѣрѣ, какъ прежде я сказалъ, для споспѣшествованія предлежащей съ ними негоціаціи, какъ по самымъ обстоятельствамъ, по опасности, оказываемой Министромъ сего Двора, который и тонъ своихъ Портѣ представленій много нынѣ смягчилъ, такожде и по внушеніямъ, намъ чи-

нимымъ отъ стороны Рейсъ-Эфендія, гласящихъ чрезвычайное оскорбленіе Порты поступкомъ Австрійцевъ и желаніе, для приведенія въ резонъ сего Двора, соединиться съ Россіею, естьли бъ съ другой стороны не были подозрительны частыя тайныя Рейсъ-Эфендія сношенія съ двумя, недавно здѣсь обрѣтающимися, Татарами, тайная конфиденція, нѣсколько разъ примѣченная, переводчика Порты, преданнаго человѣка Рейсъ-Эфендію, съ первымъ Драгоманомъ Австрійскимъ, и частыя, недавно начавшіяся, сношенія Французскаго Посла съ Вѣнскимъ и Шведскимъ Посланниками. Съ моей стороны, при всякомъ случаѣ, подаются увѣренія о неучаствованіи Россіи въ поступокъ Австрійцевъ, и въ послѣдній разъ, когда получила Порта извѣстіе изъ Молдавіи объ отвѣтѣ, учиненномъ Вашимъ Сіятельствомъ Молдавцамъ касательно сего дѣла, и что намѣрена Молдавія учинить представленіе къ Портѣ и просить ея о защищеніи, требовала Порта вновь извиненія отъ Австрійскаго Министра; сей извинился дать оное не полученіемъ еще отъ своего Двора отвѣта, и правленіе рѣшилось опять дожидаться, какъ оныхъ, такъ и Молдавскихъ, представленій; а между тѣмъ со стороны Рейсъ-Эфендія переводчикъ Порты увѣдомилъ меня о произшедшемъ въ Молдавіи, умалчивая о вопросѣ, учиненномъ Вѣнскому Министру, и его отвѣтѣ, и просилъ сказать, естьли на сентиментахъ Россіи, относительно къ сему дѣлу, утверждаясь, можетъ Рейсъ-Эфенди польстить себи надеждою, оказать впредь услугу отечеству своему? Съ моей стороны отвѣтствовано, удостовѣряя, что съ соболѣзнованіемъ смотритъ Россія, желая всякаго добра Портѣ, на всѣ произшествія, кои непріятнымъ образомъ ее трогаютъ.

Прусской Посланникъ подалъ Портѣ меморіалъ, здѣсь прилагаемой, содержащій отвѣтъ на данную ему отъ Порты, извѣстную Вашему Сіятельству, ноту, которой Порта дурно приняла. Я сожалѣю, что сказалъ онъ мнѣ о томъ послѣ уже врученія онаго. Порта столько къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ артикуловъ пристрастна, что до полученія мною отъ Вашего Сіятельства повелѣній на послѣдній мой рапортъ, отъ 30 Ноября къ Вамъ отправленный, можетъ войтить въ другія мѣры, не смотря на то, что, въ предупрежденіе сему, со стороны Двора нашего въ помянутомъ меморіалѣ объявляется, и тѣмъ препятствовать поданному на апро-

бацію Вашего Сіятельства проекту, которой, однако жъ, до сего времяни не вредимъ остается; естьли Ваше Сіятельство найдете оный полезнымъ, то покорно прошу безъ медленія доставить мнѣ способы къ исполненію онаго.

Я положилъ съ Прусскимъ Посланникомъ, чтобъ обоимъ намъ согласно искать, сколько можно, обратить мысли Порты къ Австрійскимъ дѣламъ, и намѣренъ, до полученія повелѣнія отъ Вашего Сіятельства, оставить Прусскому Посланнику дѣлать то одному, а я останусь, въ разсужденіи сего, въ прежнемъ положеніи, сообщая Прусскому Посланнику тѣ увѣренія, которыя, по отзывамъ, чинимымъ отъ Порты, буду подавать ей.

Въ рапортѣ моемъ отъ 5 Ноября доносилъ я Вашему Сіятельству, что Франція ищетъ разпространить торговлю свою въ Черномъ морѣ; а теперь имѣю донести, что Аглицкой и Венецкой Послы, такожде и повѣренной въ дѣлахъ Голандской, подали недавно вмѣстѣ къ Портѣ меморіалы, съ требованіемъ дозволенія торговать въ Черномъ морѣ. Аглицкой Посолъ требуетъ того, по соперничеству двухъ націй; Венецкой, яко держава, прежде всѣхъ прочихъ Христіянскихъ, заключившая съ Портою какъ политическіе, такъ и купеческіе, трактаты; а Голандія, имѣвъ въ прежнія времена дозволеніе проходить въ Черное море и тамъ торговать, требуетъ нынѣ только Фермановъ своимъ судамъ, которые обыкновенно всѣмъ кораблямъ даются для проходу сквозь каналъ. Естьли Ваше Сіятельство заблагоразсудите препятствовать исполненію намѣренія сихъ націй, то способъ къ тому, не компромитируясь ни съ кѣмъ, подать надежду нѣкоторой изъ нихъ, торговать въ Черномъ морѣ подъ Россійскимъ флагомъ.

Слухъ носится, что намѣрено правленіе перемѣнить назначеннаго въ Россію Посломъ Абдулъ-Керимъ-Эфендія, а на мѣсто его опредѣлить Абдулъ-Резакъ-Эфендія, бывшаго на Букарешскомъ Конгресѣ Полномочнымъ Посломъ. Мѣстомъ для съѣзду Пословъ обѣихъ державъ назначаетъ Порта Хотинъ, какъ изволите усмотрѣть изъ записокъ въ письмѣ къ Его Сіятельству, Князь Николаю Васильевичу Репнину, которое со всѣмъ, относящимся къ Посольству, при семъ, подъ отверстою печатью, прилагаю. О времяни отъѣзду Посла ничего вѣрнаго нельзя донести Вашему Сіятельству,

а о потребной для него провинціи, еще меньше; Посолъ Порты по видимому не находитъ въ томъ своего интересу, чтобы преждевремянно провизіи для него пріуготовлены были, и хочетъ, пріѣхавши на мѣсто размѣны, требовать всего, и за недостаткомъ получать оную деньгами. Когда Визирь, по моему прошенію, потребовалъ отъ Посла записки о провизіяхъ, ему надобныхъ, то Посолъ отвѣчалъ на то представленіемъ, которое подъ рукою мнѣ отъ переводчика Порты сообщено было, и съ котораго переводъ при семъ прилагаю.

Посолъ, отправленный въ Персію, на дорогѣ былъ ограбленъ отъ разбойниковъ, а что Персіяне, возмутившись противъ Керимъ-Хана, принудили его допустить имъ сдѣлать нападеніе на границы Турецкія, и учинили оное, разорили многія жилища и взяли въ плѣнъ довольное число обывателей, Порта велѣла пограничнымъ Пашамъ вооружиться, для предупрежденія могущихъ случиться съ той стороны нападеній.

Г-нъ Бригадиръ Графъ Биланлъ, слѣдующій изъ устья Дуная къ Керчю, противными вѣтрами занесенъ былъ въ Константинопольскій каналъ, отъ штурму потерявъ мачту и терпя во всемъ недостатокъ чрезъ тридцатидневное плаваніе. Увѣдомившись о томъ, Султанъ велѣлъ Капитану Пашѣ дать ему всякое вспомоществованіе, и когда судно поправлено будетъ, то снабдить его на дорогу всѣмъ надобнымъ. Флота Лейтенантъ и Кавалеръ Войновичъ на сихъ дняхъ возвратился изъ Крыму. Одно изъ транспортныхъ судовъ, нанятое у Англичанъ, нагрузившись провіянтомъ для Россійскаго флота, поплыло въ Паросъ.

При семъ прилагаю списки находящихся у меня разныхъ націй, освобожденныхъ плѣнныхъ; число ихъ, какъ и прежде имѣлъ я честь докладывать Вашему Сіятельству, ежедневно умножается; слышно уже, что изъ провинцій ведутъ ихъ много. Для нынѣ здѣсь находящихся, издерживаю я по сту левковъ на день однихъ кормовыхъ денегъ, выключая дрова, уголья, одежду и обувь. Денегъ у меня нѣтъ ни полушки, я принужденъ занимать и платить проценты по двѣнадцати на сто, и боюсь скоро истощить мой кредитъ; такожде въ здѣшнемъ, подверженномъ заразительнымъ болѣзнямъ, мѣстѣ, опасно содержать великое число

людей; не повелите ли начать отправлять мало по малу разныхъ націй людей въ свое отечество и нанимать для того суда? И оныхъ отправляемыхъ въ Черное море, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не прикажете ли предписывать кондицію плыть подъ Россійскимъ флагомъ? Одинъ изъ морскихъ на нихъ Офицеровъ купилъ небольшое купеческое судно и нагрузилъ оное товаромъ, здѣсь купленнымъ, въ Египетъ; я получилъ для него отъ Порты охранительной отъ Африканскихъ корсаровъ Фирманъ.

Бывшій Каймакамомъ Мелекъ-Мегмедъ-Паша произведенъ въ Мухавизы Бендерскіе.

По представленію моему вновь послано повелѣніе объ отдачѣ Кильбурна.

При семъ прилагаю письмо къ Вашему Сіятельству отъ Г. Бригадира, Графа Биланда, письмо отъ него жъ къ Его Сіятельству, Графу Никитѣ Ивановичу Панину, и рапортъ въ Государственную Адмиральтейскую Коллегію, два письма къ Князю Гикѣ, и письмо къ плѣнному Турку, находящемуся при Бендерскомъ Сераскирѣ Девтердаромъ.

О чемъ имѣю честь донести,

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Копія.

Переводъ съ Хатти-Шерифа, даваемаго отъ Порты Валахіи, и адресованнаго къ Волоскому Князю.

Двѣ челобитныя, представленныя къ нашему Императорскому Престолу отъ двухъ Бояръ, присланныхъ отъ Митрополитовъ, Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ и отъ всѣхъ Бояръ перваго и втораго класса, отъ Капитановъ и отъ прочихъ обывателей Волоскихъ, были доставлены и вручены моему Императорскому Величеству, и видѣли и поняли мы содержаніе представленій помянутыхъ Бояръ, челобитье и прошеніе коихъ не иное что заклю-

чаетъ, какъ моленіе и прошеніе Императорскаго моего милосердія. Пункты, просимые отъ моего Императорскаго Величества обывателямъ той земли, такожде и покровительство, которое навсегда и всякимъ образомъ имѣть будутъ подъ милосердою тѣнью моего Императорскаго Величества, въ семъ моемъ Императорскомъ указѣ одинъ по одному изражается и вкратцѣ начертывается и объявляется. Земля Молдавская и Волоская, будучи яко житница моей Блистательной Порты, для того нужно и потребно есть, чтобы тамъ процвѣтало земледѣліе и обыватели оной наслаждались спокойствіемъ и тишиною и были бы ограждаемы и защищаемы; а какъ отъ нѣкотораго времяни частыя, противу обыкновенія, низверженія и произведенія Князей сихъ двухъ провинцій, такожде наложенія податей и утѣсненія воспричинствовали опустошеніе и разореніе оныхъ земель, и не только что обыватели оныхъ провинцій, по вышеписаннымъ причинамъ, разорены и разогнаны, но и по причинѣ войны многіе претерпѣли бѣдствія, убытки и разоренія, то всякимъ образомъ, будучи мое желаніе и долгъ моей Императорской справедливости и человѣколюбія, ихъ добрый порядокъ, тишина и благое жительство подданныхъ всѣхъ чиновъ, впредь дабы помянутые и въ земли пребывали въ добромъ порядкѣ, и дабы обыватели и подданные въ оныхъ, которые суть залогъ Всевышняго, достигнули своей тишины и спокойствія, что и предметомъ есть ихъ прошеній, послѣ заплаты джизіе, то есть, подати всяческія, уничтожаются и запрещаются всѣ тѣ малыя и большія подати, которыя прежде войны даваемы были подъ именемъ авандъ, кудуміе, убудіетъ и джоизъ. Пребываніе же et la durée Князей, будучи прямою причиною размноженія жителей и удобренія земель, такожде спокойствія и благоденствія подданныхъ; Князья оныхъ, пока не учинятъ какого либо явнаго преступленія, которое бы было публично доказанное и видное, постановлено, что не должны быть смѣняемы, и сей благой порядокъ долженъ быть соблюденъ и сохраняемъ по силѣ договоровъ трактата, заключеннаго между двумя Державами, и безъ поврежденія и отмѣны долженъ пребывать и быть соединяемъ навсегда. И дабы подданные тѣхъ земель были спокойны и обрадованы, Князья ихъ удостовѣрены и безопасны, соизволеніе мое Императорское есть, чтобы даны имъ были Бераты, то есть, дипломы, украшенные и утвержденные святѣйшимъ моимъ пи-

саніемъ; и дабы соблюдаемо и исполняемо было, сходственно съ даннымъ почтеннѣйшимъ моимъ Хатты-Гумаюнъ, даны помянутымъ Князямъ ихъ дипломы и украшенные милостивѣйшимъ моимъ Императорскимъ писаніемъ. Волоскіе подданные, сходственно съ Императорскимъ моимъ милосердіемъ и человѣколюбіемъ, и согласно съ Императорскою моею щедротою, каждые два года одинъ разъ, посредствомъ Бояръ, отъ нихъ отправляемыхъ, имѣютъ присылать сносную подать и отдавать оную въ Императорскую мою казну. А какъ Волохія есть земля, по причинѣ войны много претерпѣвшая, то подданые Волоскіе, считая отъ дня 14 луны джемазіель Эвреля настоящаго года Эгиры 1188, то есть, по старому штилю 10 Іюля, 1774 года, во время размѣны трактата мирныхъ договоровъ между двумя Имперіями, до прошествія двухъ лѣтъ увольняются отъ джизіе и отъ прочихъ податей; чинить милосердіе въ семъ пунктѣ происходитъ отъ соболѣзованія къ бѣднымъ подданнымъ, и дабы привесть землю въ цвѣтущее состояніе, то по прошествіи помянутаго двухлѣтняго срока, образомъ, прежде объявленнымъ, всякіе два года одинъ разъ, по силѣ договоровъ въ трактатѣ, подать, которая съ милосердіемъ и человѣколюбіемъ будетъ на нихъ положена, имѣетъ быть присылаема и отдаваема посредствомъ Бояръ, отправляемыхъ отъ ихъ Князей. Что жъ касается до старыхъ ихъ счетовъ, какого бы они рода ни были, денежные ли, или иные, не имѣетъ быть отъ нихъ требовано ничего. Когда воспослѣдуютъ распри между Мусульманами и подданными, такожде между подданными одними, Князь Волоской съ справедливостію и съ правосудіемъ имѣетъ выслушать обѣ стороны и учинить справедливость. Въ дѣлахъ, случающихся между Мусульманами и подданными, Диванской Кятиби или Секретарь, находящійся при Князѣ, и другіе Турки, имѣютъ надзирать и входить въ рѣшеніе дѣлъ и въ удовольствованіе сторонъ; дѣло же, которое вступленіемъ Мусульмановъ и увѣщаніями вступившихъ не можетъ быть рѣшено, для таковыхъ дѣлъ, яко ложныхъ, противныхъ закону и явно стремящихся не къ иному чему, какъ причиненію убытка и утѣсненія несправедливыми претензіями бѣднымъ подданнымъ, не должно позволять, чтобы бѣдные подданные претерпѣли убытокъ и были угнѣтаемы. Дѣла же, которыя вступленіемъ въ оныя Мусульмановъ и увѣщаніями вступившихъ для соглашенія сторонъ, не возмогутъ быть кончены,

уѣздамъ, на берегахъ Дунайскихъ лежащимъ, не были притѣсняемы отъ сборщиковъ податей и прочихъ въ тѣхъ странахъ начальниковъ, и съ требованіями отъ нихъ харача и шпенціи, и подъ другимъ какимъ претекстомъ, и чтобъ люди и Куладжи сборщиковъ податей, подъ видомъ исканія чужестранныхъ подданныхъ, не разъѣзжали въ земляхъ Волоскихъ, и теперь то будетъ приказано, кому принадлежитъ, и запрещено съ угрозою казни. Что жъ касается до одѣянія подданныхъ и обывателей земскихъ, сходственно какъ требуютъ и преимущества и вольности Волоскія, никто не возможетъ учинить имъ ниже малѣйшаго оскорбленія. Бояре, пріѣхавшіе съ представленіями земскими, хотя объявили, что имѣются Императорскіе Ферманы и Хатты-Шерифы, запрещающіе принявшимъ законъ Магометанскій, подданнымъ Волоскимъ, участвовать въ наслѣдіяхъ; но какъ оные не существуютъ въ запискахъ и протоколахъ, и не видно, чтобы таковые Ферманы и Хатты-Шерифы были когда ни будь даны, а что дѣло сіе къ закону принадлежитъ, то истребованы были въ семъ дѣлѣ сентенціи и даны четыре Фетвы слѣдующаго содержанія: «Естьли Христіанинъ, учинившись Мусульманиномъ, умретъ, отецъ его не можетъ по немъ наслѣдовать; естьли мужъ жены Христіанки учинится Туркомъ, а жена его въ невѣрствіи, мужъ не можетъ по ней наслѣдовать; естьли сынъ Христіанина учинится Туркомъ, а отецъ его умретъ Христіаниномъ, сынъ не можетъ быть отцу наслѣдникомъ; естьли Мусульманинъ освободитъ своего невольника, который послѣ умретъ, не сдѣлавшись Мусульманиномъ, господинъ его не можетъ по немъ наслѣдовать.» По силѣ сихъ имѣетъ быть поступаемо. Если дѣло, приносящее ущербъ и угнетеніе подданнымъ, покупка отъ людей и щетчиковъ Касабъ-Баши того установленнаго числа овецъ, которое повелѣваемо было искуплять въ Волохіи посредствомъ Касабъ-Баши, съ соболѣзнованія къ подданнымъ, запрещается подобная покупка тѣхъ овецъ; но какъ есть дѣло нужное и потребное получать овецъ изъ владѣній моихъ для назначенныхъ провинцій отъ міра, и для пропитанія обывателей моей столицы, то подданные Волоскіе не имѣютъ скрывать овецъ, которыя будутъ у нихъ продажны, но ходячею цѣною имѣютъ ихъ продавать купцамъ торгующимъ овцами, и съ надзираніемъ князя Волоскаго не оставятъ присылать въ Константинополь то число овецъ, которое можно, и имѣютъ давать овцы свои тѣмъ

купцамъ, которые пригоняютъ ихъ въ Константинополь, не продавая оныя въ другія мѣста. Волоская земля есть яко житница моей столицы, и доставленіе провизій въ Константинополь основано на привозѣ оныхъ, чинимое изъ двухъ земель, Молдавіи и Волохіи. Мукаезъ провизіи, требуемое отъ сихъ двухъ земель, не для чего иного есть, какъ только чтобъ въ изобиліи живностей содержать обывателей Константинопольскихъ; но какъ объявлено, было, что требованіе Мукаезъ можетъ причинить ущербъ и предосужденіе бѣднымъ подданнымъ, то со стороны моей, Императорской, дѣлается снисходительство, чтобъ и сіе было запрещено, съ кондяціею, однако жъ, чтобъ Волохи сами привозили въ пристани хлѣбъ, отъ земледѣлія имъ приходящій, и скотъ стадами и по ходячей цѣнѣ продавали начальникамъ судовъ капана, а провизіи ихъ продавали бъ Капитанамъ судовъ, пріѣзжающихъ изъ Константинополя, а не въ другія мѣста, и подъ видомъ, что теперь запрещено Мукаезъ, не оставляли бъ земледѣлія и впредъ сохраняя ихъ, не скрывали бъ провизій, которые у нихъ продажные, дабы и они имѣли прибытокъ, да и обыватели Константинопольскіе не претерпѣвали бъ въ пропитаніи, и въ семъ особо такъ Князья, какъ и Бояре должны прилагать радѣніе. Какая бъ то ни была вина и преступленіе, оказанные отъ подданныхъ Волоскихъ и Молдавскихъ, по обстоятельствамъ возставшей войны, и всѣ какіе бы то ни были дѣла и поведенія до сего времени, предаются вѣчному забвенію и прощаются моимъ Императорскимъ Величествомъ, и никогда въ умъ не придетъ попрекать, или наказывать, ихъ за прошедшія ихъ дѣла, и впредь пока не преступятъ долгу послушанія, покорности и подданства, то дѣло явное есть, что не испытаютъ иного, какъ только мою милость, благодѣтельство, милосердіе и соболѣзнованіе, и сіе мое Императорское прощеніе должно быть имъ обнѣщано, и въ то же самое время должно имъ рекомендовать и впередъ, чтобы они просили Бога за долгое сохраненіе моей Имперіи. Касательно до споровъ, бывшихъ прежде сего между Назиремъ Силистринскимъ и Княземъ Волоскимъ, о границахъ Анатуны, сверхъ того, что году Эгиры 1777 г. изданъ былъ знаменитый мой Хатты-Гумаюнъ о рѣшеніи сего дѣла и сверхъ того разные Императорскіе Ферманы въ истеченіи луны Шевалъ того жъ года, то и теперь, дабы пребывалъ навпредъ порядокъ, тогда постановленной, былъ данъ другой мой Император-

ской Фирманъ, которой имѣетъ быть исполненъ по силѣ своего содержанія. Раздаяніе чиновъ въ Молдавіи и Волохіи состоитъ въ благоизволеніи и власти Князей людямъ достовѣрнымъ, избираемымъ отъ нихъ между Боярами и Греками; рекомендуется и препоручается Князьямъ давать Боярамъ, которые заслуживаютъ преимущество, тѣ чины, кои обыкновенно они занимаютъ, и брать, какъ нужда повелитъ, въ свою службу способныхъ людей какъ изъ Грековъ, такъ и земскихъ. Разнаго сорту дерева потребны къ строенію въ крѣпости, лежащія въ Романіи, и впредь имѣетъ быть рублено и привозимо изъ горъ Моллавскихъ и Волоскихъ. А какъ даны были прежде Фирманы, чтобъ издержки, чинимые въ рубленіи и перевозкѣ тѣхъ деревъ, были по объявленію, на письмѣ учиненному отъ надзирателей таковыхъ строеній, плачены отъ Князей въ счетъ подати отъ нихъ даваемой, то по мѣрѣ впредь случающихся нуждъ въ требованіи таковыхъ деревъ, имѣютъ быть плачены и сполна всѣ издержки въ рубленіи и перевозѣ ихъ изъ суммы джезіе или подати, не вычитая и не удерживая ниже одной аспры. Скотъ хуторей Мангальскихъ, которымъ владѣетъ Усты того мѣста, переправляемъ былъ для пастбы, въ лѣтнее время, на мѣсто, называемое Севалія, принадлежащее къ Волохіи, а въ зимнее время возвращали тотъ скотъ въ деревню, называемую Сусла въ уѣздѣ Мангальскомъ; и хотя во время зимнее, никогда тотъ скотъ не оставался въ Волохіи, и никогда не были тамъ построены кышлакъ, то есть, зимовники, однако жъ на мѣстѣ, называемомъ Севалія, зимовники были построены и скотъ зимою не пригоняемъ былъ въ Мангалію. Такожде брали въ свою службу подданныхъ Волоскихъ и завладѣвали ими, чего ради данъ былъ мой Императорскій указъ 1180 г. Эгиры, луны Шеваль, адресованной къ Очаковскому Пашѣ и Мангальскому судьѣ въ оном повелѣно было, чтобъ скотъ только въ лѣтнее время имѣлъ пастьву въ Севалія, а на зиму возвращался въ Мангалію; такожде, чтобъ запрещено было вышепомянутымъ Устамъ строить, не договорясь, зимовники и брать въ свою службу подданныхъ; нынѣ же запрещается помянутая пастьба скота въ Волохія и лѣтомъ и зимою, дабы бѣдные подданные были ограждены отъ всякаго вреда. Милосердіе къ созданію Божіему, которое есть залогъ Всевышняго, и соболѣзнованіе къ бѣднымъ подданнымъ, суть качества справедливой моей природы, которыя изъявляю и всѣмъ, а особливо подданнымъ, какъ благо-

урожденнымъ, такъ и народу въ Молдавіи и Волохіи, и выше писанные артикулы, не заключая ничего, кромѣ касающихся къ размноженію народа и удобренію земель, защищеніемъ сихъ двухъ провинцій отъ всякаго угнетенія и постановленіемъ оныхъ во всегдашнемъ покоѣ подъ тѣнію моего Императорскаго Величества Ты, вышепомянутый Князь, отправивъ и прочевъ сію мою Императорскую Грамоту, въ присутствіи всѣхъ Митрополитовъ, Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, Бояръ, Бояринашовъ, Капитановъ, начальниковъ и подданныхъ всея земли, объявишь и сообщишь имъ прямое содержаніе оной. И дабы напредъ постановленной нынѣ порядокъ былъ соблюдаемъ, сохранишь сей мой Императорской указъ, и исполнія оной, наказывать, сколько возможно, имѣешь всѣхъ преступавшихъ оной: всякой разъ, когда нужно, прибѣгнешь къ артикуламъ, въ немъ объясненнымъ и начертаннымъ, и дашь о томъ знать моей милосердной Портѣ. Вины и преступленія, учиненныя во время войны отъ подданныхъ и Бояръ Молдавскихъ и Волоскихъ, суть уничтожены и прощены, какъ выше сказано, отъ моего Императорскаго Величества, и хотя было повелѣно, чтобъ оставлены были имъ чины и ихъ владѣнія, которые имѣли до настоящей войны, однако жъ вѣчное соблюденіе выше помянутыхъ артикуловъ, наполненіе вновь обывателями разоренную въ теченіи войны область, тишина и благоденствіе жителей, завися отъ удобренія земли и приведенія земледѣлія въ цвѣтущее состояніе, чѣмъ прямо и Бояре содержутся, получая прибытки, имъ принадлежащіе. По старому обыкновенію, земля, охраняя и защищая Бояръ, которые происходя, по старому земли обыкновенію, въ чины земскіе, исполняютъ долгъ послушанія и покорности и сообразуются повелѣніямъ и волѣ своего Князя, и отъ старанія и радѣнія принимать ихъ въ службу и доставлять имъ выгодное состояніе со всѣми дистанціями; но отъ нѣкотораго времяни, противу древнихъ земскихъ установленій, неправедныя и насильныя присвоенія и опустошеніе, отъ войны происшедшее, бывъ причиною разоренія той земли, повелѣвается, чтобъ удержались они отъ требованія, противу ихъ привилегій, податей, подданнымъ несносныхъ. И тѣ, кои преслушны моему Императорскому соизволенію, причинятъ убытокъ и утѣсненіе бѣднымъ подданнымъ, вмѣшиваясь въ дѣла, имъ не принадлежащія, чиня претензіи непристойныя и требуя правъ несправедливыхъ, повре-

дятъ установленный порядокъ и воспрепятствуютъ исполненію утвержденій, во благо земли отъ Князя чинимыхъ, и кои посмѣютъ противиться Князю, избранному и постановленному отъ моей Блистательной Порты, то Князья имѣютъ дозволеніе, власть и силу, наказывать ихъ, смотря по винѣ каждаго, и ты, вышеупомянутой, дабы прежде писаннымъ образомъ, употребляя власть, тебѣ даваемую, въ наказаніи таковыхъ искалъ бы доставить спокойствіе подданнымъ и возстановить благой въ земли порядокъ, данъ сей мой Императорской указъ. Какъ Бояре, такъ и прочіе подданные Волоскіе, доколѣ исполнятъ съ вѣрностію, откровенностію и справедливостію долгъ покорности и подданства своихъ и удовлетворятъ съ послушаніемъ и покорностію Императорскимъ моимъ повелѣніямъ, не выступятъ изъ прямаго пути, то всячески съ моей Императорской стороны оказано имъ будетъ всякое милосердіе и милость и испытаютъ подъ тѣнію моею отъ Императорскаго Величества наймилостивѣйшія награжденія за убытки и разоренія, во время войны ими понесенныя, и каждой, предая забвенію прошедшія бѣдствія, наслаждаться будетъ вѣчною тишиною и спокойствіемъ. Ты же, Князь, и наслѣдники твои, доколѣ соблюдете и удовлетворите по вышепомянутымъ постановленіямъ должному повиновенію къ моей Блистательной Портѣ, такожде и должному благодаренію за высокія милости, испытанныя тобою отъ моего Императорскаго Величества, и пока не учинишь какого ни будь явнаго преступленія, по которому бы слѣдовало твое низверженіе, долженствуешь пребывать въ безопасности отъ смѣны, или низверженія тебя, и пока пребудешь вѣренъ, останешься пользоваться твоимъ Княжествомъ, и всѣ вышепомянутые артикулы будутъ соблюдены и всегда, такъ со стороны моего Императорскаго Величества, какъ и со стороны моихъ Визирей и намѣстниковъ, приме.ся всякое стараніе и радѣніе, дабы пользовались тѣми выгодами и Имтіязать, коими пользовались во время Его Императорскаго Величества славной памяти моего прадѣда, Султана Мегмеда. И всѣ тѣ, кои посмѣютъ что либо сдѣлать противное сему постановленію, какъ съ обывателей близъ-Дунайскихъ, такъ и съ прочихъ, малые и большіе, той же самой минуты, что о томъ увѣдомлено будетъ, безъ сомнѣнія и точно будутъ наказаны. Содержаніе сего моего Императорскаго указа должно быть объявлено Боярамъ и подданнымъ Волоскимъ, и должно рекомендовать и вперять имъ, чтобъ

не упустили они чинить теплыя молитвы о сохраненіи моего Императорскаго Величества, и чтобъ береглись и уклонялись преступать сей мой Императорскій указъ. Написано въ половинѣ луны Шеваля 1188-го году Эгиры, то есть, 15 Декабря по старому стилю, 1774 года.

Хатти-Шерифъ, адресованный къ Молдавскому Князю Григорію Гикѣ, есть слово отъ слова сему подобный, кромѣ слѣдующей въ оном прибавки:

«Хотя былъ въ обыкновеніи Князь Молдавскій брать таможню живностей, товаровъ и прочихъ вещей, приходящихъ въ Галацкую пристань, люди, однако жъ, принадлежащіе Назирю Килійскому, причиняли тамъ разныя утѣсненія; чего ради дано Императорское повелѣніе, дабы люди помянутаго Назиря не приходили въ Галацъ и не дѣлали бы претензіи на помянутую таможню. Но какъ не находится въ протоколѣ Императорскаго Дивана никакое запрещающее повелѣніе Кюмрукчію переходить изъ Исакчи въ Галацъ, то принято будетъ стараніе, чтобъ какъ люди Назиря Килійскаго, такъ и таможни Исакчинской, не переходили безъ нужды въ Галацъ, подъ именемъ собиранія постановленнаго количества селитры, потребной въ Имперіи моей Монетной Дворъ, для плавленія золота и серебра, по обыкновенію ежегодно изъ Молдавіи получаемаго, ѣздили нѣкоторые и брали на себя тотъ подрядъ, и подъ тѣмъ претекстомъ причиняли ущербъ и утѣсненіе бѣднымъ подданнымъ, что, будучи противно моему Императорскому соизволенію, жалуется уничтоженіе сего, съ кондиціею, однако жъ, что не будетъ впредь посылаться Назиръ подъ именемъ подрядчика, но должно присылать то количество селитры, которое нужно въ мой Императорской Монетной Дворъ; цѣна же и перевозъ оной селитры должна быть исполна заплачена подданнымъ изъ подати Молдавской, и чтобъ посредствомъ Князя Молдавскаго было то учинено и извѣщено въ Императорской мой Монетной Дворъ, и съ той пристани, въ которую доставлена будетъ та селитра, должна оная быть привезена въ Константинополь.»

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ.

Въ продолженіи сихъ дѣлъ, послѣ отправленія послѣдняго курьера, противу того, что имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству, учинены нѣкоторыя перемѣны, какъ то изволите усмотрѣть

съ приложенія копіи изъ Хатти-Шерифа, даннаго Валахіи. Впрочемъ, постановленіе пунктовъ, содержащихся въ ономъ, не имѣя самъ довольнаго свѣдѣнія о внутреннемъ тѣхъ Княжествъ положеніи, чтобъ рѣшительно представить объ оныхъ, не оставилъ я испрашивать объясненія и совѣта отъ человѣка, въ сихъ дѣлахъ много искуснаго и ближайшій интересъ имѣющаго, Волоскаго новопроизведеннаго Князя, Александра Гипсиланди, котораго по признаніи его отъ Волоховъ, такъ чрезъ депутатовъ сей націи, отъ Вашего Сіятельства сюда присланныхъ, какъ и чрезъ нарочно для того пріѣхавшихъ изъ Бухареста, и я за нужное почелъ обнадежить благосклонностію Вашего Сіятельства. Съ его и съ Яковакія Ризо, повѣреннаго въ дѣлахъ Князя Гики, и съ удовольствіемъ депутатовъ обоихъ Княжествъ постановлены, одинъ по одному, всѣ пункты, находящіеся въ Хатти-Шерифѣ, который при томъ, какъ Ваше Сіятельство сами изволите примѣтить, согласуетъ артикулу мирнаго трактата. 1-й пунктъ, о пребываніи Князей, основанъ также на трактатѣ, гдѣ, для вящшей достовѣрности о безсмѣнномъ пребываніи Князей, по усильнымъ настоятельствамъ съ нашей стороны и представленіямъ, что постановленія, учиненныя между верховными уполномоченными, посредствомъ ихъ переписки, должно почитать, равно какъ и самый трактатъ, которые въ семъ случаѣ Султанъ Хатти-Шерифомъ своимъ подтверждаетъ. Не имѣя точнаго отъ Вашего Сіятельства повелѣнія рѣшительно заключить сіе дѣло, и опасаясь съ другой стороны дать отказомъ мѣсто мнительности и подозрѣнія настоящаго правленія, худыя какія либо дѣлать толкованія при настоящихъ обстоятельствахъ, требовалъ я отъ Порты, чтобъ Визирь писалъ къ Вашему Сіятельству о семъ дѣлѣ, которое я на постановленномъ между нами основаніи, до полученія повелѣнія Вашего Сіятельства, для пріостановленія только дѣла пріемлю Такожде требовалъ, чтобъ Визирь, призвавши депутатовъ обоихъ Княжествъ, сообщилъ имъ содержаніе Хатти-Шерифовъ, и естьли они довольны, то учинилъ бы имъ надлежащее преимуществамъ по собственному ихъ чину отправленіе, что все и учинено. Депутаты приняты были 17 сего мѣсяца съ найласковѣйшими оказательствами, благодарили Визиря и отправлены отъ него. Хатти-Шерифъ Молдавской есть слово отъ слова подобенъ Волоскому, исключая одну только прибавку, которая означена въ концѣ прилагаемаго перевода.

Сверхъ Хатти-Шерифовъ, даетъ Султанъ обоимъ Князьямъ дипломы. Упомянутое выше къ Вашему Сіятельству отъ Верховнаго Визиря письмо, вручено сему курьеру. Волоской Князь на сихъ дняхъ выѣхалъ изъ Коистантинополя.

Переводъ съ представленія, учиненнаго Верховному Визирю, отъ назначеннаго Чрезвычайнаго и Полномочнаго посла въ Россію, Абдулъ-Керима-Паши.

Послѣ заключенія мирныхъ трактатовъ, отправленіе взаимное между Дворами посольствъ, не для прибыли дѣлается, но для вящшаго утвержденія мира. Дворъ Россійской отъ времяни, какъ получилъ титулъ Императорской, не имѣлъ Посла съ чиномъ Бейлеръ-Бея Ромельскаго, а переводчики сего Двора требуютъ отъ Вашего слуги, ѣдущаго въ Россію, записки, сколько надобно ему разныхъ провизій. Подобнаго требованія никому никогда не учинено отъ времяни, какъ установленъ между Европейскими Дворами церемоніалъ. И я на сіе отвѣчаю. Издревлѣ до сего времяни Послы не иное дѣлали, какъ въ дѣйство производить церемоніялы, согласные съ дружбою и откровенностію. Къ Великому Императору, послѣ Карловицкаго трактата былъ отправленъ Посломъ Ибрагимъ-Паша, а 1153 года Эгиры посланъ былъ къ нему съ характеромъ Бейлеръ-Бея Джаниби-Паша, и отъ него присланы были Послы, почитаемые равнаго чина съ преждепомянутыми, и исполняли церемоніалы дружественные и пріятственные; но ни въ исторіяхъ, ни въ протоколахъ нигдѣ не написано, чтобъ подобные запросы сдѣланы были съ одной, или съ другой, стороны. А обыкновенно, когда Посолъ пріѣдетъ на границу, то Мигмандаръ спрашиваетъ, коликое число людей и лошадей имѣетъ Посолъ; а потомъ, доставляя всѣ надобныя живности, сходственно съ достоинствомъ своего Двора, и препровождаетъ его до назначеннаго мѣста. Селимъ-Эфенди недавно возвратился изъ посольства въ Вѣну; можно спросить отъ него, естли прежде отъѣзду учинено ему подобное вопрошеніе со стороны Нѣмцовъ? Долженъ ли отвѣтствовать слуга Вашъ на таковые вопросы? Отвѣчать, это бы было преступить долгъ моей службы. Подобныхъ вопрошеній не дѣлаютъ ни купцы, ни ремесленники. Повелѣніе слугѣ Вашему ѣхать отъ Блистательной Порты къ Двору Россійскому, не для чего иного

есть, какъ для утвержденія дружбы. Я есмь послушный слуга моихъ Господъ, и не имѣю иного отвѣта дать, какъ только, что поступлю по повелѣніямъ Вашимъ, о чемъ, увѣдомивъ Васъ, предаюсь повелѣніямъ Вашимъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ

и

ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1775 ГОДЪ.

1775 года, 7 Генваря.

Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ и Митрополитъ Молдавскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Съ новымъ признаніемъ благодарю Вашему Преосвященству за полученное здѣсь письмо Ваше, въ которомъ изражаете чувства Христолюбиваго Пастыря и преданнаго усердіемъ по вѣрѣ и правдѣ къ пользѣ нашей, яко единозаконниковъ. Я съ неменьшимъ прискорбіемъ несу мою разлуку съ Вашимъ Преосвященствомъ, и еще больше оную чувствую по мѣрѣ огорченія, Вами исповѣдуемаго; но судьбы Предвѣчнаго инако того не могли опредѣлить.

Доводы благочестивой ревности Вашего Преосвященства къ интересамъ Всеавгустѣйшей нашей Императрицы, Ея Всемилостивѣйшее покровительство и возблагодареніе, на всякое время готовы для Васъ. И я, хотя отнюдь не вижу изъ настоящихъ отзы-

вовъ Порты и самаго положенія дѣлъ, чтобъ какое ни будь обстоятельство грозило сомнѣніемъ, а и того меньше опасностію, пребыванію Вашего Преосвященства на мѣстѣ своей паствы, удовлетворяя, однако жъ, волѣ Вашей, включаю здѣсь пашпортъ, который въ запасъ имѣть Вы хотѣли. Я увѣряю Ваше Преосвященство, что во весь мой вѣкъ не угаснетъ въ сердцѣ моемъ почтеніе и благодарность къ Вамъ, которымъ и не полагаю предѣловъ, и съ коимъ, препоручая себя Вашему Пастырскому благословенію, имѣю честь быть.

1775 года, 7-го Марта.

Преосвященнѣйшій Г-нъ Митрополитъ Угровлахскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Извѣстенъ будучи о достоинствахъ, по доброй объ нихъ славѣ, опредѣленнаго отъ Блистательной Порты Господаремъ въ Княжество Волошское, Его Сіятельства, Александра Ипсиланди, и имѣя отъ него собственной отзывъ, съ коликимъ духомъ благости и усердія на пользу общую воспріемлетъ онъ отправленіе своего званія, не сомнѣваюсь я, что Ваше Преосвященство, яко добрый пастырь врученному Вамъ отъ Бога стаду, возбудите во всѣхъ должное признаніе къ власти, предуставленной въ начальникѣ, возведенномъ надъ областію.

Во все время, доколѣ управлялъ я оружіемъ Всемилостивѣйшей моей Государыни въ земляхъ Вашихъ, Ваше Преосвященство, по образу свойственнаго Вамъ благомудрія, были побуждающимъ примѣромъ всѣмъ согражданамъ пещися о лучшемъ порядкѣ и благѣ своей отчизны; я не могъ по тому остаться теперь въ молчаніи, чтобъ, въ лицѣ Вашего Преосвященства, не преподать всѣмъ чинамъ духовнаго и мірскаго званія, усерднаго моего совѣта, дабы благочиніе и повиновеніе начальству было правиломъ ихъ поведенія. Я пишу сіе въ томъ удостовѣреніи, что Его Сіятельство, нынѣшній Господарь, Александръ Ипсиландій, конечно, всѣ благіе способы обращаетъ и обращать будетъ на умноженіе пользы народной, и чтобъ найвящшимъ образомъ процвѣтало

отечество Ваше, въ полномъ ощущеніи всего того добра, которое въ себѣ заключаютъ условія мира, между высокихъ Имперій постановленнаго.

Извѣстно каждому, что вся и всѣмъ свобода предоставлена мирнымъ трактатомъ къ переселенію изъ Валахіи въ Россію, и не можетъ никому быть въ томъ воспященія, до истеченія срока. Я, однако жъ, надѣюсь, отъ благоразумія каждаго, кто симъ общимъ дозволеніемъ восхощетъ пользоваться, что не произойдетъ тутъ ни кому во вредъ партикулярный озлобленія и обидъ тягостныхъ, но паче соблюдаемъ будетъ пристойный порядокъ, что переселяющіеся своимъ отъѣздомъ не нанесутъ своимъ согражданамъ вреда и обидъ, по пункту приватныхъ между собою долговъ, но удовлетворить потщатся паче каждый своему въ томъ обязательству, прежде еще отбытія изъ своей отчизны.

Я утруждаю Ваше Преосвященство, чтобы всѣмъ Боярамъ сей мой совѣтъ благоволили объявить, и увѣрить ихъ вообще о моемъ непоколебимомъ и всеискреннемъ для всѣхъ и каждаго благожелательствѣ, съ которымъ я, препоручая себя Вашему Архипастырскому благословенію и молитвамъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ.

1775 года, 18 Марта.

ВОЕЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Отъ монастыря Велико-Скитскаго, положеніе имѣющаго въ землѣ Галицкой, доставшейся, по послѣднему раздѣлу Польши, въ обладаніе Австрійскаго Двора, посланы нѣкоторые изъ братій онаго въ Кіевъ, для исправленія нуждъ ихъ обители. Сей монастырь, отъ самаго времени царствованія блаженныя памяти Государя Царя Ѳеодора Алексѣевича, пользовался особливымъ покровительствомъ и призрѣніемъ Высочайшаго Двора нашего, и отъ Ея И. В., нынѣ благополучно Государствующей, удостоился, наконецъ, полу-

чить жалованную грамоту, по поводу чего и прошу Ваше Высокопревосходительство, въ пребываніи тѣхъ посланныхъ въ Кіевѣ, оказать имъ всякое возможное благодѣяніе и помощь, а если бы надобность ихъ требовала поѣздки и въ Москву, то и на оную снабдить ихъ Вашимъ пашпортомъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ пребуду навсегда.

Мая 22 дня, 1775 года.

ВОЕЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Для содержанія въ пути Чрезвычайнаго и Полномочнаго Оттоманской Порты Посла, Беглеръ-Бея Румелійскаго, Сеидъ-Абдулъ-Керимъ-Паши, опредѣленная сумма въ сорокѣ тысячахъ рубляхъ, какъ по большой части состоитъ въ ассигнаціяхъ, кои въ Польшѣ употреблены быть ни какъ не могутъ, то, чтобъ отвратить во время проѣзда упомянутаго Посла къ Кіеву, прошу я Ваше Высокопревосходительство, по сношенію о семъ съ Г. Генералъ-Маіоромъ, Барономъ Игельштромомъ, замѣнить ассигнаціи наличными деньгами, на требуемое отъ него число, изъ суммъ, имѣющихся въ Вашемъ вѣдѣніи.

Я имѣю честь быть съ непремѣннымъ почтеніемъ.

1775 года, Мая 22 дня.

ВОЕЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Пока еще Его Сіятельство, Чрезвычайный и Полномочной Посолъ, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, не отправится изъ Кіева, быть могутъ ко мнѣ изъ Царьграда курьеры, и для сего я прошу Вашего Высокопревосходительства, по своему разсмотрѣ-

нію, благоучредить, въ разсужденіи карантинной заставы, чтобы оныхъ задерживать въ Васильковѣ, по мѣрѣ предосторожности и сомнѣнія, ежели оные нужны и предстоять будутъ, а письма у нихъ отбирая, доставлять Его Сіятельству, Послу, которой потомъ мнѣ оныя сообщитъ. Ради сего благоволите Ваше Высокопревосходительство предложить Г. Генералъ-Маіору Ширкову, дабы онъ Турецкихъ куріеровъ и нашихъ, что въ ихъ земли посланы, обращалъ на Васильковъ, а не другой путь.

Есмь съ непоколебимою преданностію и почтеніемъ.

1775 года, 24 Марта.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Чтобъ, по Всевысочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества, мѣдная монета, дѣланная подъ чеканомъ Княжества Молдавскаго и Мунтянскаго, изъ завоеванныхъ у непріятеля орудій, Королевскимъ Польскимъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Барономъ Гартенбергомъ, равно и по данной привилегіи, Генералъ-Маіоромъ и Кавалеромъ Мелисиномъ, обращена была на пользу казны безъ тягости народной, не преминулъ, съ моей стороны, взять мѣры, и для того предписалъ управляющимъ въ Молдавіи и Валахіи принимать оной въ Диванахъ, то число, которое отъ Барона Гартенберга (коему и Г. Мелисино уступилъ свое право), по его обязательствамъ, взносима будетъ, и держа изъ оной внутренніе земскіе расходы, въ замѣну отсылать въ военный Коммисаріатъ золотыя и серебреныя деньги, вступающія въ казну Ея Императорскаго Величества изъ таможнихъ откуповъ и другихъ доходовъ; къ сожалѣнію, однако жъ, изъ всѣхъ подобныхъ мѣроположеній, отъ недовольнаго надзиранія управляющихъ, произошли злоупотребленія. Ваше Сіятельство, получая отъ таможнихъ правительствъ ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи казны, видѣли, коль знатное число сихъ мѣдныхъ денегъ въ наличности показываемо было при

Молдавскомъ Дивапѣ. Я, будучи по званію своему обязанъ другими дѣлами и въ войнѣ отдаленъ отъ очевиднаго наблюденія, усмотря то, однако жъ, изъ первоподанныхъ мнѣ тамошнихъ вѣдомостей, и зная, что отъ Гартенберга во взносѣ самое малое количество состояло, да и въ народѣ та монета еще почти не обращалась, повелѣлъ о томъ найточнѣйшія слѣдствія. Тутъ оказалось, что люди, къ разнымъ статьямъ сборовъ опредѣленные, и по откупамъ у оныхъ бывшіе, и самые между оными тамошніе правители, корысть свою выше всего поставляя, изыскивали оную всякими непозволенными образы, и умыслили прибрать къ рукамъ своимъ все золото и серебро, а мѣдью отяготить казну и народъ, имѣя сіи деньги на самомъ заводѣ и взнося оныя въ казну вмѣсто собранной съ народа по откупамъ золотыхъ и серебряныхъ; чрезъ такову мѣру и потеряла сія монета всю пропорцію противъ другой въ курсѣ и въ продажѣ товаровъ и припасовъ. За симъ поправленіе такова происшедшаго злоупотребленія возложилъ я на Г. Генералъ-Маіора Римскаго-Корсакова, опредѣленнаго къ управленію дѣлъ въ Молдавіи, съ тѣмъ точно предписаніемъ, чтобы въ казнѣ, за всѣ статьи сборовъ, деньги состояли въ той самой монетѣ, каковою оныя съ народа собраны, и что онъ самъ въ упущеніи должнаго надзиранія отвѣтствовать, и казенный убытокъ изъ своего собственнаго имѣнія пополнить обязанъ будетъ. Не преминулъ я и въ послѣдованіи, не видя исполненія по тому, нѣсколькократными моими повелѣніями напоминать ему; а подобнымъ тому образомъ и во время болѣзни моей, по приказанію моему, Господа Генералы, Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ и Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, ему о томъ же подтверждали, чтобы онъ взнесшихъ мѣдную монету, вмѣсто серебряной и золотой, въ пошлинахъ и другихъ сборахъ собранной, понудилъ обмѣнять на сію послѣднюю, употребя всѣ средства, законами на таковыя случаи предписанныя. Но когда и все сіе было безъ успѣха, и отъ Г-на Корсакова получаемы были только рапорты, изъявляющіе невозможность въ томъ, то я долженъ былъ, наконецъ, приняться самъ за сіе дѣло и войти въ подробное онаго разсмотрѣніе. Все то, въ чемъ тамошніе обличены были прямо явнымъ прикосновеніемъ къ принадлежащему казнѣ, я приказалъ взыскать на нихъ; къ крайнему, однако жъ, прискорбію во многомъ убѣжденъ былъ и оправданіями ихъ, особливо бывшаго во время

наше Великимъ Вистіаріемъ Кантакузина, что всѣмъ симъ злоупотребленіямъ подалъ поводъ не только недовольнымъ надзираніемъ опредѣленныхъ въ тамошнее правительство, для сохраненія порядка и на подкрѣпленіе нашихъ интересовъ, кои всѣ оставлены при однихъ моихъ подтвержденіяхъ, дѣланныхъ имъ во всякое время съ найстрожайшими выраженіями, но и явнымъ покушеніемъ на принятіе не надлежащее таковой монеты. Не меньше, и что многіе изъ нашихъ, въ мѣстахъ здѣшнихъ, въ образѣ купцовъ и всякаго рода промышленниковъ, обращавшихся, оставляя всякое другое пристойное упражненіе, мѣняли сію монету и выкупали оную изъ Молдавіи, ожидая себѣ прибытку большею частію на счетъ казны, какъ то и теперь многіе ко мнѣ приходятъ съ жалобами, яко бы они, имѣя многое число той монеты, подвергаются большимъ убыткамъ, хотя по всѣмъ изслѣдованіямъ не видно, чтобы оная въ такомъ большомъ количествѣ могла имъ достаться инако, какъ подобнымъ для корысти вымѣномъ и выкупомъ. За всѣми вышеписанными взысканіями, осталось сихъ денегъ 147,414 руб. 17 коп., которыхъ не имѣвъ способовъ употребить въ расходъ, я принужденъ былъ приказать вывезти сюда изъ Молдавіи; но и здѣсь оныя не могутъ имѣть ходу, и никто не даетъ за пудъ выше 4 р. 50 коп. Въ началѣ дѣла сего имѣвъ съ Вашимъ Сіятельствомъ переписку, и въ настоящихъ обстоятельствахъ къ Вамъ адресуюсь, прося сообщить мнѣ Ваше мнѣніе, или же, въ случаѣ надобности, исходатайствовать Всевысочайшее рѣшеніе Ея Императорскаго Величества, повелѣно ли будетъ оную здѣсь продать, либо, какъ я слышу, что въ Россіи теперь мѣдь надобна, и большою цѣною продается, доставить оную внутрь границъ своихъ. Долженъ я при томъ упомянуть здѣсь, что по разсужденіи многихъ, металлъ сей примѣшаніемъ на смягченіе онаго для надобнаго употребленія, приведенъ въ неудобность къ передѣлкѣ во всякую другую посуду, кромѣ обращенія онаго по прежнему въ пушки, или колокола. Я, ожидая отъ Вашего Сіятельства на сіе отвѣта, пребываю съ совершеннымъ высокопочитаніемъ.

1775 года, Мая 11 дня.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Изготовивши отправленіе къ Вамъ сего куріера, имѣлъ я честь получить Ваше всеприятнѣйшее отъ 8-го сего теченія. Нѣтъ, кажется, еще никакихъ прямо видовъ, которые бы насъ въ чемъ ни будь стѣснили, и нельзя сомнѣваться, чтобы командированію полковъ на Линію не была одною изъ первыхъ причинъ, между другими, надобность привесть къ концу работы, Ваше Сіятельство сами благопризнаете, что гдѣ большая часть войска, тамъ надобно быть и первому начальнику; слѣдственно, выѣздъ Вашъ и занятіе поста по близости къ тѣмъ самымъ войскамъ для лучшей удобности распоряжать на всѣ стороны, по мнѣнію моему, не можетъ подать ни какихъ сомнѣній.

Строеніе блокгауза по чертежу, отъ Васъ присланному, я апробую; но что принадлежитъ до галереи, гдѣ часовому мѣсто назначено, то оное его совсѣмъ открываетъ, а удобнѣе сдѣлать его въ кровлѣ такъ, чтобъ тому часовому видѣть все удобно было въ околичности, но онъ самъ примѣченъ быть не могъ бы.

Есьмъ со всесовершеннымъ почтеніемъ.

1775 года, 16 Декабря.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Имѣя къ собственному удовольствію сей случай, пользуюсь сказать Вашему Сіятельству всеискреннее мое желаніе, дабы свершили вы экспедицію, Вамъ ввѣренную, толь щастливо, колико ожиданіе того нетерпѣливо. Въ примѣчаніи дальнѣйшихъ по востребованію Вашему, Вы конечно отъ меня ко времени снабдѣны

будете, и я, кромѣ должности, которая налагаетъ сіе на меня, побуждаемъ къ тому и со стороны усердія моего къ Вамъ наибольшаго. Въ дружескую конфиденцію примите, Ваше Сіятельство, мою мысль, чтобы въ выборѣ курьеровъ быть весьма осторожну, и не всѣхъ тѣхъ посылать, кои просятъ отправленія, имѣвъ здѣсь свои нужды, или по другимъ причинамъ, но таковыхъ, коихъ бы можно отправляя обратно, положиться впрочемъ на него. Сюда прибылъ отъ Васъ одинъ, именно Фагонъ, поведеніе коего, конечно, не было извѣстно Вашему Сіятельству; но я, не стараясь описывать его состояніе, довольствуюсь сказать только, что полагаться на него въ сихъ случаяхъ ни съ которой стороны не можно, и потому было бы не худо для сего опредѣлить изъ Оберъ-Офицеровъ надежныхъ, или унтеръ-офицеровъ, по усмотрѣнію, однихъ навсегда.

Пребываю, впрочемъ, съ непреложнымъ почтеніемъ.

1775 года, 19 Ноября.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Читая Ваши донесенія, видѣлъ я не безъ сожалѣнія о припадкѣ Вашемъ, и о томъ, что воспрепятствовало поступить Вамъ на дальнѣйшія предпріятія въ дѣлѣ предположенномъ. Не отъ насъ зависитъ противустать естественному загражденію, и Вы больше о томъ увидите изъ моего ордера, что потому опасаться вамъ ни съ которой стороны нѣтъ причины. А что Ваше Сіятельство стѣснены скорбію найпаче о своихъ подчиненныхъ, не безъ трудности переносящихъ свои подвиги, нежели о себѣ самомъ, и соболѣзнуете найбольше, не могучи въ семъ разѣ произвесть того, въ чемъ есть воля Государская и собственная Ваша слава, я безъ всякаго сомнѣнія увѣренъ. И желая Вамъ къ достиженію того всѣхъ и всякихъ преуспѣяній по мысли Вашей, пользуюсь, между тѣмъ, повторить Вамъ о томъ истинномъ усердіи и всесовершенномъ почтеніи, съ коими никогда не престану быть.

1775 года, 28-го Ноября.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Іюля 3-го числа, текущаго года, явился у меня, монастыря Велико-Скитскаго, который между иными вошелъ изъ Польскаго въ Цесарское владѣніе, Іеромонахъ Парфеній отъ Игумена съ письмомъ, коимъ онъ, изъясняя того монастыря притѣсненія, причиняемыя отъ Австрійскаго Министерства угрозою, изгнаніемъ ихъ изъ онаго, просилъ моего пособія. И какъ сей монахъ мнѣ сказалъ, что онъ тайно и мимо вѣдома тамошняго начальства, подъ видомъ, будто за нуждами въ Польшу посланъ, то я по многимъ обстоятельствамъ не судилъ быть приличнымъ ему на то письмо отвѣчать, и монаха отпустилъ съ тѣмъ токмо совѣтомъ, чтобы та обитель отозвалась въ томъ съ прозьбою къ Чрезвычайному Послу Вашего Императорскаго Величества, въ Вѣнѣ находящемуся. Но какъ Г. Генералъ-Поручикъ и Кіевскій Губернаторъ Ширковъ меня репортуетъ, что изъ того же Велико-Скитскаго монастыря явились въ Васильковѣ уже два монаха, Антоній и Палладій, съ объявленіемъ, что они минувшаго Августа 26-го, за ограбленіемъ ихъ имущества и изгнаніемъ изъ монастыря командою Цесарскаго войска, отправлены въ Россію отъ ихъ Игумена съ Всевысочайшею грамотою, въ 1771 году тому монастырю пожалованною въ Санктпетербургѣ, то и велѣлъ я сихъ монаховъ задержать въ Васильковѣ, въ таможнемъ монастырскомъ домѣ, и спѣшу симъ Вашему Императорскому Величеству о томъ всеподданнѣйше донесть и просить Вашего Всевысочайшаго повелѣнія, какъ и какимъ образомъ мнѣ поступить съ оными монахами, и особливо съ имѣющеюся у нихъ грамотою.

Повергающійся къ стопамъ Вашимъ во всеглубочайшемъ благоговѣніи.

ДОЛГОРУКОВУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Василій Михайловичъ!

О измѣнѣ Намѣстника Ханства Калмыцкаго Убаши, первымъ увѣдомленіемъ было мнѣ письмо Ваше, подъ № 22-мъ. Прошу Вашего Сіятельства, при случаѣ, рѣшить мое сомнѣніе въ томъ, со всѣми ли Калмыцкими улусами, или съ собственнымъ токмо, сей владѣлецъ отложился и ушелъ?

Мурзу Татарскаго Абды, присланнаго къ Вамъ изъ Санктпетербурга, я не знаю, гдѣ могу его помѣстить, ибо въ Аккерманѣ ни одинъ Татаринъ не живетъ, а только въ тамошней окрестности, въ мѣстечкѣ Татаръ-Бунарѣ, пребываетъ одинъ Мурза Татарской, что при завоеваніи Аккермана поддался подъ протекцію оружія Ея Императорскаго Величества.

Если угадываю, то у Васъ находящійся Мурза есть тотъ, коего Ханъ Крымскій, по разбитіи прошлаго года Турецкой арміи, посылалъ къ Визирю за Дунай. Не найдете ли, Ваше Сіятельство, приличнымъ, по происходящей негоціаціи съ Крымомъ, туда его употребить въ посылку? А у меня, какъ выше я сказалъ, негдѣ его дѣвать.

Пребываю съ непремѣннымъ и истиннымъ почтеніемъ.

ОЛСУФЬЕВУ.

1775 года.

Милостивый Государь мой,

Адамъ Васильевичъ!

Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго письма Вашего отъ Августа, имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству

два реестра разнымъ посланнымъ, на бывшіе въ Фокшанахъ и Бухарестѣ конгресы, вещамъ, кои, при заключеніи мира въ Кайнарджѣ, по повелѣнію моему, отъ Г-на Тайнаго Совѣтника и Кавалера Обрескова, приняты были Г-мъ Полковникомъ Безбородкомъ. Въ первомъ изъ сихъ реестровъ Ваше Высокопревосходительство найти изволите всѣ тѣ вещи, кои, по повелѣнію моему, вышли въ подарокъ по случаю заключенія мирнаго дѣла и въ послѣдованіи, а въ другомъ означены вещи, отъ расхода оставшіяся, кои, по Всевысочайшему именному Ея Императорскаго Величества Указу, отъ 22 Апрѣля сего 1775 года, отданы въ распоряженіе Чрезвычайнаго и Полномочнаго въ Портѣ Посла, Г. Генерала, Лейбъ-Гвардіи Подполковника и Кавалера, Князя Николая Васильевича Репнина, подъ росписку Совѣтника Посольства Булгакова.

Есьмъ съ непремѣннымъ почтеніемъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ

и

ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1776 ГОДЪ.

1776 года, Генваря 21.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Съ дошедшихъ ко мнѣ, отъ Г. Генерала-Поручика и Кавалера Князя Прозоровскаго, извѣстій при его репортахъ: 1-мъ, отъ Генерала-Маіора и Еникольскаго Оберъ-Коменданта Борзова, 1-е, объ оставшемся въ Керчѣ, отправленномъ отъ Бригадира Бринка, Едичкульской Орды Джанъ-Мамбетъ Мурзѣ; 2-е, о суднѣ, отправленномъ съ плѣнными, что оное по худому состоянію командира доведено на мель и до поврежденія; 3-е, о разбитіи сильнымъ штурмомъ при Абазинскомъ берегѣ идущаго изъ Царьграда, и туда изъ Таганрога отправленнаго, фрегата Перваго. 2-мъ. Письма Девлетъ-Гирея-Хана къ Князю Прозоровскому и объявленія Волошскаго

Гусарскаго полку Поручика Багдатли-Углу, о происходящемъ съ нимъ въ Крыму и о развѣданномъ тамъ. 3-мъ, отвѣтнаго Очаковскаго Паши Мустафы на письмо его, Князя Прозоровскаго, при семъ имѣю честь всеподданнѣйше представить въ копіяхъ.

Изъ письма Девлетъ-Гирея-Хана къ Князю Прозоровскому Ваше Императорское Величество усмотрѣть соизволите Его, Хана, и Татаръ расположеніе, что они о своемъ исканіи у Порты, чтобы не быть вольными, не дѣлаютъ уже и предъ нами тайности. А какъ сіе ихъ объявленіе прямо противно постановленнымъ Артикуламъ послѣдняго трактата, касательно Татарскихъ народовъ, то я осмѣливаюсь испросить отъ Вашего Императорскаго Величества по симъ обстоятельствамъ всеподданнѣйше, ежели между тѣмъ не подѣйствуютъ убѣжденія, Портѣ дѣлаемыя Посломъ Вашего Императорскаго Величества въ Константинополѣ, на время и случай потребныя, Всевысочайшихъ повелѣній.

1776 года, 21 Генваря.

Всемилостивѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Представляю Вашему Императорскому Величеству при семъ всеподданнѣйше въ копіи рапортъ Бригадира Бринка съ приложеніями, 1-е, отвѣта Калги-Салтана на мое письмо; 2-е, разговоръ его на вопросъ Бринка о Татарскихъ обстоятельствахъ, и 3-е, письма Джанъ-Мамбетъ-Бея къ нему, Бригадиру Бринку. Онъ въ своемъ рапортѣ, между прочимъ, примѣчаетъ, что нынѣшнею зимою Нагайцы останутся въ спокойствіи, но по веснѣ, которая рановременно тамъ начинается, предусматриваетъ, что оное можетъ въ великое обратиться смятеніе.

Подношу тутъ же къ Высочайшему усмотрѣнію и съ моихъ отвѣтныхъ къ Калгѣ-Салтану Шагинъ-Гирею, по возвращеніи его отъ Абазинцевъ, и Едисанскому Главному Начальнику Джанъ-Мамбетъ-Бею на ихъ письма, и даннаго отъ меня предписанія упомянутому Бригадиру Бринку, коимъ образомъ преклонившихся Татаръ удерживать и другихъ преклонять къ сторонѣ Шагинъ-Гирея онъ долженъ.

1776 года, Февраля 16.
Черешеньки.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ проѣздъ сего куріера не схотѣлъ я упустить случая сообщить Вашему Сіятельству, что, къ сожалѣнію, извѣстный и преданный Джанъ-Мамбетъ-Бей скончался: о семъ я получилъ третьяго дня извѣстіе отъ Бригадира и Кавалера Бринка, чрезъ нарочнаго, котораго, въ тотъ же самый часъ, отправилъ я обратно съ предписаніемъ ему, Бринку, и особливымъ къ Калгѣ-Салтану Шагинъ-Гирею, чтобы онъ отправился самоскорѣе къ ордамъ, покойному подвластнымъ, и обще съ Калгою-Султаномъ, не жалѣя ни труда, ни нѣкоторой суммы денегъ, привели оныя къ избранію, на мѣсто покойнаго, въ сіе достоинство преданнаго и въ вѣрности намъ испытаннаго человѣка; и въ слѣдъ за симъ отправлю я и всѣ ко мнѣ донесенія, съ которыхъ, по краткости времени, не успѣли еще снять копіи.

Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1776 года, Февраля 20 дня.
Черешеньки.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Всепріятнѣйшее Ваше, отъ 11 Февраля, съ другимъ при немъ ко мнѣ отъ Г-на Вице-Канцлера подъ отверстою печатью, чрезъ куріера, отправленнаго въ Царьградъ, исправно получилъ. Сей проѣзжей, къ большому порадованію, меня увѣрилъ, что онъ Васъ оставилъ на пути въ хорошемъ здоровьи. Я желаю, мой Вседражайшій Другъ, оный совершить и, прибывъ въ столицу, тамо пребывать въ самопомысльныхъ удовольствіяхъ и благоденствіи.

Благодарю Вамъ найпризнательнѣе, мой Милостивый Другъ, что Вы о мнѣ не забываете, и удовлетворяя желанію Вашему, доношу о моемъ настоящемъ пребываніи, что по худому состоянію моего здоровья, все я живу не въ лучшемъ положеніи, но часъ отъ часу изъ немощи въ другую проходя, дохожу до крайнего ослабленія, и ниже не нахожу того удовольствія въ деревенской жизни, которымъ я прямо наслаждался.

Изъ предыдущаго и настоящаго отправленія ко Двору моихъ всеподданнѣйшихъ увидите, Ваше Сіятельство, совсѣмъ сходное тому, о чемъ увѣдомлялъ въ своихъ донесеніяхъ Князь Николай Васильевичъ, касательно состоянія Татарскихъ дѣлъ, ибо тутъ и Калга-Салтанъ въ изображеніяхъ своихъ излагаетъ найпаче всю нужду въ оружіи, дабы устоять намъ въ мѣроположеніяхъ на сей край, отметая всякія издержки на подарки, какъ ни къ чему больше не служащія. Не трудно отгадать Вамъ, мой Милостивый Графъ, куда цѣль намѣреній противныхъ клонится. Вамъ только можно и судить о дѣлахъ на времена будущія, съ какою точностію мы наблюдать на сіи обстоятельства должны, для принятія надежныхъ мѣръ, къ устоянію въ своихъ предположеніяхъ, какъ свѣдущему всѣхъ другихъ Дворовъ съ нами положеніе.

Пребываю я, впрочемъ, съ безпредѣльною преданностію и истиннымъ высокопочитаніемъ,

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

P. S. Приложенное при семъ письмо, служащее въ отвѣтъ Его Императорскому Высочеству, всепокорно прошу Ваше Сіятельство поднесть, и другое женѣ моей приказать отдать, какъ и ко мнѣ.

1776 года, 20 Февраля.
Черешеньки.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Всемилостивѣйшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 10-го сего мѣсяца, о преподаваніи мнѣ увѣдомленій въ Константинополѣ находящемуся Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ Г. Стахіеву, о дѣлахъ Татарскихъ, и въ снабденіи мнѣ его наоборотъ въ такихъ дѣлахъ и случаяхъ, гдѣ польза службы Вашего Императорскаго Величества будутъ требовать выиграніе времени, 17-го числа я имѣлъ щастіе получить. И по Всевысочайшему предписанію не упущу я, для пользы дѣлъ Вашего Императорскаго Величества, брать мои мѣры и Г. Стахіева извѣщать. А какъ съ прибытія моего въ край сей доходить стали разные до меня извѣстія, а между прочимъ и о движеніяхъ Турецкихъ войскъ въ немаломъ числѣ съ артиллеріею къ Хотину и Бендерамъ, и о нѣкоторыхъ стычкахъ у Австрійцевъ съ Турками близъ самаго Хотина, то чтобъ лучше о подлинности ихъ быть увѣдомлену, писалъ я, отъ 10-го сего мѣсяца, Г. Стахіеву и къ Генералу Ширкову, находящемуся понынѣ въ Дубномъ, и Офицеру, оставленному въ Брагѣ, чтобы они мнѣ о обстоятельствахъ и происшествіяхъ тамошнихъ сообщали, для предвзятія надобныхъ мѣръ. А намѣреваю послать прямо въ Бендеры, Хотинъ и Яссы, подъ добровидными предлоги, къ тамо находящимся Пашамъ и Господарю, къ развѣдыванію и примѣчанію способность имѣющихъ людей.

1776 года, 20 Февраля.
Черешеньки.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

На сихъ дняхъ съ полученныхъ отъ Бригадира Бринка рапортовъ относительно неспокойствъ Татарскихъ, отъ 4-го настоящего теченія, съ писемъ ко мнѣ Калги и Джанъ-Мамбетъ-Бея и съ моихъ Бринку и Шагинъ-Гирею предписаній, точныя списки при семъ всеподданнѣйше подношу.

Въ оныхъ, Всемилостивѣйшая Государыня, соизволите увидѣть, какіе виды на себя пріемлютъ Татарскія дѣла, вопреки предположеніямъ нашимъ, и что въ употребленіи денежныхъ суммъ, не видитъ и самъ уже Шагинъ-Гирей, чтобъ имѣло желаемое въ Татарскомъ народѣ дѣйствіе, если не принудить ихъ къ тому оружіемъ; кольми паче при теперешней перемѣнѣ, по умертвіи Джанъ-Мамбетъ-Бея, гдѣ всѣ дѣла, по внушеніямъ недоброжелательствующихъ, могутъ притти и больше въ разстройку.

И по симъ обстоятельствамъ ожидать я буду отъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія: продолжать ли по прежнему наше въ томъ настояніе подарками, или къ другимъ средствамъ оборотиться? Я осмѣливаюсь, не въ предложеніе, однако жъ, мѣръ, мои мысли представить, что не безполезно бы было нѣкоторые кампаменты собрать на будущее лѣто на обоихъ сторонахъ Днѣпра, и тѣмъ оказать готовность съ стороны нашей, и удержать Татаръ, Поляковъ и самыхъ Турковъ въ нѣкоторомъ къ нимъ уваженіи.

От 5 Марта, 1776 года.

Ордеръ.

Ея Императорское Величество, при Высочайшемъ опредѣленіи меня Командиромъ надъ кавалеріею Ея арміи, и нѣкоторыя оной признанныя за надобно поправленія, малому моему въ ремеслѣ искуству Всемилостивѣйше ввѣрить соизволили. Я, не находясь въ состояніи, по великому отдаленію отъ мѣста моего настоящаго пребыванія сихъ полковъ квартиръ, очевидно оныя надзирать, да и по донедшимъ до меня, отъ Гг. Дивизіонныхъ Командировъ, увѣдомленіямъ, не во всякой особо къ сей части и Генералъ опредѣленъ; то на сей первой случай, и чтобы не упустить обязательствъ, званіемъ Командира налагаемыхъ, хощу преподать всѣмъ полкамъ кавалеріи средства и способы, которые по существу сей, и обще военной службы, почитаю я быть потребными и полезными, и именно:

1. Чтобъ всѣ чины въ безперерывномъ въ службѣ между собою обращеніи неотмѣнно находились, и для того у эскадронныхъ Командировъ, при утреннихъ рапортахъ, всѣ того эскадрона Оберъ и унтеръ-Офицеры и мастеровые являлись, дабы симъ образомъ одинъ другова ближе и лучше узнавая, подавали по степенямъ ихъ обязательствъ и преимуществъ надобныя поученія и поправленія, и за упущеніе, небреженіе, или не довольное надзираніе должностей, тутъ же взысканіе дѣлали, и что до кого изъ мастеровыхъ надлежитъ исправлять, препоручали; а впредь, чтобы лучше должности наблюдаемы были, притверждали.

2. Ежедневно, отъ 6 до 12 человѣкъ рейтаръ, по одному учить: прежде, какъ себя держать въ одеждѣ и ружьѣ, шляпу какъ и когда надѣвать и снимать, и конечно лѣвою рукою, и маршировать, вразумляя имъ, сколь нужно для строю и порядочнаго движенія голову и тѣло прямо и колѣнъ не сгибать, и равной съ другими шагъ держать. Потомъ показывать, какъ онъ долженъ убрать свою лошадь, сѣдлать, искусно взнуздывать и выючить, садиться, ѣздить шагомъ, рысью, наконецъ галопомъ, одерживать на право и на лѣво, оборачивать и примыкать; огненное и бѣлое оружіе употреблять съ приличною военному человѣку осанкою и проворностію, и конечно доводить до тово, чтобы всякой рейтаръ

былъ прямо господиномъ своей лошади, и умѣлъ оною и ружьемъ владѣть, и тѣхъ, кои явятся уже искусными по одному, послѣ шеренгами, взводами, а наконецъ и эскадронами обучать заѣзжать, обороты дѣлать, вздвоивать и линію держать.

3. Въ дни воскресные и праздничные, собирать завременно церковные парады, и до начатія службы Божіей, при квартирахъ эскадронныхъ Командировъ, изъ Военнаго Устава особо выписавъ, что до должности и наблюденія нижнихъ чиновъ и рядовыхъ лежитъ, и особливо о вѣрности и о послушаніи къ Командирамъ въ отправленіи службы, держаніи карауловъ, о скромномъ и вѣжливомъ поведеніи и обхожденіи съ хозяевами, о побѣгахъ и далѣе, какъ который уже успѣлъ въ знаніи оныхъ, читать и толковать, и такъ, чтобы въ одинъ день собранныхъ учить, а въ другой о выученномъ вопрашивать.

А какъ вся служба рядовыхъ относится къ должностямъ Оберъ и унтеръ-Офицеровъ, и отъ наблюденія ихъ въ кавалеріи, особливо всѣ почти движенія зависятъ, то надлежитъ имъ конечно оную въ возможномъ совершенствѣ и съ искуствомъ знать, чтобъ другихъ оправлять и научать, и, такъ сказать, примѣромъ служить; и особливо, какъ дистанцію между взводами, по числу рядовъ и линію держать, и по первому отзыву командирскому, на право и на лѣво швенковаться, ежели бъ случились, паче лучшаго ожиданія, въ томъ неискусные, то обученіемъ ихъ и начинать, а о лѣнивыхъ и нерадѣтельныхъ, какъ званія недостойныхъ, о исключеніи изъ службы, ко мнѣ представлять.

4. Доброе состояніе людей и лошадей есть одинъ изъ важныхъ пунктовъ; но не отъ одной обильности оное зависитъ, но отъ употребленія порядочнаго, надобной чистоты и умѣренности, и ради сего надзиранія быть въ эскадронѣ одному Офицеру дежурнымъ, и весьма прилѣжно наблюдать, чтобы здоровые, какъ выше сказано, при потребной пищѣ, поведеніемъ порядочнымъ, и держаніемъ въ чистотѣ и умѣренности обережены были отъ болѣзней; а больные бы съ прилѣжностію пользованы были и потребныя лѣкарства имѣли; и какъ о имѣніи искуснаго лѣкаря и подлѣкаря въ полку, такъ во всякомъ эскадронѣ кузнеца, который бы не только хорошо ковать, но и лѣчить искусно умѣлъ, все стараніе господамъ Полковымъ и Эскадронными Командирамъ

прилагать. Нѣтъ тутъ надобности уважать на то, чтобы былъ конечно иностранной и по капитуляціи, но хотя бы изъ рекрутъ даточныхъ служащій, но былъ бы только искусной мастеръ.

5. Ковка лошадей чрезъ всю зиму вовсе, да и въ лѣтніе мѣсяцы не всегда потребна, а сумма составляется на подковы знатная. Для сбереженія онаго найдутся способы не трудные, употребленіемъ нѣсколько песку въ манежахъ или сараяхъ, гдѣ стоятъ и обучаются лошади, съ сбереженіемъ для нихъ и водопоя. Раціоны также положены въ количествѣ и качествѣ фуража, не со всякимъ временемъ въ году и климатомъ въ краю сходно, и надобно конечно одинъ гарнецъ овса уменьшить, и нѣсколько фунтовъ сѣна.

6. Къ покупкѣ лошадей командированнымъ Офицерамъ особливо предписывать, чтобы они при лѣтахъ, мѣрѣ, статьяхъ указныхъ, найпаче наблюдали на крѣпость въ ногахъ, и чтобъ не было въ оныхъ ни малѣйшаго порока, и сихъ слабоногихъ, такъ норовистыхъ и крѣпкоуздыхъ, подъ взысканіемъ двойной цѣны, и возвращеніемъ всего фуража, отнюдь не покупали: ибо таковыя лошади не только невозвратной убытокъ казнѣ причиняютъ, но и съ ѣздокомъ въ одну тягость службѣ и замѣшательство находятся.

А чтобъ во всемъ полку дѣлалось все безъ малѣйшій разни, то сверхъ карауловъ въ эскадронахъ, отъ всячаго по 5 рядовыхъ наряжая при Штабѣ, перемѣнять ихъ понедѣльно, или мѣсячно, по отдаленности квартиры, для употребленія во всю службу, по числу находящихся отъ одного, или больше эскадроновъ въ Штабъ-Квартирѣ рядовыхъ содержать, и при парадахъ всякаго званія всѣмъ господамъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, кромѣ въ болѣзняхъ и на караулахъ находящихся, подъ вычетомъ за мѣсяцъ жалованья, быть непремѣнно.

Я не оставлю за симъ въ слѣдъ по времени нѣкоторыя подавать и дальнѣйшія по службѣ сей мѣрополоденія; но между тѣмъ, случайно въ проѣздъ, увидя великое несходство въ полкахъ въ отправленіи службы и строевъ, нахожу потребнымъ во времени немедленномъ имѣть свѣдѣніе о нижеписанныхъ статьяхъ, и именно: 1-е. Какъ, и который полкъ экзерцицію конную и пѣхотную дѣлаетъ, точно ли по диспозиціи, или инако, и отъ кого то введено, и на какую пользу? 2-е Оружейныя и амуничныя вещи, и конской уборъ, по старымъ ли штатамъ или, что осо-

бливо, и какъ выше сказано, когда, кѣмъ и на какой лучшій способъ оныя введены? Съ объясненіемъ, подписаннымъ всѣми Штабъ и Оберъ-Офицерами, что они изъ всѣхъ вещей ружейныхъ, амуничныхъ и конскаго убора находятъ по службѣ сей неудобными къ употребленію, и какія, по мнѣнію ихъ, вовсе перемѣнены, или поправлены, быть должны, въ чемъ и для чего? 3-е. О подковныхъ деньгахъ и фуражѣ, находятъ ли они мое мнѣніе основательнымъ, или требуютъ еще лучшихъ опытовъ и доказательствъ?

1776 года, 21 Марта.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Благодарю нейпризнательнѣйше Вамъ за письмо Ваше отъ 26 Февраля, которое я съ присвоеннымъ къ пріятной перепискѣ Вашей, единожды на всегда особливымъ порадованіемъ принялъ отъ рукъ отправленнаго въ Яссы повѣреннаго Мигая. Считая по времени, мой куріеръ, отъ 20-го тогожъ мѣсяца посланный, уже вручилъ Вамъ и мое послѣднее письмо, и тѣ самыя донесенія, о коихъ упоминалъ я въ предыдущемъ моемъ отъ 16. Изъ тѣхъ, и настоящаго отправленія, увидите Вы, мой Вседражайшій Другъ, расположеніе Татаръ, и мои трудные извороты по видамъ и поступкамъ сихъ народовъ и другихъ обстоятельствъ. При всѣхъ моихъ предположеніяхъ, я не далеко успѣю, ежели Вы, мой Милостивый Графъ и Вселюбезный Другъ, не подадите совѣта и подкрѣпленія пребывающему Вамъ съ вѣчною обязанностію, истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшему слугѣ.

1776 года, 21 Марта.
Парафѣевка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Въ предыдущей моей всеподданнѣйшей, отъ 20-го прошедшаго Февраля, Вашему Императорскому Величеству доносилъ я по однимъ только разглашеніямъ, о движеніи Турецкихъ войскъ въ немаломъ числѣ съ артиллеріею къ Хотину и Бендерамъ, и о нѣкоторыхъ стычкахъ у Австрійцевъ съ Турками, и что я о подлинности оныхъ требовалъ отъ Генералъ-Маіора Ширкова, и Офицера, оставленнаго въ Брагѣ, обстоятельныхъ увѣдомленій, и каковы отъ нихъ получилъ, поставлю должностію поднесть оныя при семъ въ копіяхъ.

Отъ расположенныхъ по рѣкамъ Синюхѣ и Бугу войскъ Вашего Императорскаго Величества, дѣлаются весьма частыя и великія дезерціи, по поводу примѣченныхъ верберовъ Польскихъ, держащихся при границахъ Вашего Императорскаго Величества, и подговору Турецкихъ начальниковъ, въ чемъ одинъ, находящійся въ Голтѣ Каймаканъ, именемъ Али, чистосердечно открылся Молдавскаго гусарскаго полку Капитану Исаеву, что онъ имѣлъ на то повелѣніе отъ своего Гетмана Григорья, о чемъ его рапортъ, доставленный ко мнѣ Генералъ-Поручикомъ Текели, и находящагося въ Шанцѣ Екатерининскомъ за Коменданта Секундъ-Маіора Микульшина свидѣтельство, въ копіяхъ при семъ представлено.

Я далъ по тому мои повелѣнія Генералу Маіору Ширкову, въ Польшѣ находящемуся, чтобы онъ, подъ приличнымъ видомъ, какой ему, по тамошнимъ обстоятельствамъ и дѣлъ положенію, лучшимъ встрѣтится, отдѣлилъ, изъ войскъ его команды, посты, расположа близъ границъ Польскихъ и Новороссійской Губерніи, какъ для пресѣченія пути дезертирамъ, такъ для наведенія нѣкотораго вниманія и осторожности на Поляковъ; и если бы не послужили другія увѣщанія, въ такомъ случаѣ тѣхъ, кои къ уходу поводомъ служатъ, хватать, и за карауломъ присылать въ Кіевъ, или ближайшее пограничное мѣсто. Извѣстилъ также и Резидента Вашего

Императорскаго Величества, Барона Аша, въ Варшавѣ находящагося, что сей поступокъ прямо противенъ дружескимъ и добраго сосѣдства державамъ; Генералу же Поручику Текели далъ ордеръ, чтобы на граничную стражу опредѣлялись испытанные и узнанные въ усердіи и непоколебимой вѣрности Офицеры, и которые бы и другихъ своимъ примѣровъ и совѣтами приводили къ ихъ должности; нижнихъ же чиновъ ненадежныхъ, изъ иностранцевъ, на такія посты отнюдь не употреблять.

Я осмѣлился, Всемилостивѣйшая Государыня, тѣмъ, кои представятъ бѣглеца, или скажутъ о прямомъ намѣреніи къ тому, либо заговорѣ, обѣщать награжденіе по пяти рублей за каждаго, чтобъ симъ образомъ, по крайней мѣрѣ, произвесть въ подлости сей нѣкоторую опасность. А Каймакана Али чистосердечіемъ пользуясь, подъ видами разныхъ дружескихъ увѣреній, склонять, не подастся ли онъ иногда на выдачу нѣкоторыхъ бѣглецовъ, хотя впредь, и доставлять намъ нѣкоторыя извѣстія, обѣщая ему пенсію, и увѣря, что сія его откровенность никогда и никому вѣдома не будетъ.

Что до Татарскихъ дѣлъ, то по послѣднимъ, и у сего въ копіяхъ подносимымъ, Бригадира Бринка рапортамъ, къ нему и къ Калгѣ-Султану письмамъ, орды Джанъ-Мамбетъ-Бея кочевавшія уклонятися начали границъ Вашего Императорскаго Величества. Я приказалъ два полка легкой конницы сблизить къ мѣсту пребыванія Бригадира Бринка и Калги-Султана, для нѣкотораго ободренія сего доброхотствующаго Султана, и который на одно только то и счетъ свой ведетъ, и ему преданныхъ и усердныхъ Татаръ, и уваженія противнымъ; но какъ при томъ всѣмъ я не могу собою въ семъ пунктѣ далѣе ничего опредѣлять, то и ожидаю отъ Вашего Императорскаго Величества Всевысочайшихъ наставленій по симъ и первымъ всеподданнѣйшимъ моимъ донесеніямъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Нашлась здѣсь въ рукахъ партикулярныхъ подлинная грамота, данная о искорененіи Запорожцовъ; и какъ тутъ мнѣ вовсе неизвѣстно, а на сей случай изобличеніемъ служащія событія

прошлыхъ временъ являются, то я счелъ, какъ вещь достойную лутчего содержанія въ Архивѣ, Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше оную поднесть.

Повергаетъ себя къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества въ глубочайшемъ благоговѣніи

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Парафѣевка.
21 Марта, 1776 года.

Отправлено съ переводчикомъ Квасовымъ.

1776 года, 22 Марта.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Ни мало не задерживая курьеровъ сихъ, имѣющихъ всю нужду въ самоскорѣйшемъ доставленіи депешъ. Вашему Сіятельству, я довольствуюсь только при семъ случаѣ препроводить ихъ симъ къ Вамъ, желая всеискренно, да застанетъ сіе Васъ и домашнихъ Вашихъ въ самолучшемъ благосостояніи, и путь предлежащій Вамъ да свершите при помысльномъ здравіи и удовольствіи. Считая, что изъ Санктпетербурга пишутъ то же самое и къ Вамъ, что и ко мнѣ, я не упоминаю Вамъ тутъ ни о чемъ, и болѣе изъ той причины, что новаго ничего нѣтъ. Изъ новѣйшаго же, что я имѣю съ стороны Крыма, то сіе, что Джанъ-Мамбетъ-Бей скончался, и что Татары не престаютъ волноваться, а особливо по смерти сего добраго старика, старавшагося всегда съ особеннымъ жаромъ споспѣшествовать, въ той странѣ, нашимъ видамъ и намѣреніямъ, не смотря на коловратность своихъ единоплеменцовъ. По предвзятымъ мѣрамъ, посланы оттоль депутаты къ Портѣ, и какъ они привезутъ туда для оной вѣсть не весьма пріятную,

то тутъ не одно покровительство, но защита и пособіе для нихъ будутъ необходимы. И потому прошу Ва.ш его Сіятельства подать имъ руку Вашу на помощь; если же бы въ случаѣ они уже въ Царьградѣ Васъ не застали, то предувѣдомить о семъ Г. Стахіева.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію есьмь

Вашего Сіятельства.

1776 года, Марта 26.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Всевысочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ, отъ 8-го сего Марта мнѣ данный съ милостивѣйшимъ благопризнаніемъ моихъ всеподданнѣйшихъ представленій, отъ 20 Февраля поднесенныхъ, и съ приложеніемъ въ копіи рескрипта, даннаго Г. Генералу Графу Потемкину, 22-го числа настоящего мѣсяца, я принять щастіе имѣлъ; и относительно тутъ мнѣ сдѣланнаго изясненія Вашего Императорскаго Величества Всевысочайшаго соизволенія и предположенія, я немедленно восприму всѣ удобнѣйшія мѣры къ выполненію оныхъ, и сходственно обширности края, мнѣ ввѣреннаго, стараться буду сіе такъ учредить, чтобъ по собраннымъ кампаментамъ не вдругъ открылись виды оныхъ собраній, а въ потребное время безъ всѣхъ затрудненій составили они полагаемый Корпусъ.

Касательно деташемента Бригадира Бринка къ особливому моему щастію Всевысочайшимъ мыслямъ Вашего Императорскаго Величества для ободренія Калги-Султана и добронамѣренныхъ, усилить приказалъ, и о томъ Вашему Императорскому Величеству въ предыдущей всеподданнѣйшей моей отъ 21-го сего мѣсяца донесъ, а съ послѣднихъ же, вчера мною полученныхъ, рапорта отъ Бригадира Бринка и письма Калги-Султана, копіи подношу.

1776 года, Апрѣля 10.
Парафѣевка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Сими днями дошли ко мнѣ рапорты отъ Генераловъ Текели, Борзова и Ширкова, съ которыхъ точные списки подношу. Первые два, по возвращеніи посыланныхъ своихъ, а послѣдній, по рапорту стоящаго Офицера въ Брагѣ, извѣщаютъ меня, что Турецкія войски, числомъ уже знатнымъ, въ Бендеры и Хотинъ пришли, а другія въ полномъ движеніи находятся, и что Австрійцы запасаютъ большое количество провіанта въ занятой части Молдавіи. Но какъ, по нелучшему разсужденію сихъ вѣдомостей сочинители, во оныхъ, и несообразныя ни съ какими обстоятельствами вмѣшаны, то и все прочее за точное утвердить мнѣ невозможно.

Изъ послѣднихъ ко мнѣ сообщеній Царьградскихъ, и Вашему Императроскому Величеству уже поднесенныхъ, относительно Татаръ, хотя Турки и дѣлаютъ новые предлоги, и по ихъ мнѣнію интересамъ Вашего Императорскаго Величества такъ не противные, но въ самой вещи слѣдуютъ они взятому предразсужденію, чтобы, подъ титломъ вѣры догматовъ, владѣть Татарами и въ ихъ политическихъ дѣлахъ самовластно.

Въ слѣдствіе Всевысочайшихъ Вашего Императорскаго Величества мѣроположеній на упрежденіе всѣхъ противныхъ замаховъ, если бы всѣ другія средства не превозмогли къ убѣжденію Турковъ, полагая два лагеря, одинъ въ околичности крѣпости св. Елисаветы, другой близъ старой линіи, соображая тутъ удобности, по настоящему войскъ расположенію, и нѣкоторыхъ занятыхъ уже ими постовъ, коихъ на теперешнее время и обнажить невозможно; легчайшее Днѣпромъ доставленіе пропитанія, и чтобы не поскудѣть прежде надобнаго времени крайніе магазейны, и не открыть заранѣе прямаго предлога, третій Корпусъ въ резервъ недалеко прилежа, чтобъ обращать его можно было, смотря по обстоятельствамъ на обѣ стороны Днѣпра. Въ число перваго Корпуса войдетъ и два полка, стоящіе въ Польшѣ, подъ командою Генералъ-

Маіора Ширкова, расположить намѣреваюсь въ Польшѣ, паралельно съ онымъ Новороссійской Губерніи расположеннымъ, и оставлю тамъ до крайней поры, для держанія Поляковъ съ сей стороны въ уздѣ, которые уже начинаются отказывать давать подводы и дрова своимъ стоялыцамъ, и близъ границъ Вашего Императорскаго Величества въ переѣздахъ Офицеровъ безчестятъ боемъ и иными ругательствами, а Священство благочестивое, не только изгоняютъ, но явно мучатъ, а больше для пресѣченія побѣговъ. Пособіемъ отдѣленныхъ отъ сего деташамента, по ордеру постовъ, переловлено уже по нынѣ дезертировъ числомъ сорокъ.

1776 года, Апрѣля 10.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Изъ рапортовъ Генераловъ Текелли и Ширкова, въ спискахъ при семъ всеподданнѣйше подносимыхъ, Ваше Императорское Величества усмотрѣть изволите два недостойные поступка Офицеровъ. Одинъ, напавъ разбоемъ на торгующихъ Татаръ, ограбилъ у нихъ, кромѣ вещей, денегъ 1300 левовъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ ранилъ. Другой, будучи посланъ по надобности полковой, бѣжалъ къ Австрійцамъ, съ нѣсколькими гусарами, строевыми лошадьми и однимъ вахмистромъ. Тамъ перваго они, считая раскаявшимся и возвращающимся къ своему долгу подданства, удержали, а послѣдняго прислали къ Генералу Ширкову, который хотя требовалъ выдачи и помянутаго Подпоручика Цесарской службы, отъ Генералъ-Маіоръ Гревена, но онаго ему не отдали, а каковы отвѣты ему на то сдѣланы, у сего представляю копію. Я по первому далъ повелѣніе взыскать строжайше съ виновнымъ во удовлетвореніе обидимыхъ, а по другому не оставлю и самъ еще писать къ означенному Цесарскихъ войскъ Генералу. Но дабы въ подобномъ отвратить всѣ случаи къ преступленію, предложилъ я нынѣ, по поводу сихъ, всѣмъ начальникамъ въ части, Всевысочайше Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мнѣ ввѣренной, имѣть лучшее на-

блюденіе надъ подчиненными, избирать людей не токмо способныхъ, но и надежныхъ къ коммиссіямъ, въ границы иныхъ державъ посылаемымъ.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ.

РЕПНИНУ.

1776 года,
Іюня 4 дня.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Сообщаю Вашему Сіятельству вѣсти Татарскія, каковы я теперь получилъ, и прошу всѣ сіи бумаги, по прочтеніи, мнѣ возвратить, а если о чемъ при оныхъ заблагоразсудите дать знать Полковнику Петерсону, то примѣтьте ему тутъ же, чтобъ, въ случаѣ отзывовъ Порты о неспокойствіяхъ, происходящихъ между Татаръ, онъ бы всегда отвѣчалъ, что Дворъ нашъ не мѣшается въ ихъ дѣла, соблюдая свято кондиціи мирного трактата, въ упованіи, что взаимно и Порта съ своей стороны не приметъ никогда въ томъ участія, чтобы предосуждало добрую вѣру и торжественный договоръ между взаимныхъ Имперіи заключенный о Татарской независимости.

Сей куріеръ отъ меня посланъ въ Варшаву, я ему приказалъ заѣхать къ Вамъ нарочно, зная, что всегда Вы въ тотъ городъ имѣете коммиссіи.

Впрочемъ, пребываю съ непремѣннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Отъ Вашей прозорливости не можетъ быть скрыто, что у насъ иной видъ и щетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ и служивымъ людямъ, и всему, имъ надобному. Ваше Императорское Величество соизволите теперь вѣдать, колико по числу арміи недостаетъ людей и времени, чтобы дать имъ хотя видъ солдатовъ! Прошедшую всю войну не были мы симъ озабочены; тамъ третьи баталіоны и полки гарнизонные запасали для насъ готовыхъ солдатъ, а надобное имъ число комплектовавъ рекрутами, со временемъ и съ выгодами ихъ дѣлали подобными старымъ, и когда въ минувшую войну пѣхотные полки, будучи въ компаніи въ числѣ двухъ баталіоновъ, и двухъ гранадерскихъ ротъ, въ коихъ состояло 1152 мушкатера и 400 гренадеровъ, рѣдко болѣе 1000 людей подъ ружьемъ имѣли, то теперь всякой полкъ, имѣя только 272 гренадеровъ и 1088 мушкатеровъ, слѣдственно, менѣе прежняго первыхъ 128, а послѣднихъ 64, и по расходу несравнительно, въ настоящей войнѣ, большему прежняго, натурально едва не половина людей противъ того въ ружье поставится. Все же остальное отъ всякаго полка, двѣ роты не въ состояніи комплектовать надобнымъ числомъ полки, а гарнизоны всѣ обращены, такъ сказать, въ инвалиды.

Что до кавалеріи, то иныя арміи познавшія, сколько удобнѣе для службы вообще, а въ вооруженіи и содержаніи дешевлѣ легкой войнъ, пересадили часть большую своей кавалеріи на легкихъ лошадей. Мы, проводя войну противу Нѣмецкой кавалеріи на самыхъ малыхъ Русскихъ лошадкахъ, и употребляя, сказать прямо, противу ихъ однихъ Казаковъ, подражать взялись тому, что другіе оставили, и къ отягощенію службы и великому казнѣ убытку, почти всю свою кавалерію на тяжелыхъ лошадей и съ тяжелою и съ дорогою амуниціею посадили. И сколь мало имѣетъ оная способъ почти дѣйствовать противъ настоящего нашего непріятеля, въ прошедшую кампанію явными опытами доказалось; и кромѣ того, что оная не можетъ употребляема быть, такъ какъ легкая, въ обыкновенную службу, обременяетъ она несказанно и командира подвозкою сухова корму, безъ котораго она вовсе и быть не можетъ.

Гдѣ больше рекрутъ, тамъ точно больше больныхъ. Въ чужихъ арміяхъ больнымъ служатъ особливаго званія люди, а не солдаты, по резону, что ту должность нести можетъ человѣкъ и вовсе не имѣющій военной способности. Его уже тамъ и не вооружаютъ; но къ бою надобна не одна способность, да и пріученіе, а безъ всякаго на сіе щету и примѣчанія, опредѣляя людей военныхъ, остается половина оныхъ въ ружьѣ, а другой половинѣ ружья въ одну только тягость.

Болящіе же и лазареты инаго призрѣнія требуютъ, и надобно во всякомъ особливые смотрители надъ услужниками, особливые и услужники, чтобъ ко времени упреждать нужды болящихъ. И я въ семъ пунктѣ, сколько можно соображая необходимую надобность, наблюдаю и возможный щетъ, но однако жъ все съ расходомъ военныхъ людей, что чувствительно умаляетъ армію.

Сіи суть нужды, Всемилостивѣйшая Государыня, которыми найбольше я сокрушаюсь, видя себя толь много удаленнымъ недостатковъ ради, отъ предполагаемаго мною времени къ упрежденію непріятеля, и прибѣжище беру для будущаго времени къ Вашему Императорскому Величеству. А по мѣрѣ моего къ Вамъ усердія, и по привычкѣ говорить всегда правду, и особливо любящимъ оную, не могу молчать, но рѣшусь сказать слѣдующее: Вамъ потребенъ Комиссаріатъ, которой бы все, что только въ войскѣ Вашемъ надобно, приготовлялъ съ выгодою, или, какъ говорится, исподволь, все бы дѣлалъ хорошо, прочно и въ свое время къ полкамъ доставлялъ; строить себѣ одѣяніе и всѣмъ снабдѣваться нѣколи; имъ во время военное должно быть одѣтымъ и снабженнымъ лѣтомъ и зимою; ибо время не удерживаетъ военныхъ дѣйствій.

Я не могу понять, почему къ Полковничьимъ чинамъ довѣренность стала велика, и что они лучше другихъ пещися могутъ о полкахъ своихъ, мнѣніе, по моему слабому понятію, унижающее прямо благопристойность! Всѣ чины должны пещися и рачить по своему званію о должности; и развѣ дума та, что Полковника корысть, съ тѣмъ сопряженная, меньше польститъ. То тотъ Полковникъ, который только сею причиною побуждается, не есть достоинъ того чина, и тотъ отличается мало, который остатокъ казны обращаетъ на украшеніе полка, отъ того, который употребляетъ оной на себя, ибо дерзновеніе и ущербъ казны равны, а только

употребленіе различно. Но какъ оныя и ограничить, ежели способы, такъ сказать, явные предложены?

Потребны въ войскѣ Вашего Императорскаго Величества инспекторы, чтобы они надзирали и надъ прочностію вещей, приготовляемыхъ отъ Коммисаріата, и на весь порядокъ службы, дабы онъ вездѣ съ Уставомъ, отъ Васъ даннымъ, согласовался.

Во всѣхъ арміяхъ сей чинъ важный и нужный удерживаетъ наилучшимъ образомъ всякую исправность для войскъ, и для чего при оныхъ и къ всѣмъ нынѣ введено. И такъ планъ, на которомъ сочинители новые штаты для арміи Вашего Императорскаго Величества располагали, хотя мнѣ не извѣстенъ, но я гадать осмѣливаюсь, что Ваше Императорское Величество предпріяли сіе намѣреніе изъ двухъ причинъ: 1-й, что оконченная война доставляла намъ премного случаевъ познать наши недостатки, и что затрудняло и препятствовало въ дѣйствіяхъ нашихъ, Ваше Величество желали конечно оные наградить, поправить, или и вовсе перемѣнить. 2-й, чтобъ, при утвержденіи мира, и внутренность Государства почувствовала себѣ возможное облегченіе; но видимыя нынѣ слѣдствія, смѣю выговорить, открыли тому несогласное. Войско Вашего Императорскаго Величества знатнымъ числомъ умалено, и казны ни въ Коммисаріатѣ, ни въ полкахъ не сбережено, ниже служба ощущаетъ возвышеніе, какъ и полки, паче кавалерійскіе, при украшеніяхъ своихъ даже до излишества, не дѣлаются отъ того исправнѣе для прямой службы, поелику Полковники больше стали пещись о прикрасахъ ихъ, чѣмъ о пользѣ оной.

Весьма я удаленъ отъ дерзновенія, чтобъ, въ видѣ предположенія мѣръ, представлять мои мнѣнія о вышеписанномъ, Всемилостивѣйшая Государыня! Вы вложили въ меня точнымъ повелѣніемъ ту смѣлость, чтобъ предъ Вашимъ Величествомъ, какъ великодушною Монархинею, открываться въ слабомъ моемъ понятіи. Ваше Величество призираете милосердно на вѣрность и усердіе своихъ рабовъ: сіи одни были и мнѣ побужденіемъ обнажиться столь чистосердечно въ мысляхъ моихъ предъ Вами, всеподданнѣйше уповая, что оныя въ семъ единомъ видѣ и приняты будутъ. И съ тѣмъ повергаю меня къ стопамъ освященнымъ Вашего Императорскаго Величества въ глубочайшемъ благоговѣніи.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество, удостоивъ меня довѣренностію сообщеніемъ Вашего предположенія, относительно комплектованія Вашей Арміи, ободрили при томъ о милостивомъ и снисходительномъ принятіи на то моего мнѣнія. Всему свѣту извѣстно, что неусыпное Ваше попеченіе и непрерывной трудъ одинъ предлогъ имѣютъ и одного конца достигаютъ, и именно: добро Государства Вашего и чтобы исправить установленіи онаго, а особо о военныхъ силахъ, сообразно положенію его физическому, моральному и политическому, во многомъ другимъ державамъ неподобному; и я, читавъ съ должнымъ и лучшимъ вниманіемъ, ко удивленію, увидѣлъ, что Ваше Императорское Величество въ части военной, кою Вы сами называть изволите здѣлавшейся необходимо нужною, открыли великое и, такъ сказать, въ основательномъ пунктѣ, я разумѣю о наборѣ рекрутъ, — крайнее небреженіе, и что предположеніе Ваше, въ разсужденіи запасныхъ баталіоновъ въ Губерніяхъ, при отдѣленіи ихъ, есть удобнѣйшее по количеству и качеству людей, составляющихъ Армію Вашу.

Но какъ въ основаніи онаго изволите полагать, ежели бы неудобно было гарнизоны комплектовать старыми, то сіи баталіоны съ гарнизонами смѣшать: я осмѣливаюсь отдать, такъ сказать, силу мысли Вашей, представляю мое не въ предложеніе мѣръ мнѣніе, чтобы гарнизоны всѣ, а особо пограничные, и по настоящему ихъ состоянію, при издержкахъ на нихъ не малыхъ суммъ денегъ, одинъ щетъ только составляющихъ, обратить на иной родъ службы, и такой, чтобы они не только запаснымъ войскомъ полевые полки комплектовать служили, но и въ усиленіе оныхъ, на случай потребной, сами въ поле выходили, а изъ неспособныхъ къ службѣ полевой учредить баталіоны Губернскіе, въ замѣну всѣхъ и подъ всякими титлами ротъ и камандъ, ничто значущихъ, обмундировавъ и вооружа ихъ всѣхъ надобнымъ на внутреннюю службу, сколько можно изъ простова получше, безъ великихъ издержекъ. Вовсе жь къ службѣ неспособныхъ, и по общему названію, инвалидовъ, отпускать съ награжденіемъ денежнымъ, смотря по службѣ и лѣтамъ, въ ихъ домы, или на собственное пропитаніе,

а неимѣющихъ онаго, и совершенно увѣчныхъ и престарѣлыхъ, опредѣлять въ домы общественнаго призрѣнія, не обременяя ихъ отнюдь военными церемоніями, кои отвращеніе дѣлаютъ хотящимъ въ военную службу вступать; но чтобы войско, при всѣхъ ему надлежащихъ исправностяхъ, преимуществахъ и выгодахъ пребывая, не было, однако жъ, тягостію общенародною, и количество онаго располагаемо было соразмѣрно внѣшнему и внутреннему онаго употребленію, навсегда и случайно потребному; то къ сему соображенію и подробному изчисленію не мало времени, весьма большихъ выправокъ и много прилѣжности мнѣ надобно, и ежели бы Вашему Величеству токмо угодно было мнѣ что изъ сего къ выработанію поручить, я бы охотно хотѣлъ послѣднія мои силы Вамъ на службу посвятить и предъявить всѣ мои малые способности и свѣдѣнія, которые и нынѣ изыскиваетъ застарѣлыми по ремеслу мои предразсужденія и капризы, дерзая увѣрить, что во всѣхъ, однако, не иное что, и никогда не было въ предлогѣ, какъ только истинное усердіе къ Вамъ и доброхотство къ службѣ Вашей военной, въ которой я съ молодости почти безотлучно обращаясь, долженъ пріобрѣсть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые въ мѣлочныхъ хотя частяхъ свѣдѣнія; но по частымъ припадкамъ или, лучше донесть, по надобности въ подобныхъ упражненіяхъ, дозволить уклониться на уединеніе повергающемуся къ стопамъ Вашимъ со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ,

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшему рабу,
Г. Р.-З.

5 Октября, 1776 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО КЪ КРЫМСКИМЪ ТАТАРАМЪ О ЗАНЯТІИ КРѢПОСТИ И ЛИНІИ ПЕРЕКОПСКОЙ, СЪ УВѢЩАНІЕМЪ О СПОКОЙНОМЪ ИХЪ ЖИТІИ.

Графъ Петръ Румянцевъ-Задунайской, Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государыни моей, Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій Кавалеріею, Украинскою дивизіею и Корпусами Малороссійскими и въ Новороссійской и Азовской Губерніяхъ расположенными, Сенаторъ, Малороссійскій и Слободско-Украинскій Государевъ Намѣстникъ, Коллегіи Малороссійской Президентъ, Кирасирскаго Полку военнаго Ордена Полковникъ, Орденовъ Россійскихъ Императорскихъ Святыхъ Апостола Андрея, Военнаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія перваго класса, Александра Невскаго, Прусскаго Чернаго Орла и Голштинскаго Святыя Анны Кавалеръ, Я, ниже сего подписавшійся, объявляю всѣмъ и каждому, до кого сіе принадлежать будетъ.

Какъ изъ числа всѣхъ Татаръ одни Крымцы, не чувствуя и не познавая цѣны дарованной имъ, отъ двухъ въ свѣтѣ величайшихъ Имперій, вольности въ гражданскомъ и политическомъ ихъ бытіи, безъ всякаго прекословія къ обрядамъ Магометанскаго исповѣданія, дерзнули въ буйствѣ своемъ не только противиться торжественному ихъ установленію, но и разрушить еще собственныя свои съ Имперіею Ея Императорскаго Всличества, Всемилостивѣйшей и Всеавгустѣйшей моей Государыни и Самодержицы, точныя и формальныя обязательства, заключенныя и клятвою утвержденныя въ такое время, когда побѣдоносное Ея Императорскаго

Величества оружіе покорило весь Крымъ, и жребій сего полуострова купно съ жизнію и имуществомъ тамошнихъ жителей, женъ и дѣтей ихъ былъ совершенно во власти побѣдителей; то Ея Императорское Величество и соизволила повелѣть мнѣ занять крѣпость Перекопскую съ ея линіею, какъ для того, дабы они въ разсужденіи своемъ очувствоваться и оное скоро исправить могли, такъ и для того, чтобы поставить себя въ равное положеніе съ Блистательною Портою Отоманскою, которая обложила войсками своими Тамань и другія мѣста; когда сверхъ того Крымскіе Татары, сами отступя отъ трактатнаго, между двумя величайшими Имперіями, постановленія о ихъ политической участи, явно уже начали подчинять себя прежней Турецкой власти, и дѣйствительно препоручили присланнымъ отъ Порты таможеннымъ сборщикамъ сборъ съ пошлины и таможенныхъ доходовъ въ Кафѣ и другихъ своихъ городахъ.

А какъ мнѣ извѣстно, что во множествѣ Крымскихъ жителей есть не малое число такихъ патріотовъ, кои цѣну вольности и независимости отечества своего, въ гражданскомъ и политическомъ положеніи, достойно чувствуютъ и желаютъ пользоваться сими безцѣнными дарами человѣколюбія и щедроты Всемилостивѣйшей Государыни моей, то я оныхъ всѣхъ симъ листомъ торжественно увѣряю и обнадеживаю о Высочайшемъ и непремѣнномъ покровительствѣ Ея Императорскаго Величества къ нимъ самимъ, къ семьямъ ихъ и имуществу ихъ, которыми будутъ они всячески пользоваться, какъ отъ меня, такъ и отъ всѣхъ мнѣ подвластныхъ войскъ.

Равнымъ образомъ и всѣмъ, кои изъ Крымцовъ, познавая свое заблужденіе, возвратятся на прямой путь и пребудутъ въ жилищахъ своихъ тихо и покойно, обѣщаю я, по ввѣренной мнѣ власти, защиту, охраненіе, также и неприкосновенность совершенную къ ихъ добру. Напротивъ чего, дерзающіе возставать явно, или тайно противу войскъ Ея Императорскаго Величества, коими я нынѣ занялъ крѣпость Перекопскую и ея линію, также и покушающіеся на заведеніе сумнительныхъ скопищъ и безпокойствъ, должны будутъ относить на собственную свою дерзость послѣдующія и сколь непріятныя имъ, какъ уже не минуемыя для нихъ, послѣдствія.

Впрочемъ, по Высочайшему соизволенію Государыни Императрицы, не престающей еще пещись о благоденствіи всѣхъ вообще Татаръ, объявляю я чрезъ сіе точнымъ и торжественнымъ образомъ, что всѣ гражданскіе промыслы и торговыя ихъ, какъ внутреннія между собою, такъ и внѣшнія съ Россіею и другими окрестными областями, могутъ, по силѣ обязательствъ торжественнаго трактата, заключеннаго въ 1772-мъ году съ Татарскою націею, бывшіе тогда въ прямой вольности и независимости, имѣть свободное и безпрепятственное свое теченіе и обращеніе безъ всякаго препятствія ввѣренныхъ мнѣ войскъ, кои паче имѣютъ отъ меня точное повелѣніе способствовать имъ по крайней возможности; ибо Высочайшее Ея Императорскаго Величества, Всепресвѣтлѣйшей и Державнѣйшей Самодержицы, намѣреніе есть не разрушать и не порабощать блаженства Татаръ, а паче охранить оное, и возстановить на твердомъ, прочномъ и непоколебимымъ основаніи, такъ какъ оное единожды опредѣлено торжественными трактатами. Октября 10 дня, 1776 года.

Графъ Румянцевъ-Задунайской.

1776 года, 13 Октября.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не будучи въ состояніи еще выѣхать, прошу Ваше Превосходительство приложенія поднесть Ея Величеству; изъ новыхъ возведеній Калги-Султана братьевъ разныя толкованія дѣлаютъ Калги и Бригадиръ Бринкъ; но по одному, что они жертвуютъ своимъ братомъ, а по другому, что они ему, въ лучшемъ положеніи находясь, лучше и способствовать могутъ, надобно, какъ мнѣ мнится, сдѣлать движеніе въ сторону, чтобъ воздержать ихъ отъ злонамѣренія, или подкрѣпить ихъ доброе расположеніе.

1776 года, Октября 17 дня.
С.-Петербургъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Впослѣдованіе Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества, отъ 7-го сего текущаго, даннаго мнѣ повелѣнія, не ожидая куріера изъ Царьграда съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, чтобы послѣднее удобное время не упустить, приказалъ я Г-ну Генералъ-Поручику Князю Прозоровскому немедленно маршировать къ Перекопу, съ Корпусомъ, для того готовымъ, Линію и крѣпость Оръ занять, гарнизонъ въ оной и связь съ Кинбурнскимъ отрядамъ и своими границами, соображая съ надобностью въ количествѣ людей, опредѣлить, и декларацію отъ имени моего, переведя по Турецки и Татарски, въ Крыму обнародовать; но на случай потребной, ежели бы всѣ его попытки незапно войтить, чрезъ заговоръ и договоръ съ гарнизономъ, или притѣсненіемъ сильнаго пушечнаго огня, взять не удалося, и къ жестокому предпріятію, какъ то штурму, онъ, Князь Прозоровскій, обратиться принужденъ былъ, указалъ ему на бастіонъ, съ лѣвой стороны къ сѣверу лежащей, и по мнѣнію бывшихъ къ Орѣ нашихъ Офицеровъ безобороннѣе другихъ, и къ которому линейнымъ рвомъ подойти безвредно можно.

Генералу-Поручику Текели, команду имѣющему надъ Корпусомъ, располагаемымъ на правой сторонѣ Днѣстра, препоручилъ я, чтобы онъ, обезпечивъ свои границы, могъ удержать Турковъ въ ихъ крѣпостяхъ во вниманіи и въ замѣшаніи, въ разсужденіи нашихъ движеній, и чтобы, въ потребномъ случаѣ, Корпусъ Князя Прозоровскаго и Кинбурнской гарнизонъ подкрѣпить и усилить, не обнажая своихъ границъ, нашелся въ состояніи; а сходственно сему предположенію, поставилъ бы Корпусъ резервной на Ингулѣ, при устьи рѣчки Боковенки, какъ на срединѣ и паралельно Екатеринославскому Шанцу и Кизикерменскому посту, чтобы всѣ сіи три отряда могли на потребный случай подать пособіе одинъ дру-

гому, и соединиться прежде, нежели бы Турки могли предпріять что во внутренность границъ нашихъ, обезпеченныхъ, конечно, занятіемъ обвѣщательныхъ постовъ, на самыхъ крайнихъ чертахъ оныхъ. Сообразно сему, приказалъ бы взять позицію и Г. Генералъ-Маіору Ширкову около Погребищъ, для наблюденія лучшаго на Поляковъ, нашихъ границъ держащихся, и удержанія въ уздѣ Польскаго Украинскаго народа въ поднятіи бунтовъ, на подобныя случаи весьма готоваго, ежели бы онъ не имѣлъ особыхъ предписаній отъ Посла Вашего Императорскаго Величества, Графа Штакельберга, относительно Польскимъ обстоятельствамъ, о занятіи иныхъ мѣстъ.

Генералъ-Маіору Борзову, въ Эникале находящемуся, рекомендовалъ я стараться возвысить въ Крыму пользы дѣлъ Вашихъ, по предписаніямъ, ему сдѣланнымъ; умножить свои бдѣнія и вниманія на обороты Турокъ и Татаръ и умножить партію Калгѣ-Султану.

Бригадиру Бринку наказалъ я не упускать ничего изъ видовъ, ему предписанныхъ, но паче стараться всѣми образы и силы оныхъ достигать, подавать Калгѣ-Султану всякое пособіе въ умноженіи его партіи въ Крыму, въ кочующихъ Ордахъ, внѣ онаго, въ горахъ и самыхъ Некрасовцахъ, поощрять его, Калгу, въ настоянію твердомъ къ одержанію Ханства, который не ослабѣваетъ, конечно, при толь многомощномъ ему отъ Вашего Императорскаго Величества покровительствѣ, и дѣйствительно сдѣланномъ денежномъ пособіи, и при новомъ возведеніи его братьевъ, ежели онъ въ ихъ доброхотныхъ къ нему расположеніяхъ не обманутъ, не упустятъ случая при движеніи нашихъ войскъ къ Перекопу доставить себѣ избраніе въ независимые и самовластные Ханы отъ Нагайцовъ, и что на занятіе Перекопа долженъ Калга взирать, какъ на содѣланіе ему пути и въ Крымъ, и все въ ономъ стараться подвигнуть, что только ему извѣстно къ приготовленію тамъ части ему преданныхъ изъ Мурзъ, и другихъ нѣчто значущихъ Татаръ, кои бы, при взятіи Перекопа нашими войсками, тотчасъ къ нимъ пріобщились, и оказали свое желаніе его имѣть Ханомъ, и при отверстіи перваго на то ему случая, готовымъ быть въ оное достоинство вступить; преклонять къ тому его братьевъ, ободрять добронамѣренныхъ, наводить страхъ на колеблющихся и против-

ныхъ, и по податливости его братьевъ и приверженности Ордъ, размѣрять движенія, приступая сперва къ Ей, а потомъ подвинуться и далѣе до Бытюга. Предложилъ я и командующему флотиліею въ Таганрогѣ, дабы сей, по требованіямъ Генералъ-Маіора Борзова и Бригадира Бринка, во всемъ возможномъ и съ регулами его сходномъ удовлетворялъ, доставляя между тѣмъ безъ малѣйшаго медленія куріеровъ, когда оные отъ одного къ другому отправляемы, и до кого только надлежало, не оставилъ я въ невѣдѣніи относительно главныхъ заботъ, и особо препоручилъ и притвердилъ обезпечить границы въ разсужденіи внутренней тишины и внѣшней безопасности, утвердя съ ними безпрерывное сообщеніе, о увѣреніи въ пропитаніи, лучшемъ развѣдываніи и взаимномъ увѣдомленіи съ сообщеніемъ разсужденій и намѣреній, что и на какой конецъ полагаютъ предпринимать и требовать, и чрезъ какія мѣста и переправы на рѣкахъ вѣрнѣе и скорѣе посланные ѣздить должны, о доставленіи войску всѣхъ надобныхъ выгодъ, и все стараніе прилагать на сбереженіе людей какъ отъ могущихъ быть несносныхъ погодъ, такъ и при помѣщеніи ихъ въ квартеры, по окончаніи экспедиціи, съ наблюденіемъ только того, что можетъ замѣнить выгоднѣйшее ихъ положеніе, разумѣя надобныя опасенія и осторожность, не употребляя, однако жъ, оружія, развѣ противу поднявшихъ оное, а напротивъ обходиться съ Татарами покоряющимися ласково, платя за все наличными деньгами, утверждая въ нихъ къ намъ доброхотство, и доказывая тѣмъ благонамѣренныя наши къ нимъ расположенія.

Резонабильно судя, ожидать надлежитъ, что Турки, а особливо Татары, должны войтить въ познаніе своихъ заблужденій, и видѣвъ неудачу въ попыткахъ, обратятся къ выполненію точному постановленныхъ артикуловъ мирнаго договора; но знавъ ихъ буйство, которое ихъ неоднократно заводило въ неполезныя хотя войны, по одному подстреканію недоброхотовъ нашихъ, ручаться ни когда не можно; слѣдовательно, и на случай, ежели бы ожидаемый отвѣтъ не былъ по желанію, и Турки похотѣли бъ разорвать миръ; мое всеподданнѣйшее мнѣніе Вашему Императорскому Величеству представляю, чтобъ, при раздробленіи отряженнаго числа ввѣренныхъ мнѣ войскъ, кои раздѣляются Азовскимъ моремъ и Днѣ-

проиъ, въ запасъ сблизить Смоленскую и Бѣлорусскую дивизіи, чрезъ Малую Россію, а Нижегородскую чрезъ Воронежъ, и первыя двѣ расположить въ Новороссійской по Днѣпру и Ворсклѣ, а послѣднюю въ Слободской, между Харьковомъ и Изюмомъ, къ старой Линіи, и часть артиллеріи, размѣрно тому числу войскъ, держать со всею упряжью въ готовности въ Кіевѣ.

Всеподданѣйшій рабъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Проектъ декларацiи сочиненъ истощившимъ всю науку политики, и мое перо весьма слабо, чтобы въ чемъ либо коснуться ко оному. Но сдѣлавши нѣкоторую знаемость въ дѣлахъ Турецкихъ, долженъ Вашему Императорскому Величеству донести, что часто объ одномъ дѣлѣ повтореніе и предъявленіе готовости о постановленномъ единожды въ другое съ ними трактовать превозносить весьма Турковъ, и они уже всякое убѣжденіе и доказательство пріемлютъ за прозьбу, исканіе, извиненіе и тому подобное; но къ твердому настоянію и особо самимъ дѣломъ доказываемому являютъ онѣ больше уваженія, и не отлагая въ даль на переговоры, стараются поспѣшно приводить предлагаемое къ окончанію. Слѣдовательно, предоставя Г-ну Стахіеву на надобные случаи доказывать и убѣждать Министерство Турецкое по числамъ и днямъ изъ дѣлъ времени, прошедшаго отъ заключенія мира понынѣ, и изъ вновь посылаемаго нынѣ Вашего Императорскаго Величества Рескрипта указать сдѣлать декларацію, развѣ по занятіи Перекопа, или же по отзыву Порты въ краткомъ, по мнѣнію моему, по прилагаемому при семъ содержанію.

Позвольте мнѣ при томъ, Всемилостивѣйшая Государыня, принесть мою найчувствительнѣйшую и всенижайшую благодарность за милосердое обо мнѣ напоминаніе, и донесть, что болѣзнь моя не такъ опасна, коль мнѣ несносна тѣмъ, что я нѣкоторое уже время выведенъ оною изъ состоянія предстать Вашему Императорскому Величеству. Сія отъ Вашего Императорскаго Величества

показываемая мнѣ милость лучшимъ пособіемъ будетъ, и я утѣшаюсь уже надеждою скоро буду имѣть щастіе повергнуться къ стопамъ Вашимъ.

Октября 22 дня,
1776 года.

Къ письму 22-го Октября, 1776 года.

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая моя Государыня и Самодержица, употребивъ всѣ дружескія средства безъ успѣховъ, къ приведенію въ окончаніе мирныхъ дѣлъ, составляющихъ блаженство взаимное подданнымъ обѣихъ Имперій, и узнавъ достовѣрно, что между тѣмъ не усумнилась уже Блистательная Порта нимало, подъ титлами разными, вступить прямо въ самовластное Татаръ управленіе, перемѣнять онымъ Хановъ, опредѣлять судей и таможенныхъ сборщиковъ, ввесть войски, и распространить свою власть до подчиненія Нагайскихъ Ордъ и самихъ Кабардинцовъ, ей никогда непринадлежавшихъ, — принуждены были обратиться ко взаимству, имѣвъ на то съ Блистательною Портою равное право, и указать, точно слѣдуя примѣру и употребляемому титлу отъ Блистательной Порты, какъ гостей ввесть свои войски въ Перекопъ, какъ въ третью, и ни той, ни другой, сторонѣ не надлежащую область, и въ которой столько же, или больше, полагается быть обывателей, кои не въ мечтаніи, но въ вольности, ни отъ кого и ни въ чемъ независимой, благосостояніе свое прочнымъ считаютъ, повелѣвъ и мнѣ, ниже подписавшемуся, въ то же время Министерству Блистательной Порты объявить, что сей вынужденной самою Портою поступокъ не имѣетъ отнюдь инаго предлога, какъ приведенія къ концу священныхъ обязательствъ, въ мирныхъ договорахъ отъ обѣихъ Высокихъ Державъ, чрезъ уполномоченныхъ въ Кайнарджи подписанныхъ и торжественно ратификованныхъ, съ предложеніемъ къ тому на обѣ стороны равно полезному дѣлу кратчайшей и лучшей удобности, и именно, отправленія отъ нея, Порты, нарочныхъ и достаточнымъ полномочіемъ снабдѣнныхъ Коммисаровъ къ Генералу-Фельдмаршалу Графу Румянцову-Задунайскому, для безпосредственнаго съ нимъ конферированія и окончанія еще между обѣими Имперіями дѣлъ,

потому что сему знаменитому Военачальнику поручено отъ Ея Императорскаго Величества съ полною довѣренностію и достаточною властію, какъ занятіе Перекопа и устройство Татаръ въ вольномъ и независимомъ ихъ образѣ, безъ прикосновенія, однако жъ, къ правамъ и обрядамъ Магометанской религіи. И нижеподписавшійся, знавъ Россійскаго Императорскаго Двора расположеніе, всегда съ искренностію и доброю вѣрою сохранятъ съ Блистательною Портою Оттоманскою миръ и добрую дружбу, на основаніи заключеннаго при Кайнарджѣ вѣчнаго трактата, безъ всякихъ въ обязательствахъ его отмѣнъ къ предосужденію Порты, или же къ утѣсненію Татарской вольности въ гражданскомъ и политическомъ ея бытіи; ибо возстановленіе и обезпеченіе оной вольности неприкосновенно къ преданіямъ Магометанскаго исповѣданія, составляютъ теперь, напротивъ, всю цѣль намѣреній его, слѣдовательно же и настоящаго съ Перекопью подвига; желалъ бы въ то же время, чтобы высокое и прозорливое Министерство Его Султанскаго Величества снабдили его такимъ отвѣтомъ, который бы, изъемля въ конецъ изъ среды всякое неудовольствіе, доставилъ ему щастіе послужить полезнымъ инструментомъ къ прекращенію всѣхъ, донынѣ еще неоконченныхъ, дѣлъ, и чрезъ то самое и къ утвержденію на непоколебимомъ уже основаніи драгоцѣнныхъ и для взаимнаго блаженства прямо полезныхъ союзовъ дружбы, добраго сосѣдства и вѣчнаго мира.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По соизволенію Вашего Императорскаго Величества написанной Ордеръ къ Князю Прозоровскому, на благоусмотрѣніе при семъ всенижайше подношу. Ободряя его, унываю самъ въ горестной болѣзни, которая мнѣ препятствуетъ имѣть щастіе по всеусердному желанію завтре пасть къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества, и принуждаетъ еще пожить въ заперти нѣкоторое время.

Есьмь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

Ноября 18 дня,
1776 года

Копія съ подлиннаго.

Его Сіятельству,

Высокоповелительному Господину Генералъ-Фельдмаршалу, Главнокомандующему Кавалеріею, Украинскою Дивизіею, Сенатору, Малороссіи и Слободской Губерніи Государеву Намѣстнику, Малороссійской Коллегіи Президенту, Кирасирскаго Военнаго Ордена полку Полковнику, Орденовъ Россійскихъ, Святыхъ Апостола Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Георгія Побѣдоносца перваго класса, и Голстинскаго Святыя Анны Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому.

Отъ Генералъ-Маіора и Кіевскаго Оберъ Коменданта Ельчанинова

РАПОРТЪ.

За долгъ мой поставляю Вашему Сіятельству донести, что Турецкой Чрезвычайный и Полномочный Посолъ, пробывъ въ здѣшнемъ мѣстѣ семь дней, сего числа далѣе въ путь свой отъѣхалъ. А какой въ проѣздъ и въ отъѣздъ былъ здѣсь учиненъ ему пріемъ и встрѣча, имѣю честь поднесть при семъ краткое описаніе.

Яковъ Ельчаниновъ.

Апрѣля 8 дня,
1776 года

Описаніе встрѣчи и пріему Турецкаго Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посла въ Кіевѣ (1776).

Господинъ Генералъ-Маіоръ и Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ Ельчаниновъ, какъ первенствующій въ семъ городѣ, получа увѣдомленіе о точномъ дни прибытія въ здѣшній городъ Полномочнаго Оттоманской Порты Посла, и потому сдѣлавъ всѣ

пріуготовленія къ встрѣчѣ и пріему его потребныя, въ первой день сего Апрѣля, выслалъ отъ стороны военной команды одного Штабъ и двухъ Оберъ-Офицеровъ, а отъ стороны гражданъ Господина Надворнаго Совѣтника и Войта Пивоварова, со всѣми Магистратскими Членами, на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, гдѣ разбита была Посольская палатка, которые, дождавшись Посла на берегу, поздравили его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Послѣ чего Г-нъ Войтъ Пивоваровъ съ Магистратскими Чинами возвратился на правый берегъ рѣки, къ пристани, у самаго Подола сдѣланной, и украшенной балюстрадою, обвѣшанною зеленымъ сукномъ.

Посолъ, прибывъ къ переправѣ, остановился нѣсколько въ разставленной палаткѣ, чтобъ дать своей свитѣ время переправиться, а потомъ съ приставомъ, Г-нъ Генералъ-Поручикомъ и Кавалеромъ Баровомъ Игельстромомъ, и съ знатнѣйшими Посольства Чиновниками и находящимися въ свитѣ Пристава Барона Игельстрома, такожъ и присланными отъ Г-на Генералъ-Маіора и Кавалера Ельчанинова Штабъ и Оберъ-Офицерами, сѣлъ въ приготовленную для него, украшенную балдахиномъ, шлюпку, и отправился къ Подолу, въ препровожденіи многихъ лодокъ, при играніи во все время переѣзда музыкантами на разныхъ духовыхъ инструментахъ.

Какъ скоро шлюпка Посольская поровнялась съ Печерскою крѣпостью, то изъ оной привѣтствовано было 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ, съ такимъ размѣромъ, что оные продолжались до прибытія Посольскаго къ пристани, гдѣ встрѣченъ Губернскими Чинами, Гг. Коллежскими Совѣтниками Маскатиньевымъ и Флѣеровымъ, съ нѣсколькими Канцелярскими служителями, гарнизонными Штабъ и Оберъ-Офицерами и Присутствующими въ Кіевскомъ Магистратѣ, коими всѣми Посолъ провождаемъ былъ до самой его квартиры.

Отъ пристани до квартиры Посольской поставлены были въ парадѣ Регистровая Мѣщанская рота, 12 цеховъ съ своими знаменами и Кіевскіе гарнизонные баталіоны.

Господинъ Оберъ-Комендантъ выслалъ свои три кареты, заложенныя цугами, въ которыя, по выходѣ изъ шлюпки, Посолъ съ вышеписанными свиты своей Чиновниками сѣлъ, и отвезенъ былъ до своей квартиры, за коими слѣдовали изъ Регистровой роты 40 человѣкъ, подъ командою одного старшины. Возлѣ кареты

Посольской шли пѣшіе 6 человѣкъ Рейтаръ. Въ проѣздъ поставленный фронтъ отдавалъ честь съ играніемъ музыки и барабаннымъ боемъ

Въ квартирѣ Посольской поставлена была рота съ знаменемъ.

По прибитіи Посла въ квартиру, у крыльца приняли и провожали въ его покои Губернскіе Члены, гарнизонные Штабъ и Оберъ-Офицеры и Присутствующіе въ Кіевскомъ Магистратѣ. Посолъ вошелъ въ свои комнаты, всѣхъ тѣхъ, кои были поотмѣннѣе, просилъ сѣсть и подчивалъ кофеемъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ прибытія Посольскаго въ квартиру, Г-нъ Генералъ-Маіоръ и Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ Ельчаниновъ пріѣхалъ къ Послу съ поздравленіемъ благополучнымъ прибытіемъ, котораго Посолъ встрѣтилъ у дверей передней комнаты; нѣсколько послѣ, туда жъ, въ квартиру Посольскую, пріѣхалъ артиллеріи Г-нъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Ливенъ въ препровожденіи артиллерійскихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ; оба они приняты Посломъ весьма ласково, подчиваны кофеемъ, сластьми, курительнымъ табакомъ, окуриваны и оприскиваны благовонными духами, и послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, желали Посла оставить въ покоѣ, откланивалися и провожаемы были самимъ Посломъ до дверей. При прощаніи, въ знакъ своего почтенія, по Оріентальному обыкновенію, Посолъ подарилъ ихъ Превосходительствамъ по два платка.

2-го числа Посолъ прислалъ къ Г-ну Оберъ-Коменданту своего Капечиларъ Кигаю съ благодареніемъ за всѣ оказанныя имъ учтивости, при въѣздѣ его въ Кіевъ.

3-го числа Г-нъ Генералъ-Маіоръ Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ-Ельчаниновъ, слышавъ, что Посолъ приготовляется къ отъѣзду, прислалъ къ Послу на прощанье двадцать соболей, десять голубыхъ песцовъ, три сорока горностаевъ и одинъ мѣхъ бѣльчій въ подарокъ.

4-го числа Посолъ прислалъ къ Г-ну Оберъ-Коменданту своего Селигтаръ-Агу съ увѣдомленіемъ, что онъ желаетъ завтрешній день его посѣтить, и съ нимъ прислалъ взаимный подарокъ, состоящій въ четырехъ штукахъ Турецкихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

5-го числа, въ 10-тъ часовъ по полуночи, Посолъ въ пожалованной отъ Всевысочайшаго Двора каретѣ, съ Г-мъ Приставомъ Барономъ Игельстромомъ, Наифъ-Эфендіемъ и Диванъ-Эфендіемъ къ Г-ну Генералъ-Маіору и Кавалеру Ельчанинову въ провожаніи знатнаго числа Старшинъ и Чегодарей поѣхалъ.

Во время переѣзда, впереди кареты Посольской ѣхали 20-ть человѣкъ кирасиръ, подъ командою одного Офицера, а за оными Чиновные свиты Посольской верхами и нѣсколько Оберъ-Офицеровъ, къ свитѣ принадлежащихъ; около кареты и въ слѣдъ за оною шли 12 человѣкъ Чегодарей, пѣшіе; потомъ карета Г-на Пристава, въ которой сидѣли три чиновные Турка, Посольской переводчикъ Караджа, а въ замкѣ 10-ть человѣкъ Козаковъ, подъ командою одного Малороссійскаго Старшины.

По прибытіи Посла въ крѣпость, гарнизонный гаубтвахтъ отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ и музыкой. У крыльца встрѣченъ былъ Кіевскихъ баталіоновъ Оберъ-Офицерами; въ передней комнатѣ Штабъ-Офицерами, и у дверей оной самимъ Г-мъ Оберъ-Комендантомъ, который, взявъ Посла за руку, ввелъ ево во вторую комнату, и какъ Посла, такъ и двухъ знатнѣйшихъ ево Старшинъ, просилъ садиться.

По окончаніи первыхъ учтивостей, подчиваны были кофьемъ, сластьми, и разными винами, которые Посломъ съ удовольствіемъ приняты были, подъ именемъ шербетовъ. Старшины Посольской свиты и Чегодари въ переднихъ комнатахъ подчиваны были кофьемъ и таковыми же напитками. Во все время угощенья играла инструментальная музыка. Мальчики и изъ гарнизонныхъ солдатскихъ дѣтей пѣли разныя пѣсни и плясали, которыхъ Посолъ дарилъ деньгами.

Въ 1-мъ часу по полудни, Посолъ, простясь съ Г-мъ Оберъ-Комендантомъ, поѣхалъ и провожаемъ былъ до кареты тѣми же Чинами, которыми и встрѣченъ.

Возвращаясь въ томъ же порядкѣ, желалъ видѣть игрище на качеляхъ. Пріѣхалъ къ онымъ, остановился и народу, который близъ его кареты пѣлъ, подарилъ нѣсколько червонныхъ. Забавясь немного, отправился домой.

7-го числа, Г-нъ Генералъ-Маіоръ, Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ Ельчаниновъ, увѣдомясь, что Посолъ завтрешней день отъѣзжаетъ по полудни въ пять часовъ, съ Губернскими и Магистратскими Членами, Штабъ и Оберъ-Офицерами ѣздилъ къ Послу проститься.

8-го числа, Кіевскаго Магистрата Члены собрались въ квартиру Посольскую, и при выѣздѣ его провожали до кареты, а Регистровая Мѣщанская рота до перваго ночлега деревни Глѣвихи. Въ проѣздъ мимо Печерской крѣпости, Посолъ привѣтствованъ былъ 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1775 ГОДЪ.

1775 года,
8 Февраля

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Предыдущимъ моимъ подалъ уже я Вамъ увѣдомленіе о полученныхъ мною отъ Васъ письмахъ; и потому не оставалось при семъ случаѣ ничего, чтобы Вамъ сказать болѣе; но, поставляя себѣ всѣ таковы пріятными, гдѣ только могу извѣщать Васъ въ видѣ отличнаго моего къ Вамъ усердія, не схотѣлъ отпустить Вашего куріера, не увѣдомивъ Васъ, что я прибылъ въ Глуховъ 5-го настоящаго мѣсяца. Тутъ засталъ я не противу прежняго, весь почти сей городъ принялъ другой видъ. Превосходной вкусъ въ качествѣ и количествѣ женщинъ, заставляетъ всякаго къ признанію въ лучшемъ образѣ жизни и весьма видной въ нихъ перемѣнѣ. И за тѣмъ, конечно, не было бы мѣста скукѣ, если бы намъ солнце открыло свое лицо, котораго во все время пребыванія нашего здѣсь мы не видѣли; на мѣсто онаго сильный туманъ обложилъ тутъ всю окрестность и дѣлаетъ моему слабому здоровію поминутно новые припадки.

1775 года,
28 Марта

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Надъ чаяніе мое, явился у меня здѣсь Г. Баронъ Билстейнъ, сего податель, котораго оставилъ я въ Молдавіи, въ намѣреніи основать тамъ свое пребываніе, считая оное сходнымъ и со стороны физическихъ свойствъ земли, и въ разсужденіи имѣній по братѣ его, тамъ пріобрѣтенныхъ. Онъ сказываетъ мнѣ, что Молдавія вышла теперь совсѣмъ изъ образа, въ которомъ оная при насъ находилась, такъ что уже той выгоды и способности не находитъ къ обитанію своему, каковой ласкалъ себя прежде, и для того предпріялъ отправиться въ Москву, и представши предъ Ваше Сіятельство, въ особѣ котораго имѣетъ онъ для себя единственнаго благодѣтеля и покровителя, я не могъ отказать ему, чтобы не препроводить моего о немъ ходатайства, вѣдая, что первое Ваше удовольствіе есть дѣлать добро людямъ, и пользуюся, впрочемъ, симъ случаемъ на засвидѣтельствованіе моего безпредѣльнаго высокопочитанія и совершенной преданности, съ которыми есьмъ.

1775 года,
Марта 28.

Г. А. ПОТЕМКИНУ.

При отбытіи моемъ изъ Яссъ, оставляя сего вручителя, Г. Барона Бильстейна, казалося, что онъ искалъ водвориться въ Молдавіи и быть скоро богатымъ и знатнымъ; но противъ ожиданія пріѣхалъ онъ сюда, сказывая, что физическія доброты сего края приносятъ изобиліе прежнее, но плоды онаго собираетъ одинъ Господарь Гика, изъ чего неисключенъ и прекрасный его Бахмутъ. Рѣшился онъ по тому возвратиться и, полагаясь на твою къ себѣ милость и ко мнѣ дружбу и благосклонность, желалъ быть отъ меня къ тебѣ препровожденнымъ. Я тѣмъ болѣе на то согла-

ситься убѣжденъ былъ, коль извѣстна мнѣ, мой Любезный Другъ, склонность твоя благотворить людямъ, особливо края того, и сколько жалости достойны, какъ сего податель, и для того прошу тебя не оставить своею милостивою помощію, чтобъ онъ могъ у насъ какими способы къ своему прожитію.

Всегда я пребуду съ искреннею преданностію.

1775 года,
Мая 11 дня.
С. Ходоровъ.

КНЯЗЮ ЩЕРБАТОВУ.

Обременяя тебя, мой Любезный Князь, новыми заботами по службѣ, добавляю я себѣ большое удовольствіе продолжать съ тобою переписку, для меня пріятную, бывъ увѣренъ, что и твоя ко мнѣ дружба и доброхотство, стольже, какъ и моя къ тебѣ, непремѣнны. Я слышалъ отъ твоего присланнаго, что ты достать стараешься для меня въ даръ воловъ. Благодарю найпризнательнѣйше за трудъ твой въ пріисканіи оныхъ, и прошу прилѣжно отправить ихъ ко мнѣ въ Малую Россію, въ Переяславль, къ Г. Иваненку, подавъ наставленіе, какъ съ ними обходиться и кормить ихъ лѣтомъ и зимою, и ежели можно, сыскавъ и приставивъ къ нимъ знающаго человѣка, отъ коего бъ и тамъ научаться можно было. Влагаемое при семъ письмо мое къ Г. Ивановскому, Генеральному Экономy Князя Черторижскаго, прошу доставить, и требуемыя мною у него пополненія къ присланнымъ предъ симъ экономическимъ инструктарямъ, касательно заводовъ лошадиныхъ и другихъ скотскихъ, прошу, отъ него отыскавъ, ко мнѣ прислать, и вѣрить, что я съ непоколебимымъ почтеніемъ навсегда остаюсь.

1775 года,
Мая 13 дня.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Принося Вашему Превосходительству мою благодарность за доставленіе жены кухмейстера моего, повторяю тутъ и искреннее мое признаніе ко всѣмъ тѣмъ дружескимъ одолженіямъ, которыя Вамъ въ прозьбахъ и надобностяхъ моихъ являть угодно.

Не получа еще того счету, который, какъ Ваше Превосходительство увѣдомлять изволите, Г. Прешель доставить мнѣ собирается, не знаю я, какія онъ деньги до пяти сотъ червонныхъ на мнѣ считаетъ; ибо какъ и прежде я писалъ къ Вамъ, при шести тысячъ червонныхъ, чрезъ посредство его въ Вѣну переводимыхъ, я о полученіи только половины имѣю свѣдѣніе; но ежели онъ долгъ сей кладетъ на счетъ послѣдне выписанныхъ для меня и Осипа Андреевича Г-на Игельстрома нахттишовъ и деженеровъ, то съ моей стороны расчетъ генеральной и расплата съ Г-мъ Игельстромомъ уже учиненъ.

За благосклонное о фазанахъ попеченіе усердно благодарю; но время для нихъ, до Октября откладываемое, кажется мнѣ, долго, до коего, кто знаетъ, дожить достанется ли? И такъ прошу Васъ постараться отправить оныхъ скорѣе, какъ возможно, безъ поврежденія ихъ. Въ особливое поставляя себѣ удовольствіе исполнять всѣ требованія Ваши, я охотно бы согласился на желаемой Вами отпускъ, ежели бъ обстоятельства нынѣшнія не дѣлали надобнымъ Ваше присутствіе въ настоящемъ мѣстѣ, почему и я хотѣлъ бы, чтобъ Ваше Превосходительство отложили то до нѣкотораго времени. Поздравляю Васъ отъ искренняго сердца благополучнымъ супруги Вашей отъ бремени разрѣшеніемъ, желая, чтобы новорожденная, возрастая благоденственно, послужила Вамъ къ полному обрадованію, есьмъ съ непремѣннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга.

1775 года,
23 Іюля.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Алексѣевичъ!

При самомъ моемъ прибытіи, имѣлъ я удовольствіе принять Ваше всепріятнѣйшее писаніе, на которое не могъ я по сіе время отвѣтствовать, по причинѣ скораго отъѣзду, не сказавшися, Вашего присланнаго; а между тѣмъ возвратившійся изъ Нижняго Новогорода Иванъ Пертовичъ Каспаровъ, засвидѣтельствовалъ мнѣ образъ дружества и благосклонность, которыя Вы храните ко мнѣ непремѣнно, и кои суть слѣдствіе взаимныхъ нашихъ обязательствъ отъ самаго нѣжностнаго союза, юность начало производящихъ. Ежели бы состояніе моего здоровія согласовало съ тою надобностью, какову имѣю побывать въ мѣстахъ управленія Вашего, то я вскорѣ бы получилъ обрадованіе видѣть Васъ, моего Любезнаго Друга; но лаская себя тѣмъ впредь, приношу мою искреннюю благодарность и признаніе къ чувствамъ дружества Вашего, и прошу всеприлѣжно по дѣламъ моимъ тамошнимъ, въ случаѣ отзывовъ моихъ домашнихъ, благодѣтельствовать и всевозможное подать защищеніе. Я желаю всегда и вездѣ слышать о всеблагополучномъ Вашемъ пребываніи, и есьмь съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства.

1775 года,
23 Іюля.

КНЯЗЮ МЕЩЕРСКОМУ.

Любезнѣйшій Другъ

Платонъ Степановичъ!

Изъ доходящихъ публичныхъ увѣдомленій, безъ сомнѣнія, извѣстенъ уже ты, мой Любезный Другъ, о томъ милосердомъ образѣ пріятія, котораго удостоился я отъ Ея Императорскаго Величества;

почему и не утруждаю тебя съ моей стороны о томъ описаніемъ, а скажу только о себѣ, что здоровіе мое самое не лучшее, такъ что я едва могу собраться съ послѣдними силами при всѣхъ почестяхъ, мнѣ оказываемыхъ.

Графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ, зная свойственное тебѣ правосудіе и особливое ко мнѣ дружелюбіе, желалъ, чтобъ я посредствовалъ у тебя за него въ дѣлахъ его, до управленія твоего простирающихся, которыя по самымъ неправедньмъ, какъ онъ объясняетъ, обстоятельствамъ приводятъ его къ крайнему разоренію. Я не могъ ему отказать въ семъ исканіи, нося, съ одной стороны, на себѣ обязательства въ разсужденіи особы его, а съ другой бывъ увѣренъ въ склонности твоей къ добротворенію вездѣ, гдѣ оное только совмѣстно съ пользою Государства и не обращается въ предосужденіе обществу, и потому прошу тебя, мой Любезный Другъ, прилѣжно, подать ему всевозможное пособіе въ новое мнѣ одолженіе.

Проѣзжая чрезъ Глуховъ и Малую Россію, имѣлъ я удовольствіе вѣдать и слышать всемѣстно тебѣ похвалы, благодарность и сожалѣніе о твоемъ отсель отдаленіи. Я желаю, чтобъ настоящее служеніе твое пріобрѣло и въ тѣхъ мѣстахъ толикую общую преданность и доброхотство и свѣдѣтельство.

(Продолженіе письма истлѣло.)

1775 года,
23 Декабря.
Москва.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Въ тѣхъ мысляхъ будучи, что сіе мое застанетъ Васъ уже, по пренесеніи многихъ трудовъ, совершивши путь Вашъ, на мѣстѣ, поздравляю найусерднѣе съ благополучнымъ прибытіемъ. Между тѣмъ присоединяя у сего письмо къ Александру Андреевичу, я убѣждаю Васъ Вашею дружбою и моею прозьбою, чтобъ постарались отыскать утерянныя, сколь важныя, столь для меня и нужныя, бумаги. Если что больше меня удивляетъ, то это самое, что

при отъѣздѣ своемъ онъ мнѣ сказалъ, что дѣла всѣ секретные отданы по описямъ Г. Подлускому, а сей въ простотѣ душевной объявляетъ, что онъ съ приказанія его описывалъ то только, что видѣлъ. Почему прошу я Васъ сказать ему, чтобы онъ отписалъ ко мнѣ и, открывъ слѣдъ къ отысканію, указалъ, гдѣ мнѣ оныя и отъ кого требовать, и чтобъ я самымъ симъ его письмомъ могъ иногда замѣнить всю потерю. Впрочемъ, я желаю чистосердечно, да застанетъ Васъ сіе мое въ найсовершенномъ здравіи и благополучіи, и чтобъ дни Ваши были для Васъ радости и удовольства исполнены, пребывая всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ.

1775 года.

Преосвященнѣйшій Господинъ Епископъ Тверской и Кашинскій,

Милостивый Архипастырь мой.

Не имѣя чести быть лично знакомымъ Вашему Преосвященству, а отъ всѣхъ знающихъ Васъ бывши предваренъ о Вашихъ превосходныхъ душевныхъ дарованіяхъ, давно искалъ я случая засвидѣтельствовать мое къ имъ почтеніе, и нынѣ съ особливымъ удовольствіемъ пользуюсь симъ, что преподаетъ мнѣ отъѣздъ Отца Архимандрита Иларіона въ Епархію, Вамъ опредѣленную. Чрезъ все почти время минувшей войны сей Архимандритъ былъ при арміи моего предводительства вышнимъ Священникомъ, а мнѣ особенно духовникомъ. Подвигами своими и достохвальнымъ поведеніемъ отъ всѣхъ пріобрѣлъ онъ уваженіе и благосклонность, по чему и ласкаю я себя, что онъ заслужитъ милостивое благоволеніе къ себѣ Вашего Преосвященства; но съ стороны моихъ ему обязательствъ не могъ я преминуть, чтобы не принесть всеприлѣжнаго къ Вамъ прошенія о содержаніи его въ благопризрѣніи и покровительствѣ Вашемъ, въ особливое и найчувствительнѣйшее одолженіе мнѣ, который не престанетъ быть съ истинною преданностію.

Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ Новгородскій и Санктпетербургскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Образъ милостиваго принятія, каковымъ Ваше Преосвященство удостоили Отца Архимандрита Иларіона, въ настоящую его здѣсь бытность, толикую впечатлѣлъ въ немъ къ особѣ Вашей преданность, что онъ, прославляя найблагодарнѣйше имя Вашего Преосвященства, единаго токмо желаетъ, чтобы имѣть щастіе послужить подъ собственнымъ Вашимъ Пастырскимъ надзираніемъ, по примѣру того, какъ другіе Архимандриты къ тому опредѣляются, въ чемъ самъ онъ мнѣ изъяснился, и обнадеживалъ себя милостивымъ Вашего Преосвященства снисхожденіемъ. Я, прежде утруждая Ваше Преосвященство моимъ объ немъ ходатайствомъ, имѣлъ честь сообщать и о тѣхъ обязательствахъ, которыя къ нему по духу и по службѣ имѣю; а потому и при семъ случаѣ ласкаю себя, что Ваше Преосвященство, доказавъ особливую Вашу ко мнѣ милость толь многими опытами, и особливо въ продолженіи моего здѣсь пребыванія, когда пріобрѣлъ для себя и неоцѣненное самоличное съ Вами знакомство, не отречетесь благосклонно принять мое всеприлѣжное прошеніе, чтобъ онъ взысканъ былъ Святительскимъ Вашимъ благоволеніемъ на служеніе въ столицѣ подъ Вашимъ призрѣніемъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію есьмъ всегда

Вашего Преосвященства

всепокорнымъ слугою.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1776 ГОДЪ.

1776 года,
Генваря 1 дня.
Кайнарджи.

ГРАФУ ГРИГОРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ.

Благодѣяній и взысканій твоихъ, мой Вседражайшій и Вселюбезнѣйшій Другъ, толь многочисленно на мнѣ, что нѣтъ момента, въ которомъ бы я не находилъ обязательствъ къ тебѣ быть признательнымъ и благодарнымъ, а потому и не отлучно съ тобою есьмъ и всегда буду.

Путь, по суровости теперешняго времени невыгодный, чтобы ты совершилъ безъ малѣйшихъ безпокойствъ, и новыя лѣта, одно за другимъ, до самыхъ позднѣйшихъ временъ пожилъ во всѣхъ благополучіяхъ и самопомысльныхъ удовольствіяхъ, найусерднѣйше тебѣ желаю.

По отъѣздѣ Вашемъ изъ Москвы я изнемогъ, и не въ силахъ будучи въ дальній путь пуститься, уклонился я отъ звуку и гуку городскаго въ мое уединеніе, въ Подмосковную, отколь сіе къ Вамъ и пишу. Тутъ меня посѣтилъ 27 настоящаго теченія весельчакъ Абдулъ-Керимъ-Эфенди съ нѣкоторыми изъ своей свиты. Въ продолженіи стола самъ онъ пожелалъ пить за здоровье вседражайшей нашей Государыни: утверждалъ о искренной дружбѣ

своего Султана, и опять отыскалъ по старымъ памятямъ, какія-то мои обѣщанія покойному Визирю, въ облегченіи тяготы трактата, и наконецъ далъ мнѣ коммиссію, при увѣреніи Васъ о его отличномъ къ Вамъ почтеніи, припомнить Вамъ о повышеніи чинами при немъ находящихся актуаріевъ и переводчиковъ, сказывая, что Султанъ, уполномочивъ его къ дѣлу толь важному, каково есть Посольство, обратитъ, конечно, къ сторонѣ его нерадѣнія, если прозьба, имъ учиненная и Вами будто обѣщанное, не возымѣетъ въ томъ своего дѣйствія.

До послѣднихъ дней буду сердцемъ и душею преданнѣйшій и всепокорный слуга.

P. S. По милостивому обнадеживанію по просьбѣ моей о Господинѣ Генералѣ Милорадовичѣ, позволю себѣ, мой Милостивый Другъ, припомнить; я на счетъ свой сіи одолженія ему новыми поставлю.

1776 года, Генваря 1 дня.
Москва.

[redacted].

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Григорьевичъ!

Ежели бы возможно что либо надъ совершенное къ Вамъ мое почтеніе и преданность прибавить, то бы Туло-Калужской походъ занялъ великое мѣсто. Я не могу изъяснить Вамъ, мой Милостивый Графъ, все удовольствіе и пользу, кои я въ оном для себя находилъ изъ пріятной Вашей бесѣды. Жалѣть всегда буду, что онъ не довольно для меня продлился, и остается мнѣ, поблагодаря за всѣ Ваши большія одолженія, въ терпѣніи ожидать будущаго лѣта и въ томъ наградить утрату.

Между тѣмъ, чтобы Вы путь Вашъ многотрудный, и дражайшая Графиня Ванна и дочь, совершивъ благополучно, наградили оной всѣми выгодами и пріятностями прекраснаго Вашего дома,

в новый за новым множество годовъ, по желанію пожили, при самопомышленномъ здравіи и удовольствіи по предѣлъ самопознѣйшій человѣчеству, желаетъ Вамъ всеусерднѣйшій и искренно Вамъ преданный,

всепокорный слуга.

1776 года,
Генваря 1 дня.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Сего податель, Козьма Афанасьевичъ Медвѣдевъ, извѣстный по городу Орлу человѣкъ, и котораго мы одновременно тамъ спознали, скажетъ Вамъ свою надобность. Я, изъ признательности къ сему гостепріимцу, писалъ объ немъ къ Графу Григорію Александровичу, а къ Вамъ препровождая его симъ, прошу показать ему прямую дорогу къ скорѣйшему и полезному окончанію дѣла его.

Новѣйшихъ извѣстій касательно деревень Вашихъ въ Польшѣ, я понынѣ отъ братца Вашего, Ивана Васильевича, не имѣю, что же до Малороссійскихъ, на Вашъ удѣлъ доставшихся, то я по сему писалъ уже въ Коллегію тамошнюю, чтобъ высланы были комисары къ отдачѣ всего, Вамъ принадлежащаго, къ разобранію споровъ, если бы сіе могло случиться и къ положенію на всемъ томъ межи.

Желаю Вамъ, впрочемъ, всеискренно новоначатой годъ и премногіе будущіе въ радости и благополучіи пожить, и мнѣ вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ

Вашъ покорный слуга.

1776 года,
Генваря 1-го.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Сего вручитель, Г. Медвѣдевъ, гостепріимецъ Орловскій, который Вами послѣ того взысканъ, похотѣлъ, однако же, явиться съ

моею о немъ у Васъ прозьбою. Не лиши его, мой Вселюбезный и Милостивый Другъ, своей помощи, а меня продолженія своей неоцѣненной милости и дружбы.

Во всѣ дни жизни моей буду я сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
3 Генваря.
Кайнарджи.

ПАССЕКОВОЙ.

Милостивая Государыня моя,

Наталья Алексѣевна!

Читая письмо Ваше, я не безъ жалости видѣлъ въ ономъ домашнія Ваши обстоятельства. Познавъ въ Васъ великодушную и терпѣнія преисполненную душу, не стараюсь я подавать Вамъ тутъ слабыхъ моихъ утѣшеній. Вы сами то знаете, что люди, и испорченные и развратные нравы имѣющіе, не рѣдко возвращаются къ своей должности; а дѣти Ваши еще не суть тѣ, и слѣдственно, по нѣжному Вашему расположенію и обращенію, къ повиновенію можно ожидать ежевременно. Я желаю Вамъ всеискренно, съ освобожденіемъ самоскорѣйшимъ отъ Вашего припадка, видѣть радость Вашу въ возвратѣ Вамъ столь любезныхъ дѣтей Вашихъ. Присоединеннымъ у сего письмомъ я повторяю мою прозьбу Князю Михайлѣ Никитичу, во удовлетвореніе желанія Вашего, пребывая, впрочемъ, съ моимъ непремѣннымъ почтеніемъ.

---

3 Генваря.

КНЯЗЮ МИХАЙЛѢ НИКИТИЧУ ВОЛКОНСКОМУ.

Со стороны дѣлъ, особливо меня интересующихъ, позволь мнѣ, мой Любезный Братъ, усугубить прозьбою моею таковую же же отъ Пассековой. Степана, Нилу и Василья Коновницыныхъ, которые, какъ слышу, Вицъ-Вахмистрами, произвесть въ Вахмистры, а Вахмистра Ивана Бахметьева опредѣлить къ оставшейся командѣ,

уволивъ на мѣсяцъ отъ должности. Ваше Сіятельство симъ меня обяжете найболѣе и я бы желалъ имѣть для себя то удовольство, чтобъ показать услуги на выполненіе повелѣній Вашихъ. Имѣя честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію.

1776 года,
Генваря 4 дня.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Въ предыдущемъ моемъ, мой Вселюбезнѣйшій Другъ, я тебѣ сказалъ, что, уклоняясь отъ звуку и гуку городскаго, удалился я на уединеніе; но сіе не такъ отдалено, чтобъ меня не сыскали мои близкіе. Причиною сего моего къ тебѣ Александръ Васильевичъ Салтыковъ, много меня одолжившій своими услугами къ моей матери; и ты мнѣ, ставъ посредникомъ и надеждою окончанія его весьма резонабильнаго исканія, сдѣлаешь найчувствительнѣйшее одолженіе. Покажи, мой Милостивый Графъ, свое пособіе сему человѣку, доложивъ прозьбу его Государынѣ, а я все, что отъ тебя для него будетъ, пріиму на счетъ свой.

Моимъ желаніямъ всегда противустоятъ разныя препоны; я уже собирался ѣхать отсель, но была столь великая стужа, что съ нуждою могъ я только сидѣть въ избѣ, не выходя ни ногой изъ оной. Теперь стало полегче, однако вмѣсто того новая преграда, съ сильнымъ вѣтромъ бывшая болѣе сутокъ метелица, подѣлала на всѣхъ поляхъ престрашныя горы, и такія, что уже вовсе нѣтъ удобности двинуться съ мѣста. Я потому, въ ожиданіи лучшихъ дней, поживу еще нѣсколько, а послѣ, хотя въ самой вещи и печально, отъ стужи къ теплу предприму свои мѣры. Но гдѣ бы я ни былъ, сохраню вездѣ непреложно то истинное мое почтеніе и безпредѣльную преданность, съ которыми во всѣ дни жизни буду сердцемъ и душей преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

4-го Генваря.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Письмо Ваше я получилъ, и вижу въ ономъ съ признаніемъ, коль Вы, имѣя довольно заботъ на свою часть, вступаетесь въ дѣла охотно и постороннія, меня касающіяся. Но не зная подлинно, что мнѣ думать о Александрѣ Андреевичѣ, онъ ко мнѣ не пишетъ ни одного слова о дѣлахъ утерянныхъ. Въ особливое мнѣ одолженіе скажите ему, чтобъ онъ пожаловалъ, меня увѣдомилъ, по первому письму, гдѣ мнѣ отыскать имъ потерянныя бумаги, чтобъ иногда не страдали въ томъ люди, ни мало непричастные и безвинные.

Александръ Васильевичъ Салтыковъ, которому я весьма много долженъ за услуги, оказанныя имъ моей матери, имѣетъ у Васъ свое дѣло. Оно не по себѣ, но для него очень важно и, кажется, резонабильное. Пособи ему, Любезный Другъ, елико ты можешь; я о семъ просилъ и Графа Григорія Александровича особливымъ моимъ, и тебѣ повторяю, что ты одолжишь симъ человѣка, который никогда не престанетъ съ непреложнымъ и истиннымъ усердіемъ быть покорнымъ слугою.

1776 года,
4 Генваря.

САЛТЫКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Александръ Васильевичъ!

Съ человѣкомъ Вашимъ получилъ я плато, цвѣты и куклы бискюетевы, и читая Ваше письмо, которымъ Вы столь пріятныя вещи препровождаете, увидѣлъ я изъ онаго, надъ чаяніе, что Вы все то мнѣ въ подарокъ прислали. Не знаю подлинно, что мнѣ взаимно придумать, и какъ могу я заслужить Ваши меня всегдашнія одолженія. Вы, имѣвшія только способовъ обязать меня, подайте мнѣ, хотя малѣйшій случай къ доказательству, колико и я преисполненъ моего чувствительнѣйшаго къ Вамъ признанія.

Присоединяю у сего письма, въ точность мысли Вашей, желая чистосердечно, чтобъ оныя были для Васъ плодомъ Вашего ожиданія, и испрашивая для себя непремѣнную Вашу дружбу и благосклонность, я препоручаю себя навсегда къ услугамъ Вашимъ, пребывая съ истиннымъ моимъ усердіемъ.

1776 года,
Генваря 5 дня.
Кайнарджи.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Иванъ Петровичъ!

За присылку плановъ и къ онымъ описей я найпризнательнѣе благодарю Вашему Сіятельству. Трудно, подлинно, разставаться съ столь милою деревнею, гдѣ натура украсила ея положеніе и гдѣ Вы къ тому придали найбольшую ей пріятность изпещреніемъ и украшеніемъ на Англійской вкусъ и построеннымъ тамъ хорошо и выгодно домомъ Вашимъ; но и тово труднѣе, мнѣ кажется, уступить кому либо, кромѣ себя. По пути, который предлежитъ мнѣ, я конечно буду въ оной, и скажу Вамъ затѣмъ рѣшительно о точности моего расположенія.

Со всегдашнею моею преданностію пребуду я.

1776 года,
Генваря 5-го.

АСТАФЬЕВУ.

Государь мой,

Александръ Николаевичъ!

Къ великому удивленію моему, доходятъ ко мнѣ одно за другимъ извѣстія относительно неявившихся вещей въ моемъ домѣ. Я не знаю, какъ судить въ семъ дѣлѣ, и что думать мнѣ, когда еще въ мое здѣсь присутствіе видны вездѣ найбольшія упущенія. Теперь ко мнѣ явился человѣкъ мой съ новымъ докладомъ, что

Почекою увезенъ туалетъ, находившійся въ покоѣ секретаря Лебедева, и что еще, сверхъ того, во многихъ вещахъ видны недостатки. Подлинно не знаю, какъ Г. Бессинъ, на которомъ я сложилъ пріемъ того дому и всего въ ономъ, отпустилъ Почеку, не истребуя утерянnаго, не увѣдомивъ меня. Я по тому, прилагая при семъ подлинную всей той отдачѣ опись, покорно Васъ прошу дать оную Г. Бессину, чтобъ онъ по сей прилѣжно обозрѣлъ, и чего не будетъ въ наличности, отписалъ бы къ Почекѣ, давъ ему знать въ полной цѣнѣ поступокъ его, и то, что сколь та вещь по себѣ неважная, столь больше ему безславія приноситъ, наконецъ, чтобъ требовалъ, гдѣ онъ все то, чего не будетъ видно, сложилъ, и отъ кого оное получить можно. Я вѣрилъ ему больше по чести, чѣмъ росписками.

Есьмъ, какъ и всегда.

1776 года,
Генваря 6.

АСТАФЬЕВУ.

Ежели что послѣдняя почта Петербургская въ городъ, или къ Вамъ, привезла, скажите мнѣ по пословицѣ: что отложено, то еще не потеряно. Я желалъ бы прежде отъѣзда, коли не одержать точнаго и пріятнаго для Васъ отвѣта, такъ, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшаго обнадеживанія. У меня маленько горло, а голова очень болитъ, и такъ завтра не надѣюсь, чтобы и ѣхать могъ. Ежели бы Вы лошадей велѣли къ 7 числу приготовить, то можете дать знать, чтобы онѣ къ 9-ти точно были готовы. Не поскучте нѣсколько дней промедлить, а 9-го я конечно поѣду; увѣрять Васъ пустымъ поставляю. Вы меня знаете непреложно себѣ прямымъ и преданнымъ слугою.

1776 года,
8 Генваря.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Въ ожиданіи отвѣтныхъ на мои, конечно, уже въ своемъ мѣстѣ полученныя, и другихъ Петербургскихъ извѣстій, хочется остаться здѣсь до 11-го сего мѣсяца; да и по слабости моего здоровья весьма мнѣ нужно не выѣзжать до того времени. Я думаю, что и Вамъ по такимъ же обстоятельствамъ не то же ли сдѣлать, и по сему покорнѣйше Васъ прошу дать знать Ямской Конторѣ о заготовленіи лошадей къ 12-му.

---

8 Генваря.

АСТАФЬЕВУ.

Я благодарю Васъ, Александръ Николаевичъ, за труды Ваши по дѣламъ моего хозяйства, и за письмо, которое получилъ я вчера. Изъ онаго видя, что денегъ моихъ у Васъ въ содержаніи почти нѣтъ, а у меня оныхъ также мало, на дорогу жъ имѣть оные необходимо нужно, я прошу Васъ по тому спросить въ Богоявленскомъ Греческомъ монастырѣ, нѣтъ ли въ ономъ изъ купцовъ такова, который бы пожелалъ сдѣлать переводъ до тысячи рублей въ Глуховѣ, либо Нѣжинѣ; когдаже симъ образомъ не можно достать оныхъ, то въ щетъ отдачи въ Глуховѣ отпустить изъ Татарской суммы въ вѣдѣніи Вашемъ, подъ росписку хотя мою.

1776 года,
11 Генваря.

ВЛАНКУ.

Государь мой Карлъ Ивановичъ!

Планъ дому я получилъ, и признаюсь чистосердечно, что положеніе его на полдень, а сада на сѣверъ, и расположеніе вовсе невыгодное, озабочиваютъ меня до крайности; чтобы помочь одному и другому, и я думаю Вамъ опять сдѣлать новый трудъ. Теперешняя моя прозьба состоитъ въ сообщеніи смѣты надобныхъ мате-

рія̀ловъ для каменнаго, Вами прожектированнаго, дому, которую Вы мнѣ обѣщали. Одолжите меня, мой лучшій пріятель, прежде отъѣзда и какъ скорѣе можно, а о мнѣ вѣрьте, что я съ усерднымъ почтеніемъ

Вашъ покорный слуга.

---

11 Генваря.

ДОМАШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Сергѣй Герасимовичъ!

Съ перваго случая, когда я имѣлъ честь пріобрѣсти найпріятнѣйшее для меня Ваше знакомство, я предположилъ себѣ обязательствомъ оное утвердить моими исканіями. Судите по тому, коль велико удовольствіе мое видѣть знаки толь ласкательные Вашей дружбы. Я благодарю Вамъ найпризнательнѣйше за обсылку Календарей. Плоды Вашего въ Академіи попеченія поспѣшно и полезно стали отзываться, и я, желая Вамъ лучшихъ успѣховъ и всѣхъ помыслныхъ благоденствій, пребуду съ истинною преданностію

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
13 Генваря.

ТУТОЛМИНУ.

Государь мой,

Тимофей Ивановичъ!

Безмѣрно сожалѣю, видѣвъ изъ письма Вашего, что, вмѣсто ожидаемаго взаимно удовольственнаго окончанія дѣла съ Князь Григоріемъ Семеновичемъ, наноситъ онъ Вамъ новыя препятствія даже и противу того, что было говорено здѣсь. Я, не имѣя на сей разъ при себѣ ни Канцеляріи, ни дѣлъ, мнѣ нужныхъ, не могу по тому ничего сказать Вамъ точнаго; но чтобъ узнать, какъ удобнѣе прекратить Ваши споры, буду я ожидать отъ Васъ немедленно конной Полковничей Инструкціи. Пребывая съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

---

14 Генваря.

ВОЛКОНСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Семеновичъ!

Я ласкался надеждою видѣть на сихъ дняхъ Ваше Сіятельство у себя, но теперь, предполагая свой отъѣздъ вскорѣ, не буду, можетъ быть, уже имѣть случая съ Вами увидѣться; а потому и повторяю Вамъ симъ мою просьбу въ дѣлѣ Тимофея Ивановича. Онъ, какъ слышу, соглашается на все; въ одномъ только думать можно, что онъ, не имѣя у себя числа потребнаго наличной суммы, не можетъ удовлетворить Вамъ; но сіе не столько важно: онъ конечно дастъ Вамъ на то свое слово, или обязательство. И я желалъ бы, чтобъ Вы, бывъ равно мнѣ друзьями, оказали на то и Ваше снисхожденіе къ особливому моему удовольствію.

Есьмъ съ искреннею преданностію.

1776 года,
Генваря 15.

МЕЩЕРСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Дядюшка, Князь Василій Ивановичъ!

Мнѣ весьма совѣстно столь смѣло утруждать Васъ, но въ томъ удостовѣреніи, что Вы снисходительно мои просьбы принимаете, я Васъ обезпокоиваю теперь новою. Крестьянинъ моей деревни Рудни, Александръ Григорьевъ, ищетъ получить себѣ въ жену крѣпостную Вашу дѣвку, Варвару Ермолаеву. Она, бывъ отпущена села Лотошина отъ бурмистра Калиника съ свидѣтельствомъ для пріисканія дневной пищи, почти оной не имѣетъ. Сдѣлайте, Дядюшка, имъ обоимъ милость, давъ на это Ваше соизволеніе.

Съ непреложнымъ усердіемъ и безпредѣльною преданностію пребуду.

1776 года,
Генваря 15.

КНЯЖНѢ М. В. МЕЩЕРСКОЙ.

О крестьянинѣ моемъ, Григорьевѣ, который ищетъ себѣ въ жену крѣпостную Вашу дѣвку, Варвару Ермолаеву, я просилъ особливымъ моимъ на то соизволенія Вашего Батюшки. Пособите, Матушка Сестрица, одержать сію просьбу Вашимъ у него ходатайствомъ, вѣривъ, впрочемъ, что я всегда съ непреложнымъ усердіемъ

Вашъ доброжелательный братъ и покорный слуга.

1776 года,
Генваря 16.
Кайнарджи.

ГРАФУ СЕМЕНУ РОМАНОВИЧУ ВОРОНЦОВУ.

Письмо Ваше изъ Новой Ладоги, отъ 30-го Декабря, принесло мнѣ великое удовольствіе. Вы мнѣ, мой Дражайшій Другъ, отдали справедливость, опредѣливъ цѣну моего къ оному признанія. Отгадываете Вы въ точности, что мое къ Вамъ усердіе отличное, и ежели я имѣлъ случай Вамъ мою добрую волю и готовость на услуги оказать, то я удовлетворилъ только собственному своему желанію. За пріязнь я Вамъ, мой Любезнѣйшій Другъ, взаимно и сердечно желаю въ семъ новомъ и во многихъ будущихъ мѣстахъ всѣхъ преуспѣяній и благоденствій.

Пріемля большое участіе во всемъ, Васъ касающемся, желалъ бы вѣдать о квартирахъ, выгодны ли онѣ для Вашихъ Гренадеровъ и веселы ли, хотя мало, для Васъ? Что со мною, то я, замуровавшись, сижу въ деревенской избѣ, не выходя по неволѣ изъ оной ни ногою. Несносная стужа грозитъ моему слабому здоровью въ дорогѣ конечнымъ сокрушеніемъ; но какъ надобно ѣхать, то я буду стараться, коли не теплое, такъ тихое пристанище отыскать. Гдѣ бы то, однако же, ни было, не удалюсь я ни мало.

1776 года,
Генваря 17.

ВОРОНЦОВУ.

Милостивый Государь,

Графъ Иванъ Ларіоновичъ!

Благодарность моя неизреченна, а признаніе пребудетъ вѣчно къ Вашимъ мнѣ всегдашнимъ благодѣяніямъ. Я не могу довольно Вамъ изъяснить моей благодарности за одолженіе въ присоединеніи нужной мнѣ земли, и которую всегда цѣнить буду. Тутъ по пословицѣ: «дорога къ загону», хотя и не за самую сходную цѣну. Клянусь всѣмъ святымъ, что всѣ мои желанія обращаю, дабы сыскать случаи, удобные на доказаніе, сколь признаніе мое къ Вамъ велико и преданность безпредѣльна, съ которыми непреложно буду я до послѣднихъ дней моихъ.

P. S. Задатокъ 500 Г. Ваксель вручитъ Вашему Сіятельству, а достальные при свершеніи купли ту же минуту будутъ заплачены.

1776 года,
Генваря 18.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Григорьевичъ!

Странно, можетъ быть, покажется многимъ, а особливо судящимъ по одинакимъ всегда заключеніямъ, мое здѣсь замедленіе; но ты, мой Любезный Другъ, иначе и справедливѣе о семъ, конечно, судишь, зная, коль много мнѣ потребенъ покой, и что я въ семъ пунктѣ не дѣлаю уже различія въ мѣстахъ моего пребыванія, а пользуюсь уединеніемъ лучше всѣхъ лѣкарствъ. Жаль только, что климатъ нашъ о всякихъ неповинныхъ деревенскихъ забавахъ на цѣлую зиму мысли отнимаетъ; досаднѣе оное тогда, когда всѣ другія съ лѣтами уже прошли. Здѣсь стужа была несносная; по сближенію Вашему къ сѣверу, что же она была? Но какъ многіе физики открываютъ большую перемѣну во всемъ естествѣ, то не-

жетъ быть, Вамъ гораздо и теплѣе. Я на сихъ дняхъ, однако жъ, пущусь, не взирая на всѣ свои недуги, далѣе къ теплымъ, а ежели бъ можно къ тихимъ пристанищамъ; во всякомъ уединеніи и отдаленіи пріятно имѣть сообщеніе съ друзьями, между которыми я Васъ найлюбезнымъ для себя считая, прошу подавать мнѣ коль часто можно сіе утѣшеніе, какъ искренное участіе во всемъ, къ Вамъ относящемся, имѣющему.

Сего податель окаменѣлъ уже въ одной степени чина, а что способности имѣетъ, свидѣтельствуется употребленіями въ толь многихъ и важныхъ дѣлахъ. Помогите Вы ему на счетъ мой въ одержаніи справедливаго, слѣдуемаго ему, награжденія. Я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ и преданностію буду.

1776 года,
18 Генваря.
Кайнарджи.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Благодаря всенижайше за сообщеніе мнѣ письма отъ дражайшаго Вашего брата, и за честь, которую Вы мнѣ поздравленіемъ на Новый Годъ сдѣлать благоволили, не пріемлю я оное послѣдствіемъ обыкновенія, мой Любезный Другъ, но дѣйствіемъ дружеской милости Вашей, которой я всю цѣну зная, о продолженіи ни исканія, ни старанія употреблять не упущу. Вамъ же, моему Милостивому Графу, и Вселюбезной и Дражайшей Вашей Графинѣ, желаю найусерднѣйше отъ года въ годъ до крайнихъ предѣловъ бытія человѣческаго съ преумноженіемъ всѣхъ благополучій, въ лучшемъ благоденствіи продолжать. Любя уединеніе, подлинно не изъ той причины, однако жъ, здѣсь позажился, но отъ маленькихъ припадковъ, и отъ великой стужи, которая меня въ избѣ подъ крѣпкимъ карауломъ держала, безъ всякаго рода выгодъ и услуги, отпустя все впередъ. Не знаю, напротивъ, не она ли моего Милостиваго Графа выжила изъ его прекраснаго Ярополца. Не имѣемъ мы подлинно причины со стороны зимы нашей, въ раз-

сужденіи деревенскихъ забавъ хвалиться, но за то промышленники наши нынѣшнею, думаю, не нахвалятся; конечно, къ нимъ битыя мяса и рыбы свѣжи дошли, но что люди замерзли, или сгнили, при такихъ великихъ барышахъ, они сей убытокъ весьма малымъ считаютъ. Сегодня, кажется, зима снисходительнѣе становится, и я долженъ буду, хотя не вовсе надежною, сею добротою ея пользоваться и ѣхать искать, коли не теплаго, то тихаго пристанища; но гдѣ бъ ни былъ, не удалюсь никогда отъ моихъ обязательствъ, кои я Вамъ съ нѣжной моей молодости въ усердіи и почтеніи сдѣлалъ. А на сей разъ, свидѣтельствуя мое особливое почтеніе Вселюбезной Вашей Графинѣ, въ честь себѣ поставляю непреложнымъ быть

Вашего Сіятельства.

1776 года,
24 Генваря.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Домъ, въ которомъ живетъ теперь Ѳедоръ Матвѣевичъ, я оставляю въ полное его распоряженіе, и ни малѣйше не помышляю тревожить спокойствіе сего стараго моего друга и заслуженнаго человѣка; а вмѣсто онаго, хотѣлъ бы я знать о выгодахъ тамошняго дворца, и можно ли мнѣ въ ономъ помѣститься; чего для, покорно Васъ прошу прислать ко мнѣ на встрѣчу оному планъ, показавъ особливо въ примѣчаніи, буде есть, комнаты такія, кои требуютъ починки, либо другое что испорченное и изломанное, или въ чемъ видѣнъ недостатокъ въ оныхъ. Я льщу себя удовольствіемъ въ скорости увидать и обнять моего Любезнаго Друга, къ которому преисполненъ я усердія и преданности, имѣя честь быть

Вашего Превосходительства.

покорнымъ слугою.

1776 года,
Генваря 25.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Ты знаешь, мой Любезный Другъ, что я всякое ходатайство стараюсь коль можно удалять, чтобъ не озабочивать друзей моихъ, дѣлами многими упражненныхъ; но убѣжденъ будучи неотступною прозьбою Генерала Берха, принужденъ Васъ просить, чтобъ Вы ему помогли, и дали знать, что пріѣзжать ли ему въ С. Петербургъ, для окончанія его исканія, или нѣтъ?

Я буду всегда съ усердіемъ и преданностію

Вашимъ покорнымъ слугою.

P. S. Покажите милость и состраданіе съ бѣднымъ Гартенберхомъ, и притомъ ты самъ отъ части знаешь, что онъ изъ лучшаго положенія худыми людьми и случаями доведенъ до весьма горькихъ обстоятельствъ. Я просилъ предъ отъѣздомъ Государыню, и она обѣщала явить ему свое милосердіе. Не забудь, мой Милостивый Графъ, и о бѣдномъ старикѣ и калѣкѣ Графѣ Капуанѣ.

Генваря 25.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Ѳедоръ Ивановичъ Глѣбовъ, будучи на сихъ дняхъ у меня, просилъ моего объ немъ къ тебѣ предстательства. Тебѣ извѣстно, Любезный мой и Вседражайшій Другъ, колико я стараюсь удалять себя въ подобныхъ сему случаяхъ, чтобъ не наносить тебѣ заботъ новыхъ, обремененному и безъ того многими дѣлами и докуками; но я не могъ отъ того укрыться. И въ томъ удостовѣреніи симъ его провождаю, чиня мою всеприлѣжную прозьбу о показаніи ему милости и удовлетворенія, по колику въ томъ позволитъ возможность. Къ Вамъ преданъ буду я непреложно сердцемъ и душою.

1776 года,
Генваря 26.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Прилагая у сего къ Ея Императорскому Величеству письмо Принца Шварцбургскаго, по его мнѣнію, весьма благонадежно ко мнѣ адресованное, прошу тебя, мой Вседражайшій Графъ, при случаѣ, сказать ли мнѣ ему что на оное, или промолчать.

Я понынѣ сижу еще въ моей деревнѣ. Необычайная стужа съ метелицею, отъ коихъ я, какъ вижу, очень отвыкъ, держитъ меня здѣсь, какъ за карауломъ, и я стражду разными припадками отъ нея какъ нельзя больше. Въ отдаленіи утѣшаемся мы много сообщеніемъ письменнымъ съ друзьями: не лиши меня, мой Вседражайшій Другъ, сего особливаго удовольствія, давай пріятнѣйшія увѣдомленія о твоемъ состояніи. Мысли и желанія мои тебѣ посвящены на благоденствія, и я, сердцемъ и душею преданный, всепокорнымъ твоимъ слугою буду.

1776 года,
Февраля 4.
Кочюровка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Князь Андрей Николаевичъ, ѣдучи въ Санктпетербургъ поспѣшно, заѣхалъ не съ дороги посѣтить меня въ деревнѣ, гдѣ я остановился на нѣкоторое, весьма короткое, время къ отдохновенію, отколь продолжать буду свой путь къ Кіеву, и смотря по дѣламъ, или же, лучше сказать, по состоянію здоровья, кое въ дорогѣ нѣчто еще хуже прежняго стало, опредѣлю мѣсто своему пребыванію. Отъ отвычки ли, или чувствительной перемѣны въ образѣ жизни, или же здоровія, не ощущаю я уже того удовольствія и веселой жизни въ деревнѣ, за коими всегда такъ гонялся. По многократнымъ о Князѣ Андреѣ Николаевичѣ на мои прозьбы милостивымъ твоимъ отзывамъ, удостовѣрилъ я его, самолучшимъ образомъ, о твоемъ къ нему благоволеніи; и я, удовлетворяя его желанію въ напамятованіи тебѣ, мой Вселюбезнѣйшій Другъ, всѣхъ

моихъ дѣланныхъ объ немъ рекомендацій и моему собственному въ свидѣтельствѣ признанія и благодарности, съ которыми пребываю непреложно сердцемъ и душею тебѣ преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
7 Февраля.
Глуховъ.

Милостивый Государь мой,
Григорій Никитичъ!

За пріѣздомъ моимъ въ Глуховъ, спѣшу отправленіемъ здѣшняго края дичи, которую всепокорно прошу Вашего Превосходительства приказать принять для столовъ Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Пребывая на всегда съ истиннымъ почтеніемъ.

и

1776 года,
Февраля 9.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ и Митрополитъ Кіевскій и Галицкій,
Милостивый Архипастырь мой!

Я имѣлъ честь всепочтеннѣйшее Вашего Преосвященства писаніе исправно получить, и ласкалъ себя изъявить Вамъ мою за оное благодарность въ скоромъ времени самолично; но, теряя къ тому на нѣкоторое время надежду, по умножившимся здѣсь дѣламъ, моего разсмотрѣнія требующимъ, я побуждаюсь истиннымъ признаніемъ, и во изъявленіе особливаго къ Вамъ почтенія, поспѣшить чрезъ сіе, свидѣтельствуя найчувствительнѣйшую благодарность за поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ. Примите взаимно, Преосвященнѣйшій Владыко, всеискреннее Вамъ желаніе всѣхъ Вами помысльныхъ благощастій и преуспѣяній въ наступившемъ и будущихъ премногихъ лѣтахъ отъ почитающаго Васъ и преданнаго

Вашему Преосвященству
всепокорнаго слуги.

1776 года,
Февраля 9 дня.

Ясне въ Богу Высокопреподобнѣйшій Господинъ Отецъ Архимандритъ Кіевскіе Лавры,

Милостивый мой Благодѣтель!

Благодарю найпризнательнѣе Вашему Высокопреподобію за письмо Ваше, въ которомъ угодно было Вамъ почтить меня поздравленіемъ съ настоящимъ обновленіемъ времени. И обращая къ Вамъ взаимно мое Васъ съ онымъ поздравленіе и искреннее желаніе, да будетъ оный для Васъ и премногіе по немъ будущіе источникомъ самопомысльныхъ благощастій и удовольствій, ласкаю я себя пріятною надеждою видѣться въ скоромъ времени съ Вами персонально и изъявить Вамъ изустно о томъ, отличномъ моемъ къ Вамъ почтеніи, съ которымъ никогда быть не престану.

1776 года,
Февраля 9.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій, Господинъ Епископъ Черниговскій и Новгородка Сѣверскаго,

Милостивый Архипастырь мой!

За поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ во всепочтеннѣйшемъ письмѣ Вашемъ, которое получилъ я въ Москвѣ, и такъ сказать, уже на дорогѣ, приношу симъ Вашему Преосвященству мою найпризнательнѣйшую благодарность, присоединяя всеискреннія мои желанія, да послужитъ Вамъ оный и премногіе по немъ будущіе на помысльные Вами благощастія. По сближенія къ предѣламъ Епархіи Вашей, ласкаю я себя имѣть честь видѣться персонально съ Вами, Преосвященный Владыко, и удостовѣрить Васъ въ найбольшей моей къ Вамъ преданности, въ ожиданіи которого для меня найпріятнѣйшаго времени, препоручаю я себя Архипастырскому Вашему благословенію, пребывая съ точнымъ почтеніемъ.

1776 года,
Февраля 9-го.

ШИРКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

По прибытіи моемъ въ Украину, имѣвъ непосредственно переписку съ Вашимъ Превосходительствомъ, я думаю, по обстоятельствамъ настоящимъ, буду дѣлать Вамъ частыя докуки; знавъ же Ваше расположеніе противу меня, я не ожидаю, чтобы были оныя для Васъ тягостными, или же невозможными, и что Вы къ лучшему моему ожиданію въ полномъ удостовѣреніи всякой мой отзывъ примете не инако, какъ дѣйствіе моей надежды на Вашу ко мнѣ дружбу, за которую я преисполненъ къ Вамъ истиннаго усердія и преданности.

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою

1776 года,
Февраля 9-го.
Глуховъ.

Государь мой и Любезный Другъ, Василій Степановичъ!

Письмо Ваше и планы получены мною исправно. Къ сожалѣнію, не имѣлъ я удовольствія, при выѣздѣ изъ Москвы, проститься съ Вами, и изъявить мою благодарность за всѣ Ваши труды, подъятые въ мою пользу, и спѣшу симъ письмомъ оное выполнить съ чувствительнѣйшимъ моимъ признаніемъ, и что я, будучи Вамъ толь много обязаннымъ, не упущу стараться оказать Вамъ мои услуги. Что до повѣрки плановъ, то я благонадеженъ на точность Г. Замятина подъ Вашимъ искуснымъ руководствомъ. Впрочемъ, пребуду въ усердіи моемъ къ Вамъ непремѣннымъ.

1776 года,
Февраля 9 дня.
Глуховъ.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Въ проѣздъ чрезъ Глуховъ въ Царьградъ сего куріера, пользуюсь я симъ скорымъ, но весьма пріятнымъ, случаемъ свидѣтельствовать Вашему Сіятельству искренное мое почтеніе, желая какъ найскорѣе имѣть удовольствіе принять Ваше Сіятельство и съ вседражайшею фамильею при благополучномъ въ отечество возвращеніи. Я не могу теперь видѣть реляцій Вашихъ, то прошу Ваше Сіятельство относительно званію моему, если за нужно найдете, ко увѣдомленію сообщить. Пребуду во всю мою жизнь съ непреложнымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя моего

покорнѣйшій слуга.

1776 года,
Февраля 10-го.

СТАХІЕВУ.

Милостивой Государь мой,

Александръ Стахіевичъ!

По настоящему моему теперь пребыванію въ Украинѣ, я льщу себя имѣть найпріятнѣйшія и коль можно частыя увѣдомленія о благополучномъ Вашемъ и домашнихъ Вашихъ пребываніи; что до дѣлъ, званію нашему относящихся, къ сообразности для принятія мѣръ пристойныхъ, то не сумнѣваюсь, по извѣстной Вашей въ оныхъ исправности, что я ихъ и въ свое время и со всѣми подробностьми получать буду, и особливо по условіямъ нашимъ въ Москвѣ.

Никогда не забуду я большаго Вашего одолженія въ снабженіи меня нѣкоторыми весьма полезными и потребными для меня учре-

жденіями въ Швеціи. Сдѣлайте мнѣ милость сообщеніемъ и теперь съ лучшихъ Турецкихъ увеселительныхъ домовъ плановъ и фасадовъ; я по надеждѣ лучшей на Вашу ко мнѣ дружбу, стою въ томъ смѣло, что самые лучшіе будутъ ко мнѣ, отъ Васъ присланные.

Господарь Волошскій, Ипсиландій, прилѣжно просилъ меня, чтобъ его рекомендовать, по мѣсту Вашему, въ особливую Вашу благосклонность, и я, быв увѣренъ, что онъ удостоенъ благоволенія Двора нашего, и въ семъ видѣ провождаю мою объ немъ прозьбу о показаніи какова либо ему Вашего пособія.

Желая, впрочемъ, всеискреннѣйше, чтобъ сіе мое застало Васъ и домашнихъ Вашихъ по совершеніи мною трудной дороги въ самопомыслыномъ благосостояніи и удовольствіи, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ.

1776 года,
Февраля 10-го.

МАРКОВУ.

Государь мой,
Аркадій Ивановичъ!

Я пишу сіе къ Вамъ на удачу, застанетъ ли оное Васъ на мѣстѣ, или въ дорогѣ; лаская себя надеждою со стороны родства и дружбы, что Вы одолжите меня присылкою плановъ и фасадовъ самымъ лучшимъ увеселительнымъ Турецкимъ домамъ. Если Вы еще не взяли Вашъ путь; когда же Вы уже отъѣхали изъ Константинополя, въ такомъ случаѣ, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго тѣхъ отысканія, прошу Васъ прилѣжно увѣдомить нашего Министра, Александра Стахіевича, тамъ находящагося, къ которому о семъ писалъ я особливо, но онъ, по новости своего мѣста, не такъ скоро познаетъ оные. Впрочемъ, пребываю съ искреннимъ усердіемъ

послушнымъ слугою.

P. S. Прошу сказать и Христофору Ивановичу Г. Петерсону мою прилѣжную прозьбу о томъ же. Я къ нему не пишу, не знавъ точно о мѣстѣ его пребыванія, остается ли онъ еще тамъ, или уже можетъ быть также съ Вами въ дорогѣ.

1776 года,
11 Февраля.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Иванъ Андреевичъ!

Къ сожалѣнію моему, услышалъ я о Вашей болѣзни, но, однако жъ, не ожидаю, чтобъ, по крѣпости Вашего духа, могла она взять свою силу къ продолженію; я упросилъ Господина Доктора Паулсона, чтобъ поспѣшилъ помочь Вамъ, и надѣюсь, что пользованіе его воспримете желаемое дѣйствіе къ скорѣйшему выздоровленію и къ возвращенію прежнихъ силъ Вашихъ. Съ моей стороны желаю Васъ видѣть въ самомъ наилучшемъ здоровья состояніи, пребывая съ истиннымъ моимъ усердіемъ и почтеніемъ.

1776 года,
12 Февраля.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивой Государь мой

Яковъ Васильевичъ!

Изъ пріятнѣйшаго письма Вашего вижу благосклонное и обыкновенное Вамъ для всѣхъ гостепріимство, и для меня оказанное. Я не хотѣлъ бы лучше какъ съ Вами и въ домѣ Вашемъ жить, зная всѣ въ ономъ для меня выгоды, ежели бы съ другой стороны не приносило неминуемаго со мною, по настоящей моей тамъ за дѣломъ бытности, Вамъ безпокойства, коего я ни въ какомъ случаѣ Вамъ сдѣлать не желаю; то по сей причинѣ, и по сносной уже стужѣ, хотѣлось бы стать въ тамошнемъ дворцѣ, гдѣ надобное только необходимо число покоевъ приказать поправить и починить крышу, посылая съ симъ Архитектора Квасова.

Есьмъ съ совершеннымъ усердіемъ
Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
20 Февраля.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Я имѣлъ сегодня удовольствіе видѣть братца Вашего, Ивана Васильевича, и не могу Вамъ довольно изъяснить, коль много онъ мнѣ при семъ случаѣ доказалъ своего доброхотства. Онъ отыскалъ, по силѣ указа, къ прежнему и настоящему владѣніямъ принадлежащія земли и угодія, на коихъ поселены слободы вновь; между Юрьевичами вошли по тому же праву Давыдовка, Веселовка и часть Поповки. Ваше дѣло будетъ тамъ, вопреки иногда толкованіямъ, убѣждать самою истиною, по силѣ указа и владѣніямъ прежнимъ, и потомъ остается только улучить Вамъ время, чтобъ сдѣлать на сіе все конфирмацію, или грамоту.

Съ усердіемъ моимъ всегда и буду непремѣнно

покорнымъ слугою.

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ.

Милостивѣйшій Государь!

Ваше Императорское Высочество награждаете ревностное мое желаніе усердные услуги Вамъ показывать, возложеніемъ на меня новыхъ коммисій. Я въ то же самое время, какъ имѣлъ щастіе получить Ваше Милостивѣйшее, отъ 19 Генваря, сдѣлалъ мои предписанія Малороссійскимъ Полковникамъ, приложить стараніе каждому отъ 10 до 15 и болѣе способныхъ и рослыхъ людей изъ Козаковъ, или другова званія свободныхъ людей, въ Полкъ Вашъ Кирасирской пріохотить. Тутъ взялъ я смѣлость приказать увѣрять ихъ, что они изъ особливой Вашего Императорскаго Высочества милости, не только нарочитую прибавку къ жалованью окладному, но по поведенію и заслугамъ, и другіе авантажи получатъ.

Въ благодарности неизреченной къ снисхожденію, Милостивѣйшій Государь, что соизволяете мнѣ желать здоровья въ семъ году лучше прежняго, доношу, что не перемѣна мѣста, ни кли-

мата не пользуютъ уже мнѣ ни мало, но что новый годъ, то новые припадки и ослабѣнія больше оказываются, и противъ которыхъ нѣтъ инаго врачеванія какъ терпѣнія, къ которому хотя трудно, но привыкать надобно. Доколѣ живъ, не престанетъ во мнѣ добрая воля посвящать остатокъ дней моихъ на услуги Вашему Императорскому Высочеству, повергая себя къ подножію Вашего Императорскаго Высочества въ глубочайшимъ благоговѣніи

Вашего Императорскаго Высочества

всенижайшій рабъ.

Г. Р. З.

Черешеньки.
20 Февраля,
1776 года.

Отправ. съ Вахмистромъ Орденскаго Кирасирскаго полка, Павломъ Семеновымъ.

1776 года,
20 Февраля.
Черешеньки.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Изъ числа шести проспектовъ Константинополя, во время моей болѣзни, когда экипажъ мой, можно сказать, былъ разбросанъ на многія части и безъ всякаго порядка, отыскалъ еще два, которые, посылая съ симъ, всепокорно прошу Ваше Сіятельство поднесть оныя Ея Императорскому Величеству.

Здоровье мое, противу прежняго, часъ отъ часу хуже, и я прихожу въ большое безсиліе и ослабленіе, мой вселюбезнѣйшій Другъ! Какъ оное всего дороже, то я тебѣ его желаю, по мѣрѣ, коль мое истинное усердіе къ тебѣ безконечно, съ коимъ буду во всѣ дни жизни сердцемъ и душою преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
25 Февраля.
Парафѣевка.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Иванъ Петровичъ!

Знавъ Вашу ко мнѣ благосклонность, и по поводу, что мои, и толь частыя, прозьбы, имѣютъ для себя мѣсто у Вашего Сіятельства, я не полагаю предѣловъ моей надеждѣ къ Вашему снисхожденію, и въ томъ самомъ видѣ, я Васъ утруждаю и слѣдующею еще: теперь мнѣ нуженъ человѣкъ, знающій украшать натуру по правиламъ, не выходя изъ ея положенія лучшаго; но знавъ, что сіе не легко будетъ, я въ запасъ всепокорно прошу, когда Вы не будете видѣть возможности въ первомъ, доставить мнѣ хотя вѣрное и подробное наставленіе, какъ и какимъ образомъ устилать дерномъ партеры и дорожки убивать пескомъ и иломъ, или глиною.

Мнѣ помнится, что я на все то имѣлъ отъ Васъ полное наставленіе; но должно мнѣ признаться, что ничего изъ того не помню, по моему уже слабому понятію, и хуже еще, памяти. И такъ, въ ожиданіи по сему отъ Васъ присылки, я съ истиннымъ усердіемъ къ Вамъ навсегда пребуду

покорнымъ слугою.

---

25 Февраля.
Парафѣевка.

КАРЛУ ИВАНОВИЧУ ВЛАНКУ.

Познавъ Васъ толикократно въ благосклонномъ принятіи моихъ докукъ, я по поводу того имѣю для себя причину къ новымъ для Васъ заботамъ; а что Вы должите человѣка благодарнаго и

признательнаго, въ томъ никакое сомнѣніе не можетъ опровергнуть сей истины. Я въ полномъ надѣяніи ожидаю всегда отъ Васъ пособія для пользъ моихъ, и даю вѣру въ томъ испытанному мною Вашему усердію. Между тѣмъ прошу Васъ, мой лучшій Пріятель, доставить ко мнѣ обстоятельное описаніе, какъ чистить полы и наводить на оныхъ краски. Хотя мнѣ помнится, что Вы изъяснили мнѣ о томъ подробно, но, уступая времени, должно мнѣ признаться, что ничево изъ того не помню; котораго въ ожиданіи пребываю непремѣнно съ истинныхъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

---

25 Февраля.
Парафѣевка.

ВЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

По полученіи мною изъ Москвы птицъ, я вижу, что люди мои все идутъ по своему, не внимая ни мѣроположеніямъ, ни внушеніямъ моимъ относительно ихъ должности. Они, конечно, не давъ Вамъ знать, сдѣлали сіе отправленіе сами, ибо я тутъ не нахожу ни одной канарейки, ни объясненія, гдѣ оныя оставлены, для чего, и въ чьемъ надзираніи. И потому Васъ прошу меня увѣдомить, какъ и гдѣ теперь оныя находятся, и почему вмѣстѣ съ прочими сюда не доставлены? А между тѣмъ, за полученіемъ сего, потрудитесь отдать приложенныя при семъ письма по надпису, истребовавъ на сіи отвѣтныя, прислать ко мнѣ съ первою оказіею. Всегда я буду съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

P. S. Матисова спросить о стульяхъ и креслахъ, о чемъ уже имѣете Вы отъ меня предувѣдомленіе, и мнѣ дать знать.

1776 года,
Февраля 25-го.
Парафѣевка.

Государь мой,

Евдокимъ Степановичъ!

Его Императорскаго Высочества Кирасирскаго полку Ротмистръ Комарашевъ, имѣющій коммиссію вербовать изъ Малороссійскихъ людей до нѣсколька человѣкъ въ тотъ полкъ, можетъ имѣть для того надобность въ деньгахъ, то прошу Васъ, по требованію его, отпустить ему изъ моихъ собственныхъ съ росписко[ю] сто рублевъ, и какъ о выдачѣ тѣхъ, такъ ежели и болѣе требовать будетъ, мнѣ дать знать. Я есьмъ, впрочемъ, съ истиннымъ усердіемъ.

P. S. Приложенное у сего письмо къ Маіора Бессину прошу Васъ отослать на первой гочтѣ или оказіи, въ Москву.

1776 года,
Февраля 26.
Парафѣевка.

ШИРКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Въ полномъ всегда ощущеніи цѣны Вашего меня одолженія, я напоминаю себѣ Вашъ трудъ въ пересылкѣ для меня фазановъ и прочаго. По моемъ отсель отсутствіи, я ласкаю себя непрерывнымъ продолженіемъ Вашей ко мнѣ благосклонности и дружбы. Препровождаемыя симъ письма, по содержанію ихъ, суть не приватныя мои, но для пользы Высочайшихъ интересовъ; слѣдственно, и отправленіе оныхъ по той причинѣ требуетъ сокращенія времени; и я, бывъ благонадеженъ въ вѣрномъ и скоромъ оныхъ доставленіи по надпису, пользуюсь всепріятнымъ случаемъ къ возобновленію истинныхъ увѣреній о непремѣнномъ моемъ усердіи, съ которымъ всегда буду

Вашего Превосходительства
покорнымъ слугою.

1776 года,
27 Февраля.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не смѣя въ семъ разѣ по дѣламъ тутошнимъ ни чего Вамъ сообщить, я только симъ выполняю взаимство, чтобъ препроводить возвращающагось къ Вамъ Г. Почеку, какъ былъ ко мнѣ отъ Васъ онъ присланъ. Я все въ ожиданіи нетерпѣливомъ пріѣзда Александра Николаевича, съ которымъ не получилъ чего либо новѣйшаго, а между тѣмъ, желая искренно, да застанетъ Васъ сіе въ самолучшемъ благосостояніи, я имѣю пріятный случай къ изъясненію непремѣннаго моего усердія и почтенія, съ которыми пребываю

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
27 Февраля.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Григорій Александровичъ!

Сими днями получилъ я письмо отъ Полковника, самаго Князя Кантемира, и его отца. Первый образомъ увѣдомительнымъ требуетъ, чтобы я позволилъ ему съ собою свиданіе, а послѣдній, въ видѣ соболѣзнующаго о нещастіи, приступаетъ ко мнѣ, и обоихъ ихъ есть намѣреніе, конечно, не другое, какъ чтобы согласить меня на совершенное освобожденіе отъ его заточенія. Что я имъ насказалъ, найдете Ваше Сіятельство въ копіяхъ, тутъ присоединенныхъ, такъ какъ и ихъ ко мнѣ отзывовъ. Я не могъ другова надъ то ничего придумать, ибо подлинно слухи, вѣроятія не недостойные, носятся между людей и нынѣ, что остается въ немъ еще корень прежняго принадка. Если жъ бы и того не было, то все мнѣ поступить на сіе не можно, поелику полкъ тотъ, а слѣдственно, и самъ онъ, вышли изъ моего распоряженія, и я по тому прошу разрѣшить прежнее повелѣніе и дать знать для переду, что отвѣчать мнѣ, если еще иногда дойдутъ въ подобномъ требованія.

По другому письму старика, отца его, я предаю просьбу разсмотрѣнію Вашего Сіятельства о переводѣ Вахмистра Нижегородскаго Карабинернаго полку, Панаіота Якума, въ новсформирующійся Украинской Гусарской полкъ, и чтобъ за тѣмъ оставить его при немъ.

Всегда буду непреложно сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

---

27 Февраля.

КАНТЕМИРУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Константинъ Антіоховичъ!

Вмѣстѣ съ письмомъ Вашимъ, получилъ я другое отъ сына Вашего, и, судя по времени и обстоятельствамъ, я, къ сожалѣнію, долженъ былъ ему сказать отвѣтъ противъ его желанія. Вы оной увидите въ приложенномъ тутъ спискѣ, и найдете, конечно, причины къ моему оправданію. Не рѣдко дѣла идутъ противу ожиданія; хотя желаніе мое къ тому и есть соразмѣрно особливому моему къ Вамъ почтенію и преданности непреложной, но необходимость требуетъ уступить времени, которое располагаетъ нами. Между тѣмъ скажу Вамъ, старому моему Другу, въ откровенность, молву людей посторонніхъ: нѣкоторые, и во многомъ числѣ, судятъ сына Вашего не совсѣмъ еще излѣчившагось отъ его припадка; и потому представте себѣ, сколь сильно приступитъ къ Вамъ воображеніе, влекущее съ собою въ слѣдъ горесть безконечную, если Вы, удаливъ его отъ очей своихъ, услышите о подобномъ гдѣ либо разговоры? Не лучше ли будетъ удержать его при себѣ еще нѣкоторое время, когда уже глазами прямыми можно будетъ въ немъ видѣть первобытное его состояніе? Вы отецъ сердобольный, пекущійся неусыпно о долѣ любезнаго Вамъ сына, а сего и довольно, чтобъ принять Вамъ мѣры, необходимо надобныя къ рас-

положенію на лучшее для него; что же до меня, то я, кажется, сообщилъ Вамъ уже все то, что внушаетъ мнѣ истинное къ Вамъ усердіе, съ которымъ пребуду я непремѣнно

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

---

27 Февраля.

КАНТЕМИРУ.

Государь мой,

Князь Дмитрій Константиновичъ!

Письмо Ваше, отъ 18-го сего мѣсяца, я съ особливымъ моимъ удовольствіемъ получилъ, и радуюсь лучшему здоровью Вашему. не меньше то ощущаю и въ семъ, что нахожу Васъ по оному среди Вашихъ домашнихъ, но не безъ сожалѣнія, однако жъ, долженъ Вамъ тутъ сказать, что весьма прискорбно мнѣ, что не могу назначить, ниже удѣлить пріятнаго мнѣ времени Васъ у себя видѣть въ сіе найпаче время, когда дѣла мои отзываютъ меня поминутно изъ мѣстъ сихъ.

Съ дороги, которая, по предположенному пути, весьма будетъ близка къ мѣстамъ, Вами обитаемымъ, я стараться буду замѣнить сію потерю, навѣстивъ Васъ въ деревнѣ Вашей; а между тѣмъ, принося симъ мою Вамъ благодарность за поздравленіе меня съ пріѣздомъ, оставляю я къ тому времени изъясненіе о признательности и почтеніи особливомъ, съ которыми никогда быть не престану

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 1-го.
Парафѣевка.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Всегда стараюсь я, коль можно только, удалять всякое ходатайство, которое влечетъ въ слѣдъ безпокойство и заботу людямъ, упраженнымъ многими дѣлами; но, бывъ убѣжденъ сильнѣйшею прозьбою Натальи Алексѣевны Пассековой, и моимъ собственнымъ къ ней признаніемъ, я препровождаю симъ къ Вамъ записку, отъ нея ко мнѣ доставленную. Сдѣлай, мой лучшій Пріятель, на мой щетъ, что либо для нея полезное, и вѣрь мнѣ, что я никогда не престану быть съ усердіемъ.

Марта 1-го.

ПАССЕКОВОЙ.

Милостивая Государыня моя,

Наталья Алексѣевна!

Съ сожалѣніемъ читалъ я письмо Ваше отъ 15 Февраля, и желая искренно Вамъ помочь, удовлетворяю требованію Вашему приложеніемъ тутъ письма къ Петру Васильевичу Г. Завадовскому. Я бы хотѣлъ слышать въ слѣдствіе того о перемѣнѣ дней Вашихъ на радостные, съ окончаніемъ всѣхъ, Вами претерпѣваемыхъ, безпокойствъ; ибо никто въ томъ, что къ Вамъ относится, столько участія не пріемлетъ, какъ пребывающій съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашъ покорнѣйшій слуга.

Марта 2.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Города Полтавы Войтъ Чорнышъ, желая доставить дѣтей своихъ въ Кадетскій Корпусъ, а болѣе изъ той причины, чтобъ имѣть честь видѣть Ваше Сіятельство, какъ начальника своего, схотѣлъ отправиться въ С.-Петербургъ, и проситъ моего къ Вамъ ходатайства. Я, знавъ сего человѣка усернымъ и годнымъ къ службѣ, со времени бывшаго моего управленія тамошнею стороною, препровождаю его симъ съ моею прозьбою о показаніи ему Вашего благосклоннаго и милостиваго пособія въ нуждахъ его.

Есьмъ непреложно сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
Марта 2.
Парафѣевка.

ТОЛСТОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Петровичъ!

Свидѣтельствую симъ Вашему Сіятельству признательнѣйшую благодарность мою за послѣднее письмо Ваше, и за присылку разныхъ сортовъ винъ, исправно ко мнѣ доставленныхъ, за кои надлежащія деньги не промину я доставить къ Вашему Сіятельству, переводомъ ли чрезъ Коммисаріатскую Коммисію, или инымъ удобнѣйшимъ случаемъ, по прибытіи моемъ въ Кіевъ. Къ сему присовокупляю еще всеприлѣжную мою прозьбу къ Вамъ, сдѣлать чувствительное мнѣ одолженіе, приказаніемъ сыскать въ Москвѣ, изъ приходящихъ туда на промыселъ изъ Ростова, человѣкъ пять искусныхъ огородниковъ, довольно свѣдущихъ въ произращеніи огородныхъ, до поварни принадлежащихъ, потребностей, и по отысканіи таковыхъ, договорясь съ ними на лѣтнее время, препроводить ихъ въ Глуховъ, снабдя и сѣменами разныхъ огородныхъ, для кухни потребныхъ, произращеній. Пребываю навсегда съ искреннимъ почтеніемъ.

1776 года,
Марта 5.

БЕЗБОРОДЬКУ.

Государь мой,

Александръ Андреевичъ!

По поводу, на сихъ дняхъ, мною полученнаго письма отъ Гр. Ходкевича, я имѣю необходимость спросить Васъ, кому поручили Вы мое письмо, пашпортъ и мундиръ, для доставленія его сыну? Находящіесь при мнѣ не имѣютъ о семъ ни малаго свѣдѣнія; и я по тому прошу Васъ прилѣжно о вышеписанномъ меня увѣдомить, и если бы въ случаѣ и понынѣ Вы того не отправили, то оное все прислать ко мнѣ съ первою оказіею, въ Кіевъ, гдѣ возьму я свое пребываніе. Благодаря при томъ Вамъ за письмо, отъ 15-го прошедшаго Февраля, и за доставленіе при ономъ закладной и векселя, пребываю съ моимъ къ Вамъ усердіемъ.

P. S. Я имѣлъ особливое удовольствіе видѣть Вашего дражайшаго родителя въ самолучшемъ состояніи здоровья; онъ меня одолжилъ своимъ посѣщеніемъ въ Вишенькахъ.

1776 года,
7 Марта.

Милостивый Государь мой,

Дмитрій Артамоновичъ!

По сосѣдству Вашему съ Г. Полковникомъ, Князь Дмитріемъ Константиновичемъ Кантемиромъ, не можетъ быть не извѣстно Вашему Превосходительству его состояніе, въ коемъ онъ нынѣ находится. Кровные его, которые найболѣе интересуются, пріемля въ жребіи его участіе, а особливо сестра его, Графиня Анна Родіоновна Чернышева, извѣщаютъ меня о совершенномъ выздоровленіи отъ его припадка, которымъ страдалъ онъ; но я имѣю напротивъ постороннія, не недостойныя вѣроятія, что онъ еще больше прежняго чувствуетъ болѣзнь, ему приключившуюсь; и потому не могучи ничего объ немъ опредѣлить, не знавъ навѣрно о положеніи

его, буду ожидать я отъ Васъ увѣдомленія, въ какомъ образѣ состоянія Вы его находите, чтобъ мнѣ было можно учинить сходные отвѣты къ разрѣшенію судьбы его.

Есмь съ непремѣннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14.

Преосвященнѣйшій Господинъ Епископъ Переяславльскій и Бориспольскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Принося симъ Вашему Преосвященству мою всепокорную благодарность за письмо Ваше, коимъ встрѣтили Вы меня почти уже въ границахъ Епархіи Вашей, я не стараюсь, Преосвященный Владыко, во изъявленіе найбольшей признательности къ Вашей благосклонности, испещрять сіе витійствомъ, расположенію моему совсѣмъ чуждымъ; ибо, питая въ себѣ безпредѣльную къ Вамъ преданность, сомнѣнія я не имѣю, чтобъ Вы могли когда либо обо мнѣ съ другой стороны помыслить, какъ не съ той, что я преисполненъ къ Вамъ истиннаго почтенія и непреложнаго усердія.

Въ ожиданіи для меня времени, когда могу я то засвидѣтельствовать Вамъ лично, препоручаю себя Архипастырскому Вашему благословенію, будучи, какъ и всегда,

Вашего Преосвященства

покорнымъ слугою.

1776 года,
14 Марта.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Между вещами, съ экипажемъ моимъ сюда доставленными, нахожу я, къ немалому удивленію, проспекты Константинополю

въ ящикѣ и съ надписью, объ отправленіи которыхъ, по письму Капитана Казачинскаго, съ приказанія моего къ Вамъ писанному, Вы его извѣщаете; и потому ожидаю я отъ Васъ, въ самоскорѣйшемъ времени, увѣдомленія, не сомнѣваясь, чтобы не записали Вы оные для памяти, какія именно они, на бумагѣ, или на полотнѣ? какими красками, масляными ли, или другими, писаны, и какъ одного и другаго длина и ширина? Пребуду я, впрочемъ, съ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14-го.

ПОТАПОВУ.

Милостивый Государь мой,

Иванъ Алексѣевичъ!

Видя изъ письма Вашего, ко удивленію, несогласіе и раздоръ надъ завѣщаніе покойнаго Вашего тестя, Антона Степановича, отъ его сына послѣдовавшіе, я не могъ больше Вамъ пособить въ семъ, какъ только, что права сего края позволяютъ. На томъ самомъ основаніи далъ я теперь мои повелѣнія въ тѣ мѣста, гдѣ быть можетъ расправа, чтобъ, во удовольство обидимой стороны, учинено было, въ сходство оныхъ, надлежащее рѣшеніе. А потому хотѣлъ бы я слышать, чтобъ дѣла Ваши, когда не миролюбно, къ взаимнымъ пользамъ, то хоть, принявъ на себя другой видъ, въ окончаніи самоскорѣйшемъ, на пользу Вашу, послужили. Желая впрочемъ, всеискренно, да застанетъ Васъ сіе въ самолучшемъ здоровьи и благосостояніи, имѣю для себя особливое удовольствіе при семъ случаѣ ко изъявленію тутъ непремѣннаго моего къ Вамъ почтенія, съ которымъ пребываю

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14 дня.
Парафѣевка.

ЕВДОКИМУ СТЕПАНОВИЧУ ПРОСТОКВАШИНУ.

По обѣщанію Вашему, ожидаю я и понынѣ щетовъ о расходахъ, Вамъ извѣстныхъ, и оные не въ другомъ какомъ либо намѣреніи хочу я имѣть, но чтобъ, сочтя въ сіе время, когда я проживаю въ деревнѣ, можно мнѣ было въ расположеніи поставить что ни будь точное. Стужать, однако жъ, о семъ не надобно, чтобъ иногда не приняли сего въ другомъ разумѣ, и не подумали бы, что я не додаю вѣры, о чемъ и на мысль никогда мнѣ не всходило. Изъ моихъ денегъ, въ содержаніи Вашемъ имѣющихся, прошу Васъ прислать ко мнѣ съ первою оказіею, или и съ нарочнымъ, двѣ тысячи рублевъ, а письма, при семъ слѣдуемыя, отослать по надпису съ первою почтою. И если бы Графъ Яковъ Александровичъ находился еще и по сю пору въ Москвѣ, то въ сіе мѣсто адресовать, когда же отсель отъѣхалъ въ С. Петербургъ, то о немедленномъ туда доставленіи попросить Г. Пестеля, Московскаго Почтъ-Директора.

Никогда не престану я быть съ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14 дня.
Парафѣевка.

БРУСУ.

Милостивый Государь мой,
Яковъ Александровичъ!

Пользуясь всепріятнѣйшимъ отзывомъ Вашимъ, сопровождавшимъ прозьбу Калужскаго Купца, Чурикова, сдѣлалъ я все то, что можетъ служить къ законному удовлетворенію его претензіи.

Въ Москвѣ ли, или въ Санктпетербургѣ, нынѣ пребываніе Ваше, вездѣ желаю Вашему Сіятельству всевожделѣннаго и пріятнѣйшаго, а мнѣ найбольшимъ будетъ утѣшеніемъ и удовольствіемъ слышать, а паче отъ Васъ самаго получать увѣдомленія о здоровьѣ Вашемъ, пребывающему съ непремѣннымъ усердіемъ и высокопочитаніемъ.

1776 года,
21 Марта.

Милостивѣйшая Государыня Матушка!

Видѣвъ изъ милостивѣйшаго Вашего, благополучное пребываніе Ваше, возсылаю я мои молитвы ко Всевышнему, да продолжится оное, при самолучшемъ благосостоянiи и цѣлости здравія, до самопозднѣйшихъ временъ, къ обрадованію тѣхъ, изъ которыхъ благоволенія Вашего прося, повергается къ ногамъ Вашимъ

Вашъ вѣрный и покорнѣйшій сынъ.

---

21 Марта.

ЛЕОНТЬЕВОЙ.

Матушка Сестрица, Катерина Александровна!

Пріятнѣйшее письмо Ваше получилъ, и щитая по времени, полагаю быть уже Вамъ конечно на пути и въ дорогѣ, которую Вамъ совершить безъ малѣйшаго безпокойства я всеискреннѣйше желаю. Продолжайте, Матушка Сестрица, увѣдомлять меня о своемъ здоровьи, которое весьма для меня дорого, и подавать мнѣ случай во изъявленіе непреложнаго моего усердія и истинной преданности, съ которыми пребываю во всѣ я дни жизни искренно Васъ любящимъ и почитающимъ, вѣрнымъ братомъ и слугою.

1776 года,
Марта 21.
Парафѣевка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Писалъ я, отъ 20 Февраля, что въ дни моей болѣзни въ Молдавіи, отправленной экипажъ мой былъ разбросанъ на многія части и безъ всякаго порядка. Но, вседражайшій мой Другъ, по дошедшимъ къ тебѣ проспектамъ, долженъ ты былъ заключить, что я понынѣ въ безпрерывной горячкѣ, но навѣрно полагаю, что ты не посрамилъ меня, и удержалъ ихъ у себя безъ поднесенія, узнавъ въ томъ, конечно, ошибку, которую я узналъ по росписи

вещамъ нѣкоторымъ, ко мнѣ доставленнымъ; и теперь посылая съ симъ нарочнаго, и препоруча уже своими руками, покорнѣйше прошу, мой вседражайшій Графъ, поднести ихъ, какъ въ предъидущемъ моемъ просилъ уже я Васъ, а сію ошибку причесть къ неудобности, свои дѣла чрезъ другихъ дѣлать. Хотя я сіе отправленіе препоручилъ, по мнѣнію моему, сдѣлать одному знатоку, но вмѣсто тѣхъ, посланы къ Вамъ, не знаю, какіе, а слышу, что печатные, не Рембургскіе: то, можетъ быть, каменнаго мосту, снятые у кого ни будь изъ людей моихъ, бывшіе на стѣнахъ. Мои силы весьма слабѣютъ, а что здоровья — я и вовсе уже не знаю. Время здѣсь такъ дурно, какъ среди зимы не было.

До послѣднихъ дней буду сердцемъ и душею преданнѣйшимъ слугою.

1776 года,
21 Марта.

ЖУКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Афанасій Семеновичъ!

Польской службы Поручикъ Журавинскій и Товарищъ Луканской, присланы ко мнѣ съ рекомендаціею отъ Г. Гетмана Графа Браницкаго, который, между прочимъ, просилъ меня о пособіи въ снабдѣніи ихъ огнестрѣльнымъ и другимъ оружіемъ, къ украшенію и на самое дѣло военному человѣку служащимъ. Я, по надеждѣ на благосклонность Вашу ко мнѣ, провождаю оныхъ симъ къ Вашему Превосходительству, прося удовлетворить желанію ихъ, въ одолженіе мнѣ собственное, и для заохочиванія и другимъ впредь покупку дѣлать изъ нашихъ фабрикъ, если не было у Васъ каковыхъ либо инструкцій или указъ въ противномъ, касательно иностранцевъ; а между тѣмъ пользуясь случаемъ, увѣряю Васъ въ почтеніи истинномъ и усердіи непремѣнномъ, съ которыми всегда пребываю.

Марта 21,
1776 года.

САЛТЫКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Николай Ивановичъ!

Присоединяю у сего къ Его Императорскому Высочеству мое письмо, которое содержитъ въ себѣ предувѣдомленіе о навербованныхъ въ полкъ его Кирасирской изъ Малороссіянъ, по коммисіи, милостивѣйше на меня въ томъ возложенной, и лаская себя Вашею для меня всепріятѣйшею дружбою, я прошу всепокорно Ваше Высокопревосходительство оное поднесть; а между тѣмъ пользуясь симъ случаемъ, употребляю я для себя оной на увѣреніе о преданности неограниченной и почтеніи истинномъ, съ коими никогда быть не престану.

1776 года,
Марта 21.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

При настоящемъ отправленіи куріера, не имѣю новаго сообщить Вамъ въ семъ разѣ, какъ что здѣсь весна коснулась зимы слегка, а сія послѣдняя свое беретъ на ней со всѣми почестями, и мы теперь уже третій день въ заметѣ снѣжномъ сидимъ; а по сей новости вообразите себѣ мою старость и изнеможеніе, и судите, каково мнѣ при жестокой бурѣ и метели въ деревнѣ и почти безвыходно въ избѣ, гдѣ мнилъ я толь многія утѣшенія найтить, да и нѣкоторыя новыя искать. Теперь не знаю, могу ли скоро быть въ Кіевѣ для дѣла, а въ Гомель и Топаль почти не думаю; и ежели все пойдетъ моему здоровію такъ вопреки, то и я принужденъ буду послѣдняго пособія цѣлительныхъ водъ коснуться.

Графъ Кирилла Григорьевичъ, 17, меня посѣтивъ, поѣхалъ въ Кошары, на свой конной заводъ, куда и я 18-го дня, какъ въ день его имянинъ, чрезъ силу, ѣздилъ. Тутъ я увидѣлъ, что всякой его хуторъ составляетъ мою волость, а волость все имѣніе. Не завидуя, но удивляясь, размышлялъ, сколько разнствуютъ способы, коими люди доходятъ до почестей и имѣній, и какъ не равно одинъ и другой оными пользуются. Онъ печется о своемъ, и веселится

о себѣ. Но какъ всякому свое опредѣлено, то тутъ и надобно быть, ежели не философомъ, то, какъ Панглосомъ, всѣмъ довольнымъ, абы быть хоть здоровымъ. Я послѣдняго Вамъ, какъ существа всякаго благополучія, усердно желая, буду всегда съ непремѣнною преданностію.

покорнымъ слугою.

НАСЛѢДНИКУ.

Милостивѣйшій Государь!

По возложенной Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ на меня коммисіи, хотя въ краю семъ простаго стану обыватели, по нѣкоторымъ предразсужденіямъ о регулярствѣ, и подали было съ начала причину сомнѣваться въ успѣхѣ, но титло полку и Высокаго онаго Шефа, въ который оныхъ пріохочивать я Полковникамъ препоручилъ, кромѣ всѣхъ другихъ, достаточно было къ возбужденію въ нихъ ревностнаго желанія; и я имѣю щастіе предварительно увѣдомить, что близъ ста человѣкъ росту и фигуръ довольно хорошихъ и лѣтъ ниже среднихъ пріискано, изъ коихъ нѣкоторые ищутъ сами представить себя на службу Вашему Императорскому Высочеству изъ Канцеляристовъ Малороссійской Коллегіи, которые на мѣста унтеръ-офицерскія имѣютъ и способность и достоинство. Я препоручилъ и Слободскому Губернатору постараться къ благоугодности Вашего Императорскаго Высочества, какъ тамъ люди извѣстно рослые, пріохотить. Остается только Вашему Императорскому Высочеству указать мнѣ, до какого числа оное вербованіе распространить, и всѣхъ ли вдругъ, или по частямъ, отправить?

Несказанное признаніе къ милости и благоволенію Вашего Императорскаго Высочества въ душѣ моей ощущая, повергаю себя къ ногамъ Вашимъ и во всѣ дни жизни со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ пребуду

Вашего Императорскаго Высочества
всенижайшій рабъ
Г. Р. З.

Парафѣевка.
21 Марта,
1776 года.

Отправлено съ переводчикомъ Квасовымъ.

Марта 23 дня.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Сего вручитель, Г. Подполковничъ Таубе, служа въ войну послѣднюю въ арміи моего предводительства, кромѣ усердій и ревности, кои его отличали отъ многихъ, въ дѣлѣ одномъ, гдѣ сдѣлалъ онъ сильной отпоръ непріятелю, на него стремившемусь, получилъ всеобщую похвалу и благопризнаніе. Онъ ищетъ теперь Всемилостивѣйшаго пожалованія въ Лифляндіи деревни на аренду; и я его провождая симъ къ Вашему Сіятельству, совмѣстно съ должностію моею нахожу присовокупить мое въ томъ свидѣтетьство и всепокорную прозьбу о благосклонномъ и милостивомъ пособіи къ снисканію справедливо ему принадлежащаго, пребывая, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

1776 года,
Марта 26.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Дражайшее письмо твое, отъ 16-го, мой милостивый и вседражайшій Другъ, я съ особливымъ порадованіемъ получитъ честь имѣлъ, и благодаря найпризнательнѣйше за твое соболѣзнованіе о моихъ припадкахъ, вопреки желаю тебѣ всѣхъ и всякаго благоденствія, а здоровья, какъ существа онаго.

Сими днями посѣтилъ меня Г-нъ Староста Жмудской, Графъ Ходкевичъ, и при случаѣ сего отправленія просилъ препроводить къ Вамъ его письмо, у сего присоединенное. Между прочимъ онъ просилъ меня его медленность Вамъ изъяснить: онъ ни письма моего, ни пашпорта не получалъ, которые отдалъ на руки Г. Полковнику Александру Андреевичу Безбородку, для отправленія къ нему. Писалъ уже я о семъ къ нему, чтобъ увѣдомилъ, но еще не имѣю отповѣди, и, сомнѣвась въ отысканіи всего того, прошу Ваше Сіятельство сдѣлать мнѣ милость и приказать на мѣсто, можно

сказать, потеряннаго, дать другой такой же паспортъ, и прислать оный ко мнѣ, для отдачи его сыну.

По дѣламъ, тебѣ извѣстнымъ, мой вседражайшій Графъ, хотѣлось бы мнѣ имѣть въ сіе время поближе Матвѣя Васильевича Муромцова. Сохраню я непреложно во всѣ дни жизни всесовершеннѣйшее признаніе и благодарность, и пребуду сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
26 Марта.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не имѣвъ ничего сообщить Вамъ новаго въ семъ разѣ, я довольствуюсь симъ случаемъ препроводить только къ Вамъ письмо Графа Ходкевича, который посѣтилъ меня сими днями и просилъ о томъ при настоящемъ отправленіи. А между тѣмъ, пожелавъ Вамъ подходящіе дни празднества и многіе будущіе, препроводить въ помыслныхъ удовольствіяхъ и преуспѣяніяхъ, наконецъ удостовѣряю я Васъ въ истинномъ усердіи, съ коимъ никогда быть не престану

всепокорнымъ слугою.

P. S. Онъ ни паспорта, ни кафтана для сына своего, которые я къ пересылкѣ отдалъ Александру Андреевичу, не получалъ. Послѣ письма, съ Алеск. Нико. я отъ Васъ не имѣю.

1776 года,
Марта 26.

Милостивая Государыня Матушка!

Днемъ великой для меня радости, тезоименитства Вашего, и подходящими праздника Воскресенья Христова, Спасителя нашего, я нижайшее Вамъ поздравленіе симъ приношу, желая въ оныхъ и премногихъ будущихъ самолучшаго благосостоянія, удовольствія и здоровья за предѣлъ самопозднѣйшій, къ обрадованію повергающагось къ ногамъ Вашимъ и испрашивающаго Вашего благословенія,

вѣрнаго и всепослушнаго сына.

---

26 Марта.

МЕЩЕРСКОМУ.

Государь мой и Вселюбезный братъ, Князь Петръ Васильевичъ!

Отпущенное Ваше, отъ 15-го сего мѣсяца, ко мнѣ не дошло; а послѣдніе, отъ 17, я получилъ, и узнавъ изъ онаго о кончинѣ батюшки Вашего, соболѣзную сердечно съ Вами о сей послѣдовавшей дому Вашему неоплаканной печали, желая, чтобы Всевышній, посѣтивъ Васъ симъ злоключеніемъ, подалъ Вамъ и силы къ великодушному сего перенесенію, и да наградитъ текущее время дому Вашему единодушіемъ и всѣми преуспѣніями. А касательно изъясненія въ письмѣ Вашемъ о деньгахъ, отъ Полковника Бабарыкина вошедшихъ, и отъ другихъ дебиторовъ дому Вашему, по закладнымъ принадлежащихъ, не сумнюсь я, что и безъ моего наставленія, собственное Ваше благоразуміе и усердіе къ кровнымъ, руководствомъ Вамъ будетъ къ принятію лучшихъ мѣръ на пользу Вашу общую. А я въ семъ пунктѣ донынѣ сохраняя благопристойность, не могу нарушить оной, и опасаюсь равномѣрно нареканія, и, чтобы не поступать иногда несогласно съ пользою Вашею общею, удерживаюсь дать мое разрѣшеніе, и не вѣдавъ ничего о завѣщаніи покойнаго. Впрочемъ, во всѣхъ зависящихъ отъ меня случаяхъ, я всегда не престану показывать Вамъ усердныя мои услуги.

Вселюбезнымъ сестрамъ и братьямъ, буде кто изъ нихъ есть въ Москвѣ, свидѣтельствую поклонъ мой, пребывая навсегда съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 27-го.

КНЯЗЮ МИХ. НИКИТИЧУ ВОЛКОНСКОМУ.

Пользуясь настоящимъ отправленіемъ куріера, я обращаю сей случай пріятнѣйшій для меня преподать Вамъ, мой вселюбезнѣйшій и вседражайшій Братъ и Другъ, удостовѣренія мои о

непреложномъ и всесовершеннѣйшемъ усердіи, которое со временъ давныхъ я къ Вамъ питаю; а между тѣмъ усугубляя всеприлѣжныя мои прозьбы о напамятованіи прежнихъ относительно домашнихъ моихъ обстоятельствъ, заклиная Васъ мнѣ вѣрить, что я во всѣ дни жизни съ безпредѣльною преданностію буду.

1776 года,
Марта 28-го.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Иванъ Петровичъ!

Коль скорое, столь и ясное, имѣю уже я отъ Васъ объясненіе, въ слѣдствіе предшедшаго моего, о дорогахъ въ садахъ во вкусѣ Англійскомъ описаніе, которое получилъ я при всепріятнѣйшемъ Вашемъ, отъ 18-го Марта. Благосклонное Ваше пріятіе есть изъ первыхъ побудительныхъ причинъ, что я иногда наношу Вамъ докуки, и тоже самое настоящей. Я, имѣя всю нужду къ окончанію своихъ начатыхъ домовъ въ двухъ человѣкахъ, одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусъ алфреско, и другой умѣлъ золотить, всеприлѣжно и всепокорно прошу Васъ, любезный мой Другъ, употребить свое посредство къ пріохочиванію сихъ художниковъ изъ подкомандныхъ Вашихъ, хотя на два, или на три, мѣсяца, и, договоря ихъ, сего вручителю, Г. Маіору Бессину, оставленному мною въ Москвѣ для нѣкоторыхъ коммисій, отдать, которымъ дальшее отправленіе я ему препоручилъ.

Брюсьте, хотя на минуту, Вашъ взоръ, на мою Подмосковную, и укажите тамъ, что Вы сходственно съ натурою, по Вашему вкусу, опредѣлите, и сообщите о томъ всепризнаніе къ благодѣніямъ Вашимъ имѣющему и пребывающему всегда въ совершенной преданности

покорнымъ слугою.

28-го Марта.

ВЕЛИКАЙЛОВУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Михайловичъ!

Въ настоящемъ положеніи имѣя здѣсь нужду въ двухъ человѣкахъ, одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусъ алфреско, а другомъ, золотить умѣющемъ, къ благосклонности Вашей, какъ къ лучшей моей въ томъ подпорѣ, прибѣжище беру и всепокорно прошу, чтобъ изъ между Вашихъ собственныхъ, или въ вѣдѣніи состоящихъ, одного договоря на точную цѣну, отдать сего вручителю, Маіору Бессину, оставленному мною въ Москвѣ для нѣкоторыхъ коммисій, которыхъ дальшее отправленіе препоручилъ я ему. Пребуду въ ожиданіи всеприятнѣйшаго Вашего увѣдомленія съ тѣмъ почтеніемъ и усердіемъ, съ коими всегда непремѣнно есьмъ

Вашего Превосходительства

---

28 Марта,
Парафѣевка.

БЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

При семъ слѣдуютъ два мои письма къ Князю Ивану Петровичу и Михайлѣ Михайловичу. Они содержатъ въ себѣ прозьбу о двухъ человѣкахъ: одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусъ алфреско, а другой, чтобъ зналъ хорошо золотить. Вы, удержавъ послѣднее, съ первымъ съѣздите къ Князю, и когда будетъ ему возможно удовлетворить прозьбѣ моей, то другое оставить безъ отсылки, и прислать обратно ко мнѣ. Если жъ сему, по какой либо причинѣ, трудно будетъ оную выполнить, въ такомъ случаѣ доставить оное по надписи, и просить объ оныхъ; и за полученіемъ испрося отъ Князя Михайла Никитича Волконскаго подорожнюю до мѣста пребыванія моего, и истребовавъ отъ моей домовой конторы, изъ тамошнихъ доходовъ, потребное число на прогоны денегъ, препроводить ихъ ко мнѣ. Есьмъ съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

---

28 Марта.
Парафѣевка.

Государь мой,

Игнатій Ивановичъ!

Съ того самаго дня, какъ Вы отъ меня поѣхали, и понынѣ не имѣю я ни отколь свѣдѣнія, каковыми нашли Вы тамошнія мѣста, къ постановленію въ лучшей удобности судовъ полезныхъ и увеселительныхъ; и въ ожиданіи по сему Вашего увѣдомленія, хотѣлъ бы я, чтобъ оное было при персональномъ Вашемъ сюда прибытіи, гдѣ имѣю я въ Вашемъ присутствіи нужду, а потому, ожидая Васъ въ семъ мѣстѣ, сокращаю сіе истиннымъ увѣреніемъ, что я всегда съ усердіемъ

доброжелательной слуга.

P. S. Для проѣзду Вашего прилагаю при семъ подорожную, въ которой надобное число лошадей, на оставленномъ мѣстѣ, вписать можете.

---

28 Марта.

АСТАФЬЕВУ.

Государь мой,

Александръ Николаевичъ!

Отправляя куріера въ Москву, хочу я дать ему коммисію искупить сукна и позумента для людей моихъ; но какъ тѣ купцы, отъ которыхъ получали Вы все то, никому здѣсь не извѣстны, то по тому прошу, коль скоро возможно, меня увѣдомить о именахъ ихъ, и гдѣ имѣютъ они тамъ свои домы; а между тѣмъ съ симъ же доставить и щеть, колико аршинъ или локоть употреблено на скороходское платье и шапки, и на парадную ливрею сукна и позументу, различа порознь каждую пару, и во сколько оная обошлась, и именовать мастера, кто шилъ. Я по сей причинѣ удержалъ и куріера, не посылая онаго дальше, и въ ожиданіи отъ Васъ увѣдомленія о вышесказанномъ, есьмъ, впрочемъ, какъ и всегда

P. S. За худою погодою и нелучшимъ здоровьемъ, не могу такъ скоро въ Кіевѣ быть.

1776 года,
28 Марта.
Парафѣевка.

ВЛАНКУ.

Государь мой,

Карлъ Ивановичъ!

Благодарю всепризнательно за присылку ко мнѣ записки, какъ чистить полы, и плановъ дому моему въ Кайнарджѣ. Я, экономизируя между тѣмъ въ расположеніи онаго, сдѣлалъ ему планъ, при семъ прилагаемый, но не съ тѣмъ, однако жъ, чтобъ соблюсть во всемъ его точность: ибо тутъ могутъ сыскаться индѣ двери, или окошко въ такомъ мѣстѣ, котораго нарушить, безъ крайнего поврежденія стѣнъ, не можно, но чтобъ, примѣнясь настоящему его основанію, опредѣлить что либо противъ сего сходное, и на то дать свое мнѣніе.

Г. Замятину, моему секретарю, которому препоручилъ я списать всѣ мои земли и лѣса въ Кайнарджѣ и въ окрестностяхъ тамошнихъ, естьли будетъ въ томъ надобность, чтобъ препоручить смотрѣніе за домомъ и инымъ чѣмъ, можете сдѣлать на надобный случай наставленіе, чего ему всего больше надзирать надобно.

При письмѣ Вашемъ я имѣлъ особливое удовольствіе получить и другое отъ сына Вашего, которое читая, и вспомнивъ слова Ваши, что успѣваетъ онъ въ дѣлѣ своемъ, не довольно быть Вамъ помощникомъ, но и такимъ, который уже и безъ совѣта по оному приступить можетъ; не зная, что мнѣ заключить относительно Вашихъ, въ разсужденіи его, расположеній: хотите ли Вы его опредѣлить въ семъ искуствѣ, или другое для него избираете, и потому ожидая отъ Васъ увѣдомленія, чѣмъ могу я ему служить, пребываю между тѣмъ, какъ и всегда,

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 28-го.
Парафѣевка.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Александръ Александровичъ!

Всепріятнѣйшія Ваши, къ особливому моему удовольствію, я получилъ; но будучи не въ состояніи собою удовлетворить въ томъ же самомъ разѣ требованію Вашему, касательно переводу Подпоручика Ловцева, писалъ я о выключкѣ онаго изъ полку, къ Князю Михайлѣ Никитичу, и за согласіемъ его на то, не оставлю дать въ то время мое повелѣніе, въ слѣдствіе Вашего ожиданія.

Жалѣю безмѣрно, что въ честь Вамъ пожалованныхъ имѣній, не вошло ни увеселительнаго, ни полезнаго; тутъ образъ милости Высочайшей, съ какимъ оное намъ жалуется, награждать долженъ естественные тому недостатки. Отвѣчая сдѣланной мнѣ довѣренности чистосердечною искренностію, открою Вамъ мои мысли относительно желанія Вашего имѣть часть земель въ Губерніи Азовской, что гдѣ есть желаніе имѣть поселянъ, и чрезъ что существуетъ польза отечества, тамъ подобнаго качества владѣльцы, какъ Ваше Сіятельство, могутъ споспѣшествовать весьма желанію и пользѣ Государственной; а потому, кажется, нѣтъ и мѣста ни малѣйшему нареканію, или злословію, и Вы, конечно, съ стороны сей можете поступить безъ всякаго предразсужденія.

Всегда я есьмъ съ совершенною преданностію и почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
29 Марта.

Государь мой,

Евдокимъ Степановичъ!

Въ слѣдствіе моего, отъ 25 прошедшаго Февраля, прошу Васъ при настоящемъ отправленіи Его Имнераторскаго Величества Кирасирскаго полку Ротмистра Камарашева къ полку съ набранными рекрутами, счесть на надобные въ пути расходы для заплаты про-

гонныхъ денегъ, въ случаѣ иногда имянія подводъ подъ больныхъ и другія для равнаго же употребленія, и отпустивъ ему въ потребномъ числѣ оные изъ моихъ собственныхъ, въ Вашемъ содержаніи имѣющихся, съ роспискою, а сколько выдано будетъ, мнѣ дать знать. Пребываю, впрочемъ, съ непреложнымъ усердіемъ.

1776 года,
Марта 29.

ЮРКЕВИЧУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Отецъ Андрей Санборской, сего вручитель, особливо бывъ мнѣ усернымъ, схотѣлъ принять на себя трудъ заѣхать въ Вишеньки, и осмотрѣть всю тамошную окрестность, дабы подать мнѣ потомъ свои идеи въ разсужденіи ситуаціи тамошней, къ положенію во вкусѣ чего ни будь точнаго. И я, пріемля не безъ признательности добрую его въ томъ волю, провождаю его симъ къ Вамъ, съ тѣмъ, чтобы Вы показали ему все то, въ чемъ больше нужно ему имѣть примѣчаніе по мѣсту тамошнему для выгодъ и увеселенія хозяину, и угостили такъ, какъ весьма пріятнаго мнѣ человѣка. Есьмъ Вамъ и всегда

доброжелательнымъ слугою.

---

29 Марта.
Парафѣевка.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой,

Яковъ Никитичъ!

Въ числѣ другихъ Польскихъ плановъ, кои ко мнѣ сюда доставлены, не находя Повонскаго съ ситуаціею, и дому Повонскаго съ переправленнымъ Мукатова, и церкви, прожектированной Польскимъ Офицеромъ, я ожидать тутъ буду оныхъ присылки, а между тѣмъ и увѣдомленія, за какими матеріалами пріостановилась передѣлка потолковъ, колико оныхъ къ тому и на другія надоб-

ности недостаетъ, и что оныхъ въ наличности, и какихъ именно, прося приложить при томъ и свой проектъ на дворъ и садъ Кочуровской. Впрочемъ, я пребываю

Вамъ доброжелательнымъ.

1776 года,
31 Марта.

ЧЕРНЫШЕВОЙ.

Милостивѣйшая Государыня моя,
Графиня Анна Родіоновна!

Ваше Сіятельство благосклонно мнѣ препоруча стараться, по обстоятельствамъ, относительнымъ до дражайшаго Вашего братца, отдаете справедливость моему искреннему желанію Вамъ мои услуги оказывать.

Я навѣдаться не замедлилъ скоро по моемъ сюда прибытіи, и отъ него самаго удовольствіе особое имѣлъ получить письмо, гдѣ онъ, объявляя мнѣ свое выздоровленіе, обнадеживаетъ меня своимъ посѣщеніемъ; но какъ я на то время не могъ себѣ опредѣлить пребыванія, то ласкалъ себя, сближась съ его жилищемъ, тѣмъ удовольствіемъ пользоваться.

Скоро потомъ подошло, и Вамъ конечно извѣстное опредѣленіе его въ Рязанской полкъ, который состоитъ въ дивизіи Вашего вседражайшаго Графа супруга, о чемъ я тогда жъ ему далъ знать, и онъ, конечно, не укоснится, ежели уже не явился, предстать своему настоящему командиру, а тутъ, ко взаимному Вашему удовольствію, и съ Вами видѣться.

Поспѣшая о семъ Васъ увѣдомить, прошу быть увѣренными о совершеннѣйшемъ почтеніи, съ которымъ непреложно пребываю.

1776 года,
31 Марта.

КАНТЕМИРУ.

Милостивой Государь мой,
Князь Константинъ Антіоховичъ!

Сими днями получилъ я изъ Коллегіи Указъ о опредѣленіи сына Вашего въ Рязанской Карабинерной полкъ, и радуясь тому

всеискренно, чтобъ поспѣшить прервать Вашу грусть въ разсужденіи разрѣшенія его судьбы, далъ я въ то же самое время мое повелѣніе въ полкъ для препорученія ему онаго, но на случай иногда сего потери, пріобщаю тутъ дупликатъ, котораго содержаніе увидите Вы изъ присоединяемой здѣсь копіи. А между тѣмъ обращаю сей случай, для себя собственно найпріятнѣйшій, что могу служить давно Вами ожиданною вѣстью, пріемля съ своей стороны въ сорадованіи Вашемъ истинное участіе, которое во всемъ, касающемся Васъ, я всегда сохраняю съ тѣмъ непреложнымъ усердіемъ и почтеніемъ, съ которыми никогда не престану быть

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
31 Марта

КАНТЕМИРУ.

Государь мой,

Князь Дмитрій Константиновичъ!

Имѣя удовольство сообщить Вамъ, что Вы, настоящимъ опредѣленіемъ въ Рязанской Карабинерный полкъ, входите въ Дивизію Его Сіятельства, Графа Захара Григоріевича, радуюсь я сему искренно, что Вы имѣете и случай къ близкому пребыванію съ кровными своими, особливаго усердія къ Вамъ преисполненными, изъ которыхъ сестрица Ваша, Графиня Анна Родіоновна, найпаче пріемлетъ въ Васъ участіе. Въ заключеніе, желая Вамъ помысльнаго здравія и благосостоянія, сокращаю сіе мое истиннымъ увѣреніемъ, что я всегда съ непремѣннымъ почтеніемъ и усердіемъ

Вашего Сіятельства

покорный слуга.

1776 года,
Апрѣля 1-го.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Кириллъ Григорьевичъ!

Благодарю всепокорно Вашему Сіятельству за присылку, при благосклонномъ письмѣ, садовника. Онъ объѣхалъ положеніе сихъ мѣстъ, и по своему искуству находитъ удобными къ обращенію на вкусъ Англійской; найдется ли, однако, во мнѣ Англичанинъ относительно издержекъ, въ томъ мы еще не снеслись и не сочлись; а думаю, что надобно будетъ, сообразно одному и другому, поступить и смѣшать Русское съ Англійскимъ. Но главный пунктъ, зависимой точно отъ Вашего Сіятельства, Вамъ и разрѣшить надобно: можетъ ли онъ иногда отлучаться для надзиранія за производствомъ своего плана, и на то мнѣ дать свое соизволеніе.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ адресованныя на имя Ваше письма не представлялись Вашему Сіятельству отъ Батуринскаго Правленія, въ слѣдствіе повелѣній моихъ, данныхъ Почтовымъ Правленіямъ.

Надходящими днями праздника Воскресенья Спасителя нашего, усердно поздравляю Ваше Сіятельство, и желая всеискренно Вамъ со всѣми дражайшими домашними, которымъ мое почтеніе свидѣтельствую, навсегда и вездѣ всѣхъ удовольствій и самолучшаго здоровья, какъ существа всякаго добра, пребуду съ совершеннѣйшею преданностію и искреннимъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

Апрѣля 1-го.

КОНДРАТЬЕВУ.

Государь мой,

Андрей Андреевичъ!

Благодарю признательно за удѣлъ изъ Вашей охоты четырехъ лебедей; и льстя себя сею Вашею благосклонностію, я смѣю просить Васъ, если тѣмъ не оскудѣетъ онан, прислать ко мнѣ та-

ковыхъ же и въ Кочуровку, не въ дальнемъ отстоянiи отъ Глухова положенiе имѣющую, сколько за благо Вы разсудите. Поставляя всякое меня одолженiе въ прямую цѣну, пребуду къ Вамъ съ искреннимъ усердiемъ

покорнымъ слугою.

Апрѣля 1-го

ИВАНЕНКУ.

Государь мой,

Григорiй Григорьевичъ!

Благодарю признательно за Ваше меня поздравленiе съ надходящимъ праздникомъ и за всѣ деликатности, коими Вы меня обослали въ деревнѣ. Первое обращая къ Вамъ съ искреннимъ желанiемъ въ дняхъ онаго всякаго Вамъ удовольствiя по мысли, оставляю я въ послѣднемъ ко времени, когда буду имѣть случай быть въ деревнѣ и въ домѣ Вашемъ, засвидѣтельствовать персонально, колико чувствителемъ я ко всякому меня одолженiю, къ которому не угаснетъ никогда то усердiе, съ коимъ пребываю

покорнѣйшiй слуга.

P. S. Любезной Вашей супругѣ, при засвидѣтельствованiи моего почтенiя, усердное поздравленiе приношу.

1776 года,
10 Апрѣля.
Парафѣевка

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Я много безпокоюсь, не имѣвъ отъ Васъ ни строки. Послѣдній пріѣзжій Князь Прозоровскій сказалъ мнѣ, что Вы немного занемогли при отъѣздѣ его, и затѣмъ писать отложили. Я сердечно желаю, чтобы лучше Вамъ времени недостало, нежели здоровья; я теперь отъ дня въ день больше познаю его цѣну надъ всѣмъ.

Гаданiе мое сбылось: Губернiя и Генералъ-Губернаторъ не признаютъ отдачу сообразно съ Указомъ, и я осмѣлился адресоваться прямо къ Государынѣ и письмо къ Вамъ влагаю. Сдѣлайте

Вы въ подачѣ его, какъ найлучше разсудите: собой ли, или чрезъ Графа Григорія Александровича, къ коему я тутъ же письмо включаю, и ежели Вы послѣднее изберете приличнѣйшимъ, то отдайте сыну, чтобы онъ ему подалъ.

Съ вчерашняго дни началась только весна, ежели она надъ зимой превозможетъ, потерпѣвши отъ нея чувствительно для насъ всѣхъ. Здоровье мое требуетъ великой починки, но не знаю, откуда зачать, съ ногъ ли, или головы, и чему дать отдохновеніе и пособіе? При всей слѣпотѣ дѣлать, и при всей въ ногахъ слабости ходить хочется. Соковъ употребленіе мнѣ не дается, пора ихъ не сходствуетъ съ погодою; а въ семъ обстоятельствѣ говоритъ и Брозинъ, что не принесутъ оные пользы; и такъ проживать послѣднія дни, какъ ни будь, или, лучше сказать, какъ Богъ велитъ.

Скажите про себя хотя словцо, искренно Вамъ доброхотствующему и покорному слугѣ.

---

10 Апрѣля.
Парафѣевка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Съ одной стороны безпокоя тебя, вселюбезнѣйшій мой Другъ, толикократно, опасаюсь, чтобъ не наскучить, съ другой, знавъ тебя толико же благодѣтельствующимъ мнѣ, надѣюсь, что моя прозьба найдетъ благопріятіе, провождаю симъ мое всеподданнѣйшее къ Ея Императорскому Величеству. Оно содержитъ въ себѣ прозьбу о утвержденіи владѣнія моего въ Бѣлороссіи по отдаточной описи, чего Губернія и Генералъ-Губернаторъ не признаютъ сообразно съ Указомъ, держася точно числа и названія деревень. Ты, мой вседражайшій Графъ, бывъ въ томъ же краю владѣльцемъ, познавъ уже, я чаю, что по обращенію сей части Польши на новое основаніе, не составляется тамъ доходъ ни мало сообразный съ титломъ прежнихъ Старостъ. И потому суди, ежели съ земель сихъ новыхъ поселянъ свесть, или съ землями отдѣлить указано будетъ, коль великому разстроенію подвержется мое владѣніе, и коликія затрудненія изъ того послѣдуютъ моему хозяйству! Поднеси оное Государынѣ, и пособи мнѣ къ найчувствительнѣйшей и признательнѣйшей благодарности, съ которою всегда я пребываю сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и вспокорнымъ слугою.

---

10 Апрѣля.

РУМЯНЦОВУ.

Графъ Михайла Петровичъ!

Петръ Васильевичъ отдастъ Вамъ сіе, и можетъ быть, и еще два, одно къ Государынѣ, а другое къ Графу Григорію Александрувичу. Они, по содержанію, касаются моихъ владѣній; и Вы, коли изберетъ онъ приличнѣе отдать Вамъ для врученія Графу Григорію Александровичу, скажите, что я оныя Вамъ адресовалъ, а попросите его именемъ моимъ о свершеніи полезномъ и скорѣйшемъ, во избѣжаніе слѣдствій разорительныхъ, кои терпѣть буду я долженъ, если сіе не приметъ желаемаго и скораго окончанія. Благодарю при томъ за увѣдомленія, къ особливому моему удовольствію, о Вашемъ благополучномъ пребываніи, буду, какъ и всегда, къ Вамъ съ искреннею любовію

Вашъ доброжелательный отецъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ пожалованныхъ мнѣ всемилостивѣйше отъ Вашего Императорскаго Величества въ Бѣлороссіи мѣстечкѣ Гомлѣ и поименованныхъ деревняхъ съ прежними и настоящими ихъ принадлежностьми, отданы мнѣ отдатчиками и поселившіяся на грунтахъ оныхъ слободы; но Губернская Канцелярія, не входя въ сіи, ясно гласящія повелѣнія, держится точно числа и названія деревень, и не признаетъ сію отдачу сходною съ Высочайшимъ Указомъ Вашего Императорскаго Величества, о томъ данныхъ, а по тому и не утверждаетъ.

Я не правомъ стариннаго владѣнія, ни отдачею утверждать сіе хощу, но отъ милости Вашего Императорскаго Величества ищу Всемилостивѣйшаго подтвержденія.

Вамъ извѣстно, Всемилостивѣйшая Государыня, что по обращенію сей части Польши на новое основаніе, не составляется тамъ доходъ немало сообразный съ титломъ прежнихъ Старостъ; а я, особливо ежели съ земель сихъ новыхъ поселянъ свесть, или съ

земель отдѣлить указано будетъ, и весьма бѣдненькимъ Старостою останусь.

Повергаю себя къ освященнымъ ногамъ Вашего Императорскаго Величества, въ глубочайшемъ благоговѣніи

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Парафѣевка.
10 Апрѣля,
1776 года.

Отправлено съ Вахмистромъ Сумскаго Гусарскаго полка Николаемъ Лукинымъ.

1776 года,
10 Апрѣля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Съ симъ вмѣстѣ получите Вы и мой Ордеръ, гдѣ увидите настоящее Ваше опредѣленіе въ штатъ мой, и какъ за тѣмъ оставляетесь Вы на теперешнее время въ моей деревнѣ Кайнарджи, то и хотѣлъ бы я, чтобъ первоначально приступили Вы къ дѣлу, по предположенію нашему, касательно описанія земель и лѣсовъ, о чемъ примѣтилъ я въ моей запискѣ, данной Вамъ въ Москвѣ, въ 31-й день Генваря. А между тѣмъ изъ лучшей удобности поручаю я въ Ваше смотрѣніе тамошній мой домъ и все прочее, на что укажетъ Вамъ Карлъ Ивановичъ Г. Бланкъ, и полагаясь на Ваше искуство и бдѣніе, изъ лучшей моей къ Вамъ надежды, я всегда пребуду съ усердіемъ

Вамъ доброжелательнымъ слугою.

---

10 Апрѣля.

ВАКСЕЛЮ.

Государь мой,

Василій Савельичъ!

Я стыжусь предъ Вами, что мы кредитору и по нынѣ не уплатили: тому причина главная, что нѣтъ людей, кои искали бы сдѣлать переводъ нѣкоторой суммы въ Москву. А въ слѣдъ за

симъ я поспѣшу уже доставить то къ Вамъ въ натурѣ, чего инако сдѣлать мнѣ было невозможно.

Г. Замятинъ, настоящимъ опредѣленіемъ, вошелъ въ штатъ мой Секретаремъ, и я теперь пишу къ нему, дабы онъ по предположенію нашему въ описаніи земель Кайнарджинскихъ съ принадлежностьми, поступилъ по запискѣ моей, которая ему дана въ Москвѣ. Васъ же прошу не оставить показать ему первоначальныя правила, кои наблюдать онъ долженъ въ своемъ дѣлѣ, и мнѣ вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1776 года,
Апрѣля 10.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Изъ послѣднихъ Князя Николая Васильевича переговоровъ съ Драгоманомъ Порты, податливости Турецкія, и по мнѣнію ихъ и нашимъ интересамъ непротивныхъ предложеній, кажется, что Турки, вмѣшавъ уже одинъ разъ титло догмата вѣры, думаютъ онымъ владѣть Крымомъ и Татарскими народами по прежнему, а можетъ быть и находятся въ трудности, коимъ бы добрымъ манеромъ изъ сего сдѣланнаго проекта выдраться.

Ваше Сіятельство связь всѣхъ дѣлъ политическихъ держа, проникнете скоро въ точную ихъ въ семъ дѣлѣ цѣль, и при всѣхъ миролюбивыхъ мѣрахъ, къ приведенію сего дѣла въ надобное ему положеніе, возметесь, конечно, за мѣры, кои превозмогутъ всю Турцію и ими составленную изъ многихъ спецій коварность.

Изъ настоящаго донесенія моего ко Двору, Ваше Сіятельство, между прочимъ, примѣтите, что Турецкой, Греческой, Молдавской и Армянской языки, для посланныхъ нашихъ въ тотъ край весьма необходимо нужны, но жалѣть надобно, что всѣ, ихъ знающіе, не совершенно разумѣютъ насъ, и вывозятъ изъ той страны всегда на свой вкусъ сплетенныя басни, мѣшая дѣло съ бездѣліемъ; надобно, однако же, доискиваться, чтобы ихъ различить.

Съ неограниченною преданностію и всесовершеннымъ почтеніемъ никогда быть я не престану.

P. S. Въ выполненіи Вашей коммиссіи о коровахъ кажуся я медлителенъ; но сіе самое медленіе замѣнило лучшее. На ярмаркахъ въ прошломъ мѣсяцѣ, когда здѣсь въ лучшемъ самомъ видѣ показалась намъ весна, преизбыточно сего скота для продажи пригнато было; но часть великая онаго погибла отъ неожидаемой и здѣсь неслыханной метели и жестокой стужи. Впрочемъ, будьте, мой вседражайшій и милостивый Другъ, увѣрены, что я не упущу ни времени, ни случая, гдѣ только могу оказать Вамъ на услуги мою готовность.

1776 года,
Апрѣля 14.

Милостивый Государь мой,

Михайла Васильевичъ!

Сего вручитель, Ѳедоръ Дорофѣевъ, изъ села Кузьминичъ, мой мужикъ, имѣетъ дѣло свое съ Пилипономъ, Михайломъ Матвѣевымъ Крашенинниковымъ, о должныхъ симъ послѣднимъ ему деньгахъ по подрядамъ, бывшимъ между ними, чему проходитъ не малое время. Онъ доискивался уже своей претензіи у Ѳедора Матвѣевича Воейкова, куда я его было препроводилъ, но не могучи конечнаго ничего получить, опять ко мнѣ пришелъ. Бѣдное его состояніе, въ которомъ онъ, бывъ разоренъ, лишается увидѣть справедливость своего исканія, привело меня къ сожалѣнію, и я по тому принужденнымъ нашелся утруждать Вашего Превосходительства сіею моею всеприлѣжною, о показаніи ему милостиваго Вашего вспоможенія; между же тѣмъ я долженствуюсь тутъ подтвердить Вамъ и о томъ искреннемъ и непремѣнномъ почтеніи, съ коимъ всегда пребываю.

1776 года,
15 Апрѣля.

[illegible]ЕРСКИМЪ.

Любезнѣйшіе и дражайшія братья и сестры мои!

Съ чувствительнымъ признаніемъ пріемлю я письма ласкательной Вашъ отзывъ, и благодарю за довѣренность, которою Вы меня почтили.

Вы награждаете оными мое усердіе, и отдаете справедливость доброхотству, коими я къ Вамъ всегда былъ преисполненъ.

Воля покойнаго Вашего родителя, и мнѣ особаго благодѣтеля, была, возложить на меня точное опредѣленіе своему недвижимому и движимому имѣнію. Отвѣтъ мой къ нему, у Васъ теперь въ рукахъ находящійся, докажетъ Вамъ, что я не въ стяжаніе Вашего имѣнія, но, благоугождая ему и Вамъ, на сіе поступилъ.

Слѣдуя сей его, въ Бозѣ усопшаго Вашего родителя, волѣ и Вашему расположенію, предлагаю Вамъ мои мысли, касательно раздѣла оставленнаго Вамъ имѣнія:

1. Князю Прокофью и Княжнѣ Маріѣ, при жизни еще покойнаго купленными на ихъ имя четырьмя тысячами душъ крестьянъ и удѣленными по равной части, изъ которыхъ первой имѣетъ ежегоднаго доходу шесть тысячь рублевъ, а послѣдняя пять тысячь, оставаться должно довольными, а сверхъ сего за Княжною Маріею утвердить семь тысячь рублевъ, кои на ея имя ходятъ въ процентѣ.

2. Князю Алексѣю, купленные пять сотъ душъ, да пять тысячь рублевъ, на его имя ходящіе въ процентѣ деньги, съ которыхъ доходу двѣ тысячи восемь сотъ рублевъ.

3. За тѣмъ, какъ Князь Петръ и Князь Сергѣй, ни душъ, ни денегъ не имѣютъ, а общаго имѣнія осталось, село Лотошено, въ которомъ тысяча пять сотъ душъ, то уравнить раздѣлъ такимъ образомъ: какъ Князь Алексѣй имѣетъ пять сотъ душъ, Князьямъ Петру и Сергѣю выдѣлить изъ Лотошина по пяти сотъ душъ, за тѣмъ остальные въ Лотошинѣ пять сотъ душъ, изъ которыхъ Князю Алексѣю на третью часть слѣдуетъ сто шестьдесятъ шесть душъ,

за оные имъ отдать ему по сто рублевъ за душу деньгами, и того 16,000 рублевъ.

4. Деньги наличныя и за хлѣбъ поступающія между Князьями Алексѣемъ, Петромъ и Сергѣемъ, раздѣлить, выключая Князя Алексѣя пяти тысячь рублей, чтобы, обратя оныя на покупку деревень, уравнить части недвижимаго имѣнія.

5. Касательно церкви, то состроить оную подъ тѣмъ наименованіемъ и съ тѣмъ великолѣпіемъ и утварьми, какъ преставившійся родитель Вашъ точно завѣщалъ, употребя изъ наличныхъ на то денегъ.

6. Князьямъ, Алексѣю, Петру и Сергѣю отъ своего удѣлу дать Княгинѣ Татьянѣ Черкасской и Елисаветѣ Андреевнѣ Ильиной, по три тысячи рублей, въ чемъ было соизволеніе родителя Вашего.

7. Всѣмъ дворовымъ людямъ дать свободу и снабдить отпускными.

Я, впрочемъ, весьма удостовѣренъ, что Вы, найдя сіе мое предложеніе, размѣрно для всѣхъ Васъ сдѣланное, послѣдуете сей волѣ покойнаго отца своего и моему совѣту безпрекословно, и утвердите союзъ любви между Вами къ пріобрѣтенію доброй славы въ публикѣ. Что до меня, то я навсегда съ искреннимъ къ Вамъ усердіемъ и доброжелательствомъ пребуду

Вашимъ искреннимъ братомъ и всепослушнымъ слугою.

1776 года,
Апрѣля 15.
Парафѣевка.

Государь мой,

Князь Алексѣй Васильевичъ!

Чтобъ поставить дѣла Ваши на точномъ пунктѣ, мнѣ къ сему первоначально знать нужно, коликимъ числомъ денегъ состоитъ по векселямъ, или гдѣ индѣ употреблено и отдано, по чьему по-

велѣнію и съ какими сроками, или безсрочно, и наличнымъ? О чемъ пришлите ко мнѣ вѣдомость, а между тѣмъ какъ не безъ надобности Вамъ въ деньгахъ, то вступившія, по общему совѣту, раздѣлить можете между себя по образу плана, на сіе Вамъ даннаго, какъ въ 4 пунктѣ показано.

Есмъ съ усердіемъ.

1776 года,
18 Апрѣля.
Парафѣевка.

ВОЙЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Я бы желалъ въ чемъ либо важнѣйшемъ мою готовость и искреннее желаніе къ супругѣ Вашего Высокопревосходительства оказать; но не имѣвъ лучшаго средства, должны мы за первыя тотчасъ браться, а потому, въ слѣдствіе письма Вашего отъ 15 настоящаго мѣсяца, предложилъ я Якову Васильевичу о удовлетвореніи требованія Вашего, касательно команды для Вашего препровожденія.

Жалѣю я безмѣрно, что не ускорилъ быть въ Кіевѣ до отъѣзда Вашего. Припадки болѣзненные и нѣкоторыя дѣла, меня здѣсь заставшія, удержали, и я препровождаю сіе чистосердечнѣйшимъ желаніемъ, чтобъ Ваше Высокопревосходительство съ любезною супругою, моею Ммлостивою Государынею, которой я мое почтеніе свидѣтельствую, путь Вашъ совершя благополучно, нашли все спокойствіе и удовольствіе, кои мы въ деревенскихъ забавахъ и упражненіяхъ, по мнѣнію многихъ, только существительныя и находить можемъ, и оными бы при цѣлости здоровія пользовались до послѣднихъ степеней вѣка.

Я, лаская себя пріятнымъ случаемъ Вашему Высокопревосходительству служить, можетъ быть, и въ томъ краю, увѣряю, что никто больше быть не можетъ Вамъ преданнымъ, какъ имѣющій честь ниже сего назваться

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
18 Апрѣля.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Во удовлетвореніе Ѳедора Матвѣевича, прошу я Ваше Превосходительство, для его препровожденія, дать ему изъ Кіевской Рейтарской команды нѣсколько человѣкъ, которыхъ беретъ онъ до Кременчуга и обратно оттоль въ Кіевъ отправленіе на свой коштъ, пребывая съ истиннымъ усердіемъ.

18-го Апрѣля,
1776 года.

Государь мой,

Петръ Петровичъ!

Я радуюсь благополучному прибытію Вашему въ Кіевъ, и весьма похваляю тѣ предвзятыя мѣры, кои Вы съ извѣстнымъ человѣкомъ положили для корреспонденціи.

Что же лежитъ до моего туда пріѣзда, то о томъ прямаго ничего сказать не могу, удерживаемъ будучи въ семъ мѣстѣ неоконченными еще дѣлами и разными болѣзненными припадками, которые противустоятъ моимъ расположеніямъ.

Никогда не престану я быть съ усердіемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
25 Апрѣля

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Неожидаемое случается часто, а предчувствованіе сказываетъ также не рѣдко. Я неумѣю пересказать, что со мною дѣлалось и въ снахъ видѣлось во все это время; но меньше всего, хотя бы и желалось, я считать могъ на предстоящій мнѣ случай скораго

позыву, будучи вовсе въ разслабленіи, и такъ сказать, стеня подъ самымъ легкимъ бременемъ дѣлъ, кои я здѣсь съ нуждою отправлялъ; но повинности и послушанію слѣдуя, я имѣть скоро буду удовольствіе Васъ видѣть, слѣдственно, изустно сказать о моемъ къ Вамъ усердіи, съ коимъ я непреложно пребываю.

P. S. Я не успѣлъ отблагодарить Принцу Генриху, думая лично сіе исполнить

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я не успѣлъ возблагодарить Вашему Императорскому Величеству за Всемилостивѣйшее, отъ 10 настоящаго, за болѣзненнымъ припадкомъ, мнѣ приключившимся, какъ получаю другое въ самомилостивѣйшихъ выраженіяхъ, и, не взирая на мою болѣзнь, коей ради я заѣхалъ, по пути къ Кіеву, въ сію деревнишку, и тутъ по сей день проживалъ, поспѣшу, какъ найскорѣе, имѣть щастіе пасть къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества.

25 Апрѣля,
1776 года.

Отправлено съ Кабинетнымъ Курьеромъ Усовымъ.

1776 года,
25 Апрѣля.

Государь мой,

Григорій Григорьевичъ!

Благодарю Вамъ за письмо Ваше, коимъ препроводили Вы описаніе мельницѣ Добренизскаго, и какъ я не знаю, отъ него ли мнѣ достать оную, или отъ Вишневскихъ, и за какую цѣну, прошу потомъ сказать мнѣ на сіе Ваше мнѣніе. Вмѣстѣ съ симъ получа попоны подъ моимъ гербомъ, благодарю опять съ полною признательностію Вамъ и дражайшей супругѣ Вашей за оныя, употребленіе которыхъ послужитъ мнѣ во времени всегдашнемъ за знакъ особливой Вашей благосклонности. Что же до лошадей, то я оныхъ столько имѣю, что не знаю, гдѣ ихъ сбратить, и ради

сего не подумайте Вы съ дурной стороны изъ причинъ отправленія ихъ къ Вамъ обратно, а пребывайте въ томъ удостовѣреніи, что я, возымѣвши къ Вамъ истинное почтеніе, пребуду всегда непреложно съ усердіемъ и доброжелательствомъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
27 Апрѣля.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Благодарности чувствительной бывъ къ Вамъ преисполненъ за благосклонныя и дружескія Вами меня одолженія и увѣдомленія, я ласкалъ себѣ пріятною надеждою скоро видѣться съ Вами и лично засвидѣтельствовать въ томъ признательность мою наибольшую, но въ сіе самое время, когда я такъ располагалъ, получилъ отъ Двора Всевысочайшее повелѣніе, чтобъ поспѣшить, елико можно, моимъ туда прибытіемъ. Чему повинуясь, я отдаляюсь опять отъ мѣстъ сихъ, а слѣдственно, и отъ возможности видѣться съ Вами; но никогда не буду далекъ отъ надежды, что Вы всегда пребудете ко мнѣ въ равномъ положеніи, и въ томъ удостовѣреніи, что я къ Вамъ во всю жизнь непреложно съ отличнымъ почтеніемъ и усердіемъ пребуду

Вашего Превосходительства.

всепокорнѣйшимъ слугою.

P. S. Прошу приложенное при семъ письмо къ Осипу Андреевичу скоро и вѣрно доставить, и если бы были какія отъ него ко мнѣ, сіи препровождать въ Кіевъ къ Якову Васильевичу, котораго просилъ я особливо о дальнѣйшемъ таковыхъ доставленіи.

1776 года,
Мая 1 дня.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Видѣвъ изъ письма Вашего, отъ 27 Апрѣля, что дѣла наши Гомельскія пріемлютъ совсѣмъ другой видъ противу ожиданія, я

не могу, по причинѣ скораго моего отсель отбытія въ С.-Петербургъ, сказать Вамъ что либо точное къ принятію потребныхъ мѣръ, оставляя нѣкоторымъ образомъ и для переду Васъ увѣдомить, что въ семъ обстоятельствѣ предпринять. Но положимъ такъ: если бы сіи мѣста, кои Всемилостивѣйше пожалованы мнѣ для увеселенія, и отошли изъ моего владѣнія, то какъ я тамъ не былъ и ничего еще не видѣлъ, не много для меня будетъ оставить ихъ опредѣленію другова. При семъ прилагаю, согласно Вашему мнѣнію, къ Михайлѣ Васильевичу Каховскому, и Вамъ даю на волю дѣлать все то, что за лучше найдете; мнѣ, впрочемъ, вѣрьте, что я вѣчную благодарность и признаніе ко всякому одолженію сохраняя, пребуду съ непремѣннымъ усердіемъ.

1776 года,
Мая 1 дня

КАХОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Васильевичъ!

Въ отвѣтѣ Вашемъ къ Ивану Васильевичу Завадовскому на его къ Вамъ письмо, находя нѣчто о будущемъ размежеваніи, я не могу заключительно ничего положить въ пунктѣ отходящихъ, по мнѣнію Вашему, правильно, въ Гомельскомъ уѣздѣ нѣкоторыхъ поселившихся слободъ, ибо въ томъ самомъ Всевысочайшемъ повелѣніи, на которое Вы ссылаетесь, именно сказано, со всѣми древними принадлежностьми; и по сему выходитъ, когда не утвердить оныхъ въ число прочихъ, такъ уже остается послѣднее, чтобъ вновь поселившихся перевесть на другія мѣста, а сіи оставить, въ слѣдствіе Всемилостивѣйшаго соизволенія, присоединенными къ отходящимъ въ мое владѣніе. Изъясненіе сіе дѣлаю я Вашему Превосходительству въ надѣяніи на Вашу дружбу и благосклонность, къ которой сохраню я непреложно истинное почтеніе и преданность, пребывая

Вашего Превосходительства.

1776 года,
Мая 1-го дня.
Черешенки.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ

Со мною пословица и чужая и прямо Русская сбылись, чтобы помаленьку спѣшить, или, что тише ѣдешь, далѣе будешь. Я, какъ скоро только разнообразныя учрежденія, коими занять былъ, а особливо на извѣстныя пріуготовленія военныя, окончилъ, 28 выѣхалъ изъ Парафѣевки на перемѣнныхъ повозкахъ, оставя свои всѣ въ Москвѣ, возвращаясь на саняхъ и подымаясь въ Кіевъ на походныхъ своихъ фурахъ, и проѣхавши Батуринъ, одинъ очутился. Все, что я ни имѣлъ, лежало по дорогѣ поломанное, и былъ цѣлыя сутки безъ всего, и принужденъ, заѣхавши въ Вишеньки, въ Глуховъ послать купить кибитокъ, но и тутъ не нашли новыхъ, а старыя какія-то починиваетъ Иванъ Яковлевичъ. Я послѣ завтра отсюда поѣду, самъ хуже всѣхъ своихъ повозокъ, и берегу себя меньше оныхъ, и безъ починки, которую я себѣ соками предполагалъ, пущаюсь на все, но какъ куріеру ѣздить, вижу, что уже мнѣ вовсе невозможно. И я хотѣлъ Васъ о семъ предварить.

Изъ письма Вашего я не знаю, не преложилась ли радость, мнѣ предстоящая, на общую печаль? и какъ я не имѣю ничево печальнова, то прошу Васъ Еразмусу портному приказать сдѣлать, по учрежденію и классу, цѣлое ли платье, или камзолъ, и флеру надобное количество аршинъ приготовить.

Третьяго дни, я проѣхалъ Батуринъ, и мнѣ показалось, что хозяинъ, какъ бы по великихъ и трудныхъ подвигахъ, наслаждается отличнымъ покоемъ и увеселеніемъ. Къ слову увеселеніе: скажу я Вамъ, что я сегодня отвѣчалъ Вашему брату, Ивану Васильевичу, на вопросъ: что ему дѣлать съ слободами, поселенными на грунтахъ пожалованныхъ, которые не только отобрать, но и межевать опредѣляется: «Какъ мнѣ сіи имѣнія точно на увеселеніе пожалованы, коимъ я, однако жъ, понынѣ не пользуюся, слѣдовательно, могутъ Господа, тамо управляющіе, если не хотятъ обождать вышняго рѣшенія, дѣлать, что хотятъ, къ моему небольшому огорченію.

Я пребуду съ обыкновеннымъ усердіемъ навсегда

покорнымъ слугою.

1776 года,
Мая 2 дня.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Садовнику, который въ Парафѣевку пріѣзжать будетъ не рѣдко, опредѣляю я содержаніе равное тому, какъ было то при мнѣ, и каждый день къ столу одну бутылку Волошскаго вина, о чемъ прикажите Вы, кому слѣдуетъ, дабы по сему исполнено было.

P. S. Выбравъ изъ числа буйволицъ трехъ, кои получше, и одного бугая, отправьте оныхъ, при своемъ письмѣ, къ Г. Маіору Гагштейну, сказавъ въ семъ, что оныя посылаются отъ меня для заводу Его Сіятельству, Графу Кириллѣ Григоріевичу.

1776 года,
Мая 8 дня.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Благодарю Вамъ, вседражайшій мой Другъ, за письмо Ваше, которое получилъ я съ куріеромъ Военной Коллегіи, и за сообщенный мнѣ онымъ дипломъ, данный Вамъ на Княжество, какъ за знакъ особливой Вашей ко мнѣ дружеской благосклонности, къ которой преисполненъ я чувствительнѣйшаго признанія. На пути моемъ, въ семъ мѣстѣ, получилъ я куріера отъ Петра Абрамовича Текелли, отправленнаго къ Вамъ, который препроводилъ и ко мнѣ репортъ Г. Генерала-Маіора Берцова, при всеподданнѣйшей моей, съ симъ провождаемый, и считая, что и къ Вамъ есть одинаково же содержанія, о томъ умалчивая, и между тѣмъ оставляя времени большее изъясненіе найсовершеннѣйшей моей преданности пріятнѣйшему свиданію съ тобою, мой вселюбезнѣйшій Князь, хотя нечаянному, но скорому персональному, пользуюсь въ въ семъ разѣ сказать только, что я не преложно сердцемъ и душою пребуду во всѣ дни жизни всепокорнымъ слугою.

1776 года,
Мая 9 дня.

АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ БЕЗВОРОДКУ.

Князь Кантакузинъ, знавъ мое съ Вами положеніе, просилъ моего къ Вамъ письма, считая, что дѣла его съ онымъ лучшій успѣхъ возымѣютъ. Вы, знавъ ревностное его усердіе къ службѣ, и безъ сего, конечно бы, не отказались за него вступиться; но я, не могучи ему по справедливости отказать, прошу Васъ всеприлѣжно, въ одолженіе и мнѣ, приложить по поданнымъ отъ него челобитнымъ Ваше стараніе, чтобъ былъ онъ взысканъ Монаршимъ благопризрѣніемъ по его лучшимъ заслугамъ.

Въ печальномъ Вамъ приключеніи, въ потери драголюбезной сестрицы Вашей, какъ участвующей во вседомовномъ Вашемъ благосостояніи, искренно сожалѣя, желаю, чтобы, въ подкрѣпленіе и утѣшеніе Вашихъ престарѣлыхъ родителей, наградилась сія утрата другими дому Вашему благополучіями.

Пребываю какъ и всегда покорнымъ слугою.

16-го Мая,
1776 года.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Александровичъ!

Знавъ Васъ пріемлющимъ всякую докуку съ удовольствіемъ, гдѣ Вы только можете оказывать благодѣяніе Ваше, ласкаю себя, что Ваша Свѣтлость примите и сіе мое прошеніе снисходительно. Г. Борзовъ, какъ свѣдомо уже Вамъ изъ его предыдущаго, отъ 25 прошлаго Генваря, по запросу главнаго Коммисаріата, считая себя какъ бы исключеннымъ изъ числа состоящихъ въ службѣ на окладѣ, все относитъ ко мнѣ, что я главною виною пребыванія его въ отдаленномъ, невыгодномъ и безпокойномъ краю, не зная, что опредѣленъ онъ болѣе по Вашему выбору, нежели очереди.

2-е. Командиръ части Донскихъ войскъ, Г. Подполковникъ Денисовъ, службою и дѣлами своими отличавшійся въ минувшей войнѣ съ Оттоманами, къ благопризнанію многихъ, коего, я чаю,

не съ другой стороны лично и Ваша Свѣтлость знаете, по претерпѣніи тяжелыхъ ранъ и разныхъ невыгодъ, остается, при всемъ томъ, и по нынѣ не довольно награжденнымъ противу другихъ, не толь съ ревностнымъ рвеніемъ подвизавшихся, заслуживаетъ отмѣнное Ваше благоволеніе, коего я покровительству Вашему препоручаю.

3-е. По Всевысочайшему соизволенію приступая къ формированію полковъ изъ Малороссійскихъ Компанѣйскихъ, въ самомъ почти началѣ не оставилъ я сдѣлать тому плана, по оный нынѣ не можетъ быть не нарушенъ, когда я на три мои представленія въ Государственную Военную Коллегію, объ отпускѣ на оные надлежащей суммы, ничево въ отвѣтъ не имѣю, и въ слѣдъ за настоящимъ ко мнѣ рапортомъ, конечно получу, къ сожалѣнію, новѣйшее извѣстіе, что они, если не вовсе, то во многомъ числѣ, разбѣгутся, не могучи сносить наготы, которой они теперь все бремя чувствуютъ.

КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Г-нъ Касперовъ, сослужившій намъ, чувствуя изнеможеніе и неудобность, по его домашнимъ обстоятельствамъ, быть удалену отъ его имѣнія, желаетъ помѣщенъ быть въ округѣ своемъ, и именно, на Комендантское мѣсто въ Кизлярскъ. Знавъ онъ Васъ мнѣ особымъ благодѣтелемъ, искалъ моего ходатайства. Я же, находя состояніе его съ желаніемъ совмѣстнымъ, и что онъ къ тому краю нѣкоторыя и надобныя имѣетъ способности, прошу покорнѣйше Васъ, моего милостиваго и вседражайшаго Друга, пристроить его симъ мѣстомъ. Но ежели болѣзнь моя, лишила меня удовольствія видѣть моего милостиваго Князя, то ласкаю себя, по явленію моему на свѣтъ, что онъ не возбранитъ мнѣ, по моей къ нему привязанности, докучать себѣ и устно иногда, а между тѣмъ съ душевною къ нему преданностію пребуду.

ВЕЗВОРОДКУ.

Г-нъ Паниодаросъ понуждаетъ меня неотступно ходатайствомъ у Васъ о предложеніи, куда слѣдуетъ, по Всевысочайшемъ о немъ опредѣленіи. Вы его метафоры знаете, и мнѣ сдается, что онъ все

еще больше ожидаетъ, нежели какъ я слышу. Успокойте Вы его сообщеніемъ, куда надлежитъ, Всевысочайшей воли, и ежели возможно, и мнѣ дайте знать, чтобы я его меланхоличныя думы своими ипохондрическими убѣжденіями дистрактовать могъ.

16 Мая, 1776 года.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КУЗЬМИНУ.

Титло званія моего обязываетъ меня быть ходатаемъ за обывателей края. Сего вручитель, имѣя дѣло въ рукахъ Вашихъ и ожидая съ терпѣніемъ правосудія, но по крайнему изнеможенію принуждается искать пособія и цѣлѣнія отъ врачей и водъ иностранныхъ, и желая натурально одержать рѣшеніе до отбытія, просилъ меня о препорученіи его Вамъ. Я знаю, что доброхотствовать ему Ваше дѣло, а Вы вѣдаете, что и докучать не мое; но по вышеизъясненнымъ и мнѣ отъ части вѣдомымъ обстоятельствамъ, я ласкаю себя, что Вы удовлетворить нуждѣ сего просителя не откажитесь, и отдадите справедливость тому расположенію, съ каковымъ душевно къ Вамъ, при семъ, пребудетъ.

16 Мая, 1776 года.

Мая 24 дня.

ИВАНУ ПЕРФИЛЬЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

Знавъ твое, мой вседражайшій Другъ, доброхотное расположеніе благодѣтельствовать людямъ, и будучи убѣжденъ обстоятельствами вручителя сего, дѣла свои имѣющаго въ Канцеляріи Главной Дворцовой, который для того и живетъ теперь здѣсь, схотѣлъ я въ пользу его у Васъ ходатайствовать о милостивомъ Вашемъ пособіи, и не сомнѣваясь, чтобы не оказали Вы ему оное, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою преданностію.

(NB. О Капитанѣ Игнатьевѣ.)

1776 года,
Іюня 12 дня.

Милостивая Государыня моя,

Элеонора Андреевна!

Имѣвъ удовольствіе получить письмо Ваше, при которомъ присоединили Вы другое, я крайне сожалѣю, что не могу оказать моей готовости на удовлетвореніе требованій Вашихъ. Пребываніе мое въ семъ мѣстѣ на короткое весьма время не дозволяетъ мнѣ изыскать къ тому средства, ибо я могу сказать, что живу тутъ только въ проѣздѣ; а потому и льщу себѣ, что Вы меня съ стороны сей оправдаете; но какъ уже то не въ моей возможности, такъ хотя позвольте мнѣ въ заключеніи пожелать Вамъ мысленно поправленіе настоящихъ обстоятельствъ Вашихъ на лучшія, и чтобы сіе застало Васъ въ совершенномъ выздоровленіи отъ припадка болѣзненнаго, Вамъ случившагось, а между тѣмъ и удостовѣрить, что я непреложно съ почтеніемъ и усердіемъ пребываю.

1776 года,
13 Іюня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Петръ Ивановичъ!

Съ особливымъ удовольствіемъ получилъ я Ваше всепочтеннѣйшее, милостивый мой Графъ! Вы изъ времени, я чаю, познали, колико стараюсь я о сохраненіи непрерывномъ Вашей ко мнѣ дружбы, и колико ищу я случаевъ для оказанія Вамъ моего взаимства. А потому и судите, коль мнѣ прискорбно, что не могу, въ семъ особливо разѣ, выполнить воли Вашего Сіятельства, касательно помѣщенія въ Штабъ Г. Татищева. Онъ засталъ меня почти уже на дорогѣ, и я не могъ больше для него сдѣлать, какъ дать время прожить на свободѣ, до моего возвращенія, въ которое буду стараться очистить для него мѣсто, и тѣмъ Васъ удостовѣрить, что я выполненіе требованій Вашихъ поставляю первымъ для себя обязательствомъ, бывъ съ безпредѣльною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
24 Августа.

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Петровичъ!

Имѣвъ сообщеннымъ письмо Ваше къ Графинѣ, женѣ моей, читалъ я оное, и сличая въ соображеніи полезнаго съ увеселительнымъ и въ небольшой суммѣ состоящее, хочу я Вашему разсужденію въ точности послѣдовать. А потому прошу всепокорно средней прудъ до чистаго грунта выкопать и отсыпать островъ приказать, но берега, не теряя виду нынѣшняго вкуса, коль можно, отложѣе дѣлать и устлать дерномъ такъ, чтобъ оные казались натуральными и толь больше для зрѣнія пріятными.

Въ заключеніе позвольте мнѣ, мой Милостивый Графъ, принесть Вамъ мою найпризнательнѣйшую благодарность за труды Ваши, которыми должите Вы меня безотплатно, и удостовѣрить Васъ въ истинной преданности и отличномъ почитаніи, съ которыми никогда не престану быть.

1776 года,
24 Августа.

ВАКСЕЛЮ.

Государь мой,

Василій Савельевичъ!

Отлучка моя отсель въ Берлинъ извиняетъ меня нѣкоторымъ образомъ предъ Вами, что я умедлилъ принесть Вамъ мою всепокорнѣйшую благодарность за письмо Ваше, отъ 14-го Апрѣля, и найпаче за труды по моимъ коммиссіямъ. Найдя въ ономъ пользы многія, касательно обмѣну заимообразно съ Княгинею Натальею Александровною, по селу Торочамъ спорныхъ луговъ, я соглашаюсь въ томъ съ Вами, и прилагаю при семъ мое особливое къ Матисову, по Вашему требованію, пребывая, впрочемъ, съ непремѣннымъ и отличнымъ усердіемъ.

1776 года,
26 Августа.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Васильевичъ!

Въ проѣздъ мой чрезъ Данцигъ, гдѣ имя Вашего Превосходительства съ похвалою во многихъ еще въ лучшей памяти пребываетъ, видѣлъ я Доктора Шварца, который просилъ меня особливо, отъ его имени, засвидѣтельствовать Вамъ поклонъ, и Доктора же Италинскаго, возвращающагось въ свое отечество, кой, я думаю, будетъ имѣть удовольство въ скоромъ времени лично Васъ видѣть. Я, пользуясь симъ случаемъ объявить Вамъ о томъ, обращаю оный и для себя, всепокорнѣйше прося отдать мой поклонъ дражайшей Вашей супругѣ, Милостивой Государынѣ моей, и по Коммисіи отдаточной не оставить показать Вашего пособія о скорѣйшемъ свершеніи дѣлъ въ оной. Въ ожиданіи же всеприятнѣйшаго времени персонально Васъ увидѣть, останусь я навсегда непреложно съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Превосходителзства

покорнымъ слугою.

P. S. Всѣмъ Гг. сочленамъ всепокорно кланяюсь.

1776 года,
13 Сентября.

РУМЯНЦОВУ.

Графъ Михайло Петровичъ!

Благодарю Васъ за два письма Ваши, кои я исправно получить удовольствіе имѣлъ, равномѣрно и за трудъ, который Вы по моимъ хлопотнымъ коммисіямъ подъемлете, и ласкаю по послѣднему, что и трудности, которыя Вамъ настояли въ удовольствіи моихъ кредитовъ, въ разсужденіи червонной монеты, Вы нашли способы изъять. Я желаю Вамъ взаимно въ благоугодность все возможное всегда дѣлать, съ совершеннымъ къ Вамъ доброжелательствомъ пребуду.

P. S. Г. Гриму мое почтеніе, а братцамъ Вашимъ мой поклонъ.

1776 года,
13 Сентября.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Я начинаю тѣмъ, чѣмъ Вы, мой любезный Другъ, Ваше окончили, и не жалѣть объ Васъ, но желать сердечно, чтобы припадокъ лихорадки послужилъ Вамъ, сходственно лѣтамъ и сложенію Вашимъ, по заключенію общему медиковъ, на возобновленіе лучшее здоровья. Что прѣжній ищетъ водвориться, я не сомнѣваюсь. Онъ имѣетъ къ тому много способностей, но не знаю, умѣетъ ли утвердиться. О свадьбѣ, мой любезный Другъ, прошу найскорѣе мнѣ дать знать о точно назначенномъ времени, а ежели можно, и о днѣ оныя. По письму жены моей, 21-го числа настоящаго, должна быть, а здѣшнія вѣдомости полагаютъ ея въ половинѣ будущаго мѣсяца. Мнѣ и тамъ быть, и здѣсь, сколько можно, долѣе пожить хочется. Тутъ не скучно; гостей больше, нежели бы и желалось, а упражненіямъ забавнымъ или хозяйскимъ лишняго времени также нѣтъ.

По дѣламъ сообщеннымъ, къ сожалѣнію, нахожу, что тамъ не такъ гладко идетъ, какъ бы желалось, и все, что новое, то странное является, чему издалека трудно подавать пособіе. Мнѣ кажется, что и согласіе не лучшее между командиромъ и подчиненными; я, однако же, не оставлю дать мои совѣты, но жалѣть надобно, что все сіе съ упущеніемъ времени дѣлается; и мое мнѣніе симъ больше утвердить долженъ, сколь не удобно заочно и въ отдаленіи всякому, частію управляющему, точно поступать.

Заключаю сіе истиннымъ удостовѣреніемъ, что я непреложно съ искреннымъ усердіемъ пребуду

покорнымъ слугою.

1776 года,
Сентября 13.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Присоединяю къ сему прошеніе одного моего сосѣда, Барона Лаудона, коего подлинно бѣдственное состояніе и болѣзни поставляютъ въ невозможность продолжать свою службу болѣе; и я не

въ видѣ прозьбы о семъ, ниже какова либо исканія, о немъ говорю, но знавъ моего вседражайшаго Князя добротворящимъ, изъ одного сожалѣнія вступаюсь объ немъ сказать слово. Онъ уже подавалъ къ полковымъ дѣламъ челобитные, но тѣ или оставлены безо всякаго примѣчанія, или утеряны на почтѣ, и онъ ничего не получалъ. Пособи ему, мой вселюбезный Другъ, чтобъ онъ уволненъ былъ въ отставку съ чиномъ Оберъ-Офицерскимъ, и до того, дабы безопасно прожить здѣсь было ему можно, дать пашпортъ. Пользуюсь, впрочемъ, симъ случаемъ, въ ожиданіи все. ріятнѣйшаго для меня часа персонально увидѣться съ Вами, повторяю чрезъ сіе о непреложномъ и истинномъ усердіи, съ коимъ пребываю сердцемъ и душою преданнѣйшій

покорный слуга.

1776 года,
13 Сентября.

ПАНИНЪ.

Милостивой Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Преисполненъ всесовершеннѣйшаго признанія къ многимъ доказательствамъ дружбы драгоцѣнной Вашей, мой Милостивый Графъ, и моего къ Вамъ усердія и преданности, не равнодушно я смотрѣлъ на печальныя Ваши приключенія, но соболѣзнуя съ Вами, желалъ, чтобы Вы, мой вселюбезнѣйшій Другъ, послѣдній и для Васъ весьма чувствительный случай съ великодушіемъ и цѣломудріемъ, Вамъ свойственнымъ, приняли, и чтобы впредь не коснулось Васъ ни малое злоключеніе, а при спокойствіи душевномъ пожили бы во всѣхъ удовольствіяхъ до самопозднѣйшихъ временъ.

Господинъ Татищевъ записалъ меня въ деревнѣ, куда уклонился я на нѣкоторое время для отдохновенія; и мнѣ весьма жаль, что онъ потрудился пріѣхать въ такое мѣсто, въ коемъ нѣтъ со мною Канцеляріи, справокъ и порядка въ дѣлахъ, надобнаго, чтобъ удовлетворить Вашему объ немъ ходатайству, въ слѣдствіе моего обѣщанія. За пріѣздомъ въ городъ я постараюсь для него сдѣлать все, что будетъ возможно, а къ тому времени, пока возму я путь

въ Украину, увольняю и его въ домъ, и съ симъ отправляя обратно, пользуюсь найлучшимъ случаемъ повторить Вамъ о моемъ непреложномъ усердіи и почтеніи безпредѣльномъ, съ коими никогда не престану быть.

1776 года,
14 Сентября.

Милостивый Государь мой,

Аврамъ Ивановичъ!

Предшедшаго Вашего, о коемъ упоминаете Вы въ послѣднемъ всепріятнѣйшемъ, не имѣлъ я удовольствія получить. Станется, что оное во время моей отлучки изъ Россіи, осталось, гдѣ ни есть въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ не знаютъ еще и нынѣ навѣрно о моемъ возвращеніи. Г-на Шица прошу удостовѣрить, что докладъ Ея Величеству объ немъ при мнѣ поднесенъ, и на оной вышла резолюція, согласная съ его желаніемъ; что послѣ просилъ я Князя Григорія Александровича, дабы о его опредѣленіи приказалъ онъ въ Военной Коллегіи, и что по тому не остается уже ему болѣе, какъ ожидать изъ оной указа, по которому узнаетъ онъ, куда его причислено будетъ. Между тѣмъ пользуюсь я въ семъ разѣ обратить случай сей и себѣ собственно во изъявленіе непреложнаго почтенія и истинной преданности, съ которыми всегда пребываю.

1776 года,
21 Сентября.

ФАТОВУ.

Почтенный Господинъ Депутатъ Вяземскаго Шляхетства,
особливый мой пріятель!

Благодарности и признанія исполненъ я къ одолженію Вашему, которое въ толь короткое время моего знакомства съ Вами восхотѣли Вы явить мнѣ присылкою рыбъ. Но сіи, или неосторожностію нарочнаго, или же по настоящему времени, къ тому еще неудобному, не всѣ ко мнѣ привезены живы, ибо изъ числа оныхъ 14 уснули, и я получилъ только 6, коихъ тотъ же часъ и пустилъ въ прудъ. Быть легко сіе можетъ и отъ того, что бочка, въ которую положены оныя, поставлена вдоль на телегѣ, и

они съ движеніемъ оной, конечно дотрогиваясь ко дну головами, чувствовали отъ того всю боль; но если бы оная положена была на стороны, чтобы они, качаясь съ боку на другой, не столь великой вредъ имѣли. Для меня было бы непростительно, когда бъ я въ слѣдъ за тѣмъ началъ утруждать Васъ моими просьбами; не имѣя къ тому поводомъ Ваше позволеніе, прошу Васъ, по лучшему для того времени, способами, Вамъ извѣстными доставить ко мнѣ оныхъ еще нѣсколько, такъ же не позабыть и о деревьяхъ, подавъ мнѣ коммисію къ пріятному взаимству, вѣрить, впрочемъ, о мнѣ, что я всегда буду съ искреннимъ усердіемъ

Вашимъ доброжелательнымъ слугою.

---

21 Сентября.

ЛУНИНУ.

Государь мой,

Петръ Михайловичъ!

Отправляя къ Вамъ людей и лошадей Вашихъ, повторяю Вамъ и симъ еще признательную мою благодарность за благосклонное Ваше меня одолженіе всѣми благими, и льстя себѣ открыть путь, чтобы средствомъ онаго оказать мое Вамъ взаимство при первомъ случаѣ, на тотъ щетъ прошу Васъ прилѣжно, по отзыву Г. Фатова, коего просилъ я о карпахъ и фруктовыхъ деревьяхъ, пособить мнѣ въ лучшемъ оныхъ сюда доставленіи, и вѣрить между тѣмъ искреннему моему усердію, съ которымъ никогда быть не престану

Вашего Высокоблагородія

покорнымъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Чтобы не задержать сочиненія, Всемилостивѣйше мнѣ сообщенныя, по невозможности сегодня самому предстать, при семъ Вашему Императорскому Величеству поднося оныя, осмѣливаюсь увѣрить, что всякое употребленіе меня на службу Вашу доказываетъ

мнѣ Вашу милость и довѣренность, и я на нихъ больше, нежели на искуство, или щастіе, полагаясь, при доброхотномъ моемъ расположеніи, и въ добрыхъ успѣхахъ не сумнѣваюсь.

Пребываю со всеглубочайшимъ Высокопочитаніемъ.

5 Октября,
1776 года.

1776 года,
16 Октября.

ВЕСЕЛИЦКОМУ.

Искренняго признанія и благодарности я исполненъ предъ Вами за пріятное водвореніе меня въ Кіевѣ; но слабость моего здоровія и самая отдаленность не позволяютъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ вкусить толь лестнаго удовольствія скоро, каково могу я воображать по мѣсту тамошнему. Жалѣть можно, да пособить трудно. Впрочемъ же, не всегда сбыточно бываетъ, что иногда мы для переду полагаемъ, однакъ вѣрно уже то конечно, что я всегда пребываю непреложно съ отличнымъ усердіемъ

Вашъ покорный слуга.

P. S. Якову Васильевичу и всѣмъ моимъ знакомымъ, духовнымъ и свѣтскаго чина, всепокорно кланяюсь.

1776 года;
6 Ноября.

Марья Васильевна,

Княжна Мещерская!

Благодарю Вамъ, дражайшая Сестрица, за сообщеніе мнѣ о выборѣ Вашемъ къ замужству Василья Николаевича въ женихи, и желая всеискренно къ взаимному удовольству, присоединяю здѣсь мою прозьбу взять на себя трудъ засвидѣтельствовать будущему моему зятю особливое мое почтеніе. Сіе, по препорученію отъ меня Вамъ, конечно, для него будетъ не непріятно отъ Васъ услышать. Что же до меня, я, сохраняя навсегда къ Вамъ мою чистосердечную преданность, пребываю, какъ и всегда, съ истиннымъ усердіемъ доброжелательнымъ братомъ и покорнымъ слугою.

1776 года,
7 Ноября.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Преисполненъ я признательнѣйшей благодарности за письмо Вашего Превосходительства, которое имѣлъ я удовольство получить, и такъ какъ уже возвратившійся изъ того свѣта, я всему тому вѣрю, о чемъ есть въ оном Ваше дружеское изъясненіе; нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что Вы жалѣли о моемъ тсель переселеніи; но что до Вашего желанія водворить меня въ Кіевѣ, я, конечно, упредилъ бы, можетъ быть, оное моимъ къ Вамъ прибытіемъ, если бы не припадокъ болѣзненный, а за тѣмъ и наступившая стужа одновременно почти соединившись, меня здѣсь не задержали. Постараюсь, однако жъ, при всемъ томъ будетъ сноснѣе погода, для слабости моего здоровія, сократить время, дабы поспѣшить мнѣ имѣть то удовольство при персональномъ свиданіи, чтобы Васъ обнять и увѣрить о непреложномъ усердіи и отличномъ почтеніи, съ которыми никогда быть не престану.

P. S. Всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, при засвидѣтельствованіи моего особливаго почтенія, нижайшій поклонъ.

1776 года,
7 Ноября.

Государь мой,

Петръ Петровичъ!

Сгвѣчая симъ на письмо Ваше, такъ такъ возвратившійся опять изъ другова свѣта въ сей, я начинаю моею премногою благодарностію за сожалѣніе Ваше, которое Вы обо мнѣ имѣли, лишаясь безповоротно увидѣть меня когда либо; а между тѣмъ пользуюсь тутъ и удостовѣрить Васъ, что я, не только живъ, но и стараюсь еще, при помощи лучшаго времени, моимъ разстроеннымъ силамъ, увидѣться съ Вами персонально и доказать, что я всегда съ искреннимъ усердіемъ пребываю

Вашего Высокоблагородія

покорнымъ слугою.

1776 года.
Ноября дня.

ПАССЕКУ.

Милостивый Государь мой,

Петръ Богдановичъ!

На сихъ дняхъ получилъ я увѣдомленіе, что находившійся во управленіи Гомельскою моею экономіею, Шляхтичъ Сабанскій, по послѣдовавшему изъ Верхняго Земскаго Суда 1-го Департамента, вовсе по неизвѣстному мнѣ обстоятельству, въ Уѣздный Велицкій Судъ Указу, присланными Капитаномъ Исправникомъ Онуфріемъ Гажицкимъ, Ассесоромъ Николаемъ Леоновичемъ съ бывшими при нихъ пятью человѣками, съ обнаженными тесаками солдатъ, взятъ изъ дому моего подъ караулъ и отправленъ въ Уголовную Палату. И хотя я лучше себѣ воображая, долженъ ожидать, что ежели не показано ни ко мнѣ, ни къ дому моему, отъ Судей въ томъ случаѣ ни малаго уваженія, то обережено, по крайней мѣрѣ, мое имѣніе и не оставлено на расхищеніе и безгласное отысканіе безъ всякой описи и предохраненія, предписываемыхъ на таковые случаи законами.

Я прилагаю у сего о происшествіи оном точную копію съ письма Секретаря моего Гулевича, бывшаго при томъ случаѣ въ Гомлѣ, и полагаясь на извѣстное ко мнѣ Ваше правосудіе, долженъ себя ласкать, что Вы таковой господъ судящихъ поступокъ не апробуете, а паче въ послѣднихъ обстоятельствахъ, и охраните меня своими благоразумными мѣроположеніями, дабы за преступленіе Г. Сабанскаго (какъ ни въ чемъ за него отвѣчать не долженъ) не терпѣлъ таковымъ поступкомъ гг. судей, чувствительнаго предосужденія и убытка.

Пребывающій навсегда съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга.

1776 года,
10 Ноября.

Милостивой Государь мой,

Аврамъ Ивановичъ!

Извѣстный Вашему Превосходительству, Ротмистръ Дюбоскъ, схотѣлъ нынѣ попытаться вторично къ доисканію своей претенсіи, и по надеждѣ на особую благосклонность Вашу ко мнѣ, просилъ препроводить его къ Вамъ съ моею рекомендацію. Я, удовлетворяя справедливому его исканію, прошу В. П. оказать ему возможное въ томъ пособіе, имѣя между тѣмъ удовольствіе повторить Вамъ и о искренности и почтеніи, съ которыми никогда не престану быть.

1776 года,
13 Ноября.

ЧЕРТКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Василій Алексѣевичъ!

Симъ провождаю къ Вашему Превосходительству письмо на имя Цесарскаго Господина Капитана Каваллара, находящагось въ Черкаскѣ у покупки лошадей, которое вручилъ мнѣ Министръ тамошней Господинъ Лобковицъ; усугубляю прозьбу его моею о вѣрномъ доставленіи ему онаго, имѣя между тѣмъ удовольство повторить Вамъ о истинномъ почтеніи и совершенномъ усердіи, съ которыми пребываю.

1776 года,
Ноября 22.

ИВАНЕНКУ.

Государь мой

Григорій Григоріевичъ!

Не имѣвъ для себя довольно свѣдѣнія о положеніи своихъ имѣній въ Полку Переяславскомъ, что на Днѣпрѣ, я не могу полагать точно, есть ли тамъ для заведенія винокурни способные

мѣста, знавъ, что онѣ подъ водой долго стоятъ; но знаю и то, что винокуреніе въ тѣ мѣсяцы вездѣ перестаетъ; и потому прошу мнѣ именно указать къ тому удобное, или въ замѣну, или куплею по близости отыскать. Я тутъ нахожу съ одной стороны удобность по урожаю тамошнему довольному и отъ Прилуцкихъ мѣстностей обывателей въ не далекомъ отстояніи находящихся и лѣсъ и хлѣбъ, а изъ Гомля изъ собственныхъ моихъ лѣсовъ дрова. Лаская себя, что Вы по пріязни своей ко мнѣ не отречетесь въ томъ приложить свой особливой трудъ мнѣ въ одолженіе, ожидаю между тѣмъ отъ Васъ на сіе увѣдомленія, и свидѣтельствуя мое почтеніе любезной Вашей супругѣ, пребываю, какъ и всегда, съ искреннымъ усердіемъ.

1776 года,
15 Декабря.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой
Иванъ Васильевичъ!

Читая послѣднее Ваше отъ 27 Ноября, вижу, что Вы не получили еще къ тому времени моего отъ 22 тогожъ; но къ сему имѣя оное конечно уже въ рукахъ своихъ, и найдя въ немъ Указъ Сената въ Рогачевскую Канцелярію, по Вашему ко мнѣ усердію, не сомнѣваюсь, чтобъ Вы не поставили дѣла наши въ желаемое положеніе.

Благодарности моей не могу предъ Вами изъяснить по мѣрѣ хотѣнія моего за Ваши меня одолженія, и я желаю коль искренно, толь и охотно, найти случай оказать взаимно и мои Вамъ услуги, будучи къ Вамъ съ непремѣннымъ усердіемъ.

Государь мой
Семенъ Ѳедоровичъ!

Соглашаясь на заплату Якову Филиповичу четырехъ сотъ и пятидесяти рублевъ за ранжерею, я считаю, что оная уступлена со всѣмъ строеніемъ, и хотѣлъ бы, чтобъ оную перевезть въ Кочуровку, но не знавъ ея расположенія, опредѣлить мнѣ мѣсто для оной трудно, почему прошу Васъ поговорить Г. Алексѣеву, чтобъ онъ снялъ ей планъ, и оной прислать ко мнѣ.

Требованію садовника Генриха Христіана Цина, если на меньшемъ чемъ постановлено не будетъ, удовлетворить соглашаюсь; но въ контрактѣ, который сдѣлать съ нимъ на три года, въ заключеніе упомянуть необходимо потребно, что онъ долженъ двухъ моихъ мальчиковъ (коихъ назначте ему изъ тамошнихъ обывателей и изъ сиротскихъ, къ тому способныхъ и проворныхъ) научить всему тому, что нужно къ свѣдѣнію о деревахъ, цвѣтахъ и травахъ всякаго роду; и какъ смотрѣніе за первыми и употребленіе послѣднихъ есть главнымъ пунктомъ садоваго дѣла, то по тому и обязанъ показывать имъ, какъ плодоносное дерево беречь, прививки дѣлать, плоды сбирать и оные сохранять; съ другими, что служить къ увеселенію, какъ на всякое время ихъ производить, содержать и оберегать, а въ послѣднихъ различать умѣть, что на кухню и къ столу потребно и въ которомъ времени года; словомъ: коснуться всей подробности, что лежитъ до садовыхъ и огородныхъ произрастеній. Къ слову бы упомянуть и о томъ, что если не выучитъ онъ ихъ въ сіе время, подвергаетъ себя какому либо штрафу или взысканію.

Имѣвъ давно свѣдѣніе о тамошнемъ моемъ строеніи, я хотѣлъ бы быть увѣдомленъ, до какой степени въ производствѣ доходитъ оное, и что еще нужно изъ матеріаловъ къ конечному довершенію всего начатаго? Не меньше желается знать и о прудѣ предъ домомъ—вычищенъ ли уже сей, или нѣтъ? также изъ свободныхъ работниковъ, есть ли надежда тамъ имѣть, и на какой заплатѣ, поденно, или отъ сажени? а между тѣмъ и о лугѣ, что за избою прикащика, гдѣ мы ходили—сухъ ли оной, или нѣтъ?

Изъ лучшей удобности, каторую нахожу я къ соединенію моего хозяйства, прошу Васъ прилѣжно обще съ Г. Рахмановымъ форверки соединить чрезъ сѣнокосъ N и болото Барщовское съ ланомъ Барщовскимъ К. и форверкомъ Калиновскимъ, гдѣ не большая часть Козачьего входитъ, а по окончаніи отдачи, чтобы и села Литвиновичъ дачи, также обмѣрить и на планѣ положить, увѣривъ его съ стороны моей, что я въ благодарности не закосню быть особливо признателенъ ко всякому меня одолженію. Есьмъ, впрочемъ, съ усердіемъ и доброжелательностью Вамъ

покорнымъ слугою.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1777 ГОДЪ.

1777 года,
5 Генваря.

НОРОВУ.

Максимъ и Михайло Мизяки, съ похвалою продолжавшіе службу при Дворѣ Ея Императорскаго Величества, коихъ персонально въ томъ и я знаю, схотѣли нынѣ, по увольненіи ихъ, отправиться на свою отчизну. Я пользу ихъ во уваженіи долговременныхъ и отличныхъ трудовъ ввѣрию попеченію Вашего Превосходительства, прося при первыхъ Коммисарскихъ вакансіяхъ увѣдомить меня для ихъ помѣщенія, вѣривъ, впрочемъ, истинному усердію, съ которымъ никогда я быть не престану.

---

5 Генваря.

Иванъ Матисовъ!

Здѣсь получилъ я письмо отъ Г. Пелагіи Черницовой, въ которомъ пишетъ она о землѣ, населенной моими крестьянами и названной Новоселками, по Генеральному нынѣ размеженію отходящей въ ея владѣніе; я по сему случаю ожидаю увѣдомленія: кто она такова? ея отечество? и та земля когда и какимъ образомъ присоединена къ моимъ? Какія тутъ люди и въ коликомъ числѣ посажены? сколько оной десятинъ въ поляхъ пашенныхъ, лугахъ сѣнокосныхъ и лѣсахъ? Въ чемъ, съ Г. Замятинымъ освѣдомясь, меня увѣдомить, доставя ей прилагаемое письмо, надписавъ: Милостивой Государынѣ моей Пелагіи (отечество) Черницовой.

Генваря 5-го.

ЧЕРНЦОВОЙ.

Милостивая Государыня моя!

Читая письмо Ваше отъ 29 прошлаго Декабря, не могу я не быть предъ Вами признательнымъ за ту искреннюю откровенность, которою почтили Вы меня увѣдомленіемъ о землѣ, Вамъ принадлежащей, населенной нынѣ крестьянами моими и названной Новосельцами. Я хотѣлъ бы весьма удовлетворить требованію въ томъ Вашему; но бывъ всегдашнимъ отсутствіемъ удаленъ отъ всѣхъ моихъ имѣній, и не зная оныхъ по тому точнаго положенія, ничего рѣшительно сказать Вамъ при семъ не нахожу. Льщу, однако жъ, себя оказать мою готовость ко благоугодности Вашей и взаимно выгоднѣйшему положенію, коль скоро получу я отъ моего атамана повелѣніе, съ симъ отправленное, пребывая впрочемъ съ точнымъ почтеніемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1777 года,
5-го Генваря.
С. Петербургъ.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Между тѣмъ, какъ Вы по заключенію моему, приводите къ окончанію ввѣренныя Вамъ дѣла, касательно строенія, подробнаго описанія и сочиненія плана на мои дачи Кайнарджискія, съ нѣкоторыми вновь присоединенными: прошу васъ навѣдаться, со всѣми тѣми подробностями, какія полагаются при покупкѣ надобными, о селахъ и деревняхъ, въ Вѣдомостяхъ Московскихъ прошлаго года въ исходѣ поимянованныхъ къ продажѣ. Я хотѣлъ бы, чтобъ Вы осмотрѣли сами всѣмъ онымъ планы, описали рѣки, при которыхъ оныя лежатъ и съ которыми соединяются — и судоходные ли? Лѣса, пахотныя поля, сѣнокосные луга, выгоны, какова количества и качества? Естьли гдѣ ранжереи и сады регу-

лярные, или фруктовые? какой величины и съ какимъ доходомъ и свойство крестьянъ? словомъ о всемъ томъ, что относится хозяйству, до конечнаго пункта выспросить и о послѣдней цѣнѣ за каждую порознь — меня увѣдомить, а именно: 1-е, о селѣ Архангельскомъ и селѣ Александровкѣ, Орловскаго уѣзда Такучевскаго стану, принадлежащихъ владѣнію Маіора Князя Щербатова. 2-е, о селахъ Долголядьи и Новомъ съ деревнями и пустошми въ Рузскомъ уѣздѣ, владѣнія Графа Алексѣя Владимировича Салтыкова, и 3-е, о селѣ Ивановскомъ съ деревнями Камелиною и Косининымъ въ Московскомъ и Ливиченскомъ станахъ, Измайловскаго полку Капитана Поручика Князя Голицына.

Есьмъ съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашъ доброжелательный слуга.

P. S. Прошу Васъ навѣдаться тѣмъ же порядкомъ и о пустошахъ Мостовкѣ и Жупеевѣ, Переяславскаго уѣзда, въ Кистимскомъ стану состоящихъ, владѣнія Петра Матвѣевича Поливанова; и ежели сіи пустоши раздѣляются на 200 саженяхъ отъ дачъ жены моей, то въ серединѣ чье имѣніе и съ какими угодіями? и во что десятина лѣсу и поля стоить будутъ?

1777 года,
Генваря 9 дня.

УПРАВИТЕЛЮ САВАНСКОМУ.

Почтенный Господинъ Ротмистръ,

мой особливый Пріятелы

Благодарю признательно за труды Ваши въ дѣлахъ моихъ по имѣніямъ моимъ Гомельскимъ, и за сообщеніе Ваше о нѣкоторыхъ деревняхъ; къ присоединенію оныхъ къ моимъ, я хотѣлъ бы, чтобъ нашли Вы оныя въ срединѣ моихъ, и таковы, на примѣръ, какъ обои Дятловичи, которымъ желалъ бы имѣть я обстоятельныя и вѣрныя описанія и о послѣдней цѣнѣ; впрочемъ, пре-

поручивши распоряженію Вашему тамошнее мое хозяйство, я не сумнѣваюсь о Вашемъ усердіи, что Вы все обратите на пользу моихъ интересовъ, вѣривъ о мнѣ, что и я во взаимство не упущу ни одного изъ случаевъ, гдѣ могу оказать мою готовость на услуги, будучи всегда

Вамъ доброжелательнымъ.

---

9 Генваря.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Благодаря Васъ найпризнательнѣйше за участіе, кое во всѣхъ дѣлахъ о моей пользѣ пріемлете, принужденъ съ новой докукой явиться: Василій Карповичъ доносилъ мнѣ, что при положеніи Коп-цовъ отъ Суда Подкоморскаго, на ограниченіе дачъ, мнѣ Комиссіею отведенныхъ, нѣкоторые ихъ испортили, а другіе и вовсе совершить не допустили. Вашимъ стараніемъ я оные одержалъ, Васъ и прошу оное благодѣяніе совершить; и ежели дружелюбно не дойдетъ къ концу, наставить Василія Карповича, гдѣ и какъ искать. Впрочемъ, желая сей новый годъ начать благополучно, до позднихъ временъ достигнуть въ самопожелаемыхъ удовольствіяхъ, а мнѣ вѣрить, что я съ истиннымъ усердіемъ и преданностію.

покорный слуга.

P. S. Относительно Жидовъ, естьли находите Вы гдѣ либо въ срединѣ моихъ имѣній мѣсто къ населенію удобное, я прошу Васъ о помѣщеніи оныхъ сдѣлать свое разсмотрѣніе. Въ противномъ же, сказать имъ, что я далъ имъ только позволеніе искать онаго въ Бѣлорусской Губерніи, по Всевысочайшему въ томъ соизволенію, не указывая прямо на пунктъ точной усадьбы, для чего къ нимъ и команды были опредѣляемы, куда и нынѣ могутъ они свободно перейти и просить тамошнее Правительство о ихъ принятіи.

УЛАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Съ возвращающимся моимъ куріеромъ изъ Стародуба, я Ваши съ приложеніями исправно получилъ; а съ Савичемъ, сюда прибывшимъ, не имѣлъ я никакова отъ Васъ увѣдомленія: онъ сказывалъ, что Вы остаетесь въ нѣкоторомъ ожиданіи другова. Что до Литвиновичъ, то по плану кажется, что нѣтъ тамъ ни малѣйшей удобности завести мое хозяйство, по неимѣнію ни малѣйшихъ угодій, на владѣльца принадлежащихъ, а развѣ по положенію мѣста и способности со временемъ, что либо отъ сосѣдей и своихъ крестьянъ нѣчто куплею и замѣною присоединить, въ чемъ Вы лучшее мнѣ пособіе, избравъ выгоднѣйшее при хорошемъ положеніи мѣсто, сдѣлать можете. Давно бы могъ я имѣть удовольство изъясниться о томъ съ Вами изустно, если бы не удержала меня тяжкая болѣзнь; но по нѣкоторомъ моемъ теперь излѣченіи ласкаюся, что ожидаемое въ томъ не надолго продолжится, къ которому времени оставляю принесть Вамъ и мою благодарность за Ваши труды; а въ семъ разѣ пользуюсь только сказать Вамъ, что я всегда пребуду съ истиннымъ усердіемъ.

P. S. Изъ числа моихъ охотниковъ Парафѣевскихъ присланы будутъ въ Глуховъ четыре человѣка, для смотрѣнія за моей охотой, посланной нынѣ изъ Москвы, о надобномъ которыхъ содержаніи и смотрѣніи прилѣжномъ за оною, прошу Васъ, кому слѣдуетъ, приказать надзирать.

---

9 Генваря.

СТАРОВУ.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Благодарю Вамъ за труды Ваши въ приведеніи экипажа моего въ лучшее состояніе, и смотрѣніе за всѣмъ тамъ моимъ. Касательно выдачи денегъ на платье кондитеру, я хочу прежде узнать, какъ онъ во время отсутствія моего себя велъ, и что сдѣлалъ; и дальше, нуженъ ли будетъ онъ мнѣ, или нѣтъ? а на жалованье и прочіе расходы, Вы получите пять сотъ рублей отъ Петра

Мартыновича Юркевича, къ которому о семъ отъ меня писано. Есьмъ, впрочемъ, съ непремѣннымъ усердіемъ.

P. S. Изъ числа моихъ охотниковъ Парафѣевскихъ, отправьте четыре человѣка въ Глуховъ къ Семену Ѳедоровичу, для смотрѣнія моей охоты, посланной нынѣ изъ Москвы, а о прилѣжномъ надзираніи тамошней, не оставьте приказать, кому слѣдуетъ.

1777 года,
Генваря 9 дня.

Василій Карповичъ!

По послѣднему Вашему донесенію относительно недопущенія къ ограниченію дачъ, Коммисіею мнѣ отведенныхъ, я писалъ къ Ивану Васильевичу съ просьбою, чтобы онъ постарался оное дѣло довесть къ совершенію, или бы Васъ наставилъ, какъ и гдѣ отозваться съ жалобою.

Изъ Буртника присланы будутъ къ Вамъ чулошные мои фабриканты съ ихъ станами и 8 кобылъ заводскихъ. Прикажите первымъ отвесть выгодное житье, чтобы они основали свое ремесло, а кобылъ, по отдохновеніи при спискѣ и описи, въ какомъ состояніи ихъ получите по приходѣ оной, отправить въ Парафѣевку, къ Г. Адьютанту Евреиному.

1777 года,
Генваря 9-го.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Съ чувствительнѣйшею признательностію пріемлю я участіе Ваше въ дѣлѣ о свершеніи здѣлки, и прилагая при семъ полномочіе, всепокорно Васъ прошу окончить то порядкомъ надлежащимъ, не жалѣя ни иждивенія, ни трудовъ для приведенія въ замѣну отдаленной мельницы въ лучшее состояніе; что же до переводу людей изъ деревни Максимовки, я желалъ бы, чтобъ то было нѣкоторымъ образомъ по выбору, отличая знаніе и ихъ способности. Впрочемъ, оставляя сказать Вамъ изустно мою найбольшую благодарность, при персональномъ свиданіи, я между тѣмъ

пользуюсь поздравить Ваше Превосходительство, вступя въ Новый Годъ, который и премногіе послѣдующіе желаю препроводить Вамъ въ самомысльномъ удовольствіи и благоденствіи, вѣривъ о мнѣ, что я вездѣ всегда пребуду съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ.

P. S. Не отъѣду отсюда прежде, нежели все испытаю къ одержанію Вашего, а между тѣмъ хочу коснуться еще къ Вамъ докукою. Мнѣ помнится, что у Г. Вестфалена есть планъ хутора Петрушевки, и тамъ въ среди онаго и моихъ земель есть часть небольшая Михайла Михайловича Стороженка; нельзя ли преклонить его на замѣну такого же участка по способности къ его инымъ дачамъ отъ Рожновки?

---

10 Генваря,
1777 года.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ѳедоровичъ!

Вы справедливость отдаете моимъ доброхотству и готовости на Вашу услугу, и я бы тотчасъ совершилъ присланную отъ Васъ купчую, но Московской мой стряпчій предписалъ мнѣ точныя ко внесенію въ оную слова, о чемъ я Вамъ сообщаю записку; боюсь же и Вашего, который мнѣ кажется быть мастеромъ. Онъ написалъ число душъ, о которыхъ я подлинно не знаю, есть ли? внесь мельницы, о коихъ я точно вѣдаю, что ихъ нѣтъ, а въ дополненіе и очистокъ нѣсколько сдѣлалъ. Освободите, по тому, отъ сего страха человѣка, въ подобныхъ дѣлахъ неискуснаго, Вы конечо, въ томъ не на большее поступите, какъ только въ соблюденіе нужнаго на таковой случай порядка; о мнѣ же вѣрьте, что я никогда не престану быть искренно Вамъ усерднымъ.

1777 года,
20 Генваря.

ЕПИСКОПУ РОСТОВСКОМУ, САМУИЛУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый Архипастырь!

Странствованіе мое прошлогоднее лишило меня имѣть удовольствіе получить въ свое время письмо Вашего Преосвященства, которымъ почтить Вы меня изволили; а болѣзненные мои припадки поставляли меня всегда въ невозможность принесть Вамъ всепризнательнѣйшую мою благодарность за оныя, и предварительно Вашему отъ 28 Декабря, принесть Вамъ и всескреннее мое поздравленіе съ Новымъ Годомъ. При семъ, выполняя долгъ для меня всеприятнѣйшій, я прошу всепокорно Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, принять во взаимство, но не въ видъ, однако жъ, общаго употребленія, а знакомъ отличнаго высокопочитанія усерднѣйшія желанія мои, да продолжитъ Вседержитель время жизни Вашей до позднѣйшихъ при самолучшемъ здравіи, и да изліетъ Онъ благодать и милость свои надъ Вами. Между тѣмъ, ласкаясь имѣть честь пользоваться непремѣнною благосклонностію Вашею, въ заключеніе повторяю Вамъ и то удостовѣреніе, что я никогда не престану быть съ совершенною преданностію.

1777 года,
28 Генваря.

ЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый мой Архипастырь!

Мое странствованіе и болѣзненные припадки выводили меня по нынѣ изъ возможности принесть Вамъ, Преосвященнѣйшій Владыко, мою найпризнательнѣйшую благодарность за письмо Ваше отъ 3-го прошлаго Октября, которымъ почтить меня было Вамъ угодно. Пополняя то симъ, открываю для себя и всеприятнѣйшій случай поздравить Васъ вступленіемъ въ Новый Годъ, который и премногіе будущіе да будутъ Вамъ источникомъ всякихъ благополучій, и содержащій времена и лѣта, да укрѣпитъ силы Ваши

и Ваше здравіе въ долготу дней до самопозднѣйшихъ; между же тѣмъ имѣю и то удовольство сказать Вамъ, что я, сдѣлавши обязательство единожды, ищу потомъ случаевъ, кои бы мнѣ послужили на удостовѣреніе отличнаго высокопочитанія и истинной преданности, съ которыми я, препоручая себя Вашему Архипастырскому благословенію, пребываю непреложно

Вашего Преосвященства.

покорнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый Архипастырь мой!

Всепочтеннѣйшее Вашего Преосвященства писаніе, имѣлъ я удовольство получить, и благодаря Вамъ найпризнательнѣе за оное, обращаю симъ во взаимство и мои всеискреннія желанія всѣхъ и всякихъ Вамъ благополучій при настоящемъ обновленіи времени, и да укрѣпитъ податель всѣхъ благъ силы Ваши и Ваше здравіе въ долготу дней до самопозднѣйшихъ временъ. Я въ полномъ ощущеніи и съ прискорбіемъ то видѣлъ бы, что не лично сіе выполняю, если бы Вы, Преосвященнѣйшій, не оказали на хартіи толь искренней Вашей ко мнѣ благосклонности и своего благословенія, кои подаютъ мнѣ смѣлость, что я ласкать себя могу всегдашнимъ продолженіемъ оныхъ, къ которымъ сохраняя всесовершенное высокопочитаніе, пребуду я непреложно съ преданностію и усердіемъ.

1777 года,
28 Генваря.

ЮРКЕВИЧУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Не имѣвъ съ послѣднимъ куріеромъ, который прибылъ ко мнѣ отъ Семена Ѳедоровича, Вашихъ писемъ; но какъ бы то ни

было, конечно того думать я не могу, чтобъ Вы не продолжали являть мнѣ Ваше благосклонное смотрѣніе за всѣмъ тамъ моимъ, и не наблюли бы пользъ моихъ интересовъ, къ чему всегда питаю я всеискреннѣйшее мое признаніе.

Проходя окрестность Черешеньковъ, остановился я на плотинѣ Химчиной, гдѣ видна, кажется, лучшая удобность снять болото, вверху пруда лежащее, паче въ сіе время, когда его вырубая, плитами перевозить можно въ другое мѣсто — въ поля. Тѣмъ легко можно показать воду, которая скрыта подъ симъ наростомъ, и дать тутъ видъ гораздо пріятнѣе. И какъ мѣста сего немного, а людей праздныхъ найдется довольно, то я и хотѣлъ бы, чтобъ Вы сдѣлали опытъ сей же зимы, приговоривъ охотниковъ за умѣренную плату.

Есьмъ съ искреннымъ усердіемъ доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28.

ЕВРЕИНОВУ.

Государь мой,
Алексѣй Павловичъ!

Письмо Ваше отъ 10 Генваря и всѣ сему предшедшія, я исправно получилъ, но отлагалъ всегда отвѣчать Вамъ на оныя изъ того больше, что мнилъ скоро изъясниться съ Вами устно. Теперь, то симъ исполняя, вначалѣ благодарю Вамъ за Ваше хорошее за заводомъ смотрѣніе, и опять за труды, что принимаете по дѣламъ моимъ коммисейскимъ. Между тѣмъ, обращаясь вновь озаботить Васъ моею прозьбою, чтобъ приказали прилѣжное смотрѣніе имѣть за моими кобылами Курляндскими, изъ Риги чрезъ Топаль къ Вамъ отправленными, изъ коихъ весьма можно составить цугъ, я скажу вамъ примѣчаніе, буде бы еще заводъ мой не переведенъ, оставить его на прежнемъ мѣстѣ до моего туда прибытія, а наконецъ, сокращая сіе, заключаю искреннимъ удостовѣреніемъ, что я съ найбольшею признательностію къ Вашимъ одолженіямъ всегда пребуду съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой

Яковъ Никитичъ!

Располагая на будущее лѣто завесть строеніе дворовъ моихъ въ Топалѣ и Гомлѣ, чтобы не опоздать своимъ пріѣздомъ, не могу лучше положиться на выборъ къ тому удобныхъ мѣстъ, какъ на Васъ, вѣдавъ Вашъ хорошій вкусъ, прилѣжное всего осмотрѣніе и соображеніе пріятнаго съ полезнымъ. Вамъ извѣстны и мои прихотливыя затѣи, чтобы имѣть при хорошемъ, возвышенномъ, или ровномъ, положеніи хорошіе виды, разныя натуральныя украшенія, какъ дубравы и другаго дерева лѣски и рощи, пруды, рѣки, рѣчки, а иногда и весьма замѣняющіе оныя хорошіе ключи; и я прилѣжно Васъ прошу, выпросивъ подорожную, отправиться первое въ Топаль, и тамъ осмотрѣть близъ лежащія мѣста (потому что въ самомъ Топалѣ полезное безъ пріятства), и именно: гдѣ была парусинная фабрика, старый хуторъ, или нынѣ называемый Красный фольверкъ. Во Внуковичахъ при славномъ колодезѣ, гдѣ теперь винокуренный заводъ, или гдѣ Вашъ Василій Карповичъ и другіе, знающіе тамошнюю окрестность, на лучшія мѣста укажутъ. Ѣдучи оттоль въ Гомель, на пути въ Чолковской волости, ни въ Чолковѣ, гдѣ какъ и въ Топалѣ, и не искать хорошаго, но въ Щербиничахъ старыхъ и новыхъ, Уницкой Руднѣ, Чертовичахъ, или какъ выше сказано, гдѣ на лучшее укажутъ. Наконецъ въ Гомельскомъ Старостве, за Сожемъ, въ самомъ Гомлѣ, гдѣ замокъ, и котораго положеніе, всѣ тамъ бывшіе, чрезвычайно хорошимъ поставляютъ въ разсужденіи виду и другихъ его въ околичности сей превосходныхъ положеній, слѣдовательно, оное и остается тамъ первымъ; другое при деревнѣ Бобовичахъ, гдѣ Ужа въ Сожъ впадаетъ; третье въ округѣ Хоминскомъ, гдѣ Сожъ въ Дмѣпръ впадаетъ, при устьи сихъ рѣкъ, или при которомъ озерѣ, или на одной ли изъ нихъ въ части предъ Сожской: 1-е, въ слободахъ Климовкѣ, Зябрицѣ, или заводѣ Прибытковскомъ; 2-е, въ Марковичахъ. Въ части за Ипутью: 1-е, въ Романовичахъ; 2-е, въ Добрушѣ. Я буду ожидать отъ Васъ увѣдомленія изъ всякаго сихъ мѣстъ, съ описаніемъ оныхъ, ихъ окру-

жностей и видовъ; и которыя Вы по приличности и по мыслямъ Вашимъ, заведеніемъ ли новыхъ садовъ, или обращеніемъ находящихся уже рощъ на новой вкусъ, прудами ли, или только возвышеніемъ рѣчекъ въ ихъ берегахъ, или же дѣланіемъ изъ ключей новыхъ рѣчекъ, украситъ полагаете.

Я писалъ къ Максиму Клементіевичу, чтобы онъ брата своего въ Кучеровку для надзиранія зимнихъ тамъ работъ прислалъ; а чтобъ во время пребыванія Вашего въ Гоилѣ и Топалѣ производимо было Вамъ въ мѣсяцъ по 25 рублевъ, о томъ отъ меня, кому слѣдовало, приказано. Есьмъ, впрочемъ, съ усердіемъ доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28.

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

Я находилъ всегда, по мнѣнію Вашему, при рапортѣ отъ прошедшаго мѣсяца и года, относительно моего хозяйства, что Чолковской волости обыватели весьма облегчены противу всѣхъ другихъ; но чтобы имъ сверхъ оброку налагаемая пенька вдругъ тягостною не показалась, то лучше впредъ обратить ихъ на работы, и обложить нѣкоторымъ числомъ берковцовъ пеньки и сѣмянъ. Къ отысканію же земли предвидятся тамъ способы ежели не при всякомъ селеніи особо, то по крайней мѣрѣ въ близости одного или другаго, на примѣръ; 1-е, отданныя слободы Климовой земли; 2 е, пустовыя чвертки, и прежде на владѣльцевъ бывшая земля; 3-е, срубы лѣса и чистки онаго.

Я хотѣлъ бы отъ Васъ точную опись получить, 1-е, о всякомъ селѣ и деревнѣ Чолковской волости, а особливо о Чертовичахъ, о которомъ по хозяйству я, со времени моего владѣнія, ни малѣйшаго извѣстія не имѣю, гдѣ какое число дворовъ и въ ономъ мужеска и женска пола душъ? Колико чвертокъ земли пахатной во всякой рукѣ, сѣнокосу и выгону? 2-е, Къ коему изъ оныхъ отъ Климовой слободы земля смежна? 3-е, Въ которомъ селеніи коликое число пустовыхъ чвертокъ, и оными кто пользуется изъ окладу, и какого, или безъ того? 4-е, Гдѣ есть въ какомъ количествѣ мѣры и качествѣ доброты свободная земля подъ лѣсомъ, какимъ именно:

строевымъ, или дровянымъ, и какихъ сортовъ дерева, и къ росчисткѣ на пахатныя поля, сѣножати, или выпуски для скота 15-го. Что чвертка содержитъ въ себѣ въ долготу и широту саженей, и что высѣвается на оной ржи четвертей?

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

Относительно Вашего мнѣнія до дубоваго дерева, не оно ли называется терминомъ торговымъ ванчосъ, и почитается быть прибыльнымъ тамъ торгомъ? Вы можете отобрать отъ обывателей Гомельскихъ обстоятельныя извѣстія, какой мѣры, какъ оное заготовлять, и по какой цѣнѣ, куда и какими издержками выставлять. А потому и узнать не трудно, сходно ли намъ входить въ оной торгъ, или нѣтъ?

Пенька, я слышу, на Рижской бракъ до осинадцати талеровъ въ Ригѣ купится: я бы желалъ вѣдать, по чему оная теперь въ Вашемъ краю? Какое количество оной у Васъ на лице, и какое прикупить можно, и наконецъ куда свободнѣе оную на пристань Двинскую возить, къ Витебску, или гдѣ Вамъ ближе извѣстно? и мнѣ о томъ дать знать.

1777 года,
28 Генваря.

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

По доброхотнымъ Вашимъ мнѣніямъ, представленнымъ при рапортѣ прошедшаго мѣсяца и года, относительно моего домостроительства, желалъ бы я, чтобъ Вы приступили, не упуская времени, къ заготовленію и свозкѣ на мѣста, къ тому назначиваемыя, надобнаго количества бревенъ и другихъ припасовъ, и именно:

1-е. Въ Гомлѣ и Топалѣ на предполагаемыя строенія, на показанномъ Г. Алексѣевымъ мѣстѣ; и ежели бы дикаго камня и извести близко Гомля не было, то перваго надобное количество сажень до 30-ти кубическихъ, а послѣдней, по препорціи заготовляемаго кирпича, водою получать; да и кирпичные заводы въ Гомельскомъ Старостве не подалеку отъ Сожи, или Ипути, имѣть стараться, чтобы можно было кирпичъ везти, гдѣ оной потребенъ.

2-е. Все сіе заготовленіе и вывозки расположить въ Гомлѣ на обывателей Гомельскаго Староства, а въ Топаль, Чолковской и Топальской волостяхъ равномѣрно по числу дворовъ, или душъ, въ размѣръ ихъ окладу, или работъ, и къ которому мѣсту ближе и способнѣе.

3-е. Въ Гомель и Топаль, во всякое мѣсто, мастеровъ искусныхъ, каменщиковъ и плотниковъ, по двадцати, приторжить. Каменщиковъ обыкновенно потысячно, а плотниковъ помѣсячно, и озадаточить ихъ въ томъ, чтобы съ половины, а плотники съ 1-го Апрѣля, къ назначенной работѣ явились.

4-е. Навѣдаться о грабарахъ и другихъ земляныя работы исправляющихъ тамошнихъ, или прохожихъ, и примѣнясь о платѣ въ томъ мѣстѣ поденно, во всякую по сту человѣкъ договорить и озадачить.

Въ Гомельскомъ Староствѣ, при слободѣ Добрянкѣ, къ выстроенію пильной о трехъ, или четырехъ, рамахъ, мучной мельницы о шести камняхъ и винокурни на тридцать котловъ. Въ самомъ Топалѣ для пенечной чески. При Щербиничахъ, Новыхъ или Старыхъ Чертовичахъ, или Унитской Руднѣ, гдѣ есть выгоднѣйшее и пріятнѣйшее положеніе, на построеніе впредь дворовъ господскихъ для винокуренныхъ заводовъ на надобныя строенія количество Вамъ извѣстное.

Вамъ доброжелательный.

1777 года,
Января 28.

МОСЦИПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Клементьевичъ!

Письмо Ваше съ планами и контрактомъ я получилъ; одобряя сдѣланный контрактъ во всѣхъ частяхъ онаго, приношу мою Вамъ искренюю благодарность за трудъ въ дѣлахъ моихъ, Вами на себя пріемлемой, и видя изъ Вашего письма, что Флигель, гдѣ оранжерея, не отдѣланъ, налагаю на Васъ первую заботу попра-

вленіемъ онаго по плану слѣдующему, гдѣ и прошу по оному приложить стараніе Ваше. А на воротахъ, для виду, по ихъ роду архитектуры, снявъ сверху вазики и по сторонамъ кровли шишечки, на мѣсто среднихъ ставить флаги безъ всѣхъ другихъ къ тому излишествъ.

Пребываю, впрочемъ, какъ и всегда,

доброжелательнымъ слугою.

1777 года.
28 Генваря.

Якубовичу.

Государь мой,

Александръ Яковлевичъ!

Трудно мнѣ изъяснить мое признаніе, которое я чувствую къ Вашимъ благодѣніямъ, и которое навсегда останется на мнѣ пріятнымъ долгомъ и обязательствомъ.

Я ласкаю себя одержать и Кіанову мельничку, и около Кислицкаго лежащій лѣсъ; желалъ бы, чтобъ уже и тотъ кусочикъ лѣсу, который лежитъ, ѣдучи отъ Бреусова въ Кочановку, въ лѣвой сторонѣ къ Петрушевскому хутору; и потому прошу Васъ при присоединеніи мнѣ оныхъ больше пріятныхъ, нежели прибыльныхъ, имѣній, не скупо платить людямъ, больше требующимъ послѣдняго, нежели перваго. Степана Петровича я благодарю при семъ влагаемымъ, особо прошу Васъ и Ивану Павловичу поблагодарить за его благосклонное предложеніе; но какъ оное дѣло зависитъ, во первыхъ, отъ сдѣлки ихъ съ швагромъ, то мнѣ трудно теперь предположить, кому я за то обязанъ буду удовлетворить, и какою суммою денегъ, находя особливо не безъ затрудненія удовольствовать Ивана Павловича возвращеніемъ части, отшедшей въ другую сотню. Я имѣю Ивана Павловича пріятнымъ сосѣдомъ, и многія его къ себѣ благосклонности видя, ни мало не хочу въ сей сдѣлкѣ видѣть его и малѣйше въ убыткѣ, и потому прошу Васъ, какъ посредника обѣихъ сторонъ доброжелательнаго, постановить на мѣрѣ оной нашъ тройной договоръ, разумѣя между Степаномъ Петровичемъ, Иваномъ Павловичемъ напередъ, а потомъ изъ нихъ

съ которымъ и мною. Я предлагаю деньги, какъ одно средство, замѣняющее, однако же, всякое другое; и шесть тысячъ рублевъ, кажется не изъ размѣру имѣнія, о которомъ договоръ идетъ, оставляя свободу Вамъ, сходственно съ настоящей куплей имѣній недвижимыхъ, и доходу получаемаго съ сего опредѣлить сумму, съ которой бы я хотя четыре процента получить могъ.

Есмь съ истиннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

МАКСИМОВИЧУ.

Государь мой,

Степанъ Петровичъ!

Дошло къ свѣдѣнію моему, что Вы благосклонно стараетесь о моемъ удовольствіи, предлагаете своему шваґру, а моему любезному сосѣду, Ивану Павловичу, въ замѣну его хутора, смежнаго съ моимъ имѣніемъ Парафѣевскимъ, Ваше Красноколядинское, съ тѣмъ, чтобы Вы могли, на мѣсто онаго, пріискать способное къ Вашему Чернускому имѣнію. Я, Васъ благодаря найпризнательнѣе, щитаю оное Ваше дружеское ко мнѣ расположеніе новымъ титломъ Вашего на мнѣ долгу и обязательства.

Я писалъ къ Александру Яковлевичу, какъ къ посреднику между Иваномъ Павловичемъ и мною, чтобы онъ мое предложеніе ему сдѣлалъ: не знаю, будетъ ли ему сходно и Вамъ угодно? Но въ томъ прошу Васъ вѣрить, что я при всякомъ случаѣ буду стараться къ Вашей благосклонности оказать, что въ моей силѣ быть можетъ, пребывая съ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28-го.

БЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

Благодаря Вамъ найпризнательно за надзираніе дому моего и другія одолженія, приказалъ я Матисову вручить Вамъ на разные расходы денегъ 300 руб. Изъ письма Вашего я не вижу, мебели въ Кайнарджу, просто ли по требованію Петрова, или по письму, отсюда отпущены; и потому, желая, чтобы и всѣ мебели и обои изъ покоевъ, гдѣ Графиня жила, и изъ № 15 и 16-го, туда же отправлены и, по благопризнанію Карла Ивановича, Г. Бланка, употреблены были въ лучшихъ гостиныхъ комнатахъ и спальнѣ.

Я прошу о семъ и Карла Ивановича, а Васъ, чтобъ Вы вручили ему сіе письмо и вѣрили о моемъ къ Вамъ всегда непреложномъ и доброхотномъ усердіи, съ коимъ пребываю

доброжелательнымъ слугою.

---

28 Генваря.

БЛАНКУ.

Государь мой,

Карлъ Ивановичъ!

Я имѣю два намѣренія: хочу воздвигнуть, во славу Божію, не большой храмъ каменной въ Кайнарджи, а Доктора Ореуса древній домъ разобрать и сдѣлать надобныя пристройки къ Московскому дому; но въ первомъ добромъ обѣтѣ надобно мнѣ Ваше пособіе, а въ послѣднемъ совѣтъ, и которыхъ я имѣвъ много на своемъ щетѣ, боюсь уже, чтобы не отклонить Васъ моими докуками. Однако, между симъ страхомъ и доброю надеждою къ доброхотству Вашему, являюсь къ Вамъ съ прозьбою, чтобъ Вы для церкви, по плану, при семъ слѣдуемому, Матисову приказали надобное количество саженъ буту и бѣлаго камня, штукъ извести и другихъ матеріяловъ на первое мѣсто, по извѣстнымъ Вамъ успѣхамъ работъ, непремѣнно потребныхъ, подрядить, и нынѣшнимъ

же путемъ на мѣсто поставить. Каменщиковъ и кирпичниковъ договорить, и надобное количество на опредѣляемое число тысячь кирпичей, дровъ саженей, искупленныхъ у мельника, или же у сосѣдей изъ продаваемыхъ рубленныхъ купя, запасти. Мнѣ кажется, старое мѣсто, гдѣ церковь была, превосходнѣе новаго, но все то, выбрать и цѣну матеріяловъ опредѣлить, Вамъ, моему искреннему другу, предоставляю, прилѣжно прося въ томъ мнѣ не отказать, такъ какъ и мнѣніе Ваше дать о ломкѣ Ореусова и о пристройкахъ. По непрочности большаго дома, не лучше ли, оной продавъ, кромѣ мебелей, новой на Покровскомъ мѣстѣ выстроить? Мебели изъ Москвы въ Кайнарджу будутъ присланы, кои прошу указать, въ лучшихъ гостинныхъ, въ спальняхъ, или гдѣ Вы опредѣлите, употребить, вѣривъ, впрочемъ, непреложному усердію, съ которымъ я всегда пребуду.

P. S. Встрѣтилось мнѣ на мысль при отправленіи сего, по разности строенія и самаго мѣста положенія дому Ореуса и Пречистенскомъ, не покажется ли Вамъ лучшимъ и удобнѣйшимъ пустить оныя порознь въ продажу? Мнѣ мнится, скорѣе найдутся къ тому и другому охотники; но я ждать буду Вашего мнѣнія, какъ въ томъ Вы опредѣлите, и о цѣнѣ, чего оно стоитъ по признанію Вашему.

Планъ церкви подъ буквами А) искуснѣйшимъ Архитекторомъ для меня сдѣланъ съ фасадомъ и профильми; В) мною съ нѣкоторыми Вамъ знакомыми помощниками; онѣ кажутся быть обѣ равной пространности внутри, но не знаю, которая по положенію мѣста приличнѣе и меньше матеріяловъ требующая. Въ фасадъ, что подъ литерою А, желалъ бы башеньки, въ нѣчемъ похожіе на прилагаемой при семъ фасадъ подъ буквою С въ карандашѣ, кромѣ фронтоновъ на аркѣ двоеглавнаго орла и фигуръ подъ фронтонами, о которыхъ, то есть, послѣднихъ, можно впредь, доколѣ до нихъ дойдетъ, опредѣлить. И какъ сіи планы мнѣ должно въ другое мѣсто отправить, то я прошу приказать, снявъ съ оныхъ копіи, удержать до востребованія моего у себя.

1777 года,
29 Генваря.
С. Петербургъ.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Благодаря наипризнательнѣйше за сообщеніе требуемыхъ плановъ и обстоятельныхъ описей, двѣ просьбы тутъ Вамъ дѣлаю, одну о справкѣ и увѣдомленіи меня, въ которомъ селѣ и деревнѣ Графъ Алексѣй Владиміровичъ единственный владѣлецъ, и въ которомъ обще съ Княземъ Голицынымъ, и что на его часть точно земли и лѣсу на правой сторонѣ рѣки Рузы, и о послѣдней цѣнѣ сего имѣнія, и совѣта ради адресуйте къ Князю Сергѣю Сергѣевичу Голицыну, благодѣтельствовать по сему дѣлу мнѣ обѣщавшему. Вторую, о присылкѣ ко мнѣ плана Кайнарджи, который, чтобы бережно везенъ, вручите съ прозьбою о томъ сами Г. Почтъ-Директору, кой не отречется меня тѣмъ одолжить. Ежели бы времени не много потребно было, то мнѣ великая надобность состоитъ въ большомъ видѣ имѣть одно положеніе дому съ садомъ, по новые пруды съ одной, а съ другой по задъ рощи, что за житницей, въ самой плоскости, что идетъ къ рѣкѣ.

1777 года,
4 Февраля.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КУЗЬМИНУ.

Нѣтъ возможности уклониться отъ докуки, кою я моею прозьбой Вамъ, моему дражайшему Другу, наношу въ разсужденіи сего подателя, удрученнаго старостію и бѣдностію. Всякая по себѣ человѣку чувствительна, а обѣ вмѣстѣ едва сносны ему: онъ былъ Секретаремъ моего покойнаго отца и съ его жизнію, такъ сказать, и свое благосостояніе кончилъ. Чувствовавъ, что Вамъ не всегда есть время и случай удовлетворять многочисленнымъ исканіямъ, знаю и то, что въ доброй къ благодѣяніямъ волѣ Вы изобилуете. И такъ я ласкаю себя, что Вы не отречетесь сдѣлать ему милость, одолжить преданнаго и любящаго Васъ душевно

всепокорнѣйшаго слугу.

1777 года,
9 Февраля.

КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Сергѣй Сергѣевичъ!

Вы весьма ощутительными знаками Вашей ко мнѣ благосклонности наградили мое къ Вамъ усердіе и душевную преданность, толь поспѣшнымъ увѣдомленіемъ и стараніемъ по моей прозьбѣ, и наложили на меня обязательства. Въ описи, что имѣю отъ моего Секретаря Замятнина на деревню Графа Алексѣя Владиміровича, я не все еще тамъ нахожу, и именно: коль велико владѣніе совмѣстныхъ участковъ, и тѣмъ ли въ срединѣ дачи, въ пашняхъ ли то, лѣсныхъ или въ иныхъ состоитъ угодьяхъ? да и гдѣ Графъ Алексѣй Владиміровичъ единственный владѣлецъ, и что на его часть точно земли и лѣсу на правой сторонѣ рѣки Рузы принадлежитъ, которой все по количеству душъ не много и не больше 4000 десятинъ. И о послѣдней цѣнѣ сего имѣнія, совѣта ради, приказалъ я ему адресоваться къ Вашему Сіятельству, какъ лучшему пособію.

Брату Князю Павлу Сергѣевичу, сходственно приказанію Вашему, паспортъ посылаю, поставляя себѣ особливымъ удовольствіемъ Вамъ служить; употребляйте только къ тому всегдашнюю готовность искренно Васъ любящаго и почитающаго.

1777 года,
12 Февраля.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Вручитель сего, по надеждѣ на особливую Вашу къ нему милость, конечно, не имѣетъ нужды въ моемъ о немъ ходатайствѣ, мало нѣчто значущемъ; но благожелательствуя ему противъ воли, я симъ провождаю его къ Вашей Свѣтлости, присовокупляя всеприлѣжную прозьбу пособить ему во увольненіи на 6 мѣсяцовъ, для приведенія въ состояніе его законныхъ нуждъ, непреложно сердцемъ и душою преданнѣйшимъ пребывая.

NB. О Карлѣ Ивановичѣ Кайлоборсѣ.

1777 года,
13 Февраля.

Милостивый Государь мой,

Дядюшка, Князь Александръ Ивановичъ Борятинскій!

Я слышу, что Ваше Сіятельство намѣряетесь продать свое сельцо, со мною смежное, и можетъ быть изъ тѣхъ же причинъ, чтобы, не кстати лежащее продавъ, купить по близости и способности, какъ и я нынѣ продалъ Александру Ѳедоровичу Талызину свое сельцо, Панино. Кромѣ способности родство и моя душевная всегда къ Вамъ преданность, даютъ мнѣ къ сей куплѣ ближайшее право, а получа оное, имѣть новое титло Вашего одолженія. Я просилъ Графа Александра Петровича, чтобы онъ совершилъ сію куплю, а Васъ прошу его благосклонно принять и вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ и высокопочитаніемъ

Вашего Сіятельства.

всепокорный слуга.

1777 года,
18 Февраля.

МЕЩЕРСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Алексѣй Васильевичъ!

Имѣя нѣкоторымъ образомъ участіе въ дѣлахъ Вашихъ по завѣщанію покойнаго родителя Вашего, который меня къ тому уполномочилъ, долженъ я жалѣть, что больше недоумѣніе мое, нежели Ваше несогласіе, вводитъ меня въ новыя Вамъ докуки, а особливо относительно церковнаго строенія, и я Васъ найпризнательнѣйше прошу меня увѣдомить, сколько есть закладныхъ и на чье имя изъ Васъ, и въ тѣхъ на сооруженіе церкви денегъ опредѣленныхъ, какъ изъ завѣщанія покойнаго отца Вашего главнаго пункта?

Впрочемъ, пребываю и пр.

1777 года,
13 Февраля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Изъ представленія ко мнѣ моего въ дѣлахъ повѣреннаго, Матисова, по двумъ артикуламъ, я имѣю большую надобность въ Вашемъ благодѣяніи и пособіи, и именно о новыхъ прудахъ, кои онъ непремѣнно полагаетъ надобнымъ вычистить, и о мельницѣ Авдѣевкѣ, чтобы по ветхости вновь выстроить; я бы желалъ пруды, уступя въ надобныхъ мѣстахъ, обдѣлать берега дерномъ отлогимъ образомъ, а мельницу такимъ, чтобы настоящая плотина была равна съ высотою воды, потребной на колеса, такъ, дабы лишняя, безъ вешниковъ чрезъ плотину просто шла, а ровъ, исходящій въ лѣвую и свою сторону, обратить въ каналъ, и обдѣлавъ его, провесть имъ воду на колеса, коимъ число опредѣлить по количеству и теченію воды, и чтобы амбаръ, плотина и каналъ съ лотоками, что на колеса, и въѣзжій дворъ отдѣланы были чисто и манерно, и амбаръ бы имѣлъ фигуру Китайскаго строенія, а въѣзжій дворъ Нѣмецкой корчмы съ покоемъ для мельника и гостей выгоднымъ, а сараемъ для помѣщенія возовъ и лошадей пространнымъ. Я прилагаю и планы тутъ идеальныя, прося Васъ, посовѣтовавъ съ благодѣтелями моими, Графомъ Александромъ Петровичемъ и Карломъ Ивановичемъ, примѣняясь Московскимъ работамъ, сдѣлать смѣту, во что оба предполагаемые артикулы обойтись могутъ, мнѣ сообщить, а къ мельницѣ заготовлять матеріалы и начать свозить. Я для оной идеи прилагаю при семъ для амбара фасадъ, а для въѣзжаго двора фасадъ и планъ.

1777 года,
16 Февраля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Благодарю Вамъ найпризнательнѣйше за присылку плана моему лѣсу Троицкому съ принадлежностьми, и за приложенное при

томъ экономическое описаніе. Одно и другое доказываютъ мнѣ, что Вы, при искуствѣ совершенномъ, и отмѣнной трудъ, въ одолженіе мнѣ, приложить похотѣли, и я, считая сіе на себѣ пріятнымъ обязательствомъ, постараюсь Вамъ по возможности взаимно отслужить. Теперь, имѣя оный, ожидаю нетерпѣливо и мною прошенной и Вами обѣщанный планъ увеличенной мѣры мѣсту, что лежитъ подъ домомъ и садомъ, я желалъ бы имѣть оный планъ, начавъ отъ сарая кирпичнаго и обнявъ рощу по дорогѣ, что за ней до первой или верхней плотины новыхъ прудовъ, и перейдя оную, захватить всѣ рощи, паралельно съ садомъ и домомъ лежащія, до дороги Тройцкой въ Авдѣевку, а перейдя оную, обойтить рощу мелкую и крупную, что за житницею, спустясь лугомъ къ рѣкѣ Пехаркѣ, до впаденія въ оную двухъ рѣчекъ, Некинки и Рудневки, прося Васъ прилежно не только всю внутреннюю ситуацію положить на сей планъ, но и высоту отъ рѣки Пехарки береговъ назначить по всему сему разстоянію.

Есьмъ, впрочемъ, съ усердіемъ.

1777 года,
16 Февраля.

ЧЕРНИГОВСКОМУ ЕПИСКОПУ ѲЕОФИЛУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый мой Архипастырь!

Поздравленіе, которое сдѣлали Вы, Преосвященнѣйшій Владыко, во всепочтеннѣйшемъ Вашемъ, отъ 4-го Генваря, вступя въ Новый Годъ, служитъ мнѣ поводомъ къ заключенію навсегда, что ни отдаленность моя, ниже давнее отсутствіе не есть довольно сильны изторгнуть меня изъ Вашей памяти и отринуть отъ Вашей ко мнѣ благосклонности, къ которой не по мѣсту пребыванія моего, но вездѣ будучи въ признательнѣйшемъ расположеніи, питаю я къ Вамъ душевную мою преданность, а пользуясь симъ случаемъ, открываю предъ Вами и всеискреннѣйшія желанія мои, да послужитъ сей Новый Годъ и премногіе будущіе, моему Милостивому Архипастырю, источникомъ всѣхъ и всякихъ благоцастій, льстя себя, впрочемъ, непремѣнною Вашею ко мнѣ милостію,

коей и благословенія отъ Васъ испрашивая, останусь я непреложно съ истиннымъ усердіемъ.

1777 года,
Февраля 20.

Государь мой,

Иванъ Михайловичъ Скоропадскій!

Отвѣчая Вамъ на всепріятнѣйшее Ваше, прошу мнѣ отпустить, что не тѣмъ языкомъ, кой Вы въ своемъ почтительномъ употребили, я медленно сіе исполняю. Я не имѣю при себѣ знающаго оной человѣка, будучи самъ посѣщаемъ непрерывно болѣзненными припадками и выведенъ изъ возможности; ласкаю себя по Вашему благосклонному ко мнѣ расположенію, что Вы найдете по мысли и дѣломъ готовость и добрую волю къ Вашей услугѣ. Что до казуса, о чемъ есть рѣчь, находя Васъ, мой любезный Другъ, чрезъ толь многія лѣта терпѣлива, во утѣшеніе Ваше развѣ скажу, что остается послѣ того весьма уже не въ долгѣ увидѣть исканіе Ваше справедливо рѣшеннымъ, такъ какъ мнѣ и персональное имѣть удовольствіе Вамъ подтвердить о моемъ усердіи и преданности, съ коими непреложно пребываю.

1777 года,
Февраля 25.

Для памяти Г. Адъютанту Транзею, что ему въ продаваемомъ селѣ Заяньѣ съ деревнями самому прилежно смотрѣть; и о чемъ навѣдаться отъ тамошнихъ поселянъ и сосѣдей.

Самому прилежно осмотрѣть: 1-е, все господину въ томъ селѣ или деревняхъ принадлежащее, въ домѣхъ и какова состоянія и внутренніе приборы; въ садахъ, каковой они долготы, широты, регулярные или нерегулярные и какого рода, количества и качества плодовитыя въ оном деревьи; въ мельницахъ, сколько камней или ступъ, и какого мастерства оныхъ отдѣлка и воды количество; въ скотскихъ дворахъ, строеніе и скотъ, какого оные состоянія и въ какомъ числѣ, въ амбарахъ наличнаго хлѣба количество и доброту. 2-е, Начавъ селомъ Заячьимъ до послѣдней де-

ревни мѣстоположеніе, озера, рѣки, рощи, лѣса, и какой оныя долготы, широты и первыя глубины, а послѣднія высоты, и какого роду дерево, строевое, или дровяное, и что изъ тѣхъ угодій точно владѣльцу принадлежитъ, или своимъ крестьянамъ и другимъ владѣльцамъ; какъ велика которой часть, и что въ селѣ и деревняхъ крестьянскихъ дворовъ и въ оныхъ душъ, и какъ далеко которая деревня отъ села и другихъ смежныхъ деревень.

Тамошнихъ поселянъ спросить: 1-е. О количествѣ пашни, сѣнокосовъ, по тамошнему исчисленію десятинъ или копенъ, и что въ таковыхъ долготы и широты саженъ, и что именно въ селѣ Заяньѣ и другихъ деревняхъ и пустошахъ на господина, на церковь и ко всякому изъ нихъ селенію принадлежитъ, и какова качества пахотная земля и сѣнокосъ, и какъ плодоносны?

2-е. Какіе оклады денежные или работы на нихъ нынѣ лежатъ, и въ чемъ оныя состоятъ?

3-е. Въ принадлежащихъ ко владѣнію озерахъ и рѣкахъ, какая рыба и какимъ количествомъ, всегда ли равно, или по временамъ, и въ какомъ времени года лучше ловится?

4-е. Куда они продукты господскіе въ продажу отвозятъ, какъ далеко отъ тѣхъ пристаней, при какихъ мѣстахъ и на какихъ рѣкахъ?

5-е. Не имѣютъ ли они съ сосѣдями споровъ, или иногда уже и тяжбъ съ кѣмъ, и въ чемъ оныя состоятъ, и гдѣ судятся?

У сосѣднихъ спросить о всемъ томъ, что и у тамошнихъ, а впрочемъ о состояніи промысловъ поселянъ села Заянья съ деревнями.

КАРПОВУ.

1777 года,
12 Марта.

Василій Карповъ!

Съ симъ отправлены отъ меня машинной мастеръ, для построенія повоназначенной при Добрушѣ пильни, по моделѣ посылаемой, коей присоединяя тутъ мачтабъ, я желаю, чтобъ и въ Терюховкѣ, въ чемъ можно, сходственно съ оной, исправить, разумѣя не о всемъ строеніи, но токмо о самихъ колесахъ, рамахъ,

саняхъ и поедемахъ (?), да и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ нужны маслобойни и Вы увидите въ томъ надобность. По контракту, который при семъ слѣдуетъ въ переводѣ, смотря на искуство сего мастера и по успѣхамъ его дѣлъ, производить ему уплату по третямъ года, увѣдомивъ меня между тѣмъ, гдѣ, и какого рода машины заведены будутъ, такожъ и о первыхъ по тому успѣхахъ.

Вамъ доброжелательный слуга.

1777 года
21. Марта.

МОСЦЕПАНОВУ.

Максимъ Климетіевичъ!

Отлагая отъ дня въ день мою поѣздку, по слабости моего здоровья, не хочу упустить случая, чтобы не извѣстить Васъ предварительно до моего пріѣзду, о расположеніи моемъ относительно строенія въ Харченковомъ Хуторѣ. Тамъ флигеля вновь заложены, домъ не додѣланъ. Мнѣ здѣшніе архитекторы доказываютъ, что сіе весьма регуламъ хозяйства противно, ежели работа порывками производится, и не отдѣлавъ въ одномъ мѣстѣ, за другое принимается, и что сутерены въ городѣхъ по тѣсноте мѣста принужденно дѣлаются, а въ домахъ деревенскихъ они вовсе не употребляются. Сему правилу слѣдуя, желалъ бы я совершить прежде въ Харченковомъ хуторѣ домикъ, но не въ три этажа, а только въ два сверхъ сутереновъ, а оные обратить въ кладовые и погреба; я планъ и фасадъ оному посылаю

Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ, не упуская удобнаго времяни, и въ Качановскомъ хуторѣ, начатые Вами преспективы, что отъ одной рощи къ другой ведены съ правой стороны вплоть къ березовой рощѣ, а съ лѣвой стороны до дороги, что садовникомъ назначена на полуостровъ, досажены были.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года,
21 Марта.

Николай Васильевичъ!

Я увѣренъ, по Вашему ко мнѣ дружескому расположенію, что Вы не упустите удобнаго времени къ насадкѣ деревьевъ и приведеніи другихъ мѣстъ выровнять по плану садовъ, и гдѣ надобно дерномъ устлать; а что до цвѣтовъ лежитъ, то ежели бы Батуринскій садовникъ дать и самъ быть отрекся, Вы можете оныхъ требовать отъ Василія Карповича изъ Топали, къ коему я писалъ, чтобы и садовника на время къ Вамъ прислать. Въ работникахъ за деньги недостатку, конечно, не будетъ.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года,
27 Апрѣля.

ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Чтобы не упустить время удобно къ строенію мельницы до моего прибытія, спѣшу Вамъ дать знать, что видя, кромѣ лишнихъ издержекъ, многія затрудненія къ строенію оной на новомъ мѣстѣ, соглашаюсь начать оную по плану, мнѣ присланному, на старомъ, и сходственно тому и дворъ мельничной расположить по способности. Что до прудовъ, то моего мнѣнія не было и нѣтъ сдѣлать ихъ и малѣйше регулярными, какъ въ Вашемъ планѣ показано, но только по берегамъ, оставя дороги на 4 аршина, кругомъ береговъ снять весьма отлого и до воды устлать дерномъ, оставляя ихъ въ ихъ настоящемъ положеніи, развѣ бы нѣкоторыя мѣста поправить и углубить, чтобы вода вездѣ равно покрыла; а по сему моему мнѣнію и прошу Васъ, иногда исчисленіе сдѣлавъ, ко мнѣ прислать.

Желаніе мое есть нѣчто въ саду перемѣнить и вновь разсадить, время къ тому удобное еще не прошло. Планъ укажетъ Вамъ, гдѣ и какъ я опредѣляю, а въ лѣсѣ недостатку быть не можетъ. Садовникъ свой, подъ присмотромъ Вашимъ и по пока-

занію найдется въ состояніи сдѣлать оное. Примѣтить хочу только о образѣ дороги: обложить надобно дерномъ на 1 футъ, а средину нѣчто съ возвышеніемъ убить пескомъ съ хрящемъ, и отъ дорогъ зачинать садить мелкимъ, а въ средину крупнымъ деревомъ, мѣшая сосну, ель, березу, липу и другія, и такъ часто, чтобы только корню было свободное мѣсто.

Я, видя по сдѣланнымъ отъ Васъ и Матисова представленнымъ смѣтамъ, что большое количество и самаго лѣсу и дровъ покупкою приготовлять полагается, а въ семъ пунктѣ съ нѣкоторымъ осмотрѣніемъ употреблять свой весьма не въ убытокъ и оскудѣніе по довольству онаго, да и въ хозяйствѣ бы сіе послужило нѣкоторою замѣною лишнихъ издержекъ.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года
1-го Мая.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Въ искренности и моемъ къ Вамъ усердіи не знавъ для себя предѣловъ, нахожу всегда я въ томъ свое удовольство, когда только могу подавать Вамъ удостовѣреніе о моей преданности и навѣдываться о Вашемъ благосостояніи. Сей случай открываетъ мнѣ къ тому путь но между тѣмъ, пока мнѣ быть въ пріятномъ ожиданіи, схотѣлось предварительно увѣдомить Васъ, что докладъ о Вашемъ произвожденіи уже поднесенъ Ея Императорскому Величеству къ апробаціи, и Вамъ теперь остается, конечно, не въ долгѣ увидѣть верхъ своего желанія, какъ справедливое воздаяніе, за службу Вамъ принадлежащее. Я со дня на другой не лучше поправляюсь въ своемъ здоровіи, да и самое настоящее время влечетъ кажется съ собою новые для меня болѣзненные припадки, и совсѣмъ почти отказалось послужить мнѣ хотя на малѣйшее облегченіе. Кланяюсь всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, особливо Петру Петровичу, и въ заключеніе, повторяя о непреложномъ моемъ къ Вамъ усердіи, пребываю, какъ и всегда.

1777 года,
Мая 17 дня.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ПАНФИЛОВУ.

Духовнику Ея Величества.

Всепречестнѣйшій Господинъ Протоіерей,

Милостивый мой Пастырь и благодѣтель!

Хотя не мое совсѣмъ дѣло подавать свидѣтельство о достоинствахъ духовнаго сана, ниже заключать что либо въ ихъ пользу, но, убѣждаемъ будучи справедливостію, которую отдать должно сего вручителю, Отцу Михайлу, по служенію своему, конечно, довольно Вамъ извѣстному, не могу я не сказать, чтобы онъ не заслужилъ всякое уваженіе. Онъ, служа въ арміи моего предводительства въ войну послѣднюю первымъ Священникомъ и моимъ Духовникомъ, снискалъ, усерднымъ и ревностнымъ должности своей отправленіемъ, всеобщее въ томъ благопризнаніе, но видитъ себя при всемъ томъ и нынѣ нимало не взысканнымъ къ награжденію. Считалъ бы онъ въ томъ весьма уже оное, если бы Вашему Высокопревелебію угодно было явить ему руку помощи къ пристроенію его въ число придворныхъ, на вакантное мѣсто послѣ отца Іоанна, а я, какъ участникъ, пріемлю сіе для него милостивое одолженіе на счетъ свой, пребывая, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ.

1776 года,
Мая 30 дня.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Отъ Графа Ходкевича присланъ ко мнѣ нарочной Офицеръ, для привозу къ нему патента и паспорта, которые я, хотя самъ ему доставить, отъ дня въ день откладывая свою ѣзду, цѣлыя полгода удержалъ. Онъ посредствомъ моимъ проситъ Васъ, мой Вседражайшій Другъ, чтобы Карла Грабовскаго, сына и Коменданта Конной Гвардіи Польской и брата двоюроднаго того Генерала-Адъютанта Королевскаго, которому данъ орденъ Св. Георгія, въ Суздальскомъ полку сержантомъ пять лѣтъ уже записаннаго, тѣмъ же чиномъ въ Преображенкій полкъ перевесть, и на совершеніе

наукъ дать паспортъ приказали; я не могу и не хочу ему въ томъ отказать; онъ уже знаетъ, что твое есть еже миловати, и снисходительнаго опредѣленія ожидать буду, чтобы увѣдомить его при отправленіи обратномъ сего Офицера, пребывая съ душевною къ Вамъ преданностію.

30-го Мая.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КОЗЬМИНУ.

Я всегда досадую на себя, когда имѣю необходимо ть безпокоить тебя, мой дражайшій Другъ, докуками своими, знавъ тебя обремененнымъ многими дѣлами; но не могу уклониться, однако жъ, по извѣстному мнѣ доброхотному твоему расположенію, чтобъ не ходатайствовать и при семъ въ пользу Артиллеріи, Г. Подполковнику и кавалеру Бухволцу, въ минувшую войну со мною вмѣстѣ служившему съ отличнымъ усердіемъ и ревностію. И если довольно одобренія Провительствующаго Сената къ одержанію ему своего исканія о мызѣ, и отъ тебя зависитъ докладъ Государынѣ, то я всеприлѣжно и всепокорно прошу оказать Ваше ему въ томъ пособіе на мой счетъ, вѣривъ о мнѣ, впрочемъ, что я всегда пребываю съ душевною къ Вамъ преданностію.

1777 года,
Іюня 8 дня.

КОЧУБЕЮ.

Милостивой Государь мой,

Степанъ Васильевичъ!

Петръ Васильевичъ, отъѣзжая отсель въ Украину, искалъ моего предстательства у Вашего Превосходительства, о пособіи ему въ скорѣйшемъ и сходственнѣйшемъ препорученіи имѣній, Всемилостивѣйше пожалованныхъ; въ чемъ удовлетворяя, имѣю между тѣмъ всепріятнѣйшій случай повторить предъ Вами и о томъ совершенномъ почтеніи и истинной преданности, съ коими я всегда пребываю.

1777 года,
Іюня 8 дня.

ТУМАНСКОМУ.

Государь мой,

Василій Григорьевичъ!

Не могучи уклониться отъ усильной прозьбы Петра Васильевича, при отъѣздѣ отсель въ Украину искавшаго у меня посредства къ Вашему Высокородію, о пособіи ему въ скорѣйшемъ и сходственнѣйшемъ препорученіи имѣній, Всемилостивѣйше пожалованныхъ; я симъ оное исполняю, имѣя при томъ и то удовольство, что могу подать Вамъ и удостовѣреніе о всегдашнемъ моемъ къ Вамъ усердіи, съ которымъ пребываю.

Іюня 8 дня.

ВАСИЛІЮ КАРПОВУ.

Изъ Парафѣевки и отъ Семена Федровича будетъ доставлена къ Вамъ въ Топаль вся моя охота, которую, по прибитіи Петра Васильевича въ его деревни, отправьте къ нему при потребномъ числѣ охотниковъ, или же и всѣхъ.

Вамъ доброжелательный слуга.

Іюня 8 дня.

НИКИТѢ ЯКОВЛЕВИЧУ СТАРОВУ.

Охоту мою, что въ Парафѣевкѣ, прикажите отправить въ Топаль съ охотниками и препоручить тамъ на руки Василью Карповичу.

Вамъ доброжелательный слуга.

1777 года,
9-го Іюня.

МОСЦЕПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Клементьевичъ!

На два Ваши, отъ 1-го и 18-го Мая, 2-го сего мѣсяца полученныя, служу въ отвѣтъ. Домъ Кочуровской и съ флигелями

выкрасить сѣроватою краскою, по приложенному при семъ обращику; мебели же въ оной и Ташанской самъ по пріѣздѣ опредѣлю, гдѣ какимъ быть. Впрочемъ, отлагать не худо что либо иногда дѣлать вновь, но начатое я желалъ бы кончить. И такъ жалѣю, что алеи не досажены, по недостатку дерева; что до дому въ хуторѣ Харченковомъ, Вы уже знаете, что не сему было быть отъ меня полагаемо, но зачавши уже, и его окончать надобно; для того я нѣчто сходственное съ положеніемъ мѣста и употребленіемъ опредѣлилъ отмѣнить. Правда, что печи не къ мѣсту у меня поставлены, но и въ планѣ Вашемъ сіе наблюденіе не было сдѣлано, и я нынѣ отмѣнилъ тамъ печи; сообщаю Вамъ и все, препоручая въ полную Вамъ диспозицію совершить опой сходно съ мнѣніемъ Вашимъ, и сколько можно, и съ хозяйскимъ желаніемъ. Я по Вашему лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію и извѣстному искуству и ко мнѣ доброхотству сего ожидая, всегда пребуду.

P. S. Въ новомъ строеніи, гдѣ погребъ полагался быть, Карлъ Ивановичъ, по расположенію онаго, находитъ пристойнымъ къ обращенію въ гротъ, къ тому и я имѣю желаніе; слѣдовательно, и отдѣлка его въ сутеренѣ быть должна, сходственно сему предположенію; а погребъ уже на новомъ не подалеку тогожъ мѣста въ горѣ, въ закрытіи, съ ледникомъ расположить надлежитъ.

1777 года,
9-го Іюня.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Отправляя обратно Польскаго Офицера и Вашего куріера, котораго Вы съ нимъ прислали, прошу препроводить его далѣе до мѣста. Въ разсужденіи себя, кажется, здѣсь присовокупить нѣчего, ибо удостовѣреніемъ о моей искренности и безпредѣльной предъ Вами преданности, не другое что будетъ, какъ повтореніе моихъ предыдущихъ. Я все обратилъ уже въ Вашу сторону, но терпѣніе на нѣсколько еще нужно. Послѣдуйте въ томъ при-

мѣру моему, — я хотя хочу, но, не не могучи, крѣплюсь. Будетъ однако жъ, время, что я дожду, конечно, удовольства Васъ обнять и увѣрить о истинномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю

Вашего Превосходительства.

покорнымъ слугою,

1777 года,
17 Іюня.

ВЕССИНУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Изъ сундука большаго краснаго, отъ котораго посылается при семъ и ключъ съ ерлыкомъ подъ литерою *а*, прикажите, вынявъ синей Федьмаршальскій кафтанъ, съ камзоломъ и штанами къ оному, и положивъ въ особой, такъ чтобъ никакова вреда сдѣлаться въ дорогѣ не могло, сюда прислать. Другой же чорной сундукъ, въ проѣздъ въ Москвѣ оставленной, отъ коего ключъ подъ литерою *б*, открывъ, пересушить всѣ вещи, въ оном имѣющіяся, и описавъ оныя, сложить опять до моего прибытія и опять ко мнѣ доставить. Между тѣмъ увѣдомить меня, кто именно изъ людей моихъ, прибывшихъ изъ Украины, обратно туда не отправлены и остаются въ Москвѣ, для чего, и на какомъ содержаніи?

1777 года,
20 Іюня.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Кирилла Григорьевичъ!

Сколь прискорбно мнѣ, что я съ тѣхъ дней точно, когда полагалъ особливое для себя удовольствіе въ Малой Россіи быть, чтобы сдѣлаться болѣе и болѣе Вашей ко мнѣ благосклонности достойнымъ, принужденъ былъ оную оставить, и здѣсь за разными недугами по сіе время задержаться, нахожусь въ трудности изъясняться; столь съ другой стороны ощущаю полное утѣшеніе по

доходящимъ ко мнѣ извѣстіямъ и на самомъ дѣлѣ, что Ваше Сіятельство и въ отсутствіе мое ко мнѣ благоволите, и что конскому моему заводу, по увѣдомленію моего Адъютанта Евреинова, положили прямое основаніе. Въ надеждѣ и желаніи пребывая скоро и лично Вамъ за все то возблагодарить, не хочу упустить случая при отъѣздѣ къ Вамъ любезнѣйшаго сына Вашего, Графа Алексѣя Кирилловича, чтобы не предварить письменно, препровождая оное всеискреннѣйшимъ желаніемъ, чтобъ онъ нашолъ Васъ, Милостиваго моего Графа, въ самовожделѣнномъ здравіи и благоденствіи, и чтобъ Вы, сохраняя непремѣнную Вашу ко мнѣ благосклонность, пребыли удостовѣрены, что я непреложно пребываю съ душевною преданностію

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя моего

всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою.

1776 года,
Іюля 2 дня.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Упустите мнѣ, Ваше Сіятельство, что я не могъ отвѣчать Вамъ на всепочтеннѣйшее Ваше отъ 30 Апрѣля такъ скоро, какъ мнѣ хотѣлось. Стеченіе разныхъ недуговъ лишило меня на нѣкоторое время сего удовольствія. Въ теперешнемъ же лучшемъ немного положеніи будучи, имѣю я по тому и пріятнѣйшій случай бесѣдовать съ Вашимъ Сіятельствомъ. Вы, мой Милостивый Графъ, въ городѣ и въ деревенскомъ уединеніи всегда себя отличаете своими упражненіями, и я щастливымъ себя почитаю, бывавъ только иногда соучастниковъ выполненія Вашихъ сораспоряженій, и особливо, что Вы меня въ числѣ выбранныхъ Вами удостоиваете занять уголокъ въ сооруженномъ въ Ерополчѣ храмѣ. Вы знаете, что я свою харю и прежде ненавидѣлъ, и никогда бы не пустился оной на изображеніе, ежели бы не предсталъ случай, коему повиноваться долженъ, а потому и по мѣрѣ предложеній Вашихъ представить какъ найскорѣе потщусь. Будучи извѣстенъ, что Ея

Сіятельство, вседражайшая Ваша Графиня, изволитъ Вамъ спутешествовать, свидѣтельствую ей мое найусерднѣйшее почтеніе, жалѣю при томъ найчувствительнѣе, что, по удаленію моему, не могу я имѣть чести видѣть лично и принять милостивыхъ моихъ благодѣтелей въ моемъ пустыркѣ, и по ихъ наставленіямъ, въ разсужденіи пріятнаго и полезнаго, оной учредить.

Г-нъ Башиловъ, сего вручитель, имѣетъ къ Вашему Сіятельству Высочайшій Указъ о дачѣ ему аренды въ Вашей Губерніи. Онъ мнѣ сослуживецъ и изъ временъ давнихъ весьма; и я моего милостиваго Графа прошу покорно оказать ему милость сходственно его исканію.

Ваше Сіятельство, отличая меня своею благосклонностію и милостію, отдадите и справедливость непреложному, совершенному высокопочитанію и душевной преданности, съ которыми пребываю

Вашего Сіятельства,

Милостиваго Государя моего,

всепокорнѣйшимъ и всепослушнымъ слугою.

1777 года,
3 Іюля.

Государь мой,

Семенъ Ѳедровичъ!

Вами послѣднія, отъ 7-го, съ приложеніями, я исправно имѣя, повторяю и подтверждаю мое признаніе и благодарность къ Вашимъ благодѣяніямъ. Въ проѣздъ мой послѣдній въ новомъ домѣ, кромѣ передѣлки половъ въ залахъ, ничего новаго не примѣтя, не помню, что проворчалъ; но сказано мнѣ, что въ замѣну невиднаго, столярная работа вся отдѣлывается, и всѣ увѣдомленія обнадеживали меня отъ одного лѣта къ другому, что кромѣ залъ, все къ концу приводится. Представьте же себѣ мое удивленіе, каково произвело прилагаемое въ копіи здѣсь письмо, гдѣ въ трехлѣтнее упражненіе, только открыты худоба кровли, неискуство мастеровъ, негодность матеріяловъ, и что отъ сего времяни полагается надежда къ поправленію; и я Васъ прилѣжно прошу, взявъ во

уваженіе, во что мнѣ сіе строеніе обошлось и подобныя увѣдомленія, предостеречъ меня отъ напрасныхъ убытковъ, и взять за мѣры къ окончанію сего строенія таковыя, чтобы по крайней мѣрѣ оно прочно и къ житію удобно было, и дать мнѣ знать, кто съ сими мастеровыми договоры, и на какихъ кондиціяхъ дѣлалъ? гдѣ они работу производили, въ домѣ ли, или въ гор ѣ? и кто отъ нихъ принималъ изъ сыраго дерева дѣланныя двери, окна и прочее? И какъ Г. Алексѣеву препоручилъ я вновь назначиваемыя въ Топалѣ и Гомлѣ строенія, тутъ же вмѣсто его опредѣлилъ быть брату Максима Климентіевича подъ его дирекціею, а мнѣ желается и обѣ залы отдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ, то я и прошу отыскать Максима Климентіевича, и мастеровъ штукатуровъ, чтобы оное строеніе симъ окончить, да и кровлю по его совѣту поправить.

---

3 Іюля.

МОСЦЕПАНОВУ.

Максимъ Климентіевичъ!

Я, препоручивъ Г. Алексѣеву новоназначиваемое строеніе въ Топалѣ и Гомлѣ, желалъ, чтобы Вы взяли подъ смотрѣніе свое домъ Кочуровской и опредѣлили брата Вашего, для исправленія работъ. Г. Алексѣевъ, чрезъ трехлѣтнее упражненіе, наконецъ открылъ непрочность въ кровлѣ и весьма дурную отдѣлку столярной работы, сдѣланной изъ сыраго лѣсу, и меня о томъ нынѣ увѣдомляя, обнадеживаетъ, что отъ сего времени и мастера и матеріалы лучше употребляемы будутъ. Сіе должно было меня не только удивить, но и чувствительно тронуть, увидя, вмѣсто ожидаемаго сему строенію окончанія, что Г. Алексѣевъ полагаетъ отнынѣ только мнѣ ожидать и въ работѣ успѣха и въ мастеровыхъ исправленія. При великихъ издержкахъ и терпѣніи, каковыя я понесъ, не нахожусь я въ состояніи далѣе сего поправленія ожидать; и прошу Васъ найприлѣжнѣе, сходственно прежнему Вашему положенію, и обѣ залы обдѣлать штукатурной работой, и крышку починить съ прибавкою новой черепицы, чтобы я, по понесенныхъ великихъ издержкахъ, хотя малое удовольствіе имѣть могъ онымъ строеніемъ пользоваться.

Съ усердіемъ Вамъ пребуду.

---

3 Іюля.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой,

Яковъ Никитичъ!

Я первымъ моимъ письмомъ, препоручая Вамъ назначиваемое вновь строеніе въ Топалѣ и Гомлѣ, поручилъ оставить Кочуровское подъ смотрѣніе Максима Клементіевича, брату его. Карлъ Ивановичъ, въ проѣздѣ своемъ, не примѣтилъ въ семъ строеніи ничего новаго, чрезъ время прошедшее моего оттуда отъѣзду, а по послѣднему Вашему, къ удивленію и сожалѣнію моему, узналъ, что и столярная работа вся дѣлана, не только неискусными мастерами, но и изъ сыраго лѣсу, и что Вы отнынѣ только начинаете обнадеживать меня и лучшихъ матеріаловъ употребленіемъ, и мастеровъ поправленіемъ. Но мое долготерпѣніе и иждивеніе столь велики, въ разсужденіи сего строенія, что я далѣе уже не пущаюсь, но просилъ Максима Клементіевича, чтобы онъ приложилъ все свое стараніе, въ возможномъ его поправя, конечно сего лѣта окончить.

Есьмъ, впрочемъ.

1777 года,
Іюля 11 дня.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Вы отзывомъ благосклоннаго заключенія моему къ Вамъ усердію отдаете справедливость, доброхотствуя Г. Тургеневу. Я радуюсь, что Вы въ его щастіи участіе берете, и мою готовость предъявляю всѣми образы споспѣшествовать оному; но какъ дѣла, съ которыми онъ присланъ, такъ сказать, въ самомъ еще своемъ началѣ, слѣдственно и предоставлено воздаяніе за труды и подвиги достойнымъ съ своего времени; и можно Вамъ молвить о немъ особливо Князю Григорію Александровичу, и я думаю, онъ

Вамъ въ томъ не откажетъ, когда я представлю Военной Коллегіи. Поставляя себѣ собственно въ большое удовольствіе всякой случай, гдѣ могу доказать о томъ искреннемъ почтеніи и преданности, съ коими есьмъ и навсегда буду.

1777 года,
Іюля 12 дня.

ВАСИЛЬЮ КАРПОВИЧУ.

Для домовой услуги потребны мнѣ люди разнаго возраста и лѣтъ, на примѣръ на услугу въ комнаты лѣтъ отъ 8 до 12, въ конюхи лѣтъ отъ 18 до 25; и я прошу Васъ первыхъ числомъ до 10-и, а послѣднихъ до 20, приказать выбрать изъ Гомельскихъ мѣщанъ и изъ деревень людей вида и состоянія здороваго и хорошаго изъ сиротъ, или изъ семенистыхъ дворовъ, съ обнадеживаніемъ, что они, по усердномъ прослуженіи нѣкоторыхъ лѣтъ, съ награжденіемъ увольнются въ ихъ домы обратно. И о всѣхъ оныхъ прислать ко мнѣ списки, показавъ лѣта и ростъ, мѣста и дворы и съ котораго время, и оставивъ ихъ до моей отповѣди въ ихъ домахъ.

1777 года,
20 Іюля.

Государь мой,

Андрей Дмитріевичъ!

Благодарю Васъ найпризнательно за доставленныя деревца и за Ваше стараніе, чтобъ еще достать для меня хорошихъ. Что до померанцовыхъ и лимонныхъ, кои Вы хотите выписать изъ Константинополя, то я Васъ упреждаю, прося оное оставить, потому что мои оранжереи наполнены таковыхъ сортовъ деревьями, и что оныя не приносятъ ни пріятнаго, ни полезнаго. Отъ 26 числа минувшаго Февраля, я просилъ Васъ доставить мнѣ деревецъ Крымскихъ, а не Волоскихъ орѣховъ, каковы обыкновенно сюда Греческими купцами привозятся сухія, круглыя и продолговатыя. Вы меня весьма одолжите, если нѣсколько ихъ доставите чрезъ описанныя въ томъ моемъ письмѣ средства, и я навсегда пребуду съ особливымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ.

1777 года,
Іюля 20 дня.

БАГРАТІОНУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Иванъ Вахустичъ!

Участвуя во всемъ, Васъ касающемся, не могъ я не быть порадованъ воздаяніемъ Вашему Сіятельству, сколько справедливымъ, толь паче давно уже Вамъ принадлежавшимъ, но лишенъ будучи, по отдаленности, имѣть удовольство персонально сказать о томъ моему любезному Князю, спѣшу хотя симъ всеискреннее мое съ тѣмъ поздравленіе принесть ему, предварительно тому личному свиданію, когда я подать и удостовѣреніе о непреложномъ усердіи, съ которымъ пребываю

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

---

20 Іюля.

ГУДОВИЧУ.

Милостивой Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

По случаю воздаянія, сдѣланнаго и Вамъ справедливо, кромѣ службы и достоинствамъ принададлежащаго, оставивъ всякое изъясненіе, сколь симъ я порадованъ, спѣшу только принесть всеискреннее мое съ тѣмъ поздравленіе; ибо, будучи преисполненъ признанія и благодарности къ благодѣяніямъ вседомоваго Вашего семейства, я бы жалалъ имѣть удовольство и раздѣлить то съ ними вмѣстѣ. Но въ ожиданіи того времени, какъ я для того буду имѣть случай къ личному свиданію, сокращаю сіе удостовѣреніемъ, что я всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностію пребываю.

1777 года,
Іюля 27 дня.

ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Отдача мельницы Авдѣевки по контракту за 200 руб., о чемъ Вы объясняете въ письмѣ своемъ отъ 20 настоящаго, кажется съ кондиціями весьма лучшими противу того, какъ прежде; но я думаю, что и 10 десятинъ сѣнокосу составятъ также не мало, хотя дрова и все прочее потому не значатъ ничего. А посему не худо бы попытаться къ облегченію того въ контрактѣ; когда же бы Вы ни въ чемъ не успѣли, въ такомъ случаѣ заключить договоръ на томъ уже основаніи, какъ пункты ко мнѣ Вы препроводили, дополнивъ къ тому, что при окончаніи срока имѣютъ они ее отдать по описи совсѣмъ такову, какъ приняли.

Есьмъ съ усердніемъ

P. S. Я согласенъ съ мнѣніемъ Вашимъ, что въ стороннія руки всего вѣрнѣе препоручить мельницу, по объясненнымъ Вами причинамъ, какъ и для того, чтобы отдалить подобныхъ прежнему мельнику, который, такъ сказать, подъ видами разными, за безцѣнокъ имѣвъ оную на своихъ рукахъ, хотѣлъ еще и ту цѣну унизить; надѣясь, впрочемъ, что Вы всѣ указныя предосторожности возмете, дабы обезпечить сію отдачу надежными поруками и свидѣтельствами.

При отправленіи сего явился у меня здѣшній купецъ, Семенъ Григорьевичъ, который, по общему торгу съ Васильемъ Антиповымъ Кузнецовымъ, Петра Борисовича Г. Шереметева крестьяниномъ, желаетъ взять для себя эту мельницу, возвышая при томъ цѣну сверхъ 900 руб. 50 рублевъ, съ тѣмъ, что онъ за половинную часть года всегда уплачивать будетъ впередъ. Видно, что дойдетъ и до 1000, если только съ ними прилѣжнѣе поговорить; но когда бъ не нашлось уже больше, то по сему послѣднему заключить контрактъ, какъ выше сказано.

1777 года,
Августа 3.

МИЛОРАДОВИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Наконецъ я въ дѣлѣ Вашемъ одержалъ желаемое, и Вы увидите въ присоединяемой здѣсь копіи изъ Указа Правительствующаго Сената, долготерпѣніе наше награжденнымъ. Хотя подлинно пожалованіе сіе и не толь велико, но я сорадуюсь сему съ Вами искренно, какъ участвующій во всемъ Васъ касающемся, видѣвъ тутъ и важность лестныхъ выраженій въ Высочайшемъ повелѣніи, показывающихъ отмѣнный знакъ уваженія и благопризнанія къ Вашимъ подвигамъ. Не знаю того еще и нынѣ, по какой бы причинѣ оно такъ длилось; однако, какъ бы то уже ни было, забывъ прошедшее, надобно намъ всегда больше мыслить о настоящемъ. Вы обратите, по сему случаю, свою благодарность къ Семену Гавриловичу Г. Зоричу, Вашему одноземлянину, который отмѣнно употребилъ свои исканія, къ доставленію Вамъ Воронковъ, и Князю Григорію Александровичу, не меньше въ семъ способствовавшему. Что же до меня собственно, поставлю то найсовершеннѣйшимъ себѣ удовольствіемъ, если, продолжая Вашу ко мнѣ благосклонность, пребудете удостовѣрены о непреложномъ усердіи и истинной преданности, съ коими я всегда пребываю.

1777 года,
Августа 3.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Предшедшее мое отъ 3-го прошлаго Іюля должно Васъ увѣрить, въ какомъ я видѣ сдѣлалъ Вамъ мои примѣчанія о великихъ расходахъ и маломъ успѣхѣ въ строеніи; отнюдъ не хотѣлъ я пенять Вамъ, такъ какъ Вы свое заключеніе на то положили; и при семъ повторяю Вамъ всѣ тѣ же слова, и что при отдален-

ности моей, когда бы не препоручилъ то Вашему благодѣтельному надзиранію, понесъ бы несравнительно величайшіе убытки, а особливо узнавъ нынѣ отъ Васъ; но дальнѣйшее изъясненіе по сему, оставляю я сказать Вамъ лично, лаская себя для того скорымъ прибытіемъ въ Украину; симъ же довольствуюсь только повторить Вамъ о непреложномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю.

1777 года,
Августа 3-го.

Милостивый Государь мой,

Илья Васильевичь!

Прежде нежели открылъ я письмо Ваше, зналъ уже онаго нѣкоторымъ образомъ содержаніе, что вѣдомость не весьма для Васъ пріятная есть въ томъ главною виною; и подлинно трудно, по случаю сему, остаться непоколебимымъ. Но я, знавъ, что Вы будучи удостовѣрены, съ моей стороны, что сохранить пользу дѣлъ Вашихъ изъ первыхъ есть мое упражненіе по участію, кое пріемлю я во всемъ, къ Вамъ относящемся, заключаю, можетъ быть, безъ ошибки, что Вы перенесли сіе съ тѣмъ спокойствіемъ, какое свойственно Вашему великодушію. Отдаленность моя настоящая, хотя и не выводила бы меня изъ лучшаго положенія замѣнить Вамъ то, сходственно степени Вашего чина; достоинствамъ и заслугамъ, но дабы иногда, или количествомъ, или качествомъ, не сдѣлать намъ раскаянія, я оставляю сіе къ моему прибытію въ Украину, гдѣ буду имѣть удовольство изъясниться о томъ съ Вами лично, и тогда постараюсь коль можно удовлетворить справедливому требованію Вашему. Между тѣмъ, свидѣтельствуя дражайшей Вашей супругѣ истинное мое почтеніе, обращаюсь сказать и Вамъ, что я всегда непреложно съ искреннимъ усердіемъ и преданностію есьмъ.

1777 года,
3-го Августа.

Ясне въ Богу Высокопреподобнѣйшій Господинъ Отецъ Архимандритъ

Свято-Кіево-Печерской Лавры,

Милостивый мой Пастырь!

При возвращеніи отсель обратномъ Отца Архимандрита Досиѳея въ свою обитель, въ области Турецкой находячуюсь, по поводу благосклонно оказываемаго Вами для всѣхъ гостепріимства, я осмѣливаюсь препроводить его симъ къ Вашему Высокопреподобію, какъ такого человѣка, который всегда былъ и нынѣ есть усерденъ Христіяномъ, всеприлѣжно прося оказать ему Ваше милостивое позволеніе увидѣть вся святая и велелѣпная.

Обращаясь же между тѣмъ на себя, я довольствуюсь, хотя письменно, свидѣтельствовать милостивому моему Пастырю искреннее мое усердіе, предварительно тому личному свиданію, когда буду я имѣть честь удостовѣрить о душевной моей преданности и отличномъ почтеніи, съ коими всегда пребываю

Вашего Высокопреподобія

покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою.

1777 года,
Августа 3.

ВРИНКУ.

Милостивой Государь мой

Иванъ Ѳедоровичъ!

Ѳедоръ Ѳедровичъ, Вашъ любезный братъ, имѣя свои надобности быть въ Курляндіи, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, просилъ моего на то позволенія, о чемъ я предложилъ Князю Александру Александровичу, дабы онъ къ тому времени прислалъ его ко мнѣ курьеромъ, и его теперешній отъѣздъ подаетъ мнѣ всепріятнѣйшій случай сказать Вашему Превосходительству о искреннемъ моемъ сорадо-

ваніи тому милостивѣйшему награжденію, коимъ Васъ справедливо за труды и услуги удостоить соблаговолили, и что я никогда быть не престану съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1777 года,
Августа 3.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Здѣшняго Надворнаго Суда Президентъ, Баронъ Унгернъ Стернбергъ, желая опредѣлить двухъ своихъ сыновъ въ нашу службу изъ Польской, просилъ моего къ Вамъ ходатайства о принятіи ихъ, въ твердомъ упованіи, что мой Милостивый Князь приметъ оное слѣдствіемъ его ко мнѣ снисхожденія и моей несумнѣнной надежды на его ко мнѣ доброхотное расположеніе. Челобитную съ патентомъ при семъ прилагаю, съ прозьбою, чтобъ ихъ сходственно съ чиномъ ихъ помѣщеніе, безъ персональной ихъ бытности, принять, и ко мнѣ въ команду опредѣлены были, ручаясь за достоинства ихъ. Начинаю я всякое мое письмо докукою, но заключаю всегда въ мысляхъ, преисполненныхъ къ тебѣ, мой милостивый и вседражайшій Князь, призрѣнія и благодарности, съ которыми я на всѣ дни живота съ душевною приданностію пребуду.

1777 года,
4 Августа.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Чтобъ легче было можно учинить мое представленіе въ пользу Г. Пламенца и Пѣунова, мнѣ нужно знать о ихъ службѣ, особливо же о первомъ; для чего я и прошу Васъ приказать доставить ко мнѣ таково объясненіе, вѣривъ мнѣ, впрочемъ, что я всякой случай, гдѣ могу оказать предъ Вами мою готовость ко услугѣ, поставляю для себя особливымъ удовольствіемъ, будучи съ преданностію

покорнымъ слугою.

1777 года,
Августа 6-го.

ДЕДЕНЬЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Г-нъ Геллеръ, съ похвалою служившій въ войну послѣднюю подъ моимъ начальствомъ, будучи покрытъ ранами и удаленъ, такъ сказать, отъ всякой возможности возобновить свое исканіе, взнесенное имъ прошлаго еще года въ Камеръ-Контору, о продолженіи службы, не могъ и понынѣ удостоиться въ томъ Всемилостивѣйшаго благопризрѣнія, хотя нѣкоторые и имѣли сіе щастіе. Его природа и усердная служба даютъ ему къ тому полное право, а Всевысочайшее о подобныхъ уваженіе, какъ единой изъ предлоговъ, что Ея Величество оказывать благоизволитъ, твердую надежду имѣю къ полученію; почему я, дѣлая предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ мое о семъ Офицерѣ ходатайство, какъ о служащемъ, усугубляю сею всепокорною просьбою ощастливить его Вашимъ многомощнымъ пособіемъ къ полученію справедливо ему принадлежащаго, обращаясь между тѣмъ и о себѣ сказать и о совершенномъ моемъ высокопочитаніи, съ коимъ пребываю.

1777 года,
Августа 9 дня.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Имѣвъ отъ Васъ доставленнымъ объясненіе о Г. Пламенцѣ, я удовлетворяю Вашему о немъ предстательству и собственному моему исканію оказать мою готовость Вамъ на услуги, здѣлавъ мое въ пользу его и Г. Пѣунова представленія Сенату, кои при семъ, сходно Вашей воли, къ Вамъ препровождая, заключаю сіе истиннымъ удостовѣреніемъ, что я всегда преданъ съ непремѣннымъ усердіемъ.

1777 года,
12 Августа.

МОСЦЕПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Климентіевичъ!

Не безъ сожалѣнія о деньгахъ, но больше еще о времени потерянномъ, видѣлъ я описаніе Ваше о непрочномъ и, такъ сказать, прежде окончанія падущемъ Кочуровскомъ строеніи; и чтобы, поступая на дальнѣйшіе убытки, не подвергаться подобнымъ же слѣдствіямъ, каковы Вами нынѣ усмотрѣны, спѣшу упредить о кровлѣ, ежели не начали, чтобы оную не крыть черепицею, какъ по признанію Вашему негодною и не отвѣчающею роду строенія, предоставляя Вамъ покрыть по лучшему Вашему усмотрѣнію; а ежели бы начали, или бы уже часть великую покрыли, то прошу предостеречь, по крайней мѣрѣ, отъ течи, какъ о первомъ или главномъ въ кровлѣ предметѣ. Равномѣрно печи и веденные изъ нихъ борова расположить такъ, чтобы ни малѣйшей опасности строеніе, слѣдовательно, и жители онаго, не подвергались. Согласуясь, впрочемъ, со всѣми Вашими примѣчаніями, разсужденіями и опредѣленіями, ласкаю себя, что при доброхотномъ Вашемъ ко мнѣ расположеніи, подъ искуснымъ и прилежнымъ Вашимъ надзираніемъ, буду я имѣть удовольство скоро видѣть сіе, къ паденію клонящееся, зданіе возстановленнымъ и къ житію въ удобность приведеннымъ, и скорѣе еще изустно мою Вамъ признательнѣйшую благодарность за то и другія понесенные труды сдѣлать.

1777 года,
12 Августа.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Изъ предыдущаго моего, отъ 3-го настоящаго, видѣли Вы содержаніе моей одной только Вамъ жалобы на убытки, и что я несравненно тѣмъ больше еще понесъ бы, если бъ не вѣрилъ то

благодѣтельному Вашему надзиранію; а теперь, получа щеты отъ Максима Климентіевича, долженъ я сказать потому же, что надзираніе, по заключенію моему, было не лучшее и смотрителей и строителей, ибо какъ въ мой проѣздъ оставлено что было 775 году, то и нынѣ только есть, съ тою разницею, что одно изсохло, другое согнило, и домъ весь, такъ сказать, приблизился къ разрушенію. Я пишу теперь къ Г. Мосцепанову, чтобъ онъ поудержался покрывать оной черепицею по причинамъ, которыя увидите Вы въ спискѣ, тутъ присоединенномъ; и будучи уже при самомъ моемъ отсель отъѣздѣ, я оставляю дальнѣйшее изъясненіе личному свиданію, когда буду имѣть удовольство повторить Вамъ и о непремѣнномъ моемъ усердіи, съ которымъ пребываю.

1777 года,
12 Августа.

ЕЛЬЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Хотя и прошло тому не малое уже время, что я, собираясь со дня на другой посѣтить мѣста Ваши, встрѣчалъ вопреки для себя нѣкоторыя препятія, задержавшія меня до сего въ семъ мѣстѣ, но напослѣдокъ идетъ по желанію, и я, отправивъ сего куріера, по слѣдамъ его, конечно, прибуду въ мою Губернію и посѣщу Кіевъ, гдѣ льщу себя найти Вашимъ благодѣтельнымъ пособіемъ все такъ готовымъ и приготовленнымъ, какъ было то минувшаго года. Свидѣтельствуя, между тѣмъ, предварительно мое почтеніе всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, имѣю удовольство сказать Вамъ и о непреложномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю.

1777 года,
Августа 23.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Я не могу не дать мѣста просителямъ о ходатайствѣ у Васъ въ ихъ пользу. Многіе знаютъ Ваше похвальное расположеніе къ

добродѣянію, знаютъ опять и Ваше благосклонное ко мнѣ снисхожденіе; а сего вручитель, Отецъ Михаилъ, бывшій въ Арміи моего предводительства Первымъ Священникомъ и по его службѣ, и будучи мнѣ Духовникомъ, отмѣнно заслуживаетъ мое признаніе. Преосвященные и Ея Величества Духовникъ, обѣщали мнѣ явить ему помощь въ приличномъ награжденіи за подвиги его, и помѣстить на вакантное мѣсто при Дворѣ Высочайшемъ; но онъ надежнѣйшимъ себѣ считаетъ Ваше къ тому пособіе, о чемъ всеприлѣжно Васъ прося, всякое благодѣяніе, которое ему оказать изволите, поставлю я въ щетъ новыхъ себѣ обязательствъ. Пребываю съ непреложнымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Августа 25.
С. Петербургъ.

ОРЛОВУ.

Милостивый Государь мой,

Григорій Никитичъ!

При отѣздѣ моемъ отсель, первою должностію моею щитаю отдать справедливость всѣмъ чинамъ, у разныхъ должностей при мнѣ отъ Двора находившимся, по Всевысочайшему соизволенію, за ихъ услугу, которую оказали мнѣ они во время моего здѣсь пребыванія. Я изъ между ихъ особливо обязаннымъ себя щитаю о пользѣ мундшенскаго помощника Красняковскаго, истопника Потѣхина и фершала Пробизнаго, просить В-го П. всепокорно и всеприлѣжно, не оставить явить имъ Ваше милостивое благопризрѣніе исходотайствованіемъ при удобномъ случаѣ первому въ мундшенки, на мѣсто теперь того чина порожнее, а послѣднихъ въ помощники; между тѣмъ, обращаясь на себя, приношу я мою всепризнательнѣйшую благодарность за Вашу ко мнѣ отмѣнную благосклонность, пребывая непреложно съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ семъ мѣстѣ получилъ я на почтѣ С.-Петербургской письмо ко мнѣ изъ Молдавіи, которое всеподданнѣйше при семъ Вашему Императорскому Величеству подношу.

Доздѣ путь мой совершивъ по нелутчему здоровью и весьма худымъ погодѣ и дорогѣ не весьма выгодно, и такъ сказать, не приведя дѣла свои въ лутчей порядокъ, поспѣшить стараюсь въ сихъ же дняхъ отправиться далѣе и къ моей должности. Здѣсь, и гдѣ я въ своемъ ни бываю, всегда прославлять долженъ и не престану, щедроты Вашего Императорскаго Величества, на меня толь изобильно изливаемыя Всевысочайшія Вашего Императорскаго Величества милости. Повергаясь, повергаю себя къ подножію со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ,

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Сентября 2 дня,
1777 года.

ОТЪ ГОСУДАРЫНИ.

Графъ Петръ Александровичъ! По сдѣланному Вамъ отъ Хана Крымскаго отзыву о выпускѣ безпошлинномъ пятнадцати тысячъ овецъ изъ Малой Россіи и другихъ ближайшихъ къ границѣ мѣстъ, Я не нахожу въ томъ ни какова препятствія, тѣмъ болѣе, что такое количество не вдругъ, но развѣ въ нѣсколько времени искуплено быть можетъ, что предоставляю на Ваше распоряженіе. Пребываю къ Вамъ всегда доброжелательная.

Въ Царскомъ Селѣ.
Сентября 2 дня,
1777 года.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я имѣлъ найчувствительнѣйшее обрадованіе получить еще здѣсь Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества съ

приложеніемъ выписки изъ древнихъ Государственнаго хозяйства обрядовъ, и пріемлю оное знакомъ Всемилостивѣйшаго и въ отдаленности о мнѣ благоволенія, въ которомъ я утверждаю единственно все мое благополучіе.

Подобные изъ старины остатки весьма доказываютъ основательное Вашего Императорскаго Величества о перемѣнахъ древнихъ и новѣйшихъ заключеніе, что въ первыхъ, при всѣхъ недостаткахъ математическихъ правилъ, способовъ и средствъ, стараніе, однако жъ, прилагаемо было къ возможныхъ смѣтамъ и соображеніямъ, въ разсужденіи окладовъ и сборовъ въ податяхъ; а въ послѣднихъ и въ нѣкоторомъ родѣ просвѣщенія уже будучи, брались всегда за скорыя и строгія, натурально и за разрушающія всякую связь порадка мѣры.

Все сіе, однако же, Всемилостивѣйшая Государыня, теперь на лутчемъ пути. Благотвореніе Вашего Императорскаго Величества къ народамъ, Вамъ подвластнымъ, и образы Вашихъ высокихъ и великодушныхъ расположеній суть въ томъ неизмѣннымъ намъ залогомъ, что Ваше Императорское Величество приведете сію, какъ главную часть Государственнаго хозяйства, въ сходственное съ физичнымъ и моральнымъ онаго добромъ положеніе, слѣдовательно, и съ пользою народною, которая есть главнымъ артикуломъ всѣхъ Вашихъ предположеній, и что великія Государства Вашего многолюдствомъ провинціи, имѣя недостатокъ въ землѣ, могутъ удѣлить изъ количества своего большее число людей на обселеніе обширныхъ пустошей, или степей, и, натурально, таково размѣрное въ людяхъ и земляхъ учрежденіе принесетъ и сугубую дань противу настоящей.

Долголѣтствуйте, Всемилостивѣйшая Государыня, неприкосновенно ни малѣйшимъ непріятностямъ до самаго позднѣйшаго предѣла, для благополучія Вашихъ подданныхъ, и Небо, одарившее Васъ свойствами и качествами къ удивленію всего и къ ощастливленію великой части свѣта, да изліетъ на Васъ всѣ свои доброты! Сего Вамъ всеусерднѣйше желаетъ повергающійся къ стопамъ Вашимъ во всеглубочашемъ благоговѣніи и имѣющій щастіе быть

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Г. Р. З.

Сентября 10 дня,
1777 года.
Буртники.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Благодѣяніи Ваши стали уже извѣстны и въ семъ мѣстѣ, и Вы, содѣлавшись, какъ бы опекуномъ добротворить, не досадуйте на меня за докуки, кои я толь часто Вамъ дѣлаю, въ пользу неотступно требующимъ отъ меня къ Вамъ о ходатайствѣ.

Господинъ Президентъ Унгернъ-Сternбергъ, служба коего и личныя достоинства суть главныя причины къ справедливому его исканію, вторично нынѣ посланному къ Князю Александру Алексѣевичу для представленія Ея Величеству, въ томъ просилъ меня, чтобы и Вы, милостивый мой Другъ, не отказались явить для него свое милостивое пособіе къ одержанію искомаго. Я симъ усугубляю его прозьбу предъ Вами, прося всеприлѣжно и всепокорно, въ собственное мнѣ одолженіе, оказать ему Ваше благодѣтельное вспомоществованіе, вѣривъ, впрочемъ, всегданнему моему къ Вамъ усердію и непреложной преданности, съ которыми есьмъ.

1777 года,
10 Сентября.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Господинъ Призидентъ, Баронъ Унгернъ, хвалился мнѣ весьма много твоею къ нему благосклонностію; и хотя не нужна была бы по тому моя всеприлѣжная прозьба предъ тобою, мой милостивый Князь и вседражайшій Другъ! въ одержаніи имъ искомаго, но его всеподданѣйшей, при особомъ къ Вамъ провожаемой, но я, исполненъ будучи, сколь къ личнымъ его достоинствамъ уваженія, толь наипаче признательнѣйшей благодарности за его благодѣтельное меня одолженіе, всепокорно прошу полезное по его чину жа-

лованіе ему исходатайствовать, вмѣстѣ съ Семеномъ Гавриловичемъ, котораго о семъ особливо я прошу. Сокращаю сіе не лестнымъ удостовѣреніемъ о непреложномъ моемъ усердіи и сердечной преданности, съ которыми никогда быть не престану

Вашего Сіятества

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
14 Сентября.
Изъ Бурtника.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,
Князь Григорій Александровичъ!

Будучи уже, такъ сказать, на выѣздѣ отсель, получилъ я съ обыкновеною почтою рапортъ отъ Князя Прозоровскаго, къ поднесенію Ея Императорскому Величеству симъ провождаемый при моемъ всеподданнѣйшемъ, который по прочтеніи всепокорно прошу Вашу Свѣтлость удобнымъ случаемъ приказать ко мнѣ доставить. Я не знаю, ежели бы съ куріеромъ оной посланъ былъ, какимъ бы образомъ мимо Васъ сюда могъ быть отправленъ, давши мое повелѣніе нарочно посланному, чтобы куріеры, ему повстрѣчавшіеся, являлись у Вашей Свѣтлости, какъ я о томъ и съ Вами снесся.

Я здѣсь остался долѣе, нежели полагалъ, по причинѣ встрѣтившихся мнѣ неожидаемыхъ, хотя въ выигранномъ моемъ процесѣ, привязкахъ. Не уважая на все мое снисхожденіе къ доброму сосѣдству и дружбѣ домашнихъ моего соперника Г. Сиверса, даже что деньги отъ меня взносимыя, не хочетъ иначе принять, какъ въ монетѣ точной серебряныхъ рублей, которыхъ натурально трудно такъ скоро достать; завтре, однако жъ, брося все, ѣду далѣе и къ моей должности. Впрочемъ, желая, чтобы сіе мое нашло Васъ, любезнаго и вседражайшаго моего Князя и Друга, въ найлучшемъ благодеистві, и чтобы Вы, сохраняя ко мнѣ непрерывно свою благосклонность, пребыли удостовѣрены о совершенномъ моемъ къ Вамъ усердіи и душевной преданности, съ которыми всегда я пребываю непреложно.

1777 года,
Сентября 15.
Бурпникъ.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Г. Бригадиръ Цеймарнъ, усердно служившій въ войскѣ, за ранами и по болѣзнямъ, которыя получилъ онъ, будучи многократно на сраженіяхъ, противъ воли его принужденъ испроситъ увольненіе и Вашему Сіятельству поднести особливую свою прозьбу объ арендѣ къ поправленію скуднаго его состоянія, хотя бѣднѣйшимъ пропитаніемъ, по коей милостиваго моего Князя всеприлѣжно прося не лишить его благодѣтельнаго пособія, обрацаюсь я на себя повторить о совершенномъ усердіи и душевной преданности, съ которыми никогда быть не престану

покорнымъ слугою.

1777 года,
17 Сентября.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Господинъ Штатъ-Галтеръ Деритской Эссенъ изъ тѣхъ самихъ, что я съ Вашимъ Сіятельствомъ отмѣчать условился, представитъ Вамъ свою прозьбу о арендѣ. Онъ сколько по усердной, столь и по долговременной службѣ заслуживаетъ милостивое уваженіе Вашего Сіятельства, и я, пользу его препоручая благодѣтельному Вашему пособію, имѣю удовольство сказать Вамъ и о непреложномъ почтеніи и душевной преданности, будучи и проч.

1777 года,
17 Сентября.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Александровичъ!

Ближній мой въ Лифляндіи сосѣдъ и пріятель, Г. Генералъ-Маіоръ Ренне, на случай, если бы когда, по предстоящимъ ему въ дѣлахъ его необходимостямъ, принужденъ былъ отозваться, просилъ о моемъ ходатайствѣ къ Вашей Свѣтлости. Не могъ я ему отказать того, нося на себѣ нѣкоторую обязанность къ его благодѣяніямъ, и знавъ его, провождая къ Вамъ, вседражайшій мой Князь и вселюбезный Другъ, всеприлѣжную и всепокорную прозьбу, Вамъ желаю въ милость его принять и не лишить Вашего многомощнаго пособія, вѣривъ, впрочемъ, о мнѣ, что я никогда не престану быть съ душевною преданностію

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
4-го Октября.

КАХОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Михаилъ Васильевичъ!

Отъѣзжая изъ Гомля, пріятнымъ долгомъ щитаю я для себя повторить предъ Вашимъ Превосходительствомъ мою всепризнательную благодарность за всѣ почести и угощенія, что оказать мнѣ Вы изволили въ проѣздѣ моемъ чрезъ Могилевъ, и за дружеское Ваше меня здѣсь посѣщеніе. Тутъ пользоваться я могу, по благосклонному Вашему ко мнѣ расположенію, препоручить благодѣтельному Вашему призрѣнію и моего экономa, если бы въ чемъ либо дѣлалъ къ Вамъ представленіе, касательно моихъ тутошныхъ владѣній, и возобновить всеприлѣжную и всепокорную прозьбу о дачѣ повелѣнія къ переводу магазина въ Бѣлицу, какъ о томъ мы говорили, между же тѣмъ имѣю случай и ко удосто-

вѣрнію, что я съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію никогда быть не престану

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
Октября 9 дня.

ОСТЕРМАНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Андреевичъ!

Я имѣлъ особливое удовольство получить Вашего Сіятельства всепочтеннѣйшее письмо. Ваше Сіятельство награждаете правосудное усердное исканіе Вашей дружбы и искреннюю преданность своими благосклонными ко мнѣ расположеніями, и я Васъ благодарю найпризнательнѣе за выраженія, найобязятельнѣйше въ письмѣ Вашемъ сдѣланныя, и за оказанныя учтивости отъ управителя Вашихъ деревень, коихъ положеніе превосходить все, что только хорошимъ быть можетъ названо, а въ недостаткѣ лѣса изобилуете Вы способами имѣть его по выбору, каковъ хотите: я разумѣю Двину.

Я всеприлѣжно прошу Васъ, мой милостивый Графъ, не лишить меня удовольствія всеприятной съ Вами переписки и не досадовать на мои частыя докуки. Депеши съ симъ куріеромъ состоятъ въ пагубной смерти Господаря Гики и бунтѣ, возставшемъ въ Крыму, по поводу будто вводимаго Ханомъ регулярства, но причина сія случайная, а прямая работа Турецкая.

Никогда я не престану быть съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1777 года,
9 Октября.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Я уповаю скоро быть въ Глуховѣ, и тамъ основать свой домъ; къ сему, конечно, нужно заготовить разныхъ видовъ дровъ и изъ

Кочуровки сѣна для лошадей, число которыхъ къ моему употребленію прошу съ Никитою Яковлевичемъ опредѣлить. Надѣюсь на Ваше благодѣтельное стараніе, что все то скоро одно приготовлено, а другое, чего въ наличности нѣтъ, искуплено будетъ; повторяя симъ о моемъ искренномъ къ Вамъ усердіи, съ которымъ непреложно пребываю послушнымъ слугою.

1717 года,
9 Октября.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Я получилъ письмо Ваше о томъ, что Вы уже въ Глуховѣ. Мнѣ хочется всѣ свои вещи и людей изъ Парафѣевки туда перевезть, и тамъ учредить все къ своему пребыванію. Для чего испросите отъ имени моего у Семена Васильевича подорожную чрезъ Конотопъ, или какъ найдете лучше, еслибы лошадей своихъ, число было или недостаточно, или же по недостатку фуража въ томъ городѣ содержаніе оныхъ не сходно. Впрочемъ, во всемъ посовѣтуйтесь съ Семеномъ Ѳедоровичемъ, а мнѣ же вѣрьте, что я съ непремѣнныхъ усердіемъ послушный слуга.

1777 года,
9 Октября.

ЕЛЬЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Письмо Ваше отъ 4-го настоящаго, при которомъ присоединили, Ваше Превосходительство, ко мнѣ другія, имѣлъ я удовольство получить. За всѣ въ ономъ выраженія, что Вы относите, оставляя принесть мою всеискренную Вамъ благодарность личному свиданію, которое, уповаю, будетъ столь скоро, сколь мое есть въ томъ нетерпѣливое желаніе ко удостовѣренію Васъ о моемъ непреложномъ къ Вамъ усердіи, заключаю сіе повтореніемъ стараго и всегдашняго, что я непреложно съ истинною преданностію пребываю.

P. S. При семъ слѣдуетъ мой ордеръ къ Генералу Князю Прозоровскому и Ржевскому, которые прошу отправить съ нарочными, первый чрезъ Кременчугъ, если не найдете Вы другой къ тому ближайшей дороги, послѣдній Вамъ уже извѣстнымъ каналомъ.

1777 года,
19 Окрября.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Бравъ всегда истинное участіе во всемъ, что только Вамъ благополучнаго быть можетъ, радуюсь и усердно поздравляю со всѣми милостьми, Вамъ показанными.

Правосудіе Васъ награждаетъ за добротвореніе ежедневное къ ищущимъ Вашего пособія. Продолжайте поступать сходственно Вашему добродѣтельному расположенію, и утѣшайтесь воздаяніемъ, съ тѣмъ никогда нераздѣльнымъ Ея Величества благоволеніемъ, Государскимъ признаніемъ и похвалой всеобщей. Сего Вамъ желаетъ искренно Васъ любящій

покорный слуга.

1777 года,
Октября 19.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Кириллъ Григорьевичъ!

Жалѣя безмѣрно о наглой поступкѣ, что оказалъ въ пропускѣ для Вашего Сіятельства провизіи на заставѣ Аршукъ, нашелъ я способъ, хотя тѣ зависимы и не отъ моего расположенія, удовлетворить Вашему требованію. Я, благодаря Вашему Сіятельству за выраженія, въ письмѣ Вашемъ сдѣланныя, долженъ тутъ увѣрить, что желаніе мое было упредить Вашего Сіятельства личнымъ свиданьемъ, для изъявленія предъ Вами моей безпредѣльной пре-

данности; но къ тому времени пользуясь я теперь сими случаемъ, на удостовѣреніе о всесовершенномъ высокопочитаніи, съ которымъ быть никогда не престану

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
Октября 19.

КНЯЗЮ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ РЕПНИНУ.

По претерпѣніи не наводненія, а чуть не потопа, не неприлично навѣдаться о друзьяхъ своихъ, и скажи мнѣ, мой вседражайшій Князь, гдѣ ты въ то время былъ? Я всеусердно желаю, чтобы не коснулось ни тебя, ни домашнихъ твоихъ, ни малѣйше сіе злоключеніе, ни дому твоему, который только что въ отдѣлку къ сему неожидаемому случаю приходилъ, и не сдѣлало новаго тебѣ убытка. Что до меня, то я, и дома будучи, все странствовалъ. У меня не вода и не огонь, да не знаю, что все глотаетъ и сокрушаетъ, и нигдѣ ничто ни растетъ, ни зрѣетъ, ни спѣетъ, ни собирается. Можетъ быть, этому и быть надобно, чтобы чужое казалось лучше своего, и мы бы къ своему не привязывались; могло бы быть и то не худо, ежели бы физическое добро насъ не оставляло.

Вѣстей отсюда хорошихъ и ждать не надобно. Я двѣ посылаю не весьма пріятныя: одну, что Гикѣ голову отсѣкли, другую, что Татары взбунтовались. Причины прямыя не извѣстны, а слѣдствія ихъ окажутъ намъ; однако же, на все готовымъ быть надобно, не знаю, естьли только всегда къ тому удобность и возможность. Обстоятельнѣе узнаете отъ Графа Никиты Ивановича.

Порадуй меня, и скажи мнѣ хотя словечко о себѣ, а нѣкогда припомни и обо мнѣ. Всей твоей дражайшей фамиліи свидѣтельствую мое усердное почтеніе и пребуду съ непреложнымъ усердіемъ и душевною преданностію.

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
21 Октября.

ГУДОВИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Андрей Васильевичъ!

Благодарю Васъ всепризнательнѣйше, любезный мой Другъ, за присланную мнѣ Вашего сѣдла прекрасную лошадь; хотѣлъ бы я на томъ же пунктѣ явить и мое предъ Вами взаимство, но сомнѣваясь уравномѣрить услугу, по многимъ причинамъ, льщу себѣ, что развѣ въ другомъ чемъ либо, если только Вы дадите случай, найдусь я въ состояніи оказать мою готовость на выполненіе повелѣній Вашихъ, будучи Вамъ съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
25 Октября.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Трудно мнѣ подлинно свое сыскивать, разбросавъ оное безъ памяти при послѣднемъ отъѣздѣ; однако же, за первое взялся отыскивать планы театровъ, кои не знаю самъ, какъ вырылъ и при семъ посылаю. Мнѣ помнится, что одинъ теперь уже былъ застроенъ. Тутъ развѣ на внутреннее украшеніе нѣчто изъ сего употребится; но мой милостивый Графъ, какъ искусный строитель, найдетъ для себя и мѣсто и работу, а по сему мнѣ остается токмо желать, чтобы силы охотѣ его отвѣчали.

Отсюда все, что сказать могу, состоитъ въ подтвержденіи прежде сказаннаго. Сего податель, очевиденъ многому, лучше Вамъ перескажетъ, а я, свидѣтельствуя мое почтеніе Вашимъ домашнимъ, пребуду съ истиннымъ къ Вамъ усердіемъ и душевною преданностію

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
26 Октября.

ЕЛЬЧАНИНОВУ.

Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Я не могу довольно живо представить Вашему Превосходительству того обрадованія, которое производитъ во мнѣ искренняя моя къ Вамъ преданность, услышавъ отъ весьма достовѣрныхъ людей о Вашемъ повышеніи. Указа о семъ, хотя я и не имѣю, но спѣшу предварительно дать тому полную вѣру, поздравить Васъ, любезнаго моего Друга, сею давно Вами жданною перемѣною, и повторить тутъ и о непреложномъ моемъ усердіи и совершенномъ почтеніи, съ которыми быть никогда не престану.

1777 года,
26 Октября.

ПРОСТОКВАШИНУ.

По предложенію моему, Малороссійской Коллегіи данному, о выдачѣ 27,555 рублей въ число полученныхъ мною уже за сервизъ, Всевысочайше въ вѣдомство Казенное назначенный, прошу Васъ оныя деньги изъ скарбу Малороссійскаго принять и содержать у себя до времени.

Есьмъ съ истиннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Ноября дня.
Вишеньки.

ГОЛИЦЫНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Дмитрій Михайловичъ!

Ваше Сіятельство пеняли на мое молчаніе, когда я былъ внѣ всякаго, такъ сказать, бытія и удаленъ отъ всего; и для того

отыскавъ свое и сближась съ Вами при первомъ семъ случаѣ, хочу Вашему Сіятельству доказать, что обѣщанія мои могутъ быть медленны, но увѣряю, что они всегда вѣрны. Посылаю Вамъ объщанные стволы, фузейной и пистолетные лучшей работы, кои я между Турецкими видѣлъ, и желаю, чтобы они у Васъ, какъ знатока, заслужили Вашу благоугодность. Теперь боюсь, чтобы Вы не стали пенять на мои докуки, коими я безпокоить Васъ не рѣдко буду, и начинаю возобновленіемъ моей прозьбы о крышкахъ на блюды, чтобы Ваше Сіятельство приказали, по сообщенной Вамъ цѣнѣ, сдѣлать на два большія овальныя, что на флангахъ, на четыре среднихъ овальныхъ, на четыре меньшихъ овальныхъ, на два круглыхъ большихъ, на четыре круглыхъ среднихъ, на четыре круглыхъ, на четыре четвероугольныхъ, на четыре треугольныхъ; а что до украшенія лежитъ, то я желалъ бы имѣть на двухъ большихъ овальныхъ, что на флангахъ, и на двухъ большихъ круглыхъ, сходное теремамъ и потъ о леямъ, или же бы нѣчто фигурнова изъ охоты и рыбной ловли, на всѣхъ иныхъ разные фрукты и сдѣлать точно такъ на жатахъ, или на присланномъ отъ Васъ рисункѣ изображено, и кои я Вамъ здѣсь возвращаю. Деньги тотчасъ чрезъ Г. Прешеля переведу, какъ скоро получу отъ Вашего Сіятельства ассигнацію.

Я осмѣливаюсь приложить здѣсь нашу, поданную мнѣ отъ моего кухмистера, и употребить прозьбу мою о Вашемъ милостивомъ въ томъ ему пособіи, а впрочемъ, лаская себя продолженіемъ Вашей драгоцѣнной благосклонности, увѣрить, что я непреложно съ отличнымъ къ Вамъ почтеніемъ и къ благодѣяніямъ Вашимъ чувствительнымъ признаніемъ навсегда пребуду.

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Ваше Императорское Высочество должны быть моихъ сердцевидцемъ, а потому и опредѣлите степень удовольствію моему, каково я ощущаю изъ всякого случая, гдѣ Вы меня находите способныхъ и употребительнымъ на Вашу услугу.

Произвожденіе Офицерамъ полку Вашего, сходственно волѣ Вашей, Милостивѣйшій Государь, я здѣлалъ, исключительно Ма-

іоровъ, коихъ произвожденіе выше предѣловъ моей власти. Лошади для полку Вашего Императорского Величества готовы, и я ожидаю только удобнѣйшаго времени и пути къ ихъ отправленію.

Что до окрестныхъ обстоятельствъ, то они вообще предзнаменуютъ близкую войну, и я не осмѣливаюсь рѣшительно судить, что для насъ полезнѣе: прямая война, или непрестанное ополченіе и бдѣніе? Не дерзаю гадать по извѣстному мнѣ Вашему человѣколюбію, что Вы, Милостивѣйшій Государь, сохраненіе подданныхъ отъ кровопролитія предпочтете всякому убытку, естьли оное со славою и достоинствомъ Государства могло быть предъобережено; и прилѣжно молю Всевышняго, да удовлетворитъ онъ сему Вашего Императорскаго Высочества благоразумному къ отечеству расположенію; а въ противномъ случаѣ, и естьли жребій военачальства на меня падетъ, то позвольте Ваше Императорское Величество уповать на всемощное Ваше покровительство и благопризрѣніе изнемогающему въ силахъ, но истинно ревнующему о добрѣ и пользѣ отечества, повергающемуся къ ногамъ Вашего Императорскаго Высочества во всеглубочайшемъ благоговѣніи.

Вашего Императорскаго Высочества
всенижайшій рабъ
Г. Р. З.

Ноября 24 дня,
1777 года

Всемилостивѣйшая Государыня!

По случаю отправленія ко Всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества Двору курьера, въ самой торжественной день тезоименитства Вашего, удостойте, Всемилостивѣйшая Государыня, принять всенижайшее поздравленіе отъ усердно желающаго Вамъ, при многолѣтномъ и совершенномъ здоровьѣ, всѣхъ помысльныхъ удовольствій, и въ найглубочайшемъ благоговѣніи повергающагося къ ногамъ Вашимъ.

Вашего Императорскаго Величества.
всеподданнѣйшій рабъ
Г. Р. З.

Ноября 24 дня,
1777 года.

1777 года,
21-го Декабря.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Съ неизреченнымъ обрадованіемъ имѣлъ я щастіе извѣщенъ быть отъ Вашего Императорскаго Величества о явномъ отъ Всевышняго новомъ знакѣ всемогущаго Его смотрѣнія и благоволенія надъ Всевысочайшимъ Императорскимъ Домомъ Вашимъ, благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини, и дарованіемъ Вашему Императорскому Величеству дражайшаго внука, Великаго Князя Александра Павловича, къ всеобщей радости и счастію вѣрноподданныхъ Вашихъ. При всеподданнѣйшемъ Вашему Императорскому Величеству приношеніи моего поздравленія, позвольте мнѣ Ваше Императорское Величество изъявить истиннѣйшія мои чувствія и обѣты, возсылаемыя мною къ Всевышнему, да умножитъ вящше благополучіе Высочайшаго Императорскаго Дому Вашего, на пользу и благоденствіе общее, въ числѣ семъ повергающійся къ освященнымъ стопамъ Вашимъ, со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

1777 года,
Декабря 21.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Позвольте мнѣ Ваше Императорское Величество, одолженнѣйшему всѣмъ своимъ благополучіемъ, и нынѣ Всевысочайшимъ Вашего Императорскаго Величества благоговѣніемъ о дѣлахъ моихъ относительно Татарскихъ обстоятельствъ и учрежденія Курскаго Намѣстничества, изъявить всеподданнѣйшую мою благодарность, и ту горячѣйшую мою ревность, которая въ службѣ Вашего Императорскаго Величества пребудетъ во мнѣ до послѣднихъ дней моей жизни.

При наступающемъ Новомъ Годѣ примите Ваше Императорское Величество всеподданнѣйшее приношеніе поздравленія отъ всеусердно вызсылающаго ко Всевышнему свои обѣты, да поспѣшествуетъ во всѣхъ помысльныхъ желаніяхъ Вашихъ, и да укрѣпитъ здоровье Ваше на должайшія лѣта, на совершеніе Всевысочайшихъ благонамѣреній Вашихъ къ общему щастію и благо-

денствію всѣхъ вѣрноподданныхъ Вашихъ и ихъ потомковъ, и отъ повергающаго себя къ освященнымъ стопамъ Вашимъ со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.

1777 года,
21 Декабря.

Милостивѣйшій Государь!

Позвольте мнѣ Ваше Императоское Высочество, хотя по мѣсту моему отдаленному, но извѣщеніемъ вседушно обрадованному о явленномъ отъ Всевышняго новомъ знакѣ всемогущаго своего смотрѣнія и благоволенія надъ Всевысочайшимъ Домомъ Вашимъ, благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини, и дарованіемъ Вашему Императорскому Высочеству дражайшаго сына, Великаго Князя, Александра Павловича, принести всеподданнѣйшее мое поздравленіе и изъявить истиннѣйшія мое чувствія во всеобщей радости вѣрноподданныхъ Вашихъ, и тѣ обѣты, кои я возсылаю ко Всевышнему, да укрѣпитъ дражайшее здравіе Ваше и Ея Императорскаго Высочества на должайшія лѣта, и да умножитъ Ваше благополучіе, Всевысочайшаго Дому Вашего, на пользу и благоденствіе общее! Въ числѣ повергающій себя къ стопамъ Вашимъ съ благоговѣніемъ имѣетъ щастіе и оставаться.

ЕМУ ЖЕ.

1777 года,
21 Декабря.

Милостивыйшій Государь!

При наступающемъ Новомъ Годѣ, примите Ваше Императорское Высочество всеподданнѣйшае приношеніе поздравленія отъ всеусерно желающаго, да сохранитъ Всевышній на должайшія лѣта дражайшее здоровье Ваше, Ея Высочества Государыни Великой Княгини, и Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя, Александра Павловича, для всеобщаго благоденствія вѣрноподданныхъ Вашихъ Высочествъ, и отъ повергающаго себя къ ногамъ Вашихъ съ благоговѣніемъ.

ЛАНГУ.

Государь мой,

Мойсей Петровичъ!

Господинъ Лау былъ у меня съ обучавшимися у него духовой музыкѣ мальчиками моими, коихъ, по несовершенному еще обученію, безъ присмотра и ученія оставить ни какъ не можно; всеприлѣжно Васъ, моего дражайшаго Друга, прошу, для лучшаго ихъ въ сей музыкѣ успѣха и надъ ними надзиранія, присоединить къ полковымъ, кои, какъ Г. Лау мнѣ сказывалъ, довольно хорошо научены.

Я писалъ къ Г. Рачинскому, чтобъ онъ, съ позволенія Вашего, изъ числа тѣхъ мальчиковъ присоединилъ нѣкоторыхъ для духовыхъ инструментовъ, къ музыкантамъ у него обучавшимся. Большой басъ мнѣ весьма къ музыкѣ потребной, посредствомъ старанія Вашего, могу ли я въ полученіи быть благонадежнымъ, или мнѣ безпосредственно откудалибо выписать оной, прошу меня увѣдомить.

Дражайшей супругѣ Вашей, Милостивой Государынѣ моей, свидѣтельствую поклонъ мой, пребывая навсегда съ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ.

РАЧИНСКОМУ.

Государь мой,

Андрей Андреевичъ!

Музыкантовъ моихъ, коихъ добрымъ поведеніемъ я весьма доволенъ, и какъ они къ музыкѣ охотными себя кажутъ, а мнѣ желается имъ подавать къ тому способъ, то я за лучшій признавая Ваше руководство, велѣлъ ихъ отправить къ Вамъ, съ тѣмъ, чтобъ Вы опредѣлили для нихъ пребываніе при Васъ, или въ Топалѣ.

По недостатку при сей музыкѣ вовсе духовыхъ инструментовъ, не найдутся ли, коли не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ

числа обучавшихся въ Батуринѣ, и прошу Васъ, выбравъ, присоединить къ симъ музыкантамъ, у Васъ обучавшимся, а къ Г. Бригадиру Лангу, коему они отъ меня препоручены, я о томъ писалъ; пребываю, впрочемъ.

ГРИГОРІЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ИВАНЕНКУ.

При всѣхъ моихъ попеченіяхъ о скотоводствѣ и снабдѣніи лучшихъ родовъ скотомъ, не вижу я обыкновеннаго отъ того плода, и нахожусь всегда въ недостаткахъ. И какъ скоро въ полку Вашемъ имѣютъ быть ярмарки, гдѣ оный купить удобно, то прошу приказать двѣсти коровъ, кои бы со всѣми знаками плодоносныхъ были, но не имѣли еще телятъ, и до трехъ сотъ быковъ купить. Изъ коихъ были бы первые трехъ лѣтъ, другіе двухъ, а третьи годовые; впрочемъ, что лежитъ до доброты сего скота и надобной, по показавшемуся нынѣ падежу, предосторожности, то я полагаюсь на доказанное мнѣ многими опытами Ваше усердіе, а деньги на сію покупку приказалъ я отпустить Вамъ отъ Демковской моей экономіи.

Вы меня весьма одолжите предварительнымъ увѣдомленіемъ о суммѣ, какая, полагая на выше показанное количество и качество скота, по настоящей цѣнѣ и куплѣ потребна, такъ какъ и присылкою мнѣнія, чего стоитъ имѣніе Поручика Лисевича, поелику при письмѣ Вашемъ отъ 4-го сего мѣсяца, одно строеніе оцѣнено, а грунта только съ мѣрою описаны.

Свидѣтельствуя мое почтеніе любезной Вашей супругѣ, Милостивой Государынѣ моей, пребываю навсегда съ почтеніемъ.

Господинъ Гейзель!

При всѣхъ моихъ попеченіяхъ въ снабдѣніи экономіи лучшихъ родовъ скотомъ, не вижу я обыкновеннаго отъ того плода, и нахожусь всегда въ недостаткахъ. И какъ скоро въ Переяславскомъ полку имѣютъ быть ярмарки, то прошу я Григорія Григорьевича Г-на Иваненка, чтобъ приказалъ купить двѣсти коровъ,

кои бы со всѣми знаками плодоносныхъ были, но не имѣли еще телятъ, и до трехъ сотъ быковъ, изъ коихъ первые были бъ трехъ лѣтъ, другіе двухъ, а третіе годовые, на покупку коего скота, по востребованіямъ Г-мъ Иваненкомъ денегъ, имѣете надобное число отъ экономіи моей Демковской выдать, но прежде того меня увѣдомить, сколько потребно всей суммы на выше описанное количество и качество скота, полагая примѣрно по настоящей цѣнѣ и куплѣ онаго.

ЯЗЫКОВУ.

Милостивой Государь мой,

Николай Даниловичъ!

Письмо Вашего Превосходительство, пущенное изъ Харькова, я имѣлъ честь получить, и благодарю Васъ найпризнательнѣйше за доброхотное Ваше ко мнѣ расположеніе, кое Вы прямо изъявляете предварительнымъ увѣдомленіемъ о данномъ Вамъ отъ Князя Григорія Александровича дозволеніи на удѣленіе мнѣ земель въ Вашей Губерніи. Я взаимно хочу Вамъ изъясниться, что мнѣ тамъ земли найболѣе нужны для удобнѣйшаго переводу разныхъ продуктовъ изъ здѣшнихъ моихъ деревень и для рыбной ловли, а потому желалось бы мнѣ взять оныя около Каменки на тридцать, и около Кизицкаго мысу или Куту, или Станиславскаго рогу на тридцать же дворовъ; сіи мѣста сужу я для себя выгоднѣйшими по одной картѣ, а впрочемъ предоставляю лучшему Вашему выбору, лаская, что Вы не откажите мнѣ въ Вашемъ въ томъ пособіи, и прошу Вашего Превосходительства выбрать оныя и назначить по обозрѣнію Господина Полковника Александра Лаврентіевича Соколова, пріятеля моего, коего я особливо о томъ просилъ. А что до поселенія и иныхъ надобныхъ учрежденій, то впредъ я отправлю туда, кого изберу къ тому способнымъ. Впрочемъ, съ моей стороны могу Васъ увѣрить, что есьмъ и всегда пребуду съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

СОКОЛОВУ.

Государь мой,

Александръ Лаврентіевичъ!

Господинъ Губернаторъ Николай Даниловичъ пишетъ ко мнѣ, что онъ имѣетъ повелѣніе отъ Князя Григорія Александровича, дать мнѣ земли для поселенія въ Новороссійской Губерніи; а какъ мнѣ оныя найболѣе тамъ нужно для удобнѣйшаго перевода разныхъ продуктовъ изъ здѣшнихъ моихъ деревень и для рыбной ловли, то я нахожу для себя выгоднѣйшими, и хочу взять около Каменки на тридцать, да около Кизицкаго мысу или Куту, или Станиславскаго рогу на тридцать же дворовъ, но впрочемъ предоставляю лучшему его и Вашему выбору; а потому всеприлѣжно прошу Васъ, любезнаго моего Друга, взять на себя трудъ поѣхать туда и обозрѣть лично, и какія мѣста выгоднѣйшими найдете, тѣ для меня испросите и сдѣлавъ обстоятельное описаніе и планъ, ко мнѣ доставьте, а я отправлю туда, кого изберу, для населенія и сдѣланія другихъ надобныхъ учрежденій по Вашимъ руководствамъ. Я, лаская себя, что Вы, по особливому Вашему ко мнѣ доброхотству, многими опытами доказанному, не откажете мнѣ и на сей случай въ Вашемъ пособіи, и съ моей стороны будьте увѣрены, что всегда пребуду съ непремѣннымъ моимъ къ Вамъ усердіемъ.

P. S. Я весьма умѣренно прошу земли по выше изъясненнымъ причинамъ, и что мнѣ ихъ хочется имѣть на самомъ Днѣпрѣ или Лиманѣ, а впрочемъ ежели есть еще часть лишняя и положеніемъ своимъ способная, то Вы можете умножить истребованіе, соразмѣрно Вашему усмотрѣнію.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Соглашаясь на заплату Якову Филипповичу четырехъ сотъ и пятидесяти рублевъ за ранжерею, я щитаю, что оная уступлена со всѣмъ строеніемъ, и хотѣлъ бы, чтобъ оную перевезть въ Кочуровку, но

не знавъ ея расположенія, опредѣлить мнѣ мѣсто для оной трудно, почему прошу Васъ поговорить Г. Алексѣеву, чтобъ онъ снялъ ей планъ, и оной прислать ко мнѣ.

Требованію садовника Генриха Христіана Цина, если на меньшемъ чѣмъ постановлено не будетъ, удовлетворить соглашаюсь; но въ контрактѣ, который сдѣлать съ нимъ на три года, въ заключеніи упомянуть необходимо потребно, что онъ долженъ двухъ моихъ мальчиковъ (коихъ назначить ему изъ тамошнихъ обывателей и изъ сиротскихъ, къ тому способныхъ и проворныхъ) научить всему тому, что нужно къ свѣдѣнію о деревахъ, цвѣтахъ и травахъ всякаго роду; и какъ смотрѣніе за первыми и употребленіе послѣднихъ есть главнымъ пунктомъ садоваго дѣла, то по тому и обязанъ онъ показать имъ, какъ плодоносное дерево беречь, прививки дѣлать, плоды сбирать и оные сохранять. Съ другими, что служать къ увеселенію, какъ на всякое время ихъ производить, содержать и оберегать, а въ послѣднихъ различать умѣть, что на кухню и къ столу потребно, и въ которомъ времени года, словомъ: коснуться всей подробности, что лежить до садовыхъ и огородныхъ произрастеній. Къ слову бы упомянуть и о томъ, что если не выучить онъ ихъ въ сіе время, подвергаетъ себя какому либо штрафу и взысканію.

Имѣвъ давно свѣдѣнія о тамошнемъ моемъ строеніи, я хотѣлъ бы быть увѣдомленъ, до какой степени въ производствѣ доходитъ оное, и что еще нужно изъ матеріаловъ къ конечному довершенію всего начатаго. Не меньше желается знать и о прудѣ предъ домомъ, вычищенъ ли уже сей, или нѣтъ; также изъ свободныхъ работниковъ есть ли надежда тамъ имѣть, и на какой заплатѣ, поденно, или отъ сажени, а между тѣмъ и о лугѣ, что за избою прикащика, гдѣ мы ходили, сухъ ли оной, или нѣтъ?

Изъ лучшей удобности, которую нахожу я къ соединенію моего хозяйства, прошу Васъ прилѣжно, обще съ Г. Рахмановымъ, фольверки соединить чрезъ сѣнокосъ № и болото Борщевское съ планомъ Борщевскимъ К. и фольверкомъ Калиновскимъ, гдѣ не большая часть Козачьево входитъ, а по окончаніи отдачи, чтобы и села Литвиновичъ дачи также обмѣрить и на планѣ положить, увѣривъ его съ стороны моей, что я въ благодарности не закосню быть особливо признателенъ ко всякому меня одолженію.

Есьмъ всегда съ усердіемъ и доброжелательствомъ.

1777 года.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Благодѣяніе, которое оказать Вы изволили въ пользу моему истинному пріятелю, есть для меня новымъ обязательствомъ. Вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи доброхотствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ, и я въ сихъ короткихъ строкахъ найпризнательнѣйшаго благодаренія, оставляю сказать Вамъ при личномъ свиданьи о томъ совершенномъ усердіи и искренней преданности, съ коими никогда быть не престану

покорнымъ слугою.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ПѢСЬНИ УГОРСКОЙ РУСИ,

собранныя Палапковичемъ, бывшимъ священникомъ въ Бѣлкахъ.

1.

Ой на горѣ, на долинѣ,
Широкъ листокъ на калинѣ,
Еще ширшій на яворѣ:
Стоитъ мила на розмовѣ.

Где ты, милый, пробываешь,
Што за мене не гадаешь?—
Пробываю край Дунаю,
Я за тебе все думаю.

Кобы човенъ и веселце,
Ночовавъ быхъ у тя сердце;
А ни човна, ни повода,
Мушу ночовати дома.

Тече вода рѣченьками,
Плаче мила слозеньками.
Не плачь, мила, не журися,
Я молодый, не женився.

Коли буду женитися,
Прійди, мила, дивитися;
Коли буду вѣнчатися,
Прійди, мила, прощатися.

Скажу пива наварити,
Горѣлочки напалити,
Тебе, мила, запросити,
Конець стола посадити.

Твое пиво ми не мило,
И палёнка твоя горька;
Где тй, милый, вѣрнй слова,
Што ты не мой, я не твоя?

Твои братья тебе били,
Обы мы ся не любили;
Твои сестры проклинали,
Обы мы ся не собрали.

Твоя мати чаровница,
Великая розлучница,
Розлучила мя съ тобою,
Якъ рыбоньку исъ водою.

2.

Доле жъ моя, доле,
Нещастная доле!
Засѣяла дѣвчинонька
Мысленьками поле.

Чорныма очима
Та й заволочила,
Дробненькими слозеньками
Все поле зросила.

Не родится жито,
Трава зеленая:
Уже бо я во пеленкахъ
Была нещастная.

Цы ты мене, мамко,
Въ церковь не носила,
Што ты минѣ отъ Богонька
Дольку не впросила? —

До церкви 'мъ ходила,
Богу 'мъ ся молила,
Така ти ся, моя донько,
Долька осудила.

Цы я тобѣ, мамко,
Трѣски не сберала,
Што ты мою доленьку
Богомъ проклинала?

Боже милостивый,
Цы то воля твоя?
Цы всѣмъ людемъ така бѣда,
Цы лишь тôлько моя?

Боже справедливый,
Съ высокого неба,
Отбери ми мое житє,
Бо ми го не треба!

3.

Ой Боже мôй, который
Створивъ небо и зори,
Потѣшь мене сироту,
Най забуду хлопоту!

Черезъ рѣчку, черезъ ставъ,
Любивъ мене, переставъ,
И я єго любила,
Бо 'мъ до него ходила.

Гей, Боже мôй, где тотъ ставъ,
Где мôй милый на нôчь ставъ?
Кричу, плачу, не чує,
Най исъ Богомъ ночує!

Нещастная чужина:
Рокомъ стала година,
Сердце тяжко вздыхає,
Што щирости не має.

Цы лѣгаю, вставаю,
Все о тобѣ думаю:
Прійди, прійди раненько:
Потѣшь мое серденько!

4.

Гей ты, дѣвчино,
Ты розумомъ блудишь,
Сама ты не знаешь,
Кого же ты любишь. —

Гей, знаю, знаю,
Кого я кохаю,
Лишь то не знаю,
Съ кимъ я жити маю. —

Гей ты, дѣвчино,
Ты горда и пышна,
Чомъ ты до мене
Зъ вечера не прійшла? —

Гей, якъ я маю
До тебе ходити?
Будутъ насъ люде,
Вороги судити.

5.

Ой Боже мôй, Боже!
Вѣда ма двояка:
Маю мужа блуда,
Ще къ тому піяка!

Кобы была 'мъ знала
Свою бѣдну долю,
Скочила 'мъ бы была
Во глубоку воду.

Та бы была 'мъ плыла
Руно съ берегами,
Тамъ была 'мъ ся найшла
Съ своими врагами.

Ворогове мои,
Не ругайте на мя,
Што ми было мило,
Узяли 'сте отъ мя!

Мамко моя, мамко,
Выйми мя зъ неволи,
Буду тобѣ мыти
Твои бѣли ноги. —

Ой хоть бы ты мыла
И все полокала,
Кедь тебе, донько ма,
Зла доля побила. —

Мамко моя, мамко,
Где я въ тотъ часъ была,
Отколь ты мя, мамко,
На свѣтъ народила?

Гей бо я не пила,
Ни красно ходила,
Лишь все памятаю,
Што 'мъ тяжко робила.

Не дякую я ти
За твою годувлю,
Штось ми не прибрала
Мому личку рувню.

6.

Кажутъ, што не дадутъ
Мене за любонька,
Ай дадутъ за того,
За шесть воловного
Чорногуняника.

Ано мое рыбля,
То крѣтко зритъ на мя,
Двойну его цюлю
За шесть воловую
Цѣну лишь не дамь я.

7.

Смотри, милъ ми,
До очатъ,
Што ти ся зъ нихъ
Вычитатъ?

Сама правдиця,
Сама правдиця,
Ты єсь ангелская
Ряхтяна звѣздиця.

8.

Тамъ въ поли могила
Съ вѣтромъ говорила:
Не дуй, вѣтре, не дуй,
Не дуй быстрѣсенькій,
Чей бы 'мъ ся розцвила!

Чей бы 'мъ ся розцвила
Красненькими цвѣты,
Красненькимъ квѣточкомъ,
Зеленымъ бервѣнкомъ,
Молодыми лѣты.

Нѣжъ солнце изыйде,
Нѣжъ воронъ закраче,
Дробненькими слезы
Молодець жалобный
На могилѣ плаче.

Даремно, молодче,
На могилѣ плачешь:
Не пробьешь слезами
Святую землицю,
Миленькой не вбачишь!

9.

Кедь я собѣ изгадаю
За давныи лѣта,
Такъ мя слезки обливаютъ
Што не вижу свѣта.

Кедь я собѣ изгадаю
Давнѝ давниночки,
Скажу собѣ завязати
Съ платомъ головочку.

Журѝвъ єсь ся, нудивъ єсь ся,
Якъ мене любити,
А теперь ся журишь, нудишь,
Якъ мене лишити.

Або мене, любцю, люби,
А хоть мене лиши,
А хоть мои очинята
На папери пиши.

Закукала зазулонька
Кукала вна бѣла:
Иншу милу любку маєшь,
Я сама видѣла.

Иншу милу любцю маєшь,
На правдѣ ся лаєшь,
Прійде така годиниця,
Што мя изгадаєшь.

Любивъ єсь мя, мôй миленькій,
Тому є пôлгода,
Не сталася ти въ пробытку
Жадная пригода;

А якъ єсь явъ, мôй миленькій,
Иную любити,
Яла ти ся пригодиця
Всяка находити

10.

Чую, чую черезъ людій,
Дають менѣ знати,
Ей што хоче моя мила
Зъ вечера вмерати.
Кедь вна умре изъ вечера,
А я умру зъ ранку,
Та даме ся испрятати
Во одную ямку.
Та даме ся испрятати
Вкупѣ головами, —
Штобы была размовонька
И тамъ межи нами!

11.

Изъ недѣлоньки
На понедѣльчикъ
Ой темненькои ночи,
Прійшли рекруты,
Связали руки,
Выплакала чорнй очи.

Малое потя
Невеличкое
По коникови скаче:
Бѣдна маточка
Нерозсудная
За рекруточкой плаче.

12.

Чомусь не прійшовъ,
Чомусь не прійшовъ,
Коли я тя кликала?

Цы 'сь коня не мавъ,
Цы 'сь самъ не хотѣвъ,
Цы мамка не казала? —

И коня емь мавъ,
И самъ емь хотѣвъ
И мамка ми велѣла

Найменша сетра
Богдай не зросла,
Сѣдлце устулила!

13.

Прійду до тя въ недѣлю,
Найду тебе якъ лелію,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя въ понедѣлокъ,
Найду тебе якъ бервѣнокъ,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя въ самый второкъ,
Найду въ тобѣ красотъ сорокъ,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя во середу,
Найду тебе якъ березу,
Катеринко моя, 2.
Чорнобрывко моя!

Прійду до тя во четверъ,
Найду тебе якъ теперь,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя, 2.

Прійду до тя во пятницю,
Найду тебе якъ косицю,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя во суботу,
Заплачу ти всю роботу,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

14.

Вѣютъ вѣтры
Вѣютъ буйны,
Ажь дерева гнутся;
Тужитъ, болитъ,
Сердце мое,
А слезы не льются.

Где ты мила,
Чорнобрыва,
Где ты озовися?
О якъ я безъ тебе гину,
Прійди подивися!

Въ лютой горѣ
Лѣта трачу,
А щастья не бачу,
Тôлько ми ся
Легше стане,
Коль трошки поплачу.

15.

О якъ дуже за тобою
Тужитъ сердце, мила!
Коль сгадаю, што 'мъ тя любилъ
Й ты 'сь мене любила.

Въ ночи не сплю,
День ми смутный,
Все гадка о тобѣ;
Жити буду,
Не забуду,
Любовь скôнчу въ гробѣ.

16.

Ой Марѝко, подай вѣнецъ,
Бо вже я твѝй та паробець;
Ой Марѝко, подай оба!
Бо вже я твѝй, а ты моя.

Ой Марѝко, подай ручку!
Не чекай мя сего рочку!
Ачь не прійду за рокъ, за два,
Не чекай мя болыпе нигда!

Черезъ Тису калъ, болото:
Подай ручку, ты золото! —
Ой милепькій мѝй небоже,
Што ти ручка ма поможе?

Эй мѝй милый пеборачокъ,
Поклалъ ручку на облачокъ;
Камянное сердце 'мъ мала,
Што 'мъ му руку не подала.

17.

Єще въ поли по листкови,
Мушу пойти по свѣткови. —
Иди, иди, обы 'сь не ставъ,
Коли 'сь мене обманивавъ. —

Могла 'сь, мила, добре знати,
Што я знаю обмануги;
Бо я очка чорны маю,
Обмануги добрѣ знаю.

18.

Долино, долино,
Люде тя й зорали,
Богъ дай на тя, Иванку,
Мои слезки впали,

На тебе, на тебе
И на твою душу;
Бо я черезъ тебе
Погинути мушу.

Прогнѣвався милый,
Ай бо й я на него,
Не ходивъ до мене,
А ни я до него.

За што ся прогнѣвавъ?
За марно словечко,
Што 'мъ му не казала:
«Будь здоровъ, сердечко!»

Любила 'мъ го вѣрно,
То всѣ люде знали,
По нижъ Мукачова
Тамъ го звербовали.

На рѣцѣ китицѝ,
На дубѣ основа:
Кто еи основавъ?
Иванъ изъ Пряшова.

Писавъ на мя, писавъ,
Два листы, не единъ,
Обы не плакало
Мое сердце за нимъ.

19.

Пила мила, пила,
Та ѝ минѣ велѣла:
Напійся, миленькій,
Чей бы 'сь румяненькій!

Встань горѣ, миленькій,
Бо вже день бѣленькій! —
Не цыгань, миленька,
Ще нѣчка темненька!

20.

Где ты была,
Мила, съ ночи?
Промѣняла 'сь
Чорнй очи. —
Ой я была
Въ загородци,
Тамъ чекала 'мъ
Красны хлопци.

Била мамка
Мя на волю,
Отъ тогды ся
Страшно бою.
Яка нбчка
Темненькая,
Всю съ миленькимъ
Перестою.

Била мене
Мамка й съ нбчи,
За Иванковы
Чорны очи;
Била съ ночи,
Буде опять,
За молодыхъ,
Душко, хлопятъ.

21.

Ой на горѣ
Дубъ дуплавый:
Въ мене милый
Кучерявый.

Кучерями
Потрясуе,
Бляшку вина
Росказуе.

Мѣра вина —
Не новина,
Поцѣлуй мя,
Моя мила! —

Што бы я тя
Цѣловала,
Давно 'мъ тобѣ
Ручку дала. —

Напіймеся
Коль сме вднука,
Тверда зима
Онъ ся пукатъ. —

Терпи, милый,
Терпи хоть разъ.
Я терпѣла
За тя не разъ! —

Анде гуслѝ,
Близко скринѝ,
Прошу, люба,
Подай минѣ!

Най загуду
Жали свои:
Гуслѝ мои,
Яворовы!

22.

Побили, забили,
Голубка сивого,
Я ся напудила,
Ожъ мого милого. —

Побили, убили,
Гусочку гривеньку,
А я ся напудивъ
Ожъ мою миленьку.

23.

Солодка, ма мамко,
Тяжко минѣ жити:
Чомъ есь мя не вчила
Маленьковъ робити? —

Я тебе учила,
А ты ся не брала,
Про то тва головка
Бѣды ся дождала. —

Я ся отдавала,
Обы газдовати,
А я по свѣткови
Должна вандровати.

24.

Писала Краина
Зъ Хуста до Будина,
Што бы намъ заслали
Червеного вина.

Бо червено вино
Во погарѣ скаче,
Не една повгарка
За повгарёмъ плаче.

Не плачьте, повгарьки,
Доразъ вернемеся,
Пойдеме до Вѣдня,
Муштру навчимеся.

25.

Добрѣ тому, добрѣ,
Въ кого любки по двѣ;
Єще тому лѣпше,
У кого побольше.

Не сѣю, не орю,
Само ми ся родитъ,
Таку маю любку,
Сама за мновъ ходитъ.

Не я за невъ, не я,
Ай она за мновъ,
Якъ тота овечка
За зеленовъ травовъ.

26.

На горѣ бубнуютъ
Подъ горовъ танцуютъ,
Волôвски легѣнй
Въ гусарй вербуютъ.

Най они вербуютъ,
Отъ кола до кола,
Вже вни не звербуютъ
Моего сокола.

27.

Василько, Василю!
Въ городцѣ тя сѣю,
Не пиши палички,
Не дури дѣвочки!

Бо маленьки дуришь,
А великй любишь,
Твердо тя проклянутъ
Нигда ся не вженишь.

28.

За всю бѣду, неволицю,
Пôйду скочу въ млиновицю,
Та тамъ мене рыбка поѣсть,
А кто моей мамцѣ повѣсть?

Повѣдятъ ей добрй люде,
Ей якъ мене бо́льшь не буде,
Буде мамка заводити,
Не година плачъ утолити.

Плавле кача по ныреви:
Повѣжь, рыбко, Василеви!
Василь не мо́й, я не его,
Што не сижу коло него.

Идѣтъ его приведѣте,
Коло мене положѣте,
Най я его поцѣлую,
Его ручку золотую.

По по́дъ гай, дѣ, зеленецькій,
Ишолъ хлопець молоденькій,
Сердце му ся розрываe,
Што милую не видае.

29.

Тамъ мо́ милый лѣсомъ иде,
Малёваны дрыва везе;
Продавъ дрыва малёваны,
Купилъ чижмы кордованы.
Я ся въ чижмы та обую,
Весь вербунокъ извербую.

Черезъ едну любасочку,
Маю ити во войночку,
До войночки не по́йдеме,
Женитися не будеме.
Заки буде по дѣвчинѣ,
Все молодци та будеме.

Где ты, мила, пробывала,
Коли вода выливала? —
Ай я была при бережку,
Держала 'мъ ся за березку,
За березку, за тернину,
Кликала 'мъ ся на родину.

Рубаю я яворину,
Она паде на долину,
Изъ долины на мураву,
Приклонь, мила, свою главу,
Ащь не главу, ано личко,
Солодка ма ластовичко!

30.

Тече водиця
Изъ подъ яворця
Ледова,
Иде ма мила,
Красно прибрана,
Съ Сигота.

Гей дубе, дубе,
Зеленый дубе,
Дубина!
Несе мôй милый
Червлени чижмы
Съ Севлюша.

31.

Чія тото красна нивка?
Люба бы му всяка дничка:
Ай кто єи розно оравъ,
Гораздъ бы ся не все имавъ!

А кто єи зерномъ сѣявъ
Золотомъ бы любо вѣявъ:
А кто єи подовжь смычивъ,
Солодко бы ся выпочивъ!

32.

Рубай, рубай, не поставкуй,
Якъ нарубашь, домôй вандруй!
Бѣда бы го вандровала,
Коли 'мъ уже навновала.

Вандруючи, ножки болятъ,
А роблячи, ручки горятъ,
Такъ намъ тяжко працовати,
Коль хочеме да что мати.

Склоняѣся сонце долу:
Пущай насъ, газдо, до дому! —
Не пущу васъ, небожата,
Бо ще нивка недожата. —

Буде завтра красна днина,
Та дожнеся ваша нива,
Заспѣваемъ Богу слава,
А вамъ, газдо, вѣкъ здоровля.

33.

Анця до воды,
Иванъ отъ воды:
Ай почекай, бѣла Анце,
Вльешь волôмъ воды!

Ей я не вмѣю,
Бо я не смѣю;
Паде роса, а я боса,
Ей гой, Янчію!

34.

Не рубай, не щакай,
Зеленого дуба:
Не цѣлуй, не вбнимай,
Коли 'мъ ти нелюба!

Не рубай, не щакай,
Най ся зеленѣе:
Не бери прегорду,
Най ся постарѣе!

Бреду рѣчку, бреду,
Рѣчечка рѣняна:
Смочилося платье,
Аннице бѣлява! —

Рѣчку и я бреду,
На березѣ буду,
Глядай собѣ, любый,
Про мене другую!

Глядай собѣ, глядай,
Пусту, задаремну,
Што 'сь минѣ даровавъ,
Назадъ тобѣ верну.

Не рубай, не стрѣляй
Очима въ одвѣрки,
Ходили та й будутъ
До Анны женихи.

35.

Така 'мъ слаба ги росиця,
Не йду домôвъ безъ Федôрця:
Онъ навпередъ, а я сзаду,
Все ся взира'тъ, ци не впаду.

Черезъ Дунай, черезъ Тису,
Ступай, мила, бо тя литу. —
Не лиши мя, бôй ся Бога,
Бо я съ тобовъ пойти годна.

36.

Ой подь, Боже, до насъ,
Бо теперь у насъ гораздъ,
Та й ты, Божая Мати,
Вѣночки починати!

Роскололася верба
Отъ верха до корене:
Взята Марійка, взята,
Отъ отца, отъ матере.

Полёмъ, Марійко, полёмъ,
За невъ Иванко конёмъ,
Явъ еи доганяти,
Явъ еи звѣдовати:

Чія ты Марійко, чія? —
Нянькова та мамчина,
А теперь емь твоя,
Правѣ тобѣ сужена.

Бервѣнчикъ хрещатый!
То ты рано зацвивъ,
Иванкови за шапочку,
Маріи за кôсочку.

Ой где Иванко сидитъ,
Тамъ ся стѣночка свѣтитъ,
А где Марійка сидитъ,
Коло ней ся яснитъ.

37.

Поки емь ся не вженивъ,
Я въ чоботки цоркъ, цоркъ!
А якъ емь ся оженивъ,
Я въ постолѣхъ шлёпъ, шлёпъ!

Гой я шумундра!
Моя мила, та й мудра!

Поки ємь ся не вженивъ,
Шапка въ мя рогачка,
А якъ ємь ся оженивъ
Теперь помѣтачка.

Гой я шумундра, и пр.

Поки ємь ся не вженивъ,
За клобушкомъ квѣтка,
А якъ ємь ся оженивъ,
Пропала до дѣтка!

Гой я шумундра и пр.

Поки ємь ся не вженивъ,
Съ сѣмьма 'мь кôньми сватавъ,
А якъ ёмь ся оженивъ,
Шапковъ гачи 'мъ латавъ.

Гоя я шумундра,
Моя мила, та й мудра!

38.

Антамъ горѣ, при яворѣ,
Камень муку меле:
Слухай, дѣвча, чорнобрывча
Ци пôдешь за мене? —
Ой не пôду, та й не люблю,
Съ далекого краю,
Будешь бити, неволити
Родинки не маю,

Походивъ ємь, походивъ ємь,
Коло тои кучки:
Загубивъ ємь, загубивъ ємь,
Постолы и внучки
Хоть я тоту кучу дручу
Хоть єи запалю,
Най она ми не завдає
Тверденького жалю.

Ты, Иванцю, не бій Анцю,
Бо не маешь за що,
Бо Анниця роботниця,
А ты самъ ледащо.
Бо Аннины колопеньки
На лёду зацвили,
А твои, дѣ, онученьки
За кошомъ погнили. —

Не буду я воду пити,
Вода студененька:
Не буду я жену бити,
Жена молоденька.
Ударивъ емь голый разъ,
Тѣло помарнѣло,
Ай бо й плакавъ я доразъ,
Чей бы не болѣло.

39.

Ой небоже Волощуку,
Не люби ты леда суку:
Люби, дѣ, ты ба й Русочку,
Бѣленькую якъ гусочку!

40.

Яворовы трёски тешу:
До милои босый чешу;
Бы пôдошвы не рыпѣли
Пôдковочки не звинѣли,
Обы псики не брехали,
Вбы сусѣдки не й зознали.

41.

ПРИ ПРЯДЕНЬЮ.

Куделе вороже,
Бѣдка тебе прясти може!
Я тя вержу пôдъ лавицю,
Сама выйду на вулицю.
Соромъ буде мому лицю,
Што не пряду куделицю.

42.

НА ГОСТИНѢ ВЪ КУМА.

Коло млина, млина,
Зацвила тернина:
Гей у мого кума
Солодка гостина!

43.

Горы мои, горы,
Вы мои коморы!
А вы ялицй,
Вы мои свѣтлицй.

Кобы ми ся бучокъ розвивъ,
Зелена Свѣдова,
Не една бы опустѣла
Жидôвска комора.

44.

ДѢТСКІЯ ПѢСНИ.

Два кокоши жито молотили,
Двѣ курочки чернушечку у млинъ поносили,
Баранъ меле, баранъ меле,
А цапъ мѣрки бере.

Гуска сѣе, гуска сѣе,
Гусакъ ости пряче,
Качка мѣситъ, качка мѣситъ,
Качуръ воду носитъ,
Мачка плеще, мачка плеще,
Мацуръ во печь мече.
Ой такъ ємь ся повбертала,
Гурбу 'мъ муки насѣяла,
Такій ми ся хлѣбець удавъ.
По пóдъ кору мацуръ игравъ,
Горѣ хвощикъ задудуривъ,
Та й коры ся не дотуливъ.

45.

Мышь кнышь начала,
Муха киселицю выльяла,
Сверщокъ горщокъ прокусивъ,
Когутъ коня задусивъ.
Не буду я бѣдовъ трясти,
Ай буду я клочье прясти,
Ой маю я статку много,
Мѣща клочя ильняного.
Якъ ся хлопцй заладили,
Мотовилце поломили,
А я на то не гадала,
Коло печи обмотала,
И пóдъ печевъ кросна ткала.

ПѢСЬНИ,

собранныя Александромъ Духовичемъ въ Прящевѣ.

1.

На грунку стояла,
На Яцка волала:
Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти кривды!

Єсли прійдешь въ ночи,
Богъ ти на помочи;
Єсли прійдешь рано,
Будетъ зготовано.

Зготовлю паленки,
Тотъ стаканъ маленькій,
Схочешь и фляшеньку,
Дамъ ти ю полненьку,

Упечю курочьку
И бѣлу гусочьку,
Будешь ся гостити
И мене любити.

Но помалу ступай,
Дверьцями не скрипай;
Прійди подъ грушочьку,
Сядь си на лавочьку!

Тамъ я свыкла спати,
Буду тя чекати,
Тамъ будетъ курочка,
Гуска, паленочка.

Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти крывды,
Не бôйся никого,
А ни отца мого!

Нянє спитъ въ стодолѣ,
Слуга съ вôлми въ поли,
Свекра передъ пецомъ,
Служница за пецомъ.

Не бôйся никого,
А ни пса чорного:
Песъ въ полю съ дробяти,
Не буде брехати.

Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти кривды,
Якъ бы 'мъ учинила,
Я бы ся ганьбила.

2

Ишовъ Ляшокъ изъ Варшавы,
На нимъ шматы барзъ цундравы,
Но шапочка рожката,
Не боится Руснака.

Бѣда Ляшка подкусила,
Стрѣтивъ єдного Русина,
И шапочьку не снимавъ,
«Счастя Богъ дай!» не сказавъ.

Русинъ познавъ, же то Ляшокъ,
Ма на шматохъ много бляшокъ,
Заразъ єго привитавъ,
За чуприну выхитавъ.

Ту машь, Ляшку, сучій сине,
Знимай шапку, где Русины,
«Счастья Богъ дай!» повѣдай,
И шапочьку изнимай!

Ишовъ Ляшокъ еднымъ лугомъ,
А тамъ оравъ Русинъ плугомъ,
И ставъ собѣ гадати,
Што бы ему сказати.

Гадавъ Ляшокъ ажь до пôвъдня,
Пришовъ помалу до плуга,
И шапочьку не знимавъ,
«Счастя Богъ дай!» не сказавъ.

О подай же стикъ, Иване,
Най научу, якъ Ляхъ стане
Шапку свою знимати,
«Счастя Богъ дай!» казати!

Якъ съ переду, такъ съ заду,
Выправъ Ляшка до ряду,
Ажь му шапча упало,
Въ болотѣ ся звалило.

Ишовъ Ляшокъ дорогою,
Ввидѣвъ гуску надъ водою:
«Счастя Богъ дай!» бѣла гусь,
Навчила мя тота Русь.

Ажь тамъ надбѣгъ медвѣдь кусый,
Ляшокъ думавъ, же то Русинъ,
Снявъ шапочьку скоренько,
«Падамъ до нугъ» низенько.

Медвѣдь ся съ нимъ поигравъ,
Ажь му главу ободравъ:
«Вставай, Ляшку, не лѣгай,
Со мною ся поиграй!»

Ишли купцй съ Перемышля,
А душа ужь зъ Ляшка выйшла:
Лежи, Ляшку, въ дубинѣ,
Не кланяйся звѣринѣ!

Кланяй ты ся Русинови,
А не звѣрю медведеви,
Бо тотъ чести не маѥ,
Ляшка доразъ витаѥ!

3.

Ишовъ Козакъ за Дунай,
Казавъ: «Дѣвчино, прощай,
Ты, коненьку вороненькій,
Весело гуляй!» —

Постуй, постуй, Козаче,
Твоя дѣвчина плаче:
Якъ ты мене покидаешь,
Тôлько подумай. —

Сиве очько не втирай,
Бѣлы ручьки не ламай,
Токмо мене со славою
Къ собѣ ожидай! —

Не хочу я ничого,
Токмо тебе одного,
Иди, иди, мôй миленькій,
А все пропадай!

4.

Подъ Каменцёмъ подъ Подольскимъ
Стоитъ Турокъ съ своимъ войскомъ,
Стоитъ, стоитъ, не воюё,
Бôльше войска потребуе.

Старша сестра брата мала,
На вôйну го выправляла,
На вôйну го выправляла,
Сама коня осѣдлала.

Сама коня осѣдлала,
Съ правой ручки кантарь дала,
Съ правой ручки кантарь дала,
Та й горенько заплакала:

Брате, брате, брате рôдный,
Коли прійдешь назадъ зъ вôйны? —
Коль не прійду о годъ, о два,
Не ждай ужь мя, сестро люба!

Ужь ся вôйна докончила,
Турка наша младежь сбила,
Прогнали го ажь за море,
Абы му тамъ было горе.

Ужь гусары зъ войны идутъ,
Мого брата коня ведутъ:
Ой гусары, где є мôй братъ?
Ци ôнъ убитъ, ци въ неволю взятъ? —

Ой твôй братикъ не въ неволѣ,
Онъ остався въ ширôмъ полѣ;
Турецька му злоба дôйшла,
Куля му серденько прôйшла.

Тамъ ôнъ въ ширôмъ полѣ лежитъ,
Соколъ надъ нимъ гôрько слезитъ:
Ай тутъ лежитъ храбрый воинъ,
Чорноусый витязъ Русинъ. —

Ай мôй братикъ за дружину
Лêгъ у полѣ за отчину:
Уже ся не верне вспять,
Дай му Боже, вѣчну память!

5.

Гукнуло, пукнуло въ лѣсѣ:
Комаръ съ дуба повалився,
Розбивъ собѣ головище
На дубовый коренище.

Вылетѣла муха съ хаты
Комарушка жаловати:
Ой комару, мôй комару,
То ми тя жаль не помалу!

Где ся велишь поховати,
Твое тѣло честовати? —
Поховайте мене въ лѣсѣ,
При дубовôмъ конарисѣ.

Насадьте ми петрушоньки,
Зеленои маруноньки,
Тоту будутъ дѣвки рвати,
Комарушка шановати.

Ай тутъ его лежитъ тѣло,
Не одного оно ѣло;
А тутъ лежитъ его сало,
Не одного смаровало.

А тутъ лежитъ его труба,
Которая пала съ дуба.
Ой ду ду ду, ду ду, ду ду,
Комарушка не забуду!

6.

Журилася попадя
Своєю бѣдою,
Же вна должна любити
Попа съ бородою.

Ой бо менѣ тяжко,
Ой бо менѣ нудно,
Попа съ бородою
Любити мнѣ трудно.

Вяжьте куры, гуси,
Вяжьте и индики,
Впрягайте волы въ возы,
Иду до владыки

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Смилуйся надъ нами,
Отче Святителю,
Та й надъ молодою,
Бѣдной попадею!

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Попадько, попадько,
Нужно ти пождати,
Буду я твому попови
Карточку писати.

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Коль тебе не хоче
Попадя любити,
Изволи ей ôсѣмь разôвъ
Воду освѣтити.

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Клячала, клячала,
Далей и устала,
Поймала за бороду
Та й поцѣловала:

Ужь менѣ не тяжко,
Ужь менѣ не нудно.
Попа съ бородою
Любити не трудно.

7.

На бережоньку стоя,
Стоя, стояла
Бѣлы ноженьки вмыва,
Вмыва, вмывала.

Ой нужки мои бѣлы
Бѣлы, бѣлыи,
А кому вы будете милы,
Милы, милый?

А кедь тому молодому,
Дай, Боже, дай, Боже!
А коль тому та старому,
Храни, Боже, храни Боже!

А у нашей загородцѣ
Бѣлый цвѣтъ, бѣлый цвѣтъ:

Вандруй, вандруй, дѣнчинонько.
Со мновъ въ свѣтъ 2.

А якъ мы выйдемо
На гору, на гору,
Тамъ я тобѣ вшитку правду
Сговорю, сговорю.

А тутъ тобѣ, а тутъ менѣ,
Дорога, дорога,
Оставай ты, моя мила,
Здорова, здорова!

8.

Закукала зозуленька куку!
Розъярила бѣдну мою муку.

Не кови ты, зозуленько, куку!
И не яри бѣдну мою муку!

Заковала зозуленька куку!
Послушь мою, дорогая, муку!

Не кови ты, зозуленько, куку!
Я не слышу твою дурну муку.

Заковала зозуленька куку!
Дай мнѣ моя, дорогая, руку!

Ой не кови, зозуленько, куку!
Бо я не дамъ тобѣ мою руку.

Заковала зозуленька куку!
Седитъ бѣдна дѣвчинонька въ кутку.

Кови, кови, зозуленько, куку,
Та розжени дѣвчинонцѣ скуку!

9

Ой было то, та й было,
Шкода же ся избыло,

Коль я мыслями блудивъ,
И дѣвчину полюбивъ,
Но дѣвушка полоха,
Посмѣялась ха, ха, ха!

Ой, дѣвочко, знай Гога,
Не будь ко мнѣ толь строга;
Я тя люблю, люби мя,
Я ужь твôй, ты будь моя!

Дѣвушка на то глуха,
Схôхотала ха, ха, ха!

Я къ дѣвочцѣ близенько:
Пôди ко мнѣ серденько,
Ой, дѣвочко, пожалуй,
Та хоть одинъ поцѣлуй!

А дѣвушка до смѣха,
Отказала ха, ха, ха!

Ой дѣвочко дорога,
Молю я тя про Бога,
Глянь на мою ты муку,
Подай бѣлу тву руку!

Лишь ты моя потѣха,
А дѣвушка ха, ха, ха!

Я дѣвочку за личко,
Люби мене горличко!
Посмотри на мя хоть разъ,
Люби мене хоть на часъ!

А дѣвушка хитруха:
Захôхоче ха, ха, ха!

Я дѣвочку за губку,
Поцѣлуй мя, голубко!
Дай, любезна, поцѣлуй,
Тѣмъ бѣдного пожалуй!

Нй тутъ лести, нй грѣха,
А дѣвушка ха, ха, ха!

Ой дѣвочко, што робишь,
Чому ты мя не любишь?
Я тя люблю едину,
За тобою ажь гину.

А дѣвушка все лиха,
Зохôхоче ха, ха, ха!

Ой дѣвочко еще разъ,
Взглянь на мене хотя разъ,
Не возмущай мою кровь,
Ой, пріими мою любовь!

А дѣвушка, якъ блоха,
Отскочила, ха, ха, ха!

Така моей любви мзда,
Тщетна моя надежда,
Долю мою збезславивъ,
И дѣвочку оставивъ.

Теперь ужъ я ха, ха, ха!
А дѣвушка старуха,
Ха-ха-ха, ха-ха-ха,
А ты баба старуха!

10.

Чловѣче мизерный,
Ты есь порохъ земный,
На што ся надѣешь?
Же многимъ владѣешь!

А чей на уроду?
И она до гробу —
До гробу отъиде,
Якъ ей тожъ часъ прійде.

Не уфай въ богатство;
Бо то лишь хробацтво,
Ни въ сребро, ни въ злато;
Бо то все естъ блато.

Фалшивая юность,
Зрадлива фортуна,
Служатъ человѣку
Во молодомъ вѣку.

Теперь оставила,
Якъ сила омлѣла,
Старца человѣка
Къ земли прихилила.

Орловая юность!
Обновися нынѣ,
Потѣшь человѣка
Въ прискорбной годинѣ!

Розступьтеся, воды,
Холмы побѣгните,
Мои млады лѣта,
Ко мнѣ привернѣте!

Охъ, вѣтры силныи
Скоро повѣвайте,
Мое сердце смутне
Мнѣ охоложайте!

Да испуститъ облакъ
Со небесе хладость,
Дождевную каплю
До сердца на радость!

О роскоши мои,
Где 'сте ся подѣли?
Цили во Дунаю
Быстромъ потонули?

Самъ ся осуждаю
И то по неволи,
Же роскошне живъ емь,
Живъ емь во сваволи,

Самъ ся осуждаю,
И признати мушу,

Же во грѣсехъ живъ ємь,
Засмутивъ ємь душу.

Тамъ возму заплату,
Где будутъ платити,
Тяжко буде сердцу
Где ся тогда дѣти?

ДОБАВЛЕНІЕ.

ПѢСЬНИ,

собранныя въ Стрыйскомъ округѣ Иваномъ Гушалевичемъ.

I.

семейныя и житейскія пѣсьни.

1.

Ой пôду жъ бо я, ой пôду жь бо я
Черезъ греблю до ставу,
Сама я не знаю, сама я не знаю,
Кому жъ я ся дôстану:

Цы тому дѣду, 2
Що съ сивою бородою,
Цы молодцеви, 2
Съ личкомъ, якъ съ калиною?

Въ дѣда борода, 2
Якъ у березѣ глина,
Моє личенько, 2
Якъ въ городци калина.

Въ дѣда борода, 2
Припѣчки замѣтати,
Моє личенько, 2
Хлопчикамъ цѣловати.

Ой пôду жъ бо я, 2
До матêнки въ гостину,
Та чей увиджу, 2
За Дунаемъ калину.

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину,
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
Въ колѣна вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
У поясъ вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути.

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
Подъ пахи вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брѣсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
По шѣю вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брѣсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

А вже старому, 2
Чуприну вода знесла,
А дѣвчинонька, 2
Въ долоненьки плесла.

2.

Стоять кони на помостѣ, 2 *
Сбирается панна въ гостѣ,
Родиночки в'на не мала,
За брата си здогадала.
Сѣла на вôзъ, поѣхала,
Сѣдитъ братчикъ, обѣдае,
Въ оконце си поглядае:
Сховай, жѣнко, хлѣбъ зô стола,

* Каждый стихъ повторяется два раза.

До мя ѣде сестра моя! —
Стой, братчику, не ховайся!
Є у мене хлѣбъ на обѣдъ,
А печеня на вечеру. —
Ходить братчикъ изъ сестрою:
Чо жь ты, сестро, ревно плачешь?
Цы ты отъ мя взятку хочешь? —
Не хочу я отъ тя взятки,
Одна мати насъ родила,
Не вднако насъ надѣлила:
Ты пановавъ, та пануешь,
Я бѣдовала, та й бѣдую.
Бувай, братчику, вже здоровъ!
Я не буду нигды съ тобовъ.

3.

Стоятъ кони запряженѝ
Въ шоры золотыи:
Поѣдемъ мы доганяти
Лѣта молодыи.

Погонили мои лѣта
На золотомъ мостѣ:
Вернѣтеся, мои лѣта,
Ще до мене въ гостѣ! —

Уже мы ся та не вернемъ,
Не маемъ мы чого;
Було доси шановати
Здоровячка свого. —

Вернѣтеся, мои лѣта,
Буду шановати; —
Теперь мы ой не вернемъ,
Мусишь бѣдовати.

4.

Ой по пôдъ гай зелененькій, 2 *
Брала вдова ленъ дрôбненькій.
Ой якъ брала, та й рыдала,
Къ сырôй земли припадала:
Земле моя сыровая!
Взяла 'сь у мя господаря,
Возьми й мене молодую,
Най на свѣтку не бѣдую! —
Єи сынокъ прислухався:
Позволь, мати, вдову взяти:
Буде вдова шановати. —
Волишь, сынку, розбивати,
Нижь ты маешь вдову брати:
У вдовоньки таке сердце,
Якъ зимное, каже, сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе,
То все зимный вѣтрецъ вѣе.
Иди, сынку, на былоги,
А тамъ найдешь три дороги:
Вдовичина кервавая,
Материна золотая,
Дѣвочина меденая.
У дѣвочки таке сердце,
Якъ лѣтнее Боже сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе,
Все тепленькій вѣтрець вѣе.

5.

Иди, нене, прôчь отъ мене,
Будутъ гости завтра въ мене,
Будутъ гости въ кармазинѣ,
А ты въ лихôй петечинѣ!
Пôшла ченька до доненьки,
Встрѣтила ей на дорозѣ:
Где ты, нене, идешь до мене,

---

* Каждый стихъ повторяется два раза.

Не набудешь, нене, въ мене,
Бо лихій мужь є у мене. —
Буду, доню, догоджати,
И дитину колысати.
За годину за маленьку
Доганяє сынокъ неньку:
Вернись, нене, та й до мене,
Бо вдаривъ громъ та й на мене,
Та й на мою худобоньку,
Та й на мою челядоньку,
Та й на жёнку молодую,
Та й дитинку, та й малую. —
Не громъ тото, мôй сыноньку,
А то мои то слёзоньки,
Та й изъ моей головоньки.

6.

Вандровало пахоля,
Изъ Кіева до двора,
Вандруючи пытало:
Где коршмонька новая,
Шинкаречка молодая?
Шинкаречко молода,
Давай пивця, та й вина! —
Якъ я тобѣ вина дамъ,
Коль на тобѣ злый жупанъ. —
Хоть на менѣ злый жупанъ,
Коли въ мене грошей збанъ. —
Коли въ тебе грошей збанъ,
Я за тебе дочку дамъ. —
А въ пôвночи змовляли,
На розсвѣтѣ слюбъ взяли:
Ой ти, мила, миленька,
Голубочко сивенька!
Скажи менѣ правдочку,
Котрого ты родочку? —
Ой я зъ роду попôвна,
По прôзвищи Скарбôвна.

Ты жъ бо милый, миленькій,
Голубочку сивенькій,
Скажи жъ менѣ правдочку,
Зъ котрого ты родочку? —
Я изъ роду поповичъ,
По прозвищу Скарбовичъ.
Бодай мати пропала,
Сестру зъ братомъ звѣнчала!
А ты, сестро, отъ ту будь,
А я иду въ Божу путь,
Та дзекана шукати,
Та грѣху ся збувати.

7.

Мати жъ моя, мати,
Цы рада ты тому,
Що мы прійшли двоє
На подвôрье твоє? —
Тобѣ 'мъ, сыну, рада,
Бо 'сь моя дитина,
Невѣстцѣ 'мъ не рада,
Бо 'мъ ей не родила.
Пôшла до пивницѝ,
Взяла двѣ скляницѣ,
Меду наточила,
Сама ся напила,
Невѣстка не пила,
Милому держала;
Милый якъ напився
За серденько взявся.
Она тогды взяла,
Ревно заплакала:
Не плачь, мила, не плачь,
Не ты мя строила,
Строила мя мати,
Що мя породила.

8.

Ой ковала зазуленька а въ гаю, а въ гаю,
Чомусь мое серденько а въ жалю;
Ой ковала зазуленька при плоту,
Чомусь моя головонька въ клопоту;
Ой ковала зазуленька на колу,
Та пріѣздитъ мой миленькій на коню.
А я ему джарку вина, меду двѣ,
А вонъ менѣ красну стонжку до земли. —
Помалу, мой миленкій, говори,
Бо учує нелюбонько зъ коморы!—
Съ кѣмъ ты, моя люба, говоришь?
Съ кухарками, нелюбоньку, съ кухарками,
Выправляю до Дуная съ коновками. —
На що жъ тобѣ, моя люба, водицѣ,
Єсть у тебѣ медъ-вино въ скляницѣ;
Єсть у тебе медъ-вино, напійся,
Єсть у тебе садъ-виноградъ — пройдися.
А все тото, нелюбоньку, ни за що,
Коли съ тобовъ мешканенько ни за що. —
Цы будешь, моя люба, любити,
Якъ ся буде бѣле тѣло лупити?—
Ой не буду, нелюбоньку, не буду,
Якъ ты выйдешь за ворота, забуду.

9.

Ой въ лузѣ калина
Весь лѣсъ прикрасила:
Породила мати сына,
Сына мулярина.
Скоро его породила,
Стала научати:
Будешь, сынку, въ дорозѣ,
Не забудь о Бозѣ!
Поки муляръ не пивъ,
Поти Бога хваливъ;
Якъ ся начавъ напивати,

Взявъ о Бозѣ забувати. —
Мати жъ моя, мати,
Съ чорными очима,
Доглянь моёй худобицѣ,
Поки зможе сила!
Ой най мене не ховаютъ
Нѝ попы, нѝ дяки,
А най мене поховаютъ
Донцѝ та ѝ Козаки.
Бо попы та ѝ дяки
На худобѣ бьются,
А Дончики та Козаки
Горѣлки напьются.

10.

Ой ѣхавъ Козакъ, ой ѣхавъ молодъ,
Зъ Пôдгôрья на Подôлье,
Повернувъ конемъ, повернувъ сивымъ,
Къ дѣвчинѣ на Пôдвôрье:
Здорова була, дѣвчино люба,
Та ѝ здоровенька спала,
Отпусти жъ менѣ першѝ залёты,
Будь па мене ласкава!
Ой отпустила, ой отпустила,
Жалосно заплакала:
Ой гой же, гой же, мôй милый Боже,
То 'мь тя вѣрне кохала!
Ой зôйди, зôйди, ясенъ мѣсяцъ,
Якъ млынное коло.
Выйди дѣвонько, выйти серденько,
Промовъ до мене слово. —
Ой якъ къ тобѣ йти, ой якъ къ тобѣ йти,
Съ тобою говорити,
Коль лежитъ нелюбъ на правой руцѣ,
Бою го ся будити? —
Дѣвчино люба, дѣвчино люба,
Отсунься вôтъ нелюба,

Забью нелюба изъ туга лука,
Якъ дикого голуба. —
На що го бити, на що го бити,
Здоровья збавляти,
Коника давши, та й осѣдлавши,
Та най иде служити!

11.

Ой мала вдова чомъ три доненьки:
Одная була бѣла, румяна,
Бѣла, румяна за Ормянина;
А друга була тонка, высока:
Тонка, высока за мѣщанина.
А третя була чорна, горбата,
Чорна, горбата за Крôлевича.
Ой зъѣхалися панове зятёве,
Та й узялися изъ Крôля кпити:
Ой чи не мавъ ты въ чёмъ выберати?
Ой чи не мавъ ты тонкихъ, высокихъ?
Ой чи не мавъ ты бѣлыхъ румяныхъ?
Та ты взявъ собѣ чорну, горбату? —
Редька бѣленька, але гôренька,
Мачокъ чорненькій, а солоденькій.

12.

Пôшли два братья на поле косити,
Заставили дѣвку Анну снѣданье носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли, обѣдецъ зъѣли.
Пôшли два братя на поле косити,
Заставили дѣвку Анну обѣдецъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли обѣдецъ зъѣли.
Пôшли два братья на поле косити,

Заставили дѣвку Анну полуденокъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли полуднокъ зъѣли.
А она взрѣвши, що то не жарты,
Пустила коня въ чистое поле,
Сама скочила въ глубоке море;
Она скакала, наказовала,
Щобъ съ калиноньки цвѣтокъ не рвати,
Абы при горѣ тернокъ не щебати,
Абы на полѣ росу не щебати;
Бо калиночка — Аннино личко,
При горѣ тернокъ — Аннины очка,
На полѣ роса — Аннина коса.

13.

Пôдъ дубиною пôдъ зеленою,
Сидѣвъ голубъ съ голубиною,
Цѣловалися, обôймалися,
Правенькимъ крыльцемъ накрывалися.
Ой выйшовъ Козакъ зъ нового двора,
Та й стрѣливъ згруба, убивъ голуба,
Голубка бѣдна взяла тужити:
Бѣдна головко, не ма съ кѣмъ жити!
Ой пôшовъ Козакъ за чорну гору
Нагнавъ голубôвъ повну обору,
Нагнавъ голубôвъ двадцять чотыри:
Выбêрай собѣ, котрый ти милый!—
Мôй бувъ миленькій, чорнокрыленькій,
Личко румяне, самъ молоденькій.

14.

Ходитъ Сербинъ по зарѣнку,
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ай Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку! —

Взявъ бы я тебе, небого,
Якъ счаруєшь брата свого. —
Якъ же бы го счаровати,
Якѝ бъ єму чары дати? —
Злови щучку на лопушку,
Вари єму чорну юшку!
Братъ до нев пріѣзджае
Она пивомъ го витає:
Ой, на, брате, та пій пиво,
Ще 'сь го не пивъ, яко живо!
А братъ пива та напився,
Изъ коника похилився.
Бери, сестро, въ бѣле ложе:
Бѣле ложе не поможе,
Гóрше сердце рознеможе.
Ходитъ Сербинъ по зарѣнку
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ой Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку!
Взявъ бы я тебе, небого,
Счаровала 'сь брата свого,
Счаруєшь й мя молодого. —
Теперь же я сиротина,
Ни братчика, ни Сербина,
Теперь же я неборачка,
Пôшла бы я за жебрачка:
Жебракъ буде муки просить,
А я буду торбы носить.

15.

Ой заграй ми на скрипочки та на цымбалочки,
Та най любцѣ поскладаю красни спѣваночки!
Ой спѣвавъ бы 'мъ до скрипочки, еще буду до дудки,
Єще буду пробовати гѝльтайски пробудки.
Ай гѝльтаю, прійди зъ свѣта, та погадай собѣ,
Кого 'сь любивъ та покинувъ, та цы не жаль тобѣ? —
Ой я любивъ Катерину, черезъ лѣто, зиму,

Прійшла весна, хлѣба нема, лишивъ Катерину.
Катерину мати била, бо ѣй догорила:
Черезъ мое подворечко по воду ходила. —
Не бій, мати, Катерину, бій собѣ молодшу.
Я бо ѥи щире люблю, заручити хочу.
Я заручивъ Катерину, та пôшовъ до Риму:
Рости, рости, Катерино, та на другу зиму!

16.

Сынку Васильку, жалости мои!
Ой цы ходивъ ты до вдовы на вечерницѝ?
Ходивъ я, ненько, щире серденько,
До тои чаровницѝ.

Сынку Васильку, жалости мои!
Що тобѣ она варила? —
Ѣарила, ненько, щире серденько,
Рыбочку зъ лабочками.

Сынку Васильку, жалости мои,
Де ѥи она пôймала? —
Пôймала, ненько, щире серденько,
Въ городѣ на лободѣ.

Сынку Васильку, щире серденько,
Де ѥи она вправляла? —
Вправляла, ненько, щире серденько,
Ожогомъ пôдъ порогомъ.

Сынку Васильку, жалости мои,
Цы вдова ѥи ѣла? —
Не ѣла, ненько, щире серденько,
Головка ѥй болѣла.

Сынку Васильку, жалости мои,
Цы ѣли ѥи дѣти? —
Не ѣли, ненько, щире серденько;
Бо спатоньки хотѣли.

17.

Ой мала вдова одного сына,
На войну го выправляла.
Ой нема рочокъ, где мôй сыночокъ?
Ой нема другій, где мôй сынъ любый?
Ажъ на третій пріѣжджае,
Невѣсту си приводжае.
Пивомъ мати го витас,
Невѣстцѣ чары зряджае.
Сынъ пива не пивъ,
Пôдъ коника розливъ:
Що моéй женѣ, най буде менѣ
Тыхъ чарôвъ по половинѣ!
Ой знала 'сь, мати, якъ чаровати,
Знай же, мати, та й поховати.
Ой поховала сынка пôдъ вôконц
А невѣстоньку пôдъ ворôтцями.
На сынѣ вырôсъ явôръ зеленый,
А на невѣстцѣ двѣ березочки,
Ой безъ гôлячка, безъ корéнячка,
А наша ненька безъ сумлѣнечка.

18.

Иди, сынку, прôчь отъ мене,
Най не маю грѣхъ на тебе,
За пятничне спѣваненько,
За суботне вмываненько,
За недѣльне снѣданенько!
Пôшовъ сынокъ до сестроньки,
Та найстарша коня дала,
Середуща осѣдлала,
Наймолодша выправляла:
Коли, брате, гостемъ будешъ? —
Тогды, сестро, гостемъ буду,
Та якъ камень корéнь пустить,

Та якъ верба ябко вродить.
Терпѣла рôкъ, терпѣла два,
А третого не стерпѣла:
Пôшла мати въ лѣсъ шукати,
Стала собѣ пôдъ яворець,
Та й узяла листье рвати,
А явôръ взявъ промовляти:
Не рви, ненько, та листьенько,
Бо то мое волосьенько!
Куди 'сь мати подивила, —
Всѣ вершечки увялила;
Куди мати, каже, пôшла, —
То кровава рѣчка бѣгла.

19.

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками,
Подивилася въ чистее поле,
Чорными оченьками.

Надъѣздить туда панъ Воевода
Съ своими служеньками;
Стôйте, вôзнички, стягнѣть коничкы!
Вдова ми ся сподобала.

Небого вдово, рекъ бы я слово;
Цы много волôвъ маешь? —
Сêмьдесять волôвъ, щобы 'сь не болѣвъ,
Мôй пане Воэводо! —

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками.
Подивилася въ чистее поле
Чорными оченьками.

Надъѣздить туды панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть коничкы!
Вдова ми ся сподобала:

Небого вдово, рекъ бы 'мъ ти слово:
Цы много коровъ маешь? —
Семьдесять коровъ, щобы 'сь ми здоровъ,
Мôй пане Воеводо! —

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками,
Подивилася въ чистее поле
Чорными оченьками.

Надъѣздить тулы панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала.

Небого вдово, рекъ бы 'мъ ти слово:
Цы много дѣтей маешь? —
Въ каждôй кутинѣ все по дитинѣ,
Трое въ ячмени, четверо въ вôвсѣ. —

Заставляю сѣти на твои дѣти
При зеленôй дубровѣ. —
Якъ твоихъ сѣтей незнакомито
При зеленôй дубровѣ,

Такъ моихъ дѣтей незнакомито
При молодôй вдовѣ.

20.

Ой бувъ батько Андріенько,
Та мавъ дочку Маріеньку
Продавъ еи Цѣсареви
За сто тысячь миліоны.

Що то, татко, за дымове?
Цы волари огни кладутъ,
Цы вôвчари вôвцѣ женутъ? —
Поганый Царь съ веселенькомъ
Та до тебе, Маріенько,

Ой ты, татку, Андріеньку,
Де ся менѣ исховати? —
Иди, сынку, въ Чорну Гору,
Тамъ мулярѝ муръ мурують
Они тебе замурують.

Ой ты, татку, Андріеньку
Наймѣть собѣ служниченьку,
Поставьте ей въ тисый стóвъ,
Та най шіе, хоть не вмѣе,
Най пануе, хоть не знае.

Ой ты, батьку, Андріеньку,
Выведи намъ Маріеньку!
Выйшла, выйшла служниченька,
Вклонилася изъ низенька. —
Не Марысень то ходонько,
Не Марысень голосонько,
Лишь Марысинъ рутянъ вѣнокъ.

Ой ты, батьку, Андріеньку,
Ты то любивъ сумку брати,
Люби жь за насъ дочку дати.. —
Идѣть же вы въ Чорну Гору,
Тамъ мулярѝ муръ мурують,
Та они ёй вóтмурують.

21.

Ой не лѣтай, коростелю, по пóдъ чорную стелю,
Не пороши, коростелю, на бѣлу постелю!
Ой не лѣтай, коростелю, въ ночи по саду,
Бы 'сь не зробивъ, коростелю, на дѣвчину здраду!
Ой не лѣтай, коростелю, въ ночи по убочи,
Бы 'сь не выбравъ, коростелю, на тернину очи!
Ой бо тото, коростелю, пригода бувае,
Кто по ночи лѣтае, очи выбирае.

22.

Ой ты поѣхавъ, а мене 'сь лишивъ,
А я бѣдненька плачу,
Сплакала 'мъ очи и въ день и въ ночи,
Що свѣтонька на бачу.

Кобы такъ тобѣ, якъ теперь менѣ,
Та якъ менѣ небозѣ,
Ты бы 'сь полишивъ сивенькй волы
На гладенькôй дорозѣ.

Кобы такъ тобѣ, якъ теперь менѣ
На свѣтѣ пробувати,
Кобы 'сь такъ не мôгъ, якъ я не могу
Жадну нôченьчу спати.

Жадна пташечка безъ товариша
Не пребувае въ лѣсѣ,
А ты то пôшовъ, а мене 'сь лишивъ,
Якъ ластовоньку въ стрѣсѣ.

23.

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На свекрову постéленьку,
Чей же я засну!
А свекоръ ходить,
Все мене гудить:
Ой невѣсто нечайная,
До роботы недбайная,
Довго на день спишь! —

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На свекрушину постéленьку,
Чей же я засну!

Свекруха ходить,
Все мене гудить:
Ой невѣсто нечайная,
До роботы недбайная.
Довго на день спишь!

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На милого постѣленьку,
Чей же я засну!
Миленькій ходить,
И съ тиха говорить:
Ой спи жъ бо ты, миленькая,
Пошла 'сь за мужъ молоденькая,
Тажь ся не выспала.

24.

Моя мати старенькая съ чорными очима!
Прокляла 'сь ми счастье, долю, ще 'мъ була дѣвчина. —
Ой я тобѣ, моя доню, въ доленьку не кляла,
Лише 'мъ тобѣ разъ казала: долѣ бы 'сь не мала! —
На що жь менѣ, моя мамко, горшои неволѣ! —
Таковъ бувши молоденьковъ, та не мати долѣ.

25.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Ой повѣшу колысочку у поли, у поли,
Будуть дитя колысати соколы, соколы.
Я повѣшу колысочку та на ожиночку,
Буде вѣтрець колысати малу дѣтиночку.
Прилетѣла зазуленька, сѣла на калину,
Крылоньками сфыркотѣла, збудила дѣтину.
Бодай зъ тебе, зазуленько, сиве пѣрье вшало,
Збудила 'сь ми дѣтиноньку, ще бы було спало! —

II.

БЫТОВЫЯ КОЗАЦКІЯ.

26.

Ходить, блудитъ Козакъ по лѣщинѣ,
Козакъ по лѣщинѣ,
Выблудився на край идъ дѣвчинѣ,
На край идъ дѣвчинѣ.

Гей, дѣвчино, переночуй мене,
Переночуй мене!
Мой ти коникъ стайню не застоить,
Стайню не застоить,

Ясна збруя колка не поломить,
Колка не поломить,
Я самъ молодъ ложко не заляжу,
Ложко не заляжу.

Гей, дѣвчино, збуди мя раненько,
Збуди мя раненько,
Такъ раненько, абы невидненько,
Абы не видненько,

Абы куры по селу не пѣли,
По селу не пѣли,
Та й лебеди на ставъ не летѣли,
На ставъ не летѣли!

Гей, дѣвчино, збуди мя раненько,
Збуди мя раненько! —
Дѣвчина заснула, збудити забула,
Збудити забула,

Ой спить Козакъ, ой спить молоденькій,
Ой спить молоденькій,
Прохопився — вже денёкъ бѣленькій,
Вже денёкъ бѣленькій.

Гей, дѣвчино, ты здраднице моя,
Ты здраднице моя!
Утративъ я коня вороного,
Коня вороного. —

Ище втратишь и ясню зброю,
И ясную зброю,
Якъ переспишь другу нóчь зо мною,
Другу нóчь зо мною.

27.

Ой кóнь бѣжить, трава шумить,
Ой тамъ Козакъ убитъ лежить:
Надъ нимъ коникъ задумався,
По колѣна въ землю вихався. —
Не стóй, коню, надо мною!
Я вже виджу щирóсть твою;
Иди, коню, дубровою,
Битымъ шляхомъ, дорогою,
Та не дайся въ руки взяти,
Якъ тя будутъ Турки ймати.
Тупни, коню, копытами
Въ неньки передъ воротами,
Выйде къ тобѣ стара жена,
Ай то ненька сама моя.
Буде в'на тя ся пытати,
Де ты мого сына подѣвъ?
Цы ты мого сына втопивъ,
Цы ты мого сына згубивъ? —
Ни я твого сына втопивъ,
Ни я твого сына згубивъ:
Твóй ся сынъ вже бай оженивъ,
А съ зеленовъ муравоньковъ,
А съ молодовъ паньночковъ.
Возьми, неню, пѣску въ жменю,
Посѣй собѣ по каменю:
На коли той пѣсокъ зóйде,
Тогды твой сынъ къ тобѣ прíйде.

28.

Надъѣхавъ Козакъ зъ вишневого саду,
Подыбавъ дѣвчину хорошого стану,
Крикнувъ на дѣвчину:
«Давай перевоза!
Я маю прикру карту,
Ѣду до обоза.» —
Выйшла дѣвчина, заплакала очи:
«Переночуй, Козаченьку, темненькои ночи:
Бо нôчка темненька,
Дорога слизенька,
Ночуй, ночуй, Козаченьку,
Хатина тепленька!»

29.

Ой пье Козакъ, пье,
Вôнъ въ дорогу йде,
За нимъ, за нимъ, стара ненька
Слезоньками лье:

«Ой, сынку мôй,
Дитинко моя,
Не пій, не пій горѣлоньки
Въ недѣлю зъ рана!

Ай бо та горѣлка
Вельми здрадлива,
Ой здрадила Козаченька
Зъ доброго міра? —

«Ой гукъ, мати, гукъ:
Тамъ Козаки йдутъ,
Весела уличенька
«Та куды они йдутъ.»

30.

Ой стояла Марыся на рынку,
Та звязала китайковъ головку.
Ой пріѣздить Козаченько зъ полку,
Та розвязавъ Марыси головку.
«Ой Марысе, цы любишь ты мене,
Цы любишь мене, цы пôдешь за мене?» —
Она ему каже: и Кто жъ менѣ тройзêля дôстане,
Той зо мною до слюбоньку стане.» —
«Ой е въ мене три конѝ на стайни:
Одинъ коникъ якъ воронъ чорненькій,
Другій коникъ якъ голубъ сивенькій,
Третій коникъ якъ лебедь бѣленькій.
Ой тымъ чорнымъ до моря доѣду,
А тымъ сивымъ море переѣду,
А тымъ бѣлымъ до зêля доѣду.»
Начавъ Козакъ тройзêлье копати,
Яла надъ нимъ зазуля ковати:
«Ой не копай, Козаче, тройзêлья,
Не застанешь въ Марысѣ весêлья.
Ой пріѣздить Козакъ и съ тройзêльемъ,
Та застае въ Мырысѝ весêлье.
Правовъ ручковъ Марысю пращае,
Лѣвовъ ручковъ саблю вынимае.
Якъ у поли макôвка бренѣла,
Такъ Марысѣ головка злетѣла;
Якъ у поли макôвка зацвѣла,
Такъ Марысина головка злетѣла.

31.

Выправляла мати сына на вôйну раненько,
Сама сѣла пôдъ оконце, плаче жалôбненько.
Выправляла его мати, та всяка родинка,
Єще, еще до того завѣнчаная дружинка:
«Ѣдь же ты, сыночку, та на вôйночку, та тамъ не обавляйся,

Ой за двѣ, за три чомъ недѣленьки та до домоньку вертайся!» —
«Ой Богъ же знае, ой Богъ вѣдае, та коли я вернуся,
Ой чомусь бо мôй та воронъ коникъ та на воротахъ цофнувся.» —
Всѣ Козаченьки по вечеренцѣ пôшли до коршмы гуляти,
А тотъ Козачокъ, вражій сыночокъ, вклався въ шевчика спати;
Взявъ шевчичокъ того Козачка по пôдъ бѣлыи боки,
Ой кинувъ шевчикъ того Козачка та на Дунай глубокій.
Ой погинувъ есь, ой погинувъ есь, мôй козаченьку, лишь ти шапочка плавле,
Ходитъ его рôдна мати по березѣ, бѣлы рученьки ламле.

III.

ВЫТОВЫЯ САЛДАТСКІЯ.

32.

Кобы не морозъ, кобы не морозъ,
Та не зимная роса,
Та побѣгла бъ я, та побѣгла бъ я,
До Тернополя боса.

А въ Тернополѣ, а въ Тернополѣ,
Два мѣсяченьки ясны:
Ой вандрували, ой вандрували,
Два жовняреньки красны.

Ой вандрували, ой вандрували,
Съ тихонька говорили:
«Кобы намъ дѣвча, кобы намъ дѣвча,
Мы бы го пôдмовили.»

Выйшла дѣвчина, выйшла дѣвчина,
До керниченьки по воду,
Они глянули, та пôдмовили
Дѣвчиноньку, якъ ягоду.

«Ой я бы зъ вами, ой я бы зъ вами,
Молода вандрувала,

Ой кобы я ся, ой кобы я ся,
Лишь здрады не бояла.» —

«Мы не здрадили, мы не здрадили
Єще въ свѣтѣ никого,
Та не здрадимо, та не здрадимо,
Тебе, дѣвчино небого.»

Єще жъ не дôйшли, еще жъ не дôйшли,
До вишневого саду,
Уже зробили, уже зробили,
На дѣвчиноньку здраду.

«Ой бо жъ ты знала, ой бо жъ ты знала,
Що то ни отець, ни мати,
Було бо собѣ, було бо собѣ,
Два рубоньки взяти:

Одинъ рубонько, одинъ рубонько,
Голову завивати,
Другій рубонько, другій рубонько,
Дѣтятко повивати.»

33.

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ,
Сидить жовнярь у неволи,
Сидить, сидить, тяжко здыше,
Тай до тата листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Що бы за тя, сынку, дати,
Изъ неволи выкупати?» —
Вôсѣмь волôвъ и съ плугами,
Погонича съ батогами. —
«Ой много бы, сынку, дати,
Не буду тя выкупати.» —

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, и проч.
До матѣнки листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Що бы за тя, сынку, дати,
Зъ неволеньки выкупати?» —
«Двадцять коровъ изъ теляти.» —
«Ой много бы, сынку, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
Аще ширшій на яворѣ, и проч.
Та до брата листье пише, и проч.
«Двадцять коней изъ лошаты.» —
«Ой много бы, брате, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, и пр.
До сестрицѣ листье пише, и пр.
«Двадцять овець и зъ ягняты.» —
«Ой много бы, брате, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ,
Сидитъ милый у неволѣ,
Сидить, сидить, тяжко здыше,
До милои листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Шобы за тя, милый, дати,
Зъ неволеньки выкупати?» —
«Сто червоныхъ раховати;»
«Не много бы, милый, дати,
Буду, милый, выкупати.»

IV.

ВЫТОВЫЯ РАЗВОЙНИЦКІЯ.

34.

Ой пôдъ мостомъ рыба съ фостомъ хитается хитро:
Ой утѐкавъ зъ Станислава Марысюкъ отъ Дмитра;
Ай утѐкавъ, ай утѐкавъ, здыбали го люде,
Цы правая дорожчина на Путыльѐ буде,
На Путыльѐ, на Путыльѐ, ажъ до Путылова,
Знаю жъ бо я дорожечки ажъ до Дубѝрова.
Ты Дубѝрко, ты Дубѝрко, та цы спишь, цы чуешь?
Пусти жъ мене до свѣтлоньки, не сама ночуешь.» —
«Я жъ тебе, Марысюку, въ хату не пускаю,
Якои ти зброи треба, оконцемъ подаю.» —
«Дай же менѣ пистолеты, та й нову рушницю,
Я ще знаю дороженьки ажъ на Молдавицю.» —
Нихто тото такъ не знае, та якъ его мати,
Она выйшла на Путыльѐ, зачала казати:
«Путылôвцѝ, небожата, збирайте громаду,
Зъ сего боку та на той бôкъ дайте одну раду!»
Ой зôйшлися Путылôвци на поле на Ивана,
Та дивлятся на быстру рѣчку, якѝ жъ тамъ туманы,
Ой дивлятся въ быстру рѣчку, а въ тоту Панôвку,
А Марысюкъ, добрый хлопець; бо выпивъ горѣвку:
А Марысюкъ, добрый хлопець, добре го злапали,
По пôдъ коня вороного нôжки уковали,
Та до пана Капетана листокъ написали.
Ой та сидитъ панъ Капетанъ, та читае зъ листа:
«А на що вы, Путылôвци, ловили опришка?» —
«Мы бы его не ловили, мы бы го не били,
А вôнъ ходить по пôдъ хаты съ желѣзными вилы.» —
Єще ему не минуло чотыре недѣли,
Въ Марусюка поза чересъ сорокôвцѝ бѣлы,
Сорокôвцѝ бѣлы, бѣлы, бѣлѣйши вôтъ леду:
Вôнъ купуе молодицямъ горѣвки и меду.

35.

Мала вдова девять сынôвъ,
А всѣхъ девять въ розбôй пôшло,
Комορочки розбивати
Чужу кровцю проливати.
Чужа кровця не водиця,
Розливати не годится.
Мала жъ она одну дочку,
Одну дочку та Анночку
За Адама ёи дала.
Не мôгъ зъ нею нигде быти,
Мусѣвъ зъ нею въ лѣсы пôти,
Та надôйшли розбôйники,
Та надôйшли розбôйники,
Адамика та убили,
Адамчатко на кôлъ вбили,
Адамиху зъ собой взяли,
Та изъ нею блудъ створили.
Взяли они спочивати,
Наймолодшій взявъ пытати:
«Скажи менѣ та правдоньку,
Которого ты родоньку?» —
Она взяла повѣдати:
«Мала вдова девять сынôвъ,
А десяту дочку Анну,
А всѣ девять въ розбôй пôшли,
Дочку дала за Адама.» —
«Встаньте, братья, не лежѣте!
Що 'сьте братья ей зробили,
Та Адама зятя вбили,
Адамчатко на коль вбили,
Зъ родновъ сестровъ блудъ створили!
Ѣдьте 'сь, братя, сповѣдайте,
Та грѣху ся избувайте!»

V.

ВЫЛЕВЫЯ КОЗАЦКІЯ.

36.

Ой поѣхавъ панъ Савонька въ Неровы на обѣды,
Ой не знае панъ Савонька о своей тяжкой бѣдѣ.
Ой пріѣздитъ панъ Савонька до своего дому,
Пытаеся челядоньки, цы все гараздъ въ дому?
Ой то гараздъ, пане Саво, ще лѣпше зъ тобою,
Изъ далека гостй маешь, чѣмъ ихъ привитаешъ? —
«Витавъ бымъ ихъ виномъ, пивомъ, та не схотятъ пити,
Ой бо они пріѣхали мое житье взяти.
Иди, хлопче, до пивницй, внеси ми горѣвки,
Най ся напью за живота до своеи жёнки.
Иди, хлопче, до пивницй, внеси менѣ вина,
Най ся напью за живота до своего сына.» —
Ой пустився панъ Савонька до ясного меча:
Взяли его на три спйсы зъ подъ лѣвого плеча.
Ой пустився панъ Савонька до тугого лука:
«Теперь, моя жено, съ тобою розлука.»
Ой пустився панъ Савонька до ясноя зброи: —
Взяли его на три списы и поднесли дъ горѣ.
«Ай де твои, пане Саво, кованыи возы?» —
«У мѣстечку Берестечку заточены въ лозы.» —
«Ай де твои, пане Саво, вороныи кони? —
«А въ мѣстечку Берестечку стоятъ на припопѣ.» —
«А де жъ твоя, пане Саво, молодая жёнка?» —
«А въ мѣстечку Бересточку сидитъ яко квѣтка.»

37.

Долбвъ, долбвъ, долинами,
Ѣдутъ Турки съ Татарами,
Везуть собѣ вбзъ покрытый,
А въ тбмъ возѣ хлопъ убитый,
За тѣмъ возомъ кбнь Турецкій,

А на кони хлопець Царскій:
Въ правôй руцѣ палашъ держить,
А зъ палаша кровця цюрить.
Зъ тои кровцѝ рѣчка бѣжить,
Надъ рѣчкою явôръ росте,
За Мигалемъ мати плаче:
«Чи дуже ты порубаный?» —
«Головонька на четверо,
Бѣлы ручки на три штучки,
Бѣле тѣло, якъ макъ дрôбно.
Шукай, мамо, лѣкарочки,
Зеленои муравочки,
Клади, мамко, свѣтличеньку,
Безъ оконецъ та безъ дверецъ,
Щобы въ дверцѝ не ходити,
Въ вôконцѝ ся не дивити;
Куды впала головонька,
Тамъ выросла могилонька;
Куды впалы бѣлы руки,
Туды бѣгли быстрѝ рѣки.
Куды впало бѣло тѣло,
Тамъ выросло отъ чомъ кôйло:
Куды впали бѣлы ноги,
Тамъ выросли два явора.

38.

Ой у мѣстѣ Богославѣ дѣвки танокъ ходять,
Молоденька Боднарôвна усѣмъ передъ водить.
Надôйшовъ панъ Канёвскій по при тоты танцѝ,
Та приступивъ Боднарôвну за бѣленькѝ пальцѝ.
Молоденька Боднарôвна на то не вважала,
Та на пана Канёвского губы отдувала:
«А якій ты, панъ Канёвскій, така Боднарôвна,
Не приступай за пальчики, бо 'мъ не твоя рôвня.
Ой то пôшовъ панъ Канёвскій та въ каляты грати,
А вôнъ пôшовъ до пивницѝ шабли добувати.
Ай бо таки люди були, що чули по тихо:

«Втѣкай, втѣкай, Боднарôвно; бо ти буде лихо!»
Утѣкала Боднарôвна трома покоями,
За ней Ляхи-Гайдамахи съ бѣлыми шаблями.
Логонивъ ю перший жовняръ, имивъ ю за косы:
«Ой погоди, Боднарôвно; бо 'сь гуляла доси.»
Ой надôйшовъ другій жовняръ, и взявъ ю до себе:
«Молоденька Боднарôвно, ой тожъ ми жаль тебе.»
А надôйшовъ панъ Канёвскій, сѣвъ си коло стола,
Якъ ударивъ, такъ уцѣливъ по пôдъ чорнй брова.
Не жаловавъ панъ Канёвскій сто червоныхъ дати,
Молоденькôй Боднарôвнѣ трумну малёвати.
Молоденьку Боднарôвну уже поховали,
А вже пана Канёвского водовъ одливали.

39.

Прилетѣли сивы пташки зъ Тужилова села:
Чого-сь наша шинкаречка сумна, невесела.
Ой знаю я, товаришу, чого в'на сумуе,
Она свому шинкареви смерть сама готуе.
Пôшовъ шинкарь молоденькій на другій шинкъ пити,
А шинкарка молоденька топорець острити;
Она жъ его выострила, та й го заховала,
Аще свому шинкареви правду не сказала.
Прійшовъ шинкарь а изъ шинку, сѣвъ си коло стола:
«Давай, мила, ѣсти, пити, бодай ты здорова!»
Дала она ѣсти, пити, взяла ся сварити:
«Утѣкайте, люде добры, ту хотять ся бити!
Утѣкайте, люде добры, до другои хаты,
Чей ся шинкарь съ шинкаркою укладае спати!»
Ой лягъ шинкарь у постели, шинкарка въ запѣчку,
А якъ шинкарь добре уснувъ, она зажгла свѣчку.
А та свѣчка восковая та дуже палала,
А шинкарка молоденька середъ хаты стала.
Стала она середъ хаты, зачала думати:
«Прости менѣ, милый Боже, мужа порубати!»
Якъ же его порубала, та й ся налякала,
У дверенька не трафяла, оконцемъ втѣкала.

Отожъ пôшла до матеньки: «Пускайте до хаты:
Прійшли Ляхи-Гайдамахи мужа порубати.»
Ой бо ей матйнонька нелѣнива була,
Найшла синю катанину, та й ся загорнула,
И вылѣзла на звôнницю, взяла на гвалть бити,
А взяла ся Тужилôвска громада сходити;
А взяли ся исходити, а взяли судити:
«Хотять тебе, мила донько, ажъ до Стрыя взйти».
Она выйшла за ворота, хусточковъ майнула:
«Ой тôлько я, люде добры, вь Тужиловѣ була».
Шинкареви молодому а въ звононьки лають,
А шинкарцѣ молоденькôй кôстки розтягають.

VI.

КОЛЯДЫ И ОВРЯДНЫЯ.

40.

ГОСПОДАРЕВИ.

Цы дома, дома, можный паноньку,
Дай ёму, ёму,
Боже счастье, здоровье а въ дому!
Ай мы видимъ, що е вôнь дома;
Дай ёму, ёму, и проч.
Сидитъ вôнъ собѣ по конецъ стола,
Дай ёму, ёму и т. д.
Собѣ въ оконце вôнь поглядае,
Въ чистое поле все полядае,
Зострѣтивъ собѣ дивное звѣрье,
Кликнувъ, покликнувъ на свои слуги:
«Ой слуги жъ мои, вы вѣрненькіи,
Берѣтъ стрѣльбоньки все стрôйненькіи,
Берѣтъ хортеньки чомъ ловненькіи!»
Жорства стрѣляе, звѣрь промовляе:
«Не псуй стрѣльбоньки, чомъ стройненькіи,
Не томи хорты чомъ ловненькіи,

Ой зажени мя а въ туги луги,
Мене ты тамо чомъ испо̂ймаешъ,
Роги, пароги чомъ позваляешъ.
Будешъ на роги вѣшати шаты,
А на пароги ясную збрую.
Будьте здоровы, можный паноньку,
Можный паноньку, господареньку,
Вѝнчуемо ти рочными святы,
Рочными святы, многими лѣты,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И со всѣмъ домомъ, со всѣмъ обходомъ!
Дай же ты, Боже, на обору щастье,
На обору щастья, на худобоньку,
Въ поли урожайну та й пшениченьку,
А въ хатѣ гараздъ на челядоньку!

41.

ЕМУ ЖЕ.

Ой доловъ, доловъ, доловъ луженьки
Гой, дай, Боже!
Ой упавъ снѣжокъ та й на облѝжокъ,
Гой, дай, Боже и т. д.

Побродивъ ею чудный звѣренько,
Послѣдивъ ею господаренько,
Кликнувъ, покликнувъ на свои слуги:
«Гей, слуги жъ мои все вѣрненькіи,
Збирайте жъ зброю, скликайте жъ лаю!»
А взявъ звѣреньку вонъ поганяти,
Взяла звѣренька гей промовляти:
«Ой ты жъ, пане мо̂й, господареньку,
Не рубай мене, не стрѣляй мене!
Возми жъ ты мене въ свои луженьки,
Въ свои луженьки въ калиновыи,
Возми жъ роженьки до свѣтличеньки,
А пароженьки до комороньки,

На пароженьки будешъ вѣшати,
Будешъ вѣшати дороги шаты,
А на роженьки будешъ вѣшати,
Будешъ вѣшати дорогу збрую.»
Ой за симъ словомъ будь же намъ здоровъ.
Будь же намъ здоровъ, можный паноньку;
Вѣнчуемъ мы ти счастьемъ, здоровьемъ,
Счастьемъ, здоровьемъ, вѣнчикомъ яснымъ,
Вѣнчикомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

42.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома господареньку?
Гой, дай, Боже!
Ой кажутъ слуги, що нема дома,
На оборонцѣ волы паруе,
Паруе волы въ чотыре возы,
На одинъ бере самѝ звоночки,
На другій бере самѝ книжечки,
На третій бере самѝ свѣчочки,
А на четвертый и самъ сѣдае.
Ой якъ заѣхавъ на златѝ мосты,
Золотѝ мосты гей зазвенѣли,
Сѣрѝ волоньки гей забренѣли.
Надыбаютъ го два, три ангелы:
«Куда жъ ты ѣдешь, господареньку?»
«Ой ѣду, ѣду, пôдъ святу гору,
Пôдъ святу гору, до монастырю.»
Ой якъ изъѣхавъ пôдъ святу церковъ,
Самы ся двери подотваряли,
Самы ся вôкна поодтыкали,
Самы звоночки гей зазвонили,
Самы ся книги поотверяли,
Самы ся свѣщи позажегали,
А всѣ святыи на службу стали,
Службу служили, Бога просили,

За здоровьенько господарское.
Ой, за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Господареньку съ господиненькою,
Дай же ти, Боже, а въ домъ здоровье,
А въ домъ здоровье на челядоньку,
На вбору счастье на худобоньку!

43.

ЕМУ ЖЕ.

Ой устань, устань, господареньку,
Гой, дай, Боже!
Побуди свою всю челядонку,
Всю челядоньку, господиненьку,
Ой най же она раненько встае,
Свѣтлы свѣтлоньки повымѣтае,
Кленовы столы позастелае,
Восковы свѣчи позажигае,
Пшеничнымъ хлѣбомъ позакладае,
Рочныхъ гостенькôвъ ся сподѣвае,
Рочныхъ гостенькôвъ, колядниченькôвъ.
Ой за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Можный панонько, чомъ Василенько,
Вйнчуемо ти счастьемъ, здоровьемъ,
Счастьемъ, здоровьемъ и всякимъ добромъ!

44.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома, господареньку,
Гой, дай, Боже!
Ой знаемо жъ мы, що в вôнъ дома,
Ой сидить собѣ по конець стола,
По конець стола краще сокола,
На немъ шапочка якъ галъ чорненька,
Якъ галъ чорненька, якъ макъ дрôбненька,

На немъ чобо̑тки, сре̑бны по̑дко̑вки,
На немъ кошулька якъ бѣль бѣленька,
Якъ бѣль бѣленька, якъ листъ тоненька;
Где жь она прана? Край Дуная;
Где она сушена? Въ Тура на розѣ;
Где она тачана? Въ Львовѣ на столѣ;
Где вна вбирана? Въ свѣтло̑й свѣтлицѣ,
Въ свѣтлѣ свѣтлонцѣ, при оболонцѣ.
А за симъ словомъ бувай намъ здоровъ,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И зо всѣмъ домомъ, зо всѣмъ обходомъ!

45.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома господареньку?
Гой, дай, Боже!
Ой кажутъ слуги, що нема дома,
А въ Судомірѣ судоньки судить,
Судоньки судить, все въ правахъ сидить.
Ёму за тоё дорого платять,
Дають же ёму три села новй̑,
Ёдно селенько все старй̑ люде,
Друге селенько все парубочки,
Трете селенько сами дѣвочки.
Старыи люде на порадочку,
А парубочки все косарчики,
Ой а дѣвочки все гребеночки.
Ой за симъ словомъ бувай намъ здоровъ,
Бувай намъ здоровъ, можный паноньку,
Можный паноньку, господареньку!
Вй̑нчуемо ти рочными святы,
Рочными святы, многими лѣты,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И зо всѣмъ домомъ, зо всѣмъ обходомъ!
Дай же ты, Боже, щастья, здоровья,
А въ домъ здоровье на челядоньку,
Въ оборѣ щастье на худобоньку!

46.

ЕМУ ЖЕ.

Ой въ лѣску, въ лѣску, а въ жовтôмъ пѣску,
Гой, дай, Боже!,
Росте деревце тонке, высоке,
Тонке высоке, въ верху кудряве,
На тôмъ кудрявци сивъ соколъ сидить,
Сивъ соколъ сидить, далеко видить,
Ой видить, видить а въ чисто поле,
А въ чисто поле, где плужокъ оре,
Ори жъ ты, пружку, здрôбненька нивку,
Та й посѣемо яру пшеницю,
Яру пшеницю, всяку пашницю,
Та вродить намъ ся стебло-серебро,
Та й зберемо жъ мы женцѝ-молодцѝ,
Женцѝ-молодцѝ-дѣвки та хлопцѝ.
Та й зожнемо жъ мы а въ дрôбны снопы,
Та й и складемо а въ густы копы,
Будешъ ходити меже копами,
Якъ ясенъ мѣсяць межи звѣздами.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ! и проч.

47.

СЫНУ.

Ой загнѣвався сынъ на батенька,
Гой, дай, Боже!
Вылучивъ собѣ воронъ зъ стаденька,
Воронъ зъ стаденька та й кониченька.
Займивъ же ёго на тихій Дунай,
На тихій Дунай, золоты мосты,
Золоты мосты завалилися.
Воронъ зъ стаденька потопилося,
Воронъ зъ стаденька та й кониченько.
Ой жаль ми, не жаль за всѣмъ стаденькомъ,
За всѣмъ стаденькомъ, за кониченькомъ,
Ой, бо ôнъ мене добре нотовавъ,
А ушеньками слухи слуховавъ,

А оченьками звѣзды раховавъ,
А копытами бѣлъ камень лупавъ,
Бѣлъ камень лупавъ, церковъ муровавъ,
Съ трома вокончями, съ трома дверцями:
Одно жъ оконце яспое сонце,
Друге жъ оконце чомъ ясенъ мѣсяць,
Трете жъ оконце ясна зорниця;
Одними жъ дверцѣ самъ Господь ходить,
Другими дверцѣ Свята Пречиста,
Третими жъ дверцѣ Святый Николай;
Святый Николай ставъ до престола,
Службу служити, Бога просити,
Бога молити, та за здоровье.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ,
Можный паноньку, чомъ Ивасеньку!
Вѣнчуемо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленькою доброю,
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

48.

ЕМУ ЖЕ.

Ой заказано въ недѣлю рано,
Гой, дай, Боже!
Ой заказано всѣмъ на войночку,
Кто сынка мае, най выправляе,
А кто не мае, та най наймае,
Мала вдовочка в'дного сыночка,
Выправляла жъ го гей на войночку:
«Иди жъ ты, сыночку, гей на войночку,
Напередъ войска не выдавайся,
А зъ заду войска не зоставайся!»
Молоде паня на то не дбало,
Передъ Королемъ играло конемъ,
Передъ паничемъ рубало мечемъ,
Передъ гайдука стрѣляло зъ лука

«Нема въ панича такого меча,
Нема въ Короля такого коня;
Бо въ мого коня золота грива,
Шовковый хвостикъ замѣтать мостикъ.»—
Ой за симъ словомъ и проч.

49.

ЕМУ ЖЕ.

А въ поли, поли, близко дороги,
Гой, дай, Боже!
Стоить наметы зъ бѣлаго шовку,
А въ тôмъ наметцѣ бѣла постѣлька,
А въ тôй постельцѣ Царьское дитя,
Царское дитя а въ карты грае,
А въ карты грае, красно спѣвае.
«Кто жъ тебе навчивъ а въ карты грати,
А въ карты грати, красно спѣвати? —
«Мене жъ навчила ненька старенька,
Тричи мя въ ночи повиваючи,
Швидкимъ пруточкомъ вышвикуючи,
Солодкимъ медкомъ наповаючи,
Червонымъ ябкомъ пôдхиткуючи.»
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ и проч.

50.

ЕМУ ЖЕ.

Ой изъ за горы, зъ за полонины,
Гой, дай, Боже!
Выходить же ми чорна хмарочка,
Ой не е жъ то ми чорна хмарочка,
Ой е жъ то ми овець гурмочка,
Иде жъ передъ нихъ овчариночка,
Заперезався трома ужевками,

А за ужевками три трумбеточки:
Одна трумбета гей дубиная,
Друга трумбета гей цѣновая,
Трета трумбета гей золотая.
Ой чути, чути въ чистое поле,
Ой якъ затрубить а въ дубиную;
Ой чути, чути а въ лѣсы, боры,
Ой якъ затрубить а въ цѣновую;
Ой чути, чути ажъ на небеса,
Ой якъ затрубить а въ золотую.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ, и проч.

51.

ДОЧКѢ.

Коло мостонька нова корчмонька.
Гой, дай, Боже!
А коло неи коники въ ненѣ,
Одинъ ми коникъ найворонѣйшій,
До него хлопець найприборнѣйшій,
Бересь ѣхати въ горы по дѣвку,
Она жъ до него переказала:
«Коня не томи, людей не труди,
Бо я жъ до тебе сама прилену,
По надъ селенько чорновъ хмароньковъ,
На подвѣренько дрѣбнымъ дождикомъ,
Ой, а до сѣней чомъ ластовою,
Ой, а до хаты чомъ невѣстою.
Ой нене, нене, навчи жъ ты мене,
Злото сновати, а срѣбро ткати.»
А за симъ словомъ бувай намъ здорова.
Бувай здорова, кгречная панно,
Вѣнчуємо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленьковъ добровъ
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

52.

ЕЙ ЖЕ.

Шуми, не шуми чомъ дубровонько,
Гой, дай, Боже!
«Ой якъ же менѣ гей не шумѣти?
По менѣ ходить дивное звѣря,
Дивное звѣря девятороге,
А на десятомъ святый тарѣльчикъ,
На томъ тарелци золотый стольчикъ,
На томъ стольчику панноньку сидить,
Ой сидить, сидить косоньку чеше,
Косоньку чеше, по столу мече.
«Ой не доѣзджай, чомъ Козаченьку,
Ой не подъиляй чомъ кватыреньку,
Ой не напускай буйного вѣтру,
Буйного вѣтру, ясного сонця!
Бо одъ вѣтроньку косонька вяне,
А одъ соненька личенько смагне!»
Ой за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

53.

ЕЙ ЖЕ.

Ой надъ керницевъ, надъ студеницевъ,
Гой, дай, Боже!
Тамъ три святыи воду святили,
Воду святили, крестъ загубили,
Дѣвчина пышна, ты туды ишла,
Ты туды ишла, золотъ крестъ найшла.
«Що жъ менѣ буде за переемець»? —
Ой буде, буде срѣбный перстенець,
Срѣбный перстенець, три службы новы:
Одна службонька на святе Рождво,
Друга службонька ажъ на Василья

Третя службонька ажъ на Великдень,
Ажъ на Великдень, на той Божій день.»
А за симъ словомъ бувай мй здорова и проч.

54.

ЕЙ ЖЕ.

Тамъ за стѣною, за золотою,
Гой, дай, Боже!
Тамъ ся вбирае кгречна паннонька,
Бере на себе дороги сукнй,
А поверхъ сукней срѣбро та злото,
И выйшла на двôръ, двôръ ся влягае,
Войшла до сѣней, сѣни сіяють,
Войшла до хаты, паны вставають,
Паны вставають, шапки знимають,
Шапки знимають, ей ся кланяють,
Ой, одинъ каже, що то Царѣвна,
А другій каже, що то Крôлѣвна,
А мати каже, то моя дочка,
А моя дочка, чомъ невѣсточка.
А за симъ словомъ бувай здорова и проч

55.

ЕЙ ЖЕ.

По надъ бережокъ саженый садокъ,
Гой, дай, Боже!
Садокъ саженый, расомъ рашеный
Пильновала жъ го кгречна паннонька,
А стережучи твердо заснула,
Ой а злетѣли райски пташеньки,
Та й жахомъ-махомъ на райскй пташки:
«Не вамъ то, тато, садочокъ садивъ,

Садочокъ садивъ, та й расомъ расивъ.»
Ой пѣшки, пѣшки по пôдъ берêжки,
Вбита стеженька до коваленька:
«Ты коваленьку, золотареньку,
А вкуй же мѣнѣ жовты чобôтки,
А пôдъ чобôтки срêбны пôдкôвки!»
Ой за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

56.

ЕЙ ЖЕ.

А въ поли близко дороги,
Божая, Божая мати,
А все въ золотѣ ходила, *
Садокъ саженый, наостроженый,
А въ томъ садочку бѣла постêлка,
А въ тôй постêлцѣ кгречная дѣва,
Рясы стерегла и тамъ заснула,
Райски пташочки рано злинули,
Рано злинули, рясу сшайнули.
Золота ряса дуже звенѣла,
Дуже, звенѣла, дѣву збудила,
А дѣва встала, рясу зôбрала,
Зôбрала рясу, чомъ до поясу,
Понесла жъ собѣ до золотника:
«А помогай Бôгъ, золотниченьку,
Золотниченьку, ремесниченьку!
А зроби жь мѣнѣ золоту шубу,
А зъ обрѣзочкôвъ золотый поясъ,
А зъ отрусочкôвъ срêбный перстенець,
По тôмъ останку перлову тканку.
А вберу жъ я ся въ недѣлю рано:
Перлова тканка головку клонить,
Шовковый поясъ лядвоньки ломить,
Золота шуба слѣдъ замêтае,
Срêбный перстенець пальчики щипле.»

---

* Повторяется послѣ каждаго стиха.

Ой за симъ словомъ будь намъ здорова,
Будь намъ здорова, кгречная дѣво,
Дари тя, Боже, щастьемъ, здоровьемъ
Счастьемъ, здоровьемъ, та долевъ добровъ,
Рутянымъ вѣнцемъ, кгречнымъ молодцемъ!
Дай же ти, Боже, въ городцѣ зе́лье,
Въ городцѣ зе́лье, въ дому весе́лье!

57.

ЕЙ ЖЕ.

По за гуменье чорное тернье,
Гой, дай, Боже!
Надо́йшла жъ туда красна паннонька,
Урвала собѣ чорный терночокъ,
Та прикладала къ своимъ оченькамъ:
«Кобы у мене такѝ оченька,
Ладила бы 'мъ ся за во́йтовича.»

По за гуменье жовтое ко́йло:
Надо́йшла жъ туда красна паннонька,
Урвала жъ собѣ жовтое ко́йло,
Та прикладала къ своимъ косонькамъ:
«Кобы у мене така косонька,
Ладила жъ бы 'мъ ся за паниченька.»

По за гуменье червона рожа:
Надо́йшла жъ туда красна паннонька,
Урвала собѣ червону рожу,
Та прикладала къ свому личеньку:
«Кобы жъ у мене таке личенько,
Ладила жъ бы 'мъ ся за Це́саронька.»
Ой за симъ словомъ бувай ми здорова и проч.

VII.

КОЛОМЫЙКИ И ДРУГІЯ ПЛЯСОВЫЯ.

1.

Ой конику, воронику, грива ти бѣленька,
Занеси мя въ тое село, де моя миленька! —
«Якъ бы тебе я занѣсъ, де твоя миленька,
Та злетѣла бы менѣ гривочка бѣленька.»

2.

Ой ковала зазуленька на хатѣ, на латѣ:
Не разъ бы ся наплакати въ свекрушинѣ хатѣ.

3.

По пôдъ лужокъ оре плужокъ, волики чотыри,
Ой а моёй миленькои напередъ ходили.

4.

Ой пôшовъ я до багача, они одповѣли:
«Кортѣли мя сивы волы, псы бы ихъ поѣли!»

5.

Ой займу я сивы волы, та най напасутся,
Та най нашй вороженьки пороспукаются!

6.

Розвивайся, лозо, борзо а въ чотыре листы:
Якъ до тебе, моя мила, рѣчку перебристи?

7.

Ой стояла при вербинѣ,
Та моргала: «Ходи къ менѣ!
Якій тобѣ дѣдько стався,
Що ты менѣ сподобався?»

8.

Ой заграй ми, музиченьку, въ украшенй скрипки,
А я буду танцювати всѣ нôчку на сбытки!

9.

Ой спѣвайте, ледѣники, котрый голосъ мае,
Най ся тота дубровонька одъ насъ розлягае!

10.

Ей музыка Черемѣскій грае хорошенько:
«Не самъ иду, коня веду, подивися, ненько!
Не самъ иду, коня веду, коня вороного,
Ой отвôряй воротенька, дѣвчино небого!»

11.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, я славъ къ тобѣ люде,
А ты менѣ одповѣла, цы не жаль ти буде?

12.

Ой дубочку росохатый, маю на тя гадку,
Гадаю тя порубати миленькой на хатку;
Гадаю тя порубати, та й поиѣтовати,
А изъ тебе своей милой хатку сбудовати.

13.

Породила шевця вовця, а Ляха кобыла,
А Русняка неборака мати чорнобрыва.

14.

Ой зробивъ я копякъ сѣна, та було зелене:
Заѣхали Гуцулы, забрали безъ мене.
Тожъ я прійшовъ до домоньку, та взявъ жону бити:
«На що сь 'дала Гуцуламъ усе сѣнце взяти?»

15.

Ой ты пьешъ та гайнуешъ, а я дома сиджу,
Ой ты прійдешъ, мене бьешъ, я бѣдочку виджу.
Ой ты бо пьешъ на медочку, а я на горѣвцѣ,
Ой ты пропивъ чтыри волы, а я лишъ двѣ вовцѣ.

16.

Ой бѣдойко, умеръ Бойко, Бойкови дзвонили,
А Бойко ся схопивъ зъ лавы, ледви го зловили.

17.

Не тѣшьтеся, вороженьки, моей пригодонцѣ,
Хоть я прійду въ ночи пізно къ моей худобонцѣ;
Хоть я прійду и не прійду, прійде жъ моя мати,
А вже жь моя худобонька не буде рыкати.

18.

«Теши, сыну, ясенину, теши, сыну, клинье:
Возми, сыну, сиротину, та буде газдине!» —
«Не зъ кождои ясенины клинье ся удае,
Не зъ кождои сиротины газдине бувае.»

19.

А изъ тои полонины студена зимочка
А хто жъ мене пожалуе, умерла мамочка!

20.

Не буду ся отдавати, свѣтъ собѣ гаити,
Ой пôду я въ полонину коровки доити.
Ой часъ бо намъ маерочки до домочку ѣсти,
Не яли намъ коровицѣ съ поля приходити.

21.

А я пôду въ Волощину, та тамки загину,
Скажу собѣ закопати на грудехъ калину:
Будуть пташки прилѣтати, калиночку ѣсти,
Будуть менѣ приносити одъ матѣньки вѣсти.

22.

Моя матко старенькая, мамко Стефанихо!
Ото 'сь мене породила на бѣду, на лихо!

23.

Ой Сиготе, Сиготочку, крутыи городочку!
Высушила, вывялила любка головочку;
Высушила, вывялила, та и самъ я знидѣвъ,
Та за тыи двѣ недѣли, що 'мъ любки не видѣвъ.

24.

Ты, дѣвчино, спѣвай ладно, не рубай, якъ дрыва,
Давно бы тя люде взяли, кобы 'сь чорнобрыва.

25.

По пôдъ тую полонинку, по пôдъ Турôвочку,
Ходить любко зъ овечками, грае въ сырôвочку:
«Ой овечки-солодечки, ой пасъ бы я васъ, васъ,
А якъ прійде недѣленька выгубивъ бы васъ, васъ!»

26.

Ой горочко высокая, кременю, лупайся:
Не буду тя, любко бити, лишъ выстерегайся!

27.

Свекрушечко, ма душечко, пусти мя до мамки,
Не пытаю быстрой рѣки, побреду безъ лавки.

28.

Ходѣмо, дѣ, товаришу, за высоку гôрку,
Ой тамъ мы ся помахаймо за красную дѣвку.
«Ой якъ же ты помахаешъ, слава жъ, Тобѣ, Боже!
Ой якъ же я помахаю, пропавъ весь, небоже.»

29.

Хоче ми ся воды пити, кирниця нечиста,
Пôдъ яворомъ зелененькимъ нападало листа.
Ой пôду я та поставлю кидровый мосточокъ,
А выберу я зъ кирницѝ яворôвъ листочокъ.

30.

До дому йди, пьяниченько, до дому, до дому,
Не заваджай у корчмонцѣ никому, никому!

31.

Каже мати женитися та брати дѣвчину,
А я жъ поду женитися въ зелену лѣщину.
Каже мати женитися та брати удову,
А я пôду женитися въ зелену дуброву. —
«Зелененька дубровочка ни огню, ни цвѣта:
Молоденька замужь пôшла, не видѣла свѣта!»

32.

Ой высока полонина зъ вѣтромъ говорила:
Кобы мене розорати, жито бы 'мь родила.

33.

Ой Сараче, каже, кучмо,
Не чини мя гучно,
Бо я за тя давъ два лева,
Йдучи зъ Могилева.

34.

Въ церкви звонять — баба глуха,
Въ коршмѣ грають — баба слуха:
«А де жъ мои ходачищи?
Я бы пôшла до коршмищи.»

Плясовыя.

В. КОЗАКЪ.

1.

(В. изъ Олеська 202)

Гей я Козакъ зъ Украины,
Козакъ зъ роду, Козакъ зъ мины!
Нѣгды въ житью не заплачу,
Гучу, кричу, граю, скачу.

Трястя тому, що ся бѣдить,
Що єно надъ грôшмы сидить!
Не зъ роскоши, тôлько зъ бѣды,
Тну голубця, йду въ присѣди.

Чого жь ты ся зажурила,
Скажи менѣ, моя мила?
Не велика серцю туга,
Не будешъ ты, буде друга.

Бодай наше Поберêже!
Хоть нагайка плечи зрѣже,
Козакъ на то не заплаче,
Гукне, крикне, грае, скаче.

Отъ такъ у насъ чабарашки,
Хоть по пôдъ стôлъ, то все въ рачки,
То на пальцяхъ, то въ присѣды,
То до корчмы, то въ сусѣды!

2.

Слава наша Козацькая
Нехъ не загибае,
Шо въ гулянцѣ доля наша
И нужды не знае;

Шо въ гулянцѣ, въ вечоръ, въ ранцѣ,
Въ полудне и въ ночи,
Скочно грати и спѣвати,
Козакъ завше охочій.

Козакъ собѣ танцюе
Бренчать въ него гроши,
Самъ утворный, волосъ чорный
И лицемъ хорошій;

Крутй вусы, чекманъ кусый,
Повыкидавъ вылёты,
Самъ гуляе, насъ спрашае,
Й додае охоты.

Нуте, нуте, молодцй,
Нуте погуляйте,
Єднй грайте, другй скачьте,
А трети спѣвайте!

Нуте живо, наше жниво,
Нуте, жвави хлопаки,
Ну жъ въ присѣди до сусѣды,
Вытинайте гопаки!

Гуляй, гуляй, Козаченьку,
Гуляй разомъ зъ нами,
То въ тропака, то въ присѣды
Выкадай ногами!

Нехай знають, що гуляють
Зъ молодцями Козаки,
И гуляють и спѣвають,
Вытинають гопаки.

Гей сивъ кисъ на покбсъ,
Та й ставъ щебетати:

«Нарай, нарай, пане брате,
Де дѣвчину взяти?» —

«Нараю ти, пане брате,
У нашого вôйта:
Хорошая, румяная,
Тôлько неробôтня.

Не уважай, пане брате,
Чы дѣвчина гладка:
Питай людей и самъ гляди,
Чы метена хатка?

Не уважай, пане брате,
Чы коралôвъ густо:
Пытай людей и самъ гляди,
Чы въ гол'вѣ не пусто?

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ПЕТРА ПЕТЕЯ ДЕ ЭРЛЕЗУНДА

ПОДЛИННОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ, ПРАВИВШИХЪ ВЪ РОССІИ СЪ 752 ГОДА ДО ИЗБРАНІЯ НЫНѢ ЦАРСТВУЮЩАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА ВЪ 1613 ГОДУ, ТАКЖЕ О ТРЕХЪ ЛОЖНЫХЪ ДИМИТРІЯХЪ, НАВЯЗАВШИХЪ СЕБЯ ВЪ ПРИРОДНЫЕ И НАСЛѢДСТВЕННЫЕ ГОСУДАРИ СТРАНѢ И ПРИЧИНИВШИХЪ МНОГО БЕЗПОКОЙСТВЪ И КРОВОПРОЛИТІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Не нахожу, чтобы иноземные историки писали особенно много о томъ, какіе Государи и Великіе Князья были сначала у Русскихъ, откуда родомъ и происхожденіемъ, и какъ они царствовали. Русскіе и сами не знаютъ, какъ они, къ сожалѣнію, были такимъ грубымъ, необузданнымъ и варварскимъ народомъ, что даже не имѣли и буквъ для описанія дѣлъ и учрежденій своихъ Князей и Государей, и исторіи ихъ, въ пользу и назиданіе своимъ дѣтямъ, до тѣхъ поръ, пока Греческій Императоръ, Михаилъ Палеологъ (?) не прислалъ изъ Константинополя Славянскія буквы въ 1262 году (!!), въ Болгарію, откуда получили ихъ наконецъ и Русскіе, научились писать ихъ, читать и понимать, а потомъ изложили и написали этѣми буквами все, случившееся прежде и еще бывшее у нихъ на памяти.

Получивъ сначала Славянскія буквы, они все еще употребляютъ Славянскій языкъ въ церквахъ при Богослуженіи, читаютъ, молятся и поютъ на немъ; всѣ ихъ книги, духовныя и свѣтскія, написаны и напечатаны тоже на Славянскомъ языкѣ, хотя для своего собственнаго языка имѣютъ другія буквы, которыя получили отъ Грековъ. Такъ какъ межъ ними и Греками были большія взаимныя сношенія, то они и умножили число своихъ буквъ и

прибавили къ нему еще 19, отъ чего у нихъ въ азбукѣ 43 буквы, тогда какъ у Грековъ ихъ только 24. Русскія буквы выговариваются такъ: азъ (Aas), буки (Buchi), вѣди (Wedi), глаголь (Glagol), добро (Dabro), есть (Iest), живѣте (Civvet), зѣло (Selo), земля (Zembla), иже (Ise), и (I), како (Kakoi), люди (Ludi), мыслѣте (Musliti), нашъ (Naas), онъ (On), покой (Pokoi), рцы (Ertzi), слово (Slavva), твердо(Zvverda), икъ (Iick), у (V), фертъ (Phert), хѣръ (Chir), отъ (Ath), цы (Zi), червь (Zerf), ша (Scha), ща (Schza), еръ (Iaer), еры (Iaehri, ерь (Ihe), ю (Ivv), ять (Iaet), э (Aae), я (Ia), ѧ (iea), оу (Avv), кси (Xi), пси (Pzi), юсъ (Ius), ѳита (Vita). Отъ того и Русскія буквы имѣютъ большое сходство съ нѣкоторыми Греческими, а Славянскій языкъ въ большей части словъ сходенъ съ Русскимъ; такъ Москвитяне, или другой кто ни будь, вполнѣ изучившій Русскій языкъ, можетъ говорить съ Полякомъ, Литовцемъ (Бѣлорусомъ), Кашубомъ, Славонцемъ, Богемцемъ (Чехомъ), Вендомъ, Далматомъ, Болгаромъ, Хорватомъ, понимать ихъ и ѣхать, черезъ Татарію и Турцію, въ Константинополь: тамъ въ употребленіи тотъ же самый языкъ, даже и при Дворѣ говорятъ на немъ.

Въ Русскихъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ упоминается народъ, называемый у нихъ Варягами (Waregi), съ коими вели они большую войну, и были принуждены платить имъ дань ежегодно по бѣлкѣ со всякаго дома. Но я нигдѣ не могъ отыскать, что за народъ были Варяги, и по тому долженъ думать и войти въ подробныя разысканія, что они пришли изъ Шведскаго Королевства, или изъ вошедшихъ въ составъ его земель, Финляндіи и Ливоніи. По тому что въ нашихъ лѣтописяхъ есть ясныя извѣстія, что Шведы съ Русскими вели сильныя войны, взяли страну ихъ и области вооруженною рукой, покорили, разорили, опустошили и погубили ее огнемъ и мечемъ до самой рѣки Танаиса, и сдѣлали ее своею данницей. Къ тому же и Русскіе называютъ Варягами народы, сосѣдніе Балтійскому морю, на примѣръ, Шведовъ, Финовъ, Ливонцевъ, Куроновъ, Пруссовъ (Prydtzen), Кашубовъ, Поморянъ и Вендовъ, а Балтійское море зовутъ Варяжскимъ. Но какъ это названіе нельзя найти ни у насъ, ни въ другихъ мѣстахъ, то многіе стали держаться мнѣнія, что Варяги были родомъ изъ Энгерна (Engern), въ Саксоніи, или изъ Вагерланда (Wagernland), въ Голштиніи; но это не возможно и не имѣетъ ни какого основанія, по

тому что они не могли такъ далеко плавать на своихъ корабляхъ (Armada) по морю, да и не были такъ многочисленны, чтобы воевать съ Русскими. Да если бы и было такъ, и они воевали съ Русскими (что, однако жь, нельзя доказать, да и по справедливости лишено всякаго основанія), то не могли бы довести этой войны до того, чтобы обложить данью Русскихъ. Отъ того кажется ближе къ правдѣ, что Варяги вышли изъ Швеціи, или имѣли главнаго вождя, который, можетъ быть, родился въ области Вартофта (Wartoffta), въ Вестеръ-Готландіи, или въ области Верендѣ въ Смаландѣ, вѣроятно, назывался Вернеръ, и отъ того Варягъ (Waregus), а его дружина—Варяги, море же, по которому плавалъ, Варяжское (Woretskoi More), такъ какъ Русскіе обыкновенно называютъ Варяжскимъ то море, которое лежитъ между землею Копорье (Coporie) и Еврепе (Eurepe), островомъ Биркой (Bireko) и рѣкою Невою.

Межъ тѣмъ, какъ Варяги въ то время были очень сильны и часто воевали съ Русскими, у Русскихъ Князей и Государей происходили большія смятенія, ссоры и несогласія изъ за правленія и верховной власти, такъ что никто не хотѣлъ уступить другому: воевали между собою и грызлись точно собаки, по тому что каждому хотѣлось быть въ такомъ же величіи и почетѣ, въ какомъ былъ другой; почти все то же, что дѣлали они и нынѣ, въ недавнее время, по тому что когда одного выбрали на царство, то это стало обидно другому, который вооружился на него съ своими сторонниками и предъявлялъ, что онъ такого же высокаго и знатнаго рода и происхожденія, такъ же уменъ и разуменъ, какъ и другой. Чтобы разомъ покончить несогласія, безпрестанныя усобицы и раздоры, одинъ умный и мудрый человѣкъ, бывшій въ большомъ почетѣ у Новогородцевъ, по имени Гостомыслъ (Gostomisel), отъ всего сердца убѣждалъ и уговаривалъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи, и отправить пословъ къ Варягамъ, съ самою усердною и смиренною просьбою о томъ, чтобы прислали къ нимъ троихъ господъ высокаго Княжескаго рода, которые были бы благоразумны и могли учредить у нихъ добрый порядокъ и управленіе. Новогородцы же признаютъ ихъ своими природными и наслѣдственными Государями, станутъ почитать ихъ и нести для нихъ всякую усердную службу. Это понравилось всѣмъ Новогородцамъ,

такъ же какъ и Москвитянамъ въ Москвѣ, когда Захарій Ляпуновъ присовѣтовалъ имъ выбрать въ Великіе Князья сына Польскаго Короля, Князя Владислава. По совѣту Гостомысла, они тотчасъ же отправили пословъ къ Варягамъ, приказавъ имъ какъ можно покорнѣе просить у нихъ мудрыхъ правителей. Варяги немедленно согласились на ихъ настойчивую просьбу и отправили съ послами троихъ братьевъ изъ Княжескаго рода, по имени Рюрика (Rurich), Синеуса (Sinaus) и Трувора (Truvvor).

А свирѣпый Иванъ Васильевичъ, сдѣлавшій много жестокихъ дѣлъ въ Ливоніи въ 1577 году и сильною рукою правившій всею Россіей, говорилъ, что онъ ведетъ свой родъ отъ брата славнаго Римскаго Императора Августа, по имени Прусса (Prussus), жившаго въ Придценѣ (Prydtzen), но это отвергаютъ всѣ историки, и Иванъ ни чѣмъ не могъ доказать того.

Отъ того-то изъ честолюбія, надменности и дерзости онъ и принялъ гербъ Римской Имперіи — двуглаваго орла, съ распущенными крыльями, межъ тѣмъ какъ его предки и другіе Великіе Князья, бывшіе въ Москвѣ, не имѣли въ гербѣ ни чего другаго, кромѣ лошади, на которой сидѣлъ какой-то молодецъ, державшій на всемъ размахѣ саблю.

Въ гербѣ Псковскихъ Князей была бычачья голова въ вѣнцѣ. У Новгородскихъ — лошадь, на которой сидѣлъ человѣкъ съ копьемъ въ рукѣ и кололъ въ шею дракона, лежавшаго подъ лошадью. Сколько ни приводилось мнѣ видѣть Шведскихъ Дворянскихъ гербовъ, межъ ними въ самомъ дѣлѣ есть нѣсколько сходныхъ съ выше названными гербами: изъ того вѣрно можно заключить, что этѣ трое братьевъ пришли изъ Шведскаго Государства. Нѣтъ также особенной разницы между именами первыхъ Князей и Шведскими. Русскіе не могутъ такъ правильно произносить иностранныя слова, какъ мы, но прибавляютъ къ нимъ лишнія буквы, особливо когда произносятъ собственныя имена; такъ Рурикъ могъ называться у Шведовъ — Эрикъ, Фридерикъ, Готфридъ, Зигфридъ, или Родригъ; Синеусъ — Сигге, Свенъ, Симонъ, или Самсонъ; Труворъ—Туре, Тротте, или Туфве. Но какъ бы то ни было, они означаютъ все то же; однако жъ, нѣкоторые жестоко спорятъ и говорятъ, что этѣ три брата, Варяги, пришли изъ другихъ странъ, а не изъ Щвеціи: я оставляю это во всей

его силѣ и не буду очень оспаривать; только они должны сознаться, что Шведы пособили Русскимъ въ этомъ дѣлѣ, по доброму сосѣдству, дружбѣ и сношеніямъ, и лучше хотѣли видѣть иноземныхъ Государей на царствѣ у Русскихъ, нежели ихъ собственныхъ правителей, по тому что Шведамъ довольно была извѣстна ихъ варварская, отвратительная и безстыдная жизнь и природа, по чему они и старались лучше имѣть своими сосѣдями чужеземныхъ Князей, нежели Русскихъ природныхъ Государей; по тому-то и оказали этѣмъ чужеземцамъ всякое пособіе, и проводили ихъ черезъ Швецію по Варяжскому морю, какъ упомянули мы выше.

По приходѣ этѣхъ трехъ братьевъ въ Россію (а это было въ 752 году (?!) по Р. Х., когда въ Римской Имперіи царствовалъ Константинъ Копронимъ, въ Швеціи Король Беро III, а въ Польшѣ Лешко (Lesko) I-й или Примиславъ, они, съ согласія Чиновъ, раздѣлили между собою Россію, и каждый получилъ въ управленіе большую область или Княжество: Рюрику досталось на долю Княжество Великій Новгородъ, и этотъ Князь имѣлъ свое мѣстопребываніе въ 30 миляхъ отъ Новгорода, гдѣ находится теперь городъ Ладога; Труворъ взялъ Княжество Псковское и проживалъ въ маленькомъ городкѣ, который назывался тогда Тверцогъ (Twertzog) (?), но, по случаю многихъ смятеній и войнъ, былъ разоренъ и опустошенъ до основанія; третьему брату, Синеусу, дано Бѣлозерское Княжество: онъ жилъ тамъ, гдѣ теперь построена крѣпость, въ которой Великіе Князья держатъ, подъ хорошею охраною, лучшія свои сокровища.

Послѣ того, какъ этѣ братья, на такомъ уговорѣ, правили довольно времени страною, Синеусъ и Труворъ умерли безъ наслѣдниковъ. Рюрикъ подчинилъ себѣ ихъ земли, княжилъ счастливо и славно, пока былъ живъ, а по смерти оставилъ сына, по имени Игоря, наслѣдовавшаго отцу въ правленіи. Такъ какъ онъ былъ еще молодъ и несовершеннолѣтенъ, то отецъ передъ смертію приказалъ воспитывать его одному своему родственнику, по имени Олегу; а пока сынъ его подростетъ, войдетъ въ годы и самъ будетъ въ силахъ царствовать, онъ долженъ честно и мудро управлять страною. Олегъ вѣрно исполнилъ и сдѣлалъ все это.

Будучи храбрымъ и опытнымъ воиномъ, Олегъ завоевалъ много земель и городовъ въ пользу Игоря; наконецъ пошелъ съ большимъ войскомъ въ Грецію и осадилъ Константинополь, но оттуда былъ прогнанъ Императоромъ, обращенъ въ бѣгство и на возвратномъ пути умеръ отъ уязвленія, сдѣланнаго ему въ бедро змѣею, когда онъ вышелъ однажды посмотрѣть на своего коня, котораго всегда любилъ и почиталъ, какъ бога: конь лежалъ на землѣ мертвый, а когда Олегъ притронулся ногою къ его головѣ, изъ нея выскочила змѣя, ужалила его, отъ чего онъ и умеръ и отправился въ адъ съ своимъ богомъ. Такъ-то бываетъ, и такая-то награда получается тогда, когда чтутъ и обожаютъ чорта, а не истиннаго Бога, по пословицѣ: «За грошовыя деньги, — грошовая и панихида.»

По смерти Олега, Игорь пошелъ въ Псковъ, взялъ себѣ жену изъ самаго знатнаго рода, какой только былъ въ этомъ городѣ, по имени Ольгу, и прижилъ съ ней сына, котораго звали Святославъ (Suetoslavv). Имѣя большое расположеніе къ войнѣ, Игорь сдѣлалъ смотръ своему войску и двинулся съ нимъ на Гераклею и Никомидію. Однако жь, все его войско было разбито и прогнано, и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Печенѣжскую землю (Pitzingerland): тамъ его тотчасъ узнали, и Князь этой земли, Мальдитто (Malditto), отрубилъ ему голову на одномъ мѣстѣ, называвшемся Хоресто (Choresto), гдѣ и похоронилъ его.

Когда вѣсть эта пронеслась вездѣ по Россіи, Княжескую власть приняла жена Игоря, Ольга, чтобы править страною, до возраста ея сына, такъ какъ Печенѣги убили Князя Игоря, а она была жена и вдова его; они (?) отправили пословъ къ ней, какъ правительницѣ отъ имени ея сына и желали ее въ супруги Государыни для ихъ Князя. Только что пришли они, ихъ схватили и живыхъ закопали въ землю. Она поспѣшно послала гонца къ Печенѣгамъ и велѣла сказать имъ, если они хотятъ имѣть и признавать ее своею Государыней, то пусть отправятъ къ ней знатное посольство. Они тотчасъ же исполнили это и послали 60 сѣдыхъ стариковъ, которыхъ всѣхъ велѣла она сжечь въ банѣ. Потомъ отправила туда опять гонца съ просьбой и увѣреніемъ, чтобы Князь былъ въ надеждѣ на нее; она съ его послами уже въ дорогѣ, снизходитъ на его желаніе и согласна на то, межъ тѣмъ припасали бы и готовили

кушанья и питья, медъ, водку и другіе вкусные напитки, какіе идутъ для такого торжества и свадьбы, чтобы угостить гостей какъ можно лучше.

Прибывъ туда, она притворилась печальною и тоскующею по своемъ обезглавленномъ Государѣ. что онъ не послушался ея совѣта и не остался дома, но ушелъ отъ нея, стремясь проливать неповинную кровь; за то и сбылось съ нимъ по его дѣламъ: онъ получилъ достойное воздаяніе. Это очень порадовало Печенѣговъ, по тому что было имъ по сердцу. Межъ тѣмъ Княгиня велѣла изготовить пышный пиръ и угощеніе, и пригласила знатнѣйшихъ и главныхъ Печенѣжскихъ господъ, которые не заставили долго ждать себя, а сошлись туда очень охотно. Княгиня притворялась чрезвычайно ласковой къ нимъ, милостивой, услужливой, до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не опьянѣли, такъ что не могли пошевелить ни руками, ни ногами; тогда она напала на нихъ ночью, и велѣла погубить жалкою смертію до 5000 Печенѣговъ. И такъ короткое веселье и радость принесли большое горе и печаль. Она убѣжала въ Кіевъ, собрала большое войско, пошла опять противъ нихъ и дала имъ сраженіе, въ коемъ одержала побѣду, обратила ихъ въ бѣгство, и они безъ оглядки должны были бѣжать въ свою столицу, которую жестоко осаждала она цѣлый годъ. Они приведены были въ большую крайность и придумывали всякія средства, какъ бы повести переговоры о мирѣ. Но она совсѣмъ не хотѣла того, а заключила съ ними перемиріе на нѣсколько дней, съ тѣмъ, чтобы они дали ей по три голубя и по три воробья съ каждаго дома. Они тотчасъ же сдѣлали это. Получивъ голубей и воробьевъ, она велѣла привязать къ ихъ хвостамъ такія вещества, чтобы дома въ городѣ, когда этѣ птицы опять прилетятъ туда, загорѣлись и были истреблены пожаромъ. Такъ это и сталось: какъ скоро голуби и воробьи были на свободѣ, они полетѣли на городскіе дома и сожгли городъ со множествомъ народа. Тѣхъ, которые ускользнули отъ огня и бѣжали, она велѣла, однихъ умертвить, другихъ продать въ иностранные города, пока не осталосьтамъ никого.

Поступивъ съ ними на всей своей волѣ, насытивъ гнѣвъ и вдоволь отомстивъ за смерть своего любезнаго Государя, она возвратилась въ Кіевъ: это было въ 876 году, * когда царствовалъ

* Лѣтосчисленіе сильно страдаетъ у Петрея: Ольга скончъ. въ 857 году; не

Римскій Императоръ Карлъ Лысый (Carolus Calvus), Шведской короною завѣдывалъ Біорнъ V-й, а Польскою — Пястъ Крушвицкій (Chrusphicensis).

Послѣ того Ольга отправилась въ Константинополь, крестилась тамъ по Греческому обряду и названа была Еленой. Императоръ былъ свѣдѣтелемъ при томъ, сдѣлалъ ей прекрасные подарки и велѣлъ съ пышностію проводить ее опять въ ея землю. Она первая Княгиня въ Россіи, принявшая крещеніе, и такъ была расположена къ Греческой Вѣрѣ, что склонила множество людей, мужескаго и женскаго пола, принять эту Вѣру и креститься, но отъ сына своего ни ласкою, ни бранью она не могла добиться, чтобы онъ принялъ новую Вѣру, если находитъ ее хорошей, и крестился: идолопоклонство, въ которомъ его воспитывали, взяло такую силу надъ его сердцемъ въ молодости, что онъ ни за что не хотѣлъ оставить и бросить его.

Выросши и вошедши въ годы, онъ каждый день упражнялся во всякихъ военныхъ дѣлахъ и хитростяхъ, не скучалъ и не тяготился ни какимъ дѣломъ, но всячески пріучалъ себя выдерживать и переносить все, что приводится храброму воину и солдату на войнѣ и въ походахъ, и, благодаря частому упражненію, такъ пріучилъ себя, что могъ выдерживать и выносить голодъ и жажду, жаръ и стужу, не ставилъ ни во что спанья и отдыха на мягкихъ постеляхъ, самъ снималъ съ лошади сѣдло и клалъ себѣ подъ голову, когда бывалъ съ войскомъ въ походахъ. Онъ побѣдилъ народъ Булгаръ, доходилъ съ сильнымъ войскомъ до рѣки Дуная и разорялъ все на походѣ. Городъ Переславъ сдѣлалъ своей столицей и княжескимъ пребываніемъ, и говорилъ своей матери и совѣтникамъ: «Въ этотъ мой княжескій стольный градъ привозятъ мнѣ изъ Греціи разныя вкусныя и ароматныя вина и напитки, драгоцѣнныя вещи, жемчугъ, дорогіе камни, золотую монету, камку, бархатъ и шелковыя ткани; изъ Угріи золото, серебро и прекрасныхъ отборныхъ коней; изъ Россіи мои подданные доставляютъ разные отличные мѣха, медъ, воскъ, сало, ленъ, пеньку и все другое, для меня нужное.»—«Сынъ мой, отвѣчала мать: я уми-

---

меньше и названія народовъ, какъ сдѣсь Древляне приняты имъ за Печенѣговъ.

раю: прошу тебя честно похоронить меня, гдѣ покажется тебѣ лучше!» На третій день послѣ того она умерла, и съ большимъ торжествомъ была оплакана и погребена въ городѣ Переславѣ (?): она причислена къ Святымъ, и Русскіе еще нынѣ по всей землѣ празднуютъ день ея 11 Іюля.

Святославъ (Svvetuslav) правилъ довольно времени по смерти матери. У него родилось три сына: двое законныхъ и одинъ побочный. Передъ смертію онъ раздѣлилъ землю между дѣтьми: первородному сыну, Ярополку, отдалъ Кіевское Княжество, со всѣми его землями, городами и мѣстечками, къ нему принадлежавшими; другому сыну, Олегу, далъ Печенѣжскую землю; по желанію сословій и горожанъ Великаго Новгорода, онъ далъ имъ въ Князья своего незаконнаго сына, по имени Володимира. Все это сдѣлалось стараніемъ и происками его любимицы, дочери одного знатнаго Новгородца, по имени Малуши (Malischa), которую онъ сдѣлалъ беременною еще когда она была въ горничныхъ дѣвушкахъ его матери, и прижилъ съ ней этого Володимира.

Распорядившись, по своему желанію, правленіемъ, онъ собралъ ужасно большое войско и пошелъ на Грецію. Онъ былъ уже не далеко отъ Константинополя, когда встрѣтили его Греки со всею военною силой; обѣ стороны сразились въ жестокомъ бою, въ которомъ Святославъ былъ убитъ хитростью и ловкостью одного Греческаго* полководца. Nam occurrendum est hosti, tanquam lupo, sive via recta, sive obliqua. Онъ отрубилъ ему голову, велѣлъ сдѣлать изъ его черепа чашу и вырѣзать на ней позолоченными буквами этѣ слова: «Quaerendo aliena, propria amisit» (ища чужаго, потерялъ свое).

По убіеніи этого Святослава, одинъ изъ его совѣтниковъ и вождей, по имени Свѣнельдъ (Syvadoli), пришедши въ Кіевъ къ его старшему сыну, Ярополку, очень усердно внушалъ и совѣтовалъ ему согнать съ престола брата его, Олега, за то, что онъ убилъ сына у этого совѣтника, Люта.

Ярополка легко было уговорить на это, по тому онъ собралъ на брата большое войско. Олегъ тоже встрѣтилъ его съ

* Печенѣжскаго.

войскомъ и они бились жестоко. Ярополкъ одолѣлъ, одержалъ полную побѣду и прогналъ брата, который долженъ былъ бѣжать въ свой городъ.

Но военные люди, бывшіе въ городѣ и видѣвшіе это, заперли городскія ворота и столкнули его съ моста: такъ онъ и умеръ. Однако жь, они не пустили въ городъ и Ярополка. Онъ тотчасъ же велѣлъ сыскать братнинъ трупъ и пышно похоронилъ его, сказавъ своему полководцу: «Свѣнельде, вотъ смотри: чего ты желалъ и просилъ, исполнилось!»

Когда молва объ этомъ разнеслась по странѣ, услышалъ это извѣстіе и Володимиръ, имѣвшій свое пребываніе въ Новгородѣ; и онъ до того упалъ духомъ и перепугался, что поскорѣе бѣжалъ къ Варягамъ и размышлялъ въ себѣ: если Ярополкъ не пощадилъ роднаго брата, отъ одного съ нимъ отца и одной матери, то тѣмъ меньше пощадитъ его, незаконнаго. Онъ набралъ у Варяговъ большое войско и пошелъ подъ Великій Новгородъ, взятый въ его отсутствіе Ярополкомъ, силою выгналъ оттуда войско и отнялъ городъ. Послѣ того онъ отправилъ пословъ къ Князю Рогволоду (Rochvvolochdum) въ Псковъ за сватовствомъ къ его дочери, Рогнѣдѣ (Rochmida), но получилъ въ этомъ отказъ, по тому что былъ сынъ любви, и Исковскій * Князь полагалъ, что братъ его, Ярополкъ, рожденный отъ законнаго ложа, воротится, выгонитъ, удержатъ за собою Государство и женится на его дочери.

Это сильно было досадно Володимиру: онъ двинулся подъ Псковъ съ большимъ войскомъ, взялъ этотъ городъ, убилъ Князя съ двумя его сыновьями и силою взялъ Рогнѣду; оттуда поспѣшно пошелъ онъ съ войскомъ по Бѣлой Руси и осадилъ городъ Кіевъ, гдѣ проживалъ его братъ. Ярополкъ очень испугался его и пріунылъ до того, что не смѣлъ сойтись съ нимъ въ полѣ. А по тому сколько можно сильнѣе укрѣпилъ Кіевъ. Володимиръ не могъ взять силою этого города, и сталъ думать о другихъ средствахъ къ тому, именно, послалъ тайкомъ гонцовъ въ городъ къ самому главному совѣтнику и Воеводѣ, Блуду: льстилъ ему, назы-

* Не Псковскій, а Полоцкій.

валъ его своимъ отцомъ, просилъ у него совѣта, какъ бы всего удобнѣе и скорѣе убить Ярополка.

Такое дѣло очень понравилось этому невѣрному псу: онъ совѣтовалъ Володимиру, что если онъ со всѣмъ стараніемъ поведетъ осаду города, не мѣшкая и ничего не упуская, тогда овладѣетъ имъ; впрочемъ, онъ, Блудъ, сдѣлаетъ такъ, что осада скоро будетъ снята. Между тѣмъ внушилъ своему Государю выйти тайкомъ изъ города и отправиться въ другое мѣсто, гдѣ онъ можетъ жить спокойно и безъ всякой опасности. Пріунывшій Государь послѣдовалъ его совѣту и вышелъ тайкомъ изъ города съ вѣрнымъ своимъ другомъ, Блудомъ, въ другой городъ, по имени Родню (Roden), лежавшій на рѣчкѣ Юрсѣ (Jursa). Все это узналъ Володимиръ отъ измѣнника Блуда, сей часъ же взялъ Кіевъ, потомъ отправился съ войскомъ къ городу Роднѣ, стѣснилъ его жестокою осадой до того, что воины въ этомъ городѣ съ голода измѣнили и стали бунтовать. Блудъ, которому всякія продѣлки были извѣстны, уговорилъ своего Государя сдать городъ брату, помириться и договориться съ нимъ, по тому что тотъ сильнѣе его войскомъ, при томъ же Ярополкъ терпитъ нужду въ съѣстныхъ припасахъ и укрыться ему некуда.

Ярополкъ послушался этого совѣта и договорился съ братомъ на томъ условіи, что будетъ доволенъ такимъ удѣломъ въ странѣ, какой пожалуетъ ему Володимиръ. Когда же онъ хотѣлъ войти къ брату, то, по совѣту и убѣжденію Блуда, его изрубили въ куски поставленные для того служители Володимира.

Послѣ этого дѣла онъ обременилъ жену своего брата, родомъ Гречанку, бывшую прежде монахиней, которую Ярополкъ изнасиловалъ, а потомъ взялъ ее себѣ въ жены. Русскіе пишутъ, что у этого Володимира было до 800 наложницъ въ его городахъ и крѣпостяхъ и шесть законныхъ женъ. Первая была дочь Князя Псковскаго (Полоцкаго?), Рогнѣда (Rochmida), принесшая ему пятерыхъ дѣтей; троихъ сыновей, Изяслава, Ярослава и Всеволода, и двухъ дочерей; двѣ другія жены были родомъ изъ Чехъ, родившія ему трехъ сыновей: Заслава (Saslavv), Святослава и Станислава; одна изъ Греціи, вдова его брата; отъ нея былъ у него сынъ Святополкъ; одна изъ Болгаріи, которая ро-

дила ему Бориса, Глѣба, Мстислава (Mitislavv), Позвѣзда (Potzvvitz) и Судислава.

Онъ былъ развратный, нечестивый, безбожный человѣкъ и великій идолопоклонникъ; поставилъ много идоловъ въ городѣ Кіевѣ, чтилъ ихъ и молился имъ; главный былъ идолъ Перуна, сдѣланный изъ серебра, всѣ же другіе были деревянные и назывались Усладъ, Хорсъ (Corsa), Дажбогъ (Dasvva), Стрибогъ (Striba), Зимергла (Simergla), Мокошъ (Macosk).

Приведши себѣ въ зависимость всю Россію, онъ пріобрѣлъ уваженіе иностранныхъ Государствъ и сосѣднихъ съ нимъ Государей; они посѣщали его чрезъ своихъ посланниковъ и сильно хлопотали о томъ, чтобы онъ бросилъ свои разнообразные идолы и принялъ Христіянскую Вѣру.

По тому-то онъ и отправилъ своихъ пословъ во многіе дальніе края, чтобы они узнавали, какая въ тѣхъ краяхъ Вѣра и кого они исповѣдаютъ Богомъ. Они воротились и сообщили ему вѣрныя свѣдѣнія о Вѣрахъ иноземныхъ народовъ: лучше всѣхъ показалась имъ Греческая, которая и прежде начинала уже дѣлать успѣхи у нихъ, но потомъ опять было вывелась. Онъ тотчасъ же послалъ довѣренныхъ людей къ Константинопольскимъ Государямъ, Василію и Константину, съ самою усердною просьбою, чтобы они выдали за него сестру ихъ, Анну, по тому что онъ намѣренъ не только прогнать отъ себя женъ и наложницъ и разстаться съ ними, но бросить также и идолы, креститься во имя Распятаго Іисуса Христа и добровольно возвратить имъ городъ Корсунь, съ другими городами и областями, имъ завоеванными, недалеко отъ Чернаго моря.

Обѣ стороны примирились на этомъ условіи и имѣли свиданіе при городѣ Корсунѣ, который Володимиръ тутъ же уступилъ и сдалъ Константинопольскимъ Царямъ, вмѣстѣ съ другими городами и областями, крестился и названъ былъ Василіемъ, вмѣсто Володимира. Цари отдали за него сестру свою, Анну, и разстались съ нимъ въ большой дружбѣ.

Послѣ того онъ развелся со всѣми другими женами и наложницами, привязался къ одной младшей изъ нихъ, изъ Константинополя, и жилъ съ нею 23 года: это было въ 989 году (988) по Р.

Хр., когда царствовалъ Императоръ Оттонъ III, въ Швеціи Олай Сидень (Skot), а въ Польшѣ Мѣшко Первый (Miesco).

Послѣ того этотъ Володимиръ велѣлъ рубить, ломать и жечь всѣ идолы въ своей землѣ и побудилъ всѣхъ подданныхъ принять Греческую Вѣру, которой Русскіе твердо держатся еще и нынѣ, и исповѣдаютъ ее во всѣхъ статьяхъ и обрядахъ.

Предъ кончиною онъ раздѣлилъ землю между своими сыновьями и каждаго надѣлилъ особенныхъ Княжествомъ, чтобы, по его смерти, они не поднимали ссоръ и споровъ между собою, не отягощали войною своихъ подданныхъ, не приводили ихъ въ разореніе и нужду, и тѣмъ не губили и не опустошали плачевнымъ образомъ своей земли. Онъ хорошо зналъ, что междоусобія и раздоры, особливо когда городъ и царство станутъ воевать между собою, чрезвычайно гибельны, и что война — бездонная бочка. Точно такъ же, по словамъ Светонія, Императоръ Августъ говаривалъ, что тѣ, которые ведутъ войну для умноженія своихъ земель и власти, ловятъ рыбу золотой удочкой и сѣтью, а кто ловитъ ее такимъ образомъ, тотъ больше получаетъ убытка, нежели прибыли. Но когда въ царствѣ миръ и согласіе, тогда все дѣлается въ немъ лучше и больше: тамъ изобиліе и жизнь, тамъ счастье и успѣхъ неизмѣнны и вѣчны.

«Гдѣ миръ, говоритъ Лютеръ, тамъ половина царства небеснаго, тамъ сухой хлѣбъ и кислый квасъ пріятнѣе для вкуса всякихъ горячихъ и жареныхъ, пива, вина и мальвазіи.» Своему первородному сыну, Изяславу, Володимиръ далъ Великій Новгородъ, Заславу (Saslavv) Полоцкъ, Святополку Кіевъ, Ярославу Ростовъ, по смерти же Изяслава и Заслава онъ отдалъ Новгородъ Ярославу, а Борису Ростовъ, Глѣбу Муромъ, Всеволоду (Sevvold) Володимиръ, Мстиславу Кострому (Castrom), Святославу Смоленскъ, Судиславу Псковъ, Позвизду (Podvvitz) Тверь.

Когда страна была раздѣлена и каждый сынъ сталъ завѣдывать своимъ Княжествомъ, Володимиръ созвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, усердно и отъ всей души просилъ ихъ жить между собою, какъ сдѣлуетъ братьямъ, въ мирѣ и согласіи, сохранять Греческую Вѣру и оказывать ей покровительство, любить и ува-

жать подданныхъ, не подавать ни какого повода къ смутамъ и возмущеніямъ: такъ онъ и разстался съ здѣшнимъ міромъ, спустя 4 года по смерти своей Княгини, въ городѣ Володимирѣ:* тамъ и похоронены они другъ возлѣ друга. Этотъ городъ самъ онъ и выстроилъ, въ память по себѣ, въ 928 году, назвалъ по своему имени и всегда имѣлъ тамъ княжеское пребываніе, какъ и разсказывали мы въ 1-й части.

Но сыновья, княжившіе по смерти отца, пренебрегли чистосердечнымъ отцовскимъ увѣщаніемъ, жили во взаимной ненависти, раздорѣ и несогласіи и вели между собою большія войны. Кто былъ всѣхъ сильнѣе, тотъ и одолѣвалъ: не довольствуясь отцовскимъ раздѣломъ, притѣснялъ, убивалъ другихъ, бралъ себѣ ихъ земли и Княжества.

Всеволодъ, получившій на свою долю Володимирское Княжество, былъ самый знатный изъ братьевъ, привелъ большую часть страны подъ свою власть, выгналъ своего брата, Святополка, изъ Кіева и овладѣлъ этѣмъ Княжествомъ. Это было сильно досадно Святополку: онъ вооружился на Всеволода, съ помощію и содѣйствіемъ нѣкоторыхъ другихъ братьевъ, набралъ большое войско, опять осадилъ Кіевъ, выгналъ оттуда Всеволода и убилъ двухъ другихъ братьевъ, державшихъ сторону его противника. Но какъ они считались у своихъ подданныхъ кроткими, благочестивыми и богобоязненными Князьями, при томъ же были убиты невинно, а при жизни довольствовались удѣлами, назначенными для нихъ отцомъ, то ихъ и причислили къ Святымъ мученикамъ, а имена ихъ перемѣнили: Борисъ получилъ имя Давида, а Глѣбъ Романа; память ихъ празднуется ежегодно въ Россіи 24 числа Іюля.

Всеволодъ, владѣвшій большею частію страны, оставилъ сына, по имени Володимира, который и наслѣдовалъ послѣ него правленіе и, по примѣру отца, принудилъ всѣхъ Князей служить и повиноваться себѣ, по чему и названъ былъ Мономахомъ.

---

* Въ Никоновскомъ спискѣ, въ Степенной книгѣ и другихъ позднѣйшихъ построеніе Владимира на Клязьмѣ приписывается Владимиру Св., а Стрыйковскій называетъ уже и столицею этотъ городъ. Карамзина И. Г. Р. т. 11-й. Прим. перев.

Русскіе сказываютъ также, что у этого Володимира Мономаха былъ конь, * происходившій отъ лошади Александра Великаго, Букефала, Коровья Голова: на лбу имѣлъ пятно и былъ особеннаго цвѣта, съ черными полосами по спинѣ и хвосту; когда было надѣнутъ на него конскій уборъ и снарядятъ совсѣмъ на войну, онъ никому не давалъ на себѣ ѣздить, кромѣ Князя, да еще конюха, который ходилъ за нимъ, однако жь соблюдалъ при томъ такую разницу, что когда садился на него слуга, онъ ходилъ дурно, медленно, некрасиво, повѣсивъ уши и голову, точно какой лѣнивый оселъ; когда же нарядятъ его въ пышное сѣдло и сбрую, и онъ замѣтитъ, что поѣдетъ самъ Князь, тотчасъ пріосанивался, поднималъ голову и уши, билъ копытами въ землю, ржалъ и храпѣлъ ртомъ и носомъ до того, что всѣ пугались. Если Князь стегалъ его немного кнутомъ и начиналъ уговаривать, онъ красиво рисовался, кидался изъ стороны въ сторону, дѣлалъ скачекъ за скачкомъ, какъ молнія, подлеталъ къ своему ѣздоку, огрызался, лягался на удивленіе всѣмъ. У него была еще и такая повадка, что всегда хотѣлъ стоять въ конюшнѣ, на самомъ верхнемъ мѣстѣ, и тамъ позволялъ управляться съ собой, какъ съ ягненкомъ. Если же поставятъ его на другомъ мѣстѣ, онъ перерывалъ пополамъ узду и поводья, прибѣгалъ на главное мѣсто, и когда тамъ стояла другая лошадь, кусалъ ее до тѣхъ поръ и не успокоивался, пока не дадутъ ему этого мѣста.

Мономахъ велѣлъ сдѣлать, въ пямять по себѣ, драгоцѣнное платье и украшенія, чтобы Великіе Князья наряжались въ нихъ при вѣнчаніи, что они соблюдаютъ и дѣлаютъ даже понынѣ. Онъ умеръ въ 1146 году (въ 1125), когда Конрадъ III правилъ Римскою Имперіей, жестоко тѣснилъ Сарацынъ и возобновилъ города Нюренбергъ и Любекъ.

Въ Швеціи царствовалъ Гаконъ Рыжій (Haquinus Rufus), ведшій трудныя войны съ Датчанами и побѣдившій ихъ въ трехъ битвахъ.

Въ Польшѣ правилъ Болеславъ Кудрявый (Crispus), ведшій большія войны съ Пруссами и Римскими Императорами, Конрадомъ

---

* Прекрасное сказаніе о конѣ Мономаха показываетъ, въ какомъ свѣтѣ представляли себѣ этого Князя позднѣйшія поколѣнія. Примѣч. перев.

III и Фридрихомъ Барбаросой, который, въ 1181 году сдѣлалъ Герцогами Римской Имперіи обоихъ Поморскихъ Князей, Казимира Перваго и Богуслава Перваго, и въ память этого событія новые Герцоги дали городу Штетину прекрасный гербъ: мужчина съ длинными волосами и въ длинномъ платьѣ сидитъ на стулѣ въ большомъ дворцѣ; въ правой рукѣ у него обнаженный мечъ, а въ лѣвой скипетръ: онъ представлялъ Римскаго Императора. По обѣимъ сторонамъ два щита, и въ каждомъ изъ нихъ помѣщается цѣлый грифъ, въ знакъ того, что оба Поморскіе Князя обратились теперь къ Императору и подчинились Римской Имперіи, по тому что прежде были независимы и никого не признавали верховнымъ Государемъ.

По смерти Володимира Мономаха владѣли въ Россіи сынъ его и племянникъ; но какъ они не сдѣлали ничего особеннаго, то Русскіе сочли не стоящимъ замѣчать и записывать имена ихъ.

По смерти ихъ, въ 1237 году, принялъ правленіе Григорій (Георгій) Всеволодовичъ. Въ его время Татарскій Царь, Батый, страшно разорилъ и опустошилъ мечемъ и огнемъ Польшу и Силезію, сжегъ городъ Бреславль и довольно похозяйничалъ въ Римской Имперіи. Онъ не забылъ и Россіи, ужасно неистовствовалъ и свирѣпствовалъ въ ней, погромилъ страну безъ всякаго сопротивленія, жегъ города и деревни, истреблялъ плоды, угонялъ скотъ, перебилъ много тысячъ народа, велѣлъ втыкать головы убитыхъ на копья и для устрашенія носить по непріятельской землѣ, взялъ городъ Володимиръ, съ нѣсколькими другими городами и городками, убилъ Великаго Князя и заставилъ Русскихъ платить себѣ ежегодно дань, не выбирать Великаго Князя безъ его вѣдома и воли. Онъ привелъ ихъ подъ такое иго рабства, что когда Татары присылали къ нимъ своихъ пословъ, Великій Князь долженъ былъ встрѣчать ихъ за городомъ пѣшкомъ, съ ведромъ кобыльяго молока, и подносить имъ, вмѣсто ихъ Государя; когда же посланникъ, по небсторожности, проливалъ сколько ни будь этого напитка на гриву лошади, * Великій Князь долженъ былъ подлизать молоко языкомъ; онъ провожалъ посла въ городъ, сто-

* Такое же извѣстіе есть и въ нашихъ лѣтописяхъ, на пр., въ Ипатьевск. Пр. пер.

ялъ передъ нимъ съ непокрытою головою и слушалъ съ большимъ уваженіемъ, чего онъ потребуетъ. Эта неволя и рабство продолжались почти 260 лѣтъ.

Въ это время царствовалъ Римскій Императоръ, Фридрихъ Второй. Онъ былъ ученый и добродушный Царь, разъ до пяти подвергался Папскому проклятію, потомъ опять получалъ разрѣшеніе, и по происками Папы и своего побочнаго сына, Манфреда, былъ умерщвленъ ядомъ.

Въ Швеціи царствовалъ Эрикъ Косноязычный (Blaeſus). Съ помощію зятя своего, Ярга Биргера, онъ принудилъ принять Христіянскую вѣру Тавастовъ въ Финляндіи. Въ Польшѣ царствовалъ Болеславъ Стыдливый, тоже претерпѣвшій большое горе и опасности отъ Татарскаго Царя.

Послѣ жалкой погибели этого Георгія Всеволодовича принялъ правленіе братъ его, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій: онъ вооружилъ на Татаръ большое войско, имѣлъ съ ними жестокое сраженіе, но былъ разбитъ на голову.

Онъ оставилъ по себѣ трехъ сыновей, Ѳедора, Александра и Андрея. Они вели большую войну за правленіе, никто не хотѣлъ уступить другому; всякому хотѣлось захватить власть себѣ, и не унялись до тѣхъ поръ, пока всѣ не были убиты; Александръ оставилъ сына, который наконецъ получилъ княженіе съ помощію Татаръ.

Ему наслѣдовалъ сынъ его, Даніло (Danilovv), который перенесъ Княжеское мѣстопребываніе изъ Володимира въ Москву, огородилъ крѣпость стѣной и писалъ себя первымъ изъ Великихъ Князей Володимирскихъ и Московскихъ. У него было два сына, Григорій (Георгій) и Иванъ.

По смерти Данила, вступилъ на княженіе сынъ его, Григорій Даниловичъ Калита. Онъ получилъ это прозваніе отъ кошеля, который всегда носилъ съ собою, собиралъ въ него милостыню и раздавалъ ее бѣднымъ.

Но другому Князю, по имени Димитрію Михайловичу, служившему при Дворѣ у Татаръ, очень хотѣлось Великокняжескаго

достоинства: онъ и собралъ большое войско, пошелъ въ Москву и умертвилъ собственною рукою Григорія: это сильно раздосадовало Татарскаго Царя, который не далъ ему долго поцарствовать, взялъ его въ плѣнъ и потомъ отрубилъ ему голову.

Послѣ него Татары поставили Великимъ Княземъ Ивана Калиту, который во всемъ поступалъ по ихъ волѣ и желанію и по смерти своей оставилъ трехъ сыновей: Ивана, Семена и Андрея.

Сынъ его Иванъ Ивановичъ назначенъ былъ Великимъ Княземъ по смерти отца, во всемъ слушался Татаръ и не прекословилъ имъ. Когда онъ умеръ, на Княженіе вступилъ сынъ его, Дмитрій Ивановичъ. Ему не хотѣлось платить ни какой дани Татарамъ и ни за что оставаться въ подданствѣ у нихъ. Онъ велъ тяжелую войну съ Татарскимъ Царемъ, Мамаемъ: на 3-й годъ они жестоко бились, съ обѣихъ сторонъ пало много народа, наконецъ Русскій одолѣлъ, одержалъ побѣду и истребилъ Татарина со всѣмъ его войскомъ.

Это было очень досадно Тохтамышу (Tachtanisk); онъ поднялъ всѣ свои силы, опять вторгнулся съ большимъ войскомъ въ Россію, прогналъ Димитрія, осадилъ и взялъ Москву, забралъ въ плѣнъ тамошнихъ жителей, старыхъ и молодыхъ, большихъ и малыхъ; они хотѣли опять освободиться изъ этой неволи, и должны были выкупать себя большою суммою денегъ.

Князь Василій Дмитріевичъ вступилъ въ правленіе послѣ отца, въ 1337 году по Р. Х. Онъ возобновилъ войну съ Татарами, покорилъ Булгарію и выгналъ Татаръ изъ Россіи. У него былъ сынъ, по имени Василій Васильевичъ Темный, то есть, подобный мраку, получившій это прозваніе по тому, что у него были выколоты оба глаза.

Отецъ его, Василій, заподозрилъ жену свою, Анастасію, въ нарушеніи супружеской вѣрности и не хотѣлъ вѣрить, чтобы сынъ его родился отъ него, а не отъ другаго. Отъ того и рѣшился не допускать, чтобы онъ былъ Великимъ Княземъ по его смерти, а назначилъ брата Григорія (Георгія): это не понравилось подданнымъ, по тому что Григорій былъ строгій и не любившій шутить

господинъ; они и помогали сыну, стояли за него и провозгласили его Великимъ Княземъ страны; Григорій обидѣлся и не могъ вынести этого, пошелъ къ Татарину, просилъ его позвать его дядю къ себѣ, разсудить ихъ и рѣшить, ему ли, или Василію, быть Великимъ Княземъ и княжить въ странѣ.

Когда онъ явился, Татарскій Царь, благодаря ходатайству и заступничеству одного своего довѣреннаго совѣтника, сказалъ, чтобы Князь Григорій получилъ Княженіе, какъ завѣщано братомъ его, Василіемъ, въ присутствіи сына покойнаго, также Василія. Услыхавъ и узнавъ о томъ, Василій упалъ на колѣни передъ Татариномъ, прося у него позволенія говорить. Когда это было дозволено, онъ очень смиренно просилъ исполнить то, что прежде было обезпечено за нимъ письменнымъ актомъ, по тому что слово и обѣщаніе живаго человѣка сильнѣе, и надобно исполнять ихъ гораздо строже, нежели умершаго; дальше онъ говорилъ, что дядя его, Григорій, долженъ княжить только по грамотѣ его брата, уже умершаго, а у него, Василья, есть грамота Татарскаго Царя, который находится еще въ живыхъ, удостовѣренная позлащенною печатью: ее, по всѣмъ правамъ, слѣдуетъ считать дѣйствительнѣе и обязательнѣе грамоты его отца, уже умершаго.

Услыхавъ это, Татаринъ не долго раздумывалъ, но тотчасъ же отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и велѣлъ Василію княжить и управлять страною; Григорій былъ недоволенъ, собралъ большое войско, вытѣснилъ и выгналъ его изъ Москвы, такъ что онъ долженъ былъ бѣжать въ Углицкое Княжество, данное ему для жизни отцомъ. Послѣ того Григорій княжилъ въ Московскомъ Княжествѣ до самой смерти.

Но потомъ правленіе перешло къ Князю Василію и его наслѣдникамъ, по тому что, по смерти Григорія, Василій опять вступилъ въ правленіе. Это очень досадно стало сыновьямъ Григорія, Андрею и Димитрію: они осадили Москву и прогнали Василія въ Троицкій монастырь, гдѣ онъ укрылся и заперся, велѣлъ также поставить кругомъ себя крѣпкую стражу, чтобы враги не напали и не захватили его врасплохъ.

Братья, узнавъ о томъ, придумали другую уловку и хитрость: они послали въ монастырь нѣсколько сотъ телѣгъ съ сѣномъ, соломой и другимъ легкимъ товаромъ, подъ которымъ спрятаны были воины. Когда извощики рано по утру пріѣхали къ воротамъ, начальникъ стражи впустилъ ихъ, не подозрѣвая ничего худаго. Тогда тотчасъ же выпрыгнули спрятанные воины, перебили сторожей, взяли въ плѣнъ Великаго Князя Василія, выкололи ему оба глаза и отвезли съ женою и дѣтьми въ Угличъ.

Чины Государства озлобились за это на братьевъ и прогнали ихъ въ Великій Новгородъ, Василія же опять посадили на княженіе и привели его въ Москву, гдѣ онъ спокойно княжилъ до своей кончины.

Со времени княженія Владимира Мономаха до этого Василія, Русскіе всегда были данниками Татаръ и имѣли много Князей, по тому что каждый княжилъ въ своей особенной землѣ и Княжествѣ. Отъ того-то Татаринъ всегда и побѣждалъ ихъ, что между ними не было согласія.

Иванъ Васильевичъ Грозный (Groizdyn), сынъ слѣпаго Князя Василія, принялъ княженіе по смерти отца. Онъ имѣлъ много успѣховъ и побѣдъ на войнѣ, и взялъ себѣ въ жены Марію, дочь Князя Михаила Тверскаго, отъ коей имѣлъ сына, по имени Ивана. Послѣ свадьбы онъ выгналъ тестя и взялъ его Княжество, покорилъ также Великій Новгородъ и много другихъ Княжествъ, привелъ въ покорность и подданство себѣ всѣхъ Князей страны и именовалъ себя Государемъ и Повелителемъ всѣхъ Русскихъ и Великимъ Княземъ Володимирскимъ, Московскимъ и Новогородскимъ.

По смерти своей первой жены, Маріи, онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Константинопольскаго Императора, Еммануила, Софіей, и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей: Гавріила, Димитрія, Григорія, Семена и Андрея.

Предъ смертію онъ раздѣлилъ между ними землю: сыну отъ первой жены, Ивану, онъ далъ Великое Княжество Московское, Гавріилу оставилъ Великій Новгородъ, другимъ также каждому далъ по особенному Княжеству. Старшій, Иванъ, умеръ еще при жизни отца и оставилъ по себѣ сына, по имени Димитрія. Ве-

ликій Князь назначилъ его наслѣдникомъ въ княженіи послѣ свой смерти.

Но Великая Княгиня, Софія, была догадливая, умная и хитрая женщина, отъ того и Великій Князь всегда слушался ея совѣтовъ и замысловъ: льстивыми словами да ласковымъ обхожденіемъ она склонила своего Государя не признавать своимъ наслѣдникомъ внука, и посадить его въ тюрьму, и выхлопотала, чтобы по смерти отца былъ Великимъ Княземъ сынъ ея, Гавріилъ. Когда же Великій Князь сдѣлался болѣнъ, и уже умиралъ, его взяло раскаяніе въ такомъ поступкѣ: онъ позвалъ къ себѣ Димитрія и сказалъ: «Сынъ мой, я согрѣшилъ передъ тобой и Богомъ въ томъ, что обманулъ тебя и отнялъ у тебя наслѣдство, слѣдующее тебѣ по всѣмъ правамъ отъ твоего отца: извини меня въ этомъ, прощай и владѣй своимъ правомъ!»

Когда же Великій Князь умеръ, сводный братъ Димитрія, Гавріилъ, по совѣту и кознямъ матери, опять сковарничалъ надъ нимъ: по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ умеръ отъ голода и холода, или задохся въ чаду и дымѣ. При этомъ можно припомнить одинъ стихъ поэта:

«Rara avis est natis clemens et justa noverca,
Hanc opus est magno vincier obsequio.»

Гавріилъ силою захватилъ правленіе и назывался правителемъ и блюстителемъ Государства, при жизни своего двоюроднаго брата, по смерти же его онъ взялъ себѣ другой титулъ, велѣлъ короновать себя и назывался ужь не Гавріиломъ, а Василіемъ.

Выше названный Великій Князь, Иванъ Васильевичъ Грозный, имѣлъ отъ жены дочь, по имени Елену. Она была выдана за мужъ за Литовскаго Князя, Александра, бывшаго Польскимъ Королемъ по смерти своего брата, Альберта. Благодаря тому, установился крѣпкій союзъ между обѣими сторонами, заключенъ былъ дружескій миръ; согласіе и тишина водворились между ними: только это продолжалось не долго, по тому что, вмѣсто дружбы, вышла и началась изъ этого большая и кровопролитная война, ненависть и зависть, какихъ прежде никогда не бывало. На свадьбѣ

было обѣщано построить въ городѣ Вильнѣ (VVilda) церковь для Княгини, ея комнатныхъ дѣвушекъ и служителей, преданныхъ Греческой Вѣрѣ, чтобы они могли тамъ совершать свое богослуженіе по всѣмъ Русскимъ обрядамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, а постройка церкви шла что-то медленно. Отецъ Елены, Иванъ Грозный, счелъ это предлогомъ, началъ сильную войну съ мужемъ своей дочери, Александромъ, и пошелъ на него съ тремя большими, хорошо вооруженными, войсками: одно послалъ въ Княжество Сѣверское, другое въ Торопецъ и Бѣлой, третье въ Дорогобужъ и Смоленскъ.

Узнавъ о томъ, Александръ собралъ свое войско, и у нихъ было сильное сраженіе при рѣкѣ Ведрошѣ (VVedrask). Москвитяне одержали верхъ и побѣдили, Поляки побѣждены и должны были уносить ноги оттуда. Литовцы, бывшіе въ городахъ, упали духомъ, очень перепугались и стали добровольно сдавать города, каковы: Дорогобужъ Торопецъ, Бѣлой, Брянскъ, Стародубъ и многіе другіе въ Сѣверскомъ Княжествѣ.

Великій Князь, хоть былъ и сильный Государь и храбрый воинъ, жестокостью и хитростью покорилъ много Князей, городовъ, крѣпостей и земель, однако жь все таки платилъ дань Татарамъ и былъ у нихъ въ зависимости, по тому что когда Татаринъ присылалъ къ немуословъ, онъ лично долженъ былъ встрѣчать ихъ далеко за городомъ, слѣзать съ коня, тогда какъ они сидѣли на лошадяхъ, и принимать ихъ съ большимъ почетомъ. Это было очень досадно Княгинѣ: она всегда говорила ему, что не хочетъ быть крѣпостною рабой и купленною невольницей Татаръ: было бы честно и справедливо, если бы онъ постарался употребить всю свою силу и могущество, для освобожденія себя отъ этого рабскаго ига.

Въ это самое время Татарскіе Цари построили въ Московскомъ Кремлѣ нѣсколько домовъ и дворовъ, въ которыхъ жили Татары, бывшіе въ Москвѣ, за тѣмъ только, чтобы смотрѣть, замѣчать и развѣдывать, что дѣлаетъ Великій Князь, и какіе у него замыслы. Когда замѣчали, что Русскіе сговариваются на измѣну и не хотятъ больше покоряться Татарамъ, они заблаговременно давали

знать о томъ. Великая Княгиня не желала дольше сносить это: она отправила своихъ пословъ съ большими подарками къ Татарской Царицѣ, дружески прося ее склонить своего Государя, чтобы домы и помѣщенія въ крѣпости, принадлежавшіе Татарамъ, онъ приказалъ перенести на другое мѣсто, по тому что Богъ строго убѣждалъ ее въ сновидѣніи построить на мѣстѣ ихъ церковь, во славу Его и Святыхъ, и нѣсколько часовень.

Великой Княгини послушались, срыли домы, опорожнили мѣсто, на которомъ потомъ была построена церковь. Благодаря тому, Татары выпровожены изъ Кремля, и по тому больше ужь не могли узнавать о замыслахъ Великаго Князя, какъ бывало прежде, и убрались домой; съ тѣхъ поръ имъ никогда не дозволялось строить дома свои въ Москвѣ, или жить тамъ.

Такимъ образомъ Москвитяне освободились отъ Татаръ ловкостью своихъ женъ, точно также какъ домъ съумасброднаго и пьянаго Навала спасенъ мудрою и разумною рѣчью его жены, Авигеи, чтобы не наложилъ на него руки разгнѣванный Царь Давидъ, по тому что «женскій умъ лучше всякихъ думъ», спасаетъ отъ бѣды и напасти.

Этотъ Великій Князь, Иванъ Васильевичъ Грозный, умеръ въ Москвѣ, 66 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, въ 1492 году (?), прокняживъ 42 года и 7 мѣсяцевъ.

Въ его время славно царствовалъ Римскій Императоръ Максимиліанъ, очень расположенный къ Доктору Лютеру, за то что этотъ возсталъ на Папство и обнаружилъ его идолопоклонство и заблужденія. Въ Швеціи царствовалъ славный Государь Стено Стуре младшій, ведшій трудныя войны съ Датскимъ, Королемъ Гансомъ, и Великимъ Княземъ Московскимъ.

По смерти Ивана Васильевича Грознаго вступилъ на княженіе, по происканъ своей матери, Софіи, сынъ его, Гавріилъ или Василій. Во многихъ дѣлахъ онъ слѣдовалъ правиламъ отца, не только оборонялъ съ большимъ стараніемъ и силою земли, покоренныя его отцомъ, но распространялъ свои предѣлы все дальше, не храбростью и доблестью, а хитростью, изворотливостью,

измѣною, и точно такъ же, какъ отецъ его взялъ Новгородъ, онъ покорилъ Псковъ и Смоленскъ.

Въ Литвѣ и Польшѣ царствовалъ тогда Король Сигизмундъ 1-й, съ которымъ Великій Князь Василій по справедливости не долженъ бы былъ вести ни какой войны, по тому что это былъ кроткій, благочестивый и образованный Государь, находившій больше отрады въ мирѣ и согласіи, нежели въ войнѣ, ссорахъ и кровопролитіи. Онъ не подавалъ ни какого повода къ раздору и войнѣ, однако жь Василій напалъ на него, говоря, что онъ нарушилъ мирный договоръ въ томъ, что сестра Василіева, по смерти Короля Александра, содержалась не совсѣмъ по ея званію и сану. Къ тому же онъ наущалъ Татарина напасть на землю Василія и жалостно разорять ее огнемъ и мечемъ. Отъ того и онъ имѣетъ достаточную причину посѣтить и потревожить его также мечемъ и огнемъ, и осадилъ поспѣшно Смоленскъ, отъ котораго, впрочемъ, принужденъ былъ на этотъ разъ отступить съ позоромъ.

Между тѣмъ одинъ знатный Литовскій Господинъ, по имени Михаилъ Глинскій, по случаю сдѣланнаго имъ убійства, долженъ былъ бѣжать изъ Литвы и искать убѣжища у Великаго Князя Московскаго. По своей способности, онъ тотчасъ же сдѣлался совѣтникомъ и высшимъ лицомъ у Великаго Князя. Находясь тогда въ большой враждѣ и ненависти съ своими земляками, онъ усердно совѣтовалъ Великому Князю не прекращать Польской войны, а продолжать ее и опять осадить всѣми силами Смоленскъ, прибавивъ, что ему извѣстно средство покорить городъ для Великаго Князя.

Великій Князь былъ очень радъ тому и далъ честное слово Глинскому, что лишь только онъ овладѣетъ городомъ, то получитъ отъ него Княжество для себя и своихъ наслѣдниковъ, подъ защитою и покровительствомъ Великаго Князя, и за то будетъ служить ему, по его требованію, съ такимъ числомъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ, сколько позволятъ его доходы.

Съ этою надеждой Глинскій вооружилъ большое войско, очень важно пошелъ къ Смоленску съ разнымъ оружіемъ, велѣлъ поскорѣе выставить большія пушки и началъ тамъ обстрѣливать

стѣны, что никто изъ военныхъ вождей въ Россіи прежде никогда и не думалъ и не слыхалъ о такой стрѣльбѣ. Потомъ, когда разрушилъ стѣны и укрѣпленія, а многихъ непріятелей убилъ изъ пушекъ, онъ велѣлъ итти въ трехъ мѣстахъ на приступъ: съ обѣихъ сторонъ сражались храбро и жестоко, однако жь Глинскій былъ отраженъ. Тогда онъ придумалъ другое средство, т. е., прибѣгнулъ къ хитрости и обману: подкупилъ вождей и главные военные чины въ гарнизонѣ, обѣщалъ имъ помилованіе и пощаду отъ Великаго Князя, да такъ и взялъ городъ, сверхъ своего ожиданія, безъ всякаго сопротивленія и кровопролитія.

Тѣхъ горожанъ и воиновъ, которые хотѣли слѣдовать за нимъ по доброй волѣ, онъ взялъ съ собой, и пошелъ съ большою славою и торжествомъ въ Москву; другихъ, которые хотѣли ити въ Литву и Польшу, онъ съ миромъ отпустилъ и занялъ Москвитянами городъ: это было въ 1514 году по Р. Х.

Эта побѣда, одержанная Глинскимъ подъ Смоленскомъ, сдѣлала Великаго Князя до того смѣлымъ, гордымъ и надменнымъ, что онъ опять собралъ со всей своей земли большое войско и отправилъ его въ Литву, разорять эту страну, жечь деревни, города и мѣстечки, истреблять на поляхъ плоды, уводить скотъ, убивать малыхъ и большихъ людей. Узнавъ о томъ, Польскій Король послалъ сильное войско на встрѣчу Москвитянамъ, съ храбрымъ полководцемъ, Константиномъ Острожскимъ (Ostrofski): прибывъ къ городу Оршѣ (Orso), лежащему на берегу Борисѳена, оно повстрѣчалось съ Москвитянами, въ числѣ 80,000 конныхъ и пѣшихъ. Но такъ какъ между ними протекала рѣка, то Польскій полководецъ, имѣвшій не больше 35,000 войска, велѣлъ навести мостъ черезъ рѣку, по которому можно бы было перейти пѣхотѣ и перевезти пушки, а всадники пустили лошадей вплавь, и такимъ образомъ переправились за рѣку безъ урона. Лишь только Русскіе это замѣтили, тотчасъ увѣдомили о томъ своего полководца, Ивана Челядина (Челяднина), и тутъ же хотѣли напасть на Поляковъ, однако жь полководецъ не позволилъ имъ и сказалъ: «Если вы нападете и перебьете тѣхъ, которые ужь переправились черезъ рѣку, тогда ускользнутъ другіе, стоящіе еще за рѣкой, и начнутъ съ нами новую битву: пусть переправятся всѣ, и тогда всѣ они падутъ отъ нашей руки, по тому что мы вдвое сильнѣе, а послѣ того займемъ

всю Литву безъ всякаго сопротивленія и опасности. Но Литовцы, перебравшіеся за рѣку, построились въ боевой порядокъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей въ Москвитянъ, дали залпъ изъ нѣсколькихъ полевыхъ пушекъ; это, однако жь, не испугало Москвитянъ: они велѣли трубить въ трубы и быстро напали на Поляковъ съ большимъ крикомъ и шумомъ, думая привести непріятеля въ ужасъ, чтобы онъ обратился въ бѣгство. Замѣтивъ это и увидѣвъ мужество и неустрашимость враговъ, Поляки подались немного назадъ, гдѣ стояли пушки и была выстроена пѣхота, и по тѣмъ выстрѣлили въ Москвитянъ изо всѣхъ пушекъ большихъ и малыхъ, такъ что нѣсколько сотъ непріятелей повалилось съ лошадей замертво. Остальные до того оробѣли и пришли въ ужасъ, что пустились бѣжать къ городу Добровѣ (Дубровнѣ), въ 4-хъ миляхъ оттуда; подъ городомъ протекаетъ рѣка, по имени Крапивна, такая глубокая, что если кто упадетъ въ нее, тому плохо будетъ, по тому что рѣчной берегъ очень высокъ. Тамъ-то и осталась большая часть разбитыхъ и раненыхъ Москвитянъ, другіе бросились въ рѣку, чтобы переплыть ее и спастись, и потонули, а которые уцѣлѣли, взяты были въ плѣнъ, какъ знатные, такъ и простые воины, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и были отведены по городамъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Когда вѣсть о томъ разнеслась по всей странѣ, Великій Князь, находившійся въ Смоленскѣ, такъ упалъ духомъ отъ этого пораженія, что поскорѣй отправился въ Москву, велѣлъ сжечь городъ Дорогобужъ, чтобы не достался Полякамъ, и занялъ хорошо вооруженнымъ войскомъ Смоленскъ, для обороны этого города отъ нападеній непріятеля. Великій Князь догадывался, что Поляки, послѣ одержанной побѣды, попытаютъ своего счастія и осадятъ крѣпость: они и сдѣлали ато, однако жь безъ всякаго успѣха, по тому что ихъ войско устало и утомилось, при томъ же была уже зима.

Отдохнувъ нѣсколько, Великій Князь здумалъ выместить свой уронъ на Полякахъ, и опять выслалъ большое войско въ Литву: опустошилъ ее мечомъ и огнемъ, намѣревался было сдѣлать нападеніе на Полоцкъ и взять его. Однако жь по прежнему былъ побѣжденъ Поляками и прогнатъ назадъ въ Россію. Нѣсколько

разъ покушался онъ силою и храбростью взять Казань и Астрахань, велъ съ ними большія войны, и тоже не получилъ ни какой прибыли: вернулся домой съ однимъ позоромъ и посѣщеніемъ, раненными и убитыми, однако жь не хотѣлъ отстать до тѣхъ поръ, пока не поднялся на него Казанскій Татаринъ, съ помощью Крымскихъ Татаръ, и не осадилъ его въ Москвѣ. Князь очень упалъ духомъ, даже до того перетрусилъ, что убѣжалъ тайкомъ въ Новгородъ, нѣсколько дней прятался въ возу съ сѣномъ, и клятвенно обѣщался Татарину, не отступавшему безъ того, быть у него въ подданствѣ и платить ему ежегодную дань, за чемъ и далъ свою грамоту: она была возвращена ему изъ Рязани, благодаря угодливости и расторопности его Воеводы, о чемъ разсказывали мы выше.

Татаринъ осердился и озлобился на это: безпрестанно, не встрѣчая сопротивленія, онъ разорялъ землю Великаго Князя, жегъ деревни и города, истреблялъ плоды, угонялъ скотъ, убивалъ много народа, уводилъ по нѣсколько тысячъ человѣкъ съ собой въ Татарію, и продавалъ ихъ, точно скотъ, Туркамъ и другимъ врагамъ Христіянъ.

И такъ этотъ Великій Князь, Василій, больше всего изабоченный тѣмъ, какъ бы сдѣлать еще обширнѣе свою землю, привелъ въ крайне опасное положеніе и ее и свой народъ: одинъ тиранъ сильно мучилъ и безпокоилъ другаго, такъ что Москвитянинъ едва не распростился со всѣмъ своимъ величіемъ и былъ сведенъ съ его высокаго и знатнаго мѣста. На свѣтѣ это не рѣдкость и не диковина: бываетъ занаслую, что Князья и Государи, искатели чужихъ земель и народовъ, сами впадаютъ въ большое несчастье и нужду, и часто лишаются всего своего благосостоянія.

Когда же везло счастье на войнѣ Великому Князю, онъ былъ очень жестокъ къ непріятелямъ, точно такъ же и къ своимъ роднымъ братьямъ, родственникамъ и подданнымъ: это испытали на себѣ сначала его дядя, Димитрій, а потомъ его братья, Григорій и Андрей, которыхъ онъ велѣлъ посадить въ тюрьму, подъ тѣмъ предлогомъ, что они посягали на власть его и подущали жителей заставить его раздѣлить съ ними правленіе.

Самыхъ первыхъ и большихъ Бояръ по всей Москвѣ, сильныхъ происхожденіемъ и богатствомъ, онъ накрывалъ и ловилъ врасплохъ, отчасти открытой силой, отчасти тайнымъ коварствомъ, и либо убивалъ, либо сажалъ въ тюрьму и лишалъ всего имѣнія, движимаго и недвижимаго.

Точно такъ же, какъ Великій Князь бывалъ страшно жестокъ съ своими друзьями и родными (мы уже разсказывали о его жестокости), онъ употреблялъ свои хитрыя и коварныя продѣлки съ сосѣдними Королями и Государями: съ ними онъ никогда не держалъ своего честнаго слова, часто заключалъ миръ и скрѣплялъ его клятвою, но потомъ, обнадеживъ ихъ такъ, что они уже расчитывали на постоянный миръ и спокойствіе, нападалъ на ихъ землю, и безъ всякой причины и честнаго предупрежденія раздражалъ ихъ и вводилъ въ большіе расходы.

Это былъ гордый, заносчивый человѣкъ, чрезвычайно лукавый и коварный, изъ пустаго тщеславія принялъ титулъ гораздо пышнѣе, нежели когда ни будь носили его предки, и называлъ себя по именамъ всѣхъ земель и княжествъ, надъ которыми княжилъ.

Проживъ довольно времени въ большомъ распутствѣ и сладострастіи съ развратными женщинами и потаскушками, и не желая допустить, чтобы братъ его съ дѣтьми, по его смерти, имѣлъ доступъ къ верховной Великокняжеской власти, онъ рѣшился взять себѣ жену, и собралъ для того всю Боярскую Думу, чтобы Бояре хорошенько обдумали и обсудили всѣ обстоятельства и наконецъ рѣшили, полезнѣе ли и выгоднѣе для страны жениться ему на туземной, или на иностранной, Княжнѣ.

Они много и долго совѣтовались и наконецъ рѣшили въ Думѣ, чтобы онъ женился на туземкѣ, оставилъ въ покоѣ иностранокъ и не слишкомъ много заботился о родствѣ съ иноземными Государями: такъ какъ они вѣроломны, горды и надменны, а по тому не отдадутъ и не пошлютъ своихъ дочерей ни въ какую варварскую землю, тѣмъ менѣе къ Московскому Князю; кромѣ того иностранная невѣста и новая Княгиня приводитъ обыкновенно съ собою новые, чужіе, нравы, много чужаго народа и иностранный покрой платья, а это будетъ стоить невѣроятныхъ издержекъ. У

ихъ же и другая Вѣра, которой Русскіе не могутъ терпѣть, даже слышать объ ней, а это поведетъ къ чрезвычайнымъ перемѣнамъ и разногласію въ Государствѣ.

Такое мнѣніе и предложеніе внушилъ другимъ Думнымъ Боярамъ и придворнымъ одинъ знатный человѣкъ, Греческій урожденецъ, по имени Георгій Микрусъ (Micrus), бывшій въ большой милости и почетѣ у Великаго Князя; къ нему расположены были и всѣ, знатные и незнатные, за его благочестіе и скромность. Онъ говорилъ, что въ Москвѣ найдутся дѣвицы, которыя ни сколько не уступятъ Европейскимъ въ красотѣ, добродѣтели и знатности: изъ нихъ-то Великій Князь и можетъ выбрать себѣ одну, которая покажется ему всѣхъ лучше; отъ нея будетъ больше пользы и прибыли странѣ, чѣмъ отъ иностранки. Въ самомъ же дѣлѣ онъ думалъ, что такъ какъ находится теперь въ большомъ почетѣ у Великаго Князя, то этотъ женится на его дочери, которая превосходила всѣхъ другихъ дѣвушекъ красивой наружностью, нравственностью и добродѣтелью.

Узнавъ, что у всѣхъ его совѣтниковъ, офицеровъ и придворныхъ одно желаніе и мнѣніе, чтобы Великій Князь женился на туземкѣ, Василій велѣлъ созвать со всей земли полторы тысячи боярышень и дѣвушекъ изъ самыхъ первыхъ и знатныхъ семействъ. Больше всѣхъ понравилась ему Саломея, дочь Ивана Сабурова, великая красавица, чего ни какъ не ожидалъ Думный Бояринъ Георгій Микрусъ, который охотно желалъ доставить своей дочери Царское ложе и высокія почести.

Тотчасъ же сыграли свадьбу. Двадцать одинъ годъ прожилъ Великій Князь въ супружествѣ съ Саломеею (Соломоніей), и она ему наскучила, по тому что онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей: онъ удалилъ ее въ Суздальскій монастырь на всю жизнь, велѣлъ Митрополиту снять съ нея всѣ Царскія украшенія и одежды и обстричь у ней волосы. Это было для нея горько, и она заливалась слезами; эта красивая и увлекательная женщина взяла обстриженные свои волосы, бросила ихъ подъ ноги себѣ, топтала ихъ, клялась и божилась, что не заслуживаетъ нанесеннаго ей позора. Это раздосадовало служителя Великаго Князя, Ивана Шигону, который долженъ былъ отвезти ее въ монастырь: онъ уда-

рилъ ее кнутомъ за такія рѣчи про ея Государя. Она спросила его, кто приказалъ ему бить и поднимать на смѣхъ коронованную и помазанную Государыню всей Россіи? «Великій Князь», отвѣчалъ онъ. Тогда, при всѣхъ окружающихъ ее, она начала бранить своего Государя, проклинала его неприличную жизнь, вѣроломные поступки и великую жестокость, призывала въ свѣдѣтели всѣхъ Боговъ и Святыхъ, которымъ хорошо было извѣстно, что она сохраняла честь свою въ чистотѣ и цѣломудріи и неповинно терпитъ такое поруганіе и униженіе. Они не оставятъ безъ отмщенія и возмездія ея невинности и великаго безчестія.

Между тѣмъ Великій Князь искалъ себѣ другой невѣсты. Михаилъ Глинскій, бѣжавшій изъ Литвы изъ за убійства Литовскаго Маршалка, Ивана Заберезенскаго (Zabrecinio), велъ себя такъ храбро на войнѣ, что Великій Князь, благодаря его ловкости, покорилъ Смоленскъ и считалъ его самымъ храбрымъ и счастливымъ полководцемъ во всей Россіи. Онъ женилъ Великаго Князя на дочери своего брата, Василія, Еленѣ, отъ которой Князь имѣлъ двоихъ сыновей, Григорія и Ивана.

За то, что прежде Великій Князь объявилъ этого Глинскаго самымъ храбрымъ и даровитымъ воиномъ, его тайно ненавидѣли самые первые Бояре и роды въ странѣ, подыскивались подъ него и наконецъ обнесли и оболгали его у Великаго Князя въ измѣнѣ, что будто онъ нечестно и невѣрно поступилъ съ своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ. Этотъ, безъ всякаго доказательства и суда, посадилъ его подъ стражу и лишилъ всякой власти, почестей и достоинствъ.

Но какъ Великій Князь женатъ былъ на дочери его брата, то онъ и выпутался изъ сѣтей, и не только получилъ опять прежнюю должность, почести и достоинства, по своей знатности, мудрости и разуму, но и былъ назначенъ, по кончинѣ Великаго Князя, правителемъ всей земли и опекуномъ дѣтей его.

Между тѣмъ изъ Суздаля по всей Россіи разошлась молва, что Саломея, жившая въ монастырѣ, беременна: это дошло и до Великаго Князя. Онъ тотчасъ же послалъ туда своихъ довѣренныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, узнать всю правду относительно положенія Саломеи, также наблюдать и видѣть новые ея роды.

По приходѣ ихъ въ монастырь, Саломея пошла въ церковь, ухватилась за алтарь, прикоснулась къ Св. Тайнамъ, божилась, осуждая себя въ преисподнюю ада, что сохраняла себя чистою въ бракѣ съ Великимъ Княземъ Василіемъ, и что Богъ далъ ей сына отъ него, а не отъ другаго кого ни будь, за понесенное ею великое поруганіе и презрѣніе; она молилась о томъ днемъ и ночью: ни она, ни Великій Князь не увидятъ свѣтлаго лица и милыхъ глазокъ младенца; но придетъ день, когда онъ, въ свое время, неустрашимо явится предъ очи своихъ подданныхъ, дастъ видѣть имъ свои свѣтлые глазки и не оставитъ безъ отмщенія ея позора, поруганія и уничиженія.

Съ этимъ отвѣтомъ и возвратились посланные и разсказали Великому Князю о положеніи Саломеи и происшествіи съ нею, также и обо всемъ, что видѣли и слышали. Это извѣстіе взбѣсило Великаго Князя: онъ рѣшился было взять Саломею изъ монастыря и прогнать ее въ болѣе суровое мѣсто; однако жь это отсовѣтовали и не дали ему сдѣлать нѣкоторые изъ Думныхъ Бояръ.

Многіе изъ Русскихъ разсказываютъ за вѣрное, что Саломея родила сынка и велѣла назвать его Григоріемъ, а потомъ, вступивъ на Великое Княженіе, онъ назвалъ себя Иваномъ и сдѣлалъ много безчеловѣчныхъ жестокостей въ Россіи и Ливоніи. Но нѣкоторые оспариваютъ это и думаютъ, что Иванъ — младшій сынъ Василія отъ Елены, дочери Василія Глинскаго, родившійся 1528 (1530) года по Р. Х., 26 (25) Августа, за 4 года до смерти Великаго Князя.

Предъ кончиною Великій Князь поручилъ правленіе своему шурину, Михаилу Глинскому, и сдѣлалъ его опекуномъ своей Княгини и дѣтей.

Но какъ бы то ни было, все равно и не составляетъ большой важности, отъ какой бы Княгини ни родился Иванъ, потому что обѣ женщины были одинаковой добродѣтели и честности. Одна прижила въ монастырѣ ребенка съ монахомъ, другая же, по кончинѣ Великаго Князя, все ходила въ распутный домъ, очень ужь много развратничала и блудила, особливо же связалась съ однимъ Дворяниномъ, по имени Иваномъ Ozami (Овчиною-Оболенскимъ), и вела эту связь такъ грубо, что могъ замѣтить всякой

крестьянинъ. Это стало обидно дядѣ ея, Михаилу Глинскому, въ рукахъ котораго находилось главное управленіе Государствомъ: онъ часто посылалъ къ ней, и лично просилъ ее бросить свое распутство и беззаконную жизнь, не позорить своего званія, пола и дѣтей, и не класть на нихъ пятна безчестія. Но она не обращала ни какого вниманія на его слова, ставила ихъ ни во что, дала почувствовать дядѣ свой гнѣвъ и немилость, обнесла его передъ большими Боярами и простыми людьми въ томъ, будто онъ ведетъ такія козни, чтобы отослать молодыхъ Государей въ Польшу, сдѣлаться Великимъ Княземъ и подчинить себѣ все Московское Государство, представила ложныхъ судей и свѣдѣтелей, которыхъ подкупила для того большими деньгами: они засвѣдѣтельствовали и присягнули, что такое обвиненіе справедливо. Это заставило Думныхъ Бояръ и простыхъ людей лишить, съ поруганіемъ, Михаила Глинскаго всѣхъ должностей, какъ измѣнника и заводника большой новизны и переворота въ Государствѣ: его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и кончилъ жалостно свою жизнь и получилъ заслуженное воздаяніе за свои злыя дѣла — за то, что убилъ Маршалка въ Литвѣ, городъ и крѣпость Смоленскъ безчестнымъ образомъ привелъ, изъ подъ власти своего отечества, подъ власть Москвы и былъ причиною убійства и истребленія множества невинныхъ дѣтей, мужчинъ и женщинъ.

Послѣ того Великая Княгиня продолжала вести прежнюю жизнь въ беззаконіи и распутствѣ, такъ что ее открыто по всему городу ругали блудницей и всѣ ненавидѣли. Большіе Бояре не могли долѣе терпѣть и переносить это и отравили ее. А любовника ея, Ozami (Овчину-Оболенскаго), велѣли живаго посадить на колъ и сжечь съ соломою и дровами.

Отъ этой, презрѣнной и распутной, женщины родился безчеловѣчный тиранъ, Иванъ Васильевичъ, принявшій, на 12 году возраста, Великокняжескій вѣнецъ и скипетръ, по тому что старшій его братъ, Григорій (Георгій), былъ кривой и неспособный къ правленію. Иванъ не совѣстился хвастать, что родъ его происходитъ отъ брата Римскаго Императора, Августа, а это такъ же далеко отъ правды, какъ востокъ отъ запада; отъ того-то онъ и внесъ въ свой гербъ двуглаваго орла, съ распущенными крыльями, какъ сказали мы выше.

Не считая равнымъ себѣ ни одного Короля и Государя на свѣтѣ, онъ и точно былъ выше всѣхъ Королей и Государей въ Христіянствѣ, по своимъ мерзкимъ дѣламъ, распутству и жестокостямъ, которыя безчеловѣчно совершалъ, какъ надъ тузамцами, такъ и иностранцами. Это былъ гнусный варваръ, кровопійца и тиранъ, великій скряга, безбожникъ, распутникъ, бѣшеный, гордый, неправосудный и злой человѣкъ, насилователь женщинъ, взбалмошенъ, непривѣтливъ, прихотливъ и безпокоенъ, охотникъ до пошлыхъ дураковъ и мошенниковъ; онъ былъ зачинщикомъ и виновникомъ опасныхъ войнъ для сосѣднихъ Государей и вооружалъ ихъ противъ себя.

Онъ воевалъ то съ Татарами, то съ Поляками, Ливонцами и Шведами, однако жь въ войнѣ съ послѣдними не много получилъ себѣ славы. Шведы взяли у него много крѣпостей и городовъ въ Россіи и Ливоніи; отъ Поляковъ тоже добылъ не много, по тому что они совсѣмъ выгнали его изъ Ливоніи, покорили много областей и городовъ въ Россіи, и причинили ему много вреда огнемъ и мечемъ; въ Ливоніи онъ очень былъ счастливъ, по тому что завоевалъ почти всѣ ея крѣпости и города, и поступалъ тамъ съ неслыханною жестокостью, которою наполнены всѣ лѣтописи; впрочемъ, не многіе только города онъ взялъ мужествомъ и храбрыми дѣлами: все дѣлалъ хитростью, обманомъ, коварными происками, особливо подъ руководствомъ двоихъ Ливонскихъ Дворянъ, давшихъ ему слѣдующую присягу:

«Пресвѣтлѣйшій, непобѣдимѣйшій, Державнѣйшій Государь и Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, Володимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и другихъ областей, Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Обдорскій (Obdonsski), Угорскій (Uderschi), Кандійскій и всѣхъ Сибирскихъ земель и Сѣверныхъ странъ повелитель, наслѣдный Государь Ливонскій и многихъ другихъ земель на востокѣ, сѣверѣ и западѣ, наслѣдственный, древній и потомственный, и проч. Мы, Іоганнъ Таубе и Эйлертъ Краузе, обѣщаемся и клянемся Вашему Царскому Величеству, Царевичамъ и Царству, служить на водѣ и на сушѣ, вѣрно, праведно и нелице-

мѣрно, по милости и жалованью Вашего Царскаго Величества, клянемся и обѣщаемся такъ же истинно, какъ вѣрна для нашего тѣла и души помощь Божія въ здѣшней временной и въ будущей вѣчной жизни, и будемъ продолжать эту службу Вашему Царскому Величеству и потомкамъ Вашего Царскаго Величества во всемъ, клонящемся къ ихъ величію и благоденствію, а противное для нихъ, по нашимъ силамъ, будемъ отвращать, останавливать и предупреждать; если же въ этомъ, или въ чемъ либо другомъ, мы поступимъ не такъ и замыслимъ что ни будь опасное, то да придутъ на насъ и огонь, и вода, и мечъ, и всѣ душевныя и тѣлесныя муки. Отъ этой клятвы ничто не должно разрѣшать насъ, ни наше собственное раскаяніе и сознаніе, ни Христіянско-церковный или духовный санъ, если только мы искренно желаемъ себѣ, для души и тѣла, помощи Бога и Его Святаго Евангелія.»

Царства Казанское и Астраханское онъ взялъ вооруженною рукою, выгналъ изъ нихъ Татаръ и занялъ города Русскими, однако жь сперва потерпѣлъ пораженіе и потерялъ много людей: нѣсколько разъ бывалъ прогоняемъ Татарами и снималъ осаду съ большимъ для себя позоромъ. Впрочемъ, онъ не падалъ духомъ, но, вооружившись мужествомъ, пошелъ подъ Казань съ большимъ войскомъ и осадилъ ее со всѣхъ сторонъ: разрушилъ пушками валъ и стѣны и до тѣхъ поръ ломился въ городъ съ своимъ войскомъ, пока не взялъ его приступомъ и не умножилъ имъ своего титула: это было въ 1561 (1552) году.

Наслѣдовавъ отъ своихъ родителей и предковъ земли и Государства, Великій Князь точно также наслѣдовалъ и усвоилъ себѣ пороки, коварство и хитрость въ словахъ и поступкахъ: когда онъ бывалъ къ кому ни будь милостивъ, ласковъ и благодѣтеленъ, тому навѣрное должно было ожидать себѣ немилости и гоненія; напротивъ когда онъ грозилъ кому, бранилъ и проклиналъ его, тому оказывалъ милость и дѣлалъ для него всякое добро. Онъ всегда нарушалъ союзные и мирные договоры, обязательства и обѣщанія: всѣ сосѣдніе ему Князья и Государи довольно испытали это на себѣ. Онъ часто нападалъ на нихъ неожиданно съ огнемъ и мечемъ, вопреки своей клятвѣ, въ мирное время, когда они считали себя въ безопасности и не подозрѣвали ничего враждебнаго, бралъ города и крѣпости и причинялъ странѣ много вреда.

Кромѣ такихъ ожесточенно злыхъ его дѣлъ, онъ дѣлалъ и больше: изъ чрезвычайной надменности, вопреки всякому народному праву, онъ поднималъ руку на посланниковъ могущественныхъ Государей, посыланныхъ къ нему по особеннымъ дѣламъ; это можно видѣть на знатныхъ послахъ Польскаго Короля, Сигизмунда II, Іоаннѣ Кротисинѣ (Crotissin), и Николаѣ Тальвоизо (Talvoiso): онъ не только съ презрѣніемъ обходился съ ними, но и нагло обидѣлъ одного Польскаго Дворянина, пожелавъ посмотрѣть у него какія-то драгоцѣнныя вещи, и потомъ безсовѣстно удержавъ ихъ у себя. У купцовъ, бывшихъ при посланникахъ, велѣлъ онъ отнять отборные и лучшіе товары, стоившіе большихъ денегъ, изрубить ихъ лошадей, въ присутствіи пословъ, и дѣлалъ разныя дѣла къ уничтоженію и убытку Короля.

Такаго же поруганія и срама надѣлалъ онъ посламъ славнаго Короля Шведскаго, Іоанна III, именно Абовскому Епископу, Павлу Юстену, и потомственному Дворянину изъ Дюстерби, Тонніесъ Ольсену. Въ 1569 году они присланы были къ нему для переговоровъ о мирѣ и союзѣ между двумя Государствами. Изъ одной только наглости, вопреки клятвѣ, обѣщанію, честному слову и вѣрности, онъ причинилъ имъ много жестокостей; велѣлъ не только отнять у нихъ лучшее платье, жемчугъ, драгоцѣнныя вещи, серебро, золото и деньги, но еще и бить ихъ, высѣчь кнутомъ, бросить въ гадкую темницу, каждый день считать и осматривать ихъ, точно безсловесныхъ животныхъ, ругалъ ихъ псами и блудными дѣтьми, поносилъ и другими жесткими словами, за то, что не хотѣли преступить Королевскаго повелѣнія и наказа передать свое дѣло и порученіе Новгородскому Намѣстнику, тогда какъ имъ надобно было вести о томъ переговоры съ самимъ Княземъ. По своему варварскому обычаю, онъ считалъ себя гораздо выше и могущественнѣе благочестиваго и милосердаго Шведскаго Короля, Намѣстника же Новогородскаго наравнѣ съ Королемъ по званію, власти и сану, не смотря что тутъ недоставало ремешка, котораго не выкроишь и изъ тысячи воловьихъ кожъ: по тому-то послы и должны были переговариваться о мирѣ съ нимъ, а не съ Великимъ Княземъ. Они ни какъ не соглашались сдѣлать это и держались даннаго имъ наказа.

Узнавъ о томъ, Великій Князь послалъ къ нимъ нѣсколькихъ своихъ Совѣтниковъ и Секретарей, которые приступили къ нимъ

съ наглыми и ругательными словами, замахиваясь саблями, будто хотѣли изрубить ихъ въ куски: прибили ихъ, точно какихъ злодѣевъ, связали имъ веревками руки за спину, водили ихъ изъ одной темницы въ другую въ однѣхъ рубашкахъ, нѣкоторыхъ посадили на лошадей, другіе, съ связанными за спину руками, должны были бѣжать рядомъ съ лошадьми на веревкѣ, пустили лошадей во всю прыть на цѣлую полумилю, сколько силы станетъ, грозились непристойными словами заколоть и зарубить пословъ, сжечь и утопить, говоря, что въ поруганіи, срамѣ и пренебреженіи, которыя переносятъ послы, должны обвинять они не Великаго Князя, а своего собственнаго Короля, давшаго имъ такое полномочіе и наказъ. Пусть узнаютъ они, что Великій Князь такой Государь, что если кто хоті ·ie много досадитъ ему, то онъ отплатитъ ему за то вдесятеро, а кто смирится передъ нимъ и дастъ ему грошъ, того онъ возвеличиваетъ и даетъ ему сто грошей: на свѣтѣ нѣтъ ему подобнаго по благочестію, добротѣ и честности, если кто повинуется его волѣ; а кто разсердитъ и раздражитъ его, на того онъ такъ озлобится и ожесточится, что и въ водѣ отъ него не спрячется.

Послѣ того, какъ послы приняли все, чѣмъ ихъ ни награждали, Русскіе дали имъ не много платья, чтобы не замерзнуть, и заставили просидѣть ихъ три дня безъ пищи и питья; на четвертый послали имъ хлѣба и воды, говоря, что Великій Князь ихъ пожаловалъ этѣмъ, чтобы они не умерли съ голода, потомъ отправили ихъ въ Москву, гдѣ прожили они 17 недѣль, а оттуда еще дальше, въ Муромъ, гдѣ находились они полтора года, до возвращенія въ Швецію; ихъ не снабжали ни какой другой пищей и питьемъ, кромѣ мяса, хлѣба, воды и квасу (Covent: собственно жидкое пиво въ Католическихъ монастыряхъ), отъ чего многіе изъ нихъ умерли въ заключеніи; тридцать изъ нихъ съ большимъ трудомъ вернулись домой въ самомъ бѣдственномъ и жалкомъ видѣ; двухъ младшихъ, выучившихся Русскому языку, Великій Князь удерживалъ у себя 6 лѣтъ, до ихъ освобожденія, полагая, что они теперь обязаны служить ему, а не Королю, по тому что выучились его языку.

Но что ужъ много говорить о посланникахъ чужеземныхъ Государей, о пріемѣ и обхожденіи его съ ними: онъ такъ же

безстыдно поступилъ и съ Герцогомъ Голштинскимъ, Магнусомъ, братомъ Датскаго Короля, Фридриха II, пріѣхавшимъ къ нему въ 1569 году, съ той мыслью, чтобы служить ему до самой смерти. Онъ сперва сдѣлалъ ему очень пышный и блестящій пріемъ, великолѣпно угощалъ кушаньями и напитками, далъ большіе подарки, много денегъ, выдалъ за него дочь своего брата, Григорія, называлъ Королемъ Ливонскимъ, и съ клятвою обѣщалъ уступить и отдать ему эту землю.

Теперь, когда все это было сдѣлано, Великій Князь отправилъ новаго Короля съ большимъ войскомъ въ Ливонію, для осады прекраснаго укрѣпленнаго города Ревеля. Но Магнусъ не имѣлъ тутъ ни какого успѣха и долженъ былъ отступить, не сдѣлавъ ничего, однако жь нѣкоторые другіе города и крѣпости сдались ему.

Послѣ, когда Герцогъ Магнусъ, съ Русскимъ войскомъ, надѣлалъ вездѣ въ Ливоніи пропасть неистовыхъ дѣлъ, на походѣ понесъ большой уронъ отъ Шведовъ и Поляковъ, и не во всемъ имѣлъ такую удачу, какъ хотѣлось бы Великому Князю, этотъ послѣдній до того озлобился и прогнѣвался, что подъ городомъ Венденомъ велѣлъ изрубить въ куски всю свою придворную челядь, Герцога Магнуса билъ кулаками и кнутомъ: для спасенія жизни, Магнусъ долженъ былъ съ трепетомъ проползти нѣсколько тысячъ шаговъ до палатки Великаго Князя и просить у него, со слезами, помилованія.

«Ты, бѣднякъ, сказалъ Великій Князь, увидавъ его, смѣлъ надѣяться, что получишь Ливонію и будешь въ ней Королемъ: когда бросивъ отечество, ты скитался несчастнымъ бѣглецомъ изъ мѣста въ мѣсто, я одѣлъ тебя нагаго и голаго, принялъ къ себѣ въ родство, далъ тебѣ въ жену дочь своего брата, которой ты не стоилъ, обогатилъ тебя, надавалъ тебѣ денегъ, людей и платья, доставилъ большой почетъ, и ты теперь оказываешься измѣнникомъ своему благодѣтелю! Развѣ ты не хотѣлъ измѣнить твоему Государю, которому присягалъ? Что ты скажешь на это? Развѣ не за долго до этого не обвиняли тебя три раза въ томъ, что ты домогался моей власти и, такимъ образомъ, въ своей заносчивости, ты ставилъ ни во что меня, твоего Государя и добраго

друга. Не хотѣлъ ли ты привести въ свое подданство Ливонію, которую ты обманулъ хитростью и лестью? Но око Божіе бодрствовало надо мною, предало тебя въ мои руки и уничтожило всѣ твои замыслы и пронырства. За то, что ты подыскивался подъ мое княженіе и благоденствіе, честно и правосудно съ моей стороны отнять у тебя все, что я ни далъ тебѣ, по особенной моей милости и добросердечію.» Онъ велѣлъ тутъ же снять съ Магнуса Княжеское платье, намѣреваясь сдѣлать ему такое наказаніе, чтобы онъ послѣ того не могъ и подняться, держалъ его нѣсколько недѣль у себя плѣнникомъ, хотѣлъ, чтобы онъ заплатилъ ему 40 тысячъ Угорскихъ золотыхъ, однако жь напослѣдокъ освободилъ его и позволилъ ему ѣхать въ городъ Кархгаусъ (Karchaus) къ женѣ, полагая, что всегда можетъ имѣть его опять въ своихъ рукахъ, если захочетъ. Но это не удалось ему: Магнусъ видѣлъ и зналъ великую опасность своего положенія, также и то, что особенное счастье въ Ливоніи начинало измѣнять Великому Князю: вмѣстѣ съ женою онъ поскорѣе убѣжалъ изъ Кархгауса къ Польскому Королю и передался ему со всѣми своими людьми; тѣмъ онъ вошелъ въ его милость, получилъ отъ него въ содержаніе, по смерть свою, нѣсколько городовъ въ Курляндіи, и наконецъ умеръ въ городѣ Пильтенѣ 1583, Марта 18 дня. А жена его воротилась въ Россію и получила Тихвинскій монастырь, въ которомъ, вѣроятно, живетъ и теперь.

Ни одинъ человѣкъ не выскажетъ вполнѣ страшнаго, не Христіянскаго и варварскаго образа дѣйствій этого тирана въ Ливоніи съ попавшими въ его руки бѣдняками, и этой, сильно замѣтной въ немъ, ненасытной жадности до Христіянской крови, также и другихъ дѣлъ его произвола. По тому что не бывало и не раждалось еще на свѣтѣ ни одного ужаснаго и гнуснаго кровопійцы, котораго бы можно было сравнить съ этѣмъ лютымъ звѣремъ. Все, что ни писали о другихъ тиранахъ, царствовавшихъ въ мірѣ, пустяки въ сравненіи съ этѣмъ. Его лучшая отрада и удовольствіе состояли въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ казнятъ людей позорною казнью, рубятъ ихъ, вѣшаютъ, варятъ, жарятъ, тиранятъ и подвергаютъ другимъ страшнымъ мукамъ. Между разными жестокими дѣлами этого Князя въ Ливоніи не изъ послѣднихъ и тѣ, которыя онъ совершилъ надъ 500 благородныхъ и

добродѣтельныхъ женщинъ и дѣвушекъ при взятіи города Ашерота. Онъ отдалъ ихъ страшнымъ Татарамъ, чтобы они опозорили ихъ на его глазахъ, и потомъ велѣлъ жалостнымъ образомъ умертвить ихъ и изрубить въ куски.

Объ этомъ узнали и жители Вендена; носился слухъ, что онъ никого не хочетъ щадить въ Венденѣ, хоть бы тамъ были Царскія и Княжескія дѣти (по тому что для него было все равно, что Дворяне, что крестьяне, что высшее, что низшее званіе); у него водилось точно такъ же, какъ одинъ бѣдный крестьянинъ отвѣчалъ въ Москвѣ какому-то Дворянину, роптавшему, что темница не прилична для его Дворянскаго званія, и что для него должна быть не такая же гадкая, какъ для другихъ. «Любезный Баринъ, сказалъ на это бѣдный человѣкъ: здѣсь, вмѣстѣ съ нами, вамъ не слѣдуетъ быть взыскательнымъ ни въ чемъ: здѣсь все идетъ точно такъ же, какъ въ царствѣ небесномъ, гдѣ совсѣмъ не смотрятъ на лица: «ultimus et primus sunt in honore pares.» Великій Князь теперь осадилъ и очень стѣснилъ Венденъ; жители не могли дольше защищать города, и должны были сдавать его: всѣ, сколько ихъ ни было тамъ, мужчины, женщины, старики и молодые, Дворяне и не дворяне, положили между собою скорѣе умереть, нежели потерпѣть такой позоръ и лишиться чести: собрались въ церкви, помолились Богу, пріобщились Св. Таинъ, и когда Русскіе собирались ити на приступъ, они подожгли спрятанный въ церкви порохъ, и вся она разсыпалалась въ прахъ, со всѣми женщинами и дѣвицами, мужьями, женами, дѣтьми и грудными младенцами: они взлетѣли на воздухъ и принесли свою жизнь въ жертву милосердому и человѣколюбивому Богу. Въ то самое время, когда они единодушно давали обѣтъ умереть, соединиться съ Богомъ и принять Св. Дары, а не доставаться Русскимъ, и когда нѣсколько сотъ ихъ приготовлялись уже къ такому дѣлу, у нихъ недостало вина: это опечалило ихъ еще сильнѣе, и проповѣдникъ довольно употребилъ времени на ихъ утѣшеніе слѣдующими словами Св. Августина: «Crede, et manducasti.» Съ ними же тутъ находился и Католическій Священникъ, который довольно трунилъ надъ ними и говорилъ, что съ удовольствіемъ посмотритъ теперь, какъ-то Лютеране покончатъ съ пріобщеніемъ Св. Таинъ, по тому что у нихъ нѣтъ вина, и должны будутъ, любо ли, не любо, пріобщаться подъ однимъ видомъ, какъ принято у Папистовъ.

Межъ тѣмъ какъ они переговаривали между собою о томъ, Всесильный Богъ устроилъ такъ, что служитель Герцога Магнуса, собираясь выворачивать и укладывать его платье, нашелъ боченокъ Рейнскаго вина, и представилъ его Пастору; это выручило бѣдныя, жаждущія души: они вкусили отраду въ Тѣлѣ и Крови Господа Іисуса, подъ видомъ хлѣба и вина, поручили себя милосердому Богу и отошли изъ міра съ радостію, а Езуитъ долженъ былъ признать въ этомъ случаѣ великое Божіе чудо, что Богъ слышитъ призывающихъ Его изъ глубины сердца, и что ложно мнѣніе Папистовъ, будто бѣдняковъ надобно пріобщать только подъ видомъ хлѣба, а не подъ видомъ вина и хлѣба.

Въ 1578 году въ Москвѣ происходила страшная сцена между 378-ю плѣнниками изъ Ливоніи и Литвы: когда Великому Князю захотѣлось повеселиться и позабавиться, онъ распорядился, чтобы всѣ эти плѣнники явились къ нему при большомъ стеченіи народа, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы узнать, сколько ихъ было, какого они пола, и каково положеніе каждаго. Между другими плѣнниками стояли вокругъ также нѣсколько женщинъ съ ихъ маленькими дѣтьми и чрезвычайно смиренно, со слезами на глазахъ, просили пощады и милосердія. Страшный тиранъ притворился, что хочетъ помиловать и возвратить имъ свободу, и велѣлъ спросить каждаго плѣнника по одиначкѣ, очень ли радъ онъ будетъ воротиться опять на родину? Это было пріятно печальнымъ плѣнникамъ; однако жь они сказали, что желаютъ не прежде отправиться туда, пока не получатъ у Великаго Князя прощенія и пощады, въ томъ мнѣніи, что такой отвѣтъ поправитъ все дѣло, и положились на предложеніе Великаго Князя, по тому что всякому хотѣлось на родину.

Но этотъ отвѣтъ стоилъ имъ жизни: Великій Князь принялъ это за униженіе для себя, точно они смѣялись надъ его страною и пренебрегали ею. За это бѣдняки тотчасъ же были приговорены къ смертной казни. Тогда вдовы и сироты, старые и молодые, женщины и дѣвушки, начали горько рыдать и плакать, но были выведены за городъ и, вопреки всякой справедливости, были немилосердно, жалостно и постыдно задушены и убиты.

Когда привели ихъ на мѣсто казни, они нашли себѣ утѣшеніе въ словѣ Божіемъ, пѣли нѣкоторые псалмы слезливымъ и

жалобнымъ голосомъ, безпрестанно призывали Бога, чтобы Онъ простилъ ихъ грѣхи и даровалъ блаженную кончину. Великій Князь и Москвитяне смѣялись надъ ними, взяли дѣвушекъ и опозорили ихъ: этѣ не могли спасти себя ни слезами, ни просьбами, ни мольбами, по тому что безчеловѣчный тиранъ находилъ въ томъ забаву себѣ; съ обоими сыновьями, Иваномъ и Ѳедоромъ, стоялъ и смотрѣлъ весь день, какъ мучили плѣнниковъ; однако жь младшій сынъ, съ нѣсколькими знатными Боярами, не могъ дольше смотрѣть на такія неправедныя и страшныя дѣла: можетъ быть, имъ жалко стало несчастныхъ, плачущихъ и стонающихъ, и они вернулись въ городъ. Въ рѣкѣ Неглинной были вбиты сваи и на нихъ построены мосты: тамъ стояли гнусные палачи и рабы Великаго Князя и ломали у одного за другимъ изъ плѣнниковъ коленки желѣзными ломами, чтобы они скорѣе валились въ рѣку и тонули.

Теперь надобно было казнить нѣкоторыхъ очень красивыхъ дѣвушекъ изъ Дворянскаго званія, и хотя нѣсколько знатныхъ Бояръ предлагали внести за нихъ большую сумму денегъ, плѣнницы, однако жь, не были освобождены, не смотря на большую жадность тирана къ деньгамъ. Дѣвушки обнаруживали нетерпѣніе, проклинали Великаго Князя, укоряли его въ жестокихъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ и обхожденіи съ ними, плѣнными, вопреки всякому военному праву, равно какъ и во всѣхъ плутовскихъ его дѣлахъ, какія только случаются на свѣтѣ, потомъ призывали Небеснаго Бога, чтобы Онъ, по Своему правосудію, отмстилъ причиненную имъ неправду и постыдное злодѣйство.

Это взбѣсило Великаго Князя: онъ велѣлъ употребить другія, ужаснѣйшія муки и истязанія: однѣ были брошены въ воду, другихъ терзали мучительными орудіями. Но въ дѣвушкахъ дѣйствовалъ Святой Духъ, высшій утѣшитель во всякой скорби, и показалъ Свою силу въ ихъ немощи: онѣ переносили все съ терпѣніемъ и уговаривали другъ друга стойко сносить и выдерживать страданія и смерть, ради Господа Іисуса. Потомъ палачи взяли печальныхъ дѣвицъ и сжали имъ руки и ноги между двумя, связанными вмѣстѣ веревкою, досками и брусьями, били ихъ кнутьями, вырѣзывали у нихъ лядвеи, чтобы болѣе продолжить муки. Въ такихъ мученіяхъ бѣдныя дѣвушки все призывали имя Господа

Іисуса, утоляли тѣмъ свои жестокія страданія и благодарили Его за то, что могли перенести ихъ съ такимъ великимъ терпѣніемъ, не только не ужасались этѣхъ мукъ, но еще смиренно молили Бога простить имъ грѣхи, и не переставали постоянно укорять тирана за его ожесточенную злобу, гнусное лицо, жестокій нравъ, страшный голосъ и суровое правленіе и поступки. А онъ дивился такой твердости дѣвицъ и думалъ, какъ бы еще сильнѣе помучить ихъ, по тому что ему было очень досадно, что онѣ такъ терпѣливы и тверды среди великихъ мукъ и истязаній: тѣмъ терпѣливѣе онѣ сносили, тѣмъ больше онъ велѣлъ ихъ мучить.

Услыхавъ, что они прославляли и призывали въ мученіяхъ Господа Іисуса, порочили и поносили Великаго Князя, онъ велѣлъ отрѣзать имъ языки. Но дѣвушки тѣмъ болѣе призывали своего Бога сердцемъ и душою и, будучи не въ состояніи говорить, давали, однако жь, понять глазами и видомъ, что безбожный тиранъ причиняетъ имъ насиліе и несправедливость, и за то получитъ свое воздаяніе.

Еще несытый ихъ мученіями, Великій Князь велѣлъ воткнуть мертвыя тѣла на раскаленныя вертела, потомъ побросать ихъ на большіе костры и, разведя огонь, сжечь, а пепелъ кинуть въ рѣку. Онъ приказалъ умертвить и всѣхъ другихъ плѣнниковъ и покидать ихъ съ мостовъ въ воду.

Съ такимъ же отважнымъ, безстрашнымъ и бодрымъ духомъ были нѣкоторыя женщины и дѣвицы въ городѣ Вейсенштейнѣ, когда Великій Князь взялъ это мѣсто и велѣлъ погубить ихъ жалкою смертію. На это написаны слѣдующіе стихи:

Двѣ женщины, еще одна дѣвица,
Взяты были тираномъ неповинно,
Мужчины раздѣляли ихъ неволю,
Онъ приказалъ подвергнуть плѣнныхъ мукамъ,
И для того разжечь костры большіе,
Чтобы на нихъ онѣ до тла сгорѣли.
Когда же подошла къ костру дѣвица,
Безстрашная, сказала смѣло Князю:
«Жестокій, ты стоишь, и съ наслажденьемъ,
Любуешься страданьями несчастныхъ.

Не предавай же словъ моихъ забвенью:
Какъ явится на Страшный судъ Сынъ Божій,
И скажетъ приговоръ Свой правосудный,
И станешь ты на лютыя мученья,
Я, вмѣстѣ съ этѣми дѣтьми Живаго Бога,
Тебя въ рукахъ мучителей увижу,
И весело мнѣ будетъ любоваться,
На казнь твою и вѣчное страданье.»
Окончивъ рѣчь, невинная дѣвица,
Пошла на казнь съ смиреніемъ высокимъ,
И умерла потомъ — для вѣчной жизни,
Какъ исповѣдница Святой и правой вѣры.

Этѣхъ твердыхъ и богобоязливыхъ женщинъ и дѣвицъ, съ полною справедливостью, можно уподобить святымъ и непоколебимымъ дѣвамъ мученицамъ: Бландинѣ, Доротеѣ и той женщинѣ въ книгахъ Маккавейскихъ, которая утѣшала и услаждала словомъ Божіимъ своихъ семерыхъ сыновей, жалостно, но невинно, замученныхъ тираномъ Антіохомъ.

Одержавъ большую побѣду въ Ливоніи, завоевавъ въ этой странѣ много крѣпостей и городовъ, и взявъ Полоцкъ, Казань, Астрахань и многія другія области, Великій Князь хотѣлъ попытать счастья и со Шведами: собралъ большое войско, отправилъ его въ Финляндію и осадилъ Выборгъ; но знаменитый Государь, Король Густавъ Первый, заставилъ его бѣжать оттуда, сломя голову, такъ что онъ принужденъ былъ бросить большую часть своего войска и заключилъ потомъ миръ съ большою для себя невыгодою. Однако жь, по смерти Короля онъ опять попыталъ счастья съ сыномъ его, высокопочтеннымъ Королемъ Іоанномъ, но получилъ столько же прибыли отъ сына, сколько и отъ отца, и потерялъ нѣсколько городовъ и крѣпостей въ Россіи и Ливоніи, которыми завладѣлъ было прежде.

Когда тиранъ не велъ ни какой войны съ сосѣдними Королями и, при всемъ своемъ желаніи, не могъ дѣлать жестокостей надъ ихъ подданными, онъ измѣнялъ образъ дѣйствій: начиналъ войну съ своими собственными подданными, терзалъ ихъ разными истязаніями и муками, успокоивался и стихалъ не прежде, пока не лишалъ ихъ жизни, всякаго счастія, женъ, дѣтей и всего со-

стоянія. Ему очень досадны были толки про него, что онъ не остался вѣренъ старинным нравамъ и хорошимъ обычаямъ своего отца и отечества.

За такія рѣчи велѣлъ онъ погубить жалкою смертію одного изъ своихъ знатныхъ совѣтниковъ, Димитрія Occinium, разсудительнаго и благочестиваго Боярина, который не могъ терпѣть великаго распуства, безстыдныхъ и нечестивыхъ тонкостей тирана, до того сладострастнаго и развратнаго, что даже не прочь былъ отъ сластолюбія эротическихъ утѣхъ и противъ самой природы, какъ говоритъ слѣдующій стихъ:

«Et Venus in vinis ignis in igne furit.»

За это Бояринъ сдѣлалъ выговоръ одному мальчику Дворянскаго званія, съ которымъ Великій Князь удовлетворялъ свою неестественную похоть: это стало очень досадно мальчику, и онъ пожаловался Великому Князю. Но этотъ, названный нами Occinius, былъ въ большомъ уваженіи у простаго народа: Великій Князь не смѣлъ наложить на него рукъ такъ явно, какъ бы ему хотѣлось, а по тому и не подавалъ ни какого вида Боярину до удобнаго времени. Въ одинъ большой праздникъ Князь, пригласивъ его въ гости, съ нѣсколькими другими своими совѣтниками и офицерами, угощалъ ихъ виномъ и медомъ. Когда всѣ они подпили, онъ велѣлъ поднести тому Боярину большой кубокъ съ виномъ и выпить его разомъ, за здоровье Великаго Князя, какъ обыкновенно водилось у нихъ. Этотъ не могъ выпить кубка вдругъ; тогда Князь придрался къ тому, укорялъ его въ измѣнѣ и пренебреженіи къ его Великокняжеской власти. «Такъ то ты дорожишь моимъ здоровьемъ, говорилъ онъ: такъ то желаешь мнѣ добра! Вижу въ этомъ твою преданность ко мнѣ. Но за то, что ты здѣсь не хочешь выпить этого кубка за мое здоровье, ступай въ мой погребъ, и пей тамъ разные напитки, сколько душѣ угодно!» Когда онъ пришелъ туда, его въ ту же минуту жалостнымъ образомъ заколо и убійцы.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія, Великій Князь послалъ къ женѣ убитаго и велѣлъ сказать, чтобы мужъ ея явился къ нему, будто ничего не знаетъ объ его смерти. Она отвѣчала,

что не видала его съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ послѣдній разъ со двора, да ей и не привелось больше увидать его!

Такимъ образомъ онъ велѣлъ умертвить и сбыть съ рукъ многихъ знатныхъ Бояръ и Дворянъ, и никто не смѣлъ что ни будь сказать объ этомъ: боялись, что и съ ними будетъ не тѣмъ не лучше, если станутъ что либо говорить о такихъ дѣлахъ; наконецъ Патріархъ условился съ Митрополитомъ, Архіереями и монахами; всѣ они собрались съ духомъ и пошли къ нему: они и самые знатные Бояре и Князья просили и умоляли его со всѣмъ смиреніемъ прекратить такія ужасныя жестокости и не губить безвинно такою жалкою смертію своихъ вѣрныхъ слугъ, которые заслуживали всего хорошаго, за ихъ усердную службу.

Благодаря этой просьбѣ и увѣщанію, онъ нѣсколько смягчился, опасаясь, чтобы не поднять возмущенія противъ себя; однако жь все таки придумывалъ, какъ бы поудобнѣе отплатить и воздать Боярамъ и Князьямъ за взятые ими на себя труды и старанія, и окружилъ себя сильною стражей изъ нѣсколькихъ тысячъ драбантовъ, которые всегда должны были оберегать его. Они походили на него жестокостью и свирѣпствомъ, по тому что какое бы злодѣйство онъ ни приказывалъ имъ, они исполняли это вдвое свирѣпѣе и злобнѣе: каковъ былъ попъ, таковъ и приходъ; Qualis Rex, talis grex; qualis servus, talis dominus.»

Чтобы все было неожиданно, онъ позвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ Бояръ, совѣтниковъ и офицеровъ, и сказалъ имъ, что ослабѣлъ, усталъ и не можетъ дольше заниматься трудными дѣлами правленія, хочетъ ити въ монастырь и постричься въ монахи; наконецъ передалъ правленіе главнымъ Боярамъ и своимъ двоимъ сыновьямъ, усердно упрашивая ихъ взять на себя попеченіе и заботы о счастіи отечества, и наблюдать, чтобы не причинялось ни какого вреда общему благу, подъ страхомъ отвѣтственности предъ Богомъ и передъ нимъ. Когда случатся очень важныя и трудныя дѣла, они должны увѣдомлять его о томъ, а онъ будетъ давать свои совѣты. Послѣ того удалился изъ Москвы въ Александровскую слободу (Alexander Slaboda), въ 18-ти миляхъ оттуда.

Этотъ новый поступокъ очень опечалилъ Бояръ и простой народъ: они имѣли совѣщаніе, и положили отправить къ Великому

Князю главныхъ Бояръ, со всеподданнѣйшею просьбою, чтобы онъ опять взялъ на себя Великокняжеское правленіе и не покидалъ отечества и своихъ подданныхъ.

Пришедши туда, они не добились другаго отвѣта, кромѣ того, что онъ ни подъ какимъ видомъ не приметъ правленія, намѣренъ выѣхать изъ страны совсѣмъ, или на самые крайніе предѣлы своего Великаго Княжества, и никогда не будетъ видѣть измѣнниковъ; при этомъ приказалъ снять съ нихъ все платье и нагишомъ отослалъ ихъ назадъ въ Москву. Но Москвитянъ привелъ онъ въ большое смущеніе: они не удовольствовались тѣмъ, отправили къ нему другихъ пословъ духовнаго и свѣтскаго званія, которые со всѣмъ смиреніемъ должны были уговаривать и упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ, а принялъ опять, правленіе.

Когда же они прибыли туда и допущены къ нему, онъ заговорилъ съ ними горячо, ругалъ ихъ измѣнниками и вѣроломными людьми, но наконецъ далъ согласіе и склонился на ихъ великія просьбы и сильныя настоянія опять взять землю подъ свою руку, только съ уговоромъ, чтобы жители во всей странѣ снова присягнули ему и поклялись ни какъ не ослушаться его приказаній. Послы обѣщали, за всѣ сословія и всѣхъ подданныхъ, что будутъ оказывать ему покорность и слушаться его во всемъ.

Послѣ того Великій Князь опять отправился въ Москву съ своей большою стражей; но въ головѣ у него было не то, какъ бы содѣйствовать общему благу и нажить себѣ отъ того честь и славу, а какъ бы лишить жизни большую часть своихъ подданныхъ, духовнаго и свѣтскаго, высшаго и низшаго, званія, лишить ихъ имѣнія, движимаго и недвижимаго, и всякаго счастія. Онъ сталъ опять неистовствовать и свирѣпствовать въ странѣ жестокимъ и ужаснымъ образомъ, и это началъ съ Князя Ростовскаго: велѣлъ схватить его въ церкви, связать веревками и сковать, а потомъ отрубить ему голову, трупъ бросить въ воду, а голову принести къ себѣ. Онъ посмотрѣлъ на нее, взялъ въ руки и сказалъ: «Когда онъ былъ въ живыхъ, голова эта очень жадна была до крови, а когда умеръ, ее надобно вдоволь напоить водой», бросилъ ее на землю, топталъ ногами и велѣлъ кинуть въ рѣку. Послѣ

того онъ взялъ до сотни служителей невиннаго человѣка, велѣлъ ихъ жалостнымъ образомъ умертвить и также бросить въ рѣку къ ихъ барину.

Въ 1568 году, предпринявъ войну съ Польскимъ Королемъ, Сигизмундомъ Августомъ, и находясь съ войскомъ въ Великихъ Лукахъ, онъ поручилъ начальство въ Москвѣ одному знатному Боярину, по имени Ивану Петровичу. Но его управленіе не понравилось всѣмъ: изъ зависти и ненависти нѣкоторые напрасно обнесли и оклеветали его Великому Князю, будто бы онъ хотѣлъ выгнать его и силою овладѣть правленіемъ. Воротившись изъ похода въ Москву, Великій Князь велѣлъ привести его къ себѣ и спросилъ, за чѣмъ онъ замышлялъ такое дѣло? Тотъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ и хотѣлъ оправдываться, однако жь это ни сколько не помогло: все, что ни скажетъ Великій Князь, должно было считаться правдой; онъ велѣлъ ему снять съ себя платье, надѣть на него Царскую багряницу, дать въ одну руку скипетръ, а на голову положить Царскій вѣнецъ: дрожа и вздыхая, онъ долженъ былъ сидѣть на высокомъ стулѣ и вспомнилъ пословицу: «Сладкія слова недруга — копья, мечи и пагуба.» Обернувшись къ нему, Великій Князь сказалъ: «Не робѣй, непобѣдимый Всероссійскій Царь; вотъ я пожаловалъ тебя Царскимъ величіемъ, котораго ты долго искалъ, только царствовать-то тебѣ не долго.» Не сказавъ больше ни слова, онъ прокололъ нѣсколько разъ сердце его длиннымъ ножомъ; окружающіе Дворяне и стрѣльцы взяли убитаго Боярина и также вонзили въ него свои длинные ножи, такъ что его сердце, кишки и всѣ внутренности вывалились на полъ, потомъ потащили его на площадь и жалостно изрубили тамъ въ куски; они не оставили въ живыхъ ни одного человѣка и изъ его домашнихъ, даже ни одного животнаго. Три тысячи его служителей, съ ихъ друзьями и родными, всѣ погибли горькою смертію; все имѣніе его, люди, рогатый скотъ и лошади были расхищены, домы сожжены, крестьяне, съ женами и дѣтьми, перебиты, разсѣяны и разогнаны. Его жена, бывшая тогда беременною, и дочери сначала опозорены палачами, а потомъ изрублены въ куски.

Точно такъ же поступилъ онъ съ своимъ Канцлеромъ, Казариномъ Дубровскимъ (Dobrouski), обвиненнымъ въ большомъ небреженіи и недѣятельности, по тому что во время войны съ Ливоніей,

онъ слишкомъ поздно поставилъ на мѣсто большую пушку: за это онъ осужденъ заочно на смерть съ двумя его сыновьями; но какъ легко могъ оправдаться, то находился у себя дома. Великій Князь приказалъ привести его къ себѣ, съ двумя сыновьями, изъ дому, гдѣ онъ сидѣлъ за столомъ и обѣдалъ: его тотчасъ же изрубили въ мелкіе куски и бросили въ колодязь на дворѣ его дома. Третій сынъ Канцлера былъ гдѣ-то въ гостяхъ въ городѣ. Узнавъ, что случилось съ его отцомъ и братьями, онъ не смѣлъ воротиться домой, или показаться въ люди, но тайно скрылся и цѣлый годъ таился, гдѣ могъ; объ этомъ донесли Великому Князю, и Княжескіе разсыльные отыскали его и привели къ Государю, а этотъ отдалъ его въ руки палача, который привязалъ его къ 4-мъ колесамъ и разстерзалъ на 4 части.

Великій Князь самъ выдумалъ эту казнь, которая совершалась такимъ образомъ: новыми пеньковыми веревками, длиною въ 15-ть аршинъ, привязывали руку человѣка въ кисти и въ плечѣ къ колесу, другую къ другому; одну ногу, въ пяткѣ и выше колѣна, къ третьему, другую къ четвертому. Каждую веревку должны были тащить 15 сильныхъ молодцовъ изо всей силы, такъ что раздирали человѣка на 4 части. При этомъ зрѣлищѣ бывалъ самъ Великій Князь, давалъ наставленія палачамъ, какъ надобно дѣлать, хвалилъ ихъ труды и старанія, смѣяся отъ души. То же дѣлали и всѣ окружающіе, въ угодность Великому Князю, и не обнаруживали ничего другого, кромѣ того, что такое его дѣло похвально, честно и справедливо. Если же окажется кто нибудь, который вздохнетъ, заплачетъ, выскажетъ себя тѣлодвиженіемъ, или душевнымъ волненіемъ, тотъ подвергался такой же опасности и бѣдѣ.

У него были свои соглядатаи и вѣстовщики, тщательно развѣдывавшіе между женщинами, что говорятъ онѣ про Великаго Князя: если же откроютъ и поймаютъ такую, у которой очень длиненъ языкъ и изъявлявшую неудовольствіе на злодѣйства Великаго Князя, ее тотчасъ же связывали, выводили на дворъ и безъ пощады и сожалѣнія либо вѣшали, либо рубили въ куски. Замужнія женщины, въ чемъ ни будь согрѣшившія и провинившіяся передъ нимъ, вѣшались надъ столами, за которыми обѣдали ихъ мужья: этѣ послѣдніе не должны были обѣдать нигдѣ въ дру-

гомъ мѣстѣ, пока висятъ надъ столами ихъ жены, нарушители того наказывались самою позорною смертію. Женщины должны были тамъ висѣть до тѣхъ поръ, пока мужья не вымолятъ у Государя великими просьбами и ходатайствомъ позволенія похоронить смердящія тѣла.

Когда во время разныхъ поѣздокъ его по странѣ, изъ города въ городъ, попадались ему на дорогѣ женщины и дѣвицы, онъ приказывалъ раздѣвать ихъ до нага: такъ и должны были онѣ стоять совсѣмъ нагія въ снѣгу на дорогѣ, пока не проѣдетъ онъ мимо ихъ, со всею своею челядью, по тому что у него было въ обычаѣ потѣшать и забавлять такою картиной зрѣніе его придворныхъ, межъ тѣмъ какъ другіе честные люди совѣстятся смотрѣть на то, чего не велитъ показывать природа.

Случилось однажды, что Великій Князь положилъ большую опалу на одного знатнаго Боярина, по имени Семена Wesesly, за то, что у него была очень красивая жена, которая очень полюбилась Князю. Онъ велѣлъ ее, вмѣстѣ съ служанкою, насильно привести во дворецъ, имѣлъ съ ней блудъ и держалъ у себя три недѣли. Досыта натѣшившись этою женщиной, со всѣмъ своимъ сладострастіемъ, онъ наскучилъ ею, не могъ даже терпѣть ее: велѣлъ съ служанною отвести домой и повѣсить въ воротахъ. Мужъ ея и вся домашняя челядь должны были 14-ть дней входить и выходить въ этѣ ворота, пока, благодаря сильному ходатайству, ее не сняли и не похоронили въ землѣ.

Этѣ гнусные поступки и безбожныя жестокости заставили знатнѣйшихъ Князей, Бояръ и Дворянъ страны умолять Великаго Князя, чтобы онъ милостиво прекратилъ такой гнусный и жестокій образъ дѣйствій, показалъ милость и состраданіе къ своимъ вѣрноподданнымъ и пощадилъ жизнь невинныхъ, всегда исправлявшихъ для него трудную и вѣрную службу и покорныхъ ему, но пусть казнитъ и истребляетъ, точно негодную траву, виноватыхъ и своихъ противниковъ, также сдѣлавшихъ грубыя злодѣйства. Этѣ ихъ просьбы и смиренныя мольбы принесли имъ такую же прибыль, какъ собакѣ трава: всѣхъ ихъ, одного за другимъ, онъ велѣлъ тайно умертвить и удавить.

Въ другихъ исторіяхъ читаемъ про другихъ тирановъ, что когда имъ сильно хотѣлось человѣческой крови, они упражнялись въ жестокости надъ врагами, а не надъ вѣрными подданными. Но этотъ Великій Князь дѣлалъ то и другое, и находилъ особенное удовольствіе и забаву, когда могъ свирѣпствовать противъ собственныхъ подданныхъ. Разскажемъ не много, какъ жалко и ужасно поступилъ онъ съ жителями Новагорода, Пскова, Твери и Москвы, и съ какимъ утонченнымъ лукавствомъ и ловкостью расправился съ ними.

На Новгородцевъ напалъ онъ прежде, чѣмъ они узнали объ этомъ, по тому что всѣ дороги и тропинки велѣлъ объѣзжать своимъ воинамъ, рубить и грабить всѣхъ горожанъ и простолюдиновъ, какіе ни попадутся имъ изъ города, такъ что ни одна живая душа не могла принести извѣстія объ его приходѣ, и его войска имѣли возможность ворваться съ всею силою въ городъ. Граждане пришли въ великій трепетъ и ужасъ, до того, что совсѣмъ не могли обороняться, отъ робости и малодушія сдались и просили пощады.

Но когда пощады и милосердія не было видно, бѣдные, трепещущіе люди спрятались въ церквахъ, монастыряхъ и погребахъ, гдѣ только нашли возможность. Малюта Скуратовъ, наглый тиранъ и начальникъ княжескихъ тѣлохранителей, напалъ на нихъ съ своею братіей и Татарами и вывелъ ихъ на Божій свѣтъ для бойни; не было ни жалости, ни пощады. Они не щадили ни высшаго, ни низшаго званія, ни мущинъ, ни женщинъ, ни молодыхъ, ни старыхъ, рубили людей и животныхъ, позорили служанокъ и благородныхъ дѣвицъ, дѣтей и грудныхъ младенцевъ сажали на длинныя копья и сѣкиры, и не прежде прекратили свои неистовства, пока не погубили 2770 человѣкъ. Лучшіе граждане города заперлись въ Думѣ: оттуда брали ихъ по одиначкѣ, рубили въ куски и бросали въ рѣку.

Монахи и священники бѣжали въ церкви и монастыри, однако жь, это не помогло: они также должны были итти къ раздѣлкѣ, по тому что ни просьбы, ни вѣра, ни духовный санъ не могли удержать жестокихъ палачей и негодяевъ отъ задуманнаго убійства: всѣмъ надо было плясать по ихъ дудкѣ. Одинъ Митро-

политъ былъ пощаженъ и оставленъ въ живыхъ: чтобы изъявить свою благодарность и сколько ни будь отплатить Великому Князю за его милость, онъ пригласилъ его въ гости къ себѣ. Пришедши къ нему, Великій Князь велѣлъ своимъ злымъ палачамъ, чтобы они, во время его обѣда, убили остальныхъ монаховъ и поповъ, сколько ихъ ни было въ городѣ, взяли все, что ни найдутъ въ церквахъ и монастыряхъ, деньги, серебро, золото, жемчугъ и драгоцѣнные камни, и спрятали въ его казначействѣ. Малюта тотчасъ же собрался съ тѣлохранителями, весело и поспѣшно схватилъ оружіе: они стали убивать съ великой злобой, такъ что жалко было смотрѣть.

Когда обѣдъ кончился и все, что приказалъ онъ сдѣлать до обѣда, было исполнено, онъ отнялъ у Митрополита его платье, деньги, золото, жемчугъ, серебро и всѣ запасы, велѣлъ палачамъ отвести его въ застѣнокъ и мучить тамъ плачевнымъ образомъ, чтобы онъ признался и сказалъ, куда онъ и монахи спрятали лучшія свои драгоцѣнности и пожитки? Когда это было исполнено, онъ велѣлъ привести его опять къ себѣ и сказалъ ему: «Тебѣ ужь будетъ исправлять духовную должность и жить въ цѣломудріи безъ жены. Теперь я сдѣлаю тебя мірянином, и дамъ тебѣ жену.» Онъ тотчасъ же велѣлъ привести бѣлую кобылу и сказалъ: «Господинъ Митрополитъ, возьми ее и пользуйся ею вмѣсто жены!» потомъ приказалъ посадить его на кобылу, въ старомъ, изорванномъ платьѣ, провести съ палачомъ по городу, въ знакъ особеннаго поруганія и позора, а послѣ того отправить на той же кобылѣ въ Москву и бросить въ самую плохую темницу, гдѣ онъ и умеръ въ бѣдственномъ положеніи.

Послѣ этого происшествія привели къ Великому Князю одного богатаго горожанина и купца, по имени Ѳедора Семенова, который забился въ потаенный уголъ отъ его жестокости. Онъ велѣлъ связать его новой пеньковой веревкой, нѣсколько часовъ опускать въ воду и опять вынимать изъ нея. Великій Князь спросилъ его, что видѣлъ онъ въ водѣ въ такое долгое время? «Всемилостивѣйшій Великій Князь, сказалъ купецъ: я видѣлъ, что въ этой рѣкѣ, Волховѣ, собрались всѣ черти, сколько ихъ ни было въ озерахъ Ильменѣ, Ладогѣ и въ Балтійскомъ морѣ, и замышляли взять у тебя душу и отвести ее въ

преисподнюю.» Ты сказалъ правду, отвѣчалъ Князь, я помилую тебя за это видѣніе», и тотчасъ же приказалъ его вывесть вонъ, опустить въ кипятокъ его руки и ноги и варить до тѣхъ поръ, пока не скажетъ, куда спряталъ свои деньги и запасы, по тому что это былъ богатый человѣкъ, построившій на свой счетъ два монастыря. Отъ того, что его мучили такъ ужасно и безъ всякой пощады варили и кипятили, онъ признался, что въ особенномъ мѣстѣ было у него спрятано и зарыто 30 тысячъ талеровъ монетою. Великій Князь былъ доволенъ этѣмъ и не велѣлъ его больше мучить, а вмѣстѣ съ братомъ его, Алексѣемъ, изрубить въ куски и бросить въ рѣку.

Поступивъ съ Новгородомъ на всей своей волѣ и хотѣніи, Великій Князь отправился оттуда и повелъ свое войско въ Псковъ (Plesskovv), съ намѣреніемъ точно также поступить и съ Псковитянами.

Весь городъ стономъ стоналъ отъ плача рыданій объ этомъ плачевномъ и постыдномъ убійствѣ въ Новгородѣ: жители не могли уняться отъ слезъ и рыданій.

Когда Великій Князь прибылъ туда, всѣ они, малые и большіе, мужчины и женщины, вышли къ нему на встрѣчу, припали лицомъ къ землѣ, просили о милосердіи, поставили на всѣхъ улицахъ передъ домами хлѣбъ и соль и привѣтствовали его: «Они принадлежатъ ему съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ; у нихъ нѣтъ ничего своего, а все его; пусть онъ приметъ это въ угоду себѣ; они его слуги, рабы, подданные, готовы пожертвовать для него жизнью и всѣмъ, что имѣютъ; пусть дѣлаетъ съ ними, что ему угодно: они не скажутъ противъ того ни слова.»

Гнѣвъ его нѣсколько стихъ при такомъ смиреніи, великихъ мольбахъ и покорности; тамъ онъ ужь не неистовствовалъ такъ страшно, какъ въ Новгородѣ; однако жь велѣлъ ограбить нѣсколькихъ богатѣйшихъ горожанъ, монаховъ и поповъ, потомъ изрубить ихъ въ куски и бросить въ рѣку.

Послѣ того пошелъ въ Тверь, и производилъ тамъ тѣ же жестокости, какъ и въ Новгородѣ: знатнѣйшихъ людей въ городѣ велѣлъ сажать въ темницу, позорить ихъ женъ и дѣвицъ; богатѣй-

шихъ горожанъ либо изгонялъ изъ города, либо приказывалъ убивать и отнималъ у нихъ имущество; нѣкоторыхъ женщинъ тоже убивалъ, а другихъ велѣлъ мучить, чтобы онѣ указали сокровища своихъ мужей. Весь городъ былъ въ унынiи и горько плакалъ. Напослѣдокъ велѣлъ. безъ всякаго милосердiя, умертвить 19 Татарскихъ Мурзъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ и содержавшихся тамъ въ заключенiи. Но этѣ Татары взялись сначала за свои длинные ножи, которые тайно носили при себѣ, и закололи многихъ палачей съ ихъ набольшимъ, Малютой Скуратовымъ: это былъ убiйца множества людей, и теперь долженъ былъ умереть отъ Татаръ. Съ нимъ случилось то же, что онъ дѣлалъ другимъ, и получилъ тою же мѣрой, какою мѣрялъ самъ. Однако жь это не помогло Татарамъ; ихъ одолѣли превосходствомъ числа и изрубили въ куски, которые потомъ покидали въ рѣку.

Наконецъ онъ велѣлъ высѣчь розгами и кнутьями своего придворнаго Секретаря, Аѳанасiя Вяземскаго (VVesomski), котораго совѣтами часто пользовался въ очень важныхъ дѣлахъ и прежде многiе годы благоволилъ къ нему; велѣлъ выломать ему руки и ноги, и напослѣдокъ посадить на колъ, пока не умретъ: все это было ему за то только, что одинъ изъ придворныхъ, врагъ его, наговорилъ Великому Князю, будто бы онъ предостерегалъ жителей города, чтобы они убирались изъ него до прихода Великаго Князя, если только не хотятъ умирать.

Его жена, сыновья и дочери, рабы и служанки и вся его челядь, въ числѣ 60-ти человѣкъ, тоже были казнены, чтобы изъ этого проклятаго рода не оставалось никого, который бы могъ сдѣлать такую измѣну.

Послѣ того онъ отправился въ Москву, ѣхалъ все съ жестокими замыслами, и велѣлъ на площади города поставить 18 висѣлицъ. Потомъ принесли туда разныя орудiя, выдуманныя для мученiя и истязанiя людей, развели огонь, поставили на него котлы и сковороды, кипятили воду, такъ что ужасно было смотрѣть.

Весь городъ трепеталъ: многiе граждане убѣжали и спрятались, гдѣ могли. Когда все было приготовлено, прибылъ на площадь изъ крѣпости Великiй Князь съ своими тѣлохранителями,

палачами и убійцами, и занялъ вооруженными людьми всѣ улицы и переулки, чтобы ему былъ просторъ и ничто не мѣшало бы смертоубійствамъ.

Онъ выбралъ одинъ праздникъ для такого жестокаго дѣла, и велѣлъ приготовить обѣдъ въ нѣкоторыхъ домахъ для простаго народа, а въ Думѣ для Князей и думныхъ Бояръ, располагая отравить напитки и такимъ образомъ тайно казнить гостей, чтобы никто не узналъ того, а ему тѣмъ удобнѣе было ограбить и опустошить городъ. Но какъ никто не приходилъ, онъ самъ поѣхалъ верхомъ взадъ и впередъ по городу, и уговаривалъ гражданъ не падать духомъ и не бояться, думая выманить ихъ ласковыми словами. Однако жь никто не хотѣлъ ему вѣрить: всѣ притихли и оставались въ великомъ ужасѣ и страхѣ. Они все еще помнили убитыхъ и изрубленныхъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Твери, также и то, что лютой его тираніи не было ни конца, ни предѣловъ.

Наконецъ они посовѣтовались между собою и отправили къ нему нѣсколькихъ дряхлыхъ стариковъ испытать его милосердіе. Когда эти послы воротились назадъ и принесли добрую вѣсть, что Великій Князь оказался совершенно милостивымъ, простой народъ началъ исподоволь выходить, такъ что стеченіе его становилось часъ отъ часу больше: на площади уже не находили мѣста и влѣзали на кровли.

Тогда Великій Князь вышелъ къ народу и сказалъ: «Любезные подданные! Этотъ день насталъ нынѣ для васъ къ радости и счастію; по тому что хотя всѣ вы вмѣстѣ и осуждены на смерть, однако жь я рѣшился въ этотъ часъ оказать вамъ всю милость и благоволеніе и даровать жизнь. Но я велю, впрочемъ, привести сюда измѣнниковъ мнѣ и странѣ, наказать ихъ и сдѣлать имъ заслуженную награду.» Этою рѣчью хотѣлъ онъ провести простой народъ и убѣдить его, чтобъ онъ не думалъ худо объ его зломъ замыслѣ, но одобрилъ бы его предпріятіе. Для того и выпустилъ 200 плѣнныхъ, и велѣлъ имъ ити, кому куда угодно.

Послѣ того онъ принялся за преднамѣренныя убійства и велѣлъ своему Секретарю прочитать имена тѣхъ, которые внесены были у него въ списокъ и должны были умереть теперь: въ чи-

слѣ ихъ былъ и его Канцлеръ, Иванъ Михайловичъ Висковатый, сдѣлавшій много добра странѣ и вѣрно служившій ему.

Этотъ Канцлеръ былъ первый приведенъ на это позорище: его обвиняли въ измѣнѣ, что будто онъ сговаривался съ Королемъ Польскимъ, съ Турками и Татарами, писалъ къ нимъ тайныя письма, призывалъ ихъ въ свою землю брать крѣпости, убивать народъ, разорять и губить Государство мечемъ и огнемъ: теперь ему слѣдовало понести наказаніе.

Однако жь Канцлеръ, невинный во всѣхъ этѣхъ дѣлахъ, отвѣчалъ свободно и неустрашимо и укорялъ Великаго Князя, какое множество Бояръ обвинилъ онъ несправедливо въ томъ, будто они искали его верховной власти, и тайно казнилъ ихъ безъ всякой вины, сколько погубилъ невинныхъ подданныхъ, опозорилъ и истребилъ женщинъ и дѣвицъ.

Великій Князь, сильно озлобившись и осердясь на это, велѣлъ его тотчасъ же казнить и каждому изъ своей придворной челяди отрѣзать у него кусокъ тѣла. Всѣ подбѣжали къ наказанному: одинъ отрѣзалъ у него правое ухо, другой лѣвое, третій губы, четвертый палецъ, и такимъ образомъ всѣ его члены: онъ терпѣлъ большія страданія и муки.

Наконецъ подбѣжалъ къ нему одинъ Писарь и отрѣзалъ у него причинное мѣсто, отъ чего онъ сей часъ же и умеръ. Великій Князь обратился къ этому Писарю и сказалъ: «Ты тоже зналъ о заговорѣ противъ меня, по тому что сдѣлалъ великую милость измѣннику, чтобы ему поранѣе отдѣлаться отъ мукъ и поскорѣе умереть: за это ты или съѣшь, что отрѣзалъ, или такъ же умри, какъ и онъ!» Видя передъ глазами смерть и не находя другаго средства, Писарь перепугался, съѣлъ дѣтородныя части Канцлера, и такимъ образомъ спасъ себѣ жизнь. Послѣ того Великій Князь приказалъ отсѣчь голову Канцлеру и изрубить все его тѣло. У жены его онъ отнялъ все имущество и сослалъ ее въ монастырь, сына отправилъ въ ссылку; всѣ служанки его были опозорены.

Въ то же самое время велѣлъ онъ привести на площадь своего Казначея и Конюшаго: ихъ привязали къ двумъ столбамъ и

обливали, одного за другимъ, то горячей, то холодной, водой, такъ что у обоихъ слѣзли волосы и кожа: такой невыразимой мукой замучили ихъ до смерти.

Тотчасъ послѣ того привели его главнаго повара, отрѣзали у него дѣторолныя части, и изрубили его въ мелкіе куски.

Потомъ казнили нѣсколькихъ думныхъ Бояръ, привели изъ тюрьмы 200 Дворянъ на площадь, и жалкимъ образомъ изрубили невинныхъ. Вдоволь насытившись въ этотъ день кровью, Великій Князь поѣхалъ опять въ Кремль, и по дорогѣ туда посѣтилъ жену казненнаго Казначея, находившуюся въ горькомъ унынiи и отчаяніи. Онъ велѣлъ взять ее, связать тонкою веревкою изъ крѣпкихъ волосъ, укрѣпленною между двумя стѣнами, и до тѣхъ поръ таскать ее и дергать палачамъ изъ стороны въ сторону, пока не пошла кровь, не отвалилось мясо, даже видны стали голыя кости, и она выказала все, что у ней было. Этѣ мученія оплакивала дочь ея, жалобно рыдая и дрожа; это надоѣло Великому Князю: онъ тотчасъ же велѣлъ казнить и ее, какъ мать. Но дѣвушка была красива и статна, да и не старѣе 15-ти лѣтъ: сынъ Великаго Князя, Иванъ, просилъ отца подарить ему ее, отецъ исполнилъ это, и она была освобождена, благодаря только этому средству.

На третій день послѣ того, онъ велѣлъ вынести изъ города всѣ трупы, и бросить ихъ въ ручей. Но этого было еще не довольно ему: онъ приказалъ также взять 80 женъ убитыхъ мужей, бить ихъ по головамъ и кинуть въ воду.

При всеобщемъ ужасѣ къ такому тиранническому правленію и гнуснымъ убійствамъ, 150 Дворянъ задумали бѣжать въ Польшу; однако жь, имъ измѣнили, застигли на дорогѣ, связали, бросили ихъ въ глубокую грязную лужу, положивъ другъ возлѣ друга, въ видѣ моста, черезъ нее. Великій Князь велѣлъ своимъ палачамъ ѣздить и скакать по нихъ на лошадяхъ: такъ они и умерли, растоптанные въ куски. Жены ихъ, дѣти и служители были умерщвлены жалкой смертью, безъ всякаго милосердія, хоть и вовсе не знали про замыслы своихъ мужей и господъ.

Такимъ же образомъ Великій Князь обратилъ свою безчеловѣчную жестокость на своего роднаго брата, Григорія: это былъ господинъ благочестивый, прямой и честный, и ежедневно замѣчая, что тиранъ ищетъ придирки и случая лишить его жизни и всего имущества, онъ остерегался, сколько было можно: это, однако жь, не принесло ему пользы, по тому что тиранъ тайно подъучилъ своихъ бойкихъ, рѣшительныхъ на все мошенниковъ и предателей, обвинившихъ Григорія, будто онъ искалъ власти Великаго Князя, своего брата, нагло ругалъ и поносилъ его и уговаривалъ къ возмущенію его подданныхъ.

По этому мнимому и выдуманному обвиненію и коварству, Великій Князь послалъ нѣсколькихъ отъявленныхъ плутовъ съ Казаками привести въ Москву Григорія.

Этотъ, увидавъ у себя на дворѣ убійцъ, убѣжалъ со страха въ комнату своей жены: они догнали его, схватили, били; нисколько не помогло, что жена его бросилась между ними, горько плакала и кричала, рвала на себѣ платье и волосы, сильно жаловалась на свою великую бѣду и говорила, чтобы взяли и ее съ собою, по тому что она дала вѣрную клятву мужу переносить съ нимъ хорошее и дурное. Однако жь она ничего не успѣла сдѣлать и принуждена была остаться дома въ большомъ горѣ и унынiи. Когда привели его къ тирану брату, вошли палачи, заковали его въ цѣпи, вывели вонъ и стали мучить и истязать, думая, что въ пыткѣ и мученiи онъ сознается, въ томъ, чего и на умѣ у него не было, а выдумано самимъ Великимъ Княземъ, чтобы простой народъ подумалъ, что у него есть законная причина противъ брата. Не смотря на жестокія муки, онъ просилъ позволить ему сказать послѣднія слова: всѣ отвѣчали, чтобы онъ говорилъ, что хочетъ. Настала совершенная тишина, ему ослабили оковы, и онъ, поднявъ руки съ веревкою, которой онѣ были связаны, показалъ ихъ народу и сказалъ: «Храбрые воины, посмотрите на нарядъ и пышное украшеніе вашего Князя: такого не надѣвалъ на меня непріятель, и это для меня почетъ и слава. Вы сдѣлали меня, вашего природнаго и наслѣднаго Князя, пойманнымъ холопомъ и рабомъ: я не заслужилъ отъ васъ этого, и за служивалъ всего хорошаго.

Но отпускаю вамъ все это; прошу только объ одномъ: если приказано Великимъ Княземъ умереть мнѣ, если хочется моей крови, покончите со мной сейчасъ же, убейте меня, чтобы мнѣ не терпѣть столько времени великихъ мученій, или, если вы не хотите наложить на меня руки, дайте мнѣ саблю, дайте мнѣ самому сдѣлать надъ собой то, что поклялись же вы исполнить, по приказанію Великаго Князя.»

Ничего не добившись, онъ обратилъ свои мольбы въ проклятія и говорилъ: «Такъ хорошо же! Желаю, чтобы Богъ за это наказалъ васъ, беззаконниковъ, и послалъ вамъ такую же кончину, какую вы сами готовили до сихъ поръ такому множеству невинныхъ людей: вы ужь и прежде вдоволь пятнали себя кровью гражданъ и страшно убивали лучшихъ Бояръ страны. Я, послѣдній агнецъ на закланіе для жертвы, желаю вамъ вѣчнаго огня въ аду, гдѣ безпрестанный плачъ и рыданіе, и всякихъ несчастій въ здѣшнемъ мірѣ, желаю вамъ провлачить все время вашей жизни въ презрѣніи и поруганіи, въ горѣ и несчастіи, погибнуть отъ собственнаго вашего меча, окропиться своимъ жиромъ, быть истребленными лучше внутреннимъ мятежемъ, нежели непріятелемъ!» Послѣ того онъ обратился къ палачамъ и мучителямъ съ просьбою, чтобы они продолжали его тиранить и терзать, сколько можно мучительнѣе. Они тотчасъ же подошли и изрубили его: онъ не испугался, не содрогнулся при этомъ, но съ готовностью отдалъ душу Богу, какъ храбрый герой.

Узнавъ о томъ, жена его собрала все свое наличное имущество въ деньгахъ, золотѣ, серебрѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, и бѣжала съ нимъ. Но она не далеко ушла. Тиранъ велѣлъ отыскать ее, таскать взадъ и впередъ по улицамъ, на всеобщее посмѣяніе и позоръ, наконецъ бросить въ воду и отнять у нея все имущество.

Сдѣлавъ такое множество убійствъ, онъ отправился въ Александровскую слободу, и исправлялъ тамъ божественную службу съ такимъ благовѣніемъ и набожностію, точно самый благочестивый Попъ, какіе только бывали на свѣтѣ. Тамъ былъ съ нимъ также одинъ знатный думный Бояринъ, по имени Телятовскій (Telatouski): сидя дома со множествомъ гостей, онъ захотѣлъ узнать, что

тогда дѣлалъ Великій Князь, и послалъ ко двору служителя развѣдать объ этомъ. Великій Князь замѣтилъ служителя, спросилъ его, за какимъ онъ дѣломъ и кого поджидаетъ? Тотъ объяснилъ, что его послалъ Господинъ его, Телятовскій, чтобы дать ему знать, что дѣлаетъ Великій Князь, и время ли явиться теперь ко Двору, по тому что его Господину очень хотѣлось послужить Великому Князю. Великій Князь тотчасъ же велѣлъ привести къ себѣ этого думнаго Боярина, со всѣми его гостями, и безъ всякихъ оправданій жалостно мучить его въ застѣнкѣ, онъ спрашивалъ его: «За чѣмъ посылалъ слугу развѣдывать, что дѣлаетъ Государь, что у него за пиръ, и за чѣмъ они вмѣстѣ сговаривались и клялись на его смерть и погибель? Но милосердый Богъ бодрствовалъ надо мною: Онъ обратитъ это предательство на вашу голову.» Телятовскій оправдывался длинною рѣчью, но вовсе напрасно. Всѣ они были выведены изъ застѣнка и брошены въ глубокую, мрачную и смрадную темницу, а, спустя послѣ того нѣсколько дней, умерли жалкою смертію. Съ тѣхъ поръ никто не осмѣливался больше посылать ко Двору и развѣдывать, что дѣлаетъ Великій Князь.

Однажды онъ потребовалъ къ себѣ Старицкаго Намѣстника, Бориса Татищева. Когда этотъ вошелъ, Великій Князь сидѣлъ за столомъ, опершись щекой на руку. Татищевъ поклонился ему, отдалъ ему свое подданическое почтеніе со всѣмъ усердіемъ и смиреніемъ, желалъ здоровья, счастія и долгой жизни.

Великій Князь поблагодаривъ его, сказалъ: «Сынъ мой, Борисъ! Ты всегда вѣрно служилъ мнѣ и усердно угождалъ, а по тому ты стоишь отъ меня подарка: подойди ко мнѣ ближе!» Когда тотъ подошелъ и ударилъ ему челомъ въ землю, Великій Князь взялъ ножикъ и отрѣзалъ ему правое ухо, сказавъ, что въ свое время пожалуетъ его подаркомъ получше, а теперь пусть будетъ онъ доволенъ и этѣмъ! Татищевъ благодарилъ, что Великій Князь пожаловалъ его, т. е., сдѣлалъ такое дѣло своей рукой, и пошелъ съ подаркомъ домой.

Случилось однажды, что Великій Князь заподозрилъ и обвинялъ какихъ-то большихъ Бояръ страны въ измѣнѣ, будто они въ заговорѣ противъ него съ Польскимъ Королемъ; онъ послалъ

двоихъ братьевъ, съ отрядомъ войска и сильнымъ полномочіемъ, чтобы убить и совершенно истребить этѣхъ Бояръ, со всѣмъ ихъ родомъ, съ женами, дѣтьми, прислугою, крестьянами, рогатымъ скотомъ, собаками и кошками, даже съ рыбою въ водѣ, а домы ихъ сжечь. По этому приказу Великаго Князя, они и принялись все истреблять и разорять: убивали безъ всякой пощады всѣхъ, кто бы имъ ни встрѣтился, и наконецъ попали въ одинъ домъ, въ которомъ лежалъ въ колыбели прекрасный грудной младенецъ: онъ улыбался имъ такъ мило и привѣтливо, что у нихъ не достало духа поднять на него руку и умертвить его, какъ было имъ приказано. Оба брата посовѣтовались и согласились между собою оставить въ живыхъ младенца и подъ великой тайной отдать его на сохраненіе и воспитаніе одной пріятельницѣ.

Но потомъ, когда посланные, исполнивъ убійственный и жестокій приказъ, воротились въ Москву, для донесенія о томъ Великому Князю, братья стали бояться и тосковать: они опасались, чтобы исторія съ младенцемъ какъ ни будь не открылась и имъ бы не погибнуть изъ за того, а по тому и приняли на себя смѣлость разсказать все происшествіе Великому Князю, и просить у него помилованія себѣ и пощады.

Великій Князь, точно старая лиса (Reinicke Fuchs), прикинулся сострадательнымъ, какъ будто они сдѣлали хорошее для него дѣло, и пожелалъ, какъ Иродъ, видѣть и поклониться младенцу. Какъ скоро это исполнили и принесли къ нему дитя, онъ взялъ его на руки, ласкалъ, цѣловалъ; братья радовались отъ всей души и полагали не иначе, что поступили хорошо, сохранивъ жизнь младенцу, по тому что у всѣхъ Москвитянъ такое ужь общее свойство: когда они прикидываются ласковыми и любезными на письмѣ, словахъ, въ пріемахъ, или въ угожденіяхъ, то за тѣмъ на вѣрное послѣдуетъ что ни будь дурное и опасное. На оборотъ, когда они кричатъ, стучатъ и угрожаютъ, тогда меньше всего опасности и бѣды. Это точно также у нихъ, какъ водится между барсами и обезьянами: когда обезьяны убѣгаютъ отъ барсовъ и ищутъ убѣжища на высокихъ деревьяхъ, барсы ложатся подъ ними, протягиваются всей четверней, притаиваютъ дыханіе и притворяются мертвыми; увидавъ это, обезьяны слѣзаютъ съ деревьевъ, въ радости и въ торжествѣ, что непріятель

ихъ: умеръ, и такимъ образомъ бываютъ схвачены и растерзаны. То же самое и съ замѣтнымъ для себя вредомъ испытываютъ отъ Москвитянъ сосѣднія Государства, даже во время искренняго между ними мира и тишины.

Точно также: оба брата не успѣли оглядѣться, какъ Великій Князь непримѣтно досталъ ножикъ и прокололъ младенца три раза въ сердце, отъ чего этотъ тотчасъ же отдалъ Богу свою милую душу; потомъ выбросилъ его за окно на растерзаніе и пищу псамъ и медвѣдямъ, а братьевъ велѣлъ рубить саблями до смерти.

Послѣ такого множества убійствъ, между своими подданными и непріятелями, Великій Князь захотѣлъ обратиться и молить Бога о прощеніи своихъ грѣховъ: ходилъ по церквамъ, оставался тамъ по нѣскольку часовъ, самъ служилъ обѣдню, точно какой Попъ, со всѣми обыкновенными обрядами, казался по наружности очень набожнымъ и благочестивымъ, но внутри имѣлъ сердце, полное Фарисейской закваски, и обращалъ свои желанія и помыслы болѣе къ человѣческой крови, нежели къ духовной любви; по тому что нѣсколько дней спустя онъ опять принялся за свою обыкновенную бойню и страшныя жестокости: сначала онъ совершилъ ихъ надъ своимъ храбрымъ Воеводой, Petro Sermeta. (Шереметевъ?), который храбро велъ себя во всѣхъ походахъ и былъ ложно обнесенъ ему. Онъ велѣлъ взять его и изрубить въ куски на своихъ глазахъ, а ноги и руки его завернуть въ тонкое сукно и послать въ подарокъ его женѣ.

Не много также милостивѣе оказался онъ къ Петру Быховцу (Bichvvichi), Польскому Дворянину: онъ захватилъ его въ плѣнъ и велѣлъ отрубить ему голову, взялъ ее за обѣдомъ въ руку и показывалъ надъ нею свою спесь и скоморошество, точно ставилъ себѣ въ большую честь голову плѣнника, котораго приказалъ казнить вопреки всѣмъ правамъ войны, и запятналъ себя кровью его.

Вдоволь можно подивиться, съ какой жестокостью и тиранствомъ поступилъ онъ съ однимъ Силезцемъ, Альбертомъ Бессо (Alberto Besso): когда привели его изъ страшной темницы, Великій Князь не прежде могъ насытиться, пока не выкололи у него глазъ, не поломали члены, а за тѣмъ не отрубили головы

отъ туловища. Вмѣстѣ съ нимъ Великій Князь велѣлъ казнить нѣсколько сотъ плѣнныхъ: по приказу его, они были связаны по двое крѣпкими веревками и должны были пара съ парой сражаться. Онъ не удовлетворился до тѣхъ поръ, пока всѣ они не истребили другъ друга: это было ужасное зрѣлище, такъ что и палачей пронялъ страхъ, и они не могли видѣть такого безчеловѣчія, отъ чего и бѣжали, но вскорѣ были догнаны и убиты особеннымъ образомъ. Такая работа приноситъ такую же и награду: какъ сами они дѣлали и поступали, такъ точно случилось и съ ними, т. е., какою мѣрой сами мѣрили, такою же и имъ отмѣрено было.

Когда Великій Князь строилъ съ башнями и раскатами городъ Орелъ, лежавшій на Литовской границѣ, онъ до того изморилъ голодомъ рабочихъ и крестьянъ, что они принуждены были убить самаго жирнаго между ними, и такъ спаслись отъ голода. Другіе же, которые не могли ѣсть человѣчьяго мяса, принуждены были съ голода заколоть теленка. Узнавъ о томъ, Великій Князь велѣлъ ѣвшихъ телятину сжечь живьемъ и пепелъ бросить въ рѣку, а ѣвшіе человѣчье мясо прощены и избавлены отъ наказанія. Это по тому, что Москвитяне питаютъ отвращеніе къ телятинѣ, и ѣсть ее для нихъ гораздо грѣшнѣе, нежели человѣчье мясо.

Вскорѣ послѣ того случилось, что одинъ крестьянинъ подарилъ большую щуку Писарю, написавшему ему письмо. Это видѣлъ монахъ, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Писаремъ: онъ тотчасъ же побѣжалъ къ Великому Князю и сказалъ, что Писарь живетъ лучше и чище его, имѣетъ за обѣдомъ рыбу больше и вкуснѣе, чѣмъ онъ, достаетъ ее изъ Княжескихъ прудовъ и рѣкъ, и задаетъ себѣ и своей братьѣ пышные пиры. Писарь тотчасъ же приведенъ былъ къ Великому Князю, долго оправдывался и хотѣлъ доказать, что дѣло было совсѣмъ не такъ; это, однако жь, не помогло: его увели и бросили въ рѣку, при чемъ Великій Князь сказалъ: «Ступай туда, лови большихъ рыбъ и рыбокъ, и корми себя досыта лакомымъ кускомъ!»

Такъ какъ Великій Князь не имѣлъ ни какого страха ни къ Богу, ни къ людямъ, губя и убивая невинныхъ людей безъ суда и приговора, то онъ не пощадилъ и своего тестя, благочестиваго

старика, Тверскаго Князя. Онъ часто приглашалъ его въ гости къ себѣ, а потомъ, когда гость напьется пьянъ, приказывалъ сѣчь его плетьми; часто раздѣвалъ его донага, и въ такомъ видѣ отпускалъ домой, въ большой снѣгъ и морозъ, или вѣтеръ; часто и мучилъ его, чтобы признался, гдѣ прячетъ свою казну и богатство. Когда же тесть его бывалъ и дома, онъ и тогда не имѣлъ безопасности, по тому что принужденъ былъ сидѣть тамъ точно въ темницѣ и терпѣть голодъ и жажду: Великій Князь приказывалъ привязывать у дверей его дома четырехъ сильныхъ медвѣдей, которые отгоняли и терзали всѣхъ, приносившихъ ему кушанье. Этѣхъ же медвѣдей онъ велѣлъ спускать и натравливать на людей вездѣ тамъ, гдѣ стояли самыя густыя толпы, въ крѣпости или въ замкѣ, либо когда народъ шелъ въ церковь. Когда они терзали и заѣдали до смерти кого ни будь, онъ смѣялся и говорилъ, что ему съ сыновьями большое веселье при такомъ зрѣлищѣ; когда же бѣдные люди жаловались, что отъ того дѣти лишаются родителей, а родители дѣтей, онъ давалъ имъ сколько ни будь денегъ и говорилъ, что тѣхъ должно считать святыми, которыхъ умертвили Великокняжескіе медвѣди, по тому что ему съ сыновьями была отъ того большая забава и веселье. Эту медвѣжью травлю онъ часто заводилъ и зимой, когда бывалъ въ Москвѣ и могъ смотрѣть на ледъ изъ своей комнаты: тутъ приказывалъ выводить множество плѣнныхъ, заставлялъ ихъ бороться и драться съ медвѣдями, которые жалостно убивали и терзали ихъ.

Разъ велѣлъ онъ зашить въ большую медвѣжью шкуру одного знатнаго Дворянина и привести его на ледъ. На него натравили большихъ Княжескихъ и меделянскихъ собакъ, которые, считая его настоящимъ медвѣдемъ, изорвали въ мелкіе клочки: это такъ забавляло Великаго Князя, что онъ не зналъ, на какую ногу и стать.

Отъ этого прежестокаго человѣка никто не былъ въ безопасности, если даже вовсе молчалъ и не говорилъ про него ни добра, ни худа; никто также не былъ и угоденъ ему, хотя бы говорилъ объ немъ все хорошее: какъ скоро захотѣлъ Великому Князю, всякой, кого пожелалъ онъ имѣть въ рукахъ, долженъ былъ ити на раздѣлку. Часто сбывалось и то, что видѣлось кому во снѣ.

Одинъ знатный Бояринъ за ложный доносъ посаженъ былъ въ смрадную темницу: уже нѣсколько лѣтъ влачилъ онъ тамъ жалкую жизнь, и, желая освободиться изъ заключенія, придумалъ избавиться отъ нея хитростью. Онъ говорилъ, что имѣетъ важное донесеніе къ Великому Князю. Его допустили къ нему. «Что такое?» спросилъ его Великій Князь. — «Всемилостивѣйшій Великій Князь, отвѣчалъ узникъ: въ то время, какъ я лежалъ и спалъ, мнѣ снилось, будто я брожу въ безлюдныхъ пустыняхъ и неизвѣстныхъ краяхъ; тамъ встрѣтился со мною Польскій Король, и на вопросъ мой, за чѣмъ это онъ плутаетъ тутъ такой печальный? онъ отвѣчалъ: мнѣ предстоитъ жалостная погибель: до самаго своего конца я долженъ скитаться и скрываться, по тому что Великій Князь напослѣдокъ поймаетъ меня, возьметъ мое Царство, и будетъ въ немъ властвовать. Полагаю, непобѣдимый Царь, что этотъ сонъ возвѣщаетъ тебѣ новую славу и верховную власть въ Польскомъ Королевствѣ.»

Выслушавъ его рѣчь, Великій Князь отдалъ его на мученіе палачамъ, чтобы пыткой добиться правды въ этомъ дѣлѣ: «Скажи, плутъ, говорилъ онъ: за чѣмъ ты выдумалъ такую ложь? Какой Богъ открылъ тебѣ это во снѣ? Намъ извѣстно, что ни какой Богъ не удостоивалъ разговоромъ бѣдныхъ людей.» Они мучили его такъ жестоко, что онъ не могъ дольше выдерживать этѣхъ мученій, и признался, что выдумалъ сонъ, думая тѣмъ освободиться изъ долговременнаго заключенія. «Ну хорошо, сказалъ Великій Князь, пусть это будетъ такъ: съ тебя довольно наказанія за выдуманный сонъ; воротись же въ свой прежній пріютъ и оставайся тамъ до тѣхъ поръ, пока не сбудется твой сонъ, а тогда ты сдѣлаешься моимъ главнымъ совѣтникомъ; за понесенные муки заплатится тебѣ вдвое, такъ что будетъ тебѣ за что благодарить и хвалить меня.»

Когда онъ не приказывалъ убивать людей и не дѣлалъ ни какихъ жестокостей, тогда принимался за своихъ сказочниковъ и дураковъ, дѣлалъ разныя шутки надъ ними, а они надъ нимъ также: разъ за обѣдомъ одинъ изъ этѣхъ шутовъ пошутилъ черезъ чуръ ужь грубо и неприличію съ Великимъ Княземъ, такъ что этотъ жестоко разсердился на дурака, велѣлъ его крѣпче держать, схватилъ блюдо съ горячей, какъ кипятокъ, жижей и вылилъ

ему за шею, между рубашкою и тѣломъ: жижа содрала у шута кожу на затылкѣ и онъ повалился на полъ. Великій Князь былъ еще не доволенъ этой шуткой, прокололъ его ножемъ и велѣлъ ему, раненому, убираться вонъ. Однако жь сей же часъ раскаялся и приказалъ своимъ лѣкарямъ лѣчить его, чтобы онъ опять могъ выздоровѣть.

Пришедши туда, лѣкаря посмотрѣли и узнали, что ему не поможетъ ни какое лѣкарство; они донесли о томъ Великому Князю и сказали: «Всемилостивѣйшій Государь и Великій Князь, да сохранитъ тебя Богъ въ здравіи и долгоденствіи! Шутъ уже умеръ. Всемогущій Богъ да ты, непобѣдимый Царь, имѣете власть лишать жизни людей, а мы неможемъ возвращать ее.» — Великій Князь разсмѣялся на это и сказалъ: «Ну, такъ счастливый путь собакѣ, коли самъ не захотѣлъ жить!»

Великій Князь нѣсколько времени доставлялъ вдоволь упражненія своей безчеловѣчной и гнусной жестокости надъ подданными и непріятелями, какъ вдругъ военное счастіе отвернулось отъ него и попятилось назадъ. На него въ одно время напали знаменитый Король Шведскій, Іоаннъ Третій, и Польскій, Стефанъ Баторій, и выгнали его вооруженною рукою со всѣмъ изъ Ливоніи, съ большимъ урономъ, а въ Россіи лишили его многихъ городовъ и крѣпостей; никто съ своей стороны не упускалъ причинять вредъ и дѣлать всякое зло ему и его народу. Безъ вреда и препятствія они ходили взадъ и впередъ по его странѣ съ войсками, каждый въ своемъ мѣстѣ, гдѣ ему было угодно, грабили, разоряли страну огнемъ и мечемъ. Москвитяне находились въ большой опасности и затрудненіи, не знали мѣры и конца своему горю и бѣдствію, и помнили при томъ, сколько убито и взято въ плѣнъ ихъ братьевъ, умерщвлено дѣтей, опозорено женщинъ и дѣвицъ; множество крѣпостей, деревень и городовъ досталось непріятелямъ, не считая сожженныхъ; не довѣряли другъ другу, имѣли взаимныя подозрѣнія, что донесутъ на нихъ въ измѣнѣ Великому Князю; не знали, чѣмъ помочь такой бѣдѣ и не могли надивиться, что Великій Князь остается спокойнымъ при всѣхъ такихъ вещахъ.

Наконецъ они вооружились мужествомъ, и нѣкоторые Бояре, Дворяне, Полковники и военные люди, собравшись въ Володимирѣ,

объявили свою готовность умереть за Государя и Отечество, пожертвовать за нихъ жизнью и имѣніемъ, стоять за нихъ и дѣйствовать, какъ слѣдуетъ вѣрнымъ и храбрымъ подданнымъ; такъ говорили они Великому Князю:

«Уже нѣсколько лѣтъ, непобѣдимый Царь, Всемилостивѣйшій Великій Князь, съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, мы видимъ великое несчастіе и погибель нашего любезнаго Отечества, а между тѣмъ врагъ попираетъ нашу землю, нашу вѣру и льготы, тѣснитъ насъ со всѣхъ сторонъ, уводитъ въ плѣнъ нашихъ старыхъ воиновъ, убиваетъ молодыхъ людей, позоритъ женъ и дочерей нашихъ, жжетъ города и деревни, точно мы позабыли нашу прежнюю доблесть и мужество, стали считать честнѣе отступленіе отъ непріятеля, нежели стоять противъ него всѣмъ вмѣстѣ другъ за друга, спасать отъ него нашихъ братій, сопротивляться ему храбро и умирать съ честію за Отечество. Наши враги хорошо понимаютъ, что легко побѣдить лѣнивый и нерадивый народъ, отъ того и смѣются надъ нами, къ несчастію нашему и гибели, и преслѣдуютъ насъ тѣмъ веселѣе и отважнѣе. Но если бы мы выступили на нихъ соединенными силами, то могли бы смирить и одолѣть этотъ нечестивый и надменный народъ. Къ такому дѣлу призываетъ насъ наше Богослуженіе, этого требуетъ и желаетъ отъ насъ любезное Отечество, къ тому же побуждаютъ и понуждаютъ насъ законы нашей страны, наши жены и дѣти, друзья и родные.

«Но намъ нуженъ глава для этого великаго и необходимаго дѣла: по тому-то и просимъ тебя, Пресвѣтлѣйшій Великій Князь, какъ своего помазаннаго и вѣнчаннаго наслѣднаго Государя, чтобъ Ты благоволилъ отпустить съ нами своего старшаго сына на эту крайне нужную войну: пусть онъ идетъ передъ глазами у насъ, и мы припомнимъ себѣ нашу прежнюю отвагу и храбрость, опять удвоимъ ихъ себѣ и пожертвуемъ всѣмъ за Отечество.» Великій Князь у его подданныхъ въ такомъ высокомъ почетѣ, что они считаютъ его не только могущественнымъ Царемъ и Государемъ, но и божественнымъ человѣкомъ, который всегда имѣетъ обхожденіе съ богами, и можетъ смирять и одолѣвать своихъ непріятелей, если захочетъ: а теперь онъ не двигается съ мѣста и упускаетъ свое счастье.

Когда же вышеназванные его подданные, прося его защиты, какъ будто давали понять, что Великій Князь нерадивъ и медлителенъ къ своему долгу, онъ разсердился и жаловался, что одни разставляютъ ему тайные ковы и хотятъ измѣнить, а другіе смотрятъ недоброжелательно на его великое счастье и побѣды, одержанныя надъ непріятелемъ, и за свои труды, заботы и подвиги онъ не получаетъ ничего, кромѣ неблагодарности и злословія. Съ этими словами онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, надѣлъ Царскую порфиру и корону на голову, вышелъ опять, подошелъ къ простому народу и сказалъ:

«Отдайте этотъ Царскій нарядъ другому, который лучше меня можетъ управлять вами» при чемъ говорилъ о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ имъ для подданныхъ, какъ онъ покорялъ Ливонію, разбивалъ Турокъ и Татаръ, завоевалъ Казань и Астрахань, не только сохранялъ Великокняжеское значеніе и величіе, но еще и пріумножилъ его. Сдѣлавъ и совершивъ все это, онъ хочетъ при томъ и остаться и проститься съ правленіемъ, по тому что имъ желательно сыскать такого Царя, которому они стали бы приказывать. Это очень перепугало народъ: всѣ повалились ему въ ноги и просили его со слезами не покидать Царства, остаться на немъ и управлять по прежнему. Но онъ очень отказывался, до тѣхъ поръ, пока зачинщики смятенія не были ему выданы и наказаны.

Потомъ, обратившись къ старшему сыну, сказалъ: «Какъ смѣешь ты показываться, болванъ, на глаза отцу, задумавъ такую измѣну противъ меня? И ты отважился съ радостью и удовольствіемъ подстрекать народъ къ возмущенію противъ меня? Не могъ ты выбрать другаго способа итти на войну, какъ только сдѣлавшись гонителемъ своего отца? Развѣ ты не выдавалъ себя, съ помощію народа, за Великаго Князя, замышляя тѣмъ лишить верховной власти и величія не только своего отца, но Государя и Великаго Князя? Чего же другаго искалъ ты въ этомъ замыслѣ и заговорѣ?

За то, что ты не хочешь признавать своего отца Великимъ Княземъ всея Русіи, и я явлюсь для тебя не отцомъ, а Великимъ Княземъ, и покажу на тебѣ примѣръ, чтобы другіе взяли

его урокомъ себѣ и не осмѣливались больше дѣлать заговоры противъ меня, презирать родителей и наругаться надъ ними въ бѣдѣ и невзгодѣ.»

Строгая рѣчь отца сильно напугала сына: потупившись, онъ думалъ, какъ ему будетъ оправдываться, очень смиренно и почтительно просилъ отца выслушать его оправданіе, и началъ говорить съ большею робостію, но отецъ не позволилъ того и подалъ ему знакъ молчанія палкой въ високъ.

Молодой Князь отъ страха не почувствовалъ удара и началъ говорить опять, но кровь побѣжала у него по всему тѣлу, и полумертвый упалъ онъ на землю передъ глазами отца. Увидавъ это, отецъ ужаснулся и опечалился, поднялъ руки къ небу, горько рыдалъ, жаловался, цѣловалъ сына, утѣшалъ его, лежащаго на землѣ, сѣтовалъ о великой бѣдѣ и общемъ несчастіи, обвинялъ Святыхъ, что они привели въ это положеніе такого рѣдкаго юношу.

Услышавъ отцовскія жалобы, плачь и вопли, сынъ сказалъ, что одно только утѣшаетъ его въ этомъ несчастіи, что онъ не виноватъ, въ чемъ обвиняетъ отецъ, и что жизнь взята у него тѣмъ, отъ кого онъ и получилъ ее. Но Богъ свидѣтель, что онъ не участвовалъ ни въ какихъ заговорахъ противъ отца. Искренно желалъ Великому Князю завоевать весь свѣтъ и обнажать оружіе гораздо счастливѣе и славнѣе на непріятеля, нежели на своего сына, а ему не надобно ничего больше, кромѣ честнаго погребенія.

Межъ тѣмъ въ народѣ было смятеніе и ужасъ: всѣ болѣе оплакивали несчастіе съ молодымъ Государемъ, нежели свои собственныя бѣды.

Самъ Великій Князь сидѣлъ на землѣ безъ памяти и чувства, не принималъ ни пищи, ни питья, одѣлся въ печальное платье и горько плакалъ не только въ тѣ пять дней, когда живъ еще былъ Царевичъ, но и послѣ смерти и похоронъ его. Долгое время Великій Князь только и дѣлалъ, что плакалъ и рыдалъ, велъ чрезвычайно жалкую и несчастную жизнь, тревожился и боялся, чтобы Богъ не отплатилъ за это беззаконіе, пославъ въ особенныхъ страданіяхъ и казняхъ пагубу на его народъ, отправилъ 77 ты-

сячъ золотыхъ Патріархамъ Константинопольскому и Александрійскому и монахамъ, охранявшимъ Гробъ Господень, чтобы они молились, приносили жертву о душѣ молодаго Государя и спасли ее изъ всѣхъ преисподнихъ, чтобы злые духи не имѣли надъ нею ни какой власти, а Святые Ангелы отнесли ее въ рай; писалъ къ Польскому Королю о позволеніи проѣхать Польшею его посламъ, чтобы отвезти его подаяніе въ Грецію.

Послѣ этого несчастія и смерти его сына, все пошло еще хуже въ странѣ: всѣ предпріятія Великаго Князя не удавались; его сильно затрудняли и тѣснили со всѣхъ сторонъ. Войско его было разбито и разсѣяно, города срыты, земля разорена, отъ страха и нуждъ онъ долженъ былъ помириться, заключить договоръ съ Польскимъ Королемъ и уступить ему всѣ города и мѣстечки, занятые имъ въ Ливоніи; при этомъ онъ принужденъ передать ему на вѣчныя времена и не требовать обратно города и мѣстечки, принадлежащіе къ Полоцку, каковы Усвятъ и др., со всѣми запасами и военными снарядами. За то Поляки должны были возвратить ему Великіе Луки и другіе города. Все это устроилъ Папскій Легатъ, Антоній Поссевинъ, уполномоченный при этихъ переговорахъ: онъ склонилъ обѣ стороны заключить и установить 10-тилѣтнее перемиріе; это было въ 1582 году, 12-го Генваря.

Такъ Великій Князь съ большимъ урономъ и несчастіемъ велъ свои войны съ Шведами и Поляками и потерялъ много крѣпостей, городовъ, народа и военныхъ снарядовъ; земля его была пустынна и безлюдна; подданные стали тайкомъ насмѣхаться надъ нимъ; онъ утратилъ всю военную славу, добытую прежде. Отъ великой тоски и горя онъ такъ захворалъ, что жилъ послѣ того не болѣе 2-хъ дней; однако жъ нѣсколько мѣсяцевъ до смерти все еще дѣлалъ страшныя жестокости надъ своими и велѣлъ жалкимъ образомъ казнить 2,300 невинныхъ людей.

Онъ имѣлъ также мысль перебить нѣсколько тысячъ плѣнныхъ изъ Швеціи, Финляндіи, Ливоніи, Польши и Литвы, которые были у него въ заключеніи, если бы Богъ не спасъ ихъ и не коснулся Великаго Князя сильной болѣзнью, отъ которой не могли помочь ему ни лѣкаря, ни снадобья: онъ велъ жалкую жизнь, лежалъ въ безпамятствѣ, не ѣлъ и не пилъ, нѣсколько

дней даже не говорилъ ни одного слова, точно нѣмой; когда же приходилъ не много въ себя и болѣзненные дни не надолго перемежались, онъ чувствовалъ небольшое облегченіе и хотѣлъ говорить: въ это время жалобнымъ голосомъ онъ звалъ къ себѣ убитаго имъ сына, Ивана.

Почувствовавъ себя не много лучше, послѣ этой тяжелой и сильной болѣзни, онъ пошелъ прогуляться къ женѣ своего сына, Иринѣ (Irene, Udovia): ему пришла охота изнасиловать ее, и сдѣлать съ нею прелюбодѣяніе; ничѣмъ другимъ она не могла спастись отъ него, какъ только крикомъ и воплемъ: на крикъ сбѣжалось много людей изъ домашней прислуги, мущинъ и женщинъ, что пристыдило его, и онъ вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова. А чтобы эта проказа осталась въ тайнѣ, онъ велѣлъ казнить всѣхъ, прибѣжавшихъ на помощь къ этой женщинѣ. У него было также намѣреніе либо выгнать изъ страны эту жену своего сына, либо велѣть убить ее, за то что она не отдалась его неестественной похоти, уговаривалъ сына оставить ее и взять себѣ другую жену.

Но въ сынѣ было больше чести и справедливости, чѣмъ у отца, и онъ не согласился на это. Великій Князь дружески разговаривалъ съ своими думными Боярами и офицерами, называлъ ихъ лучшими друзьями, милыми братьями, родными, товарищами во всѣхъ, перенесенныхъ имъ, опасностяхъ, своимъ оплотомъ и отрадой. Они одни пособили ему занять и покорить Ливонію: это сдѣлалось, благодаря только ихъ храбрости и богатырскимъ подвигамъ; они усердствовали всячески для его отца и дѣда, они сдѣлали его и Великимъ Княземъ; съ ихъ вѣрною помощью и участіемъ онъ разбилъ Турокъ и Татаръ, завоевалъ Казань и Астрахань, пріобрѣлъ вѣчную славу.

Чувствуя себя со дня на день все слабѣе и безсильнѣе и не забывая, что люди смертны, онъ посылалъ платье, деньги, пищу и питье плѣнникамъ изо всѣхъ народовъ, съ просьбою молиться за него Богу, чтобы Онъ далъ ему здоровье и долгую жизнь. Если они будутъ дѣлать это съ усердіемъ, то онъ возвратитъ имъ свободу и позволитъ воротиться на родину.

Но изъ всѣхъ ихъ не было никого, кто бы желалъ добра жестокому человѣку, за его неслыханныя страшныя дѣла: духовные и міряне, туземцы и иностранцы, всѣ глубоко ненавидѣли и не могли терпѣть его, по тому что въ немъ не было ничего человѣческаго, кромѣ наружности: живыхъ людей приказывалъ онъ рубить пополамъ и заставлялъ родителей ѣсть тѣла дѣтей ихъ. За то, когда плѣннымъ надо было молиться о долгоденствіи Великаго Князя, они дѣлали со всѣмъ другое: радовались и веселились втайнѣ, изъ глубины сердца молились всемогущему Богу, чтобы Онъ, ради заслугъ Своего милосердаго Сына, Іисуса Христа, Его великихъ страданій и жестокой смерти, взялъ и уничтожилъ это ужасное чудовище, адскаго дракона и неистоваго тирана: это была ихъ усердная молитва, и этого страстно желали всѣ, старые и молодые. Богъ услышалъ ихъ молитву, по тому что

«Noctes atque dies patet atri janua ditis,
Sed revocare gradum, superasque evadere ad auras,
Hoc opus, hic labor est,»

говоритъ Виргилій. Болѣзнь развилась въ немъ такъ быстро и сильно, что внутренности, легкія и печень начали гнить, дѣторадныя части пожирались червями, и отъ него былъ ужасный запахъ; за нѣсколько дней до смерти три раза онъ былъ въ такомъ обморокѣ, что ничего не слыхалъ, не видѣлъ, лежалъ и днемъ и ночью точно мертвый, какъ будто Богъ на это время отсрочилъ наказаніе за его безчеловѣчныя дѣла. Придедши въ себя, онъ съ печальнымъ лицомъ просилъ своего сына, Ѳедора, освободить нѣсколькихъ заключенцыхъ, заслуживавшихъ смертную казнь за свои злодѣйства, признался откровенно, что потерпѣлъ за нихъ страшныя муки и истязанія въ одномъ мрачномъ и ужасномъ мѣстѣ.

Это страшное признаніе заставило сына отворить всѣ темницы и заключенія и освободить содержимыхъ въ нихъ, онъ приказалъ, чтобы по цѣлому городу было всеобщее молебствіе, чтобы Богъ даровалъ блаженный конецъ отцу его, котораго всѣ ненавидѣли и не могли терпѣть за его алчную скупость и жестокость; велѣлъ всѣмъ заключеннымъ раздавать подарки, кормить и поить ихъ, и обѣщалъ отпустить ихъ на родину, если только вымолятъ у Бога

хотя небольшое облегченіе отъ ужасной болѣзни, въ которой находился его отецъ. Но это было напрасно: правый Божій гнѣвъ и раздраженіе сильнѣе всѣхъ людскихъ молитвъ, особливо, когда онѣ не очень искренни и не отъ смиреннаго и сокрушеннаго сердца.

Въ то время, какъ они отправляли свое наружное моленіе, стрѣлы смерти коснулись въ другой разъ тирана: онъ отвратительно пахнулъ, и въ другой разъ передъ смертью впалъ въ безпамятство, такъ что всѣ дивились; въ городѣ была глубокая тишина; терпѣливо ждали конца, по тому что никто не жалѣлъ Великаго Князя, всѣ желали ему смерти, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Старики радовались, что они теперь будутъ свободны, дѣти утѣшали плѣнныхъ родителей, что ихъ выпустятъ изъ долговременнаго заключенія: всѣ ожидали лучшаго. Видимъ, какъ справедливо изреченіе Цицерона въ «Целіи»: Tyranni nec diliguntur, nec diliguntur (тираны никого не любятъ, за то и ихъ не любитъ никто); и Энній говоритъ:

«Quem metuunt, oderunt,
Quem odit quisque, periisse expetit.»

Когда Великій Князь очнулся опять, точно выбрался изъ ада, онъ обратился къ сыну и сказалъ: «Отмѣни большіе налоги, подати, пошлины и сборы, которые я безпрестанно умножалъ и налагалъ на подданныхъ, для приращенія своихъ доходовъ, вознаради изъ Государственной казны людей, у которыхъ я силой отобралъ имущество и богатство, и возврати свободу всѣмъ безъ исключенія плѣннымъ!» Но это раскаяніе и доброе предзнаменованіе слишкомъ запоздало, по тому что «Sero sapiunt Phryges.» Такъ долго прожилъ въ своемъ безуміи и жестокосердіи, онъ просилъ, однако жъ, усердно сына исполнить его послѣднее моленіе и продолжалъ: «Теперь я умираю и молю Бога, Св. Николая и Св. Георгія, чтобы они сдѣлали тебя Государемъ всего свѣта.»

Сказавъ это, онъ въ третій разъ впалъ въ безпамятство, и съ великими вздохами и жалкимъ воемъ испустилъ духъ. Волдыри, шишки и нарывы прорвались, гной и мокрота обдали всю комнату страшно отвратительнымъ запахомъ; отъ этого яда служители должны были покинуть Великаго Князя и убраться отту-

да: это случилось въ 1584 году, 28 Марта, на 56-мъ съ семью мѣсяцами, году его жизни. Нѣкоторые думаютъ, что его похоронили съ большою пышностью въ церкви Св. Михаила, возлѣ его предковъ. Въ самомъ же дѣлѣ было не такъ: въ тотъ самый день, когда онъ скончался, тѣло его пропало и никто съ тѣхъ поръ не видалъ и не находилъ его. Сейчасъ же послѣ того освободили всѣхъ плѣнныхъ, и одарили ихъ подарками, тщательно поручивъ имъ молиться съ усердіемъ и отъ всего сердца Богу объ избавленіи Великаго Князя отъ такой необыкновенной погибели и объ отысканіи его тѣла, и какъ скоро онѣ отыщется, всѣхъ ихъ подарятъ опять, съ тѣмъ еще утѣшеніемъ, что имъ свободно будетъ ѣхать на родину, или куда они пожелаютъ.

Но какъ эти жестокія мученія и страшная кончина назначены были Великому Князю, по гнѣву и опредѣленію Божію, то люди не получили его тѣла за свои суетныя молитвы: что съ возу упало, то пропало; его нигдѣ не отыскалось и не оказывалось, по тому что за тяжкіе грѣхи и нехристіянскія дѣла слѣдуютъ суровыя и жестокія казни и удары.

Этотъ Великій Князь, Иванъ Васильевичъ, былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, дороденъ и толстъ, поворачивалъ глазами изъ стороны въ сторону, точно соколъ, былъ гордъ и надмененъ, съ крѣпкою грудью, отваженъ и дерзокъ, хитеръ и лукавъ, имѣлъ маленькіе сверкающіе глаза, кривой, какъ у ястреба, носъ, красноватое лицо и страшную наружность, какъ у сердитаго воина; онъ смѣялся только во время опасности и великаго бѣдствія, по тому что какъ только надо было казнить жалкою смертію большое множество народа, онъ смѣялся и находилъ веселье и удовольствіе въ томъ. Отъ природы получилъ онъ свѣтливую и умную голову и хорошую память, такъ что могъ назвать по имени всѣхъ плѣнныхъ изо всякихъ народовъ.

Случилось разъ, что онъ освободилъ нѣсколько плѣнныхъ и обѣщалъ отпустить ихъ въ ихъ землю. Когда же хватился одного изъ нихъ, а Писарь не могъ сообщить ему объ этомъ ни какихъ свѣдѣній, онъ тотчасъ же велѣлъ жестоко казнить его.

Дѣлая кому ни будь милость и благодѣянія, онъ поступалъ при этомъ такъ ужь щедро и безъ всякой мѣры, что милости и

добротѣ его не было ни конца, ни предѣловъ; напротивъ, когда онъ ненавидѣлъ и гналъ кого ни будь, дѣлалъ это самымъ жестокимъ образомъ. Онъ самъ принималъ просьбы и прочитывалъ ихъ, самый послѣдній подданный свободно могъ подавать ему просьбу и жаловаться на свою нужду. Если правители и начальники дѣлали какую ни будь несправедливость и насиліе, ихъ тотчасъ же отыскивали его слуги и отводили въ судъ; когда же оказывалось и было вѣрно, что они дѣлали бѣднымъ людямъ обиды, Великій Князь не только лишалъ ихъ всего имѣнія, но и жизни, по тому что онъ такимъ образомъ старался умножать свои богатства и доходы, и не считалъ благоразумнымъ опредѣлять жадныхъ людей къ правительственнымъ и другимъ должностямъ, и такихъ еще, которые больше искали собственной выгоды, нежели старались помогать и покровительствовать простолюдину. Онъ любилъ распространять предѣлы своего Царства, и до Шведской и Польской войны такъ возвысился и усился, что не онъ боялся непріятелей, а непріятели его боялись. Онъ былъ честолюбивъ и искалъ дружбы съ иностранными Державами, которыя находились въ большомъ отдаленіи отъ него, на примѣръ, съ Римскимъ Императоромъ, Царемъ Персидскимъ, Королемъ Англійскимъ и Папою Римскимъ, для того, чтобы пріобрѣсти и достать себѣ славное имя. Когда на войнѣ и въ другихъ дѣлахъ везло ему счастье, онъ былъ надмененъ, гордъ и напыщенъ, превозносился тѣмъ, и до того любилъ славу, что часто начиналъ безъ причины большія и трудныя войны, все изъ за одной славы, и думалъ днемъ и ночью, какъ бы превзойти славными дѣлами Александра Македонскаго. Для того рѣшился онъ пріучить слона, присланнаго ему въ подарокъ Царемъ Персидскимъ, чтобы онъ становился на колѣни, когда Великій Князь проходилъ мимо его съ своими Боярами и придворными. Съ этою цѣлью онъ много мѣсяцевъ соблюдалъ такое обыкновеніе: велѣлъ приводить къ себѣ слона рано утромъ и колоть его въ лобъ острымъ желѣзомъ, въ томъ мнѣніи, что слонъ, благодаря такому множеству уколовъ до крови, пріучится кланяться ему. Много и долго бился онъ надъ этимъ глупымъ дѣломъ и напрасно искалъ разсудка въ неразумномъ звѣрѣ: слонъ не научился преклонять колѣнъ и не хотѣлъ показывать себя почтительнымъ. Великій Князь прогнѣвался на него и велѣлъ изрубить въ куски.

Въ мирную пору, когда войны у него не было и онъ велъ очень спокойную и сластолюбивую жизнь, его время проходило въ охотѣ, игрѣ, пляскѣ, распутствѣ и ужасныхъ зрѣлищахъ. На травлѣ и охотѣ онъ пользовался совсѣмъ не тѣмъ способомъ, какъ другіе Князья и Государи: эти держатъ для того великое множество охотниковъ, лошадей, борзыхъ и гончихъ собакъ, веревки, силки, сѣти и другія подобныя вещи, чтобы охотою доставить движеніе тѣлу, разогнать унынie и черныя мысли, получить разное удовольствіе и разсѣяніе, истреблять разныхъ вредныхъ звѣрей; они ловятъ кабановъ, волковъ, медвѣдей, оленей, козулей, лосей, ланей, сернъ, лисицъ и всякую дичь, либо на одежду и пищу, либо для жилища и покоя человѣка. А Великій Князь бросалъ бѣдныхъ плѣнниковъ на травлю самымъ злымъ медвѣдямъ, и когда они нѣкоторыхъ терзали въ куски, онъ смотрѣлъ на это съ удовольствіемъ и жадностью. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, для развлеченія въ своей трудной, душевной и тѣлесной, болѣзни, онъ велѣлъ взять изъ заключенія множество плѣнныхъ для боя съ медвѣдями, и глядѣлъ изъ окошка въ полѣ, какъ они сражались, и какъ народъ разбѣгался въ разныя страны. Между плѣнными былъ также одинъ сильный Полякъ, который на ходу схватилъ камень, не очень большой, и когда напалъ на него огромный и страшный медвѣдь, онъ сунулъ ему этотъ камень въ горло, ухватилъ его за языкъ и держалъ такъ крѣпко, что медвѣдь скоро задохся. Увидавъ это, Великій Князь освободилъ Поляка, и сдѣлалъ ему еще подарокъ.

Великій Князь съ большимъ удовольствіемъ игралъ въ шашки и карты; если кто игралъ въ эту игру искуснѣе и находчивѣе его, онъ приказывалъ того казнить, либо отрубать у него всѣ члены, отрѣзывать уши, носъ и губы. Для избѣжанія такой награды, нѣкоторые охотно давали ему выигрывать: тогда онъ приказывалъ бить и сѣчь ихъ кнутомъ, какъ лѣнивыхъ и неловкихъ людей. Такъ же, которые не хотѣли играть съ нимъ, онъ велѣлъ убивать, подъ предлогомъ, что у нихъ опасные замыслы противъ него.

Въ блудныхъ дѣлахъ и сладострастіи онъ перещеголялъ всѣхъ. По своему обыкновенію, часто насиловалъ самыхъ знатныхъ женщинъ и дѣвицъ, а послѣ того отсылалъ ихъ къ мужьямъ и ро

дителямъ. Когда же онѣ сколько ни будь давали замѣтить, что дѣдали это и блудничали съ нимъ неохотно, онъ, опозоривъ, отсылалъ ихъ домой и приказывалъ вѣшать нагихъ надъ столами, за которыми обѣдали ихъ родители и мужья; этѣ не могли ни обѣдать, ни ужинать въ другомъ мѣстѣ нигдѣ, если не хотѣли распрощаться съ жизнію такимъ же плачевнымъ образомъ. А трупы должны были висѣть до тѣхъ поръ, пока мужья и родные, по усильному ходатайству и заступничеству, не получали позволенія снять ихъ и похоронить. Онъ всегда мѣнялся любовницами съ своимъ сыномъ, Иваномъ. Случилось разъ, что сынъ его досталъ себѣ любовницу чрезвычайно красивую и гордую; когда же другія женщины и дѣвицы стали подтрунивать и смѣяться надъ нею, что она прогуляла свой дѣвическій вѣнокъ и повѣсилась на шею молодому Князю, она разобидѣлась, съ плачемъ и горькими жалобами сказала объ этомъ Князю и просила отмстить за этѣ насмѣшки и поношенія, а то женщины всѣ будутъ насмѣхаться и ломаться надъ ней. Онъ обѣщался отплатить за это поруганіе и безчестье и при случаѣ разсказалъ о томъ отцу: Великій Князь такъ разсердился и такъ горячо принялъ это, что думалъ было перебить всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ въ Москвѣ. Но Совѣтники, Князья и Бояре упросили его бросить это; однако жь онъ страшно раздѣлался съ женщинами и зло наругался надъ ними: велѣлъ привести нѣсколько сотъ ихъ въ Кремль и раздѣть до нага, въ присутствіи своихъ сыновей, совѣтниковъ и всей придворной челяди: такъ онѣ и должны были разгуливать тамъ, въ сильную стужу, по глубокому снѣгу. Потомъ онъ обратился къ любовницѣ сына и сказалъ: «Теперь и ты въ свою очередь потѣшь себя этимъ зрѣлищемъ и посмѣйся надъ тѣми, которыя насмѣялись надъ тобою!» Нѣкоторыхъ велѣлъ онъ до смерти засѣчь розгами, и тѣла ихъ бросить медвѣдямъ.

Сперва онъ очень любилъ иностранцевъ, особливо Нѣмцевъ, и ввѣрялъ имъ свои замки и крѣпости: это очень огорчило Русскихъ, и они жаловались ему. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ, что это справедливо и должно такъ быть, по тому что Нѣмцы храбры и неустрашимы, рыцарски сражаются съ непріятелемъ, не падаютъ духомъ и не такіе свиные пастухи, какъ Московскіе ратные люди. Но Ливонскіе Бароны, Иванъ Таубе и Элертъ Краусе, не

сдержали данной ему клятвы и не исполнили обѣщаній относительно Ливоніи, сколько ни желали, для чего и вели интриги въ Куроніи и Ливоніи, однако жь бѣжали отъ Великаго Князя: съ тѣхъ поръ Нѣмцы сдѣлались для него подозрительны и уже не были въ прежнемъ высокомъ почетѣ. Хотя онъ и не такъ ужь много вѣрилъ имъ, но все же поступалъ хорошо и честно съ тѣми Нѣмцами, которые жили въ Москвѣ и служили ему, давалъ имъ жалованье и необходимое содержаніе: тѣмъ они и жили и не терпѣли ни какой нужды. Такимъ образомъ они получили и позволеніе построить, въ четверти мили отъ города, малую деревянную церковь, въ которой ихъ собственные проповѣдники учили чистой Лютеранской Вѣрѣ и проповѣдывали ее.

Какъ ни былъ онъ жестокъ и неистовъ, однако жь не преслѣдовалъ и не ненавидѣлъ за Вѣру ни кого, кромѣ Жидовъ, которые не хотѣли креститься и исповѣдывать Христа: ихъ онъ либо сожигалъ живыхъ, либо вѣшалъ и бросалъ въ воду. По тому что обыкновенно говорилъ, что ни какой Царь, Князь, или Король, не долженъ довѣрять этѣмъ людямъ, или щадить тѣхъ, которые предали и убили Спасителя міра.

Изъ этого ясно можно усмотрѣть, замѣтить и узнать, что въ то самое время Великій Князь позволилъ иностранцамъ въ Москвѣ проповѣдывать Лютеранское ученіе, и что они выстроили церковь и имѣли собственныхъ проповѣдниковъ, которые провозглашали въ ней спасительное слово Божіе въ чистомъ и неповрежденномъ видѣ, во всѣхъ членахъ Аугсбургскаго исповѣданія: все это согласно и съ вышедшими сочиненіями высокоученыхъ людей, на примѣръ, Сигизмунда Герберштейна, Давида Хитрея, Павла Одоборнія; объ этомъ довольно также свѣдѣтельствуетъ безчисленное множество другихъ, бывавшихъ въ Москвѣ. По тому и не могутъ быть справедливы слова одного лица, написавшаго въ своемъ надгробномъ словѣ, будто Каспаръ Фидлеръ первый выхлопоталъ у Великаго Князя, чтобы проповѣдуема была Лютеранская Вѣра, въ первый разъ при этомъ Государѣ въ Россіи, и что Фидлеръ же былъ и строителемъ и покровителемъ этой церкви. Какъ до него, такъ и послѣ того времени, у Нѣмцевъ были собственные проповѣдники не только въ Москвѣ, но въ Тулѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани и другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что, по

случаю ежедневнаго умноженія Нѣмцевъ, Король Густавъ, сынъ Эрика XIV, только послѣ большихъ стараній и просьбъ добился у Великаго Князя, Бориса Годунова, позволенія сломать старую церковь и на мѣсто ея построить новую больше и лучше. Всѣ оказывали пособіе этому дѣлу и жертвовали деньгами, по средствамъ и состоянію каждаго, а именно: выше названный Государь Густавъ 100 талеровъ, каждый изъ Докторовъ по 40, потомъ и всѣ другіе. Дворяне и не Дворяне, смотря по своему жалованью отъ Великаго Князя и по расположенію къ слову Божію. Тогда у Великаго Князя было 5-ть Докторовъ Медицины: Христоффоръ Ритингъ, Венгерецъ, по своему искуству и опытности архіатеръ и главный изъ нихъ, потомъ другіе, именно: Каспаръ Фидлеръ изъ Пруссіи, Іоаннъ Гилькенъ изъ Ливоніи, Давидъ Фасманъ и Генрихъ Шрёдеръ изъ Любека, все превосходные и ученые люди.

Вышепомянутый Великій Князь Иванъ Васильевичъ при своей жизни не только считался у подданныхъ земнымъ богомъ, но и Великимъ Княземъ, Царемъ и Верховнымъ Священникомъ или Папой: когда случались трудныя и важныя дѣла, а его совѣтники, судьи и Бояре не въ силахъ были рѣшить и исправить ихъ, они говорили точно также, какъ и нынѣ говорятъ Русскіе: «Богъ и Великій Князь, которые могутъ обсудить и рѣшить всякое дѣло, обсудятъ и обдумаютъ и это и дадутъ правое рѣшеніе.» Отъ того-то худо ли, хорошо ли скажетъ Великій Князь, они приписывали это Божественному Провидѣнію, по тому что онъ давалъ знать простому варварскому народу, что въ сновидѣніи бесѣдуетъ съ Святыми, и чрезъ это пріобрѣталъ себѣ больше значенія у подданныхъ: они тѣмъ болѣе уважали и боялись его. Онъ обыкновенно самъ служилъ обѣдню и такъ прекрасно и благоговѣйно исправлялъ всѣ церковные обряды, что лучше его не исправить ни какому Священнику, или монаху.

У него было семь женъ: съ первой прижилъ онъ двухъ сыновей, Ивана и Ѳедора: Ивана убилъ онъ самъ своей палкой; Ѳедоръ же наслѣдовалъ ему въ правленіи; съ послѣднею прижилъ также сына, по имени Димитрія, умерщвленнаго Борисомъ Годуновымъ въ городѣ Угличѣ, отъ чего произошло великое возмущеніе и страшное кровопролитіе, о чемъ послѣдуетъ дальше. Этого и достаточно будетъ сказать о жизни Великаго Князя, дѣлахъ его и страшной

жестокости. Желающій знать болѣе объ ужасныхъ его злодѣйствахъ, пусть читаетъ Павла Одоборнія и посовѣтуется съ нимъ, чтобы получить свѣдѣнія о томъ полнѣе и подробнѣе.

По смерти этого безчеловѣчнаго тирана, въ странѣ происходило что-то необыкновенное: Богданъ Бѣльскій, сдѣланный покойнымъ Княземъ опекуномъ дѣтей его, былъ сильный Бояринъ, съ весьма большимъ значеніемъ и богатствомъ; онъ охотно хотѣлъ устранить этѣхъ дѣтей и самъ сдѣлаться Великимъ Княземъ; для чего привлекъ къ себѣ многихъ приверженцевъ, набралъ много народа и укрѣпился въ Кремлѣ; но это сильно раздосадовало Князей страны и весь народъ, которые очень были недовольны, что опять подвергнутся игу и службѣ ужаснаго тирана, отъ котораго только что освободились жестокость и великая надменность Бѣльскаго были довольно извѣстны Москвитянамъ.

Для того всѣ они, высшаго и низшаго званія, собравшись вмѣстѣ, выбрали единодушно своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ Ѳедора Ивановича, осадили Кремль, поставили передъ нимъ нѣсколько большихъ пушекъ, и такъсидь по обстрѣливали его во многихъ мѣстахъ, что въ немъ было много убитыхъ; ратные люди Бѣльскаго въ ужасѣ оставили крѣпость и покинули своего повелителя; отъ того онъ и долженъ былъ заключить договоръ съ непріятелемъ, сдать Кремль и противъ воли согласиться на все, что сдѣлали въ это время другіе.

По тому-то Ѳедоръ Ивановичъ и принялъ по смерти отца Великокняжескій вѣнецъ, на 22 году возраста, въ Москвѣ, въ церкви Св. Маріи, 31-го Іюня (?), 1584 года. Это былъ Государь средняго роста, бѣлый лицемъ, благочестиво воспитанный. Супруга его была родная сестра Бориса Ѳедоровича Годунова, Ирина (Udovia, Годунова?); онъ имѣлъ отъ нея много сыновей и дочерей, умиравшихъ при самомъ рожденіи (?). Тотчасъ же послѣ того, какъ принялъ вѣнецъ и правленіе, онъ далъ свободу всѣмъ плѣннымъ и забавилъ подданныхъ отъ большихъ тягостей, повинностей и податей, какъ приказалъ ему на смертномъ одрѣ отецъ.

Все пошло какъ-то странно и мудрено въ странѣ: между подданными смуты и возмущеніе; война съ Шведскимъ Королемъ; съ Польшею надо было снова потверждать перемиріе; приходилось

вести переговоры и начинать многія важныя дѣла съ другими Государствами, а новоизбранный и вѣнчанный Великій Князь не такъ чтобы очень годился и былъ способенъ къ такимъ занятіямъ: отъ природы простоватый и тупоумный, онъ не имѣлъ большой охоты заниматься Государственными дѣлами и приводить въ лучшій порядокъ управленіе, но находилъ свою отраду въ образахъ и духовныхъ дѣлахъ, иногда бѣгалъ самъ по церквамъ, благовѣстилъ и звонилъ въ колокола, когда народу надобно собираться къ богослуженію и слушать обѣдню: отецъ часто упрекалъ его въ томъ, говоря, что онъ больше походитъ на Понамарскаго, чѣмъ на Великокняжескаго, сына.

Когда онъ совѣтовался съ своими знатнѣйшими Боярами и Думцами, какъ лучше приняться за управленіе и устроить его, всѣ единогласно рѣшили, что шуринъ его, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ (Gudenovv), бывшій тогда Государственнымъ Конюшимъ, долженъ управлять вмѣстѣ съ нимъ, по тому что это былъ смѣтливый, благоразумный и осторожный Бояринъ, но чрезвычайно лукавый, плутоватый и обманчивый, то есть, настоящій Русскій, и виновникъ паденія и гибели Русскихъ. Великій Князь и думные Бояре тотчасъ же позвали его въ залу; Государь всталъ, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь и сказалъ: «Шуринъ Борисъ! Этою цѣпью я, Ѳедоръ Ивановичъ, Царь и Великій Князь всея Руси, беру тебя въ должность къ себѣ и дѣлаю наряду съ собою правителемъ Царства, съ тѣмъ уговоромъ и условіемъ, чтобы ты взялъ съ моей шеи на свою трудное и великое бремя правленія, рѣшалъ всѣ малыя тяжебныя дѣла въ моей землѣ, по своему крайнему разумѣнію и благоразумію, а большія и важныя, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, предлагалъ и подносилъ мнѣ, а безъ воли и вѣдома моего не дѣлалъ и не рѣшалъ ничего, по тому что я вѣнчанный и помазанный Царь и Великій Князь.»

Такъ Борисъ Ѳедоровичъ сдѣлался правителемъ, правилъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, и несъ свою должность съ такимъ усердіемъ и благоразуміемъ, что многіе дивились тому и говорили, что не было ему равнаго во всей странѣ по смышлености, разуму и совѣту, и прибавляли еще, что, буде Великій Князь умретъ безъ наслѣдниковъ, а сводный братъ его, молодой Димитрій, также оставитъ здѣшнюю жизнь, никого изъ Бояръ и Князей въ странѣ не

будетъ способнѣе и пригоднѣе въ Великіе Князья, кромѣ этого Бориса Ѳедоровича. Когда такія рѣчи стали вездѣ ходить по Москвѣ и, благодаря наушникамъ и лазутчикамъ Бориса, сдѣлались извѣстны ему, онъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію: опираясь на это средство, сталъ онъ придумывать и ухищряться, какъ бы ему всего удобнѣе погубить и искоренить Великокняжескій родъ и семейство, и самому, съ друзьями и потомками, возвыситься до Великокняжескихъ почестей верховной власти и величія.

Теперь на него не было ни какихъ подозрѣній, никто и не замѣчалъ его происковъ, какъ ни сильно старался онъ, къ какимъ ни прибѣгалъ хитростямъ и пронырствамъ, чтобы происвоить себѣ правленіе и добиться скитетра и короны. Его сестра, Великая Княгиня, была безплодна и совсѣмъ не родила дѣтей, а у Русскихъ былъ такой обычай и законъ, что когда у Великаго Князя, или какого ни будь простаго Боярина, гражданина, или Дворянина, жена безплодна и не могла раждать дѣтей, онъ имѣлъ право развестись съ нею, съ вѣдома Патріярха, Епископовъ и монаховъ, отослать ее, въ качествѣ монахини, въ монастырь и взять себѣ другую.

По тому-то Московскія власти и простой народъ и приняли намѣреніе отправить въ монастырь Великую Княгиню, выбрали, вмѣсто ея, сестру Князя Флора Ивановича Zizlphouschis, * родственницу Великаго Князя, самаго знатнаго рода въ странѣ, и хотѣли ее выдать за него замужъ. Но Борисъ думалъ совсѣмъ другое: онъ хитро предупредилъ это, и втайнѣ съ Патріярхомъ, имѣвшимъ главный голосъ въ этомъ дѣлѣ, устроилъ такъ, чтобы онъ не разрѣшалъ развода и новаго брака. Въ числѣ другихъ причинъ привелъ и ту, что если Великій Князь приживетъ съ другой женой наслѣдника, а молодой Димитрій, который еще живъ и здоровъ, придетъ въ возрастъ, отъ того произойдутъ великое возмущеніе, война и кровопролитіе. Патріярхъ убѣдился этѣмъ, сговорился съ Борисомъ, и оба они устроили такъ, что вышеназванная невѣста была тайно увезена изъ дома: ей обстригли волосы, сдѣлали ее монахиней и сослали въ монастырь, откуда она

* Мстиславскаго; см. Карамзина Ист. Гос. Росс.

никогда не могла выйти, пока была въ живыхъ. Противъ этого никто не смѣлъ и пикнуть, надо было держать себя смирно, по тому что такъ рѣшили Патріархъ и Борисъ, въ рукахъ которыхъ находилось главное управленіе.

Когда же этотъ замыселъ имѣлъ счастливый успѣхъ, Борисъ приказалъ тщательно развѣдать, чѣмъ занимается въ Угличѣ Князь Димитрій, къ чему имѣетъ природное расположеніе, какъ держитъ себя на словахъ и въ поступкахъ, въ нравахъ и пріемахъ.

Но по словамъ и дѣтскимъ играмъ Димитрія было замѣтно, что въ немъ крылась жестокая натура, вліяніе отца, особливо когда онъ чѣмъ ни будь занимался и игралъ съ своими мальчиками. Однажды, забавляясь въ зимнюю пору на льду съ Дворянскими дѣтьми, онъ велѣлъ надѣлать изъ снѣга и льда нѣсколько человѣческихъ статуй, потомъ каждой фигурѣ далъ имя какого ни будь Московскаго Князя и большаго Боярина и сказалъ: «Вотъ это Князь, это Намѣстникъ, это думный Бояринъ, это Канцлеръ, это Казначей, это Борисъ,» и такъ дальше до 20-ти человѣкъ. Послѣ того велѣлъ принести саблю и молвилъ: «Когда буду Великимъ Княземъ, тогда вотъ что сдѣлаю съ большими Боярами», и сперва срубилъ голову у фигуры, представлявшей Бориса Годунова, потомъ у другой руку, у третьей бедро, четвертую закололъ, и такъ далѣе, одну за другою, пока ни одной не осталось. Онъ обнаружилъ въ этой забавѣ свою природную склонность, по тому что

«Urit mature quod vult urtica manere.»

Годъ поживетъ — рогъ наживетъ, два поживетъ — два наживетъ, а три проживетъ — и хозяина сбодетъ (буквально: что хочетъ быть крючкомъ, то скоро закривляется). Отъ того-то Борисъ, сильно желавшій Царскаго вѣнца, и сталъ придумывать, какъ бы заблаговременно сбыть съ рукъ молодаго Князя; по тому что не онъ одинъ, а и многіе другіе Бояре боялись, что Димитрій будетъ весь въ отца по тираніи и жестокости, и всѣ желали, чтобы онъ во время еще отправился въ могилу. Борисъ склонилъ и уговорилъ четырехъ Дворянскихъ дѣтей, придворныхъ Димитрія, ежедневно прислуживавшихъ молодому Князю, подкупилъ ихъ деньгами и, кромѣ того, наобѣщалъ имъ большихъ помѣстьевъ съ крестьянами, если они, какъ Іуда, измѣнятъ своему Господину и

убьютъ его. Они сдѣлали это вотъ какимъ образомъ: однажды ночью подожгли дворецъ, когда же онъ началъ горѣть, и всѣ были въ испугѣ и смятеніи, измѣнники бѣгомъ побѣжали ко дворцу, разбудили Димитрія, зная его привычку вставать съ постели и смотрѣть, какъ горѣло и какъ народъ тушилъ огонь.

Когда онъ всталъ съ постели и сошелъ изъ дворца по лѣстницѣ, четыре вѣроломные Дворянина напали на него, закололи его длинными, отравленными, ножами и побѣжали въ Москву къ Борису, думая получить отъ него большіе милости и подарки за свою вѣрную службу.

Но Борисъ опасался, чтобы не огласилось это коварное дѣло: онъ велѣлъ умертвить этѣхъ убійцъ такимъ же четверымъ злодѣямъ, подкупленнымъ для того деньгами и обѣщаніями, и тайкомъ поджечь во многихъ мѣстахъ Москву, чтобы сгорѣло до сотни дворовъ, и жители не слишкомъ много были бы озабочены смертью убитаго Государя, а больше бы тужили и жалѣли о своемъ собственномъ несчастьи и убыткѣ. Когда пожаръ въ Угличѣ былъ потушенъ, и граждане узнали, что Князь Димитрій зарѣзанъ, они побѣжали во дворецъ и, въ раздраженіи и гнѣвѣ, перебили всю прислугу убитаго, опасаясь, что всѣмъ имъ придется раздѣлываться за молодаго Князя.

Но Борисъ, завѣдывавшій правленіемъ, не удовольствовался тѣмъ: онъ принялъ очень печальный и озабоченный видъ по случаю этого убійства, прикинулся сильно разгнѣваннымъ, чтобы не могли быть замѣчены его происки, наказалъ утопленіемъ, мечемъ и темницей Углицкихъ гражданъ и купцовъ (которыхъ пожаръ и то уже лишилъ домовъ, дворовъ и всего состоянія), и множество ихъ отправилъ въ ссылку въ Сибирь. Онъ притворился, что смерть молодаго Князя глубоко трогаетъ его, плакалъ и рыдалъ передъ народомъ, а сердце прыгало у него отъ радости и удовольствія. Чтобы всѣ въ странѣ знали о смерти Князя, вмѣстѣ съ своими служителями и молодыми Дворянами, онъ отправилъ одного очень знатнаго Князя и Думцу, Василія Ивановича Шуйскаго (Zuski), бывшаго послѣ Великимъ Княземъ, и велѣлъ ему тщательно осмотрѣть, истинный ли это Димитрій, или нѣтъ; если окажется истиннымъ, они должны съ почестью и покняжески по-

хоронить его, какъ водится, а дворецъ, какъ мѣсто убійства, сломать. Такъ погубленъ и убитъ былъ истинный Димитрій, родной сынъ Ивана Васильевича, отъ Маріи Ѳедоровны Нагой (Uagai), на 9-мъ году возраста: это было причиною великихъ убійствъ и кровопролитія, какъ увидимъ далѣе.

Послѣ того, какъ Димитрій былъ устраненъ, и Борису нечего было опасаться, что онъ будетъ ему помѣхою въ его замыслѣ, правитель обратилъ всѣ свои соображенія и усердныя старанія къ тому, чтобы установить миръ и согласіе между Россіею и Швеціею, и чрезъ то получить еще болшее значеніе въ странѣ и внушить простому народу больше покорности и добраго расположенія къ себѣ; по тому что, когда всѣ въ странѣ будутъ смирны и согласны, всякой станетъ жить въ мирѣ и спокойствіи, ни какакихъ непріятелей, ни внутреннихъ, ни иноземныхъ, не будетъ, тогда удобнѣе и лучше можетъ онъ вести далѣе и исполнить свой замыслъ. По заключенію мирнаго договора съ Швеціею при Тирѣ (Тявзинѣ), въ 1594 году, Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичъ, жилъ не долго. Послѣ 12-ти лѣтняго царствованія, онъ умеръ въ 1597 году, и нѣкоторые думаютъ, что Борисъ далъ ему яду.

Когда онъ лежалъ больной и боролся съ смертію, вошла къ нему Государственная Дума и спрашивала: кому, по кончинѣ его, быть Великимъ Княземъ, по тому что Димитрій убитъ и больше никого нѣтъ наслѣдниковъ? Онъ отвѣчалъ, что Государемъ будетъ тотъ, кому, при своей кончинѣ, отдастъ онъ скипетръ. Межъ тѣмъ Великая Княгиня, сестра Бориса, уговаривала Ѳедора вручить скипетръ брату ея, до сихъ поръ хорошо и усердно правившему страною. Но Великій Князь, чувствуя свой близкій конецъ, и надѣвъ, по Русской Вѣрѣ, монашескій клобукъ, отдалъ скипетръ своему близкому другу, Ѳедору Никитичу Романову; этотъ, однако жь, не взялъ его, и подвинулъ, вмѣсто себя, другаго своего брата, Александра, этотъ третьяго, Ивана, тотъ четвертаго, Михаила, послѣдній опять какого-то знатнаго Князя; ни кому не хотѣлось предупреждать другаго; это досадно стало Великому Князю: онъ бросилъ скипетръ и сказалъ: «Пусть же беретъ его, кто хочетъ и можетъ!» Тогда Борисъ, не званый и не прошеный, взялъ его себѣ. Великій Князь послѣ того скончался, и на другой день былъ

похороненъ въ церкви Св. Михаила, возлѣ своихъ предковъ, другихъ Великихъ Князей.

Когда Ѳедоръ Ивановичъ былъ похороненъ, а Борисъ взялъ себѣ скипетръ, другіе большіе Бояре и Русскіе Князья сильно досадовали на правителя, порочили его въ народѣ, говорили съ укоризною объ его низкомъ происхожденіи, о томъ, что не ему слѣдуетъ носить вѣнецъ и скипетръ и царствовать, а другому, изъ древняго Великокняжескаго рода. Но это ни сколько не помогло имъ: вдова Великаго Князя, сестра Бориса, Ирина Ѳедоровна, была очень хитра и ловка въ своихъ происках и затѣяхъ; она хорошо помнила, что куда подается большинство, туда потянутся за нимъ и всѣ, и что всегда одинъ слѣдуетъ за другимъ, гораздо его умнѣе, точно животное за идущимъ впереди стадомъ, болѣе по привычкѣ, нежели по догадкѣ и съ разсчетомъ. Большими обѣщаніями и подарками она тайно склонила Полковниковъ и Капитановъ, чтобы они уговорили подчиненныхъ себѣ воиновъ подавать голоса въ пользу ея брата, преимущественно предъ всѣми другими, когда позовутъ ихъ на избраніе Великаго Князя, такъ какъ братъ ея всегда заботился о пользѣ и благѣ подданныхъ, да въ томъ же духѣ и правилъ страною; подобнаго ему не сдѣлалъ прежде ни одинъ Великій Князь. Этого онъ никогда не забудетъ и предоставитъ пользоваться тѣмъ, если только они окажутъ ему надлежащую помощь въ его дѣлѣ.

Точно такъ же она вела тайные происки со многими знатными монахами и попами по всей странѣ, даже со вдовами и сиротами, которымъ Борисъ, во время своего управленія, пособилъ выиграть и привести къ концу долговременныя ихъ тяжбы, со многими Боярами, Дворянами и купцами, которые, благодаря большимъ обѣщаніямъ и подаркамъ, должны были уговаривать своихъ подчиненныхъ, чтобы выбирали въ Великіе Князья ея брата. Это имѣло счастливый успѣхъ. Какъ скоро шесть недѣль печали прошли, всѣ сословія, высшія и низшія, духовныя и гражданскія, собрались въ Москву, для единодушнаго избранія Великаго Князя. Борисъ Ѳедоровичъ вошелъ въ собраніе Государственныхъ сословій, положилъ скипетръ, сложилъ правленіе и притворился, что не имѣетъ ни желанія, ни охоты управлять дольше, или быть Ве-

ликимъ Княземъ: Князья и большіе Бояре дивились, не зная, что кроется тутъ.

Съ тѣмъ Борисъ Ѳедоровичъ и ушелъ, а Князья и Бояре стали разсуждать между собою, кто всѣхъ достойнѣе и способнѣе быть Великимъ Княземъ: одинъ указывалъ на другаго, третій на четвертаго. Когда они предложили кого-то и хотѣли подавать голоса, для чего позвали и Дворянъ, вышелъ одинъ старикъ, хорошо знавшій, къ чему клонится дѣло, и сказалъ, отъ имени всѣхъ другихъ: «Господа Князья и думные Бояре! Дѣло, которое теперь рѣшается, принадлежитъ не одному сословію, а всѣмъ вообще, духовнымъ и свѣтскимъ, высшимъ и низшимъ въ странѣ: что всѣ они единодушно положатъ и найдутъ лучшимъ, на то и мы дадимъ свое согласіе и голосъ.» По тому всѣ сословія и собрались вмѣстѣ, духовныя и свѣтскія: они шумѣли и кричали въ одинъ голосъ, такъ что раздавалось въ воздухѣ, говоря: «Много знатныхъ Князей и Бояръ въ странѣ, а мудраго и разсудительнаго Великаго Князя нѣтъ между ними. Борисъ Ѳедоровичъ будетъ добродѣтельнымъ и благоразумнымъ Государемъ: онъ долго и вѣрно служилъ Отечеству и правилъ имъ такъ, что всякому оказывалась справедливость, богатому и бѣдному, всѣмъ управлялъ, распоряжался, велъ такъ умно переговоры, чего до него никто не дѣлалъ, сколько ни существуетъ Русское Царство. А по тому они всѣ и придумали выбрать и имѣть Великимъ Княземъ только его, и никого другаго.» Этотъ крикъ не со всѣмъ-то пріятно отозвался въ ушахъ многихъ Князей и Бояръ, но надо было по неволѣ слушать и сдерживать себя. Послали за Борисомъ, но онъ отказался прійти, не хотѣлъ соглашаться на ихъ выборъ и быть Великимъ Княземъ, мастерски съумѣлъ притвориться, удалился въ монастырь, къ сестрѣ, вдовѣ Великаго Князя, за малую полумилю отъ Москвы, желая посовѣтоваться съ ней, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ? Не сдѣлаться ли ужь ему монахомъ, не постричься ли въ монастырѣ, чтобы никто не подумалъ, что онъ искалъ Царскаго вѣнца? Со всѣмъ тѣмъ, еще до отъѣзда изъ Москвы, онъ наказалъ своимъ лучшимъ друзьямъ и клевретамъ, чтобы они не щадили трудовъ для подъущенія черни, чтобы она не зѣвала въ этомъ дѣлѣ и не мѣшкала долго, но поскорѣе приводила бы его къ концу, прежде чѣмъ Борисъ успѣетъ выстричь

себѣ плѣшину. По томъ уже будетъ поздно, и по всей Руси нельзя будетъ найти Государя, подобнаго ему по добродѣтели, мужеству и способностямъ.

Отъ этого-то великій шумъ и гамъ поднялся между простымъ народомъ; Бояре принуждены окончить совѣщаніе, пойти, вмѣстѣ съ чернью, къ монастырю и поступить, какъ будетъ нужно и полезно для этого дѣла.

Когда сословія собрались и единодушно положили, что не хотятъ имѣть Великимъ Княземъ никого другаго, кромѣ вышепомянутаго Бориса, отправились къ монастырю самые старые сѣдобородые старики изъ монаховъ и Священниковъ, Князей и Дворянъ, Боярскихъ дѣтей и воиновъ, гражданъ и купцовъ, и желали говорить съ Борисомъ. Но онъ не пустилъ ихъ къ себѣ, а велѣлъ имъ сказать, чтобы они не просили его въ Великіе Князья: они ничего не возьмутъ своими просьбами; онъ довольно послужилъ уже міру, наскучилъ и утомился труднымъ правленіемъ, и хочетъ теперь покоя и тишины. Но тутъ народъ сталъ кричать такъ громко, что раздавалось въ небѣ:

«Окажи намъ милость, Государь, Борисъ Ѳедоровичь, смилуйся надъ нами, разсѣянными и безгосударными, не потяготись быть нашимъ Великимъ Княземъ!» Они не переставали кричать до тѣхъ поръ, пока онъ не показался: благодарилъ ихъ за предложенную честь и указывалъ на знатныхъ Князей и большихъ Бояръ, знаменитѣе его родомъ, умнѣе и разсудительнѣе его. Но они не хотѣли слушать ни какихъ убѣжденій, упрямо стояли на своемъ, пали лицемъ на земь, по временамъ поднимаясь и вопили:« Смилуйся надъ нами, Государь, Борисъ Ѳедоровичъ, послушайся насъ и будь нашимъ Великимъ Княземъ!» Онъ притворился, будто не слышитъ, и ушелъ опять въ монастырь. Безнадежные, пошли они въ городъ, и послали нѣсколько тысячь малютокъ, которые на другой день подошли къ монастырю, начали жалобно причитать и горько рыдать, чтобы онъ склонился: «Смилуйся, надъ нами, Государь, Борисъ Ѳедоровичъ, смилуйся и выслушай насъ милостиво: если не хочешь оказать милости нашимъ родителямъ, окажи милость намъ и будь нашимъ Великимъ Княземъ! Отцы наши, можетъ быть, сдѣлали тебѣ какое ни будь зло и провини-

лись передъ тобою, по тому что ты не хочешь слушать ихъ просьбы; но мы не виноваты и не сдѣлали тебѣ ни какого худа: будь же Государемъ и Великимъ Княземъ надъ этимъ большимъ народомъ: земля наполнена заблудшими овцами, не имѣющими пастыря. Ради Бога, будь нашимъ пастыремъ! Богъ наградитъ тебя за то.»

Послѣ такихъ жалостныхъ причитаній, Борисъ явился къ нимъ въ другой разъ съ сестрою, вдовою Ѳедора Ивановича, и отказался быть Великимъ Княземъ. Тогда дѣти обратили свои мольбы и вопли къ его сестрѣ: пусть она сжалится надъ заблудшими овцами, упроситъ, уговоритъ брата не отвергать ихъ, а принять въ свою милость и быть у нихъ Великимъ Княземъ. Она упрашивала его склониться на просьбы и дать добрый отвѣтъ опечаленному народу; тогда онъ обратился къ дѣтямъ и сказалъ: «Видя и зная, что множество народа изъ всѣхъ сословій утруждаетъ здѣсь себя безпрестанными мольбами и просьбами, узнаю изъ того волю Божію на то, чтобы быть мнѣ Государемъ на Руси.

Но чтобы еще лучше узнать и убѣдиться въ изволеніи Божіемъ, прошу отложить это дѣло на нѣсколько недѣль: пусть военныя власти, Капитаны и всѣ урядники, съ подчиненными имъ войсками, и Боярскіе дѣти всей земли явятся по доброй волѣ въ слѣдующемъ Іюнѣ, въ Серпуховъ (Zirpokovv), противъ Татарина, который сбирается вторгнуться въ страну съ большими силами: это покажетъ ясно, что всѣ сословія въ самомъ дѣлѣ желаютъ выбрать его своимъ Государемъ.

Когда, по его приказанію, Боярскіе дѣти, Дворянство и всѣ войска, до 200 тысячь человѣкъ, явились въ срокъ у Серпухова, прибыли туда же посланники изъ Персіи и отъ Татаръ: ихъ тотчасъ же выслушали, поспѣшно условились о мирѣ съ Татарами, посулили имъ ежегодную дань, дали подарки и велѣли имъ возвращаться домой. Персидскаго посланника также съ большими подарками проводили за границу.

По отправленіи пословъ, Борисъ не только роздалъ годовое жалованье войску, но и подарки въ золотыхъ монетахъ, шелковыхъ тканяхъ и бархатѣ; пригласилъ ихъ на пиръ, въ открытомъ

полѣ, угощалъ отличнымъ образомъ купаньями и мантиками, разными медами и водкой, въ благодарность имъ наговорилъ ласковыхъ словъ и большихъ обѣщаній и обнадежилъ, что будетъ такъ заботиться о нихъ и подданныхъ въ странѣ, что они отнынѣ жить примѣваючи.

Такими пышными обѣщаніями, отличнымъ угощеніемъ, необыкновенными суммами денегъ и подарками Борисъ расположилъ и привязалъ къ себѣ все низшее Дворянство и войско: на зло большимъ Боярамъ они полюбили его за кротость, добродѣтель и ласковое обращеніе, подъ открытымъ небомъ объявили и провозгласили его Царемъ и Великимъ Княземъ, присягнули ему и клялись всѣмъ для него пожертвовать; такимъ-то образомъ и сбылась одна старинная поговорка: «Pecuniae obsedient omnia. In pretio pretium est. Dat census honores. Qui habet dare, habet regnare.

Теперь Борисъ отправился съ войскомъ въ Москву; никто не смѣлъ и пикнуть противъ него; при входѣ его народъ на улицахъ кричалъ: «Дай Богъ здоровья и долголѣтія нашему Великому Князю!» Граждане убрали и украсили домы березами и цвѣтами; всѣ были веселы и довольны, и понели его въ церковь Св. Маріи, гдѣ Патріархъ вѣнчалъ его Царскимъ вѣнцомъ, облачилъ въ Великокняжескія одежды и украшенія, не смотря на ропотъ большихъ Бояръ, 1-го Сентября, 1597 года. Послѣ вѣнчанія онъ тотчасъ же велѣлъ взять подъ стражу нѣсколькихъ Князей и большихъ Бояръ, которые не желали ему Царскаго величія, а сами бы охотно сдѣлались Великими Князьями, и безъ всякаго милосердія отнялъ у нихъ все имущество: теперь онъ царствовалъ въ полной безопасности, безъ всякаго сопротивленія.

Послѣ всѣхъ этихъ происшествій, онъ подтвердилъ и возобновилъ прежніе мирные договоры съ сосѣдними Королями и Государями и дѣлалъ все, что могло служить къ общей пользѣ и благоденствію страны; землевладѣльцы въ короткое время очень разбогатѣли и находились въ хорошемъ положеніи. При вѣнчаніи онъ далъ обѣтъ не проливать, въ продолженіи 5-ти лѣтъ, ни одной крови, а наказывать за всѣ преступленія изгнаніемъ, или ссылкою, въ Сибирь и другія очень отдаленныя мѣста; въ свое царствованіе онъ давалъ замѣтить, что хочетъ изъ Германіи, Англіи и

Франціи выписать свѣдущихъ и ученыхъ людей, которые должны будутъ учить и наставлять его юношество во всѣхъ языкахъ, добрыхъ нравахъ и свободныхъ искусствахъ. Но духовныя лица ни какъ не хотѣли согласиться и дозволить того: они представляли, что земля ихъ велика и обширна, согласна въ Вѣрѣ, нравахъ и языкѣ; если же Москвитяне научатся другимъ языкамъ, отъ того выйдутъ большіе раздоры и несогласія между ними: тогда отпадутъ они отъ своей древней Греческой Вѣры, и за тѣмъ послѣдуетъ погибель странѣ.

Такъ это и осталось; однако жь онъ все же послалъ 18-ть молоденькихъ мальчиковъ изъ низшаго Дворянства учиться иностраннымъ языкамъ и искуствамъ; трое изъ нихъ пріѣхали потомъ въ Швецію, служили при Дворѣ Короля Карла IX, блаженной памяти, и получали значительное жалованье.

Онъ позволилъ свободно ѣздить въ его землю и выѣзжать изъ нея для торговли плѣннымъ Ливонскимъ купцамъ, и для того велѣлъ дать имъ изъ казначейства, однимъ по 300, другимъ по 400 червонцевъ: они могли пользоваться этѣми деньгами, не платя ни какихъ процентовъ, пока онъ не потребуетъ ихъ назадъ, чего, однако жь, не было, да никогда и не будетъ, по тому что и купцы и Великій Князь умерли.

Въ 1599 году, онъ отправилъ двоихъ пословъ: одного въ Торунь, въ Пруссіи, а другаго въ Ригу, въ Ливоніи, съ большими подарками къ сыну Короля Шведскаго, Эрика XIV, Густаву; послы должны были уговаривать, убѣждать и склонять Принца, чтобъ онъ долѣе не бродилъ по свѣту изъ мѣста въ мѣсто и не терпѣлъ великой бѣдности и изгнанія, а отправился бы къ Борису въ Россію, который дастъ ему Княжеское содержаніе, не какъ Великій Князь и Государь, но какъ отецъ, на все время его жизни; или пока будетъ угодно Принцу; а если не будетъ угодно, въ его волѣ останется уѣхать, куда пожелаетъ, со всѣми служителями и имуществомъ. Борисъ послалъ къ нему потомъ и опасную грамоту, которую Густавъ, уѣзжая въ Россію, отдалъ на сохраненіе одному знатному гражданину въ Ригѣ.

Получивъ такое обѣщаніе и опасную грамоту, Густавъ отправился въ Россію. Тамъ сперва сдѣлали ему великолѣпный и тор-

жественный пріемъ, проводили въ Москву, въ дорогѣ превосходно угощали кушаньями и напитками, какъ слѣдуетъ Королевскому сыну. Борисъ надарилъ ему и бывшимъ съ нимъ служителямъ нѣсколько сотенъ червонцевъ, разныхъ дорогихъ шелковыхъ матерій, бархату, атласу, камки, золотыхъ вещей, превосходнаго сукна и тафты на платье, разныхъ прекрасныхъ мѣховъ, собольихъ, куньихъ, рысьихъ и лисьихъ; сверхъ того подарилъ ему лошадей, сѣдла и поводья, и наконецъ весь Княжескій столовой приборъ, тарелки, блюда, штофы, подносы, чтобы у него ни въ чемъ не было недостатка для Княжескаго стола и содержанія. Эта Великокняжеская щедрость продолжалась два года, пока Великій Князь не велѣлъ предложить ему, что если онъ откажется отъ своей Вѣры, перекрестится и приметъ Русскую, Борисъ не только будетъ ему вмѣсто отца и выдастъ за него свою дочь, но и поможетъ ему сдѣлаться Королемъ въ Швеціи. Знаменитый Господинъ ни какъ не хотѣлъ изъявить на это согласіе Великому Князю и говорилъ, что если ему нельзя будетъ достать жену другимъ образомъ, а не отреченіемъ отъ Вѣры и разореніемъ его любезнаго отечества, то онъ лучше весь свой вѣкъ останется холостымъ и умретъ самою страшною смертью. Принцъ тотчасъ же потребовалъ себѣ отпуска и позволенія выѣхать изъ страны; но такъ какъ очень ужь дерзко ссылался на опасную грамоту и обѣщанія Великаго Князя, ему не стали оказывать такого высокаго уваженія, какъ прежде, и со дня на день убавляли его содержаніе. Великій Князь подговорилъ одного изъ служителей Принца, Кенигсбергскаго уроженца, по имени Якова Шульта, чтобъ онъ укралъ у него печать и написалъ отъ имени его письмо къ Рижскому гражданину, съ просьбою, безъ отговорокъ выслать ему опасную грамоту. Тотъ такъ и сдѣлалъ, полагая, что такова воля Принца, по тому что видѣлъ его письмо и печать.

Доставъ грамоту, Великій Князь полагалъ, что Густавъ навѣрное уступитъ его желанію, приметъ Русскую Вѣру и будетъ соображаться съ его приказаніями. Это, однако жь, не помогло. Густавъ сказалъ, что Королю и Князю должно имѣть, какъ пишетъ Baldus, Cons. 327, «unum calamum et unam linguam. Quia scriptum est, quae processerunt de labiis meis, non faciam irrita.» То есть: «онъ не долженъ обращать въ ничто слова, которыя

когда ни будь сказали его уста»; къ тому же Королю и Государю слѣдуетъ наблюдать то, что имѣетъ Царь Давидъ въ Псалмѣ 62: «Semel loquutus est Deus,» т. е., «Единою глагола Богъ» (Псал. 61, 12). Тѣмъ онъ хочетъ дать знать, что Царь и Король долженъ вѣрно держать обѣщаніе и данное слово, и не противорѣчить себѣ въ томъ, что разъ посулилъ и обѣщалъ. Но это не можетъ имѣть какое ни будь значеніе у варварскихъ Государей; отъ того Государь Густавъ очень унывалъ и тужилъ, преводилъ время въ прилежномъ ученіи и въ занятіяхъ Алхиміею, отъ чего и повредился въ умѣ: не бралъ въ ротъ ни куска, высказывалъ прямо (особливо, когда пируетъ и напьется крѣпкаго вина), иногда въ шутку, иногда въ самомъ дѣлѣ, что у него на душѣ; а одинъ разъ, межъ шутокъ съ Великокняжескимъ лѣкаремъ, сказалъ:

«Если Великій Князь не позволитъ ему выѣхать изъ страны, по своему обѣщанію и клятвѣ, онъ подожжетъ городъ и сейчасъ же убѣжитъ.» Что же вышло? Лѣкарь на другой день далъ знать объ этомъ одному изъ думныхъ Бояръ Великаго Князя, по имени Семену Никитичу (Michitivvitz), а этотъ немедленно Великому Князю, на что послѣдній такъ разсердился и озлобился, что далъ рѣшительный приказъ одному большому Боярину, Степану Васильевичу, взять назадъ у Принца всѣ его серебряныя украшенія, платья, сбрую и утварь, содержать его подъ крѣпкою стражей и нѣсколько дней не давать ему ни ѣсть, ни пить.

Однако жь, спустя нѣсколько дней, смягчился, далъ ему на житье и содержаніе Углицкое Княжество, съ условіемъ, впрочемъ, чтобы этою областью управляли Русскіе Бояре, данные ему въ услуженіе, собирали съ нея доходы и давали ему изъ собраннаго, сколько нужно на содержаніе его и служителей: тамъ онъ и жилъ до кончины Великаго Князя. Когда же правленіе принялъ Гришка Отрепьевъ (Griska Trepeia), первый Лжедимитрій, Принца отправили въ городъ Ярославль, гдѣ содержали его не лучше плѣнника, за то только, что онъ больше расположенъ былъ къ Шведскому Королю, Карлу IX, нежели къ Польскому, Сигизмунду III.

По смерти Гришки, по приказанію Великаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго (Zuski), перевели его оттуда въ городъ Кашинъ (Casin), гдѣ снабжали его пищей, напитками и другими удобствами, не много лучше, чѣмъ при Гришкѣ. Онъ оставался тамъ до

ванной своей смерти въ 1607 году, и былъ похороненъ за городомъ въ прекрасной, часто посѣщаемой для гулянья, березовой рощѣ, которую видѣлъ собственными глазами, не только я, но и Шведскій полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, съ нѣкоторыми другими лицами, и можемъ это засвѣдѣтельствовать. Отъ того-то и нельзя считать вѣрными извѣстіе Мартина Бера, что Густавъ похороненъ въ монастырѣ Димитрія Солунскаго (Mitrofaolonski), по тому что Русскіе, по своему обычаю, ни какъ не дозволятъ хоронить иновѣрцевъ, высокаго или низкаго званія, въ ихъ освященномъ мѣстѣ, въ церкви, или въ монастырѣ.

Не склонивъ ни какими средствами Густава къ войнѣ съ его отечествомъ, Великій Князь Борисъ Годуновъ сговорился съ нѣсколькими иностранцами, въ числѣ которыхъ главнымъ конюшимъ былъ Кондратъ Буссъ, чтобы хитростью и обманомъ привести городъ Нарву изъ подъ власти Шведской Короны во власть Москвы. Но это имѣло не лучшій успѣхъ, такъ какъ нѣкоторые были при этомъ захвачены, лишились головы и были колесованы: они получили заслуженную награду, и ни кого не должны благодарить за нее, кромѣ своего вѣроломнаго предводителя.

Такъ какъ замыслы Великаго Князя, не имѣли ни какого успѣха у Шведскаго Короля, то онъ обратился къ Датскому, заключилъ тѣсный союзъ и дружбу съ Свѣтлѣйшимъ Королемъ, Христіяномъ IV, и такъ повелъ дѣло, что родной братъ Короля, Герцогъ Гансъ, пріѣхалъ наконецъ къ нему съ значительною дружиной — жениться на его дочери, Аксиньѣ Борисовнѣ (Axinia Borissovva), которая сначала назначалась въ жены Густаву. Но это такъ и осталось, по тому что Герцогъ былъ въ живыхъ въ Москвѣ не больше 6-ти недѣль, и похороненъ Датскими Совѣтниками и нѣсколькими Русскими Боярами въ Слободѣ, въ четверти мили отъ города, въ Нѣмецкой деревянной церкви.

Но выше названный Герцогъ имѣлъ пріемъ гораздо пышнѣе и торжественнѣе своего двоюроднаго брата, Герцога Магнуса, а по тому я и разскажу о томъ въ короткихъ словахъ. Высокородный Князь, Герцогъ Гансъ, прибылъ въ Москву 19 Сентября, 1602 года; въ одной мили отъ города, на красивой и ровной полянѣ, находилось нѣсколько тысячъ верховыхъ, очень нарядно

одѣтыхъ, знатнѣйшіе Бояре въ длинныхъ кафтанахъ изъ золотой и серебряной парчи, лошади богато убраны въ серебряную и позолоченную сбрую; тамъ были вмѣстѣ Русскіе, Татары, Нѣмцы и Поляки, и всѣ они находились въ придворной и военной службѣ у Великаго Князя. Когда Герцогъ приблизился съ провожавшими его, къ нему подъѣхали Русскіе Князья и Бояре и тотчасъ же сошли съ коней. Въ ту же минуту сошелъ съ коня и Герцогъ. Аксель Гилленстіернъ, Аксель Браге, Христіянъ Голькъ, Гейнрихъ Вульфъ, Герлоффъ Нетгельгорстъ, Гарлоффъ Дуа, Отте Браръ, Матвій Кунтсенъ, Д. Леонардъ Метцнеръ, Д. Іоргенъ Веберъ, Д. Іоганнъ Мюде и нѣсколько другихъ знатныхъ вельможъ: Москвитяне подошли къ Герцогу очень смиренно и почтительно, приклонивъ голову къ землѣ, и приняли его со всѣмъ почетомъ.

Послѣ сдѣланнаго пріема и произнесенной рѣчи, Герцогу подарена была отъ Великаго Князя прекрасная, сѣрая въ яблокахъ, лошадь, въ сѣдлѣ изъ позолоченнаго серебра, попонѣ изъ золотой парчи, нашейникѣ, тоже изъ золоченнаго серебра, съ двойными уздечками для красоты, по Русскому обычаю, похожими на постромки. Аксель Гилленстіернъ, Аксель Браге и Христіянъ Голькъ также получили въ подарокъ прекрасныхъ лошадей съ нарядными сѣдлами, уздами, серебряными нашейниками и въ сбруѣ, обитой серебряными и позолоченными наугольниками и пряжками; Гоффъ-Юнкеры и Офицеры получили тоже красивыхъ лошадей въ нарядной сбруѣ, также и всѣ большіе и малые люди при Герцогѣ.

Всѣ они сѣли опять на коней и поѣхали въ порядкѣ; а въ городѣ Герцога со всѣмъ, находившимся при немъ народомъ, провожали очень торжественно и ввели на большой дворъ возлѣ Кремля; Великій Князь велѣлъ звонить въ большой Кремлевскій колоколъ, издававшій сильный звонъ: это былъ радостный звонъ для входа Принца.

20 Сентября Великій Князь прислалъ въ пребываніе Принца 100 кушаньевъ на блюдахъ изъ чистаго и яркаго золота, очень большихъ и толстыхъ; ихъ было до 200, по тому что на всякомъ кушаньѣ было еще блюдо для покрышки; прислалъ также и разныхъ напитковъ: пива, меду, вина и водки, въ золотыхъ и по-

золоченыхъ кубкахъ и широкихъ чашахъ, которыхъ тоже было очень много.

28 Сентября Герцогъ, со всѣми его людьми, былъ приглашенъ Великимъ Княземъ въ гости и позванъ въ Кремль. Всѣ они самымъ вѣжливымъ образомъ были угощаемы прислугою Великаго Князя; самъ же онъ обдарилъ ихъ верховыми лошадьми. Сначала пришелъ Канцлеръ Аѳанасій Frassi Ивановичъ, съ большою толпою Русскихъ Дворянъ, очень нарядно одѣтыхъ, и сдѣлалъ приглашеніе Герцогу. Когда этотъ былъ готовъ, Русскіе въ порядкѣ поѣхали впередъ, а Герцогъ, съ бывшими при немъ людьми, за ними, то же въ порядкѣ; нѣсколько тысячъ хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ стрѣльцовъ стояли по обѣимъ сторонамъ, отъ жилища Принца до залы, гдѣ находился Великій Князь.

За людьми Князя слѣдовало великое множество Русскихъ до Кремля, ко дворцу Великаго Князя; передъ дворцомъ стояли иностранцы Великаго Князя, Нѣмцы и Поляки, въ ихъ лучшемъ платьѣ, одѣтые по Польски и по Нѣмецки. Вошедши во дворецъ, Герцогъ со всѣми его людьми былъ проведенъ одною хорошо расписанной и позолоченной комнатой въ другую, въ которой стѣны сплошь были увѣшаны Турецкими и Персидскими коврами.

Когда Герцогъ вошелъ въ Великокняжескій покой, тамъ стоялъ Великій Князь съ его сыномъ, прекрасно одѣтые въ длинные бархатные кармазиннаго цвѣта кафтаны, и съ головы до ногъ облитые драгоцѣнными каменьями, особливо на головѣ и на груди такъ, что сіяли, какъ звѣзды.

Подошедши къ Великому Князю съ большимъ почтеніемъ, онъ былъ принятъ имъ и его сыномъ очень ласково и привѣтливо, и тотчасъ былъ выслушанъ. По обѣимъ сторонамъ Великокняжеской комнаты стояло множество Русскихъ Бояръ, Князей и Совѣтниковъ: всѣ они одѣты были въ золотую парчу, выложенную жемчугомъ и золотомъ.

По окончаніи пріема, когда наступило время обѣда, Великій Князь съ сыномъ и Герцогомъ пошелъ къ столу, въ большую залу со сводомъ, прекрасно расписанную и убранную.

Кресло Великаго Князя было золотое, столъ серебряный, съ позолоченными ступенями, вокругъ стола лежалъ тканый съ золотомъ коверъ. Съ потолка залы спускался превосходной работы вѣнецъ, въ которомъ находились золотые часы. По срединѣ возвышался большой четвероугольный столбъ, на которомъ, сверху до низу, стояло столько золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, большихъ чашъ, стклянницъ и бокаловъ, что просто диво!

Въ передней же залѣ кругомъ находилось такое множество золотыхъ и серебряныхъ чашъ и блюдъ, съ разною другою большою посудой, въ видѣ разныхъ большихъ звѣрей, что и не повѣрятъ, если сказать

Какъ только Великій Князь съ сыномъ и Герцогомъ сѣли за столъ, Русскіе Князья и Бояре размѣстились за однимъ столомъ, а люди, пришедшіе съ Герцогомъ, за другимъ, каждый по своему званію. Потомъ за другіе столы сѣли низшіе Русскіе Бояре, Нѣмцы, Поляки и Татары, каждый народъ особо, и Русскіе Гоффъ-Юнкеры (Камеръ-Юнкеры) должны были смотрѣть, чтобы никто не смѣлъ говорить съ иностранцами, подъ страхомъ лишенія Великокняжеской милости. Какъ только всѣ усѣлись, Великій Князь, осмотрѣвъ за своимъ столомъ, одно послѣ другаго, всѣ кушанья, которыхъ было 200, велѣлъ своимъ Стольникамъ подавать ихъ въ золотыхъ блюдахъ на другіе столы, приговаривая, что Великій Князь жалуетъ тѣмъ гостей. То же было и съ напитками, которые разносились въ большихъ золотыхъ чашахъ, кубкахъ и другой посудѣ.

Послѣ обѣда Великій Князь и его сынъ подарили Герцогу по превосходной золотой цѣпи, которыя сняли съ себя и надѣли ему на шею. Цѣпи были богато украшены драгоцѣнными каменьями высокой цѣны. Великій Князь подарилъ еще Герцогу много серебряной посуды, много дорогой одежды, золотой парчи, карандашей (Bliant), бархата, камки, атласу, разныхъ цвѣтовъ, нѣсколько сороковъ дорогихъ соболей, куницъ, рысей, черныхъ лисицъ и разныя другія вещи.

Но довольно о пріѣздѣ Принца и о томъ, что случилось съ нимъ въ этой странѣ. Теперь обратимся далѣе, къ другимъ предметамъ.

V

СМѢСЬ

ГРАМОТА ПЕТРА 1

1695 Г. ЖИТЕЛЯМЪ ГОРОДА ПЕРЕЯСЛАВЛЯ ЮЖНАГО, НА ПРАВО МАГДЕБУРГСКОЕ, ВОЛЬНОСТИ И ЗЕМЛИ.

Божіею милостію Мы, Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Государь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малія и бѣлія Россіи Самодержецъ:, Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, Царъ Казанскій, Царъ Астраханскій, Царъ Сѣбирскій, Государъ Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ Государъ и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея сѣверныя страны Повелитель и Государъ Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузынскихъ Царей и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскіхъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ, и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и Государъ, и обладатель.

Наше Царское Величество пожаловали города Переяславля Войта Ивана Околовича и бурмыстровъ, и писара, и райцовъ, и урядниковъ, и всѣхъ мѣщанъ, которые в томъ городѣ Переяславлѣ живутъ, и впредъ жити будутъ, велѣли имъ дать всю Нашу, Великаго Государа, Нашего Царскаго Величества, жалованную грамоту на право Майдубурское и на волости, урядъ ихъ мѣскій, и на села, и на мельницю, и на всякіе приходы, к ратуши Переяславской надлежащіе; для того Марта в двад-

цать четвертый день, нинѣшнего 203 году, к Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, писалъ подданный Нашъ, войска Запорожскаго от обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ, Иванъ Стефановичъ Мазепа, что города Переяславля Ратуша, и в ней Наши жалованные грамоты и бывшихъ Гетмановъ, и его, подданнаго Нашего, листи, на содержаніе уряду мѣскаго и всякихъ приходовъ имъ данніе, згорѣли, и онъ, подданный Нашъ, Гетманъ, на соблюденіе прежнихъ порядковъ и приходовъ мѣскихъ, далъ Майстрату Переяславскому вновъ листъ свой, и билъ челомъ Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, онъ, Гетманъ, чтобъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, пожаловали тотъ Майстратъ Переяславскій, велѣли по тому его, подданнаго Нашего, листу, дать Нашу, Царскаго Величества, жалованную грамоту; да Намъ же, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и войтъ Переяславскій и бурмистры, и всѣ мѣщане, о той иншой жалованной грамотѣ били жъ челомъ. А в жалованныхъ грамотахъ отца Нашего, блаженныя памяти, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея великія, и малія, и бѣлія Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, каковы даны въ 167 и 168 годахъ Переяславскому Магистрату, написанно, что быти имъ по прежнимъ правамъ и привилиямъ, и тѣхъ ихъ правъ и привилиевъ ни в чемъ не нарушать; а которые торговіе и ремеслене, Наши, Царскаго Величества, ратніе люди будутъ в Переяславлѣ, и тѣмъ всѣмъ ремисломъ своимъ и торговымъ промышлять без всякаго препятствія и неволи, а дѣла всякіе, имъ, Переяславскимъ жителямъ, имѣть противъ правъ Майденбурскихъ, и ни какихъ обыдъ от всякихъ людий не поносить, и печати быть градской, якая имъ данна от Королей Полскихъ, толко около печати подпись учинить Бѣлорусскимъ письмомъ; а Козакамъ, якіе в городѣ Переяславлѣ жительство имѣютъ, горѣлкою отнюдь не шинковать, кромѣ ситнимъ медомъ и пивомъ, а быть той продажи, горѣлцѣ, въ едномъ Магистратѣ Переяславскомъ; от ночлѣговъ и всякихъ податей ихъ, Переяславскихъ старшинъ, войта, бурмистровъ, писарей уволнить, а войта, и бурмистровъ, и райцовъ, и лавниковъ выбирати имъ межъ себя лутшимъ, и среднимъ, и молодшимъ людемъ, всѣмъ посполито, зо всего земского совѣту, добрихъ и знаючихъ людий, которые бъ судъ судили

бояся Бога, въ правду, другу бъ не дружили, а недругомъ не мстили, чтобъ в судныхъ дѣлехъ всѣмъ росправа была в правду, а кому будетъ в чемъ какое дѣло до войта, и до бурмистровъ, и до райцовъ, и до лавниковъ имъ на судю, судъ давати безволокитно жъ, въ правду, по Майдебурскому праву, и позиванія имъ ни от кого не чинить; а буде кто учнетъ бить челомъ на нихъ судъ и на приговоръ Намъ, Великому Государу, и тогда ихъ Нашими зазивъными грамотами позивати до Нашего царствующаго града Москвы в великихъ дѣлехъ, а в малихъ дѣлехъ зазивныхъ грамотъ, никому, ни по ково, не давать, чтобъ въ такихъ малихъ дѣлехъ имъ, мѣщанамъ, напрасныхъ убытковъ не было. А в привилияхъ Королей Польскихъ, Жигимонта третіяго и Владислава четвертаго, въ 136, 141 и 144 годахъ, написанно, чтобъ право Майдебурскихъ судей цѣло и в полной мочи, без всякаго нарушенія пребивало, и мѣщане нигдѣ инде, только на Ратуши, пред Майстратомъ, во всякихъ дѣлехъ судилися, а земли, около города Переяславля описаніе и ограниченіе, пребывали без всякой убавки при Магистратѣ въ цѣлости, и чтобъ всякій ремесникъ въ мѣстѣ будучи, и проезжіе торговіе люди, подлегали праву Майдебурскому и врядови мѣскому, и пред Майстратомъ о пріѣздѣ своемъ обявляли, и дѣло свое исправляли, и всякіе тягости носили, а валъ, и остроги, и мостъ, и гребль, строенни урядомъ мѣскимъ, били, и селами, и мѣстечками, да на расходи ратушніе и градскіе, от всякаго хлѣба помѣрное, и вѣсчое, баня, лавки, харчевнѣ, месницѣ, от купцовъ, ремесниковъ всякіе доходы, годовне, мелница на гребли Переяславской, под Поповцами стоячая, важня, воскобойня, дегтярня, солодовня, а пріезжимъ купцамъ товари свои продавать вдругъ, а не локтемъ; да имже дано к Майстрату, по наданію Богдана и Юрыя Хмельницкихъ, и другихъ Гетмановъ, въ Переяславскомъ повѣтѣ мѣстности, села Положай, Денисовъ, Плужники, Комаровка, Великая Каратуль и Стовпяги, з посполитими людьми и со всѣми къ нимъ принадлежитостьми. А в листу подъданного Нашего, войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра Гетмана, Ивана Степановича Мазепы, Февраля « » нинѣшняго жъ 203 году написанно: обявляетъ онъ, Гетманъ, всѣмъ обще, и всякому особно, именно, Полковнику Переяславскому, Обозному, Судіи, Писару, Асауламъ полковимъ, Сотникамъ, Атаману городовому, и всему старшему и меншему чину, и того полку товари-

ству, и кому и ни есть о томъ нинѣ и впредъ вѣдати надлежати будетъ, что стародревнее мѣсто Переяславское имѣло права, грамоти Наши, Государскіе, и бившихъ Гетмановъ, на села и на приходы, Ратуши надлежащіе, во извѣстномъ блюденіи бывшіе, но пожаромъ огненнымъ в прежніе военніе обращенія въ пепелъ обратились; и вѣдаючи онъ, подданный Нашъ, Гетманъ, о томъ подлѣшно, что мѣсто Переяславское стародавное, знатное, из начала своего добрими и прибилними правами, и счасливому житію людскому, листовно утвержденное, позволяетъ тымъ листомъ своимъ, селами, издавна в Ратушномъ завѣдованию бывшими, владѣть, и приходами, и прибыльми, вѣсовымъ, повѣдерковымъ, скотиною, поводовымъ, помѣрнымъ дегтемъ, и воскобойнымъ, а имати с того вѣсового, с пуда по четиры деньги, с ведра по двѣ копѣйки, скотное с куфи вина по золотому, с продажи лошадей, и быковъ, и яловицъ, по двѣ деньги, от четверика, или отъ осмачки, всякаго збожжа надлежащій поковшевый датокъ, от закладу воску по два алтина, а продажа дегтю полная по всему мѣсту и подваркамъ одна Ратушная мѣетъ быти, а кромѣ той никто дегтю продажнего держать не имѣетъ, и чтобъ купцы и торговіе люди товаровъ своихъ, въ вѣсъ продаючихся, нигдѣ въ домахъ особыхъ кантарами и обѣзменами не вѣсили, а вѣсили бъ на вѣсу Ратушномъ, с платежемъ повинности, и медовъ прѣсныхъ и питейныхъ ни какихъ преватнымъ ведромъ не мѣрили, кромѣ ведра Ратушнего, от которого надлежащую на Ратушъ дачу всякъ невозбранно давати повиненъ, и воскобойны, кромѣ одной Ратушной, никто бы держати не дерзалъ; купцы чужоземскіе, которые домамы своими въ Переяславлю живутъ, и подварками, или какими ни есть грунтами, владѣють, въ тягостяхъ и повинностяхъ общемѣщанскихъ повинны быти помочни; людий посполитыхъ, въ селѣхъ и деревняхъ Ратушныхъ живущихъ, никто бы на приватную свою работу не принуждалъ и ни какихъ не домагался на ныхъ дачъ, в роспись Козацкую не вписивалъ, и подъ оборону свою от Ратуши не отрывалъ; а равнымъ образомъ и мѣскіе жители, повинности мѣской належащихъ, духовніе и мірскіе особы, подъ свою бъ оборону не принимали; цехи всѣхъ ремеслъ, по древнему обыкновенію, въ Ратушномъ послушаніи и обществѣ мѣскомъ непремѣнно обрѣтатись повинны, принимая себѣ от Магистрата къ сохраненію цехового порядку наставленіе, и данной от Корола Польскаго Вла-

дислава четвертаго, въ 144 году, привилегіи копіи, за печатю Магистратовою, которые всѣ вышереченніе доходы, не на приватную какую, одного, или другого, особу пожитокъ, но на Ратушу, въ спомоществованіе всѣхъ жителей тамошныхъ и на украшенние мѣста, порядкомъ обыклимъ обращатись повинны; и то все вышніе писанное, чтобъ по тому его, Гетманскому, листу, у волности своей содержанны, и ни от кого из старшины и черны войска Запорожскаго, а особо от полковой старшины, ни какова ни малого не признавали нарушенія. И Мы, Пресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государъ, Царъ и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малія и бѣлія Россіи Самодержецъ, Наше Царское Величество, слушавъ отца Нашего, блаженныя и вѣчно достойныя памяты, Великаго Государа, Цара и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея великія и малія и бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, жалованныхъ грамотъ и привиліевъ Королей Польскихъ, и подданнаго Нашего, войска Запорожскаго, обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана, Ивана Стефановича Мазепы, листовъ, и челобытя Переяславскаго войта, и бурмистровъ, и райцовъ, и всѣхъ мѣщанъ, пожаловали его, Переяславскаго войта, и бурмистровъ, и писара, и райцовъ, и всѣхъ мѣщанъ, которые нынѣ въ томъ городѣ Переяславлѣ живутъ и впредъ жити будутъ, велѣли у ныхъ праву суда Майдебурскаго и волностямъ быть по прежнему, и к Ратуши Переяславской маетностями и всякими належащими доходами, которые имъ по привиліямъ Королевскимъ и бывшимъ Гетмановъ данны, и отца Нашего, Великаго Государа, блаженныя памяти, жалованными грамотами утвержденны, и в листу подданного Нашего, Гетмана Ивана Стефановича Мазепы, написанны, имъ, Переяславскому Майстрату владѣть, и росправы между собою чинити, какъ о томъ писанно выше сего. И то Мы, Великій Государъ, Наше Царское Величество, силою сей Нашей, Царскаго Величества, жалованные грамоты укрѣпляемъ, и утверждаемъ, и изволяемъ содержати непремѣнно, а имъ, войту и всему Переяславскому Магистрату и мѣщаномъ, имѣя сію Нашу Государскую милость и жалованные, Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и впредъ будучимъ Нашимъ Государскимъ Наслѣдникомъ, служити и всякого добра хотѣти, в Нашемъ, Царскаго

Величества, повелѣніи и послушаніи, и на милость Нашу, Государскую, быти имъ надежднымъ, безъ всякаго сумнѣнія. А для вящшаго утвержденія Нашое, Царскаго Величества, милости имъ, войту и бурмыстромъ, писару и райцомъ, и всѣмъ Переяславскимъ мѣщаномъ, сію Нашу, Царскаго Величества, милостивую, жалованную грамоту утвердить Нашею, Царскаго Величества, печатью повелѣли. Писана сія Наша, Царскаго Величества, жалованная грамота, в Нашемъ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта от созданія мыра 7203 году, Апреля « » государствованія Нашего третогонадцять году.

У подлѣнной грамотѣ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества печать на шолковыхъ красныхъ шнурахъ завѣшенна, въ сребраной пущцѣ, воскомъ червонымъ налитая.

В подлинной грамотѣ подписъ таковый:

Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя, Его Царскаго Величества, Государственной

Посольской Канцеляріи Дьякъ Борисъ Михайловъ

При обозрѣніи (въ 1859 г.) Переяславской Думы, я требовалъ отъ нея бумагъ подлинныхъ на жалованныя городу земли и угодья, и на мое требованіе она отвѣчала уничтоженіемъ ихъ пожарами. Между тѣмъ я узналъ, что въ 1852 г. хранилась въ ней грамота Государя Петра В., подписанная Дьякомъ Борисомъ Михайловымъ, и по розыскамъ моимъ оказалось, что это уже не подлинная, а копія, которая находилась въ Полтавѣ, въ рукахъ одного полузнающаго, взявшаго ее изъ любопытства, державшаго нѣсколько лѣтъ безъ всякой надобности, и вѣроятно погибла бы у него Вытребовавъ отъ него обнаружилось, что она весьма важна въ отношеніи уряда мѣстнаго (1695 г.), управленія города по Магдебургскому праву и подчиненія ремесленнаго цеха Ратушѣ еще Кородемъ Польскимъ Владиславомъ IV; значитъ, что ремесленное устройство давно существовало въ Малороссіи, а въ Россіи оно введено Городовымъ Положеніемъ Императрицы Екатерины В., 1785 г., Апрѣля 21.

Въ замѣнъ Гетманскихъ Универсаловъ, жалованныхъ городу Переяславлю, но истребленныхъ пожаромъ, была дана тому городу Государемъ Петромъ В. подтвердительная, въ 1695 г., Апрѣля мѣсяца, на всѣ тѣ мѣста и угодья, какія были дарованы ему въ разное время. Въ копіи, оставленной мною въ Думѣ, писаны заглавныя слова киноварью, которыя здѣсь означены разбивкою.

Копія писана на бумагѣ желтоватаго цвѣта въ листъ, на четырехъ листахъ. Штемпель бумаги: двѣ поднятыя ладони вверхъ съ распростертыми пальцами.

Исторически извѣстно, что В. К. Владиміръ Равноапостольный и послѣдующіе Великіе Князья, равно какъ и другіе Князья, награждали этотъ городъ, монастыри и церкви его землями; что В. К. Литовскіе, Короли Польскіе и Гетманы тоже не оставляли его своими щедротами; что Цари наши подтверждали дарованное ему въ разные вѣки достояніе, и что всѣ этѣ акты невозвратно погибли отъ разныхъ причинъ и въ разное время. Правда, уничтоженіе ихъ приписываютъ одному огню: однако, едва ли это такъ; болѣе всего, кажется, потерю ихъ должно отнести къ нерадѣнію и невѣжеству.

Мнѣ разсказывали, что за 20 лѣтъ тому назадъ были еще бумаги въ значительномъ запасѣ, которыя безжалостно рвались, а любопытные люди похищали достояніе исторіи. Этѣ любопытные люди держали у себя, чтобъ похвалиться, что и у нихъ есть Универсалъ такого-то Гетмана, не понимая ни цѣны, ни значенія, а потомъ бросали. Были и любознательные люди, которые присвоили себѣ большое число бумагъ, остающихся и понынѣ въ ихъ рукахъ, безъ всякой пользы для отечественнаго знанія. Пріѣзжали въ этотъ городъ также писатели и педагоги, и они-то послѣднее унесли. Нѣкоторые изъ нихъ померли уже, допроситься не у кого, а могила ихъ безотвѣтна. Грамота эта списана мною во всей точности, т. е., съ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ препинанія, правописанія и прописныхъ буквъ.

А. Терещенко.

19-го Октября, 1859 г.
Переяславль.

ДОНОСЪ

НА ОТКУПЩИКОВЪ И КОМПАНЕЙЩИКОВЪ,

РАСХИЩАЮЩИХЪ КАЗНУ И СПАИВАЮЩИХЪ НАРОДЪ,

ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ИВАНОВНѢ.

Высокаго Престола Россійскаго Богомъ почтенной и словомъ Господнимъ утвержденной, Стражи словесному винограду, Императрицѣ,

Доношеніе.

Великая Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская!

Ревнуяй поревнуй по Господѣ Вседержителѣ, цвѣти въ законѣ Россійскія Церкви, и сіяющи въ силахъ Небеснаго Бога и молитвами всѣхъ Россійскихъ Чудотворцевъ, благочестивое воинство въ крѣпости десныя руки твоея и подъ страхомъ крѣпкія державы всѣхъ подданныхъ мудрыхъ Россійскихъ вельможей украшеная отъ пренебеснаго Бога, имущаго власть надъ всѣми супостаты, въ силѣ Царя и Пророка, возлюбленнаго отрока Давыда, данная крѣпость, скипетръ и держава, и мечъ, утвержденный крѣпостію яко столпъ Давыдовъ, созданъ въ Θаапиосѳѣ, на немъ же тысяща щитовъ виситъ и вся стрѣлы сильныхъ. Оттолѣ начало и крѣпость всѣмъ Царямъ благочестивымъ. Хотя блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петръ Первый Императоръ, дядя вашъ, въ трудѣхъ великихъ воинства своего, имѣя попеченіе о Россійскихъ народѣхъ во власти царства своего, усмотрѣлъ въ другихъ государ-

ствахъ таможенные и питейные сборы съ пополненіемъ отдаются на откупы, и съ тѣхъ регламентовъ совѣтовалъ въ присутствующемъ своемъ Высокомъ Сенатѣ съ поданными своими, правительствующими Сенаторы, и въ томъ регламентъ утвердилъ внутрь своего Россійскаго Государства всякіе таможенные сборы и питейныя продажи отдавать охочимъ людемъ на откупы, гдѣ кто пожелаетъ взять, съ пополненіемъ немалымъ надносомъ высокаго сбору, чего не могутъ собрать вѣрные и присяжные люди. выборные и ларешные, и то, де, весьма не усмотрѣно, но паче же утрачены великіе интересы, по силѣ Россійскихъ таможенныхъ уставовъ, понеже внутрь великаго Россійскаго Государотва наполняются таможенные сборы и питейныя продажи своими природными Россійскими народы, а не яко въ примѣръ тѣхъ государствъ малыхъ владѣльцевъ, или во указательство отъ нихъ великому Россійскому таможенному уставу, понеже въ тѣхъ Нѣмецкихъ земляхъ наполняются таможенные сборы и питейныя продажи иностранными народы, со всѣхъ государствъ проѣзжаютъ проѣздами чрезъ тѣ малыя земли въ пристойныя мѣста къ великимъ ярмонкамъ, или къ корабельнымъ пристанямъ, и тѣ самовладѣльцы беругъ съ тѣхъ проѣзжихъ купцовъ по своимъ таможеннымъ уставомъ, не спрашивая платежныхъ выписей, или оборотныхъ возвратно, беругъ всѣ сполна, и въ тѣхъ государствахъ своему природному народу ни какого разоренія и обиды не бываетъ, и тѣ таможенные сборы и питейныя продажи всегда собираются въ вольности. А нынѣ внутрь великаго Россійскаго Государства, между откупщиками и вѣрными присяжными людьми, учинилось въ сборахъ великое помѣшательство и трата великая интересу неусмотрѣніемъ Высокаго Сената, продано все земледѣльство и купечество Россійскаго Государства, безъ положенныя цѣны, первое на расхищеніе великаго интересу Вашего Высокаго Императорскаго Величества, второе на разореніе и на великое разграбленіе всего народу откупщикамъ и компанейщикомъ, похищаютъ явно великой интересъ Вашего Императорскаго Величества злодѣйственными своими и воровскими умыслы, наносятъ на оные городы великіе сборы, вражествомъ своимъ приводятъ народъ къ душевредству и великому непостоянству, отъ чего имѣется въ купечествѣ великая безторжица, крадутъ интересъ такими виды: которые купцы пріѣзжаютъ къ нимъ отъ вѣрныхъ городовъ, набравъ тѣ товары потаенно, по-

щлины не платя, согласясь со оными откупщиками, пишутъ множество выписей на тѣ свои неявленные товары и берутъ съ нихъ, купцовъ, по три деньги и по двѣ копейки съ рубля, яко бы явили деньги въ томъ городѣ у нихъ, откупщиковъ, и купили товаровъ, и пропущаютъ тѣхъ череза многіе городы, и продаютъ тѣ купцы, такъ же не явясь, и привозятъ тѣ выписки возвратно откупщикамъ, а другія оборотныя выписи пишутъ тѣмъ купцамъ тѣми же воровскими промыслами, берутъ съ нихъ по копейкѣ съ пятиденежнаго платежа, а тѣ товары проданы были въ другихъ городѣхъ такожде не явно, и тѣ купцы по тѣмъ выписямъ до означенныхъ вѣрныхъ городовъ доѣзжаютъ и не доѣзжаютъ, продаютъ тѣ товары потаенно, въ таможняхъ не явяся, и очищаютъ оборотныя выписи у вышеписанныхъ откупщиковъ въ пятиденежномъ платежѣ, даютъ по копейкѣ съ пятикопеешнаго платежа, даютъ по двѣ копейки, и тѣ платежи не допущаютъ до вѣрныхъ городовъ, отъ того вѣрнымъ присяжнымъ людемъ, выборнымъ и ларешнымъ имѣются великіе недоборы, утратили и разворовали великіе интересы, и оные недоборы по силѣ указовъ правятъ на нихъ, гражданехъ, и привели всѣ грады въ великую нищету и убожество. А оные откупщики и компанейщики тѣ выписи вписываютъ въ подлинныя шнуровальныя книги полнымъ платежемъ пятиденежнымъ и пятикопеешнымъ, и тѣми выписями потаенно окрадываютъ вѣрные городы и возвышаютъ великіе приборы, а къ другимъ купцамъ и простаго народа приметывается своими воровскими и грабительными нападки, яко бы продалъ, или купилъ, въ таможнѣ не явясь, у многихъ отымаютъ товары безоборотно, съ другихъ берутъ насильствомъ своимъ великіе промыты, и отъ оныхъ откупщиковъ, великихъ хищниковъ и воровъ, по вступленію многихъ злодѣевъ въ откупы, утрачены интересы и всенароднаго разоренія на милліоны. Еще же по содержанію тѣхъ градовъ бываютъ отъ нихъ, злодѣевъ, великія незапныя бѣды и особая трата интересу не малая бываетъ подъ видомъ воровства ихъ. Заранѣе усматриваютъ себя, гдѣ и у кого случатся великіе недоборы противъ великихъ, ими возвышенныхъ, сборовъ положеннаго табеля по содержанію тѣхъ откуповъ, къ сроку заплатить того откупу нѣчимъ, укрывая себя отъ тѣхъ недоборовъ положеннаго табельнаго окладу, избывая себя отъ великаго наказанія и каторжныя вѣчныя работы, паче всякаго чаянія помышляю отъ нихъ, зло-

дѣевъ, великихъ бѣдъ, высматриваютъ способныхъ отговорокъ для тѣхъ непремѣнныхъ бѣдъ, безвременно и безъ остатку, запаленіемъ огня погубляютъ грады, для тѣхъ таможень, воровскими своими умыслы вызволяютъ себя, яко бы пожаромъ сгорѣло на нѣсколько тысячъ интересу, и оными подлогами своими обманываютъ похищеніемъ и берутъ изъ той казны напрасно, или зачитаютъ по силѣ указу въ тѣ свои откупы, наносятъ на тѣ грады великіе приборы вражебными своими и плутовскими умыслами, скрадывая отъ вѣрныхъ городовъ выборныхъ и ларешныхъ тѣми вышеписанными выписями и прочими міру злодѣйственными притяжаніи. И оные откупщики и компанейщики являются злодѣйственнымъ своимъ промысломъ, яко бы великіе доброхоты и пополнители интересу Вашего Императорскаго Величества, а они злодѣйствомъ своимъ и великимъ пронырствомъ дѣлаютъ великіе ущербы интересу Вашего Императорскаго Величества, вникнули въ народъ, яко ядовитые зміи, пресыщающе лестію, гоняще народъ къ великой мнщетѣ и вѣчной погибели такими виды; какъ въ Москвѣ, такъ и во многихъ городѣхъ, расширяютъ и умножаютъ множество кабаковъ, такъ и въ селѣхъ и деревнѣхъ, для своихъ плутовскихъ и великихъ прибытковъ. Первая язва отъ того пьянства: облѣнилися множество народу, вступили въ блудъ, во всякую нечистоту, въ тадбы, въ убивство, въ великіе разбои, и ослѣпоста пребеззаконно, начаша творити блудъ Содомской, не знающе ни воскреснаго дня, ни Господскихъ праздниковъ, и отъ того уродися и умножися сѣмя нечестивое, и святая заростаетъ мерзостію, и скрылися пути правды, и множество творятъ кровопролитія на путехъ, и приходятъ въ погибельную сѣть, и воостриша мечь погибельный свой между своими. Отъ того многія тысячи дѣльныхъ и годныхъ людей во всякія службы смертію кажнены, а другихъ множество народа бьютъ кнутомъ и посылаютъ на вѣчную работу, иныхъ множество народу по важностямъ ошельмовано, а другихъ множество во пьянствѣ простаго народа умираетъ безвременно, и предаютъ души своя діяволу, другіе впадаютъ въ напрасныя бѣды, простаго народу и всякихъ чиновъ люди въ кампаніяхъ въ великихъ пьянствахъ невѣжествы своими поздравляютъ Вашему Императорскому Величеству, наливаютъ покалы великіе и пьютъ смертно, а другихъ, которые не пьютъ, тѣхъ заставливаютъ сильно, и мнозіи во пьянствѣ своемъ проговариваются, и къ тѣмъ праздными словамъ при-

метываются приказные и прочіе чины, и отъ того становятся великіе изъяны. Еще же отъ тѣхъ пьянствъ впалъ народъ въ великую слабость и не радѣетъ о домовыхъ работахъ, и отъ того будетъ подушному окладу великая остановка и таможеннымъ сборамъ недоборы великіе, и взять будетъ не на комъ, а между ими, откупщиками и компанейщиками, купечеству великое заэрѣніе и отъ Вашего Императорскаго Величества сомнѣніемъ гнѣвъ. Тѣ откупщики и компанейщики крадутъ отъ Васъ высокую Императорскую милость, лестію отвращаютъ народъ, яко антихристъ, или яко прегордый Амаилесянъ возбуди Артаксеркса Царя гнѣватися на плѣнники Іерусалимскіе, погубити невинныхъ смертію, тако и Васъ, Великую Самодержицу, наводятъ имѣть великой гнѣвъ на подданное свое вѣрное Россійское купечество, яко бы нерадѣніемъ и слабостію оные сборы уронены, и за такіе недоборы оныхъ грабителей и всему міру досадителей многіе города разоряются, за ихъ потаенные и возвышенные воровскіе сборы. Стало между всѣми городами въ сборахъ великое помѣшательство: гдѣ откупы, тутъ необычные приборы; гдѣ вѣрные городы, тутъ великіе недоборы, и отъ того всему купечеству великая вреда и крайняя нищета, и со оными откупщиками и компанейщиками во всякихъ службахъ Вашего Императорскаго Величества велнкое несогласіе, и въ ровенствѣ всякихъ службъ не служатъ. На таковыхъ откупщиковъ и компанейщиковъ воровъ и злодѣевъ, хищниковъ и міру досадителей, свидѣтельствуетъ взаконенная грамота и проклинаетъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, положенная въ Соборной церкви Успенія Пресвятыя Богоматере, подъ престоломъ Господнимъ, врученная Святымъ Чудотворцемъ Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу, всея Россіи Чудотворцемъ, блаженныя и вѣчно достойныя памяти дѣда Вашего, всемилостивѣйшаго Государя, Царя, Алексѣя Михайловича, за подписаніемъ собственной руки его и за златою печатію, хранимая Вышнимъ Богомъ и Святыми Чудотворцы. Напечатана сія взаконенная грамота въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1654 года, Апрѣля 30 дня. Всемилостивѣйшая Государыня, ежели повелѣно будетъ по прежнему на вѣру, съ разсмотрѣніемъ, понеже тѣмъ вѣрнымъ выборнымъ и ларешнымъ.... пятикопеешнаго платежа и пятиденежнаго фальшить и украсть ни какъ не возможно, понеже взять съ пятикопеешнаго платежа двѣ копейки, или съ пятиденежнаго платежа одну копей-

ку, а написать въ настоящую шнуровальную книгу по пяти копеекъ, или по пяти денегъ, и тѣ деньги доправятся на нихъ выборныхъ и ларешныхъ, или на тѣхъ гражданехъ, а Вашь великій интересъ всегда въ волости содержать будетъ, а между всѣми Россійскими народы изъимутся всякія напрасныя обиды и будетъ согласная и неразрывная любовь. Сего ради Вашему Императорскому Величеству нижайшій рабъ, преклоняя колѣно въ вѣрности, доношу, и о всемъ народѣ неусыпно стараніе имѣю.

УКАЗЪ

ЕПИСКОПА ПЕРЕСЛАВСКАГО АМВРОСІЯ,

ПЕРЕСЛАВСКАГО НИКИТСКАГО МОНАСТЫРЯ АРХИМАНДРИТУ НИФОНТУ,

О НЕЛОМАНІИ СТАРАГО ДО ОСНОВАНІЯ.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Переславской Духовной Консисторіи, Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту. Сего Февраля 14 дня, 1755 года, присланнымъ къ Его Преосвященству, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члену, Великому Господину, Преосвященнѣйшему Амвросію, Епископу Переславскому и Дмитровскому, и Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря Архимандриту, отъ васъ, Архимандрита, доношеніемъ требовано о разобраніи обветшавшихъ въ ономъ монастырѣ отъ давняго построенія и свидѣтельствованныхъ Преосвященнымъ Серапіономъ, Епископомъ бывымъ Переславскимъ, что нынѣ Вологодскій, двухъ церквей: больничной, во имя Святаго Священномученика Георгія, Епископа Милитійскаго, да на святыхъ вратѣхъ во имя Святаго Архистратига Гавріила, церковныхъ сводовъ и олтаря и протчихъ строеніевъ, и о произвожденіи вновь строенія резолюціи, а въ какомъ нынѣ объявленныя церкви, также и столпъ Преподобнаго Никиты Столпника, Переславскаго Чудотворца, обстоятъ строеніи, и какимъ манеромъ оныя святыя церкви и трапезу построить, присланы планы. На которомъ доношеніи, въ наложенной Его Преосвященства помѣтѣ, изображено тако: На свидѣтельство Преосвященнаго Серапіона не для чего ссылаться, понеже онъ и все ломалъ, какъ извѣстно, а ничего

добраго вновь, какъ въ Никитскомъ, такъ и въ другихъ монастырѣхъ, не построилъ; чего ради смотрѣть накрѣпко теперь, не чтобы старое до основанія ломать, но чтобы, по примѣру, какъ мы сдѣлали въ Горицкомъ, изъ стараго новое нѣчто, получше прежняго, не ломаючи до фундаменту напрасно, сдѣлать; и по тому, разсмотря сіе и присланные чертежи въ Консисторіи, послать Указъ, чтобы онъ, по помѣтѣ нашей, первѣе всего церковь соборную, и въ ней святый иконостасъ, благолѣпно поновилъ извнѣ и внутрь стѣнным писаніемъ украсилъ; 2-е, келіи трапезныя примѣромъ Горицкимъ непремѣнно бы передѣлалъ; 3-е, келіи готовыя, которыя Преосвященный Серапіонъ за трапезою поземныя построилъ, а оныя не отдѣланныя до сихъ поръ стоятъ и впредь, какъ изъ всего видно, такъ будутъ, какъ для здоровыхъ, такъ и для больничныхъ братій, достроить, и въ нихъ печи, и полы, и окошки, и двери подѣлать; еще же и росчатой въ слободѣ прудъ докончить по надлежащему; и тако сіе устроивши и съ казною смѣкнувшись, тогда предлагаемое строеніе, по пріобщеннымъ чертежамъ, начинати. Сію помѣту можно и такъ обратно послать; но понеже о прежней нашей помѣтѣ, и сдѣлалъ ли хоть мало по ней, ничего не упоминаетъ, того для, какъ выше изображено, послать Указъ къ Архимандриту, чтобы онъ по сему исполненіе учинилъ непремѣнное, и дондеже всего строенія наличнаго подобающимъ украшеніемъ не возобновитъ, дотолѣ вновь другихъ строеній ни какихъ не росчиналъ; а дабы время напрасно, такъ какъ до сего времени, не уходило, подрядить нынѣшнимъ временемъ Александровскихъ иконниковъ и своихъ заставить поновлять и вновь написать въ соборный иконостасъ всѣ иконы и по надлежащему раззолотить и раскрасить красками зелеными. Да на присланномъ же планѣ столпу Преподобнаго Никиты, Переславскаго Чудотворца, Его Преосвященствомъ подписано: попросить Господина Архитектора, что въ Свято-Троицкой Лаврѣ, о новомъ чертежѣ для сего святаго столпа, какимъ бы его образомъ лучше украсить. Того ради, по Ея Императорскаго Величества Указу, въ Переславской Духовной Консисторіи, во исполненіе означенной Его Преосвященства помѣты, опредѣлено: для надлежащаго, въ силу вышеписанной Его Преосвященства резолюціи исполненія, къ вамъ, Архимандриту Нифонту, послать Указъ; а каковое когда о монастырскомъ строеніи предложеніе Его Преосвя-

ществу отъ васъ имѣлось, и на оное Его Преосвященства помѣта послѣдовала, съ того списавъ точнѣе копіи, прислать, и, что по оной учинено, репортовать въ Консисторію въ скорости; и Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту чинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества Указу, а присланные отъ васъ планы, для храненія впредь до будущаго строенія, посылаются при семъ. Февраля 15-го дня, 1755 года.

Игуменъ Боголѣпъ Пустынно-Лукіановскій.

Секретарь Аполлосъ Наумовъ.

Канцелярист Андрей Осиповъ.

ОПИСАНІЕ ВЫБОРА ДЕПУТАТА
ОТЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА
ВЪ КОММИССІЮ О СОЧИНЕНІИ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Какимъ образомъ Голова и повѣренные города С.-Петербурга, Генваря 29-го дня, собравшись въ домъ, назначенный для выбора Депутата, пошли въ церковь и, отслушавъ Божественную Литургію съ молебномъ и водоосвященіемъ, Начальникомъ были приведены къ присягѣ и, прибывъ обратно въ помянутый домъ, оную подписали, то все обстоятельно списано въ журналѣ Генерала-Полиціймейстера, Его Превосходительства, Николая Ивановича Чечерина.

Городской Голова, Его Превосходительство, Николай Ивановичъ Зиновьевъ, по полученіи отъ Начальника подписанныя всѣми присутствовавшими присяги, сѣлъ въ свое мѣсто и предложилъ собранію выбирать Депутата, по учиненному ими въ церкви, предъ Святымъ Евангеліемъ, клятвенному обѣщанію, что и началось въ 1 часу по полудни, тѣмъ порядкомъ, который въ спискѣ, полученномъ отъ Начальника, наблюденъ былъ. По окончаніи баллотированія именъ всѣхъ ста пяти человѣкъ повѣренныхъ, по большинству голосовъ, избранъ былъ Депутатомъ Его Сіятельство, Генералъ-Поручикъ и Генералъ-Адъютантъ, Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, и сперва отъ Городскаго Головы, потомъ и отъ всего собранія, съ тѣмъ поздравленъ. Новоизбранный Депутатъ благодарилъ за довѣренность, отъ города ему оказанную, присовокупляя къ сему, что онъ возлагаемое на него своими согражданами званіе, по мѣрѣ силъ своихъ, съ усердіемъ отправлять потщится. Послѣ чего Городскимъ Головою представлено было собранію, чтобъ дали полномочіе Депутату и означили пять человѣкъ изъ наличныхъ, въ числѣ которыхъ и нѣсколько купцовъ быть должны, для сочиненія Наказа Депутату и прошеній отъ города. Единогласно всѣми присутствующими избраны были къ нему С.-Петербургскіе купцы: Григорій Никоновъ и Семенъ Галактіоновъ, о прочихъ же трехъ, какъ не всѣ соглашались, но иные тѣхъ, другіе другихъ выбирали, числомъ восемь человѣкъ, то Его

Превосходительство, Николай Ивановичъ Зиновьевъ, велѣлъ приступити къ баллотированію спорныхъ именъ. Послѣ онаго оказалось, что, при сочиненіи Наказа съ прошеніями, собраніе, большинствомъ голосовъ, полагаетъ быть Ихъ Превосходительствамъ, Данилу Аѳанасьевичу Мерлину, Адаму Васильевичу Олсуфьеву и изъ купцовъ Ивану Щукину. Учиня сіе, Городской Голова просилъ выбранныхъ, именемъ всего города, поручаемое симъ дѣло, вмѣстѣ съ нимъ, къ удовольствію и пользѣ всѣхъ согражданъ своихъ, совершить, и означилъ 1-е число Февраля собранію для представленія въ ономъ городскихъ нуждъ, чтобы, разсмотрѣвъ оныя, сочинить Депутату Наказъ съ прошеніями, предъ самымъ окончаніемъ собранія въ 4 часу по полудни. Изъ С.-Петербургскаго купечества всѣ присутствовавшіе тогда, подошедши къ Его Превосходительству, Николаю Ивановичу Зиновьеву, предложили, что, за Высочайшія Ея Императорскаго Величества милости, въ знакъ Всеподданнѣйшаго своего благодаренія, они намѣрены, не сомнѣваяся и о прочей своей собратіи, что съ великимъ усердіемъ на то согласятся, добровольно подписать сумму на поставленіе въ семъ городѣ монумента, во славу имени Всемилостивѣйшія Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, Екатерины Второй, и чтобъ Его Превосходительство далъ имъ для сея подписки отъ себя листъ. Городской Голова, видя толикую ихъ ревность, согласился желаніе ихъ исполнить. И такъ, благодаря Всемогущаго Творца, за даруемое свыше благопоспѣшіе въ начинаніи великаго дѣла, предпринятаго Ея Императорскимъ Величествомъ и обнародованнаго въ Манифестѣ 1766 года, Декабря 14-го дня, собственноручно подписанномъ, съ радостнымъ сердцемъ все собраніе разъѣхалось по домамъ.

По предложенію повѣренныхъ отъ купечества города С.-Петербурга, Генваря 29-го дня, 1767 года, въ собраніи выбора Депутатскаго учиненномъ, чтобъ поставить въ семъ городѣ монументъ, для прославленія имени Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшія нашея Государыни Императрицы, въ знакъ искренняго нашего благодаренія, за безпримѣрныя Ея милости и щедроты, и собрать на то добровольно всѣми подписуемую сумму, я чрезъ сіе, С.-Петербургскому купечеству оное, согласное всѣхъ ихъ и повѣренныхъ, намѣреніе предлагаю, и для помянутой добровольной къ тому подписки сей листъ, мною подписанный, посылаю.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПСКОВСКОЙ СЕМИНАРІИ

ОТЪ

НАЧАЛА ДО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕЯ ПО ПРОЕКТУ УСТАВА

1814 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Князева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Находя, что самый умный и ревностный воспитатель любаго учебнаго заведенія мало принесетъ ему пользы, если станетъ дѣйствовать на него, руководствуясь одними личными своими взглядами и убѣжденіями, безъ отношенія къ его предшествующей жизни и тѣмъ обстоятельствамъ, которыя имѣли вліяніе на его развитіе, я всячески старался уяснить себѣ постепенный ходъ внѣшняго и внутренняго устройства того духовнаго разсадника, въ которомъ Господь судилъ мнѣ быть наставникомъ и воспитателемъ слишкомъ 20-ть лѣтъ. Предлагаемый мною вниманію читателей очеркъ его исторіи и есть плодъ такого моего усилія. Жаль, что онъ не столько совершенъ, сколько требовало этого и самое дѣло и мое желаніе. При крайней скудости данныхъ, необходимыхъ для сообщенія ему желаемаго совершенства, больше сдѣлать нельзя было ни чего. Впрочемъ, и въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ, онъ не можетъ быть лишнимъ, какъ для пополненія свѣдѣній, по части общей исторіи духовнаго образованія въ Россіи, такъ и для тѣхъ трудовъ, какіе предпринимаются у насъ, въ

настоящее время, по предмету преобразованія нашихъ Духовныхъ Училищъ. По этому и рѣшаюсь издать его въ свѣтъ.

Александръ Князевъ.

Генваря 29 дня, 1865 г.
С.-Петербургъ.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПСКОВСКОЙ СЕМИНАРІИ ДО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕЯ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Псковѣ, какъ въ Великомъ Новгородѣ,[1] которые, въ гражданскомъ отношеніи, по 1478 г., а въ церковномъ по 1589 годъ, были тѣсно между собою связаны, съ самыхъ первыхъ временъ Христіянства въ Россіи, въ большей или меньшей мѣрѣ, поддерживалось просвѣщеніе. Изъ житія Преподобнаго Никандра, Псковскаго Чудотворца[2] (род. 1507, ум. 1582), видно, что въ Псковѣ, даже въ 16-мъ вѣкѣ, когда вообще просвѣщеніе въ Россіи находилось въ жалкомъ состояніи, существовало училище, гдѣ Преподобный навыкъ разумѣнію Свящ. Писанія. Но древнія Псковскія училища, безъ сомнѣнія, были народныя, въ которыхъ воспитывались дѣти всѣхъ сословій. По крайней мѣрѣ, ни откуда не видно, чтобы до Петра 1-го существовали на сѣверѣ Россіи учебныя заведенія для того или другаго сословія въ частности. И при Петрѣ не вдругъ они явились. Высочайшими указами 1714 и 1716 г.,[3] повелѣно было учреждать при Архіерейскихъ домахъ и въ знатнѣйшихъ монастыряхъ цифирныя школы; такая школа была открыта и въ Псковѣ,[4] но и въ этихъ заведеніяхъ должны были учиться, вмѣстѣ съ духовными дѣтьми, ребятки другихъ чиновъ и людей, какъ сказано о таковыхъ школахъ въ именномъ указѣ, отъ 28 Декабря, 1715 г. Духовное образова-

---

[1] Истор. С.-Пб. Духовной Академіи.

[2] Словарь о Русск. Святыхъ, стр. 203.

[3] Полн. Собр. Зак., т. VI, стр. 4126.

[4] Истор.-Стат. Обозрѣніе Учебн. Заведеній С.-Пб. Округа, Воронова, стр. 3.

ніе въ Россіи отдѣлилось отъ народнаго только съ изданіемъ, въ 1721 году, Духовнаго Регламента, которымъ каждому Архіерею вмѣнялось въ непремѣнную обязанность заводить при своихъ домахъ школы собственно Духовныя для дѣтей Священническихъ, или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ, и указывались правила и средства для устройства и содержанія этѣхъ школъ.[5] Съ этого времени начинается и предлагаемый очеркъ. Для лучшаго обзора разнородныхъ предметовъ, мы представляемъ его въ двухъ отдѣлахъ, имѣя при этомъ въ виду введеніе, въ 1765 году, постоянныхъ средствъ для содержанія Духовныхъ Училищъ, и то, что съ этого времени духовное образованіе въ Псковѣ замѣтно стало подвигаться впередъ.

ОТДѢЛЪ I-Й.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ПЕРВОЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ ВЪ ПСКОВѢ ДО 1765 ГОДА.

Учебная и нравственная часть.

Первая Духовная школа въ Псковѣ открыта знаменитымъ ревнителемъ духовнаго просвѣщенія, Рафаиломъ Заборовскимъ,[6] съ 1725 года по 1731 годъ Епископомъ Псковскимъ и Изборскимъ, а съ 1731 по 1747 г. Архіепископомъ и Митрополитомъ Кіевскимъ. Указомъ Св. Синода, отъ 22 Августа, 1727 года, уже была требуема отъ него вѣдомость о томъ, сколько въ его Епархіи учениковъ съ начала было и въ то время обрѣталось, въ какое достоинство, куда произведены и проч. Эта вѣдомость и была имъ послана въ Св. Синодъ, 13 Ноября, того же года.[7]

---

[5] Домы училищ. §§ 1, 2, 3 и д.

[6] Словарь Дух. Пис., Евгенія.

[7] Репортъ Псков. Архіер. дома, отъ 23 Декабря, 1727 г. По Исторіи Росс. Іерархіи, эта школа открыта въ Псковѣ въ 1728 г. (ч. I, стр. 430). Но это свѣдѣніе невѣрно.

Первоначальная Архіерейская школа въ Псковѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, называлась Славяно-Россійскою, и соотвѣтствовала первому классу Приходскихъ училищъ, учрежденныхъ по Высочайше утвержденному проекту въ 1814 году. Въ ней учили читать по церковной печати и писать по Русски. Безъ всякаго сомнѣнія, сообщали и нѣкоторыя понятія о главныхъ истинахъ Вѣры и правилахъ жизни Христіянской. Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ сказаннаго, въ этѣхъ школахъ преподавали Ариѳметику и Грамматику. [1] Быть можетъ, то же дѣлалось, въ нѣкоторой мѣрѣ, и въ школѣ Псковской, но изъ бумагъ этого не видно. Въ 1756 г., въ Псковской Славяно-Россійской школѣ, когда уже существовали при ней и школы Латинскія, открытъ былъ, такъ называвшійся, Писарскій классъ, соотвѣтствовавшій 2-му классу нашихъ Приходскихъ Училищъ. Въ немъ учили читать по Русски и по Латыни и продолжали учить читать Часословъ и Псалтирь.

За открытіемъ, при Псковскомъ Архіерейскомъ домѣ, школы Славяно-Россійской, слѣдовало открытіе при ней школъ Латинскихъ. Первый Латинскій классъ въ Псковѣ открытъ въ 1733 г., извѣстнымъ любовію къ духовному просвѣщенію пастыремъ Псковскимъ, Варлаамомъ Леницкимъ. Въ 1738 году, въ Псковскихъ Духовныхъ школахъ были уже слѣдующіе классы: Славяно-Россійскій (какъ сказано, соотвѣтствовавшій Приходскому Духовному Училищу), Фара, Инфима (соотвѣтствовавшіе Низшему Отдѣленію Духовныхъ Училищъ), Грамматическій, Синтаксическій (соотвѣтствовавшіе Высшему Отдѣленію Уѣздныхъ Духовныхъ Училищъ), Піитическій, Риторическій (соотвѣтствовавшіе Низшему Отдѣленію нынѣшнихъ Духовныхъ Семинарій). Въ 1739 году введенъ классъ Философскій, а въ 1746 году, Преосвященнымъ Симономъ Тодорскимъ, открытъ и класъ Богословскій. [2] Всѣ эти классы въ совокупности составляли одно учебное заведеніе, имѣвшее значеніе среднихъ нашихъ училищъ.

---

[1] Истор. С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 8. По свидѣтельству Исторіи Росс. Іерархіи, въ Псковской Славяно-Россійской школѣ обучали азбукѣ, Часослову, Псалтири, пѣть, писать, Десятословію съ толкованіемъ и Славянской Грамматикѣ (ч. 1, стр. 430).

[2] Дѣла Псков. Духов. Консист съ 1738 по 1739 г.

Со введеніемъ Латинскихъ классовъ Псковскія духовныя школы, какъ и въ другихъ Епархіяхъ, назывались Славяно-Латинскими. Между 1746 и 1752 годами, въ оффиціальныхъ бумагахъ онѣ стали называться Семинаріей.

Главными предметами обученія въ Псковскихъ Латинскихъ школахъ, какъ самыя названія классовъ ихъ показываютъ, были: Латинскій языкъ, Піитика, Риторика, Философія, Богословіе. Но какіе въ нихъ преподавались предметы второстепенные, въ разсматриваемое нами время, объ этомъ почти ничего опредѣленнаго сказать не можемъ, по недостатку данныхъ. Сохранились за нѣкоторые годы вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ, представленныя учителями школъ въ Консисторію, но въ этихъ вѣдомостяхъ говорится объ успѣхахъ по всему классу вообще, а не по каждому предмету его въ частности. На пр., въ нихъ пишется: въ Фарѣ ученики успѣли такъ-то, въ Инфимѣ такъ-то.... а по какому именно предмету Фары, или Инфимы, ученики такъ, или иначе, успѣли — объ этомъ ни слова. И въ другихъ бумагахъ слишкомъ мало упоминается о преподаваніи второстепенныхъ предметовъ. Только и знаемъ изъ нихъ, что Физика и Греческій языкъ преподавались въ Псковскихъ духовныхъ школахъ и до 1765 года. Въ 1743 г., въ Октябрѣ, Преосвященнымъ Стефаномъ приказано было понятнѣйшихъ и надежнѣйшихъ учениковъ обучать Греческому языку по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, послѣ обѣда, каковая обязанность возлагалась имъ на прибывшаго тогда же изъ Александро-Невской Семинаріи воспитанника, Георгія Балашова. Можно полагать, что если признано было необходимымъ на первыхъ же порахъ преподаваніе въ Латинскихъ школахъ Физики и Греческаго языка, то, конечно, на столько же необходимымъ могли находить преподаваніе въ нихъ и нѣкоторыхъ другихъ наукъ: Географіи, Исторіи, чему учили, въ это время, въ другихъ Архіерейскихъ Латинскихъ школахъ,[10] тѣмъ болѣе, что эти предметы и Регламентомъ положено было проходить въ духовныхъ школахъ. Въ послѣдствіи они, дѣйствительно, въ Псковской Семинаріи и преподавались.[11] Не видимъ изъ бумагъ и того, по какимъ руковод-

[10] Исторія С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 21.

[11] Указъ Св. Синода, отъ 27 Декабря, 1755 г.

самъ въ первое время учились воспитанники Псковскихъ школъ: вѣроятно, по тѣмъ же, по какимъ учились духовные воспитанники и въ другихъ Епархіяхъ.[12] Относительно метода преподаванія въ это время предметовъ, можемъ сказать только то, что уроки сперва диктовались, а потомъ уже экспликовались, какъ тогда говорили.[13]

Учениковъ набирала въ Семинарію Консисторія. Такъ, въ 1752 году, требуемы были въ Консисторію всѣ дѣти отъ 7-ми лѣтъ и выше, и за тѣмъ годные поступали въ училище, а прочіе отданы были подъ росписку для обученія въ домы родителей.

Съ 1730 по 1738 годъ въ Псковской школѣ всѣхъ учениковъ было 149,[14] а на лицо находилось 92 человѣка; въ 1738 г. всѣхъ учениковъ въ ней считалось 254,[15] а на лицо находилось 200. Ученики были въ низшемъ классѣ не менѣе 9 лѣтъ, въ высшемъ не болѣе 22 лѣтъ.[16] Въ 1739 году значилось всѣхъ 206,[17] а на лицо 150; въ 1740 году было всѣхъ 267,[18] а на лицо 242; въ

---

[12] Истор. С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 10.

[13] Дѣло Псков. Консисторіи.

[14] Изъ этого числа отдано было въ военную службу 31, уволено за болѣзнію 6, умерло 10, бѣжало 4 и уволено въ причтъ 6.

[15] А именно: въ Славяно-Россійской школѣ 89; въ Фарѣ 60, изъ коихъ бѣжало 5, отдано въ военную службу 4, умеръ 1, уволенъ за болѣзнію 1, уволено въ причтъ 3; въ Инфимѣ 34, изъ коихъ отдано въ военную службу 9, въ домъ 1, умерло 3, бѣжало 4, уволено въ причтъ 5; въ Грамматикѣ 27, изъ коихъ отдано въ военную службу 7; въ Синтаксимѣ 22; въ Пінтикѣ 9, изъ коихъ 4 умеръ; въ Риторикѣ 13.

[16] Дѣло Псков. Дух. Консисторіи за 1738 г.

[17] Именно: въ Славяно-Россійской школѣ 74, а за исключеніемъ умершихъ, бѣжавшихъ, уволенныхъ въ домъ, 56; въ Фарѣ 42, изъ нихъ бездарныхъ 28; въ Инфимѣ 18, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Грамматикѣ 19, изъ нихъ бездарныхъ 8; въ Синтаксимѣ 11, изъ нихъ умершихъ 3, бездарныхъ 7; въ Пінтикѣ 10; въ Риторикѣ 24; въ Философіи 8.

[18] Именно: въ Славяно-Россійской школѣ 114, изъ коихъ бездарныхъ 13; въ Фарѣ 56, изъ нихъ бездарныхъ 43; въ Инфимѣ 9, изъ нихъ бездарныхъ 3; въ Грамматикѣ 18, изъ нихъ бездарныхъ 9; въ Синтаксимѣ 22, изъ нихъ

1741 году числилось всѣхъ 253,[19] а на лицо 198; въ 1743 году было всѣхъ 242,[20] и на лицо 242; въ 1745 году всѣхъ въ Славянской школѣ было 76 человѣкъ. Самый малый изъ нихъ 8 лѣтъ, а самый старшій 19 лѣтъ; поступили въ училище не ранѣе 1740 г. Въ 1746 году значилось всѣхъ 213,[21] и на лицо 213; въ 1755 г. было всѣхъ 224,[22] и на лицо 224; въ 1756 г. всѣхъ было 120,[23] на лицо 113, кромѣ бѣжавшихъ. Кромѣ того, уволенныхъ въ домъ родителей для обученія значилось въ концѣ 1756 года 70 человѣкъ. Въ 1759 году было всѣхъ 197,[24] и на лицо 197; въ 1760

бездарныхъ 7; въ Піитикѣ 10, изъ нихъ бездарныхъ 3; въ Риторикѣ 36, изъ нихъ бездарныхъ 6; въ Философіи 8, изъ нихъ бездарныхъ 3; въ сбѣгахъ было во всѣхъ классахъ 25.

[19] Въ Славяно-Россійской школѣ 110, изъ нихъ взятыхъ въ С.-Петербургъ 25 человѣкъ, уволенныхъ 6, бездарныхъ 27; въ Фарѣ 40, изъ нихъ бездарныхъ 20; въ Инфимѣ 19, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Грамматикѣ 10, изъ нихъ бездарныхъ 2; въ Синтаксимѣ 16, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Піитикѣ 16, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Риторикѣ 30, изъ нихъ бездарныхъ 4; въ Философіи 12, изъ нихъ бездарныхъ 4; въ сбѣгахъ во всѣхъ классахъ было 24.

[20] Въ Философіи 15, въ Риторикѣ 31, въ Піитикѣ 11, въ Синтаксимѣ 12, въ Грамматикѣ 11, въ Инфимѣ 18, въ Фарѣ 59, въ Славяно-Россійской школѣ 85.

[21] Въ Славяно-Россійской школѣ 79, изъ нихъ бездарныхъ 33; въ Фарѣ 31, изъ нихъ бездарныхъ 8; въ Инфимѣ 19, изъ нихъ бездарныхъ 8; въ Грамматикѣ 22, изъ нихъ бездарныхъ 12; въ Синтаксимѣ 17, изъ нихъ бездарныхъ 2; въ Піитикѣ 14, изъ нихъ одинъ бездарный; въ Риторикѣ 11, изъ нихъ 7 бездарныхъ; въ Философіи 20, изъ нихъ бездарныхъ 6.

[22] Въ Философіи 12, въ Риторикѣ 15, въ Піитикѣ 9, въ Синтаксимѣ 6, въ Грамматикѣ 5, въ Инфимѣ 17, въ Фарѣ 40, въ Славяно-Россійской школѣ 120.

[23] Въ 1756 г., въ 1-й половинѣ не было въ Философіи ни одного ученика, въ Риторикѣ тоже, въ Піитикѣ тоже, въ Грамматикѣ было 12, въ Инфимѣ 10, въ Фарѣ 10, въ Славяно-Россійской школѣ 76, изъ нихъ 8 бѣжавшихъ (такъ значилось въ вѣдомостяхъ, поданныхъ въ Консисторію въ началѣ Мая 1756 г., но въ другихъ вѣдомостяхъ, поданныхъ туда же почти въ то же время, значилось въ Славянской школѣ 88 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 бѣжавшихъ).

[24] Въ Риторикѣ 11, въ Піитикѣ 15, въ Синтаксимѣ 6, въ Грамматикѣ 9, въ Инфимѣ 11, въ Фарѣ 21, въ Писарскомъ 41, въ Славянской школѣ 83.

году числилось всѣхъ 212,[25] и на лицо 212; въ 1761 году находилось всѣхъ 226,[26] и на лицо 226.

Ученики переводились изъ класса въ классъ послѣ испытаній, которыя, обыкновенно, производились Семинарскимъ Начальствомъ предъ отпускомъ на ваканцію.[27]

Если ученики худо усвоили какой ни будь предметъ въ низшемъ классѣ, то его снова преподавали имъ въ высшемъ классѣ.[28] Такъ, въ 1752 году, ученикамъ Философіи снова преподавалась Риторика, по тому что они худо знали ее. Нѣкоторые ученики слушали, напр., Философію одинъ курсъ, другіе два.[29]

Нѣкоторые изъ учениковъ высшихъ классовъ принимали монашество, и въ этомъ званіи продолжали учиться.[30]

По окончаніи курса ученія, большая часть воспитанниковъ поступала въ церковный причтъ; другіе, особенно монашествующіе, опредѣлялись на учительскія должности при Семинаріи. О другихъ назначенныхъ воспитанниковъ Семинаріи, въ разсматриваемое нами время, кромѣ поступленія довольнаго числа ихъ въ военную службу, по распоряженію Правительства, ничего не знаемъ. Въ послѣднюю поступали ученики и изъ самыхъ низшихъ классовъ.

При той странной нерасположенности родителей и дѣтей къ общественному образованію (напр., въ 1744 году, изъ Семинаріи бѣжало до 60 учениковъ, коихъ, какъ видно изъ рапортовъ, и отыскать не могли), какая замѣчалась въ старые годы во всѣхъ

---

[25] Въ Риторикѣ 17, въ Піитикѣ 14, въ Синтаксимѣ 11, въ Грамматикѣ 8, въ Инфимѣ 9, въ Фарѣ 26, въ Писарскомъ 58, въ Славянской школѣ 69.

[26] Въ Риторикѣ 22, въ Піитикѣ 18, въ Синтаксимѣ 16, въ Грамматикѣ 11, въ Инфимѣ 14, въ Фарѣ 33, въ Писарскомъ 53, въ Славянской школѣ 59.

[27] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 18 Сентября, 1752 г.

[28] Тамъ же.

[29] Тамъ же.

[30] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 8 Октября, 1745 г.

сословіяхъ Русскихъ, и въ частности въ Духовенствѣ, а равно по недостатку учителей дѣльныхъ и другихъ средствъ, необходимыхъ для образованія, не льзя было ожидать и совершенныхъ успѣховъ отъ учениковъ Семинаріи, на первыхъ порахъ ея существованія, не только въ высшихъ, но и въ самыхъ необходимыхъ наукахъ. Не мало вредило расположенности учениковъ къ наукамъ и дурное обращеніе учителей съ учениками. Многіе бѣжали изъ школъ по тому, что учители жестоко наказывали ихъ розгами.[31]

Въ 1742 году Преосвященный выставлялъ на видъ Консисторіи, что, по ея небрежности, мало находилось учениковъ въ Латинскихъ школахъ; что, по ея невнимательности къ школамъ, самому первѣйшему дѣлу и весьма благополезному, нѣкоторые ученики учились Азбукѣ по три года, а Часослову семь лѣтъ.[32] Въ 1745 году Преосвященный Стефанъ, требуя отъ Консисторіи подробныхъ свѣдѣній о состояніи Славяно-Россійской школы, выставлялъ на видъ то, что ни у кого почти изъ учениковъ Псковской Славяно-Латинской школы не только у обучающихся, но и у обучавшихся уже, нѣтъ чистаго и добраго, какъ Русскаго, такъ и Латинскаго, характера. Хотѣлъ знать, между прочимъ, кто тому причиною, и можно ли сдѣлать впредь исправленіе? и учитель школы, на требованіе Консисторіи по сему случаю, отвѣчалъ: «По чему обучающіеся въ Латинскихъ школахъ и обучавшіеся худо пишутъ по Русски и по Латыни, и кто тому причиною, я не знаю, по тому что то до меня было. Впрочемъ, исправленія ожидать можно, по тому что о. Префектъ съ самаго поступленія моего на службу, не переводитъ изъ класса въ классъ того, кто не хорошо пишетъ.»[33] Въ 1752 году до того ученики Риторики были малоуспѣшны, что нужно было перемѣнить учителей.[34] Въ 1756 году Семинарія была въ крайнемъ упадкѣ. Въ трехъ высшихъ классахъ не было даже ни одного ученика. Такой упадокъ Семинаріи Консисторія объясняла:

---

[31] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1743 г.

[32] Дѣло Псков. Дух. Консист.

[33] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1745 г.

[34] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 28 Августа, 1746 г.

1. Болѣзнію Ректора и Префекта.

2. Тѣмъ, что въ высшихъ классахъ много было неспособныхъ и великовозрастныхъ, кои, по прошеніямъ, уволены были на мѣста.

3. Тѣмъ, что, по Высочайшему Указу 1755 года, праздные мѣста Епархіи непремѣнно должны были замѣститься, а такихъ мѣстъ слишкомъ было много. По этому почти всѣхъ учениковъ высшихъ классовъ и уволили на мѣста, такъ что эти классы должны были закрыться, и закрыты до новаго пополненія, и за всѣмъ этимъ осталось незамѣщенными до 330 мѣстъ. Говорили, что много церковнослужителей требовали завоеванныя страны.[35]

Первый изъ учителей Псковской Славянской школы встрѣчается въ бумагахъ Консисторскаго архива Священникъ Чернявскій, о которомъ Преосвященный Варлаамъ, Архіепископъ Псковскій и Нарвскій, писалъ въ Синодъ, что отъ него для школы мало пользы, что онъ и глазами мало видитъ. Въ слѣдствіе сего, по ходатайству того же Преосвященнаго, и присланъ былъ изъ Кіево-Печерской Лавры отъ Архимандрита Романа, для занятія учительской должности въ Псковской духовной школѣ, Іеромонахъ Манассія Косачъ;[36] но былъ ли онъ въ Славянской школѣ учителемъ—изъ бумагъ не видно. Послѣ Чернявскаго, сколько видно изъ бумагъ, учителями въ Славянской школѣ были: въ 1738 г. Стефанъ Яковлевъ, пономарь Георгіевской церкви съ болота, который, въ 1742 г. уволенъ за нерадѣніе; въ 1743 г. Стефанъ Священниковъ; въ 1745 г. Георгіевскаго Собора Діаконъ Сергій Ивановъ Заклинскій; въ 1753 г. Діаконъ Яковъ Семеновъ; въ 1755 г. Троицкаго Собора Діаконъ Евгеній Васильевъ; въ 1758 г. Мина Васильевъ.

Въ Писарскомъ классѣ учителями были: въ 1756 г. Андрей Соболевскій; въ 1758 г. Александръ Аѳанасьевъ Нарвскій; въ 1760 и 61 онъ же, въ санѣ Діакона Успенской Пароменской церкви.

---

[35] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1756 годъ.

[36] Дѣло Псков. Духов. Консист. отъ 29 Генваря 1733 г.

сословіяхъ Русскихъ, и въ частности въ Духовенствѣ, а равно по недостатку учителей дѣльныхъ и другихъ средствъ, необходимыхъ для образованія, не льзя было ожидать и совершенныхъ успѣховъ отъ учениковъ Семинаріи, на первыхъ порахъ ея существованія, не только въ высшихъ, но и въ самыхъ необходимыхъ наукахъ. Не мало вредило расположенности учениковъ къ наукамъ и дурное обращеніе учителей съ учениками. Многіе бѣжали изъ школъ по тому, что учители жестоко наказывали ихъ розгами.[31]

Въ 1742 году Преосвященный выставлялъ на видъ Консисторіи, что, по ея небрежности, мало находилось учениковъ въ Латинскихъ школахъ; что, по ея невнимательности къ школамъ, самому первѣйшему дѣлу и весьма благополезному, нѣкоторые ученики учились Азбукѣ по три года, а Часослову семь лѣтъ.[32] Въ 1745 году Преосвященный Стефанъ, требуя отъ Консисторіи подробныхъ свѣдѣній о состояніи Славяно-Россійской школы, выставлялъ на видъ то, что ни у кого почти изъ учениковъ Псковской Славяно-Латинской школы не только у обучающихся, но и у обучавшихся уже, нѣтъ чистаго и добраго, какъ Русскаго, такъ и Латинскаго, характера. Хотѣлъ знать, между прочимъ, кто тому причиною, и можно ли сдѣлать впредь исправленіе? и учитель школы, на требованіе Консисторіи по сему случаю, отвѣчалъ: «По чему обучающіеся въ Латинскихъ школахъ и обучавшіеся худо пишутъ по Русски и по Латыни, и кто тому причиною, я не знаю, по тому что то до меня было. Впрочемъ, исправленія ожидать можно, по тому что о. Префектъ, съ самаго поступленія моего на службу, не переводитъ изъ класса въ классъ того, кто не хорошо пишетъ.»[33] Въ 1752 году до того ученики Риторики были малоуспѣшны, что нужно было перемѣнить учителей.[34] Въ 1756 году Семинарія была въ крайнемъ упадкѣ. Въ трехъ высшихъ классахъ не было даже ни одного ученика. Такой упадокъ Семинаріи Консисторія объясняла:

---

[31] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1743 г.

[32] Дѣло Псков. Дух. Консист.

[33] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1745 г.

[34] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 28 Августа, 1746 г.

1. Болѣзнію Ректора и Префекта.

2. Тѣмъ, что въ высшихъ классахъ много было неспособныхъ и великовозрастныхъ, кои, по прошеніямъ, уволены были на мѣста.

3. Тѣмъ, что, по Высочайшему Указу 1755 года, праздные мѣста Епархіи непремѣнно должны были замѣститься, а такихъ мѣстъ слишкомъ было много. По этому почти всѣхъ учениковъ высшихъ классовъ и уволили на мѣста, такъ что эти классы должны были закрыться, и закрыты до новаго пополненія, и за всѣмъ этимъ осталось незамѣщенными до 330 мѣстъ. Говорили, что много церковнослужителей требовали завоеванныя страны. [35]

Первый изъ учителей Псковской Славянской школы встрѣчается въ бумагахъ Консисторскаго архива Священникъ Чернявскій, о которомъ Преосвященный Варлаамъ, Архіепископъ Псковскій и Нарвскій, писалъ въ Синодъ, что отъ него для школы мало пользы, что онъ и глазами мало видитъ. Въ слѣдствіе сего, по ходатайству того же Преосвященнаго, и присланъ былъ изъ Кіево-Печерской Лавры отъ Архимандрита Романа, для занятія учительской должности въ Псковской духовной школѣ, Іеромонахъ Манассія Косачъ; [36] но былъ ли онъ въ Славянской школѣ учителемъ—изъ бумагъ не видно. Послѣ Чернявскаго, сколько видно изъ бумагъ, учителями въ Славянской школѣ были: въ 1738 г. Стефанъ Яковлевъ, пономарь Георгіевской церкви съ болота, который, въ 1742 г. уволенъ за нерадѣніе; въ 1743 г. Стефанъ Священниковъ; въ 1745 г. Георгіевскаго Собора Діаконъ Сергій Ивановъ Заклинскій; въ 1753 г. Діаконъ Яковъ Семеновъ; въ 1755 г. Троицкаго Собора Діаконъ Евгеній Васильевъ; въ 1758 г. Мина Васильевъ.

Въ Писарскомъ классѣ учителями были: въ 1756 г. Андрей Соболевскій; въ 1758 г. Александръ Аѳанасьевъ Нарвскій; въ 1760 и 61 онъ же, въ санѣ Діакона Успенской Пароменской церкви.

---

[35] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1756 годъ.

[36] Дѣло Псков. Духов. Консист. отъ 29 Генваря 1733 г.

Въ Фарѣ учили: съ 1733 г. Стефанъ Левдковскій; въ 1738 г. Максимъ Матѳѣевъ Данилевскій; въ 1743 г. Іеродіаконъ Игнатій Данилевичъ; въ 1745 г. Іеронимъ Іеродіаконъ; до 1755 г. Іоаннъ Лабецкій, сперва Діаконъ Васильевской съ Горки церкви, а потомъ Священникъ Михайло-Архангельскаго Собора; въ 1755 г. Андрей Соболевскій; въ 1760 Иванъ Даниловъ.

Въ Инфимѣ учителями были: съ 1755 г. Іеромонахъ Манассія; съ 1738 г. монахъ Сильвестръ; въ 1745 г. и прежде Іеродіаконъ Іеронимъ Григоровичъ; 1755 г. Спиридонъ Желтовскій, Діаконъ Пароменской церкви; послѣ него до 1758 г. Діаконъ Лабецкій; съ 1758 г. Семенъ Григорьевъ; въ 1760 г. Иванъ Даниловъ.

Въ Грамматическомъ классѣ учителями были: въ 1738 г. Стефанъ Зборомирскій; съ 1739 г. монахъ Сильвестръ (до монашества Стефанъ Стефановъ Леваковскій); въ 1745 г. монахъ Тихонъ Симоновичъ; въ 1751 г. Іеродіаконы: Іоиль и Симонъ; въ 1755 г. Іеродіаконъ Лаврентій, Любятовскаго монастыря Надсмотритель; въ 1755 г. Діаконъ Іоаннъ Лабецкій; въ 1760 г. Михаилъ Васильевъ.

Въ Синтаксическомъ классѣ учителями были: въ 1738 году монахъ Іосифъ; въ 1739 г. Стефанъ Васильевъ Зборомирскій; въ 1745 г. Іеродіаконъ Игнатій (Шалимовъ), Іеродіаконъ Тихонъ; въ 1751 г. Іеродіаконъ Іоиль и Іеродіаконъ Симонъ; въ 1756 г. Префектъ, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ, Симонъ; въ 1758 г. Ѳедоръ Павловъ; въ 1760 г. Михаилъ Васильевъ.

Въ Пиитическомъ классѣ учили: въ 1738 г. Андрей Топольницкій; въ 1739 г. монахъ Іосифъ; въ 1745 г. Іеромонахъ Порфирій Сатковскій; въ 1746 г. Іеродіаконъ Лаврентій; въ 1751 г. Іеродіаконъ Іеронимъ, Іеродіаконъ Іоиль, за нетрезвость уволенный Преосвященнымъ Симономъ Тодорскимъ въ Святогорскій монастырь; въ 1758 г. Іеродіаконъ Іеронимъ; въ 1760 г. Игуменъ Наркиссъ Квѣтко.

Въ Риторическомъ классѣ учили: въ 1738 г. Іеромонахъ Геннадій; съ 1739 г. Андрей Топольницкій; въ 1745 г. Префектъ Іосифъ; въ 1746 г. Іеромонахъ Порфирій и Іеродіаконъ Амвросій; въ 1758 г. Іеромонахъ Лаврентій; въ 1760 г. Ѳедоръ Павловъ.

Въ Философскомъ классѣ учили: въ 1745 г. Ректоръ Геннадій, который, въ 1746 г., по открытіи Богословскаго класса, училъ вмѣстѣ и Богословію, 1749 г. Іеромонахъ Игнатій. Въ послѣдствіи Философію преподавали исключительно Префекты, какъ Богословіе — Ректоры.

Внутреннее Управленіе Семинаріей было конторное. Главнымъ начальствующимъ лицомъ въ Семинаріи былъ Ректоръ, завѣдывающій всѣми частями Семинарскаго управленія: учебною, нравственною и хозяйственною. Ближайшимъ помощникомъ его, по всѣмъ частямъ этого управленія, былъ Префектъ. Въ какомъ отношеніи находились Ректоръ и Префектъ, какъ къ Семинаріи, такъ и между собою, видно изъ указа домашней Конторы Преосвященнаго Симона Тодорскаго, отъ 15 Сентября, 1745 года. Въ немъ, между прочимъ, пишется: «Префекту, Елизаровскому Игумену Іосифу, быть по прежнему.... и по Ректорѣ смотрѣніе имѣть надъ всѣми школами, какъ надъ учителями въ обученіи благопоспѣшномъ учениковъ, такъ и надъ учениками въ прилежнѣйшемъ и нелѣностномъ ученіи и въ препровожденіи добропорядочнаго жительства, а виновныхъ учениковъ за преступленіе наказывать, по разсужденію; а буде за философическими учениками (Богословскій классъ еще не былъ открытъ) имъ, Префектомъ, что непорядочное усмотрѣно будетъ, о томъ ему представлять и штрафовать съ согласіемъ Ректора.

СПИСОКЪ

Ректоровъ и Префектовъ Псковской Семинаріи, отъ ея основанія до 1765 года.

Ректоры:

1. **Геннадій**, въ мірскомъ званіи Григорій Андреевскій, сначала Игуменъ Великопустынскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго, потомъ Архимандритъ Псково-Печерскаго монастыря, а съ 1751 года Епископъ Костромской. Начиналъ Ректорскую должность еще бывши міряниномъ, и назывался Директоромъ. Въ первый разъ о немъ упоминается въ дѣлахъ Консисторскаго архива подъ 1738 годомъ.

2. Игнатій (1751—53 г.), Игуменъ Великопустынскій. По слабости здоровья уволился отъ училищной службы.

3. Симонъ, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ, въ 1756 г. подписывался вмѣсто Ректора.

4. Лаврентій, Іеромонахъ, въ 1759 г. подписывался вмѣсто Ректора.

5. Ѳеодосій, Святогорскій Архимандритъ, съ 1761 г. Епископъ Устюжскій.

6. Послѣ Ѳеодосія правили должность Ректора: Псково-Печерскій Архимандритъ Іосифъ и Святогорскій Архимандритъ Дороѳей.

Префекты:

1. Іосифъ, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ. О немъ упоминается съ 1742 по 1745 годъ.

2. Игнатій, Іеромонахъ. О немъ упоминается въ 1750 г.

3. Тихонъ, Іеромонахъ. О немъ упоминается въ 1751 г.

4. Симонъ, Елеазаровскій Игуменъ. О немъ упоминается съ 1752 года. Уволился по болѣзни.

5. Лаврентій, Іеродіаконъ и Надсмотритель Любятовскаго монастыря. О немъ упоминается въ 1755 году.

6. Иларіонъ. Въ 1763 году значится Іеромонахомъ, въ 1766 Игуменомъ. Въ томъ же году сдѣланъ Ректоромъ Троице-Сергіевской Семинаріи.

Внѣшнее Управленіе Семинаріей.

Съ внѣшней стороны ближайшимъ образомъ Семинаріею завѣдывали мѣстная Консисторія и мѣстный Преосвященный, особенно послѣдній, такъ что она не иначе и называлась, какъ Семинаріею Его Преосвященства, а сами Преосвященные гово-

рили о ней: «Въ нашихъ Славяно-Латинскихъ школахъ, въ нашей Семинаріи.» Пастыри Псковскіе, не смотря на то, что почти всѣ они жили въ столицѣ, какъ Члены Святѣйшаго Синода, принимали самое живое участіе во всемъ, что касалось этѣхъ школъ. Безъ ихъ разрѣшенія въ нихъ не дѣлалось ни чего, а многое совершалось единственно по ихъ личному усмотрѣнію и распоряженію. Они открывали новые классы, вводили преподаваніе новыхъ предметовъ, назначали испытанныхъ ими лицъ на должности Ректора, Префекта, и руководили ихъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей, опредѣляли учителей на тотъ, или другой, предметъ, и каждый разъ, предъ начатіемъ ученія, указывали, что и какъ они должны были преподавать, наблюдали, какъ за ихъ нравственностію, такъ и за успѣхами и благонравіемъ учениковъ, изыскивали средства къ обезпеченію послѣднихъ въ содержаніи, успѣшныхъ въ наукахъ награждали, лѣнивыхъ штрафовали, употребляли всѣ мѣры къ ослабленію нерасположенности къ наукамъ, какъ въ ученикахъ, такъ и въ ихъ родителяхъ. Такъ въ 1742 году Преосвященный Стефанъ, замѣтивъ разныя неисправности по дѣламъ училищнымъ, писалъ слѣдующее распоряженіе:

1. Для обученія Славянской грамотѣ отдавать отцамъ, родственникамъ и свойственникамъ, кромѣ дѣтей сирыхъ и самыхъ бѣдныхъ, съ тѣмъ, чтобы, по обученіи этой грамотѣ, дѣти представлены были для обученія Латыни.

2. Отдавать на извѣстные сроки, смотря по тому, кто что знаетъ изъ дѣтей, но ни въ какомъ случаѣ срокъ не долженъ простираться далѣе 3-хъ лѣтъ.

3. Кто таковыхъ дѣтей къ сроку не представитъ, того штрафовать.

4. Кто будетъ уволенъ въ домъ для обученія, на какой срокъ, съ какимъ обязательствомъ, о томъ немедленно рапортовать Его Преосвященству.

5. Отставить отъ должности Учителя Славяно-Россійской школы, Пономаря Стефана Яковлева, за нерадѣніе и оштрафовать,

а Ректору съ Префектомъ избрать на его мѣсто другаго изъ учениковъ Философіи, и строго смотрѣть за его исправностію.

6. Бѣглыхъ учениковъ Консисторіи въ скоромъ времени отыскать и представить въ школы безъ всякихъ, съ ихъ стороны, отговорокъ; иначе Консисторія будетъ оштрафована Преосвященнымъ за потворство, по которому она, не смотря на неоднократныя подтвержденія Его Преосвященства, съ самаго вступленія его на Псковскую каѳедру, допустила болѣе 30 человѣкъ жить въ бѣгахъ.

7. Значущихся въ вѣдомостяхъ больными призвать въ Духовную Консисторію и, вмѣстѣ съ Ректоромъ и Префектомъ, пригласивъ Лѣкаря, освидѣтельствовать и о послѣдующемъ, за рукоприкладствомъ свидѣтельствовавшихъ, отрепортовать Его Преосвященству.

8. Безъ вѣдома и указа Его Преосвященства, ни этѣхъ учениковъ, ни имѣющихъ поступить въ училище, хотя бы и за болѣзнію, не отпускать, подъ опасеніемъ штрафа.

9. Отнынѣ Консисторія должна смотрѣть, чтобы какъ Учители свое дѣло дѣлали усердно, такъ и ученики учились прилежно. [37]

Въ какомъ духѣ Псковскіе пастыри дѣйствовали на Семинарію, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго прекраснѣйшаго наставленія Преосвященнаго Симона Тодорскаго начальствующимъ и учащимъ въ Семинаріи, выраженнаго въ указѣ, отъ 28-го Августа, 1746 года, по случаю назначенія отъ него, кому что преподавать въ Семинаріи въ 1746—47 году. Вотъ это наставленіе: «Обучати же учителямъ онымъ по самой Христіанской совѣсти, съ великимъ тщаніемъ и попеченіемъ о душахъ обучающихся, яко отвѣтъ имуще воздати за ученіе свое во страшное Христово пришествіе.»

Къ сожалѣнію, Псковская Консисторія, чрезъ которую Преосвященные исключительно дѣйствовали на Семинарію, бывъ за-

---

[37] Дѣло Псков. Д. Консист. Арх. за 1742 г.

нята дѣлами Епархіяльнаго управленія и не имѣя у себя людей, совершенно понимавшихъ учебную часть, не могла дѣйствовать на Семинарію, какъ требовала ея польза. Отъ того въ управленіи Семинарскомъ происходилъ безпорядокъ. Консисторія ссылалась на Семинарію, Семинарія на Консисторію, и Преосвященнымъ часто было трудно даже знать истинное положеніе Семинаріи и употребить свою заботливость съ пользою для ней. На пр., въ 1745 году Преосвященному нужно было знать, сколько кому лѣтъ изъ учениковъ Семинаріи. Объ этомъ данъ былъ указъ въ Консисторію. Что же Консисторія? Она спросила Учителя, а Учитель отвѣчалъ: «Сколько кому лѣтъ изъ его учениковъ, о томъ знаетъ Консисторія, ибо не прежде ученикъ приводится въ школу, какъ въ Консисторіи запишутъ его лѣта.» [38] Съ самаго начала Архіерейскихъ школъ, Святѣйшій Синодъ, или по своимъ видамъ, или въ слѣдствіе Высочайшихъ распоряженій, относительно лицъ духовнаго званія, требовалъ отъ Архіереевъ вѣдомостей объ ученикахъ. Въ 1737 году дана была отъ Святѣйшаго Синода и форма для ежегоднаго составленія таковыхъ вѣдомостей. Но Псковская Консисторія, при всемъ этомъ, не смотря на строгія подтвержденія и Преосвященныхъ и Святѣйшаго Синода, или вовсе не представляла Преосвященному и Синоду, за нѣсколько лѣтъ сряду, требуемыхъ свѣдѣній объ ученикахъ, или представляла ихъ съ большими неисправностями и не въ свое время, [39] предлагая въ свое извиненіе иногда самыя странныя объясненія. На пр., въ 1756 году, на спросъ Преосвященнаго, по чему Консисторія не представила вѣдомостей съ 1746 года, она отвѣчала: «Списки не посылались или по тому, что Учители не подавали ихъ въ надлежащей формѣ, а Секретари Консисторіи и приказные не требовали ихъ, которыхъ, впрочемъ, т. е., Секретарей и приказныхъ, въ живыхъ не находится, или по тому, что поданные по формѣ Его Преосвященству сгорѣли съ Архіерейскимъ домомъ, да и тѣ ученики, о коихъ были упомянутые списки, уже изъ школъ въ церковный причтъ выбыли, по этому и теперь нѣтъ возможности представить требуемыхъ вѣдомостей.» [40]

---

[38] Дѣло Псков. Консист. Арх. за 1745 г.

[39] Дѣло Псков. Консист. Арх. за 1738 и 1742 г.

[40] Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1756 т. Списки учениковъ не были представ-

Въ 1745 году Свят. Синодъ и Преосвященный, требуя вѣдомостей объ ученикахъ, которыя не представлялись съ 1738 года, приказывали Консисторскаго Секретаря и канцелярскихъ служителей держать въ Консисторіи подъ арестомъ безвыходно и не давать имъ жалованья, пока не составятъ отѣхъ вѣдомостей. [41]

Экономическая часть.

Отъ основанія духовныхъ школъ до 1765 года.

До учрежденія штатовъ при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, Семинарія, главнымъ образомъ, содержалась съ сбора съ монастырей 20-й и съ церковныхъ земель, гдѣ они были, 30-й части хлѣба. Но этотъ способъ содержанія былъ и недостаточенъ, и крайне затруднителенъ. Упомянутый сборъ хлѣба, обыкновенно, совершался такъ: каждый монастырь, каждая церковь должны были представлять въ Консисторію вѣдомости о томъ, сколько какого гдѣ родилось хлѣба. За тѣмъ Консисторія и требовала, по представленнымъ вѣдомостямъ, откуда 20-ю, а откуда 30-ю часть. Но, во первыхъ, можно ли было ожидать, чтобы въ вѣдомостяхъ, представленныхъ въ Консисторію, вѣрно обозначалось количество полученнаго съ поля хлѣба тою или другою церковію, тѣмъ или другимъ монастыремъ? Во вторыхъ, сколько должно было пройти времени, пока представятъ вѣдомости о хлѣбѣ, пока Консисторія сдѣлаетъ по нимъ надлежащій расчетъ, и пока по этому расчету будетъ доставленъ въ Семинарію хлѣбъ? Каждогодно были жалобы на неисправность доставки его. А за многими монастырями и церквами оставались недоимки за цѣлые годы. [42]

Въ 1738 году Высочайше повелѣно было Свят. Синоду составить штаты для Духовныхъ Училищъ, приспособляясь «къ апробованному штату о гарнизонныхъ для солдатскихъ дѣтей шко-

---

лиемы вовсе съ 1738 по 1745. Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1746 г., съ 1746 по 1756. Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1756 г.

[41] Дѣло Псков. Консист. Арх. за 1746 г.

[42] Дѣло Псков. Консист. Арх. 1743, 1761 и др.

лахъ. Они и были составлены, но не утверждены, по тому, что потребовалось ежегоднаго отпуска значительной суммы денегъ. Въ послѣдствіи Новгородская и Невская Семинаріи и Московская Академія получили ежегодные оклады, но прочія Семинаріи остались на прежнемъ основаніи по Духовному Регламенту.[43]

Въ 1740 году позволено было Святѣйшимъ Синодомъ употреблять свѣчныя деньги, между прочимъ, и на нужды школьныя. Но не видно, чтобы Псковскія духовныя школы пользовались этимъ пособіемъ. [44]

По указу Святѣйшаго Синода 1744 года, въ пользу Семинаріи должны были поступать деньги, взыскиваемыя съ отцевъ и родственниковъ за укрывательство бѣглыхъ учениковъ, а равно и за недоставленіе дѣтей къ сроку. Деньги эти, дѣйствительно, поступали въ пользу Псковской Семинаріи, но онѣ были очень незначительны. Въ 1760 году собирали, въ пользу Семинаріи, съ церковныхъ крестьянъ за одну сажень, по окладу, по 46 коп. съ дыму, т. е., со двора.

Вѣнечныя деньги, по 3 коп. со двора, тоже поступали въ пользу Семинаріи.

Первоначально Семинарія помѣщалась на Печерскомъ подворьѣ до 1738 года; въ 1738 году Преосвященнымъ Стефаномъ Калиновскимъ выстроенъ былъ для ней особый, двухъ-этажный каменный домъ, близъ Печерскаго подворья, и нынѣ существующій.

Одни изъ учениковъ Семинаріи помѣщались въ самой Семинаріи, а другіе жили на квартирахъ. Въ самой Семинаріи жили только тѣ, кои содержались на казенный счетъ. По указу Преосвященнаго въ 1740 году, лучшимъ бѣднымъ ученикамъ, сверхъ пищи, приготовляемой для прочихъ учениковъ Философіи, Риторики и Піитики, выдавали, въ награду, въ простые дни мясоѣд-

---

[43] Истор. Россійск. Іерархіи, ч. I, стр. 441 и 442.

[44] Полн Собр. Зак. ст. 8,287.

[45] Вѣд. о штраф. деньгахъ за 1744, 1757 и 1758 г. Псков. Конс.

ные по 1 ф. мяса, а въ постные по довольной порціи рыбы, въ воскресные и праздничные дни по 2 фун. мяса и по 2 фун. рыбы. Вмѣсто этого стали было выдавать деньгами, но въ 1742 году таковая выдача запрещена отъ Преосвященнаго.

Въ 1743 году казеннокоштныхъ воспитанниковъ было въ Семинаріи 924 человѣка, такъ что недостало и хлѣба для ихъ пропитанія. По чему Преосвященный Стефанъ приказалъ сократить ихъ число и положилъ, по скольку на каждаго изъ нихъ должно быть отпускаемо хлѣба.

Ученикамъ Риторики приказано было давать хлѣба по 4 ф., такихъ было 4; ученикамъ Синтаксимы, Грамматики, Инфимы, Фары и Славянороссійской школы по 3 ф., такихъ было: въ Синтаксимѣ 2, въ Грамматикѣ 2, въ Инфимѣ 2, въ Фарѣ 5, въ Славянороссійской школѣ 8, и того, по сокращеніи, 224 человѣка, оставалось на казенномъ содержаніи только 23 человѣка,

Въ 1745 году на казенномъ содержаніи было: изъ Риторики 9, получали они по 6 ф. хлѣба въ день; изъ Піитики 10, получали они по 5 ф. хлѣба въ день; изъ Синтаксимы 6, получали они по 4 фун. хлѣба.

Изъ Грамматики	6	по 4 фун. хлѣба въ день.
Изъ Инфимы . .	7	
Изъ Фары	38	по 3 фун. хлѣба въ день.
Писар. школъ. .	43	

Славянороссійской школы 20; этѣ получали по 2 фун. хлѣба въ день.

Какъ велики были матеріяльныя средства Псковской Семинаріи въ разсматриваемое нами время, и какъ распоряжались ими, видно изъ слѣдующихъ приходо-расходныхъ статей.

Въ 1745 году

въ ней въ расходѣ было:

въ Генварѣ:	ржаной	муки	22	четверти	6	четверик.
» »	житной	»	9	»	6	»
въ Февралѣ:	ржаной	»	33	»	2	»

въ Февралѣ:	житной муки	14	четвертей	2	четверика
въ Мартѣ:	ржаной	»	36	»	6	»
» »	житной	»	15	»	6	»
въ Апрѣлѣ:	ржаной	»	28	»	»	»
» »	житной	»	12	»	»	»
въ Маѣ:	ржаной	»	28	»	7	»
» »	житной	»	13	»	4	»
» »	пшеничн.	»	2	»	5	»
въ Іюнѣ:	ржаной	»	30	»	1	»
» »	житной	»	13	»	4	»
» »	пшеничн.	»	1	»	1	»
въ Іюлѣ:	ржаной	»	8	»	»	»
» »	житной	»	3	»	»	»

Значитъ, за 7 мѣсяцевъ ржаной муки было въ расходѣ 187 четвертей 6 четвериковъ, житной 81 четверть 6 четвериковъ.

За два мѣсяца пшеничной муки было въ расходѣ 3 четверти 6 четвериковъ.

За тѣмъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ остаткѣ на лицо было:

ржи	55	четвертей	3	четверика.
жита	80	»	3	»
овса	335	»	»	»
пшеницы. . .	1	»	4	»
гороху	2	»	»	»
гречи	15	»	6	»
сѣмяни конопл.	4	»	2	»

Денегъ оставалось 210 руб. 3 копѣйки.

Въ 1759 году

въ приходѣ было:

денегъ 97 руб. 57½ коп.,

въ расходѣ:

денегъ 80 руб. 66½ коп.,

въ остаткѣ 16 руб. 83 коп.

въ приходѣ:

хлѣба (съ остатковъ отъ предыдущаго года):

ржи. .	335	четвертей	7	четериковъ	2	гарнца,
жита .	99	»	7	»	»	»
овса .	91	»	»	»	»	»
гречи.	2	»	»	»	4½	»
сѣмени конопляпаго.			6	»	1	»
пшеницы			3	»	4	»

въ расходѣ:

ржи. .	106	четвертей	7	четериковъ	2	гарнца.
жита .	22	»	»	»	»	»
овса .	88	»	»	»	»	»
гречи.	2	»	»	»	4½	»
пшеницы	»	»	3	»	»	»

За тѣмъ въ остаткѣ къ 1760 году было:

ржи. .	229	четвертей,				
жита .	77	»	7	четериковъ,		
овса .	3	»	»	»		
гороху	3	»	»	»		
пшеницы	»	»	»	»	4	гарнца,
сѣмени конопляпаго .			6	»	1	»

въ приходѣ:

дровъ, собиравшихся съ Псково-градскихъ и Уѣздныхъ церквей съ дворового числа 216 саженъ.

Въ расходѣ 216 саженъ.

Въ 1760 году:

въ приходѣ денегъ 154 руб. 80 коп.,
въ расходѣ 117 руб. 77½ коп.,
въ остаткѣ 37 руб. 2½ коп.,

въ приходѣ хлѣба (съ остаткомъ отъ предыдущаго года):

ржи	425	четвертей	4	четверика	1/2	гарнца.
жита	31	»	6	»	5	»
овса	213	»	3	»	2¾	»
ярицы	»	»	1	»	¼	»
гороху	2	»	»	»	5½	»
пшеницы . . .	1	»	3	»	1	»
гречи	6	»	7	»	4¾	»
сѣмени кон. .	1	»	1	»	1¾	»

Въ расходѣ:

ржи . . .	188	четвертей.		
жита . . .	44	»	4	четверика.
овса . . .	5	»	»	»

За тѣмъ въ остаткѣ:

ржи	237	четвертей	4	четверика	1½	гарнца,
жита	43	»	3	»	8	»
овса	207	»	7	»	2¾	»
ярицы	»	»	1	»	¼	»
гороху	2	»	»	»	5½	»
гречи	6	»	7	»	4¾	»
пшеницы . .	1	»	3	»	1	»
сѣмени кон. .	1	»	1	»	1¾	»

въ приходѣ дровъ 266½ сажени,
въ расходѣ 165½ сажени,
въ остаткѣ 101 сажень.

Въ 1761 году
собрано:

ржи	138	четвертей	6	четвериковъ	6¼	гарнцевъ,
жита. . . .	42	»	2	»	5½	»
овса	58	»	5	»	¾	»
гороху. . .	2	»	2	»	4	»
гречи . . .	4	»	»	»	»	»
пшеницы .	»	»	4	»	5½	»
сѣмени кон.	»	»	3	»	1¼	»

Всего съ остаточнымъ отъ 1760 года:

ржи	376	четвертей	2	четверика	7¾	гарнца,
жита.	85	»	6	»	2½	»
овса	266	»	4	»	3½	»
гороху. . . .	4	»	3	»	1½	»
гречи	11	»	»	»	4½	»
пшеницы . .	2	»	1	»	6½	»
семени кон. .	1	»	4	»	2½	»

въ расходѣ (въ 1761 году, съ Генваря по 26-е Октября):

ржи . . .	178	четвертей	7	четвериковъ,
жита. . .	40	»	6	»
овса . . .	113	»	6	»

На лицо оставалось:

ржи	205	четвертей	3	четверика	7¾	гарнца,
жита	41	»	4	»	2½	»
овса	152	»	6	»	3½	»
гречи	11	»	»	»	4½	»
пшеницы . .	2	»	1	»	6½	»
сѣмени кон..	1	»	4	»	2½	»

Дровъ было въ приходѣ 243 саж., въ расходѣ 111.

Въ 1761 году (съ Генваря по 26-е Октября):

въ приходѣ было денегъ 231 руб. 50¾ коп.,

въ расходѣ 216 руб. 67 коп.,

въ остаткѣ 14 руб. 83¾ коп.

Въ 1760 году четверть ржи стоила 1 руб. 20 коп., а четверть овса 80 коп. По этому можно судить, что стоило въ годъ на деньги содержаніе Семинаріи.

По хозяйственной части Ректоръ и Префектъ дѣйствовали чрезъ Экономовъ или Расходчиковъ, которые были назначаемы изъ лицъ и свѣтскаго и духовнаго званія, по усмотрѣнію Пре-

священныхъ. И по этой части, на первыхъ порахъ, трудно было найти способныхъ людей, отъ чего и происходили довольно значительные промахи по веденію Семинарскаго хозяйства.

Расходчики Псковской Семинаріи: до 1742 года Копеистъ Василій Никитинъ; въ 1742 году отставной Капитанъ Козьма Подкуровъ; въ 1743 отставной Поручикъ Ѳедоръ Лавровъ; въ 1745 Священникъ Васильевской съ Горки церкви Ѳирсъ Васильевъ; до 1756 года нѣкто Стахій Ѳедоровъ; въ 1756 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Никифоръ Козьминъ; въ 1759 Соборный Ключарь Иванъ Парфеновъ; въ 1780 Іеромонахъ Николай; до 1762 года Іеродіаконъ Ипатій; съ 1762—67 Соборный Ключарь Евѳимій Васильевъ.

ОТДѢЛЪ 2-Й.

ПСКОВСКАЯ СЕМИНАРІЯ,

СЪ 1765 ПО 1814 Г.

Учебная часть.

Съ половины 18 столѣтія Псковская Семинарія замѣтно стала принимать лучшій видъ. Матеріальныя средства ея, хотя были и ограниченны, сдѣлались болѣе надежными. Для развитія умственнаго и нравственнаго, полагались въ ней основанія болѣе прочныя. На учительскія должности назначались люди, уже къ тому приготовленные; преподаваніе прежнихъ наукъ усилилось; вводились новые предметы ученія; учреждались новыя школы, при ней самой и отдѣльно.

Нѣкоторые города, принадлежавшіе къ Псковской Епархіи, слишкомъ удалены были отъ Пскова. Это затрудняло родителей въ доставленіи дѣтей въ Псковъ для обученія. На примѣръ, почти до конца прошедшаго столѣтія, въ составъ Псковской Епархіи входилъ городъ Невель, принадлежащій нынѣ Витебской Епархіи, который отстоитъ отъ Пскова слишкомъ на 300 верстъ. По этому найдено нужнымъ въ дальнихъ городахъ учредить особыя низшія

училища, въ которыхъ преподавались бы тѣ же самыя науки, какія изучаемы были въ низшихъ классахъ Семинаріи, и изъ которыхъ успѣшныя дѣти могли бы поступать въ слѣдующій, по тогдашнему порядку, классъ Семинаріи.

Такимъ образомъ, въ 1780 году, открыто отдѣльное низшее Училище, подъ именемъ Гимназіи, въ городѣ Невелѣ. Гимназія эта имѣла два класса: низшій Латинскій классъ и первый классъ, соотвѣтствовавшій Информаторскому классу въ Семинаріи. Въ первомъ учили Латинской Грамматикѣ и Польскому переводу, читать и писать по Польски и по Латыни, во второмъ учили писать по Русски и по Латыни, Псалтирю и Часослову. Гимназія помѣщалась въ купленномъ для ней за 300 руб. домѣ.[1] Существовала эта Гимназія до 1799 года.

Въ 1788 г., съ тою же цѣлію, такая же Гимназія открыта была въ Полоцкѣ, входившемъ нѣкогда, какъ и Невель, въ составъ Псковской Епархіи. Помѣщалась она въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Настоятель монастыря, Игуменъ Іоасафъ, былъ вмѣстѣ и Начальникомъ Гимназіи.

Въ 1795 году Полоцкъ отчисленъ былъ къ Могилевской Епархіи.

Въ томъ же 1788 г. открыта Гимназія въ Торопцѣ, отошедшемъ отъ Смоленской Епархіи къ Псковской. Торопецкая Гимназія помѣщалась въ Небыломъ монастырѣ, котораго Настоятель, Игуменъ Исаія, былъ и ея Начальникомъ. Существовала Гимназія до 1799 года.

20 числа Генваря, 1789 года, открыта Гимназія въ Великихъ Лукахъ, для первоначальнаго образованія въ ней дѣтей духовнаго званія Великолуцкаго и Холмскаго Уѣздовъ, отошедшихъ къ Псковской Епархіи отъ Новгородской.[2] При этомъ открытіи признае-

---

[1] Дѣло Семинарскаго Архива за 1782 г.

[2] Еще прежде того, въ 1758 году, резолюціею Преосвященнаго Димитрія Сѣченова, Митрополита Новгородскаго, приказано было учредить въ Великихъ Лукахъ духовное училище для Великолуцкаго, Холмскаго и Пусторжевскаго Уѣздовъ (Ист. Росс. Іерархіи, ч. 1, стр. 608).

сена была рѣчь первымъ ея Учителемъ, Священникомъ Великолуцкаго Воскресенскаго Собора, Меѳодіемъ Андреевымъ, воспитанникомъ Новгородской Семинаріи, сыномъ Священника погоста Каменки. Одни изъ учениковъ поступили въ эту Гимназію изъ Новгородской Семинаріи, другіе набраны вновь. Гимназія эта имѣла 3-й классъ Дисарскій. Помѣщалась она въ Великолуцкомъ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, и его Настоятель, Игуменъ Парѳеній, былъ первымъ Начальникомъ Гимназіи. Закрыта Гимназія эта въ 1803 году, по тому что Ректоръ Псковской Семинаріи, Архимандритъ Венедиктъ, израсходовалъ на Семинарскія постройки всю сумму, на которую она содержалась. И помѣщеніе ея въ монастырѣ оказалось стѣснительнымъ. Предложено было духовенству Торопецкаго и Великолуцкаго Уѣздовъ пожертвовать по 6 к. съ каждаго двора на постройку и содержаніе Гимназіи. Но духовенство отказалось отъ пожертвованія.[1]

Тогда какъ устранялось такимъ образомъ затрудненіе въ первоначальномъ образованіи дѣтей удаленнаго отъ Семинаріи духовенства Псковской Епархіи, въ ней самой значительно расширялось образованіе и приспособлялось къ нуждамъ духовныхъ воспитанниковъ.

Въ 1773 г. приказано было отъ Преосвященнаго всѣхъ Семинаристовъ учить нотному простому пѣнію, а понятнѣйшихъ и партесному.

Съ 1774 г., по распоряженію Преосвященнаго, на Греческій классъ стали ходить и лучшіе ученики Богословія (до 10 человѣкъ), тогда какъ до этого времени посѣщали его ученики только низшихъ классовъ.

Въ 1774 г. открытъ классъ Нѣмецкаго языка. На первый разъ положено было обучать этому языку не болѣе 12 способныхъ учениковъ Риторическаго класса. Съ 1776 г. онъ преподавался и ученикамъ Философіи, обучавшимся Греческому языку.

Въ 1776 г. открыты классы Французскаго и Польскаго языковъ; первому могли обучаться и не Семинаристы. Знать Поль-

[1] Дѣло Семинарскаго Архива за 1803 годъ.

скій языкъ нужно было Священникамъ Полоцкаго и Невельскаго Уѣздовъ, гдѣ онъ и нынѣ употребляется. Учиться ему обязывались не болѣе 6 человѣкъ. Въ 1786 году этотъ классъ закрытъ, по тому что не кому было обучать по Польски.

Въ 1780 г. учреждена Преосвященнымъ при Семинаріи, въ Информаторской Палатѣ, Сиротская школа, на слѣдующихъ, между прочимъ, положеніяхъ:

1. Учиться въ ней сиротамъ, не имѣющимъ родителей и родственниковъ. Числомъ ихъ должно быть въ ней не болѣе 20 человѣкъ. Принимать ихъ по усмотрѣнію Преосвященнаго.

2. Учить ихъ Информатору вмѣстѣ съ приготовляемыми въ Семинарію учениками, употребляя въ помощь старшихъ учениковъ Информаторскаго класса; учить читать по Русски и пѣть.

3. Надзоръ за этой школой имѣть общій съ Семинаріею.

4. Малонадежныхъ къ высшимъ наукамъ опредѣлять на мѣста; успѣшныхъ, по докладѣ Преосвященному, переводить въ высшіе классы Семинаріи. Таковыхъ заблаговременно учить читать и писать по Латыни.

Въ 1781 г. предписано было Св. Синодомъ во всѣхъ Семинаріяхъ учить читать по гражданской Русской печати.

Въ 1784 г. послѣдовалъ Высочайшій Указъ объ усиленіи всѣхъ наукъ вообще, и въ частности Греческаго языка, какъ особенно необходимаго для пастырей церкви. Даже повелѣно было, по истеченіи трехъ лѣтъ отъ изданія сего Указа, производить на убылыя духовныя мѣста преимущественно такихъ, которые пріобрѣли совершенное знаніе Греческаго языка.

Въ слѣдствіи этого Св. Синодъ предписывалъ стараться, чтобы ученики не только умѣли читать на этомъ языкѣ, но и писать, говорить и переводить совершенно. Приказано назначать достойныхъ для этого учителей, и репортовать Св. Синоду, гдѣ кто обучался и учится по Гречески, въ вѣдомостяхъ о Настоятеляхъ монастырей и Учителяхъ отмѣчать не только то, учились ли они Греческому языку, но и какъ знаютъ его. Сообразно съ этими

постановленіями, послѣдовало и мѣстное Епархіальное распоряженіе, какъ относительно усиленія занятій по всѣмъ классамъ, такъ и въ особенности по классу Греческаго языка.

Въ 1792 г. ордеромъ Преосвященнаго, предписано было: преподавать Катихизисы Большой и Малый. Послѣдній приказано было преподавать каждому Учителю въ своемъ классѣ. Большой и до этого времени преподавался по воскреснымъ днямъ, предъ Литургіею, при собраніи всѣхъ учениковъ, Учителями поочередно.

Въ 1792 г. въ послѣднемъ случаѣ сдѣлана такая перемѣна: такъ какъ Катихизическое ученіе преподавалось и въ городѣ, обыкновенно въ Михайло-Архангельской церкви, особенно назначенными для этого Священниками, куда собирались, по благовѣсту, въ извѣстное время, всѣ Священно-церковно-служители съ прочимъ народомъ, то, вмѣсто преподаванія Большаго Катихизиса Семинаристамъ въ залѣ, въ 1792 году, Преосвященный приказалъ ходить и Семинаристамъ, подъ надзоромъ одного изъ Учителей, на упомянутыя Катихизическія чтенія въ церкви. Въ 1792 г. обязанность преподаванія такого публичнаго ученія возложена была на Соборнаго Священника, Іакова Полонскаго, воспитанника Сергіевой Семинаріи. Этому Священнику приказано было написать планъ, подъ руководствомъ Ректора, преподаванія Катихизиса, и предварительно представить его Преосвященному.

Въ 1794 году, по случаю прекращенія Катихизическаго ученія въ приходскихъ церквахъ, приказано, по прежнему обычаю, преподавать публично Катихизисъ въ Семинаріи кому-либо изъ Учителей.

Въ 1797 г. Высочайше повелѣно было открыть четыре Академіи. Въ 1798 г. Св. Синодъ, назначивъ для нихъ предметы ученія, предписалъ, чтобы и Семинаріи въ преподаваніи наукъ сообразовались съ Академіями. При этомъ, не велѣно было обременять учениковъ множествомъ предметовъ, довольствуясь прибавкою къ каждому ординарному предмету одного экстраординарнаго. Приказано усилить знаніе Латинскаго языка, съ самыхъ низшихъ классовъ учить сперва Сокращенный, а потомъ Пространный Катихизисъ, не оставляя слушать и публично преподаваемый

по Воскресеньямъ. Предписывалось, чтобы воспитанники знали читать, пѣть и разумѣли Уставъ Церковный, чтобы въ Училищахъ воспитанники пріобрѣтали свѣдѣнія, необходимыя по Сельскому хозяйству, а также и о врачеваніи обыкновенныхъ болѣзней.

Въ 1800 г. предписано было Свят. Синодомъ, гдѣ не заведены, завесть Русскія школы для тѣхъ, кои, по слабости дарованій, въ высшіе классы неспособны, да и по чему либо не могутъ вдругъ поступить на мѣста. Это сдѣлано для того, чтобы уволенные изъ училищъ и находящіеся безъ мѣстъ не пріучались къ худому. Въ этой школѣ положено учить: Церковному чтенію, Уставу и кругу, нотному пѣнію, писать, Катихизису, Св. Исторіи, а равно и другимъ предметамъ, относящимся къ ихъ должности.

Въ 1803 году открытъ классъ Медицины, и первымъ учителемъ по этому классу былъ Штабъ-Лѣкарь Фонъ деръ Белинъ. Учиться Медицинѣ обязаны были только ученики Богословія и Философіи, за неимѣніемъ времени ходить на этотъ классъ ученикамъ прочихъ классовъ. Такъ какъ Фонъ деръ Белинъ оказался неисправнымъ преподавателемъ, то въ 1804 году, вмѣсто него, преподаваніе Медицины возложено на Члена Псковской Врачебной Управы, Надворнаго Совѣтника Беше. Но какъ и послѣ этого Медицина худо преподавалась, то въ 1805 г. преподаваніе ея отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ поручено Членамъ Врачебной Управы поочередно. Въ 1808 г. этотъ классъ закрытъ, по тому что изъ всѣхъ Членовъ Врачебной Управы одинъ только Беше былъ три раза въ годъ въ классѣ.

Въ 1803 г. Св. Синодъ, въ слѣдствіе изданныхъ для народнаго просвѣщенія Высочайше утвержденныхъ правилъ, издалъ, сочиненное Митрополитомъ Амвросіемъ, начертаніе о преподаваніи ученія въ заведенныхъ по монастырямъ Новгородской Епархіи Русскихъ 3-хъ классныхъ школахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ предписалъ,

---

Было дѣло о дурномъ поступкѣ одного ученика, прибывшаго изъ Астраханской Семинаріи. Съ тою же цѣлію еще въ 1767 г. сдѣлано было Псковскимъ Преосвященнымъ распоряженіе, чтобы воспитанники, кончившіе курсъ Семинарскаго ученія, до полученія ими мѣстъ, сочиняли и произносили въ Соборѣ проповѣди, подъ надзоромъ Семинарскаго Начальства.

чтобы по этому начертанію преподавалось ученіе въ другихъ Епархіяхъ при Семинаріяхъ и, гдѣ есть, въ Духовныхъ Уѣздныхъ Училищахъ, имѣя въ виду, между прочимъ, то, чтобы кончившіе образованіе въ Русскихъ школахъ, бывъ на мѣстахъ, могли быть Учителями въ казенныхъ имѣніяхъ, учрежденныхъ по Именному повелѣнію. По этому поводу Псковская Консисторія предписывала Правленію Семинаріи сдѣлать нужныя соображенія, и Правленіе признало на первый разъ возможнымъ завесть Русскую школу только при Семинаріи, по малочисленности учениковъ и по недостатку суммъ, а при Гимназіяхъ, для сокращенія расходовъ, нашло достаточнымъ учениковъ, имѣвшихъ поступить въ Русскія школы, годъ обучать въ Информаторіи чтенію по Славянской и Россійской гражданской печати, Россійскому чистописанію и Обиходному пѣнію по нотѣ, чему и слѣдовало, сообразно начертанію, учиться въ первомъ классѣ Русской школы, съ тѣмъ, чтобы ученики, успѣвшіе въ этомъ классѣ, поступали прямо во 2-й классъ Русской школы, въ Семинарію. Правленіемъ найдено также полезнымъ и при Семинаріи первый классъ Русской школы соединить съ Информаторіей, съ предоставленіемъ преподаванія предметовъ, ему усвоенныхъ, Учителю послѣдней, кромѣ Русской Грамматики, которой въ Информаторіи не учили. Преподаваніе ея Правленіе отнесло ко 2-му классу.

Во 2-мъ классѣ Русской школы полагалось преподавать: въ 1-й годъ — краткую Русскую Грамматику, Краткую Св. Исторію и Географію, Общую и Русскую; въ послѣдній годъ — Краткую Ариѳметику и Пасхалію, съ краткимъ повтореніемъ пройденнаго въ 1-й годъ. Въ 3-мъ классѣ этой школы полагалось учить — въ первый годъ: Краткой Логикѣ, Русской Риторикѣ, читать книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, и учить Пространный Катихизисъ; во второй годъ: читать книгу о должностяхъ приходскихъ Пресвитеровъ, Св. Писаніе, по Руководству Амвросія, Церковный Уставъ съ практикою въ церкви. Для 2-го и 3-го классовъ въ этой школы назначались особые Учители, съ производствомъ жалованья — одному по 70, а другому по 80 р. въ годъ, изъ суммы, отдѣлявшейся на жалованье Учителямъ. Окончившіе съ успѣхомъ ученіе въ 3-мъ классѣ Русской школы предназначались къ поступленію на мѣста, а успѣшнѣйшимъ позволялось обучаться въ Семинаріи,

въ Грамматическомъ классѣ начаткамъ Латинскаго и Греческаго языка. Но не видно, чтобы на самомъ дѣлѣ существовали при Псковской Семинаріи 2-й и 3-й классы Русской школы. Едва ли не одинъ только и былъ при ней классъ этой школы — первый, соединенный съ Информаторіею.

Въ 1804г. продолжалось обыкновеніе, по воскреснымъ днямъ, объяснять въ Семинарскомъ залѣ Учителемъ Богословія Апостольскія Посланія, а Учителемъ Философіи — Пространный Катихизисъ.

Въ 1810 г. открытъ при Семинаріи, по резолюціи Преосвященнаго, низшій Греческій классъ. Это сдѣлано по тому, что, по новому порядку, этому языку должны были учиться всѣ воспитанники, а до этого учились ему только нѣкоторые изъ нихъ. Для этого класса назначенъ былъ особый Учитель. [5]

Порядокъ ученія Семинарскаго.

Порядокъ Семинарскаго ученія зависѣлъ отъ усмотрѣнія мѣстныхъ Преосвященныхъ. Каждый годъ, предъ начатіемъ ученія, они давали Семинарскому Начальству росписаніе, кому что и когда слѣдовало учить. По тому порядокъ ученія въ разное время былъ различенъ.

Въ 1768 г. ученіе Семинарское располагалось такъ:

1. Русскій классъ или Информаторія, въ которомъ учили, кромѣ Славянскаго чтенія, исправно писать по Русски, читать и писать по Латыни. Учитель въ немъ полагался одинъ.

2. Фара и Инфима — первый низшій классъ для Латинскаго языка (двѣ школы въ одномъ классѣ). Учитель въ этѣхъ школахъ полагался одинъ. Онъ преподавалъ первыя основанія Ариѳметики.

3. Грамматика и Синтаксисъ — второй высшій классъ для Латинскаго языка, двѣ школы въ одномъ классѣ. И здѣсь Учитель былъ одинъ. Онъ преподавалъ Сокращенную Географію.

---

[5] Вѣд. Жур. 1810 г.

4. Риторическій классъ. Къ нему, какъ было и прежде, присоединялось сокращенное ученіе о Стихотворствѣ. Учитель былъ одинъ, который преподавалъ Краткую и Всеобщую Исторію.

5. Греческій классъ особый, какъ и прежде было; на этотъ классъ въ опредѣленные часы ходили ученики Богословія и Философіи.

6 Философія. Въ этомъ классѣ преподавались: Логика, Нравственная Философія, Метафизика и самые необходимые предметы изъ Физики.

7. Богословіе на Русскомъ языкѣ, сочиненіе Архимандрита Платона, чтеніе и объясненіе Св. Писанія. Кромѣ этого, ученики занимались переводомъ съ Греческаго на Латинскій и Русскій, а съ Латинскаго и Русскаго на Греческій языкъ. Писали проповѣди и риторическія сочиненія, слушали Катихизисъ.

Въ 1773 г. учили пѣнію послѣ обѣда, когда не было ученія.

Въ 1774 г. Нѣмецкій языкъ былъ въ часы Греческаго языка, то есть, въ 9 часу утра.

Въ 1776 г. на Греческій языкъ ходили въ 9 часу, а на Нѣмецкій въ 8 часу утра.

Въ 1780 г., въ Риторическомъ и Пінтическомъ классѣ учили Исторіи и Географіи.

Въ 1784 г., учились Богословію не менѣе 4 лѣтъ, Философіи не менѣе 2 лѣтъ, Шпитикѣ 1 годъ, въ высшемъ Грамматическомъ классѣ, въ двухъ раздѣленныхъ, 2 года, въ низшемъ тоже, такъ что весь курсъ Семинарскаго ученія, по переводѣ учениковъ изъ Информаторіи, состоялъ не менѣе, какъ изъ 13-ти лѣтъ. [4]

1786 г. Указомъ Св. Синода предписано въ преподаваніи нѣкоторыхъ наукъ въ Семинаріи сообразоваться съ преподаваніемъ ихъ въ Народныхъ Училищахъ.

Въ этомъ году Преосвященный Ордеромъ предписалъ:

---

[4] Указъ Конс. 1784 г.

1. Располагать Богословское ученіе на 4 года. Кромѣ того, въ опредѣленное время, упражнять учениковъ въ чтеніи Св. Писанія и Св. Отецъ, а равно въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей.

2. Философію преподавать по Баумейстеру; упражнять учениковъ Философіи въ разныхъ сочиненіяхъ на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, Риторическихъ и Философскихъ, а равно въ состязаніяхъ.

3. Кромѣ Латинскаго, Греческаго, Нѣмецкаго и Польскаго языковъ, преподавать Исторію, Географію, Археологію и учить Катихизисъ, сообразно предписанію Св. Синода, отъ Декабря 27 числа, 1755 года.

Въ этомъ году преподавали:

Нѣмецкій языкъ въ 8 часу утра, Греческій въ 9-мъ, каждый день, Исторію въ среду и субботу, послѣ обѣда, въ продолженіи двухъ часовъ; Ариѳметику въ субботу послѣ обѣда, Географію во вторникъ и четвертокъ, въ 12 часовъ утра.

Въ 1788 г. ученіе Философіи совершалось въ одинъ годъ, а съ этого времени приказано Ордеромъ Преосвященнаго совершать его въ два года.

Въ 1792 г. порядокъ ученія въ Семинаріи былъ слѣдующій:

Исторія преподавалась по средамъ и субботамъ послѣ обѣда, чрезъ два часа, по Фрейеровой Исторіи, съ прибавленіями отъ Наставника.

Греческій языкъ въ 9 часовъ утра, каждый день. Нѣмецкій языкъ въ 8 часовъ утра, каждый день.

Географія по вторникамъ и четверкамъ, въ 12 часу до обѣда. Ариѳметика въ низшемъ и высшемъ Грамматическихъ классахъ по средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, въ продолженіи двухъ часовъ.

Въ 1792 г. Богословіе читалось по порядку, предписанному отъ Преосвященнаго, въ 1786 году. Двухгодичные Философскіе уроки совершались такъ: въ 1-й годъ читали Логику, Метафизику и Исторію Философіи по Гейнекцію, во 2-й годъ Физику и Нрав-

ственную Философію. Кромѣ Исторіи Философіи, читали Философію по Баумейстеру, дополненному Бантышемъ.

По окончаніи каждой части были, если не публичные, то частные диспуты, отчасти на Латинскомъ, а отчасти на Россійскомъ языкѣ. При окончаніи годичнаго ученія, диспуты были публичные, какъ и въ Богословіи.

Для большаго успѣха въ Краснорѣчіи, ученики Философіи писали ученыя диссертаціи и рѣчи на Латинскомъ и Россійскомъ языкахъ, а равно и проповѣди, которыя, по разсмотрѣніи Учителемъ, были произносимы наизусть въ Семинарской залѣ публично, послѣ Катихизиса.

Для снисканія большей способности въ словопрѣніи и въ Латинскомъ языкѣ, ученикамъ вмѣнялось въ обязанность говорить по Латыни между собою и Учителемъ.

Въ Риторическомъ классѣ:

1. Обучая Краснорѣчію по Вратиславской Риторикѣ, дополненной Бантышемъ, изъясняли правила примѣрами. Эти правила изучали наизусть. Дополненіемъ къ этой Риторикѣ служили правила изъ Латинскихъ — Воссія, или Гейнекція, а изъ Русскихъ — Ломоносова.

2. По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, читали Латинскія Цицероновы рѣчи — отборныя, иногда Мурета и Плинія. И по обстоятельномъ риторическомъ разборѣ, заставляли учениковъ писать имитаціи, съ замѣчаніемъ фразъ и періодовъ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу читали рѣчи Ломоносова и проповѣди, изданныя отъ Св. Синода, дѣлая обстоятельныя примѣчанія по правиламъ риторическимъ, которыя, для перораціи, заставляли читать въ классѣ поочередно. При этомъ учили воспитанниковъ дѣлать приличные жесты.

3. Назначали писать риторическія упражненія и имитаціи лучшимъ авторамъ, какъ Латинскимъ, такъ и Россійскимъ.

4. При чтеніи Цицероновыхъ и другихъ авторовъ рѣчей, встрѣчающіяся древнія Греческія и Римскія слова, особенно въ

тогдашнемъ ихъ значеніи, приказывали записывать, а послѣ отъ каждаго ученика спрашивали отчета.

5. Вмѣнялось въ обязанность ученикамъ всегда говорить по Латыни и заботиться о правописаніи и чистомъ почеркѣ.

6. По средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, преподавали Всеобщую Исторію по Фрейеровой книгѣ, переведенной на Русскій языкъ, показывая мѣста по Греческой Хронологіи. Къ этому присовокупляли и Исторію Русскую, требуя отъ учениковъ, чтобы они выучивали наизустъ самую связь Исторіи и достопамятные предметы и событія.

Въ Піитикѣ:

1. Такъ какъ Піитику положено было проходить кратко въ одну треть, то объясняли Латинскую просодію, при самомъ чтеніи стиховъ, показывая между тѣмъ чистоту Латинскаго языка и на самыхъ переводахъ, безъ излишнихъ подробностей, затрудняющихъ дѣтскую память.

2. Потомъ, показавъ о періодахъ, тропахъ и фигурахъ изъ Вратиславской Риторики, толковали правила, какъ для Латинскихъ, такъ и для Россійскихъ, стиховъ, изданныя Байбаковымъ, и, при толкованіи, на всякій родъ стиховъ, дѣлали съ учениками краткіе примѣры; писали на Латинскомъ языкѣ, а употребительнѣйшіе и на Россійскомъ, всѣхъ родовъ стихи; между тѣмъ, читали съ надлежащимъ разборомъ Цицероновы письма, признанныя удобнѣйшими къ тому.

Въ 1798 г., Правленіемъ Семинаріи, съ утвержденія Преосвященнаго, раздѣлены были классы Піитическій и Риторическій.

Въ 1799 г. сдѣлано было распоряженіе, чтобы Ординарный Учитель имѣлъ за собою и классъ Экстраординарный. Такимъ образомъ положено: Учителю Богословія читать по воскреснымъ днямъ Св. Писаніе, Учителю Философіи изъяснять Пространный Катихизисъ, Учителю Риторики, по средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, учить Исторіи, Піитическому и Синтаксическому — Греческій и Нѣмецкій языки, смотря по тому, кто изъ нихъ къ чему

способенъ, Грамматическому — Географію, Информатору—Ариѳметикѣ. Правленіе Семинаріи, представляя объ этомъ Преосвященному, объясняло, что такое уравненіе классовъ уравняетъ жалованье Учителей и будетъ имѣть ту выгоду, что никогда не будетъ нужды въ особыхъ наставникахъ для экстраординарныхъ классовъ.

Въ 1803 г. назначено было преподавать Медицину въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, а въ Св. Четыредесятницу — въ понедѣльникъ, вторникъ и четвертокъ, отъ начала Марта по Ноябрь, отъ 3 до 5 ч., а отъ Ноября до Марта отъ 2 до 4 часовъ.

Въ послѣднее время, предъ введеніемъ новаго Устава, ученіе Семинаріи происходило слѣдующимъ порядкомъ:

1. Въ Богословскомъ классѣ, по утрамъ, во всю недѣлю, въ 10 и 11-й часы, преподавалась ученикамъ, на Латинскомъ языкѣ, полная система Богословія, съ присовокупленіемъ полемики и съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ Св. Писанія, съ расположеніемъ сего ученія на три года. Въ понедѣльникъ и пятницу, послѣ обѣда, во 2 и 3-мъ часы, въ первый годъ, читались — Краткая Св. Исторія, съ указаніемъ главныхъ эпохъ, и книга О должностяхъ приходскаго Священника; во 2-й же годъ, въ тѣ же дни и часы, читалась Кормчая Книга съ объясненіемъ. Сверхъ того, ученики сочиняли проповѣди, которыя выдавались имъ съ замѣчаніями о слогѣ. Признанныя достойными произнесенія произносимы были или въ церкви, или въ Семинарской залѣ, предъ Катихизисомъ. Въ воскресные и праздничные дни выдаваемы были для чтенія книги домашней и сельской экономіи. Кромѣ всего этого, ученики Богословскаго класса, во всю недѣлю, не исключая субботы, по утрамъ, въ 9-мъ часу, ходили на Греческій языкъ, въ среду и субботу, послѣ обѣда, во 2 и 3 часы — на Исторію, во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда — на пѣвческій классъ, а въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда, въ 4 и 5 часы— на Медицинскій классъ.

2 Въ Философскомъ классѣ по утрамъ, во всю недѣлю, въ 10 и 11-мъ часы, преподавались ученикамъ, на Латинскомъ языкѣ: Исторія Философіи, Логика, Метафизика, Натуральная Исторія и

Физика, напечатанная для Нормальныхъ Училищъ, съ расположеніемъ этого ученія на два года. Въ понедѣльникъ и пятницу, послѣ обѣда, во 2 и 3 часы, ученики занимались повтореніемъ прежнихъ уроковъ и разрѣшеніемъ, заблаговременно приготовленныхъ ими на это ученіе, возраженій. Сверхъ того, занимались сочиненіемъ диссертацій, которыя выдавались имъ съ нужными замѣчаніями, признанныя же достойными публичнаго прочтенія, читаны были въ Семинарской залѣ предъ Катихизисомъ. Въ воскресные и праздничные дни выдаваемы были ученикамъ для чтенія книги домашней и сельской экономіи. Кромѣ всего этого, ученики этого класса, во всю недѣлю, кромѣ субботы, по утрамъ, въ 9 часовъ, ходили на Греческій классъ, а нѣкоторые въ 8 ч. — на Нѣмецкій; въ среду и субботу, во 2 и 3 часы, послѣ обѣда, — на Исторію, во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, — на пѣвческій классъ, а въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда въ 4 и 5 часы, — на Медицину.

3. Въ Риторическомъ классѣ, по утру каждый день, съ половины 9 по 12 ч., Учитель читалъ съ объясненіемъ правила Риторики, съ приводомъ примѣровъ и указаніемъ, какъ они приспособлены къ этѣмъ правиламъ. Этѣ правила и примѣры ученики къ слѣдующему дню выучивали наизустъ. Для лучшаго знанія Латинскаго языка, а также для большаго успѣха въ сочиненіи на Русскомъ языкѣ, въ понедѣльникъ и пятницу, во 2 и 3 ч., послѣ обѣда, читаны были рѣчи лучшихъ авторовъ на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, съ логическимъ и риторическимъ разборомъ, и по этѣмъ разборамъ ученики писали подражанія. Потомъ, какъ подлинникъ, такъ и подражаніе, если оно хорошо сдѣлано было, учили наизустъ и произносили съ каѳедры. Въ среду и субботу, послѣ обѣда, преподавалась Всеобщая Исторія, изданная для Народныхъ Училищъ, читалась также и Св. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; при томъ, лучшіе ученики ходили на Нѣмецкій языкъ, каждый день въ 8 часу утра, кромѣ субботы. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, обучались нотному пѣнію и Церковному Уставу. Ученіе въ этомъ классѣ располагалось такъ, чтобы могло быть кончено въ два года.

4. Въ Піитическомъ классѣ, по утру, во всю недѣлю, съ половины 9 по 12 часъ, преподавались ученикамъ правила о періо-

дахъ, тропахъ, фигурахъ и хріяхъ изъ Бургіевой Риторики, съ объясненіемъ всего примѣрами изъ лучшихъ авторовъ и упражненіемъ учениковъ въ сочиненіи. Сверхъ того, читалась просодія, приложенная къ Грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго, и показывался способъ сочиненія Латинскихъ стиховъ. Также читались правила Русскаго стихотворства, по книжкѣ Байбакова, съ приведеніемъ примѣровъ изъ лучшихъ Русскихъ стихотворцевъ, и на этѣ примѣры ученики писали подражанія. Послѣ обѣда, во всю недѣлю, кромѣ вторника и четвертка, дѣлаемъ былъ разборъ періодовъ лучшихъ Латинскихъ авторовъ, болѣе легкихъ къ уразумѣнію, а равно и разборъ сочиненій лучшихъ Латинскихъ піитовъ. Все это оканчивалось въ одинъ годъ. Во вторникъ и четвертокъ, въ 12 часу утра, ученики занимались Географіею, а послѣ обѣда въ тѣ же дни — нотнымъ пѣніемъ.

5. Въ высшемъ Грамматическомъ классѣ, во всю недѣлю по утрамъ, съ половины 9 по 12 ч., читался ученикамъ Синтаксисъ по Лебедевой Грамматикѣ, съ выучиваніемъ какъ правилъ, такъ и примѣровъ наизустъ — на ночь. Послѣ обѣда въ понедѣльникъ, среду и пятницу, занимались переводами, какъ съ Русскаго на Латинскій, такъ и съ Латинскаго на Русскій языкъ, лучшихъ авторовъ, особенно Цицероновыхъ писемъ. Кромѣ того, на воскресные и праздничные дни ученики Грамматическаго класса учили наизустъ Краткій Катихизисъ, и это ученіе располагалось на два года. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, обучались нотному пѣнію и Церковному Уставу, а въ субботу послѣ обѣда — Ариѳметикѣ.

6. Въ низшемъ Грамматическомъ классѣ, во всю недѣлю, по утрамъ, съ половины 9 по 12 ч., преподавались ученикамъ первоначальныя правила Лебедевой Грамматики, съ объясненіемъ и примѣрами, и этѣ правила на ночь выучивались наизустъ. Въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда, въ 2, 3 и 4 ч., занимались переводами съ Русскаго на Латинскій и нѣсколько съ Латинскаго на Русскій языкъ, избирая для этого самихъ легкихъ авторовъ. Читали съ грамматическимъ разборомъ: Видимый свѣтъ, и приказывали наизустъ учить. На воскресные и праздничные дни учили Краткій Катихизисъ, съ расположеніемъ этого ученія на два года. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, ученики этого

класса обучались потному пѣнію и Уставу; въ субботу послѣ обѣда — Ариѳметикѣ.

7. Въ Русскомъ классѣ, во всю недѣлю по утрамъ, кромѣ вторника и четвертка, обучались исправному чтенію по Славянской и Гражданской печати и Русскому чистописанію. На воскресные и праздничные дни учили наизусть Краткій Катихизисъ. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, ходили на пѣвческій классъ, а нѣкоторые въ субботу, послѣ обѣда — на Ариѳметическій классъ.

Науки первоначально въ Псковской Семинаріи преподавались и на Русскомъ и на Латинскомъ языкѣ. На Латинскомъ языкѣ обыкновенно преподавались: Богословіе, Философія и Риторика, но не всегда. Въ 1775 г. приказано было отъ Преосвященнаго и Богословіе и Философію читать на Русскомъ языкѣ.

Учебными книгами, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи были разныя сочиненія, иностранныя и Русскія. Нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись по указанію Правительства, другія — по усмотрѣнію мѣстнаго Преосвященнаго и самихъ преподавателей, съ его, конечно, разрѣшенія. Такъ, въ 1773 г. по Латинскому языку, между прочимъ, учебниками были: Латинская Грамматика, переведенная Лебедевымъ, и книга первоначальныхъ словъ, съ Русскимъ переводомъ; въ 1779 г. по классу Польскаго языка употреблялись: азбука, съ нѣсколькими молитвами на Польскомъ языкѣ, Символомъ Вѣры и первоначальными вокабулами; правила, переводимыя учителемъ изъ Польской Грамматики, писанной на Нѣмецкомъ языкѣ; Лексиконъ Польскій съ Русскимъ переводомъ. Книгъ Польскихъ не гдѣ было достать. Въ томъ же году по Латинскому языку въ классическомъ употребленіи были: Lexicon Hesneri; Сочиненія Цицерона: De officiis, письма, рѣчи, De natura deorum, De consolatione. Quinti Curtii Historia, Plini epistolae cum Panegyrico, Mureti Orationes, epistolae et poëmata, Cornelii Nepotis de vita excellentium Imperatorum, Comoenii — Orbis pictus, Erasmi Roterdami colloquia, Heineccii Rhetorica, Virgilii Aeneidos, Ovidii Tristium et Metamorphoseon, Wincleri Philosophia, Heineccii Philosophia. По Греческому классу употреблялись: Лексиконы Шревелліевъ и Гедерика, Грамматика

Лящевскаго, Завѣтъ Греко-Латинскій. По Русскому языку: Сочиненія Ломоносова. По Географіи: Географія Мартина Клевецкаго. По Французскому языку: Лексиконъ Вояжоровъ, Грамматика Вас. Теплова. По Исторіи: Краткая Всеобщая Исторія, Іеронима Фрейера. Въ 1782 г. по Нѣмецкому языку употребляли: Syntaxis epistolica Licht's, Hoffmann's Zufriedenheit der Seele, Heilige Historie Hibner's, Rabner's Satiren, Galler's Gedichte, Lexicon Weismanni, Грамматику Нѣмецкую, печатанную 1770 г. въ Московскомъ Университетѣ, Грамматику Голтергофа, Грамматику Агентова. Въ 1788 г. употреблялись по Греческому классу: Грамматика Варлаама, изданная Каменскимъ. По Нѣмецкому классу: Лексиконъ Вейсманна — треязычный, и Лексиконъ Роддовъ, изданный въ Ригѣ.

Въ 1788 г. Свят. Синодомъ выслано было во всѣ Семинаріи потребное количество книгъ, изданныхъ Коммиссіею Народныхъ Училищъ, также прописей, картъ, глобусовъ, а равно и напечатанныхъ въ Синодальной Типографіи Сокращенныхъ Катихизисовъ.

Въ 1790 г. напечатано было для Семинарій при Императорской Академіи Наукъ болѣе 2,000 экз. Грамматики, переведенной Лебедевымъ, съ прибавленіемъ изъ Грамматики, называемой Marchica.

Въ 1797 г., вмѣсто Бургіевой Риторики, велѣно ввести въ употребленіе новую, а какую — неизвѣстно.

Въ 1803 г. и послѣ онаго, кромѣ показанныхъ, употреблялись слѣдующія книги.

1. Selectae e profanis scriptoribus historiae.
2. Novum Testamentum Graeco-Slaveno-Latinum.
3. Huebneri CIV Sacrae historiae.
4. Сокращенное Богословіе Платона.
5. Философія Баумейстера.
6. Риторика Лежаева.
7. Латинскій букварь съ Латинскимъ словаремъ и разговорами.
8. Географическія карты.
9. Краткое Землеописаніе.
10. Руководство къ Ариѳметикѣ.
11. » » Чистописанію.

12. Прописи.
13. Русскій Букварь для Церковнаго и Гражданскаго чтенія, съ Свящ. Исторіею.

Учебныя и неучебныя книги пріобрѣтались покупкою на Семинарскую сумму. Такъ, въ приходорасходной Семинарской книгѣ, 1779 года, подъ 11-мъ ч. Сентября, значатся купленными въ С.-Петербургѣ Преосвященнымъ Иннокентіемъ на Семинарскую сумму слѣдующія книги:

20 книгъ Философіи Баумейстера	по	1 р.	55 к.
30 книгъ Географіи Клевецкаго	по	»	30 »
160 книгъ Нравственной Философіи . . .	по	»	15 »
40 экз. Оксенштирновыхъ книгъ	по	»	25 »
Всего на . .		19	40 »

Подъ 23 ч. того же мѣсяца и года, тамъ же записаны купленными въ С.-Петербургѣ Преосвященнымъ Иннокентіемъ слѣдующія книги:

Цицероновы всѣ дѣла	8 р.	80 к.
Корнелія Непота	2 »	25 »
Курція о дѣлахъ В. Александра	1 »	» »
Овидіевы дѣла	» »	90 »
Плиніевы письма съ панигирикомъ	1 »	20 »
Виргиліевы дѣла	» »	75 »
Сочиненія Ломоносова въ 3-хъ частяхъ . . .	3 »	50 »
Всего на . . .	25 р.	

Подъ 4-мъ ч. Декабря того же года, въ той же книгѣ записаны купленными:

5 экз. Фрейеровой Исторіи, каждый . .	по	1 р.	50 к.
6 » Видимаго Свѣта	»	2 »	50 »
15 » о Русскомъ стихотворствѣ	»	4 »	50 »
5 » Домашнихъ разговоровъ	»	» »	50 »

Подъ 7-мъ ч. Генваря 1780 года значатся въ приходорасходной книгѣ купленными:

8 книгъ нотныхъ.

Изъ предложенныхъ выписокъ видно, что хотя книги покупались для Семинаріи и нерѣдко, но этѣ книги исключительно были учебныя, и при томъ такія, какія употреблялись тогда въ Семинаріи. Книгъ, собственно ученыхъ, не только иностранныхъ, но и Русскихъ, Семинаріи не на что было покупать. Семинарская Библіотека находилась въ самомъ бѣдномъ положеніи. Въ концѣ 18-го столѣтія въ ней было всѣхъ книгъ, учебныхъ и не учебныхъ, только 71 сочиненіе. Въ 1801 году Псковское Семинарское Правленіе просило у Преосвященнаго позволенія пользоваться книгами изъ Архіерейской Библіотеки, прописывая, что Семинарская Библіотека крайне бѣдна и много потребно времени на ея обогащеніе книгами на положенную для этого сумму.

Впрочемъ, ни наставники, ни ученики, желавшіе заниматься науками, не были лишены средствъ къ тому. Прекраснымъ пособіемъ для тѣхъ и другихъ, въ этомъ случаѣ, служила помянутая Архіерейская Библіотека. Она составилась изъ частныхъ, богатыхъ, библіотекъ ученыхъ пастырей Псковскихъ, каковы были: Симонъ Тодорскій, Гедеонъ Криновскій, Иннокентій Нечаевъ. Помѣщалась она въ соборной колокольнѣ и находилась въ завѣдываніи Каѳедральнаго Протоіерея. Ею и пользовалась Семинарія, съ разрѣшенія Преосвященнаго. Въ началѣ настоящаго столѣтія, она передана въ Семинарію; кромѣ того, въ 1815 г., по распоряженію бывшей Коммиссіи Дух. Училищъ, присланы въ Библіотеку Псковской Семинаріи, Тверскимъ Преосвященнымъ Серафимомъ, 792 книги, принадлежавшія Псковскому Преосвященному Иннокентію и долженствовавшія, по завѣщанію этого Архипастыря, поступить въ Библіотеку Псковской Семинаріи, но которыя по чему-то по сю пору находились въ Петербургѣ, на Псковскомъ Архіерейскомъ подворьѣ, гдѣ жилъ Преосвящ. Иннокентій, какъ Членъ Святѣйш. Синода. [7] Въ Словарѣ о Духовныхъ писателяхъ, подъ именемъ: Симонъ Тодорскій, говорится, что съ 1817 г. передана въ Библіотеку Псковской Семинаріи богатая библіотека этого Архипастыря. Тѣ ли книги нужно разумѣть, которыя находились въ Архіерейской Библіотекѣ, или

[7] Дѣло Сем. Арх. 1815 г.

нѣтъ — неизвѣстно; во всякомъ случаѣ она составляетъ даже и нынѣ, по отдѣлу Богословскихъ книгъ, лучшее ея достояніе.

Число Учителей и приготовленіе ихъ къ учительской должности.

Судя по количеству предметовъ, какіе преподавались, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи, число Учителей въ ней было довольно ограниченное. До самаго конца прошедшаго столѣтія оно не восходило выше 6. Въ 1799 году, когда Риторика преподавалась отдѣльно отъ Піитики, всѣхъ Учителей было 7; въ началѣ же настоящаго столѣтія, съ открытіемъ при Семинаріи особой Русской школы и Медицинскаго класса, ихъ считалось уже 9. Кромѣ ординарнаго предмета, каждый изъ Учителей обязанъ былъ преподавать другіе предметы — экстраординарные. Одинъ Медицинскій классъ изъ неглавныхъ имѣлъ особаго Учителя. При этомъ Учитель не обязывался преподавать именно тѣ экстраординарные предметы, которые по росписанію усвоялись его классу. Онъ могъ преподавать предметы, усвоенные и другимъ классамъ — высшимъ и низшимъ. Преподаваніе того или другаго экстраординарнаго предмета поручалось тому, кто зналъ его лучше другихъ. Часто одинъ Учитель преподавалъ нѣсколько предметовъ и прежде и послѣ 1797 года, хотя въ этомъ году и положено было не обременять учениковъ множествомъ предметовъ, довольствуясь прибавкою къ каждому ординарному предмету одного экстраординарнаго.

Учительскія должности при Псковской Семинаріи занимали, какъ и прежде было, воспитанники, кончившіе курсъ ученія въ той же Семинаріи и продолжавшіе еще сами учиться въ ней. На пр., въ 1769 году Греческому языку обучалъ ученикъ Полетаевъ. Но эти Учители преподавали предметы, усвоенные только низшимъ классамъ. Для занятія же учительскихъ должностей въ высшихъ классахъ уже сознана была необходимость въ приготовленіи способныхъ къ тому людей другимъ способомъ. Ученый и заботливый о духовномъ просвѣщеніи, Архипастырь Иннокентій Нечаевъ, при самомъ же вступленіи своемъ въ управленіе Псковскою паствою (1763—1793), замѣтилъ, что въ Псковской Семинаріи, по недостатку Учителей, не столь пространное преподавалось ученіе Богословское и Философское, а также и языковъ. По этому

тогда же употребилъ мѣры къ тому, чтобы будущіе Учители Псковской Семинаріи воспитывались въ Троице-Сергіевой Семинаріи, славившейся въ то время совершенствомъ преподаванія наукъ и языковъ, куда, въ продолженіи 30 лѣтъ, чрезъ годъ, чрезъ два, и посылали, для образованія изъ Псковской Семинаріи, по два и болѣе лучшихъ воспитанниковъ. Въ 1768 году посланы были туда два такихъ воспитанника изъ Философскаго класса. Въ 1774 году, въ первый разъ, значатся учившимися въ ней Богословскимъ наукамъ ученики Псковской Семинаріи: Козьма Зряковскій, Священническій сынъ погоста Зраковича, Козьма Базилевъ, Протоіерейскій сынъ, Агаѳонъ Мутовозовъ, Сторожевскій сынъ; въ 1777 г. въ высшемъ Грамматическомъ классѣ: Иванъ Яковлевъ, учившійся, до поступленія въ Псковскую Семинарію, въ Московской Академіи, въ Грамматичестомъ классѣ, и въ Философскомъ классѣ Яковъ Полонскій; въ 1779 г. въ Богословскомъ классѣ: Андрей Орловъ, сынъ Псковоградскаго Священника, и Андрей Львовъ; въ 1781 году — въ Философскомъ классѣ: сынъ Протоіерея Псковскаго Богоявленскаго собора, Илья Цвѣтковъ, и сынъ Священника Аѳанасьевской слободы, Опочецкаго Уѣзда, Николай Юпашевскій; въ 1788 году — въ Богословскомъ классѣ: Стефанъ Поповъ, сынъ Священника Верхолинскаго погоста; въ Философскомъ классѣ: Иванъ Владимирскій, сынъ Священника Псковской Николаевской со Усохи церкви Ѳеодора, и Григорій Перстинскій, Священническій сынъ Саввопустынскаго погоста; въ Риторическомъ классѣ: Евдокимъ Луцкій, сынъ пономаря Великолуцкой Входо-Іерусалимской церкви, и Илья Костровъ, Діаконскій сынъ Зачеренскаго погоста; въ 1792 г. Ѳеодотъ Бѣляевъ, сынъ пономаря Псковскаго Старовознесенскаго дѣвичья монастыря, и ученикъ Риторики Луцкій (тотъ ли, о которомъ сказано выше, или другой). Содержались въ Троицкой Семинаріи Псковскіе воспитанники на счетъ этой же Семинаріи. Учились они въ ней не одинаковое число лѣтъ, по тому что одни изъ нихъ посылались изъ Философскаго класса, а другіе изъ низшихъ классовъ.

Съ 1792 года изъ Псковской Семинаріи посылались для образованія ученики уже не въ Троицкую Семинарію, а въ Невскую. Въ этомъ году отправленъ туда ученикъ Риторики Петръ

Сыроанновъ, сынъ Священника погоста Вѣхна; въ 1793 году въ Невской Семинаріи учился ученикъ Риторики Иванъ Троицкій, сынъ Священника Троице-Хлавицкаго погоста; въ 1796 году Иванъ Іустиновъ, сынъ Тайловскаго Діакона, и Платонъ Поповъ, сынъ Священника погоста Клина.

Въ 1797 г. положено быть четыремъ Академіямъ Духовнымъ, и назначено, изъ какихъ Семинарій въ какую изъ нихъ посылать учениковъ, для образованія къ учительскимъ должностямъ. Положено было изъ каждой Семинаріи посылать въ Академію по два воспитанника, съ отнесеніемъ расходовъ на устройство для нихъ платья, обуви, бѣлья, а равно на пріѣздъ и отъѣздъ ихъ на счетъ той Семинаріи, изъ которой они прибудутъ. Въ 1799 г. учились въ Невской Академіи воспитанники: Иванъ Лавровъ, Иванъ Погоняловъ и Антипъ Кривовицкій; въ 1800 г. Николай Загорскій и Иванъ Ильинскій; въ 1808 г. Михаилъ Вревскій и Иванъ Невдачинъ. Въ томъ же году находились въ ней (изъ Поэзіи). Николай Сперанскій (изъ Информаторіи), Козьма Жемчужинъ и Иванъ Бедринскій.

Наборъ учениковъ.

Наборъ учениковъ въ Семинарію происходилъ прежнимъ порядкомъ, чрезъ Консисторію. Для набора не было опредѣленнаго времени Онъ производился по требованію обстоятельствъ, въ присутствіи Ректора, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій. На пр., въ 1769 г. по тому поводу, что въ низшихъ классахъ Семинаріи находилось мало учениковъ, приказано было отъ Преосвященнаго набрать, въ присутствіи Исправлявшаго тогда должность Ректора, человѣкъ 30 изъ Священно-и церковно-служительскихъ дѣтей, соблюдая при этомъ, чтобы дѣти были уже обучены исправно читать по Русски, кромѣ сиротъ, которымъ дозволялось учиться читать по Русски въ Семинаріи. Требовалось, чтобы поступившіе въ Семинарію дѣти были не менѣе 12 лѣтъ. Въ 1775 году приказано было отъ Преосвященнаго производить наборъ, по требованію Ректора. Число поступавшихъ въ Семинарію было не одинаково. Но иногда оно было довольно значительно. Въ 1776 г. приказано было, исключивъ изъ Семинаріи неспособныхъ учениковъ, набрать въ нее не менѣе 120 человѣкъ.

Число учениковъ, обучавшихся въ Семинаріи.

Число учениковъ Семинаріи, въ разсматриваемое нами время, было если не слишкомъ значительно, то и не совсѣмъ мало. Меньшая цифра доходила до 111 уч., большая до 525 учениковъ. Такъ, въ 1774 году всѣхъ учениковъ въ Семинаріи было 137, въ 1775 году отъ Преосвященнаго приказано было, чтобы въ Семинаріи находилось не менѣе 150 учениковъ, въ 1777 году было 114 учениковъ, въ 1779 году было 111 человѣкъ, въ 1780 году 143 ученика, въ 1781 году 145 человѣкъ, въ 1782 году 137 человѣкъ, въ 1783 году 131 челов., въ 1784 году 122 челов., въ 1785 году 132 челов., въ 1786 году 142 челов., въ 1788 году 171 челов., въ 1789 году 140 челов., въ 1791 году 173 челов., въ 1792 году 174 челов., въ 1793 году 181 челов., въ 1795 году 203 челов., въ 1794 году 187 чел., въ 1796 году 219 челов., въ 1804 году 402 чел., въ 1808 году было 525 человѣкъ.

Въ каждомъ классѣ были ученики однолѣтніе, двулѣтніе и такъ далѣе, а въ нѣкоторыхъ классахъ десятилѣтніе. Ученики Богословія и Философіи именовались студентами, а прочихъ классовъ — просто учениками.

Число учениковъ въ Гимназіяхъ значительно разнилось. Самое незначительное число ихъ было въ Полоцкой Гимназіи, а именно:

Въ Невельской Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1780 г. 31, въ 1781 году 30, въ 1784 году 30, въ 1787 г. 17, въ 1793 году 13, въ 1794 году 19.

Въ Торопецкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 г. 60, въ 1791 году 58, въ 1792 году 56 (способныхъ къ поступленію въ Семинарію), въ 1793 году 45, въ 1794 году 29, въ 1795 году 35, въ 1796 году 38.

Въ Великолуцкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 г. 45, въ 1791 году 44, въ 1792 году 28, въ 1793 году 29, въ 1794 году 35, въ 1795 году 35, въ 1796 году 29.

Въ Полоцкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 году 6, въ 1791 году 6, въ 1792 году 5.

Въ каждой Гимназіи, съ каждымъ почти годомъ, число учениковъ сокращалось. Отъ чего это происходило, неизвѣстно.

Успѣхи учениковъ въ наукахъ.

Замѣтно, что, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи болѣе было успѣшныхъ учениковъ, чѣмъ прежде. Но вообще говоря, она все еще не процвѣтала въ этомъ отношеніи. Лѣнивыхъ и безуспѣшныхъ учениковъ въ ней было много. Старая нерасположенность къ ученью все еще продолжалась въ ней. Въ 1769 году Преосвященный самъ писалъ, что нѣкоторые изъ Семинаристовъ лѣнятся, другіе вовсе уклоняются отъ Семинаріи. Даже въ началѣ настоящаго столѣтія не мало было такихъ, которые бѣгали Семинаріи, и которыхъ нужно было высылать въ нее не только чрезъ Духовныя Правленія, но и чрезъ Полицію.[1]

Такая лѣность, такое безуспѣшіе и уклоненіе отъ ученья Семинаристовъ, очень часто причиняли безпокойство Архипастырямъ и заставляли ихъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Въ 1776 году, усмотрѣвъ изъ Семинарскихъ вѣдомостей, что многіе ученики, чрезъ долгое время, а нѣкоторые чрезъ цѣлый годъ, уклонялись отъ Училища, Преосвященный Иннокентій приказалъ, истребовавъ отъ Семинаріи списокъ такихъ учениковъ, немедленно сыскать ихъ и способныхъ заставить учиться Между тѣмъ, велѣлъ объявить этѣмъ ученикамъ и ихъ отцамъ и родственникамъ, что если они впредь станутъ уклоняться отъ классовъ, то будутъ записаны въ подушный окладъ, а съ тѣхъ, кои осмѣлятся держать у себя бѣглыхъ учениковъ, взыщется штрафъ, въ пользу Семинаріи — съ Священниковъ по 5, съ Діаконовъ по 3, а съ причетниковъ по 2 руб.

Въ 1769 году приказано было отъ него объявить Семинаристамъ, и при каждомъ наборѣ объявлять, съ роспискою въ слышаніи, что если они будутъ лѣниться, бѣгать отъ классовъ и вести себя худо, то не получатъ мѣста въ причтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было объявить родителямъ и родственникамъ учениковъ, что и они будутъ оштрафованы, если не станутъ за-

[1] Дѣло Сем. Арх. въ 1807 г.

ботиться о нихъ. Каждый годъ о таковыхъ, если они были-обязывался Префектъ доносить Консисторіи, а Консисторія Преосвященному.

Въ 1776 году безуспѣшныхъ учениковъ Информаторіи, за лѣность и уклоненіе отъ классовъ, на страхъ другимъ, приказано было отъ Преосвященнаго, отослать въ солдатскую школу, къ Псковскому Коменданту. Въ 1801 году одинъ ученикъ за побѣги отправленъ былъ въ Губернское Правленіе. Въ 1805 году все еще ученики уклонялись отъ Семинаріи. По этому одни изъ нихъ наказаны были розгами, другіе иначе, а изъ родителей ихъ одни были оштрафованы деньгами, другіе содержались подъ арестомъ въ Консисторіи. Между тѣмъ, приказано не давать ученикамъ вакацій, кромѣ одной, положенной Духовнымъ Регламентомъ. Случалось, что и Семинарское Начальство испытывало непріятности за лѣность и безуспѣшіе учениковъ. На пр., въ 1786 г. много учениковъ было оставлено въ прежнемъ классѣ за безуспѣшіе, а въ слѣдствіе этого, мало ихъ переведено въ высшіе классы, такъ что вновь потребовалось взять въ Семинарію только три человѣка. Это подало поводъ Преосвященному предписать Ректору, Префекту и Учителямъ, чтобы они усерднѣе занимались своимъ дѣломъ; а въ 1787 году, по случаю вновь замѣченныхъ неисправностей въ Семинаріи, приказано было Ректору и Префекту ежемѣсячно репортовать объ усердіи къ занятію не только учениковъ, но и самихъ Учителей.

Испытанія учениковъ въ наукахъ.

Самымъ важнымъ и хлопотливымъ отчетомъ въ учебныхъ занятіяхъ учениковъ и учителей были экзамены и ученые диспуты. Они производились и прежде и послѣ лѣтнихъ вакацій. [1] Въ 1779 году экзамены совершались по классамъ съ 3 по 9-е ч. Іюля. За тѣмъ началось приготовленіе къ диспутамъ, которые 13-го числа того же мѣсяца, какъ сказано въ подлинной бумагѣ, при многочисленномъ разнаго званія, а паче благородныхъ всѣхъ, въ здѣшнемъ городѣ живущихъ людей, собраніи публично и отправлены. Предъ диспутами собраніе обыкновенно было привѣтствуемо стихами и рѣчами на

[1] Дѣло Конс. Архива за 1786 г.

разныхъ языкахъ, преподававшихся въ Семинаріи; самыя же дѣйствія сопровождались разговорами и нарочно на этотъ случай составленными кантами. По окончаніи всего отличные ученики награждаемы были книгами. Въ 1779 году, по этому случаю, разошлось 23 книги. Очевидно, что этѣ экзамены были то же, что наши, такъ называемыя, внутреннія испытанія, а диспуты — что наши публичные экзамены.

Награды преподавателямъ.

Награды учениковъ были вмѣстѣ нѣкоторымъ образомъ наградою и для Учителей. Но случалось, что послѣдніе за усердную, полезную службу, и сами лично получали денежныя награды и благодарность отъ Преосвященнаго. Такъ, въ 1760 г. выдано было въ награду за усердное преподаваніе наукъ 3-мъ Учителямъ 30 руб., а въ 1776 году объявлена отъ Преосвященнаго благодарность за прилежаніе въ преподаваніи уроковъ Ректору Варлааму, Префекту Мирожскому, Игумену Іустину и прочимъ Учителямъ.

Часть нравственная.

Нравственная часть Семинаріи и въ это время подлежала непосредственному наблюденію Префекта. Ближайшимъ помощникомъ ему въ надзорѣ за поведеніемъ учениковъ былъ обыкновенно одинъ изъ лучшихъ старшихъ учениковъ Семинаріи, который назывался Сеніоромъ. Случалось, что Сеніоръ завѣдывалъ вмѣстѣ и Семинарскимъ письмоводствомъ; тогда онъ получалъ и жалованье. За поведеніемъ учениковъ, во время уроковъ, наблюдали Учители, каждый въ своемъ классѣ.

Нравственное воспитаніе учениковъ Семинаріи состояло въ внушеніи имъ правилъ чистой нравственности и необходимыхъ званію ихъ приличій, въ пріученіи ихъ къ точному исполненію обязанностей Религіи, въ ознакомленіи ихъ съ обязанностями Священно-церковно-служительскими, въ настроеніи и внутренней и внѣшней ихъ живни, согласно будущему ихъ назначенію, и, наконецъ, во внимательномъ наблюденіи за тѣмъ, какъ все это ими принималось и исполнялось.

Для болѣе правильнаго и удобнаго исполненія воспитанниками Христіянскихъ обязанностей и пріученія ихъ къ исполненію обязанностей, къ которымъ они готовились, для нихъ назначалась особая церковь, куда они должны были ходить къ Богослуженію. Въ 1782 году, по распоряженію Начальства, лѣтомъ они ходили въ Духовскую церковь, находившуюся близъ Семинаріи, нынѣ уже не существующую, а зимою въ Николаевскую со Усохи. Въ томъ же году отъ Преосвященнаго было приказано однимъ изъ нихъ ходить къ Богослуженію въ Каѳедральный соборъ, а другимъ въ Николаевскую со Усохи, по тому что послѣдняя для помѣщенія всѣхъ ихъ съ прихожанами слишкомъ была мала. Въ 1786 году Указомъ Псковской Консисторіи было предписано, чтобы Духовская Церковь, по прежнему, принадлежала Семинаріи, съ завѣдываніемъ ею во всемъ, что касалось до ея благоустройства, поправокъ и т. п. Назначался и особый Духовникъ для воспитанниковъ Семинаріи. Въ 1770 г. Духовникомъ ихъ былъ Священникъ Васильевской съ Горки церкви Симеонъ Дмитріевъ; въ 1805 году ихъ исповѣдывали Священники Каѳедральнаго собора.

Для поддержанія въ воспитанникахъ Христіянскаго благочестія, имъ объясняли въ Семинарской залѣ, по воскреснымъ днямъ, Апостольскія Посланія и производили Катихизическія чтенія. [10]

При всемъ, однако же, вниманіи Начальства къ поддержанію въ воспитанникахъ Семинаріи благонравія, не переставали проявляться между ними иногда и очень грубые пороки: непокорность, пьянство, воровство и т. п. Въ 1769 г. Преосвященный нашелъ нужнымъ письменно выставить на видъ Консисторіи, что нѣкоторые ученики вели себя худо. Это зло не прекращалось и послѣ, какъ показываютъ довольно частыя Архипастырскія подтвержденія Семинарскому Начальству усилить надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ, а воспитанникамъ вести себя лучше, подъ опасеніемъ разныхъ взысканій за худое поведеніе. Въ 1775 г. приказано было отъ Преосвященнаго Консисторіи наблюдать, чтобы ученики вели себя честно и добропорядочно, и учители содержали себя въ порядкѣ и исполняли свое званіе; въ 1782 г. отъ него же подтверждено Семинарскому Начальству строже смотрѣть

[10] Дѣло 1804 г.

за поведеніемъ учениковъ, чтобы, безъ вѣдома Начальства и неблаговременно, ни куда не отлучались и не пьянствовали; въ 1798 году предписано было Свят. Синодомъ заботиться о благонравіи учениковъ, для чего должны быть особые надзиратели, въ помощь Префекту, и каждую треть прочитывать ученикамъ Высочайшій Указъ 1797 года объ улучшеніи духовнаго воспитанія.

Видно, и въ другихъ Семинаріяхъ не лучше было. Въ 1799 г., для лучшаго надзора за нравственностію Семинаристовъ, запрещено отъ Преосвященнаго жить при отцахъ и матеряхъ контуберналистамъ, т. е., казеннокоштнымъ ученикамъ. Обычай былъ тѣмъ казеннокоштнымъ воспитанникамъ, которые имѣли въ Псковѣ отцовъ и матерей, позволять жить въ домахъ послѣднихъ, съ выдачею денегъ. Цѣль была, между прочимъ, и та, въ этомъ снисхожденіи, чтобы чрезъ дѣтей оказать нѣкоторое пособіе и ихъ бѣднымъ родителямъ. Въ 1800 г. объявлено было отъ Преосвященнаго, что кто изъ учениковъ будетъ неодобрительнаго поведенія, того будутъ отсылать въ свѣтскую команду. Въ 1805 г. предписано было резолюціею Преосвященнаго Префекту имѣть неусыпное попеченіе о поведеніи, благонравіи и честности учениковъ, съ обязательствомъ каждый мѣсяцъ репортовать Преосвященному, какъ будутъ вести себя ученики. Въ этомъ году Псковской Гражданскій Губернаторъ, Ламздорфъ, жаловался Преосвященному Иринею на то, что, по обнаружившимся покражамъ въ Псковѣ и по другимъ порочнымъ и развратнымъ дѣйствіямъ, открывались не мало въ содѣйствіи тому и нѣкоторые ученики Семинаріи. Причиною этому Губернаторъ поставлялъ жительство учениковъ, по своей волѣ, на квартирахъ, вдали отъ Начальства. По этому случаю, отъ Преосвященнаго приказано было Консисторіи принять всевозможныя мѣры къ скорѣйшему прекращенію прописанныхъ Губернаторомъ безпорядковъ по Семинаріи. [11]

Въ числѣ другихъ мѣръ, для прекращенія указаннаго зла, еще прежде приказано было необходимымъ помѣстить всѣхъ учениковъ на жительство въ Семинаріи, гдѣ болѣе представлялось возможности внимательно смотрѣть за ихъ поведеніемъ; для чего и строился,

[11] Дѣло Сем. Архива 1805 г.

какъ увидимъ ниже, особый флигель при Семинаріи. Въ немъ полагалось помѣстить своекоштныхъ учениковъ, съ содержаніемъ ихъ на ихъ же счетъ

Выпускъ учениковъ изъ Семинаріи.

Какъ бы то ни было, но Псковская Семинарія оказывала не маловажныя услуги не только Епархіяльной Церкви, но и другимъ вѣдомствамъ. Было въ ней не мало воспитанниковъ худыхъ, но большинство, конечно, оставалось на сторонѣ хорошихъ. Выходили изъ ней умные и благочестивые пастыри и другіе служители Церкви, которые, усерднымъ и благополезнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, обратили на себя, въ послѣдствіи, лестное вниманіе Начальства, заняли, въ ряду своихъ собратій, первыя мѣста и принесли важныя услуги Церкви и Отечеству. [12]

Другіе съ честію трудились на поприщахъ общественнаго служенія въ иныхъ вѣдомствахъ: или прямо поступали учителями въ народныя училища, [13] или опредѣлялись на Гражданскую служ-

---

[12] Таковы были: Псковскаго Каѳедральнаго Собора Протоіерей, Сергій Владимирскій и Петръ Вѣхновскій; Опочецкій Протоіерей Петръ Бутырскій; Порховскій Протоіерей Іоаннъ Спасскій; Великолуцкій, а потомъ Рижскій, Протоіерей Стефанъ Соловскій; Псковоградскіе Протоіереи: Василій Лебедевъ, Михаилъ Меньщиковъ; Великолуцкій Протоіерей Петръ Алексѣевъ и другіе.

[13] Такъ, въ 1783 г. поступили учителями въ Ригу, Перновъ, Дерптъ изъ Богословія: Антонъ Васильевъ, Варѳоломей Бѣлявскій; изъ Философскаго класса: Косма Моложанскій; въ 1786 г., по требованію Губернатора, отправлены къ Главному Директору Народныхъ Училищъ, для опредѣленія въ учители по городамъ, четыре ученика; въ 1787 г., по требованію Губернатора, съ разрѣшенія Преосвященнаго, отправленъ въ Псковское Народное Училище, для приготовленія въ учители Народ. Училища, воспитанникъ Богословія, Иванъ Яновскій; въ 1790 г., по требованію правившаго должность Начальника Псковскаго Намѣстничества, Дѣйств. Ст. Совѣтника Харитона Лукина, поступили учителями въ Народ. Училища, въ Торопецкое, Великолуцкое и Порховское, три воспитанника; въ томъ же году еще одинъ воспитанникъ поступилъ учителемъ въ Торопецкое Училище; въ 1791 г. поступилъ воспитанникъ Семинаріи учителемъ въ Великолуцкое Народ. Училище, по требованію Губернатора; въ 1792 г. поступилъ воспитанникъ Семинаріи учителемъ въ Порховское Народ. Училище; въ 1791 г. поступилъ учителемъ въ Торопецкое Народ. Училище воспитанникъ Семинаріи Григорій

бу. [14] Многіе продолжали ученіе въ высшихъ свѣтскихъ училищахъ, [15] особенно въ Медицинской Академіи. [16]

Учители въ Псковской Семинаріи съ 1765 по 1814 г.

1. Богословія.

Съ 1766 г. Ректоръ Архимандритъ Дороѳе
Съ 1774 г. Ректоръ Архимандритъ Варлаамъ.
Въ 1782 г. и далѣе Префектъ Іустинъ.
Въ 1784 году опять Ректоръ Варлаамъ.
Въ 1788 по увольненіи Ректора отъ преподаванія, по слабости здоровья, Игуменъ Адріанъ.
Въ 1793 Префектъ Исаія.
Въ 1796 Префектъ Венедиктъ, изъ воспитанниковъ Тверской Семинаріи.
Въ 1800 Петръ Вѣжовскій съ 1787 года воспитанникъ Псковской, а съ 1792 г. Невской Семинаріи.

Нечаевъ; въ 1802 г., по желанію Губернатора, поступилъ въ Островское Народное Училище учителемъ ученикъ Риторики, Яковъ Поповъ.

[14] Такъ, въ 1793 г., по требованію Свѣтскаго Начальства, поступили изъ Семинаристовъ 5 чел. въ Канцелярскіе служители по Псковскому Намѣстничеству; въ 1795 г. вытребованы Намѣстническимъ Правленіемъ въ Канцелярскіе служители до 10 воспитанниковъ Семинаріи; въ 1797 г. туда же и для той же цѣли взяты еще до 10 воспитанниковъ Семинаріи; въ 1799 г., по требованію Рижскаго Губернатора, поступили изъ Псковской Семинаріи въ статскую службу три ученика.

[15] На пр., въ 1768 г., съ разрѣшенія Св. Синода, по требованію Директора Академіи Наукъ, Графа Орлова, взято изъ Псковской Семинаріи 5 учениковъ, знавшихъ Латинскій языкъ, хорошаго поведенія и желавшихъ учиться, а именно, изъ Философскаго класса: Козьма Муравейскій, Косма Зряковскій (возвратившійся въ томъ же году въ Псковскую Семинарію); изъ Риторики: Борисъ Зряковскій, Тимоѳей Мальгинъ и Иванъ Бочаровъ.

[16] Такъ, въ 1797 году, въ слѣдствіе Высочайшаго Указа о ежегодномъ отправленіи изъ Семинарій въ Медицинскія Училища до 50-ти человѣкъ, по требованію Медицинской Коллегіи, изъ Псковской Семинаріи отправлены въ Медицинскую Академію два воспитанника Риторическаго класса: Иванъ Погоняловъ и Иванъ Нечаевъ; въ 1798 г. отправлены три воспитанника; въ 1799 г. три воспитанника; въ 1803 г. одинъ и въ 1805 одинъ.

Въ 1801 г. Иванъ Троицкій, воспитанникъ съ 1785 г. Новгородской Семинаріи, съ 1788 Великолуцкой Гимназіи, съ 1790 Псковской Семинаріи, съ 1793 г. Невской Семинаріи; въ послѣдствіи Святогорскій Архимандритъ Іосифъ.

2. Философіи.

Въ 1774 г. Архимандритъ Варлаамъ.
Въ 1777 Префектъ Игуменъ Іустинъ.
Въ 1781 Іеромонахъ Адріанъ, въ мірскомъ званіи Агаѳонъ Мутовозовъ, сторожевскій сынъ, воспитанникъ до 1770 г. Псковской, а послѣ Троицкой, Семинаріи; кончилъ курсъ въ 1774 г., постриженъ въ 1779 году.
До 1771 Венедиктъ.
Въ 1791 Николай Юпашевскій, Священническій сынъ, съ 1774 г. воспитанникъ Псковской Семинаріи, а съ 1781 г. Сергіевской Лавры.
Въ 1792 Степанъ Поповъ, Священническій сынъ, съ 1779 г. воспитанникъ Псковской, а съ 1788 г. Невской Семинаріи.
Въ 1800 Петръ Вѣхновскій.
Въ 1803 Іеромонахъ Павелъ.
Въ 1805 Иванъ Лавровъ, воспитанникъ Невской Академіи, Кандидатъ Богословія, въ послѣдствіи Мирожскій Архимандритъ Петръ.

3. Риторики.

Въ 1766 г. Александръ Шавровъ.
Съ 1769 по 1772 г. Алексѣй Петровъ Струковъ.
Съ 1773 г. Андрей Цвѣтковъ, Протоіерейскій сынъ, съ 1762 г. ученикъ Псковской, а съ 1768 г. Троице Сергіевой Семинаріи.
Въ 1778 г. Агаѳонъ Мутовозовъ.
Съ 1781 по 1786 г. Козьма Базилевъ, Протоіерейскій сынъ, съ 1764 г. ученикъ Псковской, а съ 1770 г. Троице-Сергіевой Семинаріи.

Въ 1786 г. Николай Юшевскій.
Въ 1791 Степанъ Поповъ.
Въ 1792 Григорій Перстинскій, съ 1779 г. воспитанникъ Псковской, а съ 1788 г. Невской Семинаріи.
Въ 1797 Петръ Вѣхновскій.
До 1801 Иванъ Троицкій.
Въ 1801 Іеродіаконъ Василій.
Въ 1802 Платонъ Поповъ, въ 1803 году уволенный въ свѣтское званіе за худое поведеніе.
Въ 1803 Петръ Бутырскій.
Въ 1804 Иванъ Лавровъ.

4. Поэзіи отдѣленной отъ Риторики въ 1797 г.

Въ 1799 г. Иванъ Троицкій.
До 1800 Еѳимъ Колобовъ.
До 1802 Платонъ Поповъ.
Въ 1802 Петръ Бутырскій.
Въ 1803 Иванъ Успенскій, уволенный во Священники въ Торопецъ въ томъ же году.
Въ 1803 Петръ Юстицкій, сынъ Великолуцкаго Протоіерея Меѳодія.
Въ 1804 Иванъ Владимирскій, изъ воспитанниковъ Псковской Семинаріи, въ 1806 году выбылъ во Священники къ Псковской Пороменской церкви.

5. Синтаксимы.

Съ 1769 по 1776 годъ Сергій Владимирскій, въ послѣдствіи Псковскій Каѳедральный Протоіерей.
Въ 1776 г. Агаѳонъ Мутовозовъ.
Въ 1778 Козьма Зряковскій, Священническій сынъ, съ 1760 года воспитанникъ Псковской, а съ 1769 года Троице-Сергіевой Семинаріи. Первый учитель Французскаго языка въ Псковской Семинаріи. Сперва Діаконъ, потомъ Священникъ Псковской; въ 1781 году переведенъ въ Ригу къ Замковской церкви.
Въ 1781 Козьма Базилевъ.
Въ 1782 Антонъ Сташевскій, уроженецъ Черниговской Епар-

хіи, Священническій сынъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.

Въ 1785 г. Андрей Львовъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.
Въ 1788 Михаилъ Меньщиковъ.
Въ 1793 Ѳеодотъ Быстрицкій.
Въ 1795 Илья Костровъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.
Въ 1796 Петръ Вѣхновскій.
Въ 1797 Иванъ Троицкій.
Въ 1799 Платонъ Поповъ.
Въ 1800 Иванъ Лавровъ.
Въ 1801 Петръ Бутырскій, Священническій сынъ погоста Демянки.
Въ 1802 Иванъ Успенскій.
Въ 1803 Стефанъ Соловскій, выбылъ во Священники въ погостъ Рѣчани.
Въ 1804 Иванъ Владимирскій.
Въ 1804 Григорій Дегожскій.

6. Грамматики.

До 1769 г. Спиридонъ Тихомировъ.
До 1779 Іоаннъ Бочаровъ, Священникъ Николаевской со Усохи церкви.

Далѣе: Учители Синтаксическаго класса до поступленія въ него.

7. Инфимы.

До 1769 г. Иванъ Даниловъ.
Въ 1769 ученикъ Богословія Иванъ Ермолаевъ.
Въ 1774 Герасимъ Аѳанасьевъ Брагинъ, воспитанникъ Сергіевой Лавры.
Съ 1776 года Козьма Зряковскій.
Съ 1779 до 1782 г. Иванъ Швыкинъ.
Въ 1782 г Андрей Львовъ.
Въ 1785 Михаилъ Меньщиковъ.
Въ 1788 Варѳоломей Бѣлявскій, воспитанникъ Псковской Семинаріи, бывшій учителемъ въ Народномъ Училищѣ
Въ 1791 Ѳеодотъ Быстрицкій.

Въ 1793 г. Евимъ Колобовъ.
Съ 1793 Борисъ Лавровъ.
До 1800 Михаилъ Савицкій.
Въ 1800 Петръ Бутырскій.
Въ 1801 Иванъ Успенскій.
Въ 1802 Стефанъ Соловскій.
Въ 1803 Иванъ Владимирскій.
Въ 1804 Григорій Дегожскій.
Въ 1804 Ипполитъ Постниковъ, Тверской урожденецъ.
Въ 1805 Иванъ Вревскій.

8. Фары.

Тѣ же, какіе и въ Инфимѣ.

9. Славяно-Русской школы.

До 1769 г. Ученикъ Богословія Полетаевъ.
Въ 1769 Ѳеодоръ Владимирскій, въ послѣдствіи Священникъ Духовской церкви.
Въ 1774 Иванъ Бочаровъ.
Въ 1778 Емельянъ Головицкій.
Въ 1786 Студентъ Богословія Ѳеодотъ Быстрицкій.
До 1793 Евимъ Колобовъ.
Въ 1793 Студентъ Философіи Борисъ Лавровъ.
1798 Петръ Юстицкій.
1799 Ученикъ Богословія Иванъ Лавровъ.
1800 Иванъ Успенскій.
1801 Ученикъ Философіи Иванъ Владимирскій.
1803 Ученикъ Богословія Григорій Дегожскій.
1804 Ипполитъ Постниковъ, въ томъ же году и Ѳаддей Азелицкій.

10. Русской школы.

Въ первомъ классѣ Ипполитъ Постниковъ.
Въ 1804 году Ѳаддей Азелицкій, въ томъ же году ученикъ Богословія Иванъ Знаменскій, Священническій сынъ изъ Изборска.

До 1806 г. Иванъ Спасскій.
Съ 1806 Григорій Іустиновъ.

Учители предметовъ экстраординарныхъ:

1. Греческаго языка.

1775 г. Андрей Цвѣтковъ.
1780 Козьма Базилевъ.
1791 Николай Юпашевскій.
1792 Иванъ Владимирскій.
1793 Ѳеимъ Колобовъ.
1804 Иванъ Лавровъ.

2. Нѣмецкаго языка.

1774 г. Герасимъ Брагинъ.
1775 Агаѳонъ Мутовозовъ.
1776 Козьма Зряковскій.
1782 Андрей Львовъ.
1786 Николай Юпашевскій.
1791 Семенъ Поповъ.
1797 Петръ Вѣхновскій.
1803 Иванъ Владимирскій.

3. Французскаго языка.

1776 Козьма Зряковскій.

4. Ариѳметики.

1776 г. Козьма Зряковскій.
1779 Иванъ Шѣыкинъ.
1780 Козьма Базилевъ.
1782 Андрей Львовъ.
1785 Михаилъ Меньщиковъ.
1791 Ѳеодотъ Быстрицкій.
1793 Ѳеимъ Колобовъ.
1795 Илья Костровъ.

5. Географіи.

1772 г. Андрей Цвѣтковъ.
1775 Агаѳонъ Мутовозовъ.
1779 Сергій Владимирскій.
1780 Козьма Базилевъ.
1789 Михаилъ Меньщиковъ.
До 1793 года Ѳеодотъ Быстрицкій.
1795 г. Григорій Перстинскій.
1797 Петръ Вѣхновскій.

6. Катихизиса.

1776 г. Сергій Владимирскій.
1786 Андрей Львовъ.
1792 Ѳеодотъ Быстрицкій.
1796 Илья Костровъ.
1799 Стефанъ Поповъ.

Учители Гимназіи:

1. Невельской.

1781 г. Дороѳей Чарный (низшаго отд.).
Петръ Ивановъ (1-го класса).
1784 Лавръ Зотиковъ.
Семенъ Островскій, Островской Николаевской церкви Діакона сынъ (1-го класса).
1785 Михаилъ Королевъ (низшаго отд.).
1798 Монахъ Никодимъ, воспитанникъ Кіевской Академіи.

2. Торопецкой.

Съ 1786 г, Священническій сынъ Іоаннъ Антиповъ Успенскій, кончилъ курсъ Семинарскаго ученія 1779 года; въ 1789 г. произведенъ во Священники къ Торопецкой Входоіерусалимской церкви, съ оставленіемъ за нимъ прежней должности

Съ 1791 г. Петръ Константиновскій, Діаконскій сынъ, учившійся сперва въ Тверской, потомъ въ Псковской Семинаріи.

3. Великолуцкой.

Съ 1791 г. Воскресенскаго собора Священникъ Меѳодій Андреевъ, воспитанникъ Новгородской Семинаріи, кончилъ курсъ въ 1779 г., въ послѣдствіи Начальникъ оной Гимназіи.

Николай Степановъ, воспитанникъ Новгородской Семинаріи, кончилъ курсъ 1779 г.

1793 Входоіерусалимскій Священ. Авраамій Кодратовъ.

Петръ Юстицкій (высш. класса).

Стефанъ Соловскій (низш. класса).

1802 г. ученикъ Философіи Степанъ Троицкій (низш. кл.).

Иванъ Луцкій (выс. кл.), уволенъ въ свѣтск. званіе.

1803 На мѣсто Юстицкаго, Великолуцкаго Богоявленскаго собора Священникъ Іоаннъ Степановъ.

4. Полоцкой.

Іеромонахъ Никодимъ (тотъ же, что и въ Невельской).

Хозяйственная часть.

Средства для содержанія Семинаріи и подвѣдомыхъ ей школъ.

По отобраніи церковныхъ имѣній въ казну, прежніе способы для содержанія Русскихъ Духовныхъ Училищъ прекратились. Вмѣсто ихъ, Правительство положило каждогодно отпускать изъ казны опредѣленное число денегъ. Эти отпуски, время отъ времени, измѣнялись.

Въ 1765 году Коммиссія церковныхъ имѣній назначила на Генварскую и Майскую трети этого года отпустить изъ Коллегіи Экономіи на содержаніе всѣхъ Великороссійскихъ Семинарій 212,95 р. 57 коп. При утвержденіи доклада Коммиссіи о такомъ

назначеніи, Государыня сама прибавила еще 2,048 р. 43 коп.; всей суммы составилось уже 25,000 рублей. Изъ этихъ денегъ, по росписанію Коммиссіи, на Псковскую Семинарію пришлось 544 р. 62½ к. [47] Потомъ, по указу Коллегіи Экономіи, получено Псковскою Семинаріею изъ мѣстной Провинціальной Канцеляріи на Сентябрскую треть, экономическихъ денегъ 272 р. 31¼ коп. Такимъ образомъ всей суммы на содержаніе Псковской Семинаріи въ 1765 году отпущено изъ казны 816 р. 93 к. [48] Этотъ окладъ она должна была получать каждогодно и впредь до новаго учрежденія Духовныхъ Семинарій.

Въ 1779 году къ помянутымъ 800 р. прибавлено 1,200 р., что составило 2,000 руб. Въ 1797 году этотъ окладъ увеличенъ до 3,500 р. а въ 1807 году на содержаніе Псковской Семинаріи положено было каждогодно отпускать уже 7,000 руб.

Единовременныя пособія Семинаріи.

Кромѣ обыкновенныхъ, каждогодныхъ отпусковъ отъ казны денегъ на содержаніе Псковской Семинаріи, она получала иногда разныя единовременныя пособія. Такъ, она неоднократно получала на содержаніе учениковъ, въ дополненіе къ казеннымъ окладамъ, рублей по 50 отъ Преосвященнаго Иннокентія. Въ 1780 году Высочайше повелѣно было на Псковскую Семинарію отпустить единовременно изъ мѣстнаго Казначейства 500 руб. Эти деньги тогда же, по распоряженію Преосвященнаго, раздѣлены были между лицами, служившими при Семинаріи, и учениками, а именно: выдано Ректору и Учителю Богословія, Архимандриту Варлааму 100 р., Префекту и Учителю Философіи, Игумну Іустину 70 р., Учителю Риторики Іеромонаху Адріану 60 руб., Учителю высшаго Латинскаго класса Псковоградской Духовной церкви Священнику Козьмѣ Зряковскому 50 р., Низшаго класса Учителю Ивану Швыкину 40 р., Информатору Ивану Головацкому 20 р., на сиротскую школу 50 р., на раздѣлъ ученикамъ 100 р., служителямъ 10 руб. Преданіе говоритъ, что этотъ от-

[47] Указъ Свят. Синода 1765 г. Сем. Арх.

[48] Указъ Кол. отъ 30-го Сент., 1765 года, Сем. Арх.

пусвъ денегъ сдѣланъ Государынею, въ слѣдствіе Ея личнаго посѣщенія Семинаріи въ означенномъ году. Въ память этого Высочайшаго посѣщенія, тогда же были написаны масляными красками на холстѣ двѣ большія символическія картины, изображающія разныя царственныя качества Императрицы. Эти картины и нынѣ находятся въ Семинарской залѣ, въ обновленномъ, въ 1862 году, видѣ.

Въ 1798 году изъ Государственнаго Казначейства единовременно отпущено было на исправленіе въ старыхъ Семинаріяхъ построекъ 32,781 р. 26½ коп. Изъ этой суммы на постройку каменнаго флигеля при Псковской Семинаріи выслано 2,000 р. Въ 1800 г. сверхъ этихъ двухъ тысячъ, разрѣшено Свят. Синодомъ для той же цѣли получить изъ Псковской Консисторіи 1,935 р., оставшихся отъ жалованья, которое отпускалось по штату на Псковскія церкви, за упраздненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Средства для содержанія меньшихъ школъ Псковскихъ.

Изъ четырехъ Гимназій, принадлежавшихъ Псковской Семинаріи, только на одну Невельскую съ 1779 года отпускалось отъ казны по 500 руб. въ годъ. Сиротская школа при Семинаріи то же не имѣла особаго оклада. И она и три Гимназіи содержались на счетъ Семинаріи и Невельской Гимназіи по учрежденію Преосвященнаго, а именно: на Сиротскую школу отдѣлялось отъ Семинарской суммы 100 р., да отъ оклада Невельской Гимназіи до 1785 года 100 р., а послѣ 150 руб. Эта сумма сперва расходовалась отдѣльно отъ Семинарской и находилась въ вѣдѣніи Каѳедральнаго Протоіерея, потомъ въ 1782 году она причислена къ Семинарской; впрочемъ, не смѣшивалась съ нею. Изъ остальныхъ 400 р., принадлежавшихъ Невельской Гимназіи, 200 руб. отдѣлялось на ея собственное годовое содержаніе; прочее, съ прибавкою нѣкоторой части изъ суммъ Семинарскихъ, употреблялось на другія Гимназіи, а именно: на Великолуцкую по 75 р., или, съ жалованьемъ Учителю нотнаго пѣнія, по 85 р. въ годъ, на Полоцкую по 75 р., на Торопецкую по 95 р. въ годъ. По отчисленіи Невеля и Полоцка отъ Псковской Епархіи, въ ней осталось только двѣ Гимназіи: Великолуцкая и Торопецкая. Онѣ

содержались на счетъ остаточной суммы отъ тѣхъ денегъ, которыя отпускались на Невельскую Гимназію. По закрытіи Торопецкой Гимназіи, этой суммы оставалось еще 1,565 р. 16 коп. На нее велѣно было содержать Великолуцкую Гимназію, отпуская на это въ годъ по 200 р. [19] Но скоро и этой суммы не стало. Она издержана была на постройку каменнаго флигеля при Семинаріи. Съ этѣмъ вмѣстѣ кончилось и существованіе послѣдней Гимназіи въ Псковской Епархіи.

Полученіе изъ казны денегъ, которыя отпускались на Семинарію.

Деньги, отпускаемыя отъ казны на содержаніе Семинаріи, получались Расходчикомъ въ началѣ изъ мѣстной Провинціальной Канцеляріи, а въ послѣдствіи изъ Казначейства, по довѣренности, которая давалась Расходчику, сперва отъ Консисторіи, а потомъ отъ Ректора Семинаріи. О полученіи ихъ Ректоръ долженъ былъ репортовать Консисторіи.

Росписаніе Семинарской суммы по отдѣльнымъ статьямъ.

Семинарскія деньги росписывались по отдѣльнымъ статьямъ. На пр., въ 1780 году приказано было отъ Преосвященнаго на содержаніе Сиротской школы отдѣлять отъ Семинарской суммы 100 р., да отъ Гимназической 100 р. Въ 1782 году, когда сиротская сумма соединена была съ Семинарскою, Преосвященный предписалъ, каждый разъ, по полученіи изъ Казначейства суммы, дѣлить ее на 5 частей, слѣдующимъ образомъ:

1. Отдѣлять ту сумму, которая назначалась на жалованье Учителямъ и прочимъ служащимъ при Семинаріи лицамъ.

2. Отдѣлять ту сумму, которая была положена на содержаніе Семинаристовъ и сиротъ, состоявшихъ въ то время въ наличности, и изъ сей особенно отложить на каждаго Семинариста по 7 р. 70 к., да на каждаго сироту по 5 р.; отдѣлять по 5 р. и на тѣхъ половинно-коштныхъ Семинаристовъ, кои пользовались общею пищею. Этой суммы быть единственно для трапезы.

---

[19] Дѣло Сем. Архива 1790 г.

3. Остальную за симъ сумму, положенную на Семинаристовъ, хранить единственно на устроеніе верхняго и нижняго платья, какъ Семинаристамъ, такъ и сиротамъ.

4. Назначенную на покупку дровъ, свѣчей и другія потребности.

5. Остающуюся на пріумноженіе Библіотеки и отъ неполнаго числа Семинаристовъ и проч.

Въ 1799 г. приказано было отъ Преосвященнаго, для лучшаго способа употребленія Семинарской суммы, раздѣлять ее на слѣдующіе классы: жалованную, дровяную, къ которой отнесть сумму для свѣчей, бумаги, нужной для Семинаріи, сумму на умноженіе Библіотеки и на покупку учебныхъ книгъ, или вообще сумму строевую.

Лучшій способъ такого употребленія денегъ состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что отъ него болѣе ожидалось остаточной суммы. Полагалось, что гораздо болѣе останется денегъ въ экономіи, когда она будетъ пріобрѣтаться не съ общаго расхода, а съ расхода по каждой статьѣ отдѣльно. Нуждъ было много, а денегъ мало. Придумывали всѣ возможные способы для удовлетворенія вопіющимъ нуждамъ. Иногда и самое росписаніе денегъ дѣлалось такъ, что за нимъ самъ собою долженъ былъ выйти остатокъ денегъ. Въ 1785 году такой остатокъ предполагался въ 375 руб. Изъ сбереженныхъ разными способами денегъ пріобрѣтался запасъ суммы на разныя экстренныя потребности. Такъ, въ 1799 году отъ 3-й части всѣхъ Семинарскихъ денегъ, которыя полагались на жалованье, осталось 146 р. 66 коп., и этотъ остатокъ употребленъ на жалованье Письмоводителю и въ добавокъ къ жалованью Наставникамъ.

Большее или меньшее количество денегъ, которое оставалось отъ той или другой изъ упомянутыхъ статей, зависѣло отъ свойства и количества расходовъ, которые назначались по этимъ статьямъ. Съ постепеннымъ увеличеніемъ Семинарской суммы общей, постепенно увеличивалась и сумма каждой статьи въ частности. Такъ, въ 1779 году на жалованье служащимъ при Семи-

ріи лицамъ назначалось 730 р. въ годъ, на содержаніе казенно-коштныхъ учениковъ 775 р., на дрова, свѣчи для казеннокоштныхъ воспитанниковъ, на школьныя книги, на Семинарскія починки, на лѣченіе учениковъ и на прочія нужды 300 р., остальныя 195 р. изъ 2,000 руб. назначались на умноженіе казенной Библіотеки и для другихъ необходимыхъ Семинарскихъ нуждъ. Въ 1799 г. на жалованье Ректору, Префекту и 5 Учителямъ съ Расходчикомъ назначалось 1,020 р. въ годъ; на содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ, въ томъ числѣ и Студентовъ Академіи, 1,150 руб.; на жалованье 4-мъ служителямъ, на умноженіе казенной Библіотеки, на покупку учебныхъ книгъ, на отправленіе Студентовъ въ Академію, на разныя починки и на прочіе необходимые случаи 883 р. 33½ коп. Въ 1807 году на жалованье назначалось 2,333 р. 33 к., на содержаніе 46-ти воспитанниковъ 2,300 р., на Библіотеку 540 р., на жалованье служителямъ 200 руб., на дрова, свѣчи, бумагу, чернила и проч. 600 р., на починки и непредвидѣнныя надобности назначалось 1,026 р. 67 к.

Храненіе Семинарскихъ денегъ.

Семинарскія деньги, по неимѣнію безопаснаго мѣста въ Семинаріи, хранились въ Консисторіи и находились въ особенномъ завѣдываніи, сперва Ректора съ Префектомъ, потомъ Консисторіи, Каѳедральнаго Протоіерея и, наконецъ, съ 1799 года, Семинарскаго Правленія.

Порядокъ высылки и расходованія Семинарской суммы.

До 1784 года деньги изъ Семинарскаго казнохранилища по мѣрѣ надобности получало Семинарское Начальство и расходовало ихъ по своему усмотрѣнію. Приходъ и расходъ денегъ записывался въ шнуровую книгу, данную изъ Консисторіи за скрѣпою Секретаря. Въ 1784 году произошло въ этомъ отношеніи нѣкоторое измѣненіе. Преосвященный, замѣтивъ, что Семинарское Начальство неисправно вело расходъ Семинарской суммы, приказалъ завѣдывать ею Консисторіи, и не иначе расходовать ее, какъ по приказанію Консисторіи. Всякій разъ, когда было нужно что ни будь купить, Префектъ долженъ былъ представлять объ этомъ Консисторіи. Консисторія, что могла

сама разрѣшить, разрѣшала, а чего нѣтъ, о томъ представляла на усмотрѣніе Преосвященнаго. Для употребленія съ точною запискою и отчетомъ этой суммы, приказано опредѣлить особеннаго человѣка изъ благонадежныхъ Священниковъ, съ производствомъ ему жалованья по 25 р. въ годъ, изъ того жалованья, которое опредѣлялось Сеніору. Онъ долженъ былъ записывать расходъ въ шнуровую книгу, выданную изъ Консисторіи и представлять ее на ревизію въ Консисторію. Въ 1785 г. предписано было имѣть въ кладовой выемную тетрадь, на которой онъ долженъ былъ росписываться, сколько онъ взялъ денегъ, и на что. Въ 1799 году, когда уже образовалось при Семинаріи Правленіе и въ его распоряженіе передана Семинарская сумма, предоставлено самому Правленію производить всѣ подряды. Семинарскій Расходчикъ могъ дѣлать одни только мелкія покупки, для которыхъ ему, по прежнему, назначалось выдавать не болѣе 25 рублей, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы, по употребленіи ихъ, онъ подавалъ Семинарскому Правленію вѣрныя записки.

Жалованье лицамъ, служившимъ при Семинаріи.

При назначеніи жалованья служившимъ при Семинаріи лицамъ брали во вниманіе главнымъ образомъ важность обязанностей, которыя они исполняли, и то, сколько кто трудился.

Въ 1765 году изъ 816 рублей Семинарскаго оклада назначалось жалованья:

Ректору	100—120 руб.
Учителю Философіи	60
Учителю Риторики и Поэзіи	130
Учителю высшаго Латинскаго класса	50—60
» низшаго »	50
Инфорнатору	20—30
Сторожамъ: 1-му	20
2-му	18

Въ 1779 году получали жалованье изъ 2,000 руб. Семинарскаго оклада, къ коему причислялась остаточная отъ прежнихъ лѣтъ сумма:

Ректоръ и Богословія Учитель	150 руб.
Префектъ и Учитель Философіи	100

Учитель Риторики и друг. наукъ . . . . . 120 руб.
Учитель Латинскаго языка высшаго класса . . 100
» » » низшаго » . . . 80
Информаторъ 50
Сеніоръ, онъ же и Письмоводитель 30
Поваръ, хлѣбопекъ и два сторожа 100

Въ 1785 году, по новому росписанію, приходилось жалованья:
Ректору и Учителю Богословія, сверхъ полагаемаго содержанія отъ монастыря . . . . . 150 руб.
Префекту и Учителю Философіи, сверхъ получаемаго содержанія отъ монастыря 100
Учителю Риторики 120
Учителю Латинскаго языка высшаго класса . . 100
» » » низшаго » . . . 80
Информатору 50
Расходчику 25
Двумъ поварамъ и двумъ сторожамъ 100

Въ 1799 году, изъ 3,500 р. причиталось жалованья:
Ректору и Учителю Богословія . . . . . 250 руб.
Префекту и Учителю Философіи 175
Учителю Риторики 140
Учителю Піитики 130
Учителю Синтаксимы 120
Учителю Грамматики 100
Информатору 75
Расходчику 30

Въ 1807 году, изъ 7,000 оклада, полагалось:
Ректору, кромѣ Учительскихъ 150
Префекту, кромѣ Учительскихъ 100
Учителямъ:
Богословія, если Настоятель монастыря 350
Философіи, если Настоятель монастыря 250
Риторики 250
Поэзіи 225
Расходчику 50
Служителямъ 100

Замѣч. 1. На жалованье Лѣкарю; въ коемъ Правленіе Семинаріи въ 1807 году не находило нужды, не отдѣлялось ничего, хотя Указомъ Свят. Синода 1798 года полагалось и Семинарскому Врачу производить жалованье.

Замѣч. 2. Изъ жалованья Учителей двухъ высшихъ классовъ, имѣвшихъ за собою монастыри, вычиталась четвертая часть.

Пріемъ учениковъ на казенное содержаніе.

Казенное пособіе оказывалось обыкновенно сиротамъ и бѣднымъ ученикамъ, и то неодинаково. Одни пользовались только казеннымъ помѣщеніемъ и столомъ; такихъ бывало иногда довольно много, напр., въ 1808 году ихъ находилось въ Семинаріи 36. Другіе пользовались всѣмъ казеннымъ. Первые назывались половинно-коштными, послѣдніе полно-коштными. На полное казенное содержаніе принимались самые бѣднѣйшіе ученики, которые не могли жить собственными средствами. Число учениковъ, получавшихъ пособіе отъ казны, зависѣло отъ количества получаемой Семинаріею суммы и величины окладовъ, назначаемыхъ полно-коштнымъ воспитанникамъ; кромѣ того, оно зависѣло и отъ числа нуждавшихся въ полномъ содержаніи. Это число было не одинаково. Въ 1768 году, когда Семинарія въ первый разъ получила изъ казны на свое содержаніе 816 рублей, приказано было отъ Преосвященнаго на казенное содержаніе принять до 30 человѣкъ. Въ 1774 году на казенномъ содержаніи было 21 человѣкъ; въ 1777 году 22 воспитанника. Въ 1779 году, изъ 2,000 р. назначено было употребить собственно на содержаніе бѣдныхъ учениковъ 1,005 рублей. Положено было принять на казенный коштъ изъ высшихъ двухъ классовъ 15 учениковъ, полагая на каждаго по 25 руб. въ годъ, изъ прочихъ классовъ, начиная съ низшаго Латинскаго, 15 человѣкъ, полагая на каждаго по 20 рублей въ годъ. Бѣднымъ ученикамъ Информаторіи опредѣлялось половинное содержаніе противъ послѣднихъ. Въ 1780 году казенно-коштныхъ учениковъ было — Семинаристовъ 30, сиротъ 19. Въ 1785 году на казенномъ содержаніи было изъ высшихъ двухъ классовъ 10 человѣкъ, изъ коихъ на каждаго по-

лагалось по 25 р. въ годъ, и 10 человѣкъ изъ прочихъ кассовъ. На каждаго изъ этѣхъ послѣднихъ полагалось въ годъ по 20 р. Кромѣ того, содержалось на казенномъ коштѣ 20 сиротъ, на каждаго изъ нихъ назначалось по 15 р. въ годъ (До этого времени сироты получали по 10 руб. въ годъ). Въ 1799 году всѣ ученики, пользовавшіеся казеннымъ содержаніемъ, раздѣлены на большихъ и малыхъ. Большихъ полагалось 16: на каждаго изъ нихъ ассигновано было по 35 руб., малыхъ назначено 26 человѣкъ: на каждаго изъ нихъ ассигновано было по 30 р. въ годъ.

Въ 1807 году изъ 7,000 рублей, назначенныхъ на содержаніе Псковской Семинаріи, отдѣлялось собственно на содержаніе 46 казеннокоштныхъ воспитанниковъ 2,300 руб.

Въ 1802 году, при быстромъ возвышеніи цѣнъ на все, эта сумма оказалась недостаточною для содержанія 46 воспитанниковъ, но и денегъ не прибавлялось; по этому положено было уменьшить число казеннокоштныхъ учениковъ, чтобы имѣть возможность увеличить ученическіе оклады. Такъ и сдѣлано. На казенный коштъ принято, вмѣсто 46, 30 учениковъ: 10 большихъ и 20 малыхъ. На каждаго большаго назначено было 40 рублей, а на малаго 3 руб. въ годъ. Какъ ни заботилось мѣстное Начальство обезпечить содержаніе бѣдныхъ учениковъ, за всѣмъ тѣмъ оно ни какъ не могло помочь всѣмъ имъ, по недостаточности средствъ къ этому. Бѣдность Семинаристовъ доходила иногда до крайности. Нѣкоторые изъ нихъ учились, питаясь милостынею. Чтобы помочь такой бѣдности, Указомъ Духовной Консисторіи, отъ 18-го Декабря, 1807 года, приказано было 60 бѣднѣйшихъ своекоштныхъ учениковъ помѣстить въ казенномъ домѣ, безъ всякой платы за то, съ тѣмъ только, чтобы они питались на свой счетъ. Но ученики отказались отъ этой милости Преосвященнаго по разнымъ неудобствамъ. Между тѣмъ, велѣно учениковъ Богословія и Философіи выслать изъ бурсы, такъ какъ они могли пользоваться доходами отъ мѣстъ, зачисленныхъ за ними, а на ихъ мѣста предписано было принять на казенное содержаніе бѣдныхъ учениковъ низшихъ классовъ.

Изъ Гимназій только въ Невельской бывали казенноко̀штные ученики. Въ 1780 году ихъ было 7, въ 1781 г. 6, въ 1784 г. не было ни одного, въ 1787 то же, въ 1793 и 1794 то же.

Помѣщеніе Семинаристовъ.

Семинаристы, какъ и вся Семинарія, помѣщались въ прежнемъ домѣ, выстроенномъ для ней въ 1738 году. Въ 1774 году этотъ домъ сгорѣлъ, во время пожара, начавшагося съ Печерскаго подворья. Въ 1776 году онъ былъ снова возобновленъ, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежняго. На пр., сдѣланъ парадный входъ въ корпусъ въ срединѣ корпуса. Сдѣлана на Семинаріи башня для звонка. Построены вновь три каменные флигеля и въѣздныя ворота. Два флигеля у самыхъ воротъ: одинъ по одну, а другой по другую, сторону воротъ. Въ одномъ была комната съ сѣнями, конюшня на 6 лошадей, каретникъ; а на другой — ледникъ и магазинъ. Третій флигель былъ у самаго корпуса съ боку, къ городской стѣнѣ, для кухни и хлѣбни. Отъ въѣзжихъ воротъ до покоевъ, по ту и другую сторону, сдѣланы были заборы изъ брусьевъ, а у городской каменной стѣны — бревенчатый заборъ съ рѣшетками вверху. Каменныя зданія покрыты желѣзомъ, а прежде они были покрыты тесомъ, и то не вовсе чистыми досками, и всплошь доска на доску. За всю постройку, по контракту, заплачено 7,600 рублей съ матеріялами подрядчика. Подрядчикомъ былъ Соли-Галицкій мѣщанинъ, Петръ Тимоѳеевъ Мачихинъ. Когда производилась постройка, Семинарія помѣщалась въ Тіунской Палатѣ, гдѣ нынѣ находится каменный Архіерейскій домъ на рынкѣ, рядомъ съ новою Консисторіею.

Въ концѣ прошлаго столѣтія сознано было необходимостію сократить, сколько можно, число учениковъ, жившихъ на вольныхъ квартирахъ, потому что это вольное житье было причиною худой жизни многихъ изъ нихъ. По этому предположено было выстроить въ Семинаріи особый флигель для помѣщенія въ немъ своекоштныхъ учениковъ, со взносомъ извѣстнаго числа денегъ за ихъ содержаніе. Постройка такого флигеля и начата была въ 1801 году, на Семинарскомъ дворѣ, близъ городской, средней стѣны. Строился онъ сперва на 2,000 рублей, которыя отпущены были изъ казны, по ходатайству Преосвященнаго Иринея, въ слѣдствіе сдѣланнаго отъ Св. Синода, въ 1798 году, Епархіяльнымъ Архіереямъ спроса о томъ, въ какомъ состояніи находятся старыя Семинарскія зданія, и не настоитъ ли нужда въ какихъ

либо новыхъ постройкахъ.[20] Потомъ, по ходатайству Псковскаго Преосвященнаго, прибавлены были къ той суммѣ, какая упомянута выше, 1,935 рублей, оставшіеся въ Псковской Консисторіи, за упраздненіемъ въ Псковѣ нѣкоторыхъ церквей. Когда оказалось и этого мало, издержаны были всѣ остаточныя Гимназическія деньги и до 4,157 рублей Семинарской остаточной суммы. Не смотря на это, флигель строился долго (въ 1805 году онъ не былъ еще оконченъ) и неудачно, за что Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Венедиктъ, поплатился Ректорствомъ. Этотъ флигель, вмѣстѣ съ Семинарскимъ корпусомъ, перестроенъ въ 1847 году.

Ученики помѣщались по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ. Сироты имѣли отдѣльно отъ другихъ учениковъ помѣщеніе. Для освѣщенія комнатъ выдавались сальныя свѣчи. При этомъ употреблялись подсвѣчники желѣзные и глиняные. Съ 1787 года въ Семинаріи жили ученики и своекоштные, со взносомъ извѣстнаго количества денегъ за содержаніе. Ученики, жившіе въ Семинаріи, назывались Контуберналистами.

Продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ одеждою, пищею и всѣмъ необходимымъ.

Продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ не было, да и не могло быть, богатымъ, какъ по ограниченности средствъ къ тому, такъ и по большему числу нуждавшихся въ казенномъ пособіи. По крайней мѣрѣ, видно, что Начальство старалось сдѣлать для нихъ все, что только могло сдѣлать. Старалось объ удобствѣ ихъ помѣщенія, снабжало ихъ необходимымъ платьемъ и обувью, продовольствовало столомъ, доставляло нужныя учебныя пособія. Выдавалось платье нижнее: рубашки, подштаники, и верхнее, зимнее и лѣтнее. Для зимы выдавали: сапоги съ чулками, шапки съ рукавицами, овчинныя шубы на три года. Для лѣта: башмаки съ чулками, кафтаны изъ горроваго сукна, на три года, съ починкою и переворотною, въ случаѣ нужды, на другую сторону, кушаки изъ каламейки. Такимъ же образомъ выдавалось платье и сиротамъ, только съ нѣкоторымъ отличіемъ отъ Семина-

[20] Дѣло Сем. Арх. за 1798 г.

ристовъ. Въ 1766 году 12-ти большимъ выданы были, между прочимъ, башмаки съ чулками, а 16-ти малымъ безъ чулковъ. Въ 1768 году тоже приказано было учениковъ высшихъ классовъ объокашировать съ нѣкоторою отмѣною отъ младшихъ. Въ 1780 году приказано было для сиротъ употреблять кафтаны изъ сермяжнаго хорошаго сукна — сураго, шубы овчинныя, кушаки, бахилки, чулки, шапки, рукавицы и нѣсколько изъ бѣлья, полагая все на опредѣленное время. Вмѣсто кроватей, велѣно было сдѣлать широкія скамьи съ подголовками, вмѣсто постели — употреблять войлоки, обшитые кругомъ холстомъ. Эти войлоки употреблялись и у большихъ.

Вмѣсто готоваго платья и обуви, иногда выдавали деньгами, тоже съ соблюденіемъ отличія между большими и малыми учениками. За платье, выдаваемое на три года, выдавались и деньги на три года. На обувь выдавалось иногда большимъ по 1 р. 20 к., малымъ — по 80 к. На шапки и рукавицы выдавалось на три года, большимъ по 1 р. 50 к., малымъ — по 1 р. Въ 1780 году большіе на рубашки (на годъ) получили по 1 р. 50 к., малые — по 1 р. 20 к. На лѣтнюю обувь — большіе по 70 к., малые по 50 к. Въ 1798 году выдано было большимъ на лѣтнюю обувь по 80 к., на зимнюю — по 1 р. 20 к.; на рубашки по 1 р. 50 к., на шляпу, кушакъ и войлокъ по 1 р. 57½ коп.

Столъ.

Въ началѣ разсматриваемаго нами времени, продовольствіе учениковъ столомъ совершалось, по прежнему, довольно неопредѣленнымъ образомъ. На пр., въ 1776 году нѣкоторымъ бѣднымъ ученикамъ выдавали или деньгами по 50, или 30, копѣекъ въ мѣсяцъ на хлѣбъ, или по 14 фунтовъ хлѣба въ недѣлю. Въ послѣдствіи, когда окладъ Семинарскій увеличился, эта статья стала принимать болѣе однообразный видъ. Въ 1798 году продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ пищею было такое: каждому казеннокоштному ученику выдавался недѣльный въ 14 фунтовъ хлѣбъ. Кромѣ этого, начиная съ лѣтнихъ вакацій до Рождественскаго поста, по воскресеньямъ, торжественнымъ и двунадесятымъ праздникамъ, приготовлялись для нихъ: холодная студень, по блюду на 7-мь человѣкъ, щи съ свѣжею говядиною, полагая на трехъ человѣкъ по два фунта, а иногда, при дешевизнѣ мяса, подавалось

нѣсколько и баранины. Послѣ же праздника Рождества Христова до вакаціи, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, для щей употреблялась солонина, на трехъ человѣкъ по два фунта, а въ годовые праздники прибавлялось къ столу и по нѣскольку холодной говядины. Въ постные дни, во весь годъ, варились щи съ сухими снѣтками и каша съ постнымъ масломъ, а въ праздничные дни подавалась еще и кашица съ мелкою рыбою, полагая на человѣка по три плотки или мелкихъ окуня.

При этомъ нужно замѣтить, что ежели когда для стола приготовлялось два кушанья, то большіе довольствовались двумя, а малые только однимъ кушаньемъ. То же соблюдалось и при праздничномъ столѣ.

Когда казеннокоштные ученики отправлялись домой, то на пищу въ дорогѣ выдавали имъ деньги. Такъ, въ 1799 году, позволено было отъ Преосвященнаго выдать на дорогу большимъ по 80, а малымъ по 50 к. Больныхъ всѣхъ и содержали и пользовали на казенный счетъ.

Для хлѣба и кваса покупалась рожь, которую мололи сами Семинаристы. Вмѣсто говядины покупался скотъ, который свѣжевали въ Семинаріи.

Въ столовой употреблялась деревянная посуда: блюда, ложки, тарелки, ножи. Въ кухнѣ были: мѣдный котелъ, тяганъ.

Учебныя пособія.

Казеннокоштнымъ ученикамъ оказывалось пособіе и въ ихъ учебныхъ занятіяхъ: имъ выдавали въ безмездное пользованіе учебные книги, бумагу и чернила.

Отчетность по Семинарской экономіи.

Экономическая часть Семинаріи подлежала ревизіи мѣстной Консисторіи и Преосвященнаго. Впрочемъ, порядокъ этой ревизіи былъ не одинаковъ въ разное время. На пр., въ 1779 году перечневыя вѣдомости о суммѣ, израсходованной и остаточной, пред-

ставлялись отъ Ректора Преосвященному по третямъ, а шнуровыя книги въ Консисторію одинъ разъ въ годъ. Въ 1784 году приказано было представлять приходорасходныя Семинарскія книги, для повѣрки въ Консисторію, каждую треть, съ донесеніемъ о послѣдствіяхъ Преосвященному; въ 1793 году однажды въ годъ; въ 1799 году, опять по прошествіи каждой трети, съ донесеніемъ Преосвященному о послѣдующемъ; въ 1802 году опять однажды въ годъ.

Управленіе Семинаріи.

а) Внутреннее.

Внутреннее Управленіе Псковской Духовной Семинаріи до 1798 года было конторское же. По прежнему, въ немъ участвовали: Ректоръ, Префектъ и Расходчикъ. Ректоръ, будучи главнымъ Начальникомъ всѣхъ лицъ, служившихъ при Семинаріи, и всѣхъ частей ея управленія, ближайшимъ образомъ завѣдывалъ частію учебною, Префектъ—нравственною, Расходчикъ—экономическою. При Конторѣ находился особый Письмоводитель. Но въ 1798 г., вмѣсто Конторы, открыто Правленіе, котораго постоянными Членами назначались: Ректоръ, Префектъ и Экономъ.

б) Внѣшнее управленіе.

Внѣшнее управленіе Семинаріи происходило старымъ порядкомъ, то есть, она была въ ближайшемъ завѣдываніи отъ мѣстной Консисторіи и отъ мѣстнаго Преосвященнаго, которымъ, чуть чуть не во все разсматриваемое время, одинъ и былъ Иннокентій Нечаевъ. Этотъ просвѣщенный пастырь, дѣйствительно, неутомимо занимался Семинаріею, не смотря на то, что по все время жилъ въ Петербургѣ, какъ Членъ Св. Синода. Тридцатидѣтнее его управленіе Псковскою Епархіею, въ одномъ этомъ отношеніи, дѣлаетъ его незабвеннымъ для ней. Онъ слѣдилъ за нравственностію учениковъ и Наставниковъ, вводилъ новыя науки, наблюдалъ за ихъ ходомъ и направленіемъ, заботился о лучшемъ образованіи Учителей, назначалъ ихъ на службу, опредѣлялъ предметы и планъ

ихъ занятій, съ неподражаемымъ терпѣніемъ повѣрялъ успѣхи учениковъ, не полагаясь на одинъ отзывъ о нихъ преподавателей, требовалъ къ себѣ сочиненія учениковъ, внимательно пересматривалъ ихъ, дѣлая на нихъ свои замѣтки, не упускалъ изъ виду даже почерка ученическаго письма. Самъ покупалъ въ Петербургѣ книги для учениковъ. Придумывалъ всѣ возможные способы къ обезпеченію ихъ въ содержаніи и принималъ живѣйшее участіе въ употребленіи этѣхъ способовъ: самъ дѣлилъ Семинарскую сумму по статьямъ; указывалъ, какъ лучше повесть ту или другую изъ нихъ; назначалъ жалованье преподавателямъ и оклады ученикамъ; указывалъ, что именно сдѣлать, когда и какъ лучше сдѣлать, для соблюденія экономіи.

Что же касается до Консисторіи, то ея посредство между Преосвященнымъ и Семинаріею и въ это время не болѣе приносило пользы для послѣдней, какъ и прежде. Дѣла замедлялись, распоряженія перепутывались. Консисторія не рѣдко хотѣла одного, Семинарія — другого, а иногда ни та, ни другая ничего не дѣлали, полагаясь одна на другую.

Былъ случай такой: ученикъ уѣхалъ домой, да и жилъ себѣ тамъ покойно. А Консисторія съ Семинаріею и не думали побудить его поспѣшить къ своему дѣлу. Первая полагала, что онъ учится въ Семинаріи, а послѣдняя считала его давно уже опредѣленнымъ на мѣсто. Открывались иногда самыя соблазнительныя столкновенія у Консисторіи съ Ректоромъ Семинаріи. Членами Консисторіи бывали лица, подчиненныя Ректору. Ректоръ, относясь къ Консисторіи по дѣламъ Семинаріи, не могъ забыть, что онъ Начальникъ учебнаго Епархіяльнаго заведенія, самъ Членъ Консисторіи, и при томъ Старшій, что въ средѣ тѣхъ, къ коимъ онъ относится, были его подчиненные. Консисторія не забывала своихъ правъ надъ нимъ; иному же открывался при этомъ и удобный случай поплатиться за что ни будь съ нимъ за училищную службу. Въ Архивѣ Псковской Д. Консисторіи есть и теперь бумаги, показывающія, какъ она судила Ректора Семинаріи, Архимандрита Венедикта, за постройку каменнаго флигеля при Семинаріи. Самъ Преосвященный Иринней не могъ читать ихъ безъ скорби. «Сильно возмущается духъ мой отъ такого нестроенія,» писалъ онъ на одной изъ нихъ.

Святѣйшій Синодъ мало входилъ въ Семинарскія дѣла. Обыкновенно ему посылали каждогодно вѣдомости объ учащихъ и учащихся Семинаріи. Въ 1791 году приказано было такія же вѣдомости каждогодно посылать въ Синодъ и изъ Гимназіи.[18] Въ 1798 году предписано было въ этѣхъ вѣдомостяхъ показывать и то, какъ что преподается въ классахъ.

Съ открытіемъ Духовныхъ Академій началъ подготовляться новый порядокъ Семинарскаго управленія. Назначено было, въ которую изъ нихъ какія Семинаріи должны посылать учениковъ для образованія. Въ 1798 году приказано было въ преподаваніи наукъ сообразоваться съ тѣмъ, какъ онѣ преподаются въ Академіяхъ, и найдено нужнымъ знать послѣднимъ, какъ учатся въ первыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ректору Академіи вмѣнялось въ обязанность быть Совѣтникомъ для тѣхъ Семинарій, которыя поставлены въ ближайшее къ ней отношеніе. Такимъ образомъ стала обозначаться централизація Духовныхъ Училищъ.

Списокъ

Ректоровъ, Префектовъ и Расходчиковъ или Экономовъ, съ 1765 по 1814 годъ.

Ректоры.

1. Дорофей, Святогорскій Архимандритъ. Въ 1768 году переведенъ въ Новгородскую Семинарію, а оттуда въ 1770 году въ Казанскій Свіяжскій монастырь.

2. Стефанъ, Спасо-Мирожскій Игуменъ, до 1774 года.

Варлаамъ (1774—1792), сперва Игуменъ Спасо-Мирожскій, потомъ Архимандритъ Псково-Печерскій. Въ 1792 году Свят. Синодомъ переведенъ Настоятелемъ въ Воскресенскій Ново-Іерусалимскій Ставропигіяльный монастырь.

Петръ, Архимандритъ Авраамиева Смоленскаго Училищнаго монастыря. Уволенъ по болѣзни въ Псково-Печерскій монастырь.

---

[18] Дѣло Сем. Арх. за 1791 г.

Венедиктъ, съ 1799 года.

Игуменъ Іосифъ, исправлявшій должность Ректора, по случаю отбытія Архимандрита Венедикта въ Петербургъ, на чреду священнослуженія.

Префекты.

Стефанъ Іеромонахъ, изъ Тверскихъ Учителей, Спасо-Мирожскій Игуменъ (1766—1774).

Варлаамъ, Спасо-Мирожскій Игуменъ съ 1774 г.

Іустинъ, Спасо-Мирожскій Игуменъ съ 1778 г. Въ 1781 году Свят. Синодомъ назначенъ былъ въ Голштинію, но отказался по болѣзни. Въ 1784 году переведенъ Настоятелемъ въ Бѣлгородскій Николаевскій монастырь.

Адріанъ, Мирожскій Іеромонахъ и Надсмотритель, въ послѣдствіи Игуменъ того же монастыря (съ 1784 г.); уволенъ. Худо велъ себя.

Венедиктъ (съ 1786 г.), учился въ Тверской Семинаріи въ 1770 году.

Адріанъ (въ 1791 году) въ другой разъ.

Исаія, Спасо-Мирожскій Игуменъ. Въ 1796 г. переведенъ Игуменомъ въ Торопецкій Небинъ монастырь.

Венедиктъ, въ другой разъ (1796), изъ Игуменовъ Торопецкаго монастыря.

Петръ Вѣхновскій, въ 1800 году.

Иванъ Троицкій, уволенъ во Священника въ Порховскій соборъ, въ 1803 году.

Іеромонахъ Павелъ въ 1803 году, Настоятель Троице-Сергіева Великолуцкаго монастыря.

Иванъ Лавровъ, въ 1805 году.

Расходчики или Экономы.

До 1781 года Сеніоръ Иванъ Левитовъ.
Въ 1784 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Ѳеодоръ Антиповъ.
Въ 1792 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Андрей Стехновскій.
Съ 1808 года Учитель Синтаксимы Иванъ Вревскій.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Цѣнность вещей, которыя покупались для Семинаріи въ прошедшемъ столѣтіи:

Въ 1779 году

покупались:

Гороху четверть по	3 р. 60 к.
Гречневыхъ крупъ четверикъ по. . . .	30, 40 и 45 к.
Ячныхъ.	35 к.
Пшеницы четверикъ	75
Коровьяго масла фунтъ	8
Палка сургуча	18
Пудъ сальныхъ свѣчей	3 60
Березовыхъ дровъ сажень.	70
Ольховыхъ	65
Сукна аршинъ	1
Корова	3 5
Быкъ	4, 6
Трехсаженная тесовая доска толстая .	24
дюймовая	10
Желѣзный подсвѣчникъ	20
Вылудить мѣдный котелъ большой стоило	70
Овчина.	28

Въ 1780 году.

Капусты покупалось въ Семинарію на 12 р. 65 к.
Рожь по 2 р. 40 к. и по 2 р. 25 к. четверть.
Пудъ соли 35 к. Пудъ свѣчей 3 р. 20 к.
Бумага покупалась 3-хъ сорт.: стопа 1 го сор. 1 р. 40 к.
2-го » 1 р. 60 к.
3-го » 2 р. 40 и 80 к.

ВЫПИСКА

изъ приходо-расходныхъ книгъ Псковской Семинаріи отъ 1779 по 1796 годъ, показывающая количество расхода и остатка по Семинаріи суммъ.

	Приходъ.		Расходъ.		Остатокъ.	
1779 годъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Состояло на лицо къ Сентябрской трети	1478	33	1226	40½	251	92½
1780 годъ . .	2268	86	2266	98½	1	87½
1781 » . .	2018	81½	2017	58	1	23½
1782 » . .	1984	23	1892	73½	91	49½
1783 годъ.						
а) жалованной	1009	99	1009	99		
б) трапезной	565	35	565	35		
в) платейной	128		128			
г) дровяной	308	28	308	28		
д) остаточной на пріумноженіе Библіотеки. . . .	328	16½	307	83½	20	33
И того . .	2339	78½	2319	45½	20	33
1784 годъ.						
а) жалованной	878	33	834	58½	43	74½
б) трапезной	376		369	17¾	6	82¼
в) платейной	81	50	66	25	15	25
г) дровяной	300		241	66½	58	33½
д) остаточной Библіотечной	484	50	16	50¼	467	99¾
И того . .	2120	33	1528	18	592	15

1785 годъ.						
а) жалованной	483	34¼	483	34¼		
б) трапезной	387	90½	227	32¼	160	58¼
в) платейной	149	5	34	25	114	80
г) дровяной	235	20¾	165	63¾	69	57
д) остаточной Библіотечной	361	56¾	139	6	222	50
И того	1617	7¼	1049	62	567	65¼
1786 годъ.						
а) жалованной	725		718	33¼	6	66¾
б) трапезной	510		263	25	246	75
в) платейной	370	5	329	13½	40	91½
г) дровяной	300		267	37½	32	62½
д) остаточной	375		243	95	131	5
И того	2280	5	1822	3¾	458	1¼
1795 годъ.						
а) жалованной	833		833			
б) трапезной	510		493	90	16	10
					передержка	
в) платейной	240		332	21	92	21
г) дровяной	300		277	64	22	36
					передержка	
д) остаточной	67		211	52	144	52
					передержка.	
И того	2000		2148	27	198	27

		Руб.	Коп.
Экономическая сумма съ 1784 по 1792 годъ:			
Остатокъ отъ 1784 года:	а) дровяной суммы	34	60
	б) остаточной	455	8½
	И того	489	68½
Остатокъ отъ 1785 года:	а) дровяной	69	57
	б) остаточной	222	50
	И того	292	7

Остатокъ отъ 1786 года:	а) платейной	40	91
	б) дровяной	32	62½
	в) остаточной	131	5
	И того . .	204	59
Остатокъ отъ 1787 года:	а) трапезной	343	35
	б) платейной	107	31½
	в) дровяной	46	71
	г) остаточной	315	68
	И того . .	813	5½
Остатокъ отъ 1788 года:	а) трапезной	221	73
	б) платейной	146	65
	в) дровяной	122	68
	И того . .	491	6
Остатокъ отъ 1789 года:	а) трапезной	115	33
	б) платейной	20	22
	в) дровяной	53	83
	г) остаточной	346	
	И того . .	535	38
Остатокъ отъ 1790 года:	а) платейной		14
	б) остаточной	170	58
	И того . .	170	72
Остатокъ отъ 1791 года:	а) платейной	60	33
	б) остаточной	296	20
	И того . . .	356	53
А всей экономіи съ 1784 къ 1792 г. состояло на лицо		3353	9
къ 1796 г. состояло на лицо		3258	62

О

НЕОБХОДИМОСТИ УНИЧТОЖЕНІЯ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ,

ОТЪ ПОЛЬШИ ВОЗВРАЩЕННЫХЪ, И ИЗМѢНЕНІИ НЕДОСТАТКОВЪ,

ПРОТИВНЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННОМУ БЛАГОУСТРОЙСТВУ.

Тѣ только постановленія признаются совершенными и достигающими цѣли своей, кои согласны съ основными началами Государственнаго управленія и гражданскими элементами жизни народной. Основываясь на сей неопровержимой истинѣ, предварительно до изданія Свода правъ привилегированныхъ Губерній, должно рѣшить три вопроса:

1. Не противорѣчатъ ли права началамъ политической независимости господствующаго народа? 2. Права сіи достаточны ли для блага областей и сословій, для коихъ они составляются? и 3. Не препятствуютъ ли оныя благосостоянію Государства въ финансовомъ и нравственномъ отношеніяхъ?

Не обращая вниманія на Финляндію, какъ пятно, едва замѣтное въ составѣ колоссальной Россіи, въ пространствѣ сихъ вопросовъ должно разсмотрѣть окончанный, и по сему скоро долженствующій воспринять свое дѣйствіе, Сводъ Остзейскихъ и отъ Польши возвращенныхъ Губерній, важныхъ въ составѣ Государственномъ своею обширностію, народонаселеніемъ и въ особенности враждебностію духа ко всему Русскому.

I. Не противорѣчатъ ли сіи права началамъ политической независимости Государства?

Предварительно до разрѣшенія сего вопроса, должно опредѣлить, кто населяетъ привилегированныя Губерніи, для коихъ составляется Сводъ отдѣльныхъ правъ.

Губерніи, отъ Польши возвращенныя, включая въ сіе число и Литву (Виленскую и Гродненскую Губерніи), составляли древнюю Славянію, однородную въ составѣ племенъ единствомъ Вѣры и началами гражданственности. Съ принятіемъ Великимъ Княземъ Владимиромъ Православнаго Исповѣданія, послѣдовало первое религіозное отдѣленіе Литвы отъ союза Россіи, но она сохранила и народность и систему княженій, преобладавшихъ въ Россіи. Съ утвержденіемъ же въ Литвѣ Римско-Католической Вѣры послѣдовало и религіозное и политическое отпаденіе, но народность чисто Русская осталась неприкосновенною, хотя система правительственная приняла другой характеръ. Литва, сильная единствомъ власти Князей своихъ, присоединила къ себѣ области бѣдствующей Россіи (Губерніи Минскую, Могилевскую, Витебскую, Подольскую, и Волынскую и Бѣлостоцкую Область); но сіе отторженіе, измѣня властителя, не измѣнило порядка властвованія. Всѣ области и сословія не только сохранили во всей чистотѣ Вѣру, языкъ, законы и обычаи своей родины, но доколѣ, Литва не соединялась съ Польскимъ Королевствомъ, не измѣнились въ составныхъ своихъ элементахъ. Съ сего же времени, особенно когда династія Князей Литовскихъ изсякла, Польское Дворянство и, такъ называемая, Шляхта, буйное мятежное сословіе, и Духовенство Католическое, постепенно овладѣли Русскимъ народонаселеніемъ со всѣмъ неистовствомъ фанатизма и безначалія. Но Дворянство и Духовенство, захватившія обширныя помѣстья, были немногочисленны; изрѣдка только остатки бродягъ, чинившіе нападенія на наши предѣлы и многочисленная Панская дворня, селились въ сихъ помѣстьяхъ и городахъ. Съ появленіемъ Польскаго Дворянства водворились и Польскія права; но народъ Русскій, угнетенный, не пользовался ни какими преимуществами: извѣстно, какія ужасныя притѣсненія и неистовства допускало и само производило, такъ называемое, свободное правленіе, чтобы овладѣть понятіями и совѣстію людей мирныхъ и покорныхъ.

Екатерина Великая, возвратя Россіи ея достояніе, желала не только истребить это, но и во всей силѣ возстановила законы Русскіе. Она знала, что однимъ только этимъ средствомъ можно искоренить духъ Польскаго буйства и ненависти къ Россіи; знала, что единство языка и законовъ раждаетъ единство чувствъ и

понятій, безъ коихъ нѣтъ прочности въ существованіи народномъ. Такъ безсмертная, въ высокихъ думахъ о благѣ Имперіи, въ тайномъ Наказѣ, данномъ Генералъ-Губернатору Чернышеву, говоритъ: «Я желаю, чтобы грань иноплеменія исчезла, и древнія области Русскія были Русскими не однимъ именемъ, а душею и сердцемъ.» Ежели бы мысль Великой была поддержана и вполнѣ развита въ послѣдующее время, тогда бы настоящее поколѣніе Польскаго Дворянства слилось съ Русскими и чувствами и понятіями, въ чемъ могутъ удостовѣрить тѣ изъ Поляковъ, кои были воспитаны въ Кадетскихъ Корпусахъ и, забывъ языкъ и права свои, сдѣлались совершенно Русскими.

Сводъ Польскихъ правъ готовъ. Для кого права сіи? — Для нѣсколько тысячъ, которыя бы, для ихъ же блага, для блага Имперіи, должны забыть, что когда либо существовали права, отдѣляющія ихъ отъ Россіи. — Какія права?—Отрывки, безпрестанно напоминающіе имъ о прежнихъ важныхъ преимуществахъ.—Какія послѣдствія отъ изданія сихъ правъ? Тѣ жъ, какія были отъ возстановленія ихъ послѣ смерти Екатерины Великой.—Настоящимъ измѣримъ будущее; поелику происшествія, видимыя въ жизни народовъ, не возникаютъ мгновенно и случайно, а зараждаются отъ предшествующихъ событій. Каждый Полякъ, указывая сыну своему на Сводъ этѣхъ правъ, скажетъ: «Вотъ обломки нашей народной независимости, похищенные у насъ Русскими!» И этѣ слова не падутъ втунѣ. При первой возможности приближенія враговъ къ предѣламъ Россіи вспыхнетъ пламя бунта, и кровію Русскаго должно будетъ погасить его: такъ было въ 1812 году, 1830 и 1831 годахъ, такъ будетъ при первомъ удобномъ случаѣ. Этѣ кровавыя сцены да не получатъ страницъ Исторіи Вашего Величества! Государь! возвратите достояніе Россіи чисто, неукоризненно, какъ возвратила его Екатерина Великая; силою души Вашей, коею гордимся мы, сплавте разнородныя чувства, желанія и понятія въ одно цѣлое, прекрасное, великое чувство любви къ Русскому, съ коимъ неразрывна любовь къ непоколебимости и славѣ Престола! Конечно, и уничтоженіе правъ, введеніе нашихъ законовъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, принесетъ счастливыя послѣдствія чрезъ 50 лѣтъ; но мысль Государственная должна жить за предѣлами гроба и настоящимъ

опредѣлять будущее въ жизни народной. Самое географическое положеніе Губерній, отъ Польши возвращенныхъ, такъ сказать, опоясывающихъ всю почти Европейскую границу Имперіи враждебнымъ для нея духомъ, вкорененнымъ долговременною борьбою Польши съ Россіею о первенствѣ народномъ, указываетъ необходимость рѣшительными мѣрами прекратить всякую надежду, которая, со дня кончины Екатерины Великой, наполняетъ сердце каждаго Поляка.

Напротивъ, существованіе отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ Остзейскихъ, не принося ни какого вреда Государству ни въ географическомъ, ни въ политическомъ отношеніи, составляетъ источникъ ихъ благосостоянія.

Остзейскія Губерніи почти никогда не имѣли счастливой самобытности; при самомъ возрожденіи своемъ стѣсненныя сильными Государствами, онѣ безпрестанно должны были искать покровителей, и только подъ щитомъ Россіи обрѣли прочное спокойствіе. Остзейскія Губерніи никогда Россіи не оставляли ни по происхожденію, ни по управленію: въ нихъ все отдѣльно, все самобытно; всѣ состоянія, отъ богатѣйшаго владѣльца до послѣдняго ремесленника и земледѣльца, происхожденія намъ чуждаго, Вѣры, нравовъ, обычаевъ и гражданственности отдѣльной; слѣдовательно, въ нихъ права, распространяся на всѣ состоянія, не тяготятъ господствующаго народа какъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, гдѣ на сто человѣкъ Русскаго происхожденія десять Польскихъ пришельцевъ.

Конечно, есть до невѣроятности старанныя преимущества въ Остзейскихъ Губерніяхъ, особенно въ Ригѣ, изданныя во дни непримиримой вражды съ древнею Русью, преимущества, стѣсняющія торговлю и благосостояніе прилегающихъ къ нимъ Русскихъ Губерній и несовмѣстныя съ началами Государственнаго благоустройства; но, оставя даже и сіи права неприкосновенными, не причинится того пагубнаго, окрыто и безпрестанно, подобно гидрѣ, возраждающагося, зла, кое кроется въ существованіи права въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ. Впрочемъ, нельзя повѣрить, чтобы многія преимущества Остзейскихъ Губерніи были вполнѣ сохранены. Это было бы противно достоинству Рос-

сіи и ея политической самобытности. Екатерина Великая, желая согласить несообразность нѣкоторыхъ правъ въ Остзейскихъ Губерніяхъ, ввела въ оныя во всей силѣ Учрежденія Губерній и Городовое Положеніе, которое, одинаково развивая ремесла и торговлю во всѣхъ сословіяхъ и частяхъ Имперіи, заключаетъ въ себѣ источникъ благотостоянія городовъ и селъ.

II. Сіи права достаточны ли для блага тѣхъ областей и сословій, для коихъ составляются?

Главное различіе между Русскими гражданскими законами и существующими въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, суть: 1) Особенность раздѣла имѣній между братьями и сестрами. По Русскимъ законамъ сестры получаютъ изъ недвижимаго 14-ю часть, изъ движимаго 8-ю часть; по Польскимъ, изъ имѣнія матери равную съ братьями; изъ имѣнія отца 4-ю часть противу братьевъ; 2) при взысканіи долговъ, по Русскимъ законамъ, имѣніе продается съ публичнаго торга, по Польскимъ, раздѣляется во временное владѣніе кредиторовъ, и 3) особенные виды Гражданскаго судопроизводства.

Совершенство устройства Гражданскихъ обществъ составляетъ согласіе всѣхъ родовъ законодательства съ главною или, такъ сказать, верховною силою, двигающею Государствомъ. Эта верховная сила называется правленіемъ, которая, по стеченію различныхъ случаевъ, имѣетъ особыя формы, съ коими должны согласоваться всѣ роды и виды законодательства.

а) О порядкѣ раздѣла имуществъ.

Раздѣлъ имуществъ есть законъ гражданскій, но въ немъ таятся начала политическаго устройства обществъ; по сему-то законодатели древнихъ Республикъ старались уравнять имущества между гражданами, дабы сіе равенство служило подпорою ихъ правленія; на семъ же основаніи и Польскіе республиканскіе законы старались раздроблять имущества, дабы симъ поддерживать духъ свободы, несовмѣстный съ Монархическимъ правленіемъ. Отъ чего произошелъ этотъ многочисленный и мятежный классъ,

называемый Шляхтою, какъ не отъ излишняго раздробленія имуществъ?—Напротивъ Монархическое правленіе требуетъ, для прочности своего существованія, большой неровности имуществъ, чтобы чрезъ сіе главные роды могли служить подпорою Престола. Изъ сего можно видѣть, что раздѣлъ имуществъ, по законамъ Русскимъ, основанъ на началахъ Монархическаго правленія, по законамъ Польскимъ — на началахъ Республиканскаго. Конечно, сынъ и дочь для чувства родителей равны, но законы и даже ощущенія гражданина должны жертвовать всѣмъ прежде для блага Государственнаго, потомъ уже заботиться о счастіи семейства, и что останется отъ сихъ чувствъ, предоставить прочему человѣчеству. Другое весьма важное обстоятельство дѣлаетъ законы Русскіе превосходнѣе Польскихъ, а именно: семейное устройство. Солонъ постановилъ, чтобы Аѳиняне за дочерьми своими давали только по нѣсколько паръ платья, полагая, чрезъ сіе, что тѣмъ менѣе состояніе женщины, тѣмъ необходимѣе привязанность къ мужу, тѣмъ непоколебимѣе чувство нравственности; ибо мысль о невозможности отдѣльнаго существованія останавливаетъ развратъ, и чрезъ сіе укрѣпляетъ семейныя добродѣтели. Безъ нравственности женщина составляетъ несчастіе не однихъ семействъ, но и Государствъ, поелику раждаетъ безнравственныхъ гражданъ, буйную и на всѣ преступленія готовую толпу негодяевъ. Лакенемонянки справедливо говорили, что онѣ однѣ производятъ гражданъ; ибо чувство и примѣръ матери образуютъ форму, въ которую выливаются наши первоначальныя ощущенія и понятія, на коихъ основываются поступки возмужалой нашей жизни.

б) Порядокъ взысканія долговъ.

Раздѣленіе имѣній между кредиторами служитъ причиною совершеннаго разоренія сихъ имѣній; ибо временные владѣльцы, стараясь выручить не только капиталъ, имъ принадлежащій, но и получить прибыль, употребляютъ всѣ средства, дабы выжать изъ имѣнія всѣ соки; отъ сего имѣнія, бывшія въ реквизиціи, не имѣютъ ни какой цѣнности, крестьяне въ нищетѣ и земля въ истощаніи такъ, что десятки лѣтъ и значительныя суммы потребны для ихъ поправленія.

Сверхъ сихъ причинъ, излишнее раздѣленіе имуществъ препятствуетъ народному благосостоянію и въ видахъ Государственной экономіи; ибо, производя раздробленіе капиталовъ и труда, отнимаетъ средства къ улучшеніямъ, требующимъ сосредоточенія и труда и капиталовъ. Франція, занимая лучшую часть Европы, по климату и производительнымъ силамъ земли, далеко отстаетъ въ благосостояніи даже противъ болотистой Голландіи, поелику во Франціи 10 милліоновъ владѣльцевъ земли, а жителей только 36 милліоновъ. Эта же причина усугубляетъ духъ буйства и безпорядковъ въ семъ несчастномъ Государствѣ.

в) Особенные виды судопроизводства.

Особенные виды судопроизводства въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, проистекаютъ отъ участія въ оныхъ Адвокатовъ. Но надо предварительно рѣшить вопросъ: гдѣ полезны, даже необходимы, Адвокаты при судопроизводствѣ? Адвокаты необходимы въ открытыхъ судопроизводствахъ и при гласности суда, гдѣ они, такъ сказать, подъ надзоромъ общественнаго мнѣнія, которое есть ихъ судья и каратель; напротивъ въ сихъ Губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни открытаго судопроизводства, ни гласности, они причиняютъ величайшій вредъ; тамъ ябеда, именно происходящая отъ адвокатовъ, разорила всѣ сословія и до такой степени запутала дѣла и судопроизводство, что 20 лѣтъ продолжаются тяжбы только для того, чтобы узнать, какимъ образомъ начать процессъ. Въ сихъ Губерніяхъ нѣтъ, и не можетъ быть, миролюбиваго окончанія дѣлъ, какъ часто у насъ бываетъ; поелику сіе противно выгодамъ Адвокатовъ; по чему тяжба, возникая отъ ничтожныхъ случаевъ, всегда оканчивается разореніемъ спорющихся сторонъ. Эти причины побудили Дворянство Бѣлорусскихъ Губерній просить о введеніи въ оныхъ законовъ Русскихъ, съ коими начинаетъ водворяться и лучшій порядокъ.

Въ заключеніе всего сказаннаго о Гражданскихъ законахъ Губерній, отъ Польши возвращенныхъ, должно присовокупить, что оные въ теченіи полувѣка, остановясь въ своемъ развитіи, представляютъ важные недостатки, временемъ и опытностію изглаженные въ законодательствѣ Русскомъ. Наше законодательство исполинскими шагами идетъ къ совершенству, Польское остановя-

лось. Ежели мы и встрѣчаемъ нѣкоторыя исправленія, такъ это не что иное, какъ новыя заплатки на ветхомъ Польскомъ рубищѣ, чрезъ которое видна Русская народная одежда, и это рубище называютъ отдѣльными правами.

III. Не препятствуютъ ли сіи права благосостоянію Государства въ финансовомъ и нравственномъ отношеніи?

Ежели странно, что свободное винокуреніе и продажа вина составляютъ права Финляндіи, Остзейскихъ и отъ Польши возвращенныхъ Губерній, тогда какъ это же право винокуренія и гораздо въ тѣснѣйшемъ смыслѣ отнято у Русскихъ (въ 1816 г.), которые кровію своею пріобрѣли и возвратили сіи Губерніи, то еще страннѣе существованіе сего права, когда оно, лишая Государство важнаго дохода, служитъ источникомъ разврата и бѣдности въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и умноженія преступленій. За право винокуренія и свободной продажи вина взимается по два рубля съ души; полагая 8 милліоновъ, подверженныхъ сей повинности, составитъ 16 милліоновъ дохода, тогда какъ учрежденіемъ откуповъ, на правилахъ существующихъ въ Великороссійскихъ Губерніяхъ, Правительство получитъ, по меньшей мѣрѣ, 60 милліоновъ; слѣдовательно, оно теряетъ 44 милліона дохода, который могъ бы быть употребленъ съ пользою для Государства. Но ежели бы еще отъ сей траты проистекла польза отъ сихъ Губерній; въ такомъ случаѣ она вознаградилась бы благосостояніемъ подданныхъ. Напротивъ, сія трата служитъ источникомъ безнравственности и нищеты; ибо пьянство въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, достигнувъ въ низшихъ сословіяхъ до высочайшей степени, поглощаетъ весь трудъ земледѣльца и ремесленника; хлѣбъ на корню, произведеніе искуства, еще не начинаемое, закладываются въ шинкахъ, и семейства на цѣлый годъ лишаются обычнаго пропитанія.

Недостаточно сего: владѣльцы вынуждаютъ продавать уцѣлѣвшій хлѣбъ себѣ, или Жидамъ, содержащимъ у нихъ корчмы для усиленія винокуренія. Ужасная бѣдность, повсюду видимая въ сихъ Губерніяхъ, есть слѣдствіе пьянства, а пьянство слѣдствіе—свободнаго винокуренія и продажи вина, которое до крайности дешево, на каждомъ шагу льется обильно и поглощаетъ благосостояніе милліоновъ, для выгодъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Напротивъ, нрав-

ственность и трудолюбіе оживляютъ села Великороссійскихъ Губерній, и только въ тѣхъ изъ нихъ замѣтно пьянство, посреди коихъ устроены кабаки. Продажа вина есть зло, но зло необходимое, и ежели Правительство допускаетъ оное, то обязано заботиться, чтобъ сіе зло не было повсемѣстно и гибельно для поддаанныхъ. Сверхъ сего, въ однѣхъ Губерніяхъ свободная, въ другихъ запретительная, система продажи вина производитъ многочисленныя преступленія и убійства. Тюрьмы пограничныхъ городовъ съ Финляндіею, съ Остзейскими и отъ Польши возвращенными Губерніями, наполнены корчемниками; ихъ дерзость доходитъ до того, что они сотнями съ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ вступаютъ въ драку не только съ откупщиками, но съ воинскими командами. Это случается весьма часто на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ внутри Государства благоустроеннаго, которое закономъ преслѣдуетъ подобныхъ корчемниковъ, какъ бунтовщиковъ, само же своими учрежденіями производя и преступленіе и преступниковъ, которые безъ сего были мирными и полезными гражданами.

И такъ, пройдя по всѣмъ ступенямъ Государственнаго устройства, встрѣчаемъ одинъ вредъ въ существованіи какихъ либо отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и не рѣдко противорѣчія въ дѣйствіяхъ Правительства. Всѣ учрежденія и намѣренія Вашего Императорскаго Величества, подобно намѣреніямъ Екатерины Великой, клонятся къ уничтоженію вредной для Имперіи самобытности Польской; по Вашей волѣ уничтожается самое преподаваніе Польскаго языка даже въ Польскихъ Училищахъ, а между тѣмъ составляется Сводъ отдѣльныхъ правъ, которыя уже по одному наименованію предполагаютъ отдѣльную самобытность народа. Странно, и даже непонятно, что въ одномъ и томъ же Государствѣ, по одному и тому же предмету, противорѣчащія начала и дѣйствія, и это, къ несчастію, производится по всѣмъ частямъ Государственнаго управленія. Сей предметъ такъ важенъ для прочнаго блага Имперіи, что нельзя оставить его безъ разсмотрѣнія.

Причины сему мы должны искать въ томъ, что устройство частей, послѣдующихъ за верховною властію, несогласно съ основными началами Русскаго правленія. Учрежденіе Министерствъ въ томъ видѣ, какой данъ имъ у насъ, есть величайшій вредъ для

Имперіи. Каждый образъ правленія имѣетъ свои начала, съ коими должны согласоваться всѣ части управленія. У насъ правленіе Монархическое, а устройство Министерствъ основано на началахъ Конституціоннаго правленія. Въ Конституціонныхъ правленіяхъ, гдѣ законодательная и блюстительная власть въ рукахъ народа, а исполнительная принадлежитъ Государю, Министры составляютъ необходимую часть управленія: они посредники между Монархомъ и народомъ, такъ сказать, отвѣтственныя лица, избираемыя первымъ, подверженныя наблюденію и суду послѣдняго, не могутъ и не смѣютъ нарушать законовъ, тѣмъ менѣе дѣйствовать произвольно. Въ Монархическихъ правленіяхъ, гдѣ цѣлая жизнь народа заключается въ волѣ Монарха, опасно для Монарха и вредно для Государства сосредоточивать исполнительную и блюстительную власти въ однихъ и тѣхъ же лицахъ; ибо сіи лица, по свойству Монархическаго правленія, пріобрѣтая неограниченную власть по своему управленію, дѣйствуютъ внѣ закона и, будучи сами представители и судьи своихъ поступковъ предъ лицемъ Монарха, превращаютъ власть въ орудіе произвола, нарушаютъ не только временные, но и коренные законы Государства. Сверхъ сего, каждое изъ сихъ лицъ старается выйти изъ общей организаціи и быть самобытнымъ, и чрезъ сіе, разстроивая весь механизмъ Государственнаго управленія, причиняетъ вредъ собственному своему управленію.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ надо искать благоустройства сообразно съ потребностію Государства и основными началами его правленія, должно обратиться къ постановленіямъ Петра и Екатерины Великихъ, и тѣ только законы новѣйшихъ временъ превосходны, кои, въ большемъ объемѣ развивая гражданственность, основаны на началахъ, ими данныхъ. Такъ геній Петра, постигнувъ высокія истины Монархическаго правленія, говоритъ: «Возможно ли одному человѣку усмотрѣть? Во истину, не точію человѣку, ниже Ангелу. Но нынѣ, по окончаніи устройства воинскаго, милосердуя о народѣ и о земскомъ гражданскомъ справедливомъ правленіи, чего ради учинены Коллегіи, т. е., собранія многихъ персонъ (вмѣсто Приказовъ, кои были подвѣдомы одному Боярину, подобно нынѣшнимъ Министрамъ), въ которыхъ Президенты не такую имѣютъ власть, какъ старые судьи дѣлали,

«что хотѣли. Въ Коллегіяхъ же Президентъ не можетъ безъ со-«изволенія товарищей своихъ ничего сдѣлать.»

Вообще въ Монархическомъ правленіи устройство должно быть коллегіяльное, т. е., совѣщательное; отъ сего власть, сообщенная Монархомъ не лицу, а мѣсту, составленному изъ многихъ лицъ, неуклонно идетъ по общимъ началамъ Государственныхъ постановленій и не измѣняетъ законы произволомъ. При коллегіяльномъ устройствѣ Министерствъ, поелику не только каждый Министръ, но каждый Директоръ Департамента, измѣняя дѣйствія своего предшественника, даетъ ходъ своему управленію, согласно съ своими о немъ понятіями, вотъ по чему у насъ нѣтъ единства въ дѣйствіи, твердости въ исполненіи, самыя превосходныя намѣренія и учрежденія гибнутъ, не достигая своей цѣли, или подрываются дѣйствіями другаго, равно сильнаго, лица и мѣста, не по намѣренію причинить вредъ Государству, но отъ невнимательности, недальновидности и всего болѣе отъ незнанія намѣреній въ дѣйствіи другихъ лицъ и мѣстъ, отъ чего мы часто видимъ, что по одному и тому же предмету, въ теченіи нѣсколькихъ дней, двѣ отдѣльныя власти объявляютъ Высочайшія повелѣнія, одно другому противорѣчащія. Весь сей безпорядокъ въ управленіи, сверхъ неправильнаго образованія Министерствъ, происходитъ отъ неимѣнія точки, гдѣ бы соединялось наблюденіе за общимъ ходомъ управленія, гдѣ бы дѣйству разнородныхъ частей давалось единство въ движеніи, твердость въ исполненіи. Всякое Правительство имѣетъ три власти: законодательную, исполнительную и блюстительную. Въ Монархическомъ правленіи всѣ власти сосредоточиваются въ лицѣ Монарха, отъ него уже ввѣряются по слѣдующимъ властямъ, изъ коихъ законодательная и блюстительная должны возвращаться къ своему началу. У насъ законодательная власть предоставлена Государственному Совѣту, но и Комитетъ Министерствъ, и Первый Департаментъ Сената, и каждый Министръ, издаютъ постановленія, не рѣдко противорѣчащія и началамъ Государственнаго устройства, и началамъ законодательной мысли, принятой Государственнымъ Совѣтомъ. Исполнительная часть, ввѣренная Министрамъ, какъ видѣли выше, на началахъ, противныхъ Монархическому управленію. Блюстительной же власти не существуетъ, хотя она столько же важна, какъ и законода-

тельная. По учрежденіямъ Петра Великаго, законодательная и блюстительная власть принадлежали Сенату. Императрица Екатерина I-я, учредя Верховный Сенатъ, предоставила оному власть блюстительную. Императрица Анна Іоанновна власть сію передала Кабинету. Императрица Елисавета Петровна опять сосредоточила оную въ Сенатъ. Съ учрежденіемъ Министерствъ и Государственнаго Совѣта, Сенатъ остался мѣстомъ, гдѣ обнародываются и хранятся законы и разбираются тяжбы. Комитетъ Министровъ есть мѣсто совѣщательное для Министровъ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть блюстителемъ, поелику противно здравому разсудку, чтобы исполнители вмѣстѣ были и блюстители за своими поступками. Императоръ Александръ I-й, въ послѣднее время своего царствованія, чувствовалъ недостатокъ своего учрежденія, по чему, съ одной стороны, старался уменьшить власть Министровъ, съ другой установить наблюденіе за ихъ дѣйствіями, сосредоточа въ одномъ власть блюстительнаго управленія, но и сіе не принесло ни какой пользы.

Для блага Имперіи, предполагая, съ одной стороны, образованіе Министерствъ на коллегіяльныхъ началахъ, Петромъ Великимъ данныхъ, т. е., всѣ дѣла, подлежащія сужденію и разсмотрѣнію Коллегіи или Совѣту Министерства, и чтобъ власть Министра не могла дѣйствовать вопреки Совѣта, съ другой составить блюстительное управленіе, нѣтъ ничего лучше, какъ предоставить его Первому Департаменту Сената, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Прокурора, съ коимъ слить Комитетъ Министровъ и окончательное разбирательство тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, нынѣ принадлежащихъ Государственному Совѣту, коему должна подлежать во всемъ пространствѣ одна часть законодательная. За тѣмъ изъ прочихъ Департаментовъ Сената составить Судебный Сенатъ, подъ вѣдѣніемъ Министра Юстиціи. Само собою разумѣется, что представленія о новыхъ учрежденіяхъ и объ измѣненіи старыхъ уставовъ, возникая въ Министерствахъ, должны проходить въ Государственный Совѣтъ чрезъ Правительствующій Сенатъ, въ коемъ Министры не должны присутствовать, поелику еще Петръ Великій замѣтилъ, что Президенты Коллегій, какъ имѣющіе въ вѣдѣніи своемъ исполнительную часть, участіемъ въ наблюденіи разстроивали порядокъ управленія.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ РОССІИ

(1830 года).

Всеавгустѣйшій Монархъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ обозрѣніи моемъ внутренняго состоянія Россійской Имперіи, повергнутомъ предъ стопами Вашего Императорскаго Величества въ 1826 году, въ словахъ: «Польша подняла знамя не«зависимости при вторженіи Наполеона, и вторично, буде сохра«нитъ свои преимущества, подниметъ его при первомъ удобномъ «случаѣ,» — нѣкоторымъ образомъ предузнано настоящее гнусное вѣроломство сего народа. Ибо, Государь, грядущія событія доступны наблюдательности человѣческой, и ясный взоръ на сцѣпленіе дѣйствій и учрежденій Правительственныхъ, на свойства и отношенія народовъ и на ходъ понятій времени, можетъ близко опредѣлить будущее въ жизни Государствъ, можетъ показать ихъ успѣхи и неудачи на поприщѣ политическаго бытія и гражданской дѣятельности.

Правленіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, величественно отразясь въ дѣлахъ настоящаго времени и озаря блескомъ новой славы землю Русскую, ручается за твердость и мудрость мѣръ, принятыхъ для уничтоженія зла въ самомъ его зародышѣ. Но Провидѣніе иногда испытываетъ сильныхъ міра, дабы возвеличить ихъ въ послѣдствіи.

Не тщеславіе, а пламенная, безпредѣльная, съ другими чувствами, преданность къ пользѣ Государственной, желаніе долго-

временнаго существованія и блага Отечеству, на коемъ основана и съ коимъ сопряжена непоколебимость Престола, даютъ мнѣ смѣлость, съ прежнею откровенностію предъ лицемъ Вашего Императорскаго Величества, изображеніемъ настоящаго открыть картину будущаго.

Екатерина Великая, возвратя Россіи ея достояніе, дала присоединеннымъ отъ Польши областямъ устройство, общее съ прочими частями Государства, и въ тайномъ Наказѣ своемъ Генералъ-Прокурору изъявила волю, «чтобы грань инородія исчезла и завоеванныя Губерніи слились съ Россіею, древнимъ ихъ Отечествомъ, языкомъ, вѣрою, нравами и обычаями.» Но со смертію Великой умерла и сія мудрая мысль, основанная на точныхъ и непреложныхъ истинахъ Государственнаго благоустройства. Польскія Губерніи получили всѣ права свои, всѣ прежнія учрежденія, изданныя при Корольяхъ на мятежныхъ Сеймахъ. Что же было плодомъ сей милости? Возстаніе Польши 1812 года! Дворянство сего края, одно сохраняя старыя преимущества (ибо прочія состоянія, почти всѣ говорящія Русскимъ языкомъ и исповѣдающія Русскую Вѣру, стѣснены сими преимуществами), не служа нигдѣ, выбираютъ сами себя въ важнѣйшія Губернскія должности, и даже, не имѣя ни какого чина, а бывъ Маршалами, назначаются Губернаторами, и до сихъ поръ мы видимъ обличенныхъ и подозрѣваемыхъ въ приверженности къ Наполеону, во время его вторженія, занимающихъ сіи мѣста. Но милости Государей нашихъ не могутъ заставить сихъ, нѣкогда самовластныхъ, магнатовъ любить Россію и ея Правителей. Напротивъ, они, пользуясь частію мятежныхъ правъ своихъ, питаютъ явную ненависть ко всему Русскому, мыслятъ о возстановленіи Польскаго народа; эта надежда, рожденная отдѣльными правами Польскихъ Губерній, усилилась съ возстановленіемъ Царства Польскаго. Золото Русское устроило благосостояніе сего Царства, когда слѣды глубокихъ разореній, причиненныхъ и Наполеономъ и Поляками въ нѣдрахъ Государства, остались неприкосновенными. Смоленскъ въ пеплѣ и развалинахъ стоялъ до царствованія Вашего Императорскаго Величества, а города и села Царства Польскаго устраивались и цѣли изобиліемъ. Я изображаю сіе въ доказательство, что ни какія благодѣянія не въ силахъ истребить ненависти, цѣлыя

вѣка существующей между Россіею и Польшею; она исчезнетъ вмѣстѣ съ совершеннымъ перерожденіемъ того, или другаго, народа. Сіе перерожденіе въ рукахъ Вашего Императорскаго Величества.

Декабря 14-ое обнаружило нить замысловъ, въ Польшѣ таящихся; но милосердіе Ваше, Государь, оставило неприкосновеннымъ Уставъ сего народа. Вы изливаете на него милости вездѣ и во всѣхъ случаяхъ, и что слѣдствіемъ сихъ благотвореній, Всемилостивѣйшій Государь? Не льзя повѣрить, чтобы настоящее событіе было дѣйствіемъ минутнаго порыва необузданныхъ страстей, или одного вліянія другихъ народовъ. Нѣты въ семъ должно искать обдуманныхъ, долговременныхъ усилій и приготовленій, можетъ быть, пустившихъ корень свой и во всѣхъ областяхъ, прежде Польшѣ принадлежавшихъ. Такъ должно заключать по вѣроятіямъ ума и по сцѣпленію обстоятельствъ. Мѣры, принятыя по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, задушатъ гидру при ея возрожденіи. Поляки, послѣ тяжкой борьбы, уступятъ силѣ, покажутъ смиреніе; но, буде Польша сохранитъ устройство и права свои, они затаятъ надежду на будущее возрожденіе, будутъ осторожно и во мракѣ питать духъ крамолы, можетъ быть, постараются сію заразу внести въ нѣдра Россіи, дабы потрясти ея могущество, и опять, при удобномъ случаѣ, особенно при приближеніи враговъ, поднимутъ знамя бунта. Для блага милліоновъ, Провидѣніемъ ввѣренныхъ Вашему Императорскому Величеству, для спокойствія будущихъ поколѣній (ибо мысль Государственная должна жить и за предѣлами гроба), необходимо постепенно привести въ исполненіе намѣреніе Великой Екатерины, заключающееся въ слѣдующемъ:

1. Уничтожить Конституцію и самое имя Царства Польскаго, раздѣля оное на Губерніи, на основаніи правилъ, изданныхъ для нихъ Екатериною Великою, введя сіе устройство въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ и въ Губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ.

2. Поставить правителей Губерній исключительно Русскихъ, но не воспитанниковъ иноземныхъ, благоразум-

ныхъ, добрыхъ, безкорыстныхъ, дабы они сами чувствовали и точнымъ исполненіемъ законовъ пріобрѣли отъ Поляковъ привязанность и любовь къ учрежденіямъ Русскимъ.

3. Уничтожить права Дворянства Польскаго, могущаго, не служа Государству, пользоваться оными и быть избираему. Напротивъ, постановить, что сынъ не служившаго въ военной, или гражданской, службѣ офицеромъ, не есть дворянинъ.

4. Въ службу же принимать только воспитанныхъ въ Русскихъ училищахъ и Университетахъ, подобно какъ постановлено сіе въ Австріи; ибо все почти Дворянство Польское, получая образованіе во Франціи и отъ Французовъ, питаетъ въ душѣ своей развратъ и ненависть къ Россіи.

5. Училища во всей Польшѣ учредить Русскія и преподавать въ оныхъ науки на Русскомъ языкѣ.

6. Судопроизводство производить въ Губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, по правамъ Русскимъ и на языкѣ Русскомъ; въ Губерніяхъ же, составленныхъ изъ Царства Польскаго, ввести сіе чрезъ 10-ть лѣтъ.

7. Поляковъ, обличенныхъ нынѣ въ мятежѣ, всѣхъ безъ исключенія, кои не подвергнутся наказанію, дворянъ и другаго званія людей, поселить въ Сибири, на Кавказѣ, въ Олонецкой, Архангельской и Оренбургской Губерніяхъ. Прочимъ же предоставить или присягнуть на подданство, или выѣхать изъ Царства Польскаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, продавъ все имущество; но оставшихся и подозрительныхъ переселить въ Сѣверныя и Восточныя Губерніи.

8. Раздачу земель производить въ Царствѣ Польскомъ однимъ Русскимъ, поставя въ непремѣнную обязанность Правительства, дабы въ теченіи 10 лѣтъ было переселено Русскихъ крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и дворянъ, по крайней мѣрѣ, 50,000 семействъ; первое сословіе перевести изъ малоземельныхъ Губерній, послѣднимъ дать права, могущія побудить ихъ къ переселенію.

9. Учредить въ приличныхъ мѣстахъ крѣпости, не дозволяя въ оныхъ жить никому, кромѣ Русскихъ.

Сіи мѣры почти на одинакомъ основаніи были пріемлемы Царями Іоанномъ Великимъ и Грознымъ, мудрымъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ Финляндіи старой Петромъ Великимъ и въ Польшѣ Екатериною Великою, и ими-то сіи безсмертные Правители усвоивали Россіи свои пріобрѣтенія, и Государство, составленное изъ разноплеменныхъ народовъ, отличалось единодушіемъ и преданностію къ Монархамъ и общему благу, не потрясенному во дни междуцарствія и междоусобій.

Не знаю, какой духъ, враждующій счастію земли Русской, вложилъ мысль, вмѣсто твердаго оплота на рубежахъ Имперіи, окружить оную областями на правахъ отдѣльныхъ; слѣдовательно, дать имъ возможность вредить Россіи, чуждой для нихъ не только понятіями, языкомъ и обычаями, но даже устройствомъ правительства. Во всѣ вѣки всѣ народы старались изгладить сіи различія, дабы, общимъ направленіемъ умовъ и дѣйствій человѣческихъ, скрѣпить составъ общественный.

На сѣверѣ Имперіи, подобно Польшѣ, находится Княжество Финляндское, душею преданное Швеціи, которая, можетъ быть, старается поддерживать сію связь тайными средствами. Это простительно слабому существу, такъ сказать, лежащему подъ пятою исполина. Швеція не дерзнетъ на борьбу отдѣльную; но кто можетъ ручаться за будущее? Кто можетъ сказать, что, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, не запылаетъ война на разныхъ предѣлахъ Государства? Тогда сіи передовые для враговъ притоны облегчатъ имъ борьбу, тѣмъ болѣе, что Россія, могущая противустать открытой силѣ Европы и Азіи, мало доселѣ заботилась о мѣрахъ тайнаго сопротивленія, которое не рѣдко доставляетъ торжество слабѣйшему.

Остзейскихъ Губерній города и сословія, подобно Польскимъ Губерніямъ, имѣютъ особенныя преимущества, данныя имъ республиканскимъ прежнихъ лѣтъ правленіемъ. Всемилостивѣйшій Государь! Тамъ не можетъ быть благоустройства, гдѣ управленіе частей Государственнаго тѣла не основано на коренныхъ законахъ.

Составъ Государственный долженъ двигаться одною мыслію, скрѣпляться однимъ устройствомъ, иначе разрушается гармонія цѣлаго. Но и нынѣ составляются Своды отдѣльныхъ правъ Остзейскихъ и Польскихъ городовъ и сословій, какъ будто недостаточно для ихъ блага правъ городовъ и сословій Русскаго народа, или обратно; будто Русскій народъ недостоинъ лучшихъ постановленій, которыя признаются необходимыми для блага завоёванныхъ областей! Даже воспрещено, 1808 года, переселять крестьянъ изъ Великороссійскихъ Губерній въ Литовскія, не для того ли, чтобы Поляки могли свободнѣе исполнять свои замыслы, и чтобы Россія не имѣла тамъ людей, въ вѣрности коихъ могла быть увѣрена?

Русская кровь льется въ войнахъ тяжкихъ и отдаленныхъ, а Поляки и Финляндцы, подъ кровомъ своихъ конституцій, умножаются, богатѣютъ въ мирѣ, точатъ кинжалъ, чтобы, при удобномъ случаѣ, вонзить его въ сердце Россіи. Одна только Вѣра, одни только права на владѣніе имуществомъ и порядокъ наслѣдованія онымъ предоставляются покореннымъ; но никогда и нигдѣ отдѣльныя преимущества политическія, еще менѣе отдѣльное устройство, подрывающія коренные уставы Государства.

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, подданному, осмѣлившемуся говорить о предметахъ, болѣе всѣхъ знаемыхъ Вами, о предметахъ, кои таятся и постепенно обнаруживаются въ намѣреніяхъ и дѣлахъ Вашихъ. Вы, Государь, идя медленно къ великой цѣли (ибо быстрыя перемѣны губятъ Государства), упрочите благоденствіе земли Русской и отвратите бѣдствія, терзающія Европу.

Политическое равновѣсіе Европы, утвержденное договорами 1815 года, поддерживалось и охранялось Императоромъ Александромъ, творцемъ долговременнаго спокойствія народовъ. Въ теченіи 10-ти лѣтъ Государства наслаждались миромъ, и Правительства, спокойныя и увѣренныя въ своемъ существованіи, обратили вниманіе свое на умноженіе производительныхъ силъ и благосостоянія подданныхъ, неразрывно связаннаго съ твердостію Престоловъ. Революція, остановленная въ ходѣ своемъ геніемъ Наполеона, съ ужасомъ увидѣла новую, непреодолимую для себя, преграду въ Священномъ Союзѣ, и на мгновеніе поднявъ главу свою

въ Италіи, должна была исчезнуть отъ мудрой воли Россійскаго Монарха, готоваго двинуть воинство трехъ сильнѣйшихъ Царствъ на сокрушеніе ея начинаній.

Голосъ Благословеннаго, первенствующій въ дѣлахъ войны и мира, былъ благотворенъ для Европы; только Англія и Франція негодовали на сіе первенство, но должны были уступить силѣ и покорить свое честолюбіе общей пользѣ народовъ, въ тайнѣ изыскивая средства разорвать тройственный союзъ и, среди смятенія и безпорядка, утверждать свое разрушительное вліяніе. Возмущеніе въ Италіи 1819 года, какъ должно полагать, было слѣдствіемъ сихъ намѣреній, такъ сказать, попыткою твердости Союза; но, испытавъ тщету своихъ усилій, они приготовили и управили возстаніе Грековъ, съ мыслію, что Императоръ Александръ вступится за угнетенныхъ единовѣрцевъ. Но прозорливость Александра восторжествовала и надъ сими ухищреніями, и надъ чувствами благородной души его. Государь, принимая подъ кровъ гонимыхъ Грековъ, не препятствуя сбору денегъ для угнетенной Греціи, можетъ быть, и самъ въ тайнѣ помогая имъ, отстранялъ всякое явное заступленіе; ибо, вмѣшавшись въ дѣла чуждыя, покровительствуя, хотя благородное и высокое, дѣло Грековъ, неминуемо бы разрушилъ Германію, имъ созданную и его только неуказанною волею удержанную.

Предстательство Англіи и Франціи, подъ видомъ прекращенія морскихъ разбоевъ на Средиземномъ морѣ, еще болѣе ужасныя неистовства, производимыя Турками въ несчастной Греціи, склонили Ваше Императорское Величество войти въ посредничество, но въ посредничество, не сопряженное съ насиліемъ, слѣдовательно, не могущее разрушить общаго порядка. Но сіе не удовлетворило желаніямъ Англіи и Франціи: имъ нужно было именно насиліе, и Наваринская битва возвѣстила Европѣ уничтоженіе Священнаго Союза, столь вожделѣннаго для спокойствія народовъ. Не Кодрингтонъ, не Кабинеты Лондонскій и Парижскій, произвели сіе неслыханное нарушеніе народнаго права, ибо ихъ сила поддерживалась могуществомъ Россіи. Одна Австрія, теряя чрезъ сіе голосъ свой въ дѣлахъ Европы, осталась вѣрна своимъ правиламъ и не измѣнила дальновидной осторожности, всегда отличавшей ея дѣйствія. Конечно, Австрія,

подобно прочимъ Государствамъ, имѣетъ духъ преобладанія, стремленіе къ первенству, но ея усилія и самая сила не могутъ дать ей вреднаго преимущества для другихъ народовъ. Будучи благоразумна въ мирѣ, она только среди мира беретъ верхъ мудростію своего Кабинета и всегда является страдательнымъ лицомъ на полѣ брани. При томъ политическій составъ Германіи и физическое положеніе Австріи, окруженной воинственными народами, ручаются за постоянное стремленіе сего Государства къ всеобщему спокойствію, какъ основанію непоколебимости и собственнаго правленія.

Охлажденіе Австріи въ составѣ политической системы Россіи и Пруссіи ниспровергло Престолъ Бурбоновъ, что не могло существовать, по крайней мѣрѣ, продолжительно; ибо три сильнѣйшія Державы легко бъ возстановили прежній порядокъ, особенно когда еще войско и народъ Французскій, кромѣ буйной черни Парижской, не были причастны мятежу и не ободряли его послѣдствій. Новая форма, болѣе Республиканскаго, чѣмъ Монархическаго конституціоннаго, правленія въ семъ Государствѣ, требовала, для своего утвержденія, ежели не конечнаго ниспроверженія законныхъ правленій въ другихъ Государствахъ, то, по крайней мѣрѣ, внутренняго ихъ неустройства и замѣшательства, дабы, посредствомъ сего, распространить пагубное вліяніе на умы слабые, легко принимающіе обольстительные призывы свободы, которые, не понимая, ищутъ въ разрушеніи и въ тиранствѣ толпы буйной черни, попирающей и Божественные и человѣческіе законы. Возмущеніе въ Италіи вновь вспыхнуло и обняло бъ своимъ пламенемъ всю сію несчастную землю, ежели бъ рѣшительныя мѣры дальновидной и осторожной Австріи не были употреблены во время. Франція не могла принять дѣятельнаго участія въ сихъ происшествіяхъ, будучи разслаблена въ составѣ своемъ послѣднимъ переворотомъ. Но вскорѣ послѣ сего произведенное ею возстаніе Бельгіи открыло обширное поле ея дѣйствій и намѣреній: она безъ выстрѣла пріобрѣла 4 милліона жителей; говорю «пріобрѣла,» поелику Бельгійцы, говорящіе однимъ языкомъ, исполненные однихъ правилъ съ Французами, обязанные имъ своимъ политическимъ существованіемъ, необходимо, для своей безопасности, должны своими видами слиться съ Франціею.

Державы твердой земли, вмѣсто того, чтобы, при первомъ извѣстіи о возмущеніи Бельгіи, ити подавить оное, предали Голландію коварной политикѣ Англіи и Франціи, и симъ дали время произвесть новое возстаніе въ Польшѣ, дабы отвлечь участіе Россіи собственными ея происшествіями.

Симъ Государствамъ нужно обезсилить Голландію: Англіи, для подорванія соперничества ея въ мануфактурномъ производствѣ и торговлѣ, коихъ обширность и прибытокъ родитъ морскія силы; Франціи,—разрушить первый оплотъ, поставленный Императоромъ Александромъ на ея предѣлахъ. И сію-то землю и добраго Короля ея предали хищничеству сихъ Державъ; но мало отдѣленія Бельгіи: кроятъ произвольно Голландію, опредѣляютъ свободнымъ плаваніе по рѣкамъ, ей принадлежащимъ; однимъ словомъ, попираютъ всѣ уставы, охранявшіе независимость Государствъ, и все сіе для сохраненія мира въ Европѣ? Нѣтъ, для развитія революціонныхъ правилъ во всемъ ихъ пространствѣ, со всѣми ихъ ужасами.

Революція, направленная на всѣ земли, присоединенныя къ Австріи, Россіи, Пруссіи и Голландіи трактатами 1815 года, безпрепятственно совершаетъ свое теченіе: Польша подняла знамя бунта послѣ Бельгіи, Невшательское Княжество послѣ Польши, и хотя Англія и Франція не могли поддержать ихъ своими силами, но послѣднія и въ семъ случаѣ достигли своей цѣли; ибо, посѣявъ заразу въ умахъ, взволновавъ западную и южную Германію, сими средствами приготовляютъ первенство между народами и опору своихъ разрушительныхъ правилъ. Наконецъ, недовольная тайными дѣйствіями, Франція явно, среди мира, напала на Анкону и съ насиліемъ и дерзостію водружила знамя революціи на стѣнахъ ея. Франція не можетъ опасаться вліянія Австріи на Италію, поелику сіе вліяніе, противное духу и свойству жителей сей страны, при первомъ нападеніи Франціи исчезнетъ, какъ исчезаетъ мыльный пузырь при дуновеніи вѣтра. Напротивъ, Франціи нужно стать твердою ногою въ Италіи, дабы, при первомъ случаѣ, поставить пылкихъ ея жителей подъ знамена необузданной свободы. Ежели прочія Государства, для сохраненія всеобщаго мира, не замѣчаютъ, или оставляютъ безъ вниманія, возрастающее вліяніе Франціи на волю и умы народовъ, то Франція неутомимо дѣйствуетъ къ ниспроверженію правленій, по духу и свойству своему противныхъ

ея правиламъ. Для удостовѣренія въ семъ, нужно только обозрѣть происшествія, бывшія въ Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Польшѣ и Княжествѣ Невшательскомъ, вникнуть въ состояніе западной Германіи и въ настоящее положеніе дѣлъ въ Португаліи и Испаніи.

Не разсматривая правъ Дона Мигуеля и дочери Дона Педра на Престолъ Португальскій, народъ, или положимъ, сильнѣйшая партія въ народѣ, вручили правленіе первому; ибо послѣдній, предпочтя Америку Португаліи и превратя господствующій народъ въ провинцію покоренныхъ областей, симъ самымъ нарушилъ Государственный Уставъ и подалъ поводъ къ избранію другаго правителя. Потерявъ же Имперію, Донъ Педро желаетъ возвратить своему дому то Государство, которое презиралъ и которое его отвергло. Англія и Франція настаивая, чтобы никто не принималъ участія въ предстоящей по сему борьбѣ, склонили къ сему Австрію, требуютъ того же отъ Испаніи, но сами снабжаютъ Дона Педра людьми, деньгами, оружіемъ и судами, поелику съ его торжествомъ сопряжены ихъ выгоды: Англія, по прежнему будетъ имѣть Португалію своею колоніею, Франція—опору своихъ правилъ и средство съ двухъ сторонъ подрывать правленіе Испаніи, ей ненавистное, или, буде сіе Государство дастъ помощь Дону Мигуелю, то, напавъ на него, ниспровергнуть сіе Правленіе, или удержать его посредствомъ Португаліи, и симъ обезпечить свой тылъ, на случай, ежели Европа, утомленная безпокойствами, двинется сокрушить гнѣздо буйства и разврата, сосредоточенныхъ во Франціи. Она предвидитъ, что сіе должно случиться, и старается, сотрясеніемъ Престоловъ и вліяніемъ на умы слабые и легковѣрные, упрочить свое могущество. И чѣмъ далѣе продолжается сіе вліяніе, тѣмъ ужаснѣе будетъ борьба въ Европѣ, особенно для Россіи.

Безусловное повиновеніе 60,000,000 благотворной волѣ Монарховъ нашихъ, сообщая необыкновенную мочь Россійскому Государству, противорѣчитъ буйству и мятежамъ, раздиравшимъ другіе народы и истребляющимъ ихъ жизненныя силы. Мало сего, благодѣтельное вліяніе Россіи сохраняетъ спокойствіе въ Германіи и поддерживаетъ Престолы иныхъ Государствъ. По сему всѣ изступленные умы и тайные замыслы Англіи и Франціи направлены на потрясеніе сего колосса. Но доколѣ Пруссія имѣетъ мы-

нѣ царствующаго Государя, ихъ замыслы ничтожны; ибо сила сего воинственнаго народа, управляемаго мудрою волею, направлена къ одной политической цѣли съ Россіею, отнимаетъ всякую возможность приблизиться къ ней. Для блага Пруссіи и Европы должно желать продолжительнаго царствованія добраго Короля ея, поелику съ его смертію дѣйствія Берлинскаго Кабинета будутъ болѣе согласоваться съ правилами Англіи и Франціи, чѣмъ съ системою, принятою Россіею и Австріею. Въ семъ случаѣ, и особенно когда Правительства Англіи и Франціи, своимъ покровительствомъ допустившія укорениться духу мятежа въ своихъ и чужихъ Государствахъ, не устоятъ въ борьбѣ съ безначаліемъ, поелику малѣйшая неосторожность можетъ ихъ совершенно ниспровергнуть, тогда-то Германія и Италія станутъ подъ знамена революціи, Австрія и Россія испытаютъ стремленіе иступленныхъ умовъ Европы. Австрія не устоитъ въ сей борьбѣ, и по привычнымъ для нея потерямъ во время войны, и по самому составу областей своихъ, слѣдовательно, вся тяжесть войны падетъ на Россію.

Народъ Русскій, всегда знаменитый благочестіемъ и безпредѣльною преданностію къ своимъ Монархамъ, и въ семъ случаѣ не измѣнитъ древнимъ своимъ добродѣтелямъ: онъ грудью заслонитъ Престолъ и отстоитъ честь и славу его. Но сія борьба будетъ истощительнѣе и ужаснѣе борьбы съ Наполеономъ: тогда народы насильно влеклись на убіеніе и съ отвращеніемъ становились въ ряды честолюбца, ибо каждый успѣхъ его усугублялъ ихъ порабощеніе; нынѣ они съ радостію стекутся подъ знамена революціи и съ остервененіемъ бросятся въ битву, дабы сокрушить послѣднюю преграду ихъ неистовства. Въ сердцахъ Русскихъ они не найдутъ измѣны, но Польша, мятежная Польша, помилованная и успокоенная милосердіемъ Вашего Императорскаго Величества, снова съ областями, нѣкогда ей принадлежащими, подниметъ знамя бунта, буде не примутся дѣятельныя мѣры удалить тѣхъ, кои уже были подъ его знаменами, и тѣхъ, кои готовы стать подъ ними.

Не говорю, что для излѣченія судорожнаго состоянія Европы необходима война; поелику самая счастливая истощаетъ силы Государства, останавливаетъ и замедляетъ ходъ внутренняго

устройства и благосостоянія народовъ, однимъ словомъ, война есть зло, котораго избѣгать должно, буде миръ не представляетъ въ будущемъ зла большаго; но когда среди онаго возраждается чудовище, грозящее величайшимъ бѣдствіемъ, тогда должно сокрушить его, особенно ежели соединенныя силы трехъ сильнѣйшихъ Державъ и нѣсколькихъ другихъ, еще не раздѣленныхъ политическими видами, готовы для совокупнаго дѣйствія. Но предполагаю, что и безъ сей крайности можно остановить ходъ революціонныхъ дѣйствій, возвратить Европѣ спокойствіе, которымъ она предъ симъ наслаждалась, средствомъ, съ коимъ съ радостію согласятся всѣ Государства, кромѣ Англіи и Франціи, а именно: перенести мѣсто переговоровъ изъ Лондона въ Дрезденъ, или другой городъ, окруженный владѣніями Австріи, Россіи и Пруссіи такъ, чтобы уполномоченные сихъ Державъ и Королей Голландскаго, Испанскаго, Сардинскаго, Датскаго и Шведскаго, всегда составляли перевѣсъ противу Англіи и Франціи, хотя бы Пруссія и отдѣлилась отъ системы Россіи и Австріи. Англія и Франція по необходимости должны будутъ уступить сей благотворной и безкорыстной мѣрѣ и потерять вліяніе на дѣла Европы, вліяніе, которое въ теченіи 6 лѣтъ терзаетъ ее неустройствами. Ваше Императорское Величество, подобно Александру Благословенному, уступая наружное первенство Австріи, какъ старѣйшей Державѣ въ Европѣ, въ самомъ дѣлѣ будете первенствовать въ семъ совѣтѣ Царей, первенствовать для блага народовъ.

Прежде, чѣмъ изложу понятія мои о средствахъ къ удаленію распространенія гибельныхъ правилъ, терзающихъ другія Государства, я долженъ откровенно сказать, что преимущество и успѣхъ въ переговорахъ, такъ точно какъ и во всякомъ случаѣ, зависитъ отъ людей, для сего употребленныхъ.

Петръ и Екатерина Великіе во всѣхъ важныхъ случаяхъ употребляли однихъ природныхъ Русскихъ; однажды только Императоръ послалъ къ Вѣнскому Двору иностранца. но вскорѣ, отправя Русскаго, писалъ къ Царю, что на его усердіе онъ положиться можетъ, ибо вновь посылаемый для переговоровъ Министръ его — природный подданный. Только Толстые и Шафировы, среди смрадной темницы, при видѣ мучительной смерти, могутъ спокойно говорить о пользѣ Государя и не соглашать-

ся на предложенія, вредныя для Государства, ибо съ симъ сопряжено все для нихъ драгоцѣннѣйшее въ жизни: честь и слава народная. Однимъ словомъ только любовь къ Отечеству, это высокое чувство самоотверженія, раждаетъ тѣ добродѣтели, которыя не знаютъ разсчетовъ и личностей, но заставляютъ человѣка забывать собственное существованіе, и мыслить и стремиться къ Государственному благу. Что привязываетъ иностранца къ чуждому для него Государству?—Выгоды! Это Богъ, которому онъ покланяется, для котораго существуетъ и служитъ, и для котораго ни чѣмъ не жертвуетъ. Столь же ненадежны и чувства покоренныхъ, питающихъ надежду на отдѣльное существованіе, поелику они въ пользахъ господствующаго Государства видятъ преграду ихъ народной самобытности; а какой народъ не любитъ ее?

Не зная сокровенныхъ дѣйствій Европейской дипломатики, но судя по происшествіямъ, нельзя не сожалѣть о духѣ партій въ нѣкоторыхъ Державахъ, движущихъ пружины управленія, и о болѣзненномъ состояніи народовъ, стремящихся къ какому-то разрушительному перерожденію. Провидѣніе опредѣляетъ пути, по коимъ идутъ Царства и народы къ назначенной имъ цѣли, оно допускаетъ торжествовать злу, неразлучному спутнику дѣлъ человѣческихъ, указуя вмѣстѣ и средства къ ниспроверженію сего зла, и торжеству истины и добродѣтели. Въ чистотѣ душевныхъ помышленій, въ правильности и честности понятій гражданъ, направленныхъ къ одной цѣли съ основными уставами Государства, и въ благородномъ, откровенномъ дѣйствіи Правительства въ отношеніи сихъ гражданъ, соединенномъ съ неуклоннымъ правосудіемъ,—вотъ основные камни прочности Престоловъ и блага Государства.

Думаю, что главная пружина, посредствомъ коей Правительство можетъ дѣйствовать на волю и понятіе людей, есть воспитаніе юношества съ слѣдующимъ за нимъ образованіемъ и просвѣщеніемъ. Ваше Императорское Величество обратили особенное вниманіе на сію важнѣйшую часть Государственнаго управленія; но, кажется, Начальство не понимаетъ Вашихъ благихъ намѣреній; они думаютъ, что лощеные полы, чистыя стѣны, опрятная одежда и сытный столъ заключаютъ въ себѣ образованіе и просвѣщеніе. И чего можно ожидать тамъ, гдѣ можетъ

быть начальникомъ (въ одномъ изъ важныхъ ученыхъ заведеній), мыслящій и говорящій, при представленіи ему объ улучшеніи методы ученія: «Къ чему мы это приготовляемъ дѣтей на убой!» Изреченіе, которому позавидовали бы Гунны и Вандалы. Правильное и совершенное образованіе ума есть порука прочности Престоловъ и величія Государствъ и основаніе гражданскихъ добродѣтелей, тогда какъ невѣжество, или поверхностное и недостаточное ученіе, признакъ ничтожества и шаткости чувствъ и понятій, готовыя принять самыя нелѣпыя, самыя ложныя впечатлѣнія и стремиться къ тѣмъ ужаснымъ происшествіямъ, кои совершаются въ наше время въ другихъ Государствахъ, и совершались въ Россіи во время междуцарствія, давшаго возможность Польшѣ и Швеціи терзать беззащитное Государство. Но дабы вполнѣ удовлетворить намѣреніямъ Правительства въ гражданскомъ просвѣщеніи, образованіе одного ума недостаточно: надо образовать сердце такъ, чтобы заблужденія перваго молчали, или не приносили горькихъ плодовъ отъ краснорѣчиваго постоянства послѣдняго. Ни кто, кромѣ древнихъ законодателей, не постигъ сей высокой истины и не умѣлъ на ней утвердить незыблемость общественныхъ постановленій. Откуда Ликургъ взялъ возможность, лиша Спартанцевъ всѣхъ удовольствій, умственныхъ и чувственной жизни, окружа ихъ одними предметами суроваго, безрадостнаго существованія, заставить любить ихъ эти постановленія? «Иду во храмъ благодарить боговъ, и пр.»—«Скажите Спартѣ, приказывалъ Леонидъ, что мы погибли, исполняя священныя ея законы!» Откуда, повторяю, Ликургъ взялъ эту силу, которая переродила природу человѣка, дала ему другое чувственное бытіе, другое, согласное съ его мыслію, направленіе? Отъ образованія сердца! Но Ликургъ, лиша гражданъ своихъ умственнаго образованія, представилъ одни суровые, не подражаемые примѣры бытія человѣческаго, тогда какъ Аѳины, соединяя умственное съ сердечнымъ образованіемъ, произвели блестящіе примѣры гражданскихъ добродѣтелей, тѣ недоступные нашему хилому времени, коимъ народы и вѣки удивляются и рукоплещутъ. У нихъ сіе образованіе начиналось съ первыми понятіями младенца, который среди домашней жизни пріучался любить Отечество и его постановленія, потомъ продолжалось до мужескаго возраста за общественными столами, въ рощахъ, посвященныхъ богамъ ро-

дины, подъ портиками храмовъ, среди памятниковъ народной славы; тамъ-то юноша, внимая повѣствованіямъ добродѣтельныхъ примѣровъ, геройскимъ подвигамъ любви къ Отечеству, сравнялся съ сими чувствами и выступалъ на поприще гражданской дѣятельности съ пламенною любовію къ Отечеству.

Разсмотримъ, что у насъ сдѣлано для сего образованія, и какимъ образомъ можно его приспособить къ настоящему времени; но прежде опредѣлимъ, что такое воспитаніе, образованіе и просвѣщеніе; ибо сіи слова заключаютъ въ себѣ понятія и дѣйствія совершенно противоположныя.

Воспитаніе означаетъ питаніе младенца до юношескаго возраста и развитіе первоначальныхъ понятій и впечатлѣній на душу, впечатлѣній, опредѣляющихъ судьбу будущей его жизни. Воспитаніе составляетъ исключительную и священную обязанность родителей. Напротивъ, у насъ принадлежитъ оно всякому иноземному сброду, посредствомъ коего втекаютъ въ Россію пороки и заблужденія всѣхъ народовъ, истребляющіе наши добродѣтели и любовь къ отечественнымъ постановленіямъ, любовь, которая должна вливаться въ насъ съ молокомъ матери, съ ласками отца, съ первымъ внятнымъ для насъ трепетаніемъ сердца. Конечно, Правительство не можетъ искоренить сего зла, но можетъ уменьшить его дѣйствія строгимъ надзоромъ за правилами сихъ иностранцевъ, и наконецъ совершенно истребить, учредя особенные мужскіе и женскіе Институты, для образованія людей сего рода. Сіе средство удовлетворитъ потребность общественную, ибо иностранцы лишены будутъ средствъ сообщать заразу уму, заразу, подрывающую основные уставы Государства. Подобное учрежденіе въ Воспитательномъ Домѣ не удовлетворяетъ надлежащей потребности по малому объему, по высокой цѣнѣ и по нравственному чувству; ибо кто сіи наставницы? Дѣти, не знающія ни матери, ни отца; слѣдовательно, могутъ ли своими правилами и наставленіемъ укоренить семейственныя добродѣтели? Къ сему должны быть допускаемы тѣ только, коихъ семейства, хотя бѣдны, но служатъ примѣромъ неукоризненнаго поведенія. Но сего недостаточно; не должно допускать иностранцевъ въ Государственную службу безъ строгаго и долговременнаго опыта въ ихъ правилахъ и нравственныхъ чувствахъ; ибо не рѣдко мы

видимъ, что пришлецы сіи, осыпанные почестями и милостями нашихъ Монарховъ, безусловнымъ удовлетвореніемъ своимъ чужой волѣ, вселяютъ понятія, противныя нашимъ кореннымъ законамъ и гибельныя для Россіи. Россійское Государство, составленное изъ разнородныхъ племенъ и народовъ, изъ гражданскихъ классовъ, совершенно отдѣльныхъ правами и преимуществами, можетъ существовать и благоденствовать только подъ управленіемъ одной нераздѣльной и благотворной мысли Монарха; малѣйшая перемѣна въ ходѣ управленія, проистекающая не отъ воли самаго Монарха, но посторонними средствами, малѣйшее, говорю, замѣшательство въ Имперіи, неминуемо повлечетъ за собою разрушеніе составныхъ ея частей, разрушеніе, сопровождаемое всѣми ужасами, какіе когда либо являлись для бѣдствія человѣчества; слѣдовательно, должно и, скажу, можно отстранить отъ Государства сіе, хотя отдаленное отъ насъ, несчастіе. Петру Великому нужно было, такъ сказать, слить Россію съ Европою, для чего потребны были иностранцы; но Россія и Европа не тѣ, что были при жизни сего Монарха. Теперь надо стараться отдалить Европу отъ Россіи, дабы ея, еще юныя, умственныя и нравственныя, силы могли достигнуть полнаго развитія, не бывъ убиты дряхлѣющими надъ Европою пороками и заблужденіями. Народы, подобно человѣку, имѣютъ свои возрасты: дайте юношѣ всѣ наслажденія совершеннаго человѣка, и зародышъ его силъ, подсѣченный при возрожденіи, погибнетъ, или представитъ созданіе хилое, съ одними немощами старости. Думаю, что тѣ только иностранцы должны быть принимаемы въ Государственную службу, кои десятилѣтнею осѣдлостію въ Имперіи, по вступленіи въ подданство, будутъ сего достойны, конечно, кромѣ иностранцевъ, коихъ само Правительство признаетъ нужнымъ призвать на службу изъ за границы.

Образованіе начинается съ воспитаніемъ; оно предшествуетъ просвѣщенію и должно сопровождать его до послѣдней степени. Образованіе составляетъ, такъ сказать, форму, въ которой отливаются наши ощущенія, страсти и первоначальныя понятія. Это обликъ, по которому отличаются народы одинъ отъ другаго; по сему образованіе, подобно воспитанію, должно быть отечественное и истекать изъ чистаго источника; ибо оно одно, даже безъ

всякаго просвѣщенія, какъ видѣли мы въ Спартѣ, можетъ поддержать народныя добродѣтели, упоить сердце любовію къ Отечеству и его постановленіямъ, любовію, которая служитъ основаніемъ твердости Престоловъ и могуществу Царствъ. Въ частномъ быту у насъ образованіе также принадлежитъ иностранцамъ и производитъ тѣ же вредныя послѣдствія, какъ и воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ; образованія не существуютъ.

Просвѣщеніе есть одно изъ величайшихъ достоинствъ человѣка, лучшая, благороднѣйшая принадлежность его бытія, приближающая его къ подобію Создателя. И сіе-то просвѣщеніе называютъ причиною зла, источникомъ бѣдствій нашихъ! Просвѣщеніе наполняетъ душу нашу кроткими ощущеніями въ частной, высокими порывами въ общественной, жизни. Счастіе собратій, благо земли родной, есть лучшая мечта, цѣль всѣхъ поступковъ и дѣлъ истинно просвѣщеннаго человѣка; ему извѣстны всѣ отрасли, всѣ оттѣнки произведеній умственныхъ; природа, какъ книга, открыта предъ ними съ великими и благодатными тайнами; безъ просвѣщенія Государства не могутъ устраиваться, возвышаться и благоденствовать. Но, видя развалины городовъ, пожары селъ, возженныхъ буйствомъ и мятежемъ, говорятъ: «Вотъ слѣды просвѣщенія!» Нѣтъ, скажу: «Вотъ слѣды невѣжества, увлеченнаго эгоизмомъ и развратомъ; вотъ слѣдствіе, что законодатели, презря воспитаніе юношества и образованіе ихъ сердечныхъ ощущеній, предали ихъ произволу страстей необузданныхъ и самымъ просвѣщеніемъ.» Просвѣщеніе не есть только образованіе ума науками; ибо ученіе служитъ, такъ сказать, послѣднею степенью къ достиженію просвѣщенія и оканчивается съ окончаніемъ наукъ въ училищѣ. Просвѣщеніе есть производительная сила ума; оно проявляется въ произведеніяхъ словесности и изящныхъ искуствъ. Просвѣщеніе, подобно воспитанію и образованію, легко согласовать съ видами Правительства, когда оно господствуетъ и направляетъ его дѣйствія, не оставляя на произволъ случая. Такъ Наполеонъ, желая отвлечь умы своего времени отъ политическихъ происшествій, предпринялъ описаніе Египетскихъ древностей, стараясь и другими предметами, смежными съ областями наукъ, направить понятія Французовъ къ своей цѣли, дать пищу ихъ суетности ободреніемъ художествъ, театральныхъ и сло-

весныхъ произведеній. У насъ, напротивъ, въ такой ли степени предпринимается все для просвѣщенія? Только нѣкія ревніе частныхъ людей старается поддержать едва настоящую зарю просвѣщенія; ибо Румянцевъ и Демидовъ гораздо болѣе принесли пользы просвѣщенію, чѣмъ наши Академіи, наполненныя людьми, едва знающими Русскую грамоту, тѣмъ менѣе Россія. Никогда, можетъ быть, Правительство не имѣло нужды дѣйствовать на понятія людей, какъ въ настоящее время, дабы отвлечь вниманіе гражданъ отъ заразительныхъ правилъ, волнующихъ умы и народы. Сія язва не удерживается карантинами; напротивъ, она растетъ и распространяется отъ явныхъ преградъ; для сего нужно занять умы мыслящіе, и занять предметами, противоположными съ понятіями настоящаго времени. За чѣмъ не обратить ихъ наградами къ обработыванію еще не воздѣланнаго поля Отечественной Словесности? Для чего не пожертвовать Правительству капиталомъ для собранія, изслѣдованія и описанія историческихъ и другихъ памятниковъ народной самобытности во всѣхъ предѣлахъ обширной Имперіи? Для чего, подобно Петру Великому, не поощрять къ переводу книгъ полезныхъ, ввѣривъ все сіе не Академіямъ, кои, напрасно истрачивая суммы, въ столѣтіе (кромѣ Академіи Художествъ), не произвели ничего, и ничего произвести не могутъ, а людямъ истинно просвѣщеннымъ и любящимъ успѣхи Русскаго ума?

ДѢЛО

О ПРИПИСКѢ ШЛОЦКИХЪ ЕВРЕЕВЪ КЪ РИГѢ.

Въ 1842 году Евреи мѣстечка Шлокки, проживавшіе въ г. Ригѣ, стали хлопотать о приписк‍ѣ ихъ къ этому городу. Просьба ихъ была рѣшена въ Губернскихъ Присутственныхъ Мѣстахъ въ ихъ пользу. Рижскій Биржевой Комитетъ, предвидя въ Евреяхъ опасныхъ соперниковъ для Нѣмецкихъ ремесленниковъ, перенесъ дѣло въ Сенатъ.

Для ходатайства здѣсь по этому дѣлу, Рижскій Бургомистръ Т. пригласилъ служившаго во II-мъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи, Коллежскаго Совѣтника Л., который и велъ его до конца, постоянно увѣдомляя Комитетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. По выиграніи дѣла, между нимъ и Биржевымъ Комитетомъ возникли споры объ окончательномъ денежномъ расчетѣ. Для оправданія себя, Л. представилъ Комитету прилагаемую при семъ Записку, раскрывающую тѣ тайныя пружины, которыя, въ случаѣ опасности, приводятся въ дѣйствіе Остзейскими Нѣмцами.

Записка эта писана, разумѣется, по Нѣмецки; здѣсь она въ переводѣ, почти подстрочномъ. Рижскій Биржевой Комитетъ, съ Нѣмецкою аккуратностію, хранитъ ее въ своемъ Архивѣ. Примѣч. Переводчика.

Бывшій по дѣламъ (Рижскаго) городскаго общества повѣренный, чувствуя себя тяжко обиженнымъ чрезъ невыполненіе въ точности разновременно сдѣланныхъ съ нимъ условій, подвергалъ новому пересмотру производившуюся о томъ переписку, и представляетъ, въ видѣ жалобы, слѣдующія обстоятельства, подтверждаемыя подлинными и ни какому сомнѣнію не подлежащими документами.

По указу Губернскаго Правленія, послѣдовавшему 4-го Февраля, 1785 г., всѣ пробравшіеся въ Ригу Евреи должны были приписаться къ м. Шлокки, и имѣли право проживать въ Ригѣ, по паспортамъ, не долѣе 8-ми дней. Для прямыхъ же потомковъ тѣхъ Евреевъ, которые оставались въ Ригѣ до 1765 г. и назывались «Евреями покровительствуемыми», сдѣлано было исключеніе: имъ дозволялось проживать въ Ригѣ по годовымъ паспортамъ. Впрочемъ, это исключеніе было много разъ нарушаемо и часто употребляемо во зло.

Съ этого времени Шлоцкіе Евреи постоянно домогались права приписываться къ Ригѣ. Имъ удалось, наконецъ, перенести просьбу объ этомъ въ Государственный Совѣтъ, черезъ Комитетъ Министровъ. Продолжительная по сему дѣлу переписка, извѣстная всему городу, побудила гражданъ, для избѣжанія невыгоднаго для себѣ рѣшенія, отправить въ С.-Петербургъ депутацію, которая, послѣ долговременнаго пребыванія и растраты большихъ суммъ, возвратилась съ одними пустыми обѣщаніями. *

Въ Февралѣ, 1842 г., обнародовано мнѣніе Государственнаго Совѣта, состоявшееся 17-го Сентября, 1841 г.; оно разрѣшало приписываться къ Ригѣ и оставаться тамъ для жительства всѣмъ тѣмъ Евреямъ, которые дѣйствительно имѣли до сего времени постоянное пребываніе въ этомъ городѣ.

Выраженіе «дѣйствительно» должно быть понимаемо не иначе, какъ «законнымъ», а слова—«постоянное пребываніе» должны значить — «непрерывно остававшимся»; по тому общество гражданъ и должно бы было наблюдать, чтобы означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта было понимаемо и исполняемо въ этомъ смыслѣ. Однако же это не дѣлалось.

Между тѣмъ, еще въ Іюнѣ, 1842 г., Еврейскій Кагалъ просилъ Казенную Палату о припискѣ къ Ригѣ. Палата сдѣлала запросъ Управѣ Благочинія: кто именно изъ Шлоцкихъ Евреевъ имѣетъ постоянное пребываніе въ Ригѣ? Управа, съ своей сторо-

* По этому дѣлу было употреблено до 76 тысячъ и, сверхъ того, на содержаніе агента Л. 18 тысячъ р., всего до 94 тысячъ р. асс.

ны, сдѣлала запросы Частнымъ Приставамъ города и форштадтовъ. Но, ни Магистратъ, ни общество гражданъ, ничего не знали объ этомъ. Полицейскимъ чиновникамъ предоставлена была полная свобода дѣйствовать; они и представили, какъ имѣвшихъ право на приписку, 517 человѣкъ, а Казенная Палата самовольно присовокупила къ этому числу всѣхъ Евреевъ, оставшихся въ Шлоккѣ.

7-го Октября, 1842 г., Казенная Палата сообщила Магистрату, что всѣ Шлоцкіе Евреи должны быть приписаны къ Ригѣ, а 20-го Ноября отношеніе это было сообщено обществу гражданъ, которое тогда же рѣшило: подать жалобу на неправильное исполненіе мнѣнія Государственнаго Совѣта.

12-го Декабря, 1842 г., Альтерманъ * поручилъ, кому слѣдуетъ, составить сію жалобу. 14-го того же мѣсяца она была отправлена съ эстафетою въ Сенатъ, но прибыла туда такъ поздно, что не могла быть заслушана въ томъ же году. На слѣдующій годъ она разсматривалась въ первомъ засѣданіи 1-го Департамента Сената. Тогда же было опредѣлено: потребовать объясненія отъ Генералъ-Губернатора и Казенной Палаты, а между тѣмъ приказать, впредь, до окончательнаго разсмотрѣнія сего дѣла, остановиться какимъ бы то ни было распоряженіемъ по оному. Для того, чтобы исходатайствовать, какъ эту остановку дѣла, такъ и указъ въ такомъ именно видѣ, нужны были жертвы. Объ этомъ тотчасъ же было сообщено Альтерману.

Альтерманъ обратился къ Биржевому Комитету и, по порученію онаго, писалъ къ Петербургскому Повѣренному, отъ 15-го Генваря, 1843 г., слѣдующее:

«Въ слѣдствіе сдѣланнаго мнѣ сейчасъ порученія въ засѣданіи Биржеваго Комитета, я обращаюсь къ Вамъ съ просьбою: употребить, въ пользу здѣшняго купечества, вездѣ, гдѣ то будетъ можно и нужно, Ваше вліяніе и дѣятельность относительно предстоящихъ засѣданій о здѣшнихъ Евреяхъ. Сообразно этому имѣете Вы поддерживать просьбу городскихъ Гильдій и Магистрата про-

* т. е., Альтерманъ большой Гильдіи Л.

тиву Казенной Палаты, противодѣйствовать возможному ходатайству Жидовъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараться также, чтобы и ожидаемое опредѣленіе на счетъ торговыхъ отношеній Жидовъ въ Ригѣ послѣдовало сколь возможно болѣе ограниченнымъ. Биржевой Комитетъ ожидаетъ отъ Васъ сообщенія, черезъ меня, о всѣхъ тѣхъ сдѣлкахъ, которыя будутъ признаны Вами нужными, и о другихъ, принятыхъ Вами, мѣрахъ. Комитетъ надѣется, что Вы будете увѣдомлять меня о ходѣ дѣла и, съ извѣстною ему Вашею бдительностію, будете заботиться объ интересахъ здѣшняго купечества.»

И такъ, хотя Комитетъ и поручился во всѣхъ нужныхъ по сему дѣлу издержкахъ, хотя Альтерманъ и заявлялъ письменно о таковомъ ручательствѣ Комитета, но, не смотря на это, для исходатайствованія указа объ остановкѣ всего дѣла, ничего не было сдѣлано. Этѣмъ самымъ открыта была возможность Евреямъ исходатайствовать, 20-го Генваря, 1843 г., отмѣну опредѣленія: дѣлопроизводство не было остановлено, и только затребованы объясненія.

Этѣмъ самымъ дана была возможность Жидамъ подать новыя просьбы въ Сенатъ, къ Министру Финансовъ, и двѣ просьбы къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы предупредить жалобы гражданъ на Казенную Палату. Но, не смотря на то, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ былъ хорошо расположенъ къ Жидамъ; не смотря на то, что Рижскій Генералъ-Губернаторъ, бывшій въ то время въ С.-Петербургѣ и знавшій мнѣніе Министра, отозвался въ пользу Жидовъ, когда спросили его мнѣнія по этому дѣлу; не смотря на все это, удалось, однако, достигнуть, что Евреямъ вездѣ отказали, въ ожиданіи рѣшенія Сената по жалобѣ гражданъ. Заключенное условіе объ уплатѣ за это 3 тысячъ р. было исполнено: 23-го Февраля, 1843 г., выдано 2 тысячи р., а въ Мартѣ еще 1 тысяча р.

Но ни одно условіе, относящееся до главнаго предмета, т. е., до жалобы общества гражданъ, не было выполнено, не смотря на то, что о томъ было писано 7-го Марта, 1843 г. Повѣренный, обязанный увѣдомлять Уполномоченнаго Биржеваго Комитета о ходѣ дѣла, вновь напоминалъ ему о томъ же 3-го Апрѣля.

Наконецъ, 10-го Іюля, 1843 г., онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Симъ имѣю честь извѣстить Ваше Высокоблагородіе, что если Вы получите изъ 1-го Департамента Сената указъ, на основаніи котораго будетъ отмѣнена, предписываемая Казенною Палатою, приписка Шлоцкихъ Евреевъ къ Ригѣ и, кромѣ того, разсмотрѣніе ихъ права на такую приписку будетъ поручено особо для того утвержденному Комитету, то въ распоряженіе Ваше поступаетъ немедленно 3 т. р. с.

Хотя этѣмъ распоряженіемъ и была обезпечена издержка, признанная достаточною по тогдашнимъ обстоятельствамъ, но не было ничего договорено о вознагражденіи самого Повѣреннаго за труды его. На письмо его о выдачѣ ему лишь 1 тысячи р., послѣдовалъ, 9-го Ноября, 1843 г., слѣдующій отвѣтъ:

«На письмо Ваше, отъ 18-го Октября, симъ извѣщаю, что Биржевой Колитетъ разрѣшилъ выдать Вамъ требуемое Вами вознагражденіе, въ 1 тысячу р., съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы только одиннадцать семействъ, а не всѣ Евреи, имѣющіе здѣсь постоянное жительство въ теченіи 10-ти лѣтъ, были признаны имѣющими право на приписку.»

Условіе это совершенно противорѣчило не только письму отъ 10-го Іюля, 1483 г., но и самой просьбѣ общества гражданъ, въ которой просилось лишь объ отмѣнѣ приписки, опредѣленной Казенною Палатою, и о произведеніи оной особою Комиссіей, которая, вмѣстѣ съ Магистратомъ и обществомъ гражданъ, опредѣлила бы, кто именно изъ Евреевъ имѣетъ право приписаться. По этому, условіе это было признаваемо вездѣ и всѣми неосновательнымъ и несправедливымъ. Повѣренный возражалъ на оное, отъ 16-го Ноября, 1843 г., слѣдующее:

«Почтеннымъ письмомъ, отъ 9-го сего мѣсяца, Вы извѣстили меня, что Биржевой Комитетъ утвердилъ особую издержку, въ 1 тысячу р., по дѣлу приписки Евреевъ къ Ригѣ; но Вы, вѣроятно, согласитесь и сами, что ожидаемое измѣненіе, — полученіе котораго въ самомъ простѣйшемъ видѣ не легко и не вѣрно, — можетъ послѣдовать только, какъ отмѣненіе приписки въ томъ видѣ, какъ

она была совершена, но отнюдь не въ отношеніи подробностей о томъ, какъ она должна быть совершаема, и что послѣднее слѣдуетъ предоставить новому, имѣющему быть для сего назначеннымъ, слѣдствію; въ настоящее время можно только желать нѣкотораго о томъ указанія. По этѣмъ основаніямъ, позвольте мнѣ дѣйствовать сообразно сему, и позвольте оставить безъ вниманія условіе, включенное въ Ваше письмо.»

Биржевой Комитетъ призналъ это возраженіе основательнымъ, ибо ничего не высказалъ противу него. По этому утвержденное вознагражденіе должно было оставаться во всей силѣ, лишь бы только испрошенное рѣшеніе удовлетворяло просьбѣ гражданъ.

Исходатайствованное, 19-го Іюля, 1844 г., рѣшеніе не только буквально соотвѣтствовало прошенію гражданъ, но даже предписывало болѣе; ибо было приказано: «дозволить приписываться только тѣмъ Евреямъ, которые дѣйствительно проживали въ Ригѣ во время 8-й ревизіи», т. е., болѣе чѣмъ за 10 лѣтъ. Такимъ образомъ рѣшеніе это удовлетворяло всѣмъ требованіямъ Комитета.

Между тѣмъ ожидались объясненія отъ Генералъ-Губернатора и отъ Казенной Палаты. Объясненія этѣ, предварительно разсмотрѣнія ихъ въ 1-мъ Департаментѣ Сената, должны были быть отосланы, вмѣстѣ съ просьбою гражданъ, на заключеніе, сперва Министра Финансовъ, а потомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ это время ничего не было упускаемо изъ виду, чтобы заранѣе подѣйствовать благопріятнымъ образомъ на этѣ заключенія. Послѣдствіемъ этого было заключеніе Министра Финансовъ, данное въ пользу общества гражданъ. Дѣло поступило къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Этотъ послѣдній, не смотря на всѣ усилія его приближенныхъ, склонился на сторону Евреевъ, и не только, въ заключеніи своемъ отъ 26-го Ноября, 1843 г., полагалъ отказать обществу гражданъ, не только убѣдилъ Министра Финансовъ отступаться отъ своего прежняго мнѣнія и присоединиться къ нему, но даже самъ явился въ Сенатъ, 22-го Генваря, 1844 г., чтобы лично поддержать свое мнѣніе. Этѣмъ необыкновеннымъ поступкомъ онъ склонилъ на свою сторону четырехъ Сенаторовъ, которые не осмѣлились противиться человѣку, такъ высоко поставленному и имѣющему столь громадное значеніе.

Какъ ни было худо положеніе дѣла, для безвозвратной потери котораго не доставало лишь согласія Оберъ-Прокурора, однако же Повѣренный не считалъ оное совершенно проиграннымъ. Еще 28-го Марта, 1844 г., онъ писалъ, что имѣетъ надежду, черезъ близкаго родственника Оберъ-Прокурора, подѣйствовать на него такъ, что онъ войдетъ съ предложеніемъ противу мнѣнія Министровъ и Сенаторовъ. Это было уже само по себѣ смѣлое предпріятіе. Впрочемъ, если бы можно было достигнуть этого пожертвованіемъ всѣхъ 3 тысячъ р., если бъ даже Оберъ-Прокуроръ твердо оставался при своемъ veto, то все же черезъ это выигралось бы только перенесеніе дѣла въ Общее Собраніе Сената, гдѣ бы оно снова было въ самомъ сомнительномъ положеніи. Предстояла задача болѣе трудная: пользуясь veto Оберъ-Прокурора, надо было побудить Министровъ взять обратно и измѣнить свои прежнія заключенія; тогда открылась бы возможность получить согласіе и уступчивыхъ Сенаторовъ. Только этимъ путемъ дѣло могло быть выиграно. Вышеназванный родственникъ Оберъ-Прокурора надѣялся достичь этого черезъ своихъ пріятелей — Г. С., у Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и П. И — у Министра Финансовъ, если только дано будетъ въ его распоряженіе 2 тысячи р. для нихъ.

Въ упомянутомъ выше письмѣ, отъ 28-го Марта, 1844 г., Повѣренный требовалъ на это разрѣшенія, и получилъ оное, ибо письму его не противорѣчили. Въ этомъ тѣмъ менѣе можетъ быть сомнѣнія, что онъ, 10-го Мая, 1844 г., опять писалъ объ этомъ предметѣ къ Уполномоченному Биржеваго Комитета, и письмо свое заключилъ слѣдующими словами:

«Такъ какъ общество гражданъ выдало мнѣ только 3 тысячи р., которыя уже и издержаны, то я былъ вынужденъ согласиться на новую премію въ 2 тысячи р. Увѣдомляя Васъ о семъ, я не сомнѣваюсь въ утвержденіи этого. Прошу о скоромъ отвѣтѣ; ибо дѣло можетъ быть кончено черезъ нѣсколько недѣль, и я, не имѣя средствъ, буду поставленъ въ большое затрудненіе.»

Отвѣта не послѣдовало; по этому и надо было полагать, что на возвышеніе договорной платы дано согласіе. Въ слѣдствіе сего

Повѣренный вновь писалъ къ тому же уполномоченному, отъ 9-го Іюня, слѣдующее:

«Послѣднимъ письмомъ я обстоятельно извѣщалъ Васъ, что дѣло о припискѣ Евреевъ, почти окончательно проигранное отъ личнаго присутствія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, при его слушаніи въ Сенатѣ, можетъ быть еще спасено съ помощію предложенія Оберъ-Прокурора. Я ожидалъ, что сдѣланное мною тогда же условіе о вознагражденіи, Вы одобрите, признавая его необходимымъ для успѣха дѣла. Не ограничиваясь этѣмъ, съ той минуты, когда явилась необходимость провести у П. новое опредѣленіе, я выдалъ лицамъ, его окружающимъ, двумя тысячами р. болѣе назначеннаго прежде; всего выдано 5 тысячъ р. Въ настоящую минуту я только что выхожу изъ его Канцеляріи, и только что узналъ, что вчера совершилось дѣло неслыханное: мы достигли того, что этотъ человѣкъ взялъ обратно свое, неблагопріятное для насъ, заключеніе и присоединился къ намъ. Теперь я не сомнѣваюсь, что и Министръ Финансовъ присоединится къ намъ; ибо онъ непремѣнно уступаетъ тамъ, гдѣ считаетъ за нужное согласиться упрямый и никогда не уступающій П. Это рѣшится 8-го числа, такъ какъ въ этотъ день назначено новое слушаніе этого дѣла.»

Отъ 9-го же Іюня онъ вновь писалъ:

«Сію минуту меня увѣдомляетъ Камергеръ П., что В. тоже подписалъ дѣло объ Евреяхъ, и что оно отправлено 8-го Іюня, за № 3,308.»

Наконецъ, 22-го Іюня, 1844 г., онъ писалъ:

«По подписаніи опредѣленія Министромъ Финансовъ, какъ я уже извѣщалъ Васъ, мнѣ удалось заставить, не смотря на наступившіе праздники, отправить указъ изъ Сената. Онъ состоялся 19-го Іюня, за № 22,751, а 20-го сданъ на почту.»

По этому, чтобы не уронить свое достоинство и честь, нельзя долѣе медлить выполненіемъ обязательствъ, принятыхъ на себя Повѣреннымъ и заключающихся въ 5 тысячахъ р., тѣмъ болѣе, что ему уже напоминаютъ объ этомъ, какъ это видно изъ словъ: «Si

vous avez à me dire quelque choze, adressez vous» и т. д. (не говоря уже о новыхъ косвенныхъ напоминаніяхъ, заключающихся въ извѣщеніи объ отъѣздѣ). Нѣтъ сомнѣнія, что слишкомъ невыгодно оскорблять людей, находящихся въ такомъ положеніи, и еще менѣе выгодно жертвовать своимъ кредитомъ въ высшихъ сферахъ Правительства.

Также несомнѣнно, что Повѣренный вполнѣ заслужилъ свое умѣренное награжденіе въ 1 тысячу р., и что не слѣдуетъ дѣлать ему новыхъ задержекъ и возраженій.

Нелѣпа также мысль, что все дѣло будто сдѣлано другимъ, и что Повѣренный совершенно оставилъ оное, послѣ первыхъ неблагопріятныхъ отзывовъ Министровъ. Выше уже доказано, что онъ не только никогда не переставалъ дѣйствовать, но даже съумѣлъ убѣдить Оберъ-Прокурора, черезъ его племянника, сказать свое veto, съумѣлъ, черезъ пріятелей того же племянника, достичь того чуда, что Министры взяли обратно свое заключеніе. Кромѣ того, еще 20-го Марта, 1844 г., Повѣренный жаловался на неприличное вмѣшательство Господина Ф. В., допущенное Альтерманомъ. Наконецъ, письмо вышеупомянутаго племянника, отъ 10-го Іюня, 1844 г., несоспорнмо подтверждаетъ все, что сдѣлано Повѣреннымъ по этому дѣлу, и совершенно опровергаетъ мысль объ участіи въ этомъ дѣлѣ какого ни будь Г. Ф. В., или Г. З. Надо помнить при этомъ, что племянникъ этотъ—человѣкъ сильный, по своей близкой связи съ В. К.; что онъ съумѣетъ дать себя почувствовать не только, когда оскорбятъ его, но если хотя немного скомпрометируютъ его передъ тѣми лицами, которыхъ онъ заставилъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

ПОѢЗДКА ВЪ АНГЛІЮ

ДЛЯ СОБЕСѢДОВАНІЯ О СОЕДИНЕНІИ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ.

По возвращеніи моемъ изъ Англіи, куда я былъ приглашенъ Богословами этой стороны, для собесѣдованія о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною, сиѣшу отдать отчетъ о свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ, пріобрѣтенныхъ мною въ этомъ путешествіи. Для большей ясности раздѣлю мое изложеніе на слѣдующіе отдѣлы: 1) Есть ли, и въ какой мѣрѣ и формѣ, движеніе въ Англиканской Церкви къ сближенію съ Православною Церковью? 2) Изъ какихъ побужденій и обстоятельствъ родилось это стремленіе? 3) Какія препятствія останавливаютъ скорое осуществленіе единенія Англиканской Церкви съ нашею? 4) Какія надежды можно питать по этому предмету, и какое содѣйствіе съ нашей стороны можно оказать упомянутому примирительному движенію?

I.

Какъ извѣстно, въ Англиканской Церкви существуютъ двѣ партіи: одна чисто Протестантская, основывающая свои шаткія вѣрованія на 39 членахъ, составленныхъ Реформаторами; другая, если можно употребить это слово, — Полукаѳолическая, которая преимущественно черпаетъ свою Вѣру изъ Богослужебной книги, сохранившей много древнихъ Православныхъ истинъ. Этѣ двѣ партіи, странно стоящія въ той же Церкви, называются въ Англіи двумя Школами, или даже двумя Церквами: Низкою и Высокою. Первая несомнѣнно превосходитъ числомъ, вторая

имѣетъ на своей сторонѣ образованіе и качества ея членовъ, особенно духовныхъ. Знаменитые Университеты, Кембричскій и преимущественно Оксфордскій, принадлежатъ, по общности ихъ направленія, къ Высокой Церкви.

Въ этой-то Высокой Церкви и существуетъ стремленіе къ сближенію съ Церковью Православною. Оно выражается въ отзывахъ весьма почтительныхъ о Восточной Каѳолической Церкви, въ братскомъ пріемѣ ея членовъ, въ благоговѣйномъ посѣщеніи Англиканами Православныхъ храмовъ, въ изученіи Православнаго ученія, посредствомъ переводовъ книгъ, содержащихъ изложеніе Православія, наконецъ въ составленіи «Общества Восточно-Православной Церкви.»

Первымъ моимъ дѣломъ, по прибытіи въ Англію, было посѣщеніе Университетовъ, Кембричскаго и Оксфордскаго. Въ Кембричѣ моимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и руководителемъ былъ Магистръ и членъ Королевской Коллегіи, Георгій Вильямсъ, извѣстный путешественникъ по Востоку и два раза бывшій въ Россіи. Этотъ усердный двигатель соединенія Англиканской Церкви съ Православною представилъ меня членамъ многихъ другихъ Кембричскихъ Коллегій; вездѣ санъ Православнаго Протоіерея открывалъ мнѣ пріемъ радушный и почетный; вездѣ я слышалъ выраженіе сочувствія и почтенія къ Святой моей Матери, Церкви. Оксфордъ превзошелъ, если возможно, любезность и вниманіе своего ученаго собрата. Ректоръ «Коллегіи всѣхъ душъ», Г. Лейтонъ, настоятельно пригласившій меня принять его гостепріимный кровъ, устроилъ два обѣда, для доставленія мнѣ встрѣчи съ членами славнаго Университета. Сверхъ того я навѣстилъ многихъ замѣчательныхъ мужей, какъ-то: Доктора Пьюзе, Магистровъ Лиддона, Медда, Бергопа, Брамлея, Брайта и др. Опять слышалъ единодушное сочувствіе похвалы, почтеніе къ Православной Церкви и желаніе единенія съ нею.

Но всѣ эти выраженія, не выходя изъ общихъ выраженій, неопредѣленныхъ желаній, не дали мнѣ яснаго понятія о силѣ и способахъ желаемаго единенія. Нѣсколько разъ я пытался дойти до опредѣленной основы, но встрѣчалъ уклоненіе отъ дѣльнаго разсужденія и по возможности подробнаго разбора. Только Дон-

торъ Пьюзе безъ всякаго приступа заговорилъ о предлагаемомъ единеніи богословскимъ путемъ. «Объявивъ мнѣ, что онъ занимался въ настоящую минуту объясненіемъ XXII члена Англиканской Церкви о чистилищѣ, почитаніи иконъ и призываніи Святыхъ, знаменитый основатель школы, носящей его имя, спросилъ меня: «Какъ учитъ Православная Церковь объ этѣхъ пунктахъ?» На мое изложеніе Православнаго ученія онъ отвѣчалъ, что видитъ возможность согласить упомянутый членъ съ ученіемъ Каѳолической Восточной Церкви, доказавъ, что онъ былъ единственно направленъ противъ преувеличеній и злоупотребленій Римской Церкви касательно этого предмета. За тѣмъ указалъ на возможность соглашенія въ ученіи о Таинствахъ, отвергнувъ принятое опредѣленіе схоластическое и принявъ за основу Православное. Касательно Таинства Св. Евхаристіи Докторъ Пьюзе утверждалъ, что Церковь Англиканская можетъ принять сущность ученія о дѣйствительномъ присутствіи въ Св. Тайнахъ тѣла и крови Христовой, но недоумѣваетъ на счетъ словъ преложеніе и особенно пресуществленіе. Съ своей стороны, я старался ему доказать, что этѣ слова и содержатся Православною Церковью именно для несомнѣннаго выраженія дѣйствительности присутствія тѣла и крови Христа подъ видами хлѣба и вина. Собесѣдникъ мой не возражалъ много и клонился къ согласію. На другой день Докторъ Пьюзе началъ свою бесѣду весьма жесткимъ порицаніемъ Патріарха Фотія, называя его человѣкомъ злымъ, упорнымъ совопросникомъ, намѣренно запутавшимъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Подобное начало не обѣщало примирительнаго разсужденія. Я отвѣчалъ, что считаю приличнымъ оставить въ сторонѣ лице великаго Патріарха, и присовокупилъ, что Докторъ ошибается, если думаетъ, что судъ Православной Церкви о прибавленіи, сдѣланномъ Папою въ символѣ Вѣры, основывается единственно на авторитетѣ Фотія; что наша Церковь не признаетъ Патріарха Константинопольскаго за непогрѣшимаго Папу; что она основывается на Богооткровенномъ ученіи, которое содержится въ Св. Писаніи и Соборномъ преданіи Вселенской Церкви. За симъ послѣдовали, со стороны Г. Пьюзе, обыкновенныя Западныя доказательства и возраженія, на которыя мнѣ не трудно было отвѣчать исторически и догматически. Докторъ былъ неспокоенъ и смущенъ, особенно свидѣтельствомъ двухъ Папъ,

Льва III и Іоанна VIII, и опирался, въ своихъ доказательствахъ, преимущественно на Блаженнаго Августина, выражавшаго нѣсколько разъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына. На это я отвѣтилъ, что, по внимательномъ изученіи твореній этого учителя, открывается намъ какъ бы два лица: когда Блаженный Августинъ пишетъ, какъ Учитель Церкви и свѣдѣтель древняго ученія, тогда онъ вездѣ выражается, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца. Когда жь этотъ писатель Церкви вдается въ изысканія и предположенія, то позволяетъ себѣ мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, и то въ сомнительной формѣ: «по чему бы намъ не вѣрить (cur non credamus), что Св. Духъ исходитъ и отъ Сына?»

Споръ нашъ продолжался полтора часа, и Докторъ Пьюзе, не представляя новыхъ доказательствъ, заключилъ, что Англиканской Церкви также не возможно выбросить прибавленіе изъ Символа, какъ Церкви Православной вставить оное въ Символъ. Я отвѣчалъ, что Церкви, содержащія различное исповѣданіе Вѣры, не могутъ быть въ единеніи; что Англиканскіе предки Г. Пьюзе, назадъ тому восемь вѣковъ, были согласны въ этомъ съ Православною Церковью; что Вселенскіе Соборы запретили, подъ страхомъ анаѳемы, вносить туда прибавленіе; что позволить Англиканской Церкви сохранить поврежденный Символъ Вѣры значитъ то же, что допустить то же въ своей Церкви и, слѣдовательно, отступить отъ правила Вселенской Церкви.

Послѣ этого состязанія мы разстались въ грустномъ расположеніи духа; печальны были и свѣдѣтели нашего спора, Магистры Вильямсъ и Лиддонъ. На другой день я пошелъ проститься съ Докторомъ Пьюзе, и нашелъ его въ настроеніи болѣе примирительномъ. Онъ объявилъ мнѣ, что Англиканская Церковь можетъ сдѣлать важный шагъ къ соглашенію съ Православіемъ въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, именно: сохраняя Символъ съ прибавленіемъ, она дастъ объясненіе, что принимаетъ единое начало въ Св. Троицѣ, Отца, и произнесетъ проклятіе на признающихъ двойное начало. Я отвѣчалъ, что подобный шагъ есть полумѣра, которая не возводитъ дѣла ко Вселенскому правилу Вѣры, неприкосновенности Символа въ основаніи и формѣ. При семъ мой собесѣдникъ высказалъ задушевную мысль, что Англикан-

ская Церковь не имѣетъ довольно авторитета на своихъ членовъ, чтобъ ити на перекоръ привычкѣ, такъ что изъятіе изъ Символа прибавленія «и отъ Сына» произведетъ раздѣленіе въ нѣдрахъ Англиканизма. На указанную мною рѣшимость Американской Церкви сдѣлать требуемую Православіемъ поправку, Докторъ Пьюзе отвѣтилъ, что Американцы менѣе связаны обычаемъ и преданіемъ, чѣмъ Англичане. При семъ я позволилъ себѣ дать совѣтъ, что нужно приготовить членовъ Англиканской Церкви предварительными многократными объясненіями дѣла.

При прощаніи съ почтенною знаменитостію Оксфордскою, я слышалъ увѣреніе трудиться неослабно къ достиженію вожделѣннаго соединенія съ Православною Церковью. И когда я указалъ ему на запутанное ученіе 39 Членовъ Англиканскаго Исповѣданія, онъ сказалъ, что не Членами нужно объяснять Каѳолическое ученіе, заключающееся въ Богослужебной книгѣ (Prayer-Book), а этою послѣднею опредѣлить смыслъ Членовъ. Докторъ Пьюзе намѣренъ объяснить въ этомъ смыслѣ Члены Вѣры, т. е., такъ, чтобъ объясненіе опровергало содержащееся въ нихъ Протестантское ученіе.

На другой день имѣло быть въ Лондонѣ собраніе, такъ называемаго, Комитета Греко-Россійской Церкви (Russo-Greek Church Commitee), куда я долженъ былъ поспѣшить, по приглашенію ея Президента, Каноника и Канцлера Линкольскаго, Массенберда. Въ прошломъ году, по рѣшенію Высшей Духовной Палаты, состоящей изъ Англиканскихъ Епископовъ Митрополіи Кентербурійской, на упомянутый Комитетъ было возложено снестися съ подобнымъ же Комитетомъ въ Америкѣ и представить, сначала въ Низшую Священническую Палату, а потомъ въ Высшую Епископскую, донесеніе о движеніи вопроса касательно соединенія Англо-Американской Церкви съ Православно-Каѳолическою Восточною. Естественно было ожидать уясненія въ этомъ собраніи, состоящемъ изъ десяти именитыхъ Священниковъ разныхъ Епархій Туда же былъ приглашенъ и почтенный Протоіерей нашей Посольской Церкви въ Лондонѣ, Евгеній Поповъ. Но почтенное собраніе угостило меня болѣе радушіемъ, испустивъ, при вѣсти о моемъ присутствіи, двукратный одобрительный крикъ (hear, hear!), и не удовлетворило моего ожиданія слышать ясное изложеніе дѣла. Засѣданіе, длившееся около двухъ часовъ, ограничилось выборомъ

осторожныхъ и краткихъ выраженій для изложенія прошлыхъ обстоятельствъ, касающихся искомаго соединенія, и повтореньемъ желанія искренняго, «чтобъ Англиканскіе Христіяне и Православные могли участвовать въ молитвахъ и таинствахъ обѣихъ Церквей, не измѣняя своей Церкви.» На мое замѣчаніе, что нужно упомянуть о предварительномъ согласіи въ ученіи Вѣры, безъ коего не мыслимо общеніе въ таинствахъ, мнѣ отвѣтили, что это вопросъ крайне деликатный, на рѣшеніе котораго Комитетъ не получилъ полномочія; что теперь только указывается движеніе и цѣль, а употребленіе средствъ будетъ указано обстоятельствами въ будущемъ.

Плодомъ этого собранія «Комитета Греко-Россійской Церкви» было донесеніе, которое имѣю честь представить при семъ въ подлинникѣ. *

На другой день этотъ рапортъ былъ представленъ изъ Низшей Духовный Палаты въ Высшую, съ большою церемоніею. Депутація Священниковъ, состоящая изъ Президента и двѣнадцати Членовъ, въ разноцвѣтныхъ мантіяхъ, предводимая тремя Экзекуторами съ серебряными булавами, отправилась чинно по двору Вестминстерскаго Аббатства въ засѣданіе Епископовъ. Мы, съ Протоіереемъ Поповымъ, послѣдовали за этимъ ходомъ, ожидая какого ни будь рѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, разсужденія. Дѣло обошлось скромнѣе. Президентъ Священниковъ, по входѣ въ Высшую Палату, направилъ свои стопы къ Примату (Предсѣдателю) Епископовъ (ихъ было десять), и въ полголоса объявилъ ему, что принесъ рапортъ о дѣлѣ желаемаго соединенія Англиканской Церкви съ Православною Восточною. Архіепископъ Кентербурійскій принялъ бумагу съ привѣтливою улыбкою, и положилъ ее на столъ. Между тѣмъ подошли ко мнѣ Епископы: Оксфордскій, съ которымъ я познакомился годъ тому назадъ въ Брюсселѣ, Лондонскій, съ которымъ я довольно долго бесѣдовалъ въ 1862 году въ Парижской церкви, Эдинбургскій, Салисбурскій и Бристольскій, которымъ я былъ представленъ мимоходомъ въ Оксфордѣ; всѣ жали мнѣ руку и говорили любезныя привѣтствія. Кентербурійскій Архіепископъ подозвалъ меня къ себѣ и благосклонно говорилъ

* Его нѣтъ у насъ подъ руками. *О. Б.*

со мною, пожимая, по обычаю, мою руку. О дѣлѣ единенія съ Православною Церковью никто изъ нихъ не сказалъ ни слова; это свиданіе ограничилось только приглашеніемъ меня на обѣдъ Митрополитомъ, на три завтрака Епископомъ Оксфордскимъ, на вечеръ и обѣдъ Епископомъ Лондонскимъ.

Не честь этѣхъ приглашеній занимала меня, а надежда, въ частныхъ встрѣчахъ съ Епископами, побесѣдовать о дѣлѣ единенія. Воспользовавшись только двумя завтраками Епископа Оксфордскаго, я не нашелъ тамъ пищи моему сердечному любопытству. Видя, что самъ почтенный хозяинъ, окруженный двумя Епископами и десятью Священниками, не касается разговора о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною, я позволилъ себѣ вопросъ: «Какой ходъ дастъ Епископская Палатата донесенію Священниковъ о дѣлѣ единенія, и какой исходъ можно предвидѣть?» Самуилъ Оксфордскій отвѣчалъ съ добродушіемъ, не лишеннымъ дипломаціи, что это дѣло подлежитъ суду не одного Епископа, не одной провинціи, но должно пройти чрезъ совокупное разсужденіе Митрополій Кентербурійской и Іоркской; что онъ заранѣе ничего не можетъ предвидѣть, желая искренно, съ своей стороны, соединенія съ Православною Церковью. Больше нельзя было извлечь изъ устъ «Его Господства.» Не болѣе опредѣлителенъ былъ Епископъ Салисбурскій, другъ Палмера, вступившаго въ Римскую Церковь. Но въ этомъ Прелатѣ я замѣтилъ болѣе теплоты и какъ бы нетерпѣнія къ скорѣйшему соединенію.

Еще менѣе ясности я получилъ отъ Епископа Лондонскаго, который не отличается большимъ богословскимъ образованіемъ, принадлежитъ къ направленію Протестантскому и мало вообще занимается церковными дѣлами. Его взглядъ можно выразить словами: «Я не прочь отъ соединенія съ Православною Церковью, если всѣ мои собратія и Правительство найдутъ это возможнымъ.» На вечерѣ у этого Англиканскаго пышнаго Прелата я былъ представленъ, между прочимъ, знаменитому Министру Гладстону, извѣстному своимъ филелленизмомъ. Этотъ Государственный человѣкъ принадлежитъ къ числу желающихъ соединенія съ Православною Церковью. Въ довольно продолжительномъ разговорѣ со мною онъ высказалъ свой взглядъ на Православную Церковь. Ходъ его мыслей былъ такой: «Церковь Христова была хороша,

пока содержала единство Востока и Запада. По раздѣленіи, Западное Христіянство подчинилось человѣческому развитію и приняло два ложныхъ направленія: Церковь Римская развила авторитетъ до духовной тиранніи, сосредоточивъ все въ Папѣ и лишивъ духовныхъ правъ не только мірянъ, но и Священниковъ. Сверхъ того Папство осуетилось земною властью и связало съ нею участь Церкви. Другія Вѣроисповѣданія, которыя Г. Гладстонъ назвалъ «свободными,» напротивъ, развили свободу до уничтоженія авторитета, слѣдовательно, всякаго общаго правила и единства. Церковь Православная, благодаря Промыслу Божію (par une action providentielle), осталась на древнихъ, первобытныхъ началахъ, и къ ней-то должны возвратиться всѣ Церкви, дабы спасти остатки Христіянства.» Частныхъ разсужденій о своей Церкви Г. Гладстонъ не высказалъ; сказалъ только, что указаніе пути къ соединенію принадлежитъ Церковному авторитету, и уже за тѣмъ сужденію Правительства.

Во время пышнаго стола у Архіепископа Кентербурійскаго, гдѣ присутствовали пятнадцать особъ, преимущественно свѣтскихъ, не было рѣчи о соединеніи Церквей. Послѣ обѣда почтенный Примасъ любезно показалъ мнѣ всю роскошь своего дворца (бывшаго Королевскаго), привлекъ мое вниманіе на нѣкоторыя цѣнныя картины, которыми украшены стѣны огромныхъ его залъ. Потомъ освѣдомился о способѣ избранія и наименованія Епископовъ, а равно и о судѣ надъ виновными Священниками, въ Русской Церкви—вопросы, крайне запутанные въ Англиканской Церкви. Удовлетворивъ любопытству «Его Милости,» и услышавъ отъ него одобрительный отзывъ о дисциплинѣ нашей Церкви, я привелъ разговоръ къ стремленію Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною. Архіепископъ отвѣтилъ, что такая мысль дѣйствительно существуетъ въ значительной части Англиканской Церкви, но она еще не разработана и не уяснена. Что касается до него, Архіепископа, то онъ еще не имѣлъ обстоятельнаго объясненія объ этомъ предметѣ съ своими соепископами и не составилъ себѣ практическаго понятія къ достиженію сей вожделѣнной цѣли. Потомъ, услышавъ звуки клавикордовъ, Примасъ Англіи заговорилъ о своей любви къ музыкѣ и пѣнію, и обѣщалъ развлечь своихъ гостей пѣніемъ романса. Мнѣ казалось, что я не понялъ его, но тотчасъ убѣдился, что онъ выразился вѣрно. Въ

самомъ дѣлѣ, шестидесятипятилѣтній Архіепископъ подошелъ къ клавикордамъ и, въ сообществѣ своихъ двухъ дочерей, пропѣлъ, дрожащимъ тенoромъ, идиллическій романсъ «о узникѣ и пріученной имъ птичкѣ.» Гости не удивлялись поступку ихъ духовнаго руководителя; вѣрно, это принято обычаями Англійскими. Разговоръ о серьезныхъ дѣлахъ не возобновлялся, и въ одиннадцать часовъ вечера я откланялся пѣвцу-Архіепископу, поблагодаривъ его за радушное гостепріимство.

Мнѣ оставалось еще одно средство уяснить вопросъ движенія Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною; это — присутствіе въ собраніи, такъ называемаго, «Общества Восточной Церкви,» состоящаго подъ покровительствомъ нѣкоторыхъ Англиканскихъ Прелатовъ и Православнаго Архіепископа Бѣлградскаго, Михаила, и считающаго въ своемъ составѣ до 60 членовъ, преимущественно духовныхъ. При семъ имѣю честь приложить краткій Уставъ этого Общества. *

Такъ какъ собраніе Комитета этого Общества назначено было въ три часа по полудни, то я употребилъ мое утро на посѣщеніе Декана Вестминстерскаго Аббатства, бывшаго Оксфордскаго Профессора, Стенли, и Каноника того же Аббатства, знаменитаго Англиканскаго Богослова, Водсворта (Wodsworth). Первый изъ нихъ, какъ самъ онъ выразился, пригласилъ меня, чтобъ отплатить Русское гостепріимство, которымъ онъ пользовался во время своего путешествія по Россіи. Раціоналистъ по вѣрованіямъ, онъ не сочувствуетъ стремленію «Высшей» Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною. По его мнѣнію, лучшая Церковь есть та, которая позволяетъ свободу мыслей. Несравненно ученѣе и серьезнѣе смотритъ на это дѣло Каноникъ Водсвортъ. Не смотря на сильную боль въ рукѣ отъ обрѣза стекломъ, онъ посвятилъ около полчаса бесѣдѣ со мною о сдѣланномъ Западною Церковью прибавленіи къ Символу Вѣры. По его убѣжденію, Сынъ Божій не есть вѣчный источникъ исхожденія Св. Духа, а только посредникъ Его временнаго посольства въ міръ. Изложивъ это Православное ученіе, Англійскій Богословъ присовокупилъ, что крайне трудно для Англиканской Церкви, по укоренившейся въ ней

* И этого Устава нѣтъ теперь у насъ подъ руками. *О. Б.*

привычкѣ, выбросить незаконное и не истинное прибавленіе. А по тому всего лучше устроить соединеніе Церквей съ сохраненіемъ въ каждой изъ нихъ своего Символа. Я объяснилъ ему несостоятельность такой мысли. Если Г. Водсвортъ разсуждаетъ объ этомъ пунктѣ разногласія рѣшительнѣе, чѣмъ Докторъ Пьюзе, за то сей послѣдній вѣрнѣе судитъ о Таинствахъ, тогда какъ первый имѣетъ на нихъ взглядъ, близкій къ Кальвинскому. Какое столпотвореніе Вавилонское!

Въ три часа я явился въ собраніи «Комитета Восточной Церкви.» Тамъ было одиннадцать Членовъ; изъ нихъ девять духовныхъ. Послѣ молитвы о соединеніи Церквей, Президентъ, Магистръ Вильямсъ, прочиталъ нѣсколько писемъ съ заявленіемъ сочувствія къ Обществу, и представилъ третью книжицу Американскаго Общества Восточной Церкви, гдѣ помѣщенъ переводъ «Начатковъ Православнаго ученія,» съ нѣкоторыми пояснительными извлеченіями изъ «Пространнаго нашего Катихизиса» и примирительными поясненіями Секретаря Общества, Г. Юнга; за тѣмъ просилъ меня, отъ лица Общества, быть корреспондентомъ онаго, на что я согласился. Такъ какъ засѣданіе было не чередное, то не оказалось писанныхъ разсужденій касательно соглашенія Англиканской Церкви съ Православною. Этѣхъ пунктовъ пять; они, будто бы, извлечены изъ разговоровъ Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго съ Американскимъ Пасторомъ Юнгомъ. Излагаю ихъ такъ, какъ они были мнѣ переданы Г. Вильямсомъ, съ указаніемъ на лица, которыя приняли на себя разсмотрѣніе о нихъ. 1, Можно ли надѣяться, что 39 Членовъ Англиканской Церкви не будутъ препятствіемъ къ соединенію съ Православною Церковью? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ занимаются Гг. Дентонъ и Фрезеръ (Denton, Fraser). 2, Какъ согласить Англиканское прибавленіе къ Символу Вѣры (Filio que) съ Православіемъ Восточной Церкви? Разсужденіе о семъ принято г. Нилемъ (Neale). 3, Доказана ли непрерывность Апостольскаго преемства въ Англиканской Церкви? Отвѣтъ на это пишетъ Г. Стебъ (Stubbs). 4, Принимаетъ ли Англиканская Церковь Священное преданіе? Этотъ предметъ излагаетъ Г. Меддъ (Medd). 5, Какое ученіе Англиканской Церкви о Таинствахъ? Отвѣтное сочиненіе на это обѣщалъ Г. Казеноу (Casenow). Такъ, въ близкомъ будущемъ ученые Члены «Общества Восточной Церкви» дадутъ примирительные опыты

сближенія съ Православною Церковью. Безъ сомнѣнія, этотъ трудъ не обойдется безъ натяжки.

Во время нашего собранія одинъ изъ Членовъ, Г. Жаксонъ, сталъ было меня пытать на счетъ способа соглашенія Православной Церкви съ Англиканскою.

Довольный этимъ поводомъ, я отвѣчалъ откровенно и спокойно, что необходимо прежде всего единство Вѣры; но едва мы съ собесѣдниками коснулись нѣкоторыхъ подробностей, какъ Президентъ и Члены постарались замять бесѣду, утверждая, что нужно пріостановить всѣ подобныя разсужденія до полученія письменныхъ отвѣтовъ на заданные вопросы. Такъ какъ дѣло шло не о сущности, а о методѣ, то я не много возражалъ. Такъ и собраніе Общества не обогатило меня достаточными свѣдѣніями о вопросѣ, меня занимавшемъ.

Все предшествующее длинное, если не сказать утомительное, описаніе моихъ попытокъ къ собранію точныхъ свѣдѣній, изложено мною для того, чтобъ не только самому мнѣ дойти до возможно яснаго понятія о дѣлѣ, но и представить элементы каждому сдѣлать свои выводы. По моему мнѣнію: 1, Въ довольно значительной части Англиканской Церкви существуетъ стремленіе смутное къ сближенію съ Православною Церковью. 2, Въ головахъ самихъ двигателей этого направленія планъ соединенія съ Православною Церковью поставленъ въ странномъ видѣ, не сообразномъ съ Православными и вообще ясными богословскими понятіями о приведеніи въ исполненіе, именно: практическому взаимному пользованію единеніемъ дано преимущество предъ необходимымъ предварительнымъ соглашеніемъ въ ученіи Вѣры. 3, Только не многія личности сознаютъ необходимость единства догматовъ и трудятся надъ примиреніемъ разногласій, безъ рѣшительныхъ уступокъ со стороны Англиканской Церкви. 4, Мысль единенія Англиканской Церкви съ Православною вступаетъ на положительный путь въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, офиціяльная конвокація Священниковъ и Епископовъ Англиканской Церкви поставила ее на чреду своихъ занятій, съ другой составилось «Общество Восточной Церкви,» имѣющее своею цѣлію уясненіе этого вожделѣннаго дѣла.

II.

«Изъ какихъ причинъ и обстоятельствъ возникло стремленіе части Англиканской Церкви къ сближенію съ Православною?»

Къ первой реформѣ въ Англиканской Церкви, состоявшейся при Генрихѣ VIII-мъ и имѣвшей главною цѣлію разорвать церковно-политическое подчиненіе Папѣ, съ сохраненіемъ большей части древнихъ догматовъ, присоединилась, въ послѣдствіи, многократная переработка, подъ вліяніемъ Реформаторовъ континентальныхъ, преимущественно Кальвинскаго направленія. Плодомъ этого было сокращеніе Служебника и Требника, бывшихъ прежде въ употребленіи въ Англиканской Церкви, и особенно составленіе 39 Членовъ Вѣры. Въ сокращенной Литургической книгѣ все таки сохранена основа вѣрованій Каѳолическихъ, Члены же Вѣры, напротивъ, чисто Кальвинскаго характера. Изъ этой двойственности канонической книги Англиканской Церкви рождается возможность и какъ бы законность разномыслія въ самыхъ существенныхъ вѣрованіяхъ членовъ этой Церкви, отсутствіе твердости и ясности для каждаго члена. А такъ какъ всякая шаткость побуждаетъ къ исканію опоры, то и Англикане, утомленные неопредѣленностью, ищутъ ученія древняго, опредѣленнаго. Папская Церковь, по духу ея преобладанія и явнымъ нововведеніямъ, не представляетъ Англиканамъ вѣрнаго убѣжища; Православная же Церковь, по духу ея кротости и неизмѣнности, является имъ вѣрною опорою и пристанищемъ. Вотъ первое побужденіе къ стремленію Англиканъ къ единенію съ Церковью Православною.

Неопредѣленность Вѣроученія въ Англиканской Церкви повела къ раздѣленію ея членовъ на двѣ противоположныя партіи: первая съ направленіемъ Каѳолическимъ — «Высокая Церковь,» вторая съ Протестантскимъ — «Низкая Церковь.» Крайнія части этихъ партій, слѣдуя логическому ходу, отдѣляются отъ Англиканской Церкви и переходятъ въ сродную имъ среду. Такъ, значительное число членовъ «Высшей Церкви» отпадаетъ въ Римскую Церковь. Сія послѣдняя, въ продолженіи истекшихъ двадцати пяти лѣтъ, удвоила число своихъ прозелитовъ въ Англіи и обладаетъ уже значительными учрежденіями человѣколюбія, просвѣщенія и ми-

нашеской жизни. Съ другой стороны «Низкая Церковь» постоянно обогащаетъ своими членами общества Диссидентскія. Появляющіеся ежегодно храмы этѣхъ отщепенцевъ, въ сосѣдствѣ офиціальныхъ Церквей, служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Англиканская Церковь чувствуетъ свое разложеніе, боится за будущность и ищетъ исцѣленія и жизни въ соединеніи съ Церковью Православною.

Живой авторитетъ, который могъ бы остановить разложеніе въ Церкви Англиканской, совершенно безсиленъ. Онъ сосредоточивается, по формѣ, въ Епископствѣ. Но самое Епископство, отторгнутое отъ древняго корня, заподозрѣнное въ своей законности, робко, неувѣренно пасетъ Церковь. Въ самомъ дѣлѣ, учитель-отщепенецъ ставитъ Англиканскаго Епископа въ одно положеніе съ собою, отстраняя таинственный характеръ и принимая одно самовольное учительство. «Я такой же Епископъ, какъ и ты,» говоритъ онъ. Съ другой стороны, Римская Церковь положительно и жестоко отрицаетъ Епископство въ Англиканской Церкви и низводитъ его на видъ самозванца. Стоя между этѣми двумя отрицаніями, Англиканскіе Епископы лишены увѣренности и силы. Доселѣ одна Церковь Православная не произнесла рѣшительнаго суда объ этомъ предметѣ, и въ ней-то Англиканская Іерархія надѣется найти признаніе своей законности и, слѣдовательно, утвержденіе своего авторитета.

Недостатокъ внутренней состоятельности восполняется въ Англиканской Церкви покровительствомъ Правительства, обладаніемъ огромными житейскими средствами, почти монополіею народнаго просвѣщенія. Всѣ этѣ внѣшнія преимущества теперь не въ прежней полнотѣ и не въ прежней прочности. Настоящее Министерство Виговъ, принадлежа къ «Низкой Церкви», если не враждебно къ Церкви, то равнодушно къ ней и какъ бы тяготится попечительствомъ надъ Церковью. Въ назначеніи Епископовъ оно предпочитаетъ кандидатовъ свободныхъ мыслей, какъ то видно въ Епископѣ Лондонскомъ и Деканѣ Вестминстерскаго Аббатства, Стенли, раціоналистѣ. Въ разногласіяхъ между нѣкоторыми писателями, отвергающими истины Откровенія, и ихъ духовными властями, свѣтскіе суды «Королевскаго Совѣта» защищаютъ вольномыслящихъ, какъ въ дѣлѣ Колензо и сочинителей «Трактатовъ и

Обозрѣній. Замѣтны направленіе и попытки къ умноженію финансовыхъ средствъ Церкви. Подлѣ Университетовъ Кембриджскаго и Оксфордскаго, въ основѣ которыхъ лежитъ Англиканское ученіе и дисциплина, а равно и приходскихъ школъ, Правительство предпринимаетъ учредить заведенія на независимыхъ отъ Церкви основаніяхъ. Правда, оппозиція Тори, желая захватить въ свои руки бразды правленія и въ надеждѣ получить содѣйствіе Англиканской Церкви, обѣщаетъ ей покровительство и помощь. Но трудно надѣяться, чтобъ, достигнувъ своей цѣли, Тори остались въ расположеніи и возможности исполнить свои обѣщанія. Въ Англіи все идетъ медленно, но слѣдуетъ принятому направленію, А по тому въ «Высокой Церкви» есть опасеніе, что въ будущемъ она, мало по малу, лишится внѣшней опоры. Въ этомъ смутномъ и тревожномъ предвидѣніи, она ищетъ духовной и братской опоры въ Церкви Православной, съ которой желаетъ соединиться.

Вотъ тѣ многосложныя побужденія, которыя направляютъ Англиканскую Церковь къ Православной.

III.

Казалось бы, что, при столь многоразличныхъ побужденіяхъ, влекущихъ Англиканскую Церковь къ Православной, можно было ожидать скораго ея единенія. Къ сожалѣнію, въ существѣ самыхъ побужденій кроются препятствія. Если, съ одной стороны, Англичане, утомленные разнорѣчивымъ составомъ своей Вѣры, чувствуютъ потребность опредѣленности и твердости Вѣры, то, съ другой стороны, въ нихъ остается старая закваска уживаться съ противорѣчіями. Привыкши терпѣть въ своей Церкви разномысленныя партіи, Англичане естественно думаютъ, что они могутъ вступить въ единеніе съ Православною Церковью, сохранивъ нѣкоторыя особенности своей Вѣры. Чувство единства еще ново въ Церкви Англиканской; оно недовольно просвѣщено богословскою наукою. Въ разговорахъ съ извѣстными богословами этой Церкви я не разъ удивлялся недостаточности и односторонности ихъ познаній. Одинъ полагаетъ, что Церковь Православная вполнѣ согласна съ Англиканскою, и тѣмъ показываетъ незнаніе нашей Церкви; другой увѣряетъ, что Церковь Англиканская содержитъ

ученіе Восточной Церкви, и тѣмъ доказываетъ, что не имѣетъ точнаго знанія ни объ одной изъ нихъ. Сужденія богослововъ Англиканской Церкви страждутъ вообще отсутствіемъ началъ, а этотъ недостатокъ ведетъ къ слабости и произвольности умозаключеній.

Если уживчивость съ разномыслiемъ въ Вѣрѣ, соединенная съ слабостью Богословской науки, замѣчается въ духовныхъ руководителяхъ, то этѣ недостатки должны быть еще сильнѣе въ мірянахъ. Взявъ же во вниманіе практическую вѣковую привычку къ своему Вѣроисповѣданію и слабость духовной власти Іерархіи, мы встрѣчаемся съ новою стороною препятствія къ перемѣнѣ въ Вѣрѣ. Прошедшее и обычай вездѣ составляютъ силу сопротивленія, въ Англіи же приверженность къ нимъ доходитъ до идолослуженія. Если бъ Церковная власть рѣшилась произвести скорый поворотъ въ этомъ отношеніи, то она сокрушилась бы сама предъ силою сопротивленія. Одна изъ причинъ вѣрности Англиканъ своимъ обычаямъ и учрежденіямъ лежитъ въ преувеличенномъ сознаніи своего превосходства предъ другими народами, въ личной и національной гордости. Это чувство они прилагаютъ и къ своей Церкви, которая есть національное ихъ твореніе и достояніе. Крайне трудно Англичанину сознаться, что его предки составили неудачно Англиканскую Церковь, что эта часть выше, вѣрнѣе, прочнѣе въ Россіи и у народовъ Восточныхъ, которые во всемъ остальномъ стоятъ ниже Англіи. Эту слишкомъ большую жертву Англія принесетъ съ большимъ трудомъ и не скоро.

Англиканская Церковь, какъ учрежденіе національное, введена въ составъ благоустройства гражданскаго, утверждена Парламентомъ и Правительствомъ—новая цѣпь, останавливающая движеніе къ единенію ея съ Православіемъ Каждый Англичанинъ воленъ выйти изъ своей Церкви, но Церковь въ своемъ составѣ не можетъ произвести въ себѣ важной перемѣны безъ участія Парламента и Правительства. Между тѣмъ трудно ожидать, чтобы Парламентъ и Правительство стали на сторону движенія Англиканской Церкви съ Православною. Для этого, кромѣ побужденій и убѣжденій духовныхъ, нужно сознаніе со стороны націи какихъ либо выгодъ; ибо Англичане не избрали правиломъ своихъ дѣй-

ствій слова Спасителя: «Ищите прежде Царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ.»

Однимъ изъ послѣдствій связи «учрежденной Англиканской Церкви» съ Конституціею національною есть признаніе за этою Церковью огромныхъ владѣній и доходовъ. Эту связь можно назвать золотою и крайне прочною. Если бы нѣсколько Англиканскихъ Епископовъ (на всѣхъ никогда расчитывать нельзя), съ извѣстнымъ числомъ Священниковъ и вѣрующихъ, соединились съ Православною Церковью, отвергнувъ утвержденныя Парламентомъ 39 еретическихъ Членовъ Англиканской Церкви, то можно опасаться, что Правительство будетъ смотрѣть на это общество, какъ на секту, лишитъ пастырей его тѣхъ житейскихъ выгодъ, которыми они пользовались въ Англиканской Церкви, и обречетъ ихъ на существованіе, тѣмъ болѣе трудное, что предшествующая жизнь была полна обилія и роскоши. Чтобы Епископу отказаться отъ ста до четырехсотъ тысячъ франковъ жалованья (это крайніе предѣлы жалованья), Декану отъ двадцати пяти до пятидесяти, для этого необходимо убѣжденіе непреложное и вѣра сверхъестественная.

Сими-то препятствіями вмѣстѣ взятыми и объясняется нерѣшительность и медленность движенія Англиканской Церкви къ Православной, а равно видимая несообразность плана дѣйствій. Слѣдуя своему обычаю, двигатели вожделѣннаго единенія начинаютъ не съ началъ и единства Вѣры, а съ практическаго сближенія. Ставя обѣ Церкви какъ бы на равныя права, они щадятъ свою національную гордость. Избѣгая рѣшительнаго шага, они не разрываютъ связи съ гражданскою властью и не лишаются житейскихъ выгодъ. Между тѣмъ въ будущемъ надѣятся на совершенное соединеніе, а въ настоящемъ—на признаніе Православною Церковью Англиканской Іерархіи, что было бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ.

IV.

Нельзя не видѣть, что указанныя нами препятствія весьма важны, что обусловленный ими планъ соединенія есть путь не прямой къ осуществленію благой мысли. Но нужно ли по этому

отложить всякую съ нашей стороны надежду и всякое попеченіе объ этомъ важномъ дѣлѣ? Не думаемъ. Всѣ препятствія къ единенію лежатъ въ случайныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ побужденія къ оному выходятъ изъ существенныхъ нуждъ. Со временемъ и терпѣніемъ послѣднія должны восторжествовать надъ первыми. Запутанность и неясность Англиканскихъ вѣрованій прояснится изученіемъ Православной Вѣры; этому уже полагается начало въ трудахъ частныхъ богослововъ и «Общества Восточной Церкви.» Обычай сохраненія и медленности тоже измѣняется временемъ и трудомъ. Англія идетъ медленно, но она не стоитъ. Національная гордость не встрѣтитъ въ Православіи жесткаго оскорбленія оной; ибо Православіе не есть внѣшнее господство, а внутреннее согласіе въ Божественномъ, не отрицающее разностей въ человѣческомъ. Расположеніе Парламента къ согласію на соединеніе Англиканской Церкви съ Православною можетъ быть достигнуто постояннымъ и постепеннымъ просвѣщеніемъ мыслей. Можно надѣяться, что Государственные мужи Англіи, разсмотрѣвъ дѣло безпристрастно, найдутъ въ немъ выгодныя стороны для своей націи, не противорѣчащія выгодамъ нашего Отечества. Но если бы это и не состоялось, истина Православія можетъ, благодаря труду, времени и особенно Божіей благодати, согрѣть въ сердцахъ нѣкоторыхъ членовъ и привести ихъ къ единству съ Католическою Восточною Церковью. Пусть назовутъ это малое стадо Христово сектою: она можетъ сдѣлаться зерномъ горчичнымъ на Англійской почвѣ.

Надежда на благія послѣдствія Англиканскаго религіознаго движенія получаетъ большую основательность, если взять въ соображеніе подобное же движеніе въ Американской Епископской Церкви. Тамъ менѣе закоренѣлыхъ обычаевъ, тамъ нѣтъ препятствія въ неразрывной связи съ Правительствомъ и въ пользованіи отъ него содержаніемъ духовенству. А по тому Американцы, кажется, идутъ вѣрнѣе и рѣшительнѣе, такъ что Англичане, опасаясь ихъ ребяческой опрометчивости (слова Магистра Вильямса), не желаютъ отставать отъ нихъ.

Съ нашей стороны (смѣю думать) было бы неблагоразумно и грѣшно оставаться равнодушными зрителями примирительнаго движенія Англо-Американской Церкви съ Православною. Къ помощи

и участію въ этомъ побуждаетъ насъ обязанность просвѣтить ищущихъ свѣта истины; ибо уровнять путь грядущихъ къ Православію есть только часть неизбѣжная долга Церкви: «Шедше, научите вся языки.» Неисполненіе этого долга можетъ сдѣлать опасныхъ враговъ изъ простирающихъ къ намъ руки любви и единенія. По предшествовавшимъ частнымъ примѣрамъ членовъ Англиканской Церкви, которые, уставши отъ безплодныхъ изслѣдованій, бросились, съ закрытыми глазами, въ нѣдра Римской Церкви, можно опасаться подобнаго поворота и отъ безуспѣшнаго стремленія значительной части Англиканской Церкви къ Православной. Сдѣлавшись Папистами, они превратятся въ нашихъ непримиримыхъ враговъ. А это враждебное расположеніе въ рукахъ Англіи можетъ быть сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, по тѣмъ средствамъ, которыми обладаетъ эта страна.

Что же намъ дѣлать? Просвѣщать желающихъ, на сколько представится случай и позволятъ средства, истинствующе въ любви; указывать и уплажать имъ путь къ сближенію съ нами; покрывать терпѣніемъ и исправлять кротостью ихъ дѣйствія и планы, носящіе характеръ несообразности. Для сей цѣли, кромѣ дѣйствій частныхъ людей, полезно было бы составить изъ спеціальное Общество изъ нѣсколькихъ Православныхъ Священниковъ, которые бы посвятили свои силы основательному изученію Англиканской Церкви во всѣхъ отношеніяхъ, занялись бы выборомъ Православныхъ писаній для перевода на Англійскій языкъ, и составленіемъ оригинальныхъ сочиненій, направленныхъ къ примиренію Англиканской Церкви съ Православною.

Одинъ Богъ возращаетъ, а человѣкъ долженъ насаждать и поливать. Явятся плоды — слава благости и премудрости Божіей! Останется ли дѣло безуспѣшнымъ—въ утѣшеніе себѣ мы можемъ сказать: «рабы неключимы есми, яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ.»

Протіерей Іоаннъ Васильевъ.

Парижъ.

16/28 Февраля, 1865 года.

О СРЕДСТВАХЪ КЪ ИСПРАВЛЕНІЮ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ РОССІИ.

Экономическое состояніе Россіи въ теченіи нынѣшняго столѣтія подвергалось многимъ измѣненіямъ. Насажденная попеченіемъ мудрыхъ нашихъ Государей мануфактурная и заводская промышленность въ царствованіе Императора Александра 1-го, дѣйствіемъ учрежденнаго имъ Министерства Коммерціи, укореняясь и распространяясь, не мало содѣйствовала возвышенію народнаго благосостоянія; но съ окончаніемъ въ 1815 г. войны, въ угоду Англійскому Правительству, большая часть ограждавшихъ нашу промышленность таможенныхъ пошлинъ были понижены и даже вовсе отмѣнены. Иностранцамъ открыты были всѣ средства къ подавленію Русскихъ мануфактуръ, а за тѣмъ и большей части зависящихъ отъ нихъ отраслей Русской промышленности. Послѣдствія такой мѣры были для благосостоянія Государства самыя вредныя. Экономическое положеніе нашего Отечества, вмѣсто того, чтобы возрастать во время мира, стало быстро упадать, фабрики рушились, банкротства были многочисленны, монета уходила за границу, недоимки въ платежѣ податей безпрестанно возрастали. Въ слѣдствіе того Правительство наше рѣшилось ввести строго охранительный таможенный тарифъ, который возъимѣлъ свое дѣйствіе съ 24-го Марта, 1822 г. Подъ защитою такой системы, въ теченіе слише 20-лѣтняго управленія Графа Канкрина, мануфактуры наши и всякая промышленность сильно возрастали и совершенствовались, народное богатство развилось и возвысилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ умножились и Государственные доходы. Золото и серебро, не взирая на большое количество ассигнацій, обращалось

[1] Все это засвѣдѣтельствовано въ Циркулярѣ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ къ нашимъ представителямъ при Западныхъ Дворахъ въ 1822 г.

въ народѣ изобильно; Правительство имѣло свободныя суммы на пособіе ссудою Государствамъ иностраннымъ и, сверхъ, того обладало важными въ слиткахъ и монетѣ капиталами, изъ которыхъ нынѣ только остатки уцѣлѣли. [2]

По кончинѣ, въ 1845 г., великаго Государственнаго мужа, Графа Канкрина, воспреобладали въ умахъ нашихъ правителей принципы, такъ называемой, свободной международной торговли, распространяемые у насъ Полякомъ Тенгоборскимъ. По настоянію послѣдователей его ученія, сдѣланы были, преждевременно и безсознательно, весьма неблагоразумныя измѣненія тарифа, сначала въ 1850 г., а потомъ въ 1857 г. [3] Въ слѣдствіе такихъ дѣйствій, большая часть нашихъ промышленныхъ заведеній, лишены будучи возможности существованія, сначала уменьшили, а потомъ прекратили свое дѣйствіе. Великое число трудившагося на нихъ народа пришло въ нищету, упало благосостояніе и тѣхъ земледѣльцевъ, которыхъ произведенія потребляемы были на сихъ заведеніяхъ, какъ и другихъ окрестныхъ жителей, пользовавшихся тамъ иными выгодами. Наплывомъ къ намъ иностранныхъ товаровъ ушло наше золото, упало народное богатство, изсякли многіе источники Государственныхъ доходовъ.

Съ того времени произведены были коренныя реформы всей нашей кредитной системы и совершены многія финансовыя операціи; но какъ всѣ эти преобразованія и дѣйствія не истекали изъ

---

[2] Кромѣ размѣннаго фонда въ 281,500,000 р. с. въ 1847 г., состоявшій въ распоряженіи Правительства запасный капиталъ въ слиткахъ и монетѣ простирался до 115,678,595 р. 43 коп., что составляло по курсу 470 миліон. франк. (Journal de S.-Pétersbourg 1850 г., ст. Georges Cancrine. Étude biographique). Тогда не было ни одного Государства, которое обладало бы такимъ запасомъ золота и серебра

[3] Я находился въ С.-Петербургѣ въ 1857 г., когда обсуждался тамъ проектъ измѣненія тарифа, не мало бесѣдовалъ съ признанными туда изъ Москвы фабрикантами, и не могъ не грустить о томъ невниманіи и легкомысліи, съ которыми принимаемы были нашими финансистами весьма основательныя ихъ мнѣнія и замѣчанія Предсказанныя этѣми торговыми людьми вредныя послѣдствія предпринимаемыхъ тогда распоряженій, къ несчастію, вполнѣ осуществились.

народной жизни, а произведены путемъ бюрократическимъ, по идеямъ мечтателей теоретиковъ, безъ надлежащаго обсужденія представленныхъ для того проектовъ людьми практическими, потребности всѣхъ частей Государства основательно знающими, то и не могли быть тѣ реформы и операціи Государству полезны. Напротивъ того, почти всѣ этѣ дѣйствія были ошибочны и существенно вредны. По неосновательнымъ опасеніямъ уничтожены были наши вѣковыя, благонадежныя кредитныя установленія, съ великими потерями для Правительства, ко вреду большей части народа. Землевладѣльцы лишились возможности получать, подъ залогъ ихъ недвижимыхъ имуществъ, необходимыя имъ денежныя ссуды, частныя лица вообще потеряли способы къ выгодному помѣщенію своихъ сбереженій и свободныхъ капиталовъ. Вся торговля отъ того болѣе или менѣе пострадала. Въ видахъ возвышенія денежнаго нашего курса, предпринятъ былъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на имѣвшееся въ распоряженіи Правительства золото. Возвышеніе курса не удержалось; онъ вскорѣ упалъ ниже прежняго; Правительство потеряло при такомъ опытѣ болѣе 70 милліоновъ руб. сер., не только безполезно, но съ немалымъ вредомъ для нашей отпускной торговли. Совершены были также и другія неудачныя финансовыя операціи. Потеря, понесенная въ эту краткую эпоху нашимъ Правительствомъ, по причинѣ дурно расчитанныхъ операцій, простиралась на весьма важныя суммы; при томъ источники Государственныхъ доходовъ значительно уменьшились, а расходы на утрату процентовъ по Государственнымъ долгамъ увеличились.

Такимъ образомъ, ослабленіемъ производительныхъ силъ народа и послѣдствіями вышепоказанныхъ операцій, экономическое наше положеніе приведено въ такое состояніе, что уже, въ теченіе многихъ лѣтъ, Правительство только при помощи неоднократно совершенныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ можетъ удовлетворять необходимымъ Государственнымъ потребностямъ. Все это совершается въ такомъ Государствѣ, которое надѣлено щедрыми дарами природы въ высшей степени, нежели какая либо другая страна Европы.

Я могъ въ краткомъ только очеркѣ показать здѣсь пагубныя послѣдствія, происшедшія отъ того порядка дѣйствій, который

принятъ былъ нашими по части финансовъ дѣятелями въ послѣдніе годы; но даже изъ такого краткаго описанія не трудно, думаю я, постановить заключеніе: возможно ли далѣе ити тою же системою, и къ чему она должна привести наконецъ Государство? Является существенная необходимость избрать другой путь, обратиться къ иной системѣ. При обильныхъ средствахъ нашего Отечества, имѣются еще и нынѣ достаточные способы къ поправленію нашего бѣдственнаго экономическаго и финансоваго положенія, лишь бы мы, оставя ложныя начала, поспѣшили стать на правый путь безотлагательно. Но, прежде изложенія потребной для того системы дѣйствій, я считаю за лучшее представить предварительно слѣдующія соображенія.

Для увеличенія Государственныхъ доходовъ Министерство Финансовъ приступило уже къ возвышенію многихъ на промыслы налоговъ. Такія мѣры не могутъ, думаю я, имѣть существенно полезныхъ для Государства послѣдствій, тѣмъ болѣе, что издаваемыя бюрократическимъ путемъ для того узаконенія въ Государствѣ обширномъ неминуемо представлять будутъ тяжкія для народа неудобства. Для значительнаго возвышенія доходовъ недостаточно найти средства выбирать деньги съ народа бѣднаго. Нужно дать питаніе его производительной дѣятельности и тщательно охранять оную. Точно такъ какъ для полученія отъ коровы хорошихъ удоевъ молока недостаточно того, чтобы прилежно ее выдаивать, — необходимо дать ей хороше питаніе и тщательный имѣть уходъ за нею.

Тщетно нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ питаютъ себя надеждою исправить наши финансы усовершеніемъ нашего земледѣлія и усиленіемъ отпуска нашего хлѣба и другихъ сырыхъ произведеній за границу. Природа назначила Россію быть житницею Западной Европы. Наши производители хлѣба находятся въ такомъ отдаленіи отъ Англіи и другихъ заграничныхъ потребителей, что съ наилучшимъ устройствомъ и распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ, мы не можемъ войти въ состязаніе съ тѣми плодородными странами, на западъ отъ насъ лежащими, которыя находятся вблизи тѣхъ потребителей. Для выгоднаго сбыта нашего хлѣба и сырыхъ произведеній мы должны возсоздать для себя внутреннихъ собственныхъ потребителей, обративъ значительную

часть нашего населенія на производство тѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, которыя получаются нами доселѣ изъ за границы. Мы должны **возсоздать**, сказалъ я, на хлѣбъ нашъ потребителей; ибо въ управленіе Графа Канкрина существовали уже такіе потребители. Россія, развивая производительную дѣятельность народа, обращала на труды промышленные немалочисленное населеніе, потреблявшее наши земледѣльческія произведенія.

По такимъ причинамъ и нынѣ, для исправленія тягостнаго положенія нашего Государства, существуетъ, думаю я, одно благонадежное средство: **возстановленіе у насъ мануфактурной**, а съ нею и всякой другой, отрасли народной промышленности.

По скудости почвы и суровости климата многихъ областей нашего Отечества, водвореніе тамъ мануфактурной и заводской промышленности, для благосостоянія народа, существенно необходимо. Съ учрежденіемъ въ какой либо странѣ промышленныхъ заведеній, разливается народное благосостояніе въ той мѣстности не на малое разстояніе. Туземные жители получаютъ средства къ выгодному употребленію труда своего заработками на тѣхъ фабрикахъ отвозомъ издѣлій, торговлею и многими другими способами, и тѣмъ возвышаютъ свое благосостояніе. Поселяне продаютъ на фабрикахъ избытки своего хозяйства и свои земледѣльческія произведенія, учреждаются при нѣкоторыхъ заведеніяхъ торги и ярмарки, и вся страна, до того бѣдная, оживаетъ. При большомъ стеченіи рабочихъ земледѣльческія произведенія доставляются имъ изъ удаленныхъ плодородныхъ мѣстностей, жители коихъ, безъ отправленія своихъ произведеній за границу, находятъ для нихъ потребителей. Въ черноземныхъ весьма плодородныхъ нашихъ Губерніяхъ есть не мало мѣстностей, въ которыхъ, по удаленію отъ пристаней и невыгодному сбыту хлѣба, поселяне находятся въ крайнемъ затрудненіи къ полученію денегъ на уплату податей и на пріобрѣтеніе самонужнѣйшихъ въ быту крестьянскомъ предметовъ. Когда же въ тѣхъ мѣстахъ являются свекловичные заводы, или другія подобныя заведенія, то вся страна оживаетъ: поселяне доставляютъ свою свекловицу, приходятъ на заработки, цѣны на хлѣбъ возвышаются, все населеніе вообще пользуется неизвѣстнымъ ему доселѣ благосостояніемъ.

Вмѣстѣ съ устройствомъ и преуспѣяніемъ всѣхъ такихъ промышленныхъ заведеній, Правительство получаетъ возвышеніе доходовъ отъ многоразличныхъ статей: отъ совершенія актовъ при куплѣ и продажѣ, отъ заключенія контрактовъ, отъ платы за право торговли, отъ взиманія рабочими людьми паспортовъ, отъ увеличившагося потребленія разныхъ предметовъ, обложенныхъ акцизомъ и податями, и отъ многихъ другихъ источниковъ, которые привести здѣсь было бы затруднительно. Надобно весьма тщательно вникнуть во всѣ сіи обстоятельства, чтобы понять, сколь многочисленны и обильны тѣ источники, по коимъ, съ расширеніемъ дѣятельности народа и возвышеніемъ его благосостоянія, вливаются избытки его богатства въ доходъ казенный. По всѣмъ таковымъ причинамъ распространеніе и преуспѣяніе вышеказанныхъ благодѣтельныхъ учрежденій заслуживаетъ особенныхъ попеченій и покровительства Правительства, безъ котораго промышленная дѣятельность народа, при настоящихъ обстоятельствахъ, укрѣпиться и преуспѣвать не можетъ.

Въ нынѣшнемъ положеніи нашего Отечества не только возникающія отрасли нашей промышленности, но даже и тѣ, которыя укоренились уже и усвоились, не могутъ доставлять произведенія свои столь дешево, какъ иностранныя Государства, собственно по тому, что мануфактуры наши къ удешевленію производства своихъ издѣлій встрѣчаютъ такія препятствія, которыя на Западѣ уже не существуютъ, и которыя не могутъ быть отклоняемы усиліемъ частныхъ лицъ, но только постоянными, въ теченіе многихъ лѣтъ, дѣйствіями Правительства.

Главныя изъ сихъ препятствій суть слѣдующія:

а) Слабое состояніе наукъ естественныхъ и техническихъ. По неимѣнію у насъ достаточныхъ способовъ къ пріобрѣтенію юношами такихъ познаній, мы лишены возможности приготовлять практически нужныхъ для промышленности техниковъ, и принуждены выписывать ихъ изъ чужихъ краевъ съ большими расходами и затрудненіями.

б) Недостатокъ банковъ для учета векселей и другихъ коммерческихъ операцій, оставляетъ людей промышленныхъ въ рукахъ

ростовщиковъ и аферистовъ, причиняя чрезъ это для промышленности не малые расходы.

в) Отсутствіе гипотекарныхъ книгъ, существующихъ въ другихъ Государствахъ, лишаетъ фабрикантовъ возможности къ выгодному позаимствованію капиталовъ подъ залогъ недвижимыхъ своихъ имуществъ и, заставляя ихъ обращаться къ другимъ болѣе тяжкимъ средствамъ, причиняетъ имъ непріятныя издержки.

г) Неудовлетворительные законы по частному кредиту подвергаютъ нашихъ кредиторовъ большимъ затрудненіямъ, при взысканіи съ должниковъ слѣдующихъ имъ суммъ, а по тому люди промышленные могутъ заимствовать изъ частныхъ рукъ нужные имъ капиталы только за высокіе проценты; слѣдовательно, по несовершенству закона, несутъ напрасные расходы.

д) Неимѣніе средствъ къ выгодному застрахованію фабрикъ. По невведенію у насъ взаимнаго застрахованія строеній отъ огня, подобно тому, какъ это введенно въ Пруссіи и Царствѣ Польскомъ, страхованіе строеній предоставлено у насъ, на пространствѣ всего Государства, разнымъ частнымъ компаніямъ, которыя взимаютъ плату едва ли не вдвое выше той, за которую страхуютъ въ показанныхъ странахъ общества взаимнаго страхованія, по тому и фабрики наши несутъ чрезъ то напрасные расходы.

е) Недостатокъ хорошо устроенныхъ сообщеній, оставляя во многихъ мѣстахъ дороги почти непроѣздимыми на весьма продолжительное время, принуждаетъ фабрикантовъ закупать въ удобное время большіе запасы нужныхъ имъ матеріяловъ, оставляя въ бездѣйствіи употребляемые на то капиталы, слѣдовательно, причиняетъ напрасные расходы. Затрудненіе къ доставленію товаровъ для сбыта соединено тоже бываетъ съ чувствительными для фабрикантовъ невыгодами.

ж) Стѣснительныя узаконенія въ дѣйствіи фабрикъ, испрашиваніе разрѣшеній и засвѣдѣтельствованій, какъ и соблюденіе многихъ другихъ безполезныхъ формальностей, причиняютъ также фабрикантамъ не малыя затрудненія и расходы.

з) Недостатокъ хорошаго управленія, неправильные поборы, придирки, стѣсненія и злоупотребленія безнравственныхъ, голод-

ныхъ чиновниковъ, обременяютъ также фабрикантовъ напрасными расходами.

Всѣ кратко означенные мною убытки, какъ и многія другія растраты и поборы, причиняютъ фабрикантамъ такіе расходы, кои падаютъ на цѣны товаровъ и препятствуютъ удешевленію фабричныхъ произведеній.

Отклоненіе всѣхъ вышепоказанныхъ препятствій къ удешевленію предметовъ нашей мануфактурной промышленности есть дѣло многотрудное и не можетъ быть вскорѣ исполнено. По тому, въ теченіе не малаго времени, для развитія нашей промышленной дѣятельности, является существенная необходимость ограждать оную достаточными для того охранительными пошлинами. [4]

Привозимые къ намъ изъ за границы товары состоятъ почти исключительно изъ предметовъ роскоши, по тому возвышенныя на нихъ пошлины, а чрезъ то и нѣсколько увеличенныя продажныя цѣны, падать будутъ лишь на людей богатыхъ, тогда какъ распространеніе въ Государствѣ промышленныхъ заведеній разольетъ богатство на всю массу населенія, оживитъ народную дѣятельность и доставитъ Правительству не только отъ таможенныхъ пошлинъ, но и отъ многоразличныхъ внутреннихъ источниковъ, не малое возвышеніе доходовъ. [5] Къ несчастію, нѣкоторые фи-

---

[4] Всѣ нынѣ богатыя Государства не иначе достигли развитія своего благосостоянія, какъ покровительствомъ своей промышленности. Самый Англо-Французскій трактатъ 1860 г., какъ доказалъ Американскій писатель Кери, есть актъ въ высшей степени покровительственный. Составленный на основаніи этого трактата тарифъ ограждаетъ Французскія манафактуры высокими пошлинами.

До настоящаго времени ни одно благоустроенное Государство не осуществило у себя вполнѣ начадъ свободной международной торговли. Въ самой Англіи существуютъ еще, по нѣкоторымъ привознымъ предметамъ, довольно высокія пошлины. Всѣ Англійскія колоніи настоятельно требуютъ введенія у нихъ, для охраненія туземной промышленности, протекціонныхъ пошлинъ.

[5] Одинъ изъ нашихъ экономическихъ писателей, по основательнымъ даннымъ, исчислилъ, что потребители иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ соста-

нансисты: наши не видятъ, или не желаютъ видѣть, необходимости, возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ, возстановить промышленную дѣятельность народа, и даже предлагаютъ новое пониженіе сихъ пошлинъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что почитаютъ оное необходимымъ для уничтоженія контрабанды. Заключеніе, по мнѣнію моему, неосновательное; ибо въ управленіе Министерствомъ Финансовъ Графа Канкрина, въ бытность Директоромъ Таможеннаго Департамента Д. Г. Бибикова, контрабанды, при гораздо высшихъ, нежели нынѣ, пошлинахъ, почти не существовало. Такимъ образомъ и въ настоящее время, твердыми и благоразумными мѣрами, контрабанда можетъ быть, если несовершенно уничтожена, то сдѣлаться вовсе нечувствительною. Все зависитъ отъ хорошаго управленія и болѣе всего отъ благонамѣренности и усердія поставленныхъ по сей части дѣятелей. Предположительно исчислить можно, что таможенныя пошлины, при благоразумномъ ихъ возвышеніи и хорошемъ управленіи таможнями, могутъ увеличить Государственные доходы на 15 милліон. руб. с., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на гораздо большую сумму развитіе промышленности возвысятъ въ непродолжительное время Государственные доходы отъ внутреннихъ источниковъ. При дальнѣйшемъ развитіи производительныхъ силъ народа будутъ болѣе и болѣе возвышаться и Государственные доходы. Для успѣшнаго достиженія сей цѣли, какъ и для возстановленія торговаго баланса и нужнаго исправленія нашихъ финансовъ, необходимо стремиться къ тому, чтобы всѣ получаемыя изъ за границы издѣлія, которыя, по нашему климату и мѣстнымъ условіямъ, могутъ у насъ быть производимы съ удобствомъ, были бы усвоены нашей промышленности.[6] Желательно, чтобы рельсы, локомотивы, вагоны и другія принадлежности желѣзныхъ дорогъ дѣланы были въ Россіи, а по тому не надлежитъ ни подъ какимъ предлогомъ допускать сихъ вещей, какъ и дру-

---

вляютъ у насъ только 4% изъ общаго числа жителей, и что за тѣмъ 96%, т. е., вся масса населенія, довольствуется издѣліями внутреннихъ туземныхъ фабрикъ, или произведеніями собственнаго труда своего.

[6] До послѣдованія въ 1857 г. упадка большей части нашихъ фабрикъ, Россія сама производила $^{9}/_{10}$ потребляемыхъ ею товаровъ, и привозила иностранныхъ произведеній для своего потребленія только на сумму 31 милл. руб. (ст. "Les finances de la Russie", par le Baron de Meyendorff).

гихъ издѣлій, къ привозу безпошлинно. Маловажный излишекъ расходовъ, на сіе потребныхъ, скоро вознаградится съ лихвою.

Нетерпѣливымъ нашимъ экономистамъ, влекущимъ насъ къ открытію нашей границы для иностранной промышленности, въ видахъ осуществленія принциповъ свободной международной торговли, надлежало бы принять въ соображеніе, что Россія соединила уже многія Царства и Княжества въ одинъ Государственный и торговый союзъ, заключающій въ себѣ половину Европы и треть Азіи; что, съ уничтоженіемъ существовавшихъ между сими странами таможенныхъ заставъ, водворилась уже совершенная свобода торговли на пространствѣ болѣе 300 тысячъ квадрат. географическ. миль; это, конечно, болѣе Нѣмецкаго Таможеннаго Союза. [7] По тому мы съ терпѣніемъ можемъ ожидать того времени, когда, съ укрѣпленіемъ нашей промышленности, возможно будетъ открыть иностранцамъ наши границы безъ вреда нашей промышленной дѣятельности и народному благосостоянію.

Вышепоказанныя мною средства къ умноженію Государственныхъ доходовъ строгимъ охраненіемъ нашей промышленности не требуютъ ни какихъ преждевременныхъ затратъ и употребленія капиталовъ, которыми теперь и не обладаетъ наше Правительство. Но коль скоро будутъ въ виду свободныя суммы, то надлежитъ, для развитія производительныхъ силъ народа, употребить еще слѣдующія средства:

1. Распространеніе въ Государствѣ промышленныхъ свѣдѣній, учрежденіемъ и расширеніемъ нужныхъ для того учебныхъ заведеній такимъ образомъ, чтобы мы имѣли повсемѣстно достаточное число своихъ хорошихъ техниковъ, какихъ намъ доставляетъ теперь Технологическій Институтъ и Московское Ремесленное Заведеніе.

2. Учрежденіе хорошей системы кредитныхъ установленій въ такой мѣрѣ, чтобы во всѣхъ городахъ и другихъ мѣстахъ

---

[7] По статистическимъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ Календарѣ на 1863 г. видно, что Россія, съ принадлежащими къ ней владѣніями, заключаетъ въ себѣ 395,026 квадр. миль; Германскій жа Таможенный Союзъ только 9,113 кв. миль.

промышленныхъ обыватели находили способы къ помѣщенію на проценты свои свободные капиталы, къ позаимствованію нужныхъ имъ суммъ подъ залогъ движимыхъ имуществъ, къ учету векселей и совершенію другихъ коммерческихъ операцій.

3. Устройство хорошихъ путей сообщенія, т. е., не только желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей Государственныхъ, водяныхъ и сухопутныхъ, но и удобныхъ сообщеній между всѣми городами и даже значительными селеніями.

4. Отклоненіе многоразличныхъ стѣсненій, поражающихъ преуспѣяніе нашей промышленности, по несовершенству нашихъ по сей части постановленій.

Такое исправленіе существующихъ, какъ и вообще изданіе новыхъ по сему предмету, постановленій и распоряженій надлежитъ составлять не однимъ только путемъ бюрократическимъ, но по совѣщанію съ призванными изъ разныхъ мѣстностей экспертами и нѣкоторыми другими людьми, практически въ тѣхъ предметахъ свѣдущими.

При употребленіи всѣхъ такихъ способовъ къ развитію въ Россіи производительныхъ силъ народа надѣяться должно, что, со временемъ, Государство наше не только будетъ имѣть достаточные способы къ удовлетворенію своихъ потребностей и къ попогашенію своихъ долговъ, но, при обильныхъ средствахъ, дарованныхъ природою нашему Отечеству, оно можетъ быть богатѣйшею и счастливѣйшею страною Европы.

Д. Членъ С. Шиповъ.

ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ

ДЛЯ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» въ № 9-мъ этой газеты, говоря о женскомъ образованіи, между прочимъ, осуждаетъ существованіе у насъ вообще отдѣльныхъ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, выражаясь, что «такое странное явленіе болѣе чѣмъ что либо роняетъ достоинство нашего Духовенства, причиняетъ ущербъ нашей Церкви и оказываетъ вредное вліяніе на всю нашу духовную жизнь.» Особенно же Редакція порицаетъ учрежденіе такихъ заведеній въ Западномъ Краѣ. Такое осужденіе полезнѣйшихъ въ своемъ родѣ, въ настоящее время, учрежденій произошло, думаю я, отъ недостаточной извѣстности тѣхъ обстоятельствъ, которыя послужили побужденіемъ къ учрежденію существующихъ нынѣ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ духовнаго званія и къ введенію оныхъ въ западныхъ областяхъ Государства. По тому, для надлежащаго объясненія сего предмета, я почитаю не лишнимъ изложить тѣ обстоятельства съ нѣкоторою подробностію.

Не настоитъ, конечно, ни какой надобности въ томъ, чтобы, назначающій себя служенію Церкви, Семинаристъ избиралъ себѣ жену изъ духовнаго званія; но, по образу жизни и всему быту нашего Православнаго Духовенства, будущимъ священнослужителямъ весьма трудно, иногда почти невозможно, найти себѣ невѣсту изъ числа дѣвицъ, воспитывающихся въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во всѣхъ этѣхъ училищахъ введено обученіе танцамъ и развитъ вкусъ къ нарядамъ, балamъ, концертамъ, театральнымъ представленіямъ и другимъ, не всегда безвреднымъ, увеселеніямъ.

---

[1] Въ Уѣздномъ городѣ Коломнѣ учреждена, въ недавнемъ времени, женская Гимназія, въ которой обучаются дочери промышленнаго класса гражданъ и другихъ лицъ средняго состоянія. 30-го Генваря данъ былъ въ семъ учебномъ заведеніи спектакль, на который приглашено было большое число посѣтителей. Воспитанницы играли двѣ пьесы, Французскую и Русскую. По

Образованная въ такомъ суетномъ направленіи дѣвица въ семьѣ Священника, почти отстраненнаго по своему положенію отъ общества, ничего для нея пріятнаго найти не можетъ, и вообще весь бытъ Священника не соотвѣтствуетъ полученному ею свѣтскому образованію. Самъ будущій священнослужитель, хотя человѣкъ умный и образованный, но вовсе не свѣтскій, для нея непривлекателенъ. Дочери даже Священниковъ, образованныя въ Институтахъ и другихъ свѣтскихъ училищахъ, чуждаются лицъ духовныхъ: «Я за этѣ широкіе рукава никогда не выйду»: такъ говоритъ дѣвица, и отецъ по необходимости выдаетъ ее за чиновника. Поставленному въ священнослужители Семинаристу, человѣку просвѣщенному, нужна для его счастія жена хорошо образованная, воспитательница будущихъ дѣтей его, хорошая хозяйка, не развлеченная свѣтскими удовольствіями. Изъ какого же сословія можетъ нынѣ священнослужитель сыскать такую невѣсту? До учрежденія отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ духовнаго званія, онъ принужденъ былъ брать себѣ невѣсту изъ тѣхъ необразованныхъ дѣвицъ духовнаго званія, которыя не обучались въ свѣтскихъ училищахъ, или дочерей мѣщанъ, не получившихъ ни какого образованія, почти безграмотныхъ. Какія же были отъ того послѣдствія? Священникъ, не находя въ домѣ своемъ семейнаго счастія, предавался чрезъ то пьянству, а иногда и другимъ порокамъ; дѣти его съ самаго младенчества возрастали въ невѣжествѣ, не имѣя просвѣщенной матери. По такимъ причинамъ съ давняго времени оказывалось необходимымъ устроеніе такого рода училищъ, въ коихъ бы будущіе священнослужители могли находить дѣвицъ, которыхъ бы воспитаніе соотвѣтствовало вышепоказаннымъ потребностямъ.

Съ другой стороны, надлежитъ принять во вниманіе, что священнослужитель, посвятившій въ теченіе всей жизни своей труды

окончаніи спектакля, воспитанницы вышли на сцену въ характерныхъ костюмахъ и исполнили очень граціозно нѣсколько характерныхъ танцевъ; особенно хороши были, замѣчаетъ корреспонденгъ, Русская пляска и качуча. — Женское учебное заведеніе, въ которомъ наряжаютъ воспитанницъ въ характерные костюмы, заставляютъ танцовать характерные танцы! — Гдѣ мы, Господи? Во что готовятъ дочерей нашихъ сіи заведенія? — вопрошаетъ Редакція С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. (См. С.-Петербургскія Вѣдомости N 52 за 1866 годъ).

своя и дарованія почти безмездно на пользу Церкви и Государства, въ правѣ ожидать, что Государство обезпечитъ ему средства къ воспитанію дѣтей его: это—священный долгъ Правительства. Особенное же вниманіе должно быть обращено на доставленіе ему средства для воспитанія дѣтей женскаго пола, ибо образованіе дочерей наиболѣе для него затруднительно.

Мысль объ основаніи для удовлетворенія сей потребности дѣвичьяго училища съ давняго времени уже занимала людей благомыслящихъ, свѣтскихъ и духовныхъ; но дѣлаемыя ими для того попытки имѣли мало успѣха. Только въ 1842 г. мысль эта и сдѣланныя одною почтенною особою начинанія къ учрежденію небольшаго училища для дочерей Священниковъ стали, по случайнымъ обстоятельствамъ, извѣстными Великой Княжнѣ (нынѣ Королевѣ Виртембергской) Ольгѣ Николаевнѣ, а чрезъ Ея Высочество Государю Императору Николаю Павловичу. Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы училище для дѣвицъ духовнаго званія устроено было въ Царскомъ Селѣ, подъ главнымъ попечительствомъ Великой Княжны Ольги Николаевны, на средства, которыя Государь соизволилъ для того назначить; подобныя же училища были вскорѣ за тѣмъ открыты въ Ярославлѣ, Казани, Иркутскѣ, а въ послѣдствіи въ Вильнѣ, Витебскѣ, Житомирѣ и Каменецъ-Подольскѣ. Нынѣ сіи заведенія находятся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Главная цѣль учрежденія училищъ для дѣвицъ духовнаго званія состоитъ въ томъ, чтобы каждая дѣвица, по окончаніи своего воспитанія, была по возможности:

1. Женщиною вполнѣ благочестивою, хорошо образованною, способною составить семейное счастіе своего мужа, человѣка просвѣщеннаго.

2. Хорошею воспитательницею дѣтей своихъ и способною вести училище, которое было бы ей ввѣрено.

3. Хорошею хозяйкою, свѣдущею во всемъ, что потребно для домашняго ея быта, прилежною, не чуждающеюся ни какого труда, въ ея положеніи необходимаго.

Многолѣтній опытъ доказалъ, что цѣль сія большею частію успѣшно достигнута. Въ Царскомъ Селѣ и Ярославлѣ училища вы-

пустили болѣе 450 дѣвицъ, которыя, за небольшими исключеніями, вышли замужъ за сельскихъ Священниковъ. Многія изъ сихъ воспитанницъ имѣютъ уже дѣтей, которыхъ воспитаніемъ они съ успѣхомъ занимаются, и учредили въ домахъ своихъ училища для дѣтей другихъ состояній. Достойныя уваженія лица, посѣщавшія этѣхъ бывшихъ воспитанницъ въ ихъ новыхъ семействахъ, свѣдѣтельствуютъ о томъ благотворномъ дѣйствіи, которое производитъ тамъ полученное ими воспитаніе. Нѣкоторыя дѣвицы, до выхода въ замужество, принимаютъ на себя обученіе малолѣтнихъ дѣтей, или занимаютъ другія въ частныхъ домахъ должности, которыя исполняютъ съ большимъ успѣхомъ. [1]

Въ изданныхъ въ 1864 г. письмахъ о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи (на стр. 97 и 98) помѣщены слѣдующія о состояніи Ярославскаго училища свѣдѣнія:

«Замѣчательно, что воспитанницы, по выходѣ изъ заведенія, большею частію сохраняютъ на всю жизнь живую связь съ нимъ, и въ немъ продолжаютъ искать себѣ опоры и сочувствія; многія изъ нихъ ведутъ постоянную корреспонденцію съ бывшею своею начальницею и воспитательницами, и въ этой корреспонденціи можно найти не мало примѣровъ въ подтвержденіе того, что горячая преданность учредительницы этѣхъ заведеній предположенной цѣли не пропала даромъ. Письма, которыя присылаются въ училище съ разныхъ концевъ Россіи бывшими его воспитанницами, таковы, что ихъ нельзя читать безъ душевнаго волненія и безъ радости, понятной всякому, кому дорого дѣло истиннаго образованія народнаго, и кому отрадно сочувствіе всякой доброй дѣятельности, какая бы ни была она простая и скромная. Во многихъ изъ этѣхъ писемъ разсказывается простыми словами краснорѣчивая

---

[1] Мнѣ случилось видѣть въ одномъ почтенномъ семействѣ такую, не вышедшую за мужъ, по болѣзненному состоянію, дѣвицу. Она исполняла тамъ должность Секретаря у весьма просвѣщеннаго, почти слѣпаго, старца, вела его переписку, содержала въ порядкѣ библіотеку, читала ему Русскія книги, писала по его диктовкѣ, переписывала бумаги весьма красивымъ почеркомъ и не рѣдко сама составляла для него письма и записки правильнымъ и хорошимъ слогомъ, занималась вмѣстѣ съ женою его хозяйствомъ и, какъ дѣвица просвѣщенная, была пріятною собесѣдницею и любима всѣмъ семействомъ.

исторія цѣлой жизни, исполненной трудовъ, лишеній и борьбы съ тяжелыми обстоятельствами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и той радости, которая происходитъ отъ удовлетвореннаго стремленія къ доброй дѣятельности. Есть корреспонденціи, по которымъ видимъ, какъ бѣдная дѣвица, прямо по выходѣ изъ заведенія, вступаетъ въ тяжелую домашнюю работу въ домѣ своихъ родителей и становится въ немъ дѣятельною помощницею по хозяйству, наставницею маленькихъ братьевъ и сестеръ; видишь, сколько добра и свѣта приноситъ она въ домашній кругъ свой, оживляя его и дѣлами любви, и новыми интересами, и чтеніемъ привезенныхъ съ собою книгъ, и разсказами про училище, къ которому и она и всѣ ея домашніе обращаются съ любовью и благодарностію. По томъ, съ перемѣною въ судьбѣ дѣвушки, начинаются новыя страницы той же повѣсти, о жизни ея и дѣятельности въ своемъ домѣ, хозяйствѣ и приходѣ: и тутъ видишь, сколько благословенія вноситъ добрая жена не только въ бытъ сельскаго Священника, но и въ бытъ цѣлаго прихода. Особенно замѣчательна дѣятельность нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанницъ Ярославскаго и Царско-Сельскаго училищъ въ учрежденіи сельскихъ школъ и въ обученіи крестьянскихъ дѣтей.»

Вообще училища сіи такимъ образомъ устроены, что могутъ быть лучшимъ средствомъ воспитанія для дѣвицъ средняго состоянія; но къ помѣщенію ихъ въ эти заведенія не представляется въ настоящее время ни какой возможности; ибо, по ограниченному ихъ числу они не вполнѣ еще достаточны для дочерей Духовенства, коихъ воспитаніе, по вышеозначеннымъ причинамъ, лежитъ на обязанности Правительства. [3]

Всѣ вышеприведенныя обстоятельства достаточно, думаю, показываютъ неосновательность выраженнаго редакціею «Москов-

[3] Въ Царско-Сельскомъ и Ярославскомъ Училищахъ воспитываются по 90 дѣвицъ, почти всѣ пансіонерки, съ платою въ Царско-Сельскомъ по 60 р., а въ Ярославскомъ по 50 р. въ годъ, и число священнослужителей, желающихъ помѣстить въ заведеніе своихъ дочерей, такъ велико, что Начальство принуждено отказывать многимъ изъ нихъ въ пріемѣ ихъ дочерей. Не служитъ ли это очевиднымъ доказательствомъ какъ потребности, сознаваемой нашимъ Духовенствомъ, въ существованіи для него подобныхъ заведеній, такъ и удовлетворительности получаемаго тамъ образованія?

скихъ Вѣдомостей» осужденія; напротивъ, каждый благомыслящій гражданинъ, знакомый съ положеніемъ сихъ учебныхъ заведеній, по сознанію общественной пользы, ими приносимой, надѣюсь, воздастъ справедливую дань уваженія и благодарности тѣмъ почтеннымъ лицамъ, кои трудились и трудятся для ихъ устройства и преуспѣянія, и тѣмъ высокимъ особамъ, подъ руководствомъ и покровительствомъ коихъ они дѣйствуютъ.

Въ западныхъ областяхъ Государства учрежденіе такихъ отдѣльныхъ для дѣвицъ духовнаго званія училищъ, по мнѣнію находящихся тамъ Русскихъ старожиловъ, особенно необходимо. Православные священнослужители, оставаясь на жительствѣ между Польскимъ Шляхетствомъ, по неимѣнію такихъ училищъ, не находятъ возможности иначе воспитывать дочерей своихъ, какъ въ общихъ женскихъ училищахъ, или пансіонахъ, вмѣстѣ съ Польками, враждебными нашему Православію и Русской народности. Даже дочери Русскихъ чиновниковъ, воспитанныя въ домахъ своихъ родителей, но находящіяся въ соприкосновеніи съ Польскимъ обществомъ, выйдя за мужъ за Священниковъ, приносятъ въ дома свои не малую долю Полонизма и чувствъ, неблагопріятныхъ Православію. Дабы дочери священнослужителей выростали чисто Русскими, Православными дѣвицами, необходимо, чтобы онѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ удалены были отъ всякаго съ Польскимъ элементомъ общенія, и даже отъ тѣхъ Русскихъ дѣвицъ, которыя находятся съ Польскимъ обществомъ въ соприкосновеніи.

Этого иначе достигнуть не возможно, какъ помѣщеніемъ ихъ для воспитанія въ отдѣльныя училища; правило это надлежитъ наблюдать до того времени, пока Русское просвѣщенное населеніе въ томъ краѣ не умножится, и Русскій просвѣщенный элементъ не будетъ тамъ преобладающимъ.

С. Ш.

Москва.
28-го Февраля, 1866 года.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

В 3-й книжкѣ прошлаго года «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» были помѣщены собранные мной 32 документа, какъ матеріалъ для исторіи Поповщины, отъ начала Бѣлокриницкой іерархіи до конца 1864 года. Такъ какъ представить документы безъ всякой связи я полагалъ нелогичнымъ, то по тому приложилъ при нихъ краткій очеркъ этой секты, составленный на основаніи самихъ документовъ. Вполнѣ сознавая, что мой трудъ не можетъ быть безукоризненнымъ, я заявилъ въ предисловіи, что приму съ великой благодарностію всякій дѣльный совѣтъ, и воспользуюсь данными мнѣ указаніемъ.

Въ Ноябрской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за прошлый же годъ на мою статью явились Замѣтки, на которыя можно бы коротко и ясно отвѣчать: «Не стоитъ благодарности!» Но какъ Г. Субботинъ пользуется нѣкоторой извѣстностью, и многіе, въ случаѣ такого лаконическаго отвѣта, могли бы, пожалуй, почесть замѣчанія его дѣльными, то я рѣшился отвѣчать ему нѣсколько пространнѣе, съ цѣлію объяснить тѣмъ, кто обратилъ свое вниманіе на мою статью и приложенные къ ней документы, недоумѣнія, вызвавшія Замѣтки Г. Субботина.

Читая со вниманіемъ эти Замѣтки, нельзя не видѣть, что онѣ съ начала до конца исполнены однѣхъ придирокъ, желанія, по возможности, умалить цѣнность обнародованныхъ мною документовъ, какого-то тайнаго недоброжелательства и, хотя тщательно замаскированнаго, но тѣмъ не менѣе все таки замѣтнаго, стремленія присвоить себѣ судъ и рядъ надъ сочиненіями о Старо-

обрядствѣ. Намъ кажется, здравомыслящій человѣкъ не только заботливо избѣгаетъ подобнаго, но отклоняетъ отъ себя самый поводъ къ такимъ нелестнымъ о себѣ заключеніямъ. Онъ не дозволитъ, на примѣръ, ни самому себѣ ни чѣмъ выставляться, ни чтобы его выставляли другіе, какъ нѣкоего раввуни, возсѣдящаго посредѣ книжниковъ и Саддукеевъ Руси.

Не ужели все это такъ себѣ, даромъ, на обумъ? Пословица говоритъ: «Ударь по столу—ножницы отзовутся». Дѣйствительно, сказанное мной проглядываетъ въ Замѣткахъ чуть ли не на каждой строкѣ. Такъ, уже въ самомъ началѣ ихъ, при 1846 годѣ, Г. Субботинъ ставитъ вопросительный знакъ. Но что же тутъ для него страннаго? Если въ первомъ документѣ говорится о происшествіяхъ 1846 года, и Очеркъ, послѣ нѣсколькихъ вводныхъ словъ, начинается этѣмъ годомъ, то всякій можетъ судить, въ правѣ ли я былъ поставить въ заглавіи иной годъ. Что же касается до того, что я, по мнѣнію Г. Субботина, плохо владѣю Русскимъ языкомъ и выражаюсь неточно и неправильно, то я самъ о себѣ судить, а тѣмъ болѣе выхвалять себя, не желаю, но имѣю причины полагать, что въ подобномъ случаѣ трудъ мой не могъ бы явиться на страницахъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ». А что мое изложеніе не понравилось моему рецензенту, то на это отвѣчу ему пословицей: «На вкусъ, на любовь да на цвѣтъ закона нѣтъ». «Одному любѣ попъ, говоритъ другая пословица, другому попадья, а третьему попова дочка.» Нѣтъ ничего легче, какъ взводить подобнаго рода навѣты на нелюбыхъ намъ по чему либо. Всегда, молъ, найдутся люди, которые подумаютъ себѣ: «Каковъ знатокъ языка Русскаго! Настоящій Гречъ и Булгаринъ! Онъ и «Чтенія» учитъ правописанію. Буквалистъ, сущій буквалистъ!» Что до удивленія Г. Субботина, какъ подобное сочиненіе могло попасть на страницы ученаго и извѣстнаго своею солидностью изданія, каковы «Чтенія», то, въ отвѣтъ на это, могу только повторить то же самое, что уже сказалъ выше касательно упрека его мнѣ въ незнаніи Русскаго языка, т. е., не имѣй оно въ самомъ дѣлѣ ни какихъ за собою достоинствъ, разумѣется, не могло бы попасть въ «Чтенія». Но не черезчуръ ли ужь Г. Субботинъ взыскателенъ къ нашимъ повременнымъ изданіямъ? Развѣ они собраніе образцовыхъ произведеній? Въ такомъ случаѣ, пожалуй,

и его умственныя дѣтища не скоро же попали бы въ оныя. Но, возвратился къ его Замѣткамъ.

Г. Субботину не понутру, что я называю Амвросія Эксъ-Епископомъ. Отдаю на судъ всѣхъ и каждаго, имѣлъ ли я право называть такъ Архіерея, отрѣшеннаго отъ должности и находящагося подъ запрещеніемъ? Ему не нравятся также мои ироническія выраженія: «какого ни будь, хоть лыкомъ шитаго, Архіерея,» хотя ему навѣрное извѣстна исторія Старообрядческихъ Лжеархіереевъ прошлаго столѣтія, Аноима, Аноиногена и т. п. Далѣе, мною сказано, что Старообрядцы провѣдали о подходящемъ для нихъ Архіереѣ при посредствѣ всеуслужливаго племени Израиля. Г. Субботинъ говоритъ о Бѣлокриницкихъ депутатахъ и Огняновичѣ, выставляя ихъ, какъ посредниковъ между Амвросіемъ и будущей его паствой. Но, вѣдь, и мной сказано, что Старообрядцы провѣдали чрезъ Евреевъ объ Амвросіѣ, а переводчикъ названъ мной Магометаниномъ, на основаніи письма Задунайскихъ Старообрядцевъ къ Ивану Александрову, гдѣ именно сказано: «также намъ извѣстно, что Господина Митрополита обучаетъ Русскому разговору Цареградскій Сунитъ.» Кажется, изъ этого не слѣдуетъ, что я назвалъ Огняновича Евреемъ. За тѣмъ Г. Субботинъ досадуетъ на меня за то, за чѣмъ я сказалъ, что за переходъ Амвросію обѣщали заплатить 500 червонцевъ, тогда какъ онъ продался Старообрядцамъ не только за эту сумму, но еще условился на счетъ выдачи ежегодно такой же суммы по самую его смерть и проч., какъ будто бы я умолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ! Дѣло въ томъ, что я, не имѣя въ то время подъ рукой документовъ о всѣхъ условіяхъ найма, выразился, что, кромѣ того, обѣщали дать ему хорошее содержаніе, а это послѣднее выраженіе Г. Субботинъ опустилъ, какъ видно, съ намѣреніемъ. Точно также онъ считаетъ несообразностью обѣщаніе выхлопотать Амвросію разрѣшеніе литургисать; между тѣмъ всякій здравомыслящій человѣкъ пойметъ, что если бы подобное разрѣшеніе было не нужно, то Старообрядцы и не хлопотали бы о немъ; если же хлопотали о немъ, и наконецъ таки добились своего, то, стало быть, запрещеніе существовало, и снять его для Старообрядцевъ считалось необходимымъ. Если же въ разрѣшеніи позволено отслужить Амвросію три обѣдни, и притомъ съ оговоркой, что это должны быть заупокойныя и безъ сѣдѣнія священ-

нато сопресто.га,' то понятно, что на такое разрѣшеніе нельзя смотрѣть иначе, какъ на снисхожденіе. Г. Субботинъ самъ говоритъ, что разрѣшеніе служить литургію составляетъ доходную статью Патріархіи; стало быть, тѣмъ болѣе нужно было сыпать златницы и сребренники для полученія разрѣшенія литургисать отставленному Архіерею, каковъ былъ Амвросій; сколько же было сыпано на подобную потребу денегъ, много, или мало, навѣрное самъ Г. Субботинъ сказать не можетъ. О томъ же, что Патріархъ называетъ въ грамотѣ Амвросія «собратомъ возлюбленнымъ и сослужителемъ», я думаю на это никто не обратитъ вниманія, какъ на заголовокъ въ письмѣ, гдѣ иногда и отъявленный врагъ величается «милостивымъ государемъ, или любезнѣйшимъ другомъ, братомъ» и т. п. Г. Субботинъ говоритъ, что нѣтъ даже надобности доказывать, что Амвросій былъ лишенъ права священнодѣйствовать до перехода въ Старообрядчество; по моему мнѣнію, въ моемъ Очеркѣ это было необходимо, по тому что въ началѣ его мною было сказано, что Старообрядцы усиливались добыть себѣ какого ни будь Архіерея, и наконецъ кое какъ таки добыли его, но такого, который, по простому выраженію, подходитъ къ шитому лыкомъ. Когда Патріархъ потребовалъ Амвросія на судъ за переходъ его въ Старообрядчество и служеніе, вопреки разрѣшенію, то Старообрядцы очень хорошо понимали, что Амвросію не сдоровать, что на него начинаютъ нападать, и конечно начали смотрѣть на него, какъ на гонимаго за Вѣру, на безвиннаго страдальца. Я сказалъ, что Австрійское Правительство молчало, и сказалъ совершенно справедливо, какъ и то, что этому Правительству какое было дѣло до религіозныхъ дѣлъ иновѣрцевъ? Оно дозволило прицять Амвросія, и наблюдало только за исполненіемъ заключенныхъ условій, не имѣя въ предметѣ разыскивать, кто онъ такой, и что онъ будетъ дѣлать среди нащедшаго его стада; ссылка же его въ Цилли послѣдовала въ слѣдствіе представленій Патріарха и Русскаго Правительства, которому сдѣлалось извѣстнымъ, что Амвросія пріобрѣли и обезпечили Русскіе Старообрядцы. Не могло же быть, чтобъ они хлопотали только для другихъ, когда уже болѣе столѣтія старались добыть себѣ Архіереевъ, и не имѣли бы въ виду получать таковыхъ изъ Бѣлой Криницы. При умноженіи ставленниковъ Бѣлокриницкихъ, т. е. мнимыхъ пастырей для упорныхъ и необразованныхъ Старообрядцевъ, что

же иное могло распространиться между ними, какъ не тьма заблужденій? Не уже ли Правительство не могло понять этого, и не уже ли подобный порядокъ дѣлъ согласовался когда ни будь съ видами его, когда оно всегда старалось вводить просвѣщеніе, вразумлять необразованныхъ и не давать развиваться упорному изувѣрству, какимъ всегда отличались Старообрядцы? Вѣдь самъ же Г. Субботинъ допускаетъ, что всего поставлено Кирилломъ 24 Архіерея, и что этого количества слишкомъ довольно; между тѣмъ меня упрекаетъ, за чѣмъ мною сказано «множество». А что они ставлены имъ безъ счету и разбора, т. е., какъ попало и куда попало, то это доказывается тѣмъ, что иногда, по просьбѣ нѣсколькихъ недовольныхъ, назначалъ онъ на одну и ту же Епархію двухъ, и даже для одного города отдѣльнаго Лжеепископа.

Г. Субботинъ говоритъ, за чѣмъ мною сказано, что Антоній нѣсколько разъ крестился, женился и мѣнялъ толки? Кажется, слово нѣсколько означаетъ то, что каждое изъ сказанныхъ дѣйствій было произведено имъ не одинъ разъ; но привязчивому рецензенту кажется это неправильнымъ. Если слѣдуетъ быть крещеннымъ однажды, а Антоній повторялъ это; если по смерти законной жены Антоній перешелъ къ Преображенцамъ, и тамъ жилъ съ новой женой (а кто его знаетъ? Можетъ и не съ одной), что не считается и тамъ законнымъ, и если онъ при томъ перешелъ изъ Православія въ Безпоповщину, потомъ въ Поповщину, то не въ правѣ ли былъ я употребить вышеприведенное нѣсколько?

Точно также Г. Субботинъ старается доказать несправедливость моихъ словъ, что Антоній обращался туда, куда дулъ попутный вѣтеръ и гдѣ надѣялся набить карманъ потуже. Переходъ къ Преображенцамъ, и особенно причины перехода къ Рогожскому согласію, которыя не могутъ быть не извѣстны Г. Субботину, вполнѣ оправдываютъ мои слова; самъ же онъ говоритъ, что «чрезъ его руки шла большая часть пожертвованій; что онъ умѣлъ находить благотворителей и располагать ихъ къ благотворенію, желалъ выставить себя великимъ радѣтелемъ и опорой раскола и, такимъ образомъ, очистить себѣ путь къ высшимъ почестямъ и власти между Старообрядцами.» Кажется, подобныя выраженія ведутъ къ такому мнѣнію, которое высказано мной, и ни чуть не противорѣ-

чатъ тому, что Антоній хитрѣе и образованнѣе Кирилла и обладаетъ болѣе его даромъ слова. Вѣдь я не говорилъ, что онъ этѣми качествами обладаетъ въ высшей степени, а только то, что болѣе, нежели Кириллъ; какимъ же образомъ Г. Субботину показалось, что я выставилъ Антонія обладающимъ въ сильной степени образованіемъ, хитростію и краснорѣчіемъ? А что Кирилла я называю хитрымъ и образованнымъ, то для меня совершенно не понятно. Знаетъ про то, конечно, самъ лишь Г. Субботинъ.

Въ моемъ Очеркѣ сказано, что не успѣлъ еще кончиться судъ надъ Антоніемъ, * какъ изъ подъ пера начитаннаго и умнаго мужика, а можетъ быть и при помощи кого другаго, явилось сочиненіе, которое заставило Старообрядцевъ забыть все остальное, и не только поддержало Антонія, но и поставило его «во главѣ (здѣсь типографскій пропускъ слова «противниковъ») невѣжественнаго Кирилла». Не знаю, что есть обиднаго въ приведенныхъ мной выраженіяхъ для автора Окружнаго Посланія; по крайней мѣрѣ, при личныхъ свиданіяхъ со мной, онъ не выражалъ мнѣ этого; напротивъ, кажется, что человѣку простому, не получившему высшаго образованія, быть умнымъ и начитаннымъ до такой степени, чтобъ написать подобное сочиненіе, приноситъ большую честь, которой я ни какъ не смѣю отнять у него, и всякій порядочный человѣкъ долженъ болѣе уважать его по тому, что такой сочинитель мужикъ. Что до помощи другихъ лицъ при составленіи Окружнаго Посланія, то это можно было предположить, такъ какъ трудно понять, чтобъ Л. Е., при составленіи такого важнаго сочиненія, не совѣтовался съ кѣмъ ни будь изъ своихъ духовныхъ лицъ, и безъ предварительнаго одобренія ихъ рѣшился на подобное «новшество.» Хотя Антоній подписался подъ нимъ и не первымъ, какъ у меня поставлено, единственно по причинѣ его мнимаго Архіепископства, послѣ намѣстника Кириллова, Онуфрія, однако все таки оно выручило его и заставило Старообрядцевъ забыть удаленіе его отъ управленія Всероссійскими дѣлами, отъ котораго онъ ни какъ не думалъ отстраняться, какъ это показали послѣдствія. Тѣмъ болѣе оно было ему по сердцу, что своей под-

* Мнѣ кажется, всякому читающему понятно, что это выраженіе равносильно слѣдующему: «не много времени прошло по окончаніи суда надъ Антоніемъ.»

письмо и стараніемъ склонить другихъ вліятельныхъ лицъ онъ показывалъ себя врагомъ мнѣній Безпоповцевъ, въ которыхъ его постоянно упрекали. Если же Антоній потомъ отрекался отъ Окружнаго Посланія, то отрекался подъ видомъ сожалѣнія о томъ, что оно произвело раздѣленіе между Старообрядцами; а дѣйствительно ли по тому, что оно было направлено противъ Безпоповщинскихъ мудрованій, и дѣйствительно ли онъ ихъ придерживается, или по тому, что боялся разобличенія своихъ грѣшковъ, объ этомъ надобно спросить самого Антонія, проникнуть же въ душу его и утвердительно сказать, что въ ней кроется, никто не можетъ. Когда Кириллъ явился въ Москву съ объявленіемъ, въ которомъ признавалъ Окружное Посланіе незаконнымъ; то, боясь его анаѳемы всѣмъ Русскимъ Старообрядцамъ, подъ объявленіемъ подписались дѣйствительно не тѣ лица, которыя одобряли его, исключая Антонія. Болѣе всѣхъ здѣсь дѣйствовалъ Антоній, по тому что ему-то болѣе всѣхъ и нужно было усыплять Кирилла, поставить для этого на видъ свое притворное раскаяніе и показаться вождемъ противниковъ Окружнаго Посланія. Недалекому Кириллу довольно было и этого, а между тѣмъ противъ его дѣйствій готовился протестъ, опять подъ руководствомъ того же Антонія. Полагаю, этихъ данныхъ достаточно для того, чтобъ сказать, что Антоніи Окружное Посланіе выручало: при его помощи онъ могъ бороться съ Кирилломъ.

Что же касается до подложныхъ документовъ, то надобно сознаться, что избѣгнуть ихъ весьма трудно, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, Старообрядцы не очень довѣряютъ свои документы не своимъ. 2-е, Между ними дѣйствительно есть промышляющіе составленіемъ документовъ, и на эту удочку часто ловятъ даже своихъ. 3-е, Документы переписываются однимъ у другого, при чемъ къ старымъ ошибкамъ не рѣдко прибавляются новыя, а у кого имѣется ближайшій къ подлиннику, доискаться нѣтъ возможности. Если же въ числѣ 32 документовъ, собранныхъ человѣкомъ, который, вполнѣ сознавая свой трудъ несовершеннымъ, просилъ, въ самомъ предисловіи къ нему, не оставить его своимъ совѣтомъ, нашелся одинъ подложный, т. е., искаженный, то изъ за этого развѣ позволительно окричать обнародованіе прочихъ тридцати документовъ, добытыхъ тамъ, куда доступъ труденъ, жалкимъ, а

тѣмъ болѣе небезвреднымъ явленіемъ въ Литературѣ? Не уже ли Г. Субботинъ, занимающійся нѣсколько лѣтъ Расколомъ, не ошибался ни разу? Въ напечатанномъ имъ о Расколѣ съ разборомъ не уже ли не оказывалось послѣ безразборнаго, неточнаго, даже ничтожнаго? Да, кто прослѣдитъ все, написанное имъ доселѣ по Расколу, къ сожалѣнію, не можетъ не подумать, судя по его самоувѣренному тону, что онъ считаетъ себя совершенно не причастнымъ этому общему грѣху человѣчества, или, по крайней мѣрѣ, если и подверженнымъ, то въ самой малой степени. Напрасно старается онъ увѣрить, что обнародованные мною документы, не всѣ новости, были давно уже напечатаны Игуменомъ Пареніемъ, и также извѣстны изъ нѣкоторыхъ болѣе новыхъ сочиненій о Расколѣ: если бы и это было дѣйствительно такъ, то какимъ же образомъ появленіе моего собранія обратило на себя вниманіе людей, не менѣе моего, рецензента, интересующихся Расколомъ и слѣдящихъ за нимъ, именно своей новостью и полнотою? Даже за напечатаніе Окружнаго Посланія старается онъ умалить заслугу оговоркой: «Два года тому назадъ, первый разъ (?) знакомя читающую публику съ Окружнымъ Посланіемъ, мы, де, сами очень желали напечатать вполнѣ это любопытное сочиненіе, но, не имѣя на то права (будто бы ужь только права?!), ограничились тѣмъ, что изложили его in extenso». Знакомы намъ очень хорошо эти изложенія Г. Субботина, in extenso не по одному только Окружному Посланію. При соли хлебнется, къ слову молвится. Но мы не послѣдуемъ примѣру нашего рецензета, осыпающаго нашъ Очеркъ всѣми прелестями своего краснорѣчія, въ родѣ того, что «оно, де, обличаетъ совершенное незнаніе дѣла, писано на обумъ, авторъ его не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о Расколѣ, цивилизованный авторъ, разсказъ его неудобочитаемъ и неудобопонимаемъ (это, конечно, знаніе языка Русскаго!), однимъ словомъ: это жалкое и небезвредное явленіе въ нашей Литературѣ», и т. п. Такія словоизверженія богатой и ни чѣмъ не сдерживаемой фантазіи Г. Субботина, разумѣется, въ глазахъ человѣка, способнаго сколько ни будь отличать бѣлое отъ чернаго, не въ силахъ уронить нашъ трудъ до той степени, до которой очевидно ратующій противъ него стремится. Доказательства его на это, надѣемся, послѣ сказаннаго нами въ отвѣтѣ, не доказываютъ того. И мы, не желая остаться у него

въ долгу, конечно, не полѣзли бы за словомъ въ карманъ; но, повторяемъ, мы не послѣдуемъ въ этомъ примѣру его: мало ль можно чего, да не для чего. Невольно, однако, вспоминаются намъ тутъ слова нашего многоуважаемаго Архипастыря: «Духъ порицанія бурно дышетъ въ области Русской письменности,»—и дышетъ, прибавимъ, до забвенія не только всякой правды, но также самообладанія и самыхъ первыхъ началъ гражданскаго общежитія и приличія.

К. Николаевъ.

Февраль, 1866 г.

II.

Годъ тому назадъ, и день почти въ день, читанъ былъ въ Совѣтѣ Императорскаго Московскаго Университета Докладъ Коммиссіи, наряженной для обсужденія, по предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Проекта Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, который и принятъ былъ всѣми единогласно, кромѣ одного Члена. Въ этомъ Докладѣ, а также и въ Отдѣльныхъ Замѣчаніяхъ на Проектъ одного изъ Членовъ Коммиссіи, напечатанныхъ во 2-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» того же 1865 года, подробно разсмотрѣнъ предлагавшійся Проектъ: были высказаны замѣчанія на все главное и существенное въ немъ. Одинаковаго свойства были и тѣ замѣчанія, которыя представили и прочіе Русскіе Университеты и, знаменательно въ высшей степени, съ ними совпали во всемъ и сужденія всей нашей періодической Литературы, кромѣ, если не ошибаемся, «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника.» Разумѣется, ожидать въ этомъ случаѣ математическаго совпаденія мнѣній было бы странно: у каждаго свой царь въ головѣ. Стало быть, высшія ученыя учрежденія и печать свое дѣло сдѣлали: оставалось ожидать спокойно, чтобы придержащая власть сдѣлала свое. Такъ нѣтъ! Въ № 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» этого года (12-го Марта) помѣщена

передовая статья, отъ 11-го Марта, въ которой докладывается, что Проектъ новаго Устава Академіи Наукъ наконецъ, послѣ продолжительныхъ административныхъ соображеній, представленъ въ высшую законодательную инстанцію. «И это обстоятельство,» сказано далѣе, «возлагаетъ на насъ обязанность поговорить объ Академіи Наукъ съ тою частію Русской публики, которая интересуется судьбой просвѣщенія и учености въ Россіи.»

Приступая къ бесѣдѣ, новый ратователь за Академію (говоримъ новый, по тому что ни полетъ, ни оборотъ его не указываютъ на перо Редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», напротивъ, весь пошибъ даетъ знать, что это—единъ отъ присныхъ самой Академіи) утверждаетъ, что Уставъ есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи; гораздо важнѣе его преданія и обычаи, сложившіеся временемъ и поддерживающіе въ ней ея духъ; по этому, продолжаетъ онъ, возникаетъ даже недоумѣніе о томъ, въ какой степени настоитъ необходимость передѣлывать Уставъ, даже вовсе не древній (1836 г.); едва ли не было бы достаточно ограничиться согласованіемъ частныхъ постановленій, изданныхъ относительно ея въ разное время, и также согласованіемъ ея Устава съ позднѣйшими общими узаконеніями. Какъ будто не для этого и предпринимается пересмотръ всякаго Устава и издается новый, согласованный съ позднѣйшими узаконеніями и т. п.! По его мнѣнію, между прочимъ, нужно только, для блага Академіи Наукъ, Второе или Русское Отдѣленіе ея такъ согласовать съ остальными двумя Отдѣленіями (I Физико-Математическимъ и III Историко-Филологическимъ), чтобы Члены онаго Отдѣленія оставались на прежнемъ кормленіи, т. е., служили бы изъ за одного титла Академика, или, другими словами, ищучи себѣ чти, а Князю славы, какъ выражались наши предки. Чтобы сообщить хотя тѣнь правдоподобія такому своему мнѣнію (вопреки требованію и Проекта и всей нашей печати, т. е., уравненія Членовъ 2-го Отдѣленія съ прочими Членами Академіи), защитникъ смотритъ на 2-е Отдѣленіе все еще какъ на Россійскую Академію, говоря, что Академія Словесности и Академія Наукъ — несовмѣстимыя понятія; что слитіе ихъ воедино не было счастливою мыслію, онѣ соединены неестественной связью. По чему же? По тому, что задача первой, говоритъ онъ, блюсти чистоту Русскаго языка, что

вовсе не дѣло учености, а скорѣе дѣло вкуса, поддерживаемаго опытностью. Словно въ самомъ дѣлѣ такова должна быть задача 2-го Отдѣленія! Не уже ли онъ полагаетъ, что Члены его дѣйствительно въ состояніи, при самомъ искреннемъ желаніи своемъ, блюсти чистоту Русскаго языка, предохранить его отъ порчи и тому подобнаго, не смѣютъ дѣлать надъ нимъ ученыхъ изслѣдованій иначе, какъ только поступивъ въ Члены III-го Отдѣленія, или испрося на то согласіе его? А буде осмѣлятся, то это непремѣнно отзовется вредомъ для Славяно-Русской Филологіи? Замѣчательная премудрость Академическая!

Такимъ образомъ, по мнѣнію панегириста нашей Академіи, внутренняя организація ея, т. е., Уставъ, не только очень можетъ остаться въ прежней силѣ, но и надобно желать, чтобы такъ случилось. Въ этомъ, конечно, до нѣкоторой степени не мы попротиворѣчимъ, хоть и не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые смотрятъ на Академію Наукъ, какъ на какое-то особенное, новое сословіе въ Россійской Имперіи, въ силѣ и значеніи коего, по его словамъ, должны всѣ безъ изъятія служители отечественнаго просвѣщенія, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, чувствовать также и свою силу и значеніе. «Но это ужь черезъ чуръ», скажетъ кто либо. Ни чуть! Посмотрите, чѣмъ, между прочимъ, новый обожатель Академіи Наукъ силится доказать, что она принимаетъ къ сердцу дѣло Русскаго просвѣщенія? «О томъ, говоритъ онъ, достаточно свидѣтельствуетъ уже одинъ фактъ помѣщенія извѣстной статьи Г. Академика Наука въ Календарѣ на 1866 годъ.» Что же это такое въ самомъ дѣлѣ за пресловутое произведеніе? спросятъ насъ. Ничего-съ особеннаго, просто: «Нѣсколько замѣчаній о педагогическомъ значеніи древнихъ языковъ,» въ которыхъ все обстоитъ благополучно, какъ и въ сотняхъ другихъ по тому же предмету, помѣщавшихся въ послѣднее время въ нашихъ журналахъ и газетахъ. И, однако же, составитель Похвальнаго слова Академіи изловчился отъ такого простаго факта сдѣлать посылку, что Академія могла бы оказать не мало услугъ дѣлу Русскаго просвѣщенія, если бы Правительство потребовало ихъ: она могла бы служить этому дѣлу не только установкой и разъясненіемъ понятій, но, вѣроятно, не уклонилась бы и отъ труда болѣе тяжелаго. Говоря это, конечно, сочинитель Похвалы думаетъ, что споръ о классическомъ и реальномъ образованіи куда какъ уже уяснила

намъ Академія статьей своего Члена. Что до готовности ея на трудъ болѣе тяжелый, то подъ этѣмъ онъ разумѣетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то же самое, что уже разъ заявлено было самой Академіей въ ея послѣднемъ Проектѣ Устава, т. е., желаніе, чтобы молодые люди приготовлялись къ профессорскому и учительскому званію подъ надзоромъ Академиковъ. Къ чему это повело бы, и что все это въ сущности значитъ, приглашаемъ желающихъ знать то, заглянуть въ Докладъ Коммиссіи Совѣту Московскаго Университета (стр. 13 — 17).

Какъ ни отстаиваетъ, однако, повѣренный Академіи внутренняго устройства ея, которое, думаетъ онъ, очень можетъ остаться въ прежней силѣ, «все таки это, по мнѣнію его, вопросъ частный.» Важнѣйшее же тутъ составляетъ — возвышеніе Академическихъ Штатовъ. Для чего?—Для уравненія ихъ, отвѣчаетъ онъ, съ Университетскими. Это стоитъ на первомъ планѣ; это потребность безспорная; безъ этого Академія не Академія и т. д., и т. д. Не права ли же, скажите, Бога ради, была Коммиссія, утверждая, что «она испытываетъ моральную тяжесть, докладывая Совѣту о двусмысленныхъ и всегда крайнихъ стремленіяхъ составителей Проекта Академіи Наукъ: то предносится имъ идеальное, удивившее Европу, устройство Пулковской Обсерваторіи, то новые оклады и Штаты Университетскіе, которые, какъ они думаютъ, должны быть нормою наименьшаго, чего можно пожелать для Академіи, идетъ ли дѣло объ окладахъ для Академиковъ, или объ опредѣленіи количества суммы на библіотеку, или о чинахъ, которые должны быть присвоены Академикамъ. Ни въ чемъ не должно быть уступлено противъ Университетовъ, но во всемъ должны быть сдѣланы еще для Академіи прибавки къ льготамъ и правамъ Университетовъ». И въ другомъ мѣстѣ: «Такое легкое отношеніе къ дѣлу, желаніе несоразмѣрныхъ правъ и привилегій, полная нерасположенность всмотрѣться въ дѣйствительное состояніе Академіи и ея отношеніе и значеніе въ Россіи, сопоставленіе Членовъ Академіи то съ Профессорами Университетовъ, то съ Чиновниками Министерскихъ Департаментовъ, тщательное усиленіе всѣхъ возможныхъ правъ по окладу, чинамъ, пенсіонамъ, полупенсіонамъ, пенсіонамъ двойнымъ, тройнымъ и четвернымъ, при чемъ положеніе Университетовъ составляетъ только мнимый исходный пунктъ.

а дѣйствительнымъ руководящимъ началомъ служитъ представленіе совершенно другаго рода учрежденія; далѣе, увѣреніе, что для Академика нѣтъ досуга, и тутъ же возложеніе на Академика самыхъ несовмѣстныхъ съ его призваніемъ должностей, предоставленіе блестящаго матеріяльнаго обезпеченія, чтобы Академикъ могъ сосредоточиться на своей кабинетной дѣятельности, и въ то же время дозволеніе Академикамъ занимать и другія должности, сколько кто пожелаетъ: это ли (спрашиваетъ Коммиссія въ заключеніе) Проектъ учрежденія, въ которомъ долженъ всѣмъ владѣть, все покорять себѣ истинный и чистый духъ науки, въ которомъ безкорыстная преданность знанію должна покрывать собою всѣ остальныя стремленія и поражать взоръ наблюдателя тихимъ величіемъ?»

Къ такимъ многозначительнымъ и строго справедливымъ словамъ объ Академіи Наукъ, признаемся откровенно, мы ничего не находимъ прибавить съ своей стороны, развѣ только напомнить еще разъ слова лучшаго изъ Президентовъ ея, покойнаго Графа С. С. Уварова, который, въ Запискѣ своей, поданной Министру Народнаго Просвѣщенія въ первые годы своего управленія оною, сказалъ: «Вообще въ Академіи мало попеченія о казенномъ, все употреблено на частныя выгоды... Неуваженіе къ общему мнѣнію, частныя ненависти и пріязни, личности всякаго рода произвели издавна совершенный недостатокъ единодушія и прекратили всю дѣятельность Академіи.»

O cives, cives, pecuniae primum quaerendae sunt, virtus post!

14 Марта, 1866 г.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

1865 года, Октября 23-го дня.

1865 года, Октября 23-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, С. М. Соловьева, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Графа М. В. Толстого, А. Н. Аѳанасьева, В. Н. Лешкова, Соревнователя А. И. Хмельницкаго и Секретаря Общества, Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія Общества 6-го Марта, настоящаго года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Конторы Университетской Типографіи, отъ 18 Марта, пол. 19-го, о полученіи, за напечатаніе въ послѣдней 1-ой книги «Чтеній» на 1865 годъ, 513 р. 59 коп. сер.

Той же Типографіи, счетъ за напечатаніе 2-й книги «Чтеній», 1865 года, 443 р. 31 коп. сер. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 29 Марта, 1865 г., N 979, пол. 30-го, увѣдомленіе о томъ, что

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ, отъ 24 Марта, за N 2488-мъ, что, по ходатайству Г. Попечителя, на основаніи Свода Законовъ (изд. 1857 г.) т. VIII, ч. II, Об. Уст. Счет. ст. 392-й, и согласно заключенію Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, разрѣшилъ сложить съ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и исключить изъ счетовъ недоимокъ, недоимку Московскому Университету, въ количествѣ семи тысячь двухъ сотъ двадцати пяти рублей сорока пяти копѣекъ (7225 р. 45 коп. сер.), образовавшуюся въ слѣдствіе неуплаты Обществомъ за отпечатаніе въ Типографіи Московскаго Университета въ теченіи 1861 и 1862 годовъ статей Общества. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и изъявить искреннѣйшую благодарность Общества Г. Вицепрезиденту и Г. Министру Народнаго Просвѣщенія за благосклонное вниманіе ихъ къ настоятельнымъ нуждамъ онаго.

3. Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 30 Сентября, N 137, пол. 5-го Окт. 1865 г., разъясненіе ошибки, вкравшейся при помѣщеніи въ «Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія» (томъ 1-мъ) Устава Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». Секретарь отвѣчалъ, что ошибка эта давно уже была замѣчена, оговорена и исправлена самимъ Обществомъ, именно: въ Протоколѣ его 26-го Мая, 1864 г., подъ А, ст. 2-й, напечатанномъ въ «Чтеніяхъ» того же года, кн. 4-ой, отд. V, стр. 194—195. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

4. Правленія Московскаго Университета, отъ 20 Мая, N 1751, пол. 22-го, съ препровожденіемъ въ Общество отпущенныхъ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на содержаніе въ Майской трети сего года 476 руб. 16 коп. сер.

Того же Правленія, отъ 20 Сентября, пол. 21-го, объ отпускѣ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на содержаніе Общества въ Сентябрской трети сего года 476 р. 18 коп. сер. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

5. Московской Казенной Палаты, отъ 7-го Іюля, № 9891, пол. 14-го, 1865 г., увѣдомленіе съ книгою, документами за 1864 г. и квитанціею въ обревизованіи ихъ. Отвѣтъ о полученіи въ Обще-

ствѣ посланъ въ Палату 16-го Іюля, за N 189-мъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

6. Московскаго Цензурнаго Комитета, отъ 6-го Октября, 1865-го года, N 441, увѣдомленіе, на запросъ Секретаря Общества, въ какія именно мѣста и учрежденія Общество должно посылать свое повременное изданіе «Чтенія», въ слѣдствіе новыхъ постановленій о Цензурѣ?—«На основаніи ст. 68 и 79 Цензурнаго Устава и дополненій къ нимъ, періодическія изданія должны быть доставляемы въ Цензурный Комитетъ въ числѣ семи (7) экземпляровъ, изъ коихъ 1 остается въ Библіотекѣ Комитета, 1 подлежитъ отсылкѣ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, для Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 2 въ Императорскую Публичную Библіотеку (если всѣхъ экземпляровъ болѣе 600, въ противномъ случаѣ только 1), 1 въ Императорскую Академію Наукъ, 1 въ Гельсингфорскій Университетъ и 1 въ Библіотеку Московскаго Публичнаго Музея. Кромѣ того, если періодическое изданіе изъято отъ предварительной Цензуры, то 1 экземпляръ онаго, согласно новымъ законоположеніямъ о печати, изложеннымъ въ Высочайше утвержденномъ 6-го Апрѣля сего года мнѣніи Государственнаго Совѣта, слѣдуетъ доставлять къ Цензору, которому порученъ просмотръ изданія, и въ полученіи сего экземпляра онъ выдаетъ установленную квитанцію». Отсюда ясно, что Общество должно представлять въ Цензуру только семь (7) экземпляровъ «Чтеній», такъ какъ они печатаются лишь въ числѣ 600 экз., считая въ числѣ 7-ми и 1 экземпляръ для Г. Цензора. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и по оному къ исполненію.

7. Канцеляріи Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 19 Августа, 1865 г., за N 2388, пол. 20-го, о возвращеніи пергаментной рукописи № $^{175}/_{18}$ въ Московскій большой Успенскій Соборъ, которая, по окончаніи надъ нею ученыхъ работъ, и препровождена, при отношеніи Г. Вицепрезидента, въ Московскую Контору Святѣйшаго Синода, для передачи по принадлежности. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Предложенія.

8. Московскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, N 127, пол. 24 Апр., о доставленіи въ Комитетскую Библіотеку

безденежно по одному экземпляру изданій Общества за прошлое время. Опредѣлено: увѣдомить Комитетъ, что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, по своимъ матеріальнымъ средствамъ, не находитъ возможнымъ удовлетворить просьбѣ онаго Комитета.

9. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 29 Апр., N 1261, пол. 30-го, о высылкѣ въ Библіотеку новоучрежденнаго Новороссійскаго Университета въ Одессѣ своихъ изданій. Опредѣлено: отобрать, что возможно, изъ изданій Общества, и препроводить въ Новороссійскій Университетъ.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

10. Іеромонаха Арсенія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, пол. 10-го Марта: 1) «Двѣ жалованныя грамоты Императрицы Елисаветы Петровны Троицкой Сергіевой Лаврѣ на всѣ монастырскія владѣнія»; 2) «Доклады, грамоты и другіе акты о служкахъ Троицкаго Сергіева монастыря,» пол. 14-го Іюля.

11. Д. Чл. Архимандрита Макарія, изъ Новгорода, отъ 22 Марта, пол. 27-го: «Письмо Митрополита Ростовскаго Димитрія къ Митрополиту Новгородскому».

Опредѣлено: означенные матеріялы разсмотрѣть.

б. Статьями:

12. Д. Чл. Протоіерея М. Діева, изъ Нерехты, отъ 22 Марта, пол. 27-го: «Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону, и что извѣстно объ этомъ народѣ?»

13. Профессора Псковской Семинаріи Александра Князева, отъ 10 Апр.: «Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи, до преобразованія ея по Проекту Устава, Высочайше утвержденному 1814 г.»

14. Статскаго Совѣтника Николая Абрамова, изъ Семипалатинска, отъ 8-го Мая, пол. 2-го Іюня, 1865 г.: 1) «Нѣсколько свѣдѣній о Ѳедорѣ Ивановичѣ Соймоновѣ, Сибирскомъ Губернаторѣ съ

1757 по 1763 годъ; 2) Дополненіе къ статьямъ, помѣщеннымъ въ «Чтеніяхъ» за 1864 годъ о Митрополитѣ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, и 3) Ода на коронованіе Императора Павла 1-го».

15. Д. Чл. П. В. Хавскаго, отъ 22 Іюля, пол. 24-го: «Церковное счисленіе».

Опредѣлено: означенныя статьи разсмотрѣть.

в. Книгами:

16. Д. Чл. Архимандрита Макарія, отъ 22 Марта, пол. 27-го, печатная статья: «Св. Діонисій, Архіепископъ Суздальскій, основатель Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Новгородъ 1864».

17. Профессора Львовскаго Университета, Я. Ѳ. Головацкаго, отъ 3 Генваря, 1865 г., пол. 30-го Марта: 1) «Науковый сборникъ, издаваемый Литературнымъ Обществомъ Галицко-Русской Матицы. Выпускъ 1. Львовъ. 1865 г.»; 2) «О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи со временъ Австрійскаго владѣнія въ той землѣ. Соч. Я. Ѳ. Головацкаго». Особый оттискъ изъ 2-го выпуска Науковаго Сборника. 1865 г. Львовъ. 1865 г.

18. Императорской Публичной Библіотеки, отъ 14 Апр., пол. 16-го, 1865 г.: 1) «Отчетъ ея за 1864 годъ. Спб. 1865 г., и 2) Catalogue des manuscrits, Grecks de la Bibliotheque Impériale publique. Avec 9 planches lithographiées. St.-Pétersbourg. 1864».

19. Московской Духовной Академіи, отъ 23-го Апр., N 98, пол. 26, экземпляръ «Сборника, изданнаго Академіею по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія. 1864 г. М.»

20. Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 11-го Апр., N 212, пол. 28-го «Отчетъ Коммисіи за 1863 годъ. Спб. 1864 г.».

21. Московскаго Археологическаго Общества, отъ 19-го Мая: «Труды Московскаго Археологическаго Общества. Томъ 1-й, выпускъ I. М. 1863 г.»

22. Редакціи журнала: «Труды Кіевской Духовной Академіи» отъ 6-го Мая, N 546, пол. 21-го, увѣдомленіе о полученіи

«Чтеній» за 1860—64 г., въ обмѣнъ на «Труды» за тѣ же годы, по высылкѣ послѣднихъ въ Общество.

23. Управленія Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 11-го Іюня, N 2533, пол. 25-го, экземпляръ III-го тома «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Державами иностранными. Сбп. 1865 г.»

24. Д. Чл. П. В. Хавскаго, отъ 22-го Іюня, пол. 22-го; «Азбучной Указатель къ 12 книгамъ «Плутархъ для юношества. М. 1865 г.»

25. Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ Губернаторѣ, отъ 26-го Іюня, N 106, пол. 11-го Авг., экземпляръ изданій ея, именно: 5 томовъ «Архива Юго-Западной Россіи,» двѣ брошюры: 1) «Отвѣтъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, по поводу выхода въ свѣтъ 2-й части Архива Юго-Западной Россіи, Кіевъ. 1861, и 2) О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-Западной Россіи. Н. Иванишева. Изданіе Кіевской Археографической Коммиссіи. Кіевъ 1863 г.»

26. Директора Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, отъ 22-го Сент., N 479, пол. 23 Сент., экземпляръ изданныхъ имъ «Антропологическихъ Извѣстій», томъ 1-й, М. 1865 г.»

27. Д. Члена С. М. Соловьева: томъ XV-й «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ. М. 1865 г.»

Опредѣлено: означенныя книги сдать въ Библіотеку Общества.

Въ концѣ засѣданія Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную третью книгу «Чтеній» 1865 г. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. II. Баба-Яга. Профессора Харьковскаго Университета, А. А. Потебни.

II. Матеріялы Отечественные. Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова. 1801—1812 г.

III. Матеріялы Славянскіе. Митеріялы для Исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою Республикою. Съ приложеніемъ плана Рагузы и карты военныхъ дѣйствій Русскихъ въ области Рагузской Республики въ 1806 г. Соч. В. В. Макушева.

IV. Матеріялы Иностранные. Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Михаилъ Саймесъ. Изъ Länder-und Völkerkunde in Biographien v. Dr. Ph. Hedw. Külb, перев. Соревнователь Общества А. Н. Шемякинъ.

V. Смѣсь: 1. Послѣдніе годы жизни Государыни Царицы Евдокіи Ѳедоровны. Н. Дубровскаго. 2. Его же. О женѣ князя Михайла Алексѣевича Голицына, Итальянкѣ. 3. А. Н. Радищевъ. 4. Письмо Александра Ушакова къ А. Н. Радищеву въ Малый Ярославецъ, 1797 г. 5. Движеніе Латышей и Эстовъ въ Ливоніи съ 1841 года. 6. Справка по дѣлу о присоединеніи къ Православію крестьянъ Прибалтійскихъ Губерній. 7. О необходимости ввести во всѣхъ Губерніяхъ и Областяхъ Имперіи Русскіе органическіе законы. 8. Письмо Г. Ф. Миллера къ Тобольскому Вице-Губернатору Бибикову 1739 г. 9. Письмо С. Я. Румовскаго въ Академію Наукъ, 1761 г. 10. Нѣсколько свѣдѣній о Ѳ. И. Соймоновѣ, бывшемъ Сибирскомъ Губернаторѣ. Н. Абрамова. 11. Очеркъ Исторіи Поповщины съ 1846 года, съ документами К. Н. Николаева. 12. Краткая Записка о С.-Петербургской Академіи Наукъ. Президента ея С. С. Уварова. 13. Объясненія.

Опредѣлено: 3-ю книгу «Чтеній» 1865 г. раздать Гг. Членамъ, присутствующимъ и разослать отсутствующимъ (роздана и разослана).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. Посвященіе. — Предисловіе. — Вступленіе. — Значеніе слова «побѣда» и Отдѣленіе I. На канунѣ битвы. И. П. Липранди. . . . . Стран. 1 — 17

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Архивъ Военно-походной Канцеляріи Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Часть III. 1774 — 1777. Сооб. М. О. Судіенко. . . . . 1 — 274

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Унирерситетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Пѣсни Угорской Руси. — Добавленіе: 1. Пѣсни, собранныя въ Стрыйскомъ Округѣ. . 536 — 624

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерле-

зунда въ Лейпцигѣ 1620. Часть II. Переводъ съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества. А. Н. Шемякина. . . . . 89 — 184

V.

СМѢСЬ.

Грамота Петра I-го 1695 года жителямъ города Переяславля Южнаго на право Магдебургское, вольности и земли. Изъ бумагъ А. В. Терещенка. . . 1 — 7
Донось на откупщиковъ и компанейщиковъ, расхищающихъ казну и спаивающимъ народъ, Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. . . . . 8 — 13
Указъ Епископа Переславскаго Амвросія, Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту, о неломаніи стараго до основанія. . . . . 14 — 16
Описаніе выбора Депутата отъ города С.-Петербурга въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. . . . . 17 — 18
Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи, отъ начала до преобразованія ея по проекту Устава 1814 года. Соч. А. Князева. . . . . 19 — 102
О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и измѣненіи недостатковъ, противныхъ Государственному благоустройству. . . . . 103 — 114
Изображеніе нынѣшняго состоянія Россіи (1830 г.). 115 — 132
Дѣло о припискѣ Шлоцкихъ Евреевъ къ Ригѣ. . . . 133 — 141
Поѣздка въ Англію для собесѣдованія о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною. Протоіерея при Русскомъ Посольствѣ во Франціи Іосифа Васильева. . . . . 142 — 159
О средствахъ къ исправленію экономическаго положенія Россіи. Д. Чл. С. П. Шипова. . . . . 160 — 170
Объ училищахъ для дѣвицъ Духовнаго званія. С. Ш. 171 — 176
Объясненіе. К. Н. Николаева. . . . . 177 — 185
Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 23-го Октября, 1865 года. . . . . 191 — 197

ОПЕЧАТКИ.

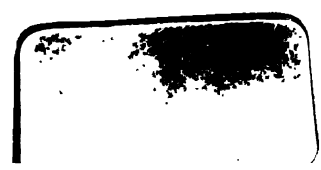
Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
15	13	Плугъ — символъ	плугъ, символъ
—	32	Божитъ	Божить
17	19	я Одинъ	я и Одинъ
28	15	плугъ	пиръ
31	11	збивъ	зъѣвъ
33	25	gienge unser	gienge unter
—	26	по чему	по тому что
35	35	çpiçk	çpiñu
36	5	ютрену	ютреню
42	5	minukgti	mink-yti
43	25	трбпыть	трапити
44	13	пинашмо	пинашими
—	18	kauru	kaurn
46	3	strnela	strucla
—	32	милаю ли	милаи ли
50	12	копи	кои
51	4	Ostenfladen	Osterfladen
—	6	кравась	кравăль
—	18	съ ночью	съ печью
53	9	коровай бувъ	коровай красенъ бувъ
55	7	бѣлый	бѣлѣй
—	8	милый	милѣй
64	15	Heiwag	Heilwag
73	19	прежнимъ	крестнымъ
74	32	kalw	kalwa
88	4	длинноносою	длинноносою
89	8	оставила	уставила
92	24	«Ци́ци́-Бабу»	«въ Ци́ци́-Бабу»
—	7	Турки	Турци
—	29	«а я зъѣмъ»	«а я выѣмъ»
95	6	воля	валя
—	17	»tania	»taria
—	30	(die Eisenne B.)	(die Eiserne B.)

Стр.	Строка.		
99	20	пряха	пряжа
—	—	gulium	galium
—	33	gąstym	gęstym
100	3	понизлѣтуются	поназлѣтуются
—	19	снѣга	снѣги
—	21	по по́дгорою	по по́дго́рью
—	27	зъ вырею	зъ выраю
—	37	“ Метл. 201	“ Метл. 211.
103	30	по чему	по тому что
—	33	678 и сл.	768 и сл.
104	27	Mě zubů	Ale zubů
105	35	gib dir C.	gib dir e
106	4	спрядки	супрядки
—	10	по чему	по тому что
107	16	zyb	zub
108	6	даетъ	даетъ основаніе
—	17	штяпова	штапова
—	19	са штаповими	са штаповима
110	13	vo...	ve...
114	6	Sebrani spisy	Sebrané spisy
118	21	мо́ря	мо́рія
—	29	это—моровая	эта моровая
120	31	Murrane	Murraue
121	23	стали	сталъ
122	10	занести	завести
—	26	Принести	Принесши
124	28	Rücke	Rücken
125	18	жихарька	жихарько
126	28	исходили	шкодили
128	25	о великантѣ	о великаншѣ
129	27	готовленномъ	въ приготовленномъ
131	10	jędzu	jędza
132	18	lapi)	lapé)
134	10	ляпу	лапу
135	10	нѣкоторыя, хотя	нѣкоторыя. Хотя
136	17	сыкорко	свекорко
137	11	обѣдаетъ	съѣдаетъ.
—	22	въ Нѣмецкомъ	въ Нѣмецкой
138	8	Норвежской царь	Норвежской—царь
—	9	коношъ котовичъ	коқошъ кокотовичъ.
—	18	кокоша	кокота
143	9	Haufbrecte)	Hanfbrecte
—	24	Hink	blink
146	28	дочкѣ	дочка

Стр.	Строка.		
—	32	Haulemämurchen	Haulemännerchen
147	27	вѣдьмъ	вѣдьмѣ
148	17	Т. е.	Т. обр.
—	25	Слав.	Слов.
152	20	Баба корнями	Баба коризма
153	25	человѣкообрачному.	человѣкообразному
154	32	Баба-кобылья	была кобылья
157	16	и слѣд. Кумельчанъ,	Кумельчаниць
158	1	Tatršíkách	Tatošíkách
161	14	царевичу	царевичеву
166	7	ихъ, т. е.,	ихъ т. о.
171	2	виленакъ	виловнякъ
172	36	и мѣдною,	и мѣдною стѣною,
173	21	на (грану,	(«на грану»,
176	35	да будетъ	добудетъ
179	30	загадкѣ	догадкѣ
180	27	Т. е.	Так. обр.
185	8	J. K. z Kadost.	J. K. z Radost
193	31	Т. е.	Так. обр.
196	5	съ ними	съ нимъ
198	2	дочерьею	дочерью ея
—	14	свѣжа	свѣтла
199	31	po otevrení	po otevření
200	22	бугаста	вугаста
—	24	Єв	в
—	30	Єв	в
201	10	сказками	сказками
	20	Murrane	Murraue
202	1	красную	красивую
—	7	меленькими	маленькими
—	10	рѣку	рѣпу
—	11	рѣка	рѣпа
—	20	о дѣвицѣ»	о дѣвицу»
—	24	«нянька-мамка»	«няньки-мамки»
—	28	плясать это	плясать, что
207	10	скаскѣ	сказкѣ
—	17	влезъ	влѣзъ
208	29	карканіа	карканіа
209	6	ор въ ра	ар въ ра
210	24	Игрзрачила	Иггразила
212	20	быка	бока
—	36	буцівокъ	бузйвокъ
213	5	пастухомъ и Зевсомъ,	пастухомъ, и Зевсомъ
—	9	кедзъ ю	кедзъ го

215

Стр.	Строка.		
246	14	Индра	Индійскій
247	21	своею	своего
—	27	Али	Аги
—	34	Сачи	Сачй
251	25	оружіемъ, то	оружіемъ) то
253	16	d'âca	dâca
255	2	мерть	смерть
—	32	находимъ	находитъ
256	16	утопить	ухопить
257	9	Зарьку	Зорьку
258	26	Али	Аги
260	31	Али	Аги
263	9	черепья	черенья
	26	потоки одъ	потоки водъ
265	29	полоса къ полосѣ	полова къ половѣ
267	12	Валкиріи и Брингильды	валкиріи Брингильды
—	15	Сигуръ	Сигурдъ
—	—	Гримгильдѣ	Кримгильдѣ
—	34	кузнеческаго	купецкаго
269	6	притворился	претворился
—	8 9	Моря. Такъ	моря; такъ
271	5 6	Прекрасной. Медвѣдь	Прекрасной медвѣдь
—	26	на лозѣ	на лозы
272	13	Mrdotús	Mrdofús
—	23	сказкѣ соотвѣтсвующее	сказкѣ лицо соотвѣтствующее
275	3	думаетъ, Сушна	думаетъ, что Сушна
—	7	Али	Аги
—	11	трава	труба
—	27	вѣщимъ	пьющимъ
276	5	измокъ	смокъ
	9	дождь	дождь;
—	10	сѣетъ	сосетъ
	17	ťymu	ťymu
—	29	Брун.	Бѣлорусс.
—	30	напоминало	паносимаго
277	12	похмула	потмула
278	1	скотный	скотской
—	21	Jormen-gandr	Jörmun-gandr
—	26	suncec	sunčec
—	30	Славянское	Словенское
279	13	нарицаются	нарицають се
—	36	su meszke neckasi	su meszka neekèsi
280	12	Волошск.	Вологодск.
—	36	вамъ	вам

Стр.	Строка.		
281	1	въ Польской	Польскимъ
—	8	кукурузіехъ	кукурузніехъ
282	7	приколичь (женск.)	приколичь (жен. приколичоне)
283	22	имени	и мени
284	6	замнюче	замгоче
—	24—25	но сливается	не сливается
—	37	у Гетте	у Темме
285	32	Munory	Murony
287	17	ворить	варить
—	19	обмѣннишь	обмѣнышь
288	5	скрадывыя	скрадывая
—	7	намиснику	на миснику
—	10	противной	проливной
—	25	токой	такый
290	23	перенесено	перенесены
291	36	Aeratuos	Aera tuos
292	3	podojš	podojíš
—	10	snušeninu	smíšeninu
—	22	třikrte	třikráte
—	23	obracení	obracené
—	24	muská	mrská
—	29	вѣдьмы	вѣдмами
—	31	вкунула	вкинула
293	11—12	убывашета	убивашета
294	2	кою жену	на кою жену
—	9	упыря,	упыря)
—	27	skand	skaud
—	30	сопящій	гонящій
295	16	nic jé	nie jé
—	17	темноты	темнота
—	18	падаютъ. Ночной	падаютъ, ночной
296	13	мара	мары
—	16	zhare	žhaře
—	22	на ёшъ	па ёшъ
297	20	brunstwarzen	brustwarzen
298	17	die Tunde	die Trude
—	21	замкнувши	заткнувши
299	4	(полом	(потомъ
—	14	попадаютъ	нападаютъ
300	21	obliži	obliže
301	17	ungezieter	ungezifer
—	18	приносимое	не приносимое
—	26	врикна	врукńа
—	27	latus	latro

Стр.	Строка.		
303	24	povènečného	pověrečného
304	5	коорою	которою
—	15	намъ	наши
306	16	vložejíc	vložejí
—	16—17	nakvasuje	nakvašuje
—	33	chlopodauch	chlopolouch
—	—	chliopau	chliopan
308	9	nerotrebované	nepotřebované—
—	11	boleseti	bolesti
—	24	одинъ	Одинъ
—	25	svefuporn	svefnthorn
309	7	порошка	нароста